

ОДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЛУПОСТИ

От Трои до Вьетнама

Барбара ТАКМАН

ДВАЖДЫ ЛАУРЕАТ ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ —
О РОКОВЫХ ОШИБКАХ, ИЗМЕНИВШИХ ХОД ИСТОРИИ!

Барбара Такман

«Ода политической глупости. От Трои до Вьетнама»

*Не вижу причин, почему кто-то
может предполагать, что
мотивы прошлого не прозвучат
в будущем снова, как и
прежде... Разумные люди
используют их для разумных
свершений, безумцы обратят их
в абсурд и беды.*

**Джозеф Кэмпбелл.
Предисловие к книге
«Маски бога: первобытная
мифология» (1969)**

БЛАГОДАРНОСТИ

Мне хотелось бы поблагодарить тех, кто внес свой вклад в эту книгу: профессора Уильяма Уилкокса, ответственного редактора архива Бенджамина Франклина в Йельском университете, за критическое прочтение четвертой главы; Ричарда Дадмена, бывшего шефа бюро «Сент-Луис пост диспатч» в Вашингтоне и автора книги «Сорок дней с врагом» (записи о пребывании в плену в Камбодже), за прочтение пятой главы; профессора Нельсона Минника из Американского Католического университета за прочтение третьей главы. Прочтение не подразумевает согласия, особенно в последнем случае. Ответственность за все истолкования и мнения несу я одна.

За консультирование и разнообразную помощь я благодарна: профессору исторического факультета Гарвардского университета Бернару Бейлину; доктору Питеру Данну, автору исследования по возвращению французских войск во Вьетнам в 1945 году; Джеффри Рейсу за то, что он познакомил меня с истинным смыслом термина «когнитивный диссонанс»; полковнику Гарри Саммерсу из Армейского военного колледжа; Дженис Креслинс из библиотеки Совета по международным отношениям, а также всем людям, упомянутым в библиографии к пятой главе, — они были так добры, что уделили время для бесед со мной.

Я в долгу перед профессором факультета античной литературы Гарвардского университета Эмили Вермюэль, перед Джоан Сасслер из музея Льюиса-Уолпола в Фармингтоне, штат Коннектикут, и ее коллегой Марком Пактером из Национальной портретной галереи в

Вашингтоне; перед отделом репродукций и иллюстраций, а также греко-римским отделом Музея искусств Метрополитен в Нью-Йорке; перед отделом репродукций и фотографий Библиотеки Конгресса США; перед Чарльзом Грином из Музея карикатур, Кэтрин Прентисс из Совета газет и комиксов; перед Эстер Грин из «Эй Эм Хит энд компани» в Лондоне за ее работу в Национальной портретной галерее (в Лондоне) и Британском музее. Своим воплощением в печатном виде моя рукопись обязана Мэри Макгвайр из издательства «Альфред Нопф», которая не сбилась с пути в потоке разобщенных материалов и укрепила слабые места. Особая благодарность Робин Соммер за самоотверженный и эффективный контроль над точностью корректуры.

Также я благодарна своему мужу, доктору Лестеру Р. Такману, за предложение упомянуть Ровоама и за то, что он отыскал материалы о древней продолжительной войне ассирийцев; моей дочери и зятю, Люси и Дэвиду Айзенбергам, и моей дочери Эльме Такман за прочтение рукописи и полезные замечания; моему агенту Тимоти Селдсу из агентства «Рассел энд Волкенинг» за уделенное время и оказанную помощь всегда, когда была необходимость; и моему редактору и издателю Роберту Готтлибу за критические замечания и за то, что он терпеливо выслушивал по телефону сетования и причитания автора.

Барбара Такман

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОЛИТИКА ПРОТИВ СОБСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

На протяжении всей истории человечества, независимо от времени и места, правители всегда преследовали скорее политические цели, нежели личные интересы. По сравнению почти со всеми прочими сферами своей деятельности человек, можно сказать, хуже всего проявил себя в правлении. Мудрость, которую можно определить как вынесение суждений на основе опыта, здравого смысла и доступной информации, в этой области работает хуже и разочаровывает больше, чем должна бы. Почему люди, занимающие высшие посты, столь часто действуют вопреки разуму и личному мнению, которое является верным? Почему столь часто подводит нас сам процесс мышления в правильном направлении?

Начать хотя бы с того, почему правители Трои согласились ввезти подозрительного деревянного коня в свои стены, несмотря на множество причин ожидать от ахейцев подвоха? Почему сменявшие один другого министры Георга III настаивали на политике принуждения, а не умиротворения американских колоний, несмотря на доводы многих советников — мол, из этого может получиться больше вреда, чем пользы? Почему Карл XII и Наполеон, а после Гитлер пытались завоевать Россию, несмотря на неудачи

предшественников? Почему Монтесума, имевший в своем распоряжении лютую неудержимую армию и город с населением в 300 тысяч человек, пассивно сдался нескольким сотням чужеземных завоевателей даже после того, как стало ясно, что они простые смертные, а не боги? Почему Чан Кайши отказывался прислушаться к здравому смыслу и не задумывался о реформах до тех пор, пока однажды утром не увидел, что страна ускользнула от него? Почему государства-импортеры нефти конкурируют друг с другом за доступные запасы, хотя единый фронт по отношению к экспортерам помог бы им контролировать ситуацию? Почему в последнее время британские профсоюзы разыгрывают глупые спектакли и периодически парализуют страну, видимо полагая, что они — сами по себе и к остальному обществу не имеют никакого отношения? Почему американский бизнес настаивает на «расширении», тем временем активно истощая основные ресурсы, необходимые для жизни на нашей планете, — почву, воду и чистый воздух? (Профсоюзы и бизнес не являются непосредственно правлением в политическом смысле, однако они оказывают влияние на ситуации управления.)

В любой области, кроме правления, человек достиг невероятного: в наши дни он изобрел аппараты для полетов от Земли до Луны; в прошлом укротил ветер и электричество, поднял с земли камни и превратил их в устремленные к небу соборы, соткал шелк из коконов, сотворил музыкальные инструменты, заставил двигатель работать от пара, остановил развитие болезней либо излечил от них, заставил отступить Северное море и создал на его месте сушу, классифицировал все формы жизни, проник в тайны космоса. «Прочие науки продвинулись далеко вперед, — признавал наш второй

президент Джон Адамс, — однако наука управления не сдвинулась с места, сегодня она работает почти так же, как три или четыре тысячи лет назад».

Плохое правление существует в четырех формах, которые часто сочетаются. Это 1) тирания или гнет (подобных примеров в истории слишком много и они слишком хорошо известны, чтобы их приводить); 2) чрезмерные амбиции, такие как предпринятая Афинами попытка завоевать Сицилию в Пелопоннесской войне; попытка Филиппа II покорить Англию с помощью Великой Армады; задуманный «высшей расой» и дважды предпринятый Германией захват Европы; претензии Японии на господство в Азии; 3) некомпетентность или своеобразие. Эта книга повествует о последнем в различных конкретных проявлениях, а именно — в осуществлении той или иной политики вопреки личным интересам при участии избирателей или государства. Личный интерес — это все, что способствует благоденствию или выгоде тех, кем правят, тогда как безумие — это политика, которая при данных условиях приводит к обратным результатам.

Чтобы политику можно было назвать безумной, она должна отвечать трем условиям.

Во-первых, ее должны признать нецелесообразной уже современники, а не только потомки. Это важно, потому что политика определяется продолжительностью. «Нет ничего более несправедливого, — сказал как-то английский историк, — чем судить людей прошлого представлениями настоящего. Что бы ни говорили о морали, политическая мудрость — это определенно временное явление». Чтобы не судить современными ценностями, мы должны помнить о времени и

исследовать только те эпизоды, которым недоставало благоразумия, по мнению их современников.

Во-вторых, должен существовать альтернативный ход действий. Чтобы отделить проблему от личности, третий критерий должен быть таким: такой политики обязана придерживаться группа людей, а не индивидуальный правитель, и эта политика должна просуществовать дольше срока правления одного человека. Плохое правление одного монарха или тирана встречается слишком часто, и оно слишком индивидуально, чтобы заслуживать общего исследования. Коллективное правление или смена правителей в одном и том же кабинете, как в случае римских пап эпохи Возрождения, поднимает более значимую проблему. (Троянский конь, если не вдаваться в подробности, — исключение для того времени, а Ровоам — исключение для людей той поры; но каждый является настолько классическим и ранним примером дошедшей до нас истории правления, что показывает, насколько глубоко укоренился феномен безумия.)

Проявления безумия не зависят ни от эпохи, ни от места; они безвременны и универсальны, хотя привычки и верования конкретного времени и места определяют их форму. Безумие не связано с режимом: монархия, олигархия и демократия производят его в равной степени. Нет у безумия и приверженности к определенной нации или классу. Рабочий класс, представленный коммунистами, ведет себя у власти не умнее и не эффективнее, чем средний класс, что показывает недавняя история. Мао Цзэдуном можно восхищаться во многих отношениях, но Большой скачок, с его сталелитейными заводами в каждом дворе, и «культурная революция» были упражнениями в безумии,

которые сильно помешали прогрессу и стабильности Китая, не говоря уж о репутации председателя Мао. Времена, когда пролетариат был у власти в России, едва ли можно назвать светлыми, хотя спустя шестьдесят лет они, возможно, увенчались своего рода жестоким успехом. Если большинство населения России живет сейчас благополучнее в материальном плане, чем раньше, то цена жестокости и тирании от этого не умаляется; возможно, успехи обошлись даже дороже, чем при царях.

Французская революция, великий прототип радикально-либерального управления, быстро вернулась к венценосной автократии, как только нашла способного управленца. Революционные режимы якобинцев и Директории могли собраться с силами, избавиться от внутренних врагов и уничтожить внешних противников, однако не могли управлять даже собственными сторонниками, чтобы поддерживать внутренний порядок, создавать компетентные правительства или собирать налоги. Новый порядок спасли лишь военные кампании Бонапарта, которые военными трофеями пополняли казну, а позже — способность Бонапарта руководить. Он выбирал чиновников по принципу «Карьера открыта талантам» (*la carrière ouverte aux talents*), — и необходимыми талантами считались ум, энергичность, работоспособность и подчинение. Принцип работал до тех пор, пока сам Наполеон, классическая жертва гордыни, из-за слишком высоких запросов не уничтожил себя.

Можно задаться вопросом: почему, если глупость или порочность присущи отдельным людям, мы должны ожидать чего-то другого от правительств? Причина в том, что глупость правительства оказывает глобальное

влияние на большее число людей, чем глупость одного человека, и, тем самым, обязанность правительства — поступать разумно. Именно так, и если это известно уже давно, почему человечество не предпринимает мер предосторожности и не ограждает себя от неразумия? Такие попытки были, начиная с Платона, предложившего создать особое сословие, которое обучали бы профессионально управлять. Согласно его схеме правящий класс в правильном обществе должен состоять из людей, обученных искусству управления, рациональных и мудрых. Платон признавал, что такие люди встречаются редко, а потому их необходимо выводить и воспитывать методами евгеники. Управление, говорил он, есть особое искусство, в котором, как в любой другой профессии, можно преуспеть только через изучение предмета, и никаким другим способом. Идеалом Платона, красивым и недостижимым, был правитель-философ. «Когда цари философствуют, а философы царствуют — мир благоденствует». А «доколе философы не будут царствовать, или цари не станут философами, не будет спасения — ни государству, ни роду человеческому». И так оно и было.

Глупость и невежество, источники самообмана, суть факторы, играющие весьма важную роль в управлении. Они ведут к оценке ситуации с позиций предвзятости и упрямства, к игнорированию или опровержению любых признаков противоположного. Они действуют по собственному желанию и не позволяют фактам отклонить их от заданного курса. Данный подход кратко описан одним историком в заметках о Филиппе II, короле Испании, переплюнувшем глупостью всех правителей. «Ни один провал не смог поколебать веру Филиппа в исключительное совершенство его политики».

Классическим примером является и «План 17», французский план войны 1914 года, составленный с упором на атаку. Все усилия французов были сосредоточены на продвижении к Рейну, что оставило Францию практически без защиты; эту стратегию можно оправдать лишь абсолютной уверенностью в том, что немцы не смогут собрать достаточно крупную армию, чтобы продолжить вторжение в западную Бельгию и французские прибрежные провинции. Эта самонадеянность исходила из столь же твердого убеждения, что немцы никогда не перебросят резерв к линии фронта. Свидетельства обратного, которые начали просачиваться в Генеральный штаб Франции в 1913 году, были проигнорированы по приказу, запрещавшему любые «слухи» о возможном продвижении Германии на запад, чтобы не смущать солдат, идущих на восток, к Рейну. Когда началась война, немцы быстро подтянули резервы и продвинулись далеко на восток, в результате обеспечив затяжной характер войны и ее ужасные последствия для нашего века.

Глупость — это еще и отказ учиться на опыте, и в этом никто не способен сравниться со средневековыми правителями XIV века. Не важно, сколь часто и явно девальвация подрывала экономику и озлобляла народ: французская династия Валуа прибегала в ней всякий раз, когда нуждалась в деньгах, — до тех пор пока не вызвала восстание буржуазии. В войне, ремесле правящего класса, глупость особенно очевидна. Не важно, сколь часто кампания, ведущаяся за счет ресурсов вражеской страны, приводила к обнищанию и даже голоду, как во время завоеваний Англией французских земель в Столетней войне, — войны, для

которых подобный исход был неизбежен, предпринимались регулярно.

Король Испании начала XVII века, Филипп III, как рассказывают, умер, перегревшись от долгого сидения у горящего камина, а все потому, что слуга, чьей обязанностью было тушить камин, не явился по монаршему зову. В конце XX века кажется, что человечество приближается к подобной стадии самоубийственной глупости. Обстоятельства часто складываются настолько глупо, что имеет смысл выделить только самые значительные: почему бы сверхдержавам не начать взаимное разоружение? почему мы вкладываем все свои умения и ресурсы в гонку вооружения, победа в которой слишком кратковременна, чтобы вообще стоило за нее бороться, а не в попытки изобрести вечный двигатель — другими словами, в жизнь, а не смерть?

На протяжении 2500 лет политические философы, от Платона и Аристотеля, от Фомы Аквинского, Макиавелли, Гоббса, Локка, Руссо, Джефферсона, Мэдисона и Гамильтона до Ницше и Маркса, размышляли над главными вопросами этики, независимости, «общественного договора», прав человека, власти, баланса свободы и закона. Мало кто, за исключением Макиавелли, который изучал государство таким, каково оно есть, а не таким, каким оно должно быть, хоть немного тревожился по поводу обыкновенной глупости, хотя глупость — хроническая и чрезвычайно распространенная проблема. Шведский канцлер граф Аксель Оксеншерна во время Тридцатилетней войны, при правлении гиперактивного Густава Адольфа, и фактический правитель страны в период правления дочери Густава Кристины, пережил достаточно, чтобы

перед смертью прийти к заключению: «Знай, сын мой, как мало мудрости у тех, кто правит миром».

Абсолютизм долго был привычной формой правления, и он оставил немало ярких примеров того, как человеческие качества приводят к безумию в управлении со времен первых письменных источников. Ровоам, иудейский монарх, сын царя Соломона, сменил отца на троне в возрасте 41 года приблизительно в 930 г. до н. э., примерно за век до того, как Гомер сложил греческий национальный эпос. Не теряя времени даром, новый царь совершил безумный поступок, разделив свой народ и навсегда потеряв десять северных племен под общим названием Израиль. Среди них многие были недовольны высокими налогами и обязательным трудом, введенным царем Соломоном, и еще при его царствовании предприняли попытку отделиться. Они сплотились вокруг одного из полководцев Соломона, Иеровоама, «сильного и мужественного человека», который согласился возглавить восстание, из-за пророчества о том, что впоследствии наследует власть над десятью племенами. Господь, заговорив устами реального персонажа — Ахии Силомлянина, — тоже сыграл свою роль, однако его роль и тогда, и после не совсем ясна и, скорее всего, стала выдумкой сказителей, которым почудилось, что здесь не помешает участие Всемогущего. Когда восстание было подавлено, Иеровоам бежал в Египет, где местный правитель Шешонк предоставил ему убежище.

Единогласно признанный двумя южными коленами (Иуды и Вениамина) царь Ровоам, зная о волнениях в Израиле, тотчас же отправился в Шхем, центр северных

племен, чтобы добиться присяги. Ровоама встретила делегация израильтян, которая потребовала, чтобы он ослабил бремя обязательного труда, наложенное его отцом; мол, если он это сделает, народ будет служить ему верой и правдой. Среди делегатов был и Иеровоам, за которым поспешно послали в Египет, едва умер царь Соломон; его присутствие должно было предупредить Ровоама о том, что ситуация критическая.

Обратимся далее к тексту 3-й Книги Царств. Колеблясь, Ровоам попросил делегацию удалиться и вернуться за ответом через три дня. Тем временем он попросил совета у старейшин, которые помогали его отцу, и те посоветовали уступить: если он поведет себя достойно и обратится «к ним с добрыми словами, они навсегда станут рабами твоими». Но ощущение власти было ему в новинку, разогревало кровь, и этот совет показался Ровоаму «недостойным», поэтому он обратился к «молодым людям, которые росли вместе с ним». Они знали его нрав и, как советники всех времен, желающие укрепить свое положение в «Овальном кабинете», дали совет, который должен понравиться правителю. Не следует делать поблажек, надо прямо сказать, что правление Ровоама будет для подданных не легче, а тяжелее правления его отца. Советники написали для него знаменитую речь, которая подойдет любому деспоту: «Если отец мой обременял вас тяжким игом, то я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами». Ровоаму понравилось это дикое предложение, он встретился с делегацией, когда та вернулась через три дня, и обратился к ним «грубо», слово в слово как предложили молодые советники.

То, что его подданные, возможно, не захотят смиренно принять такой ответ, Ровоаму, похоже, в голову не приходило. Не без причин в еврейской истории он получил прозвище «великого в своем безумии». И немедленно — настолько стремительно, что можно предположить, будто они заранее продумали план действий в случае отказа царя, — мужи израильские объявили об отделении от дома Давида с боевым кличем: «По шатрам своим, Израиль! Теперь знай свой дом, Давид!».

С глупостью, которая поразила бы даже графа Оксеншерну, Ровоам совершил самый провокационный поступок, возможный в данных обстоятельствах. Обратившись к тому, кто представлял ненавистное иго, а именно — Адораму, командующему или надзирателю за принудительными работами, он приказал, явно не предоставив подкрепления, подчинить народ. В ответ народ забил Адорама до смерти камнями, после чего безумный и глупый царь велел запрячь колесницу и бежал в Иерусалим, где созвал всех воинов племен Иуды и Вениамина для начала войны, чтобы снова объединить страну. В то же самое время народ израильский назвал своим царем Иеровоама. Он правил двадцать два года, а Ровоам — семнадцать, «и была война меж ними во все дни жизни их».

Затянувшаяся борьба ослабила оба государства и подтолкнула вассальные земли, завоеванные Давидом на востоке Иордана — Моав, Эдом, Аммон и прочие, — восстановить независимость, что позволило Египту с легкостью их завоевать. Царь Шешонк «с большой армией» захватил укрепленные пограничные посты и подошел к Иерусалиму, который Ровоам смог спасти от завоевания, лишь заплатив врагу дань — золотом из

храма и царского дворца. Шешонк также прошел по владениям своего бывшего союзника Иеровоама до самого Мегиддо, однако, видимо из-за нехватки ресурсов для установления владычества, вернулся в Египет.

Двенадцать колен никогда не объединились вновь. Разделенные конфликтом, два государства не смогли сохранить великую империю, созданную Давидом и Соломоном, которая тянулась от севера Сирии до границ Египта, господствовала над мировыми торговыми путями и доступом к Красному морю. Ослабленные и раздробленные, они потеряли способность противостоять агрессии соседей. Через двести лет раздельного существования, в 722 году до н. э., десять племен израильских оказались завоеваны ассирийцами и, как было принято в Ассирии по отношению к побежденному народу, изгнаны со своей земли, принудительно рассеяны и превратились в одну из великих неизвестностей и многовековых исторических загадок.

Царство Иуды, в которое входил и Иерусалим, продолжало существовать как еврейское владение. Несмотря на то, что в разные времена оно смогло вернуть многие из земель на севере, позже это царство тоже было завоевано, жители изгнаны на «воды Вавилонские», затем оно возродилось, пережило иностранное господство, восстание, пострадало от новых захватчиков, вытерпело очередное, более продолжительное изгнание и разделение, гнет, гетто и Холокост — но не исчезло. Альтернативный курс, принять который Ровоаму советовали старцы и который царь столь беспечно отверг, оставил след в истории на последующие 2800 лет.

Столь же губительным, но порожденным иными причинами было безумие, которое привело к завоеванию Мексики. Если Ровоама понять нетрудно, то произошедшее с Монтесумой служит напоминанием о том, что безумие не всегда можно объяснить. Государство ацтеков, которым он правил с 1502 по 1520 год, было богатым, весьма развитым и агрессивным. Окруженная горами и расположенная на плато (где ныне стоит Мехико), столица империи была городом с 60 000 хозяйств, построенных на сваях, дамбах и островках в озере, с оштукатуренными домами, улицами и храмами, великолепным в своей красоте и роскоши, сильным своей армией. С колониями, простирающимися на восток к побережью залива и на запад к Тихому океану, население империи насчитывало около пяти миллионов человек. Правители ацтеков хорошо разбирались в искусстве, науках и сельском хозяйстве, однако религия империи была по современным меркам дикой: человеческие жертвоприношения ацтеков по кровопролитию и жестокости не имеют себе равных в истории рода людского. Армии ацтеков ежегодно отправлялись в походы за рабами, жертвами для ритуалов из соседних племен, за продовольствием, которого всегда не хватало, а также на завоевание новых земель или чтобы покарать бунтовщиков. В ранние годы своего правления Монтесума лично возглавлял эти походы и значительно расширил границы государства.

Культура ацтеков находилась в подчинении богам — птицам, змеям, ягуарам, богу дождя Тлалоку и богу солнца Тескатлипоке, земному владыке-«искусителю», который «нашептывал человеку дикие мысли». Бог-покровитель страны, Кецалькоатль, некогда сошел с небес и уплыл в восточное море, откуда ожидали его

возвращения, которое должны предвосхитить знаки и видения и которое предзнаменует конец империи.

В 1519 году отряд испанских конкистадоров с Кубы, под командованием Эрнана Кортеса, высадился на берегу Мексиканского залива у города Веракрус. За двадцать пять лет с тех пор, как Колумб открыл карибские острова, испанские завоеватели утвердили свою власть, которая стремительно разоряла местное население. Если тела аборигенов не могли пережить мучений, чинимых испанцами, но их души, прибегая к рассуждениям в христианском духе, обретали спасение. Облаченные в кирасы и шлемы, испанцы вели себя не как терпеливые поселенцы, корчующие леса и растящие урожай, а как суровые и безжалостные воины, жадные до рабов и золота; Кортес же олицетворял все их достоинства и пороки. Не найдя общего языка с губернатором Кубы, он возглавил экспедицию из 600 человек, семнадцати лошадей и десяти артиллерийских орудий, якобы для разведки и торговли, но на самом деле, как выяснилось чуть позже, ради славы и подчинения независимых земель испанской короне. Высадившись на берег, он первым делом сжег свои корабли, чтобы не было пути к отступлению.

Узнав от местных жителей, которые ненавидели вождей ацтеков, о богатстве и мощи столицы, Кортес с большей частью своей армии дерзко вознамерился завоевать крупный город в глубине суши. Несмотря на весь свой авантюризм и бесстрашие, он не собирался рисковать и по пути все племена, которые недолюбливали ацтеков, сделал союзниками; особенно важным оказался союз с Тлаксалой, главным врагом Монтесумы. Кортес распространял молву о том, что пришел как вестник иноземного правителя, и вовсе не

претендовал считаться возрожденным Кецалькоатлем (для испанца-христианина это было бы откровенное кощунство). В рядах конкистадоров шагали священники, несли распятия и хоругви с ликом Девы Марии; это знаменовало одну из целей похода — обратить туземцев в христианство.

Услышав о приближении Кортеса, Монтесума созвал совет; некоторые члены совета активно призывали силой или обманом противостоят чужеземцам, тогда как другие возражали и говорили, что, если они действительно послы иноземного правителя, будет лучше встретить их благосклонно, — а если те сверхъестественные существа, о чем свидетельствует диковинное снаряжение, то сопротивление все равно бесполезно. «Серые» лица и «каменные» одежды испанцев, прибытие на берег в плавучих домах с белыми крыльями, магический огонь, вырывающийся из труб, чтобы убивать на расстоянии, — все говорило людям, для которых боги были повсюду, о божественном происхождении конкистадоров. Однако мысль о том, что их предводителем мог быть сам Кецалькоатль, вероятно, ужасала только Монтесуму.

Неуверенный и настороженный, он совершил самый глупый поступок, какой только мог совершить в данных обстоятельствах: отправил роскошные дары, показавшие его богатство, и письма, в которых умолял гостей уйти прочь, что выдало его слабость. Сотня рабов, драгоценности, ткани, роскошные изделия из перьев и два огромных блюда из золота и серебра, «размером с колесо повозки», только разожгли алчность испанцев. Письма же, запрещающие приближаться к столице и буквально умолявшие непрошенных гостей повернуть назад, составленные очень вежливо, чтобы не разгневать

ни богов, ни послов, никого не напугали. Испанцы двинулись дальше.

Монтесума не предпринял ровным счетом ничего, чтобы остановить их или хотя бы преградить путь, когда они дошли до городских стен. Вместо этого их встретили с особыми почестями и сопроводили во дворец. Армия ацтеков ожидала в горах сигнала к атаке, который так и не был подан, хотя туземные воины вполне могли уничтожить захватчиков, отрезать им путь к отступлению по дамбам или окружить и морить голодом, пока те не сдадутся. И такой план был подготовлен, однако его выдал Кортесу переводчик-индеец. Предупрежденный, Кортес велел арестовать Монтесуму и держать того в собственном дворце в качестве заложника. Вождь воинственного народа, превосходившего по численности поработителей в тысячу раз, подчинился. То ли из-за чрезмерного мистицизма, то ли из-за излишней суеверности, но он явно убедил себя в том, что испанцы на самом деле слуги Кецалькоатля и пришли возвестить конец империи ацтеков, а потому, посчитав себя обреченным, даже не попытался изменить свою судьбу.

Тем не менее по непрекращающимся требованиям золота и продовольствия можно было легко понять, что перед ним — простые смертные, а по частым ритуалам поклонения нагому человеку, распятому на перекрещенных деревянных палках, и женщине с ребенком, — что они никакие не слуги Кецалькоатля (культ которого испанцы агрессивно искореняли). В порыве сожаления (либо по чьему-то уговору) Монтесума приказал устроить засаду гарнизону, оставленному Кортесом у Веракруса; его люди убили двух испанцев и послали голову одного из них в столицу. Без всяких колебаний Кортес тут же заковал императора в цепи и

заставил выдать преступников, которых заживо сжег у ворот дворца, не забыв потребовать золота с драгоценностями в качестве виры за злодеяние. Последние иллюзии о связи «белокожих» с богами развеялись вместе с отрезанной испанской головой.

Племянник Монтесумы Какама объявил Кортеса убийцей и вором и пригрозил поднять восстание, но император оставался пассивен. Кортес же был настолько уверен в себе, что, узнав о высадке кубинского отряда, посланного его арестовать, отправился навстречу, чтобы разобраться, и оставил в городе лишь горстку солдат, которые продолжали раздражать население, разбивая алтари и отбирая еду. Дух мятежа рос. А Монтесума утратил всякий авторитет и не мог ни возглавить бунт, ни усмирить гнев народа. По возвращении Кортеса ацтеки восстали под командованием брата императора. Испанцы, у которых было не больше тринадцати мушкетов, оборонялись мечами, копьями и арбалетами, а также факелами, которыми поджигали дома. Оказавшись в сложном положении, но будучи лучше вооруженными, они вывели Монтесуму из дворца и приказали призвать к прекращению бунта; едва император появился, народ забросал его камнями как труса и предателя. Испанцы уволокли Монтесуму обратно во дворец, где три дня спустя он скончался. Подданные отказали ему в последних похоронных почестях. Ночью испанцы покинули город, потеряв треть людей и добычи.

Объединившись с мексиканскими союзниками, в битве за стенами города Кортес разбил превосходившие его силы ацтеков. При поддержке тласкаланов он осадил город, перекрыл подачу воды и поставки провианта и начал постепенно наступать, сбрасывая, по мере продвижения, руины разрушенных зданий в озеро. 13

августа 1521 года остатки населения, голодного и лишенного предводителя, сдались. Завоеватели засыпали озеро, построили на руинах новый город и установили власть над Мексикой, над ацтеками, а также союзными племенами на последующие три сотни лет.

Никто не может спорить с религиозными верованиями, особенно в незнакомой, далекой и не до конца понятой культуре. Но когда вера становится заблуждением, препятствующим пониманию очевидного до такой степени, чтобы лишить народ независимости, она со всей справедливостью может быть названа безумием. И снова перед нами глупость в своей особой разновидности — религиозной мании. Губительнее она не бывала.

Безумие не обязательно должно приводить к негативным последствиям для всех участников процесса. Реформацию, вызванную безумием папства в период Возрождения, протестанты не назвали бы полной неудачей. И, как ни прискорбно это прозвучит, американцы не получили бы независимость, если бы не глупость англичан. Повлияло ли владычество арабов над Испанией, растянувшееся на триста лет на большей части территории страны и на восемьсот лет в ее отдельных регионах, положительно или отрицательно — спорный вопрос, и ответ на него зависит от точки зрения наблюдателя; однако не подлежит сомнению, что причиной его было безумие испанских правителей того периода.

Этими правителями были вестготы, которые в IV веке покорили Римскую империю, а к концу V века установили контроль над большей частью Иберийского

полуострова и численно превосходившим их испано-римским населением. Двести лет они враждовали со своими подданными, часто доходило до вооруженных конфликтов. Своим несдержанным корыстолюбием, которым в то время отличались все правители, они провоцировали враждебность и в конце концов пали ее жертвами. Враждебность возрастала и благодаря религиозным распрям.

Местные жители были римскими католиками, вестготы исповедовали арианство. Разногласия возникали и по способу смены правителей. Местная знать пыталась поддержать привычный им выборный принцип, тогда как короли, одержимые жаждой власти, решили установить принцип наследования. Чтобы уничтожить врагов и ослабить сопротивление, они перепробовали все средства, от изгнания до казней, от конфискации имущества до неравного налогообложения и неравного распределения земель. Естественно, эти методы заставляли местную аристократию бунтовать и вели к разжиганию ненависти.

Тем временем, благодаря крепкой организации и нетерпимости римской церкви и ее епископов, в Испании росло влияние католиков, и к концу VI века это привело к обращению в католицизм двух наследников трона. Первого убил собственный отец, однако второй, Реккаред, стал королем, который наконец-то осознал необходимость объединения страны. Он был первым готом, который признал, что для правителя, противостоящего двум враждебным группировкам, будет безумием продолжать воевать с обеими. Убежденный в том, что арианство никогда не позволит объединиться, Реккаред яро выступил против своих бывших единомышленников и объявил католичество

официальной религией Испании. Некоторые из его преемников на троне также предпринимали попытки задобрить бывших противников, возвращали изгнанников и их собственность, но разногласия и встречные течения были слишком сильны, а кроме того, эти правители утратили влияние на церковь, в которой создали собственного «троянского коня».

Уверенная в своей власти, католическая церковь занялась светской политикой, выдвигая законы, претендуя на важные посты, контролируя законодательные органы, узаконивая одобренных ею узурпаторов и, что имело ужасные последствия, призывая к беспощадной дискриминации и истреблению всех, кто «не христианин», а именно — евреев. Тем временем сторонники ариан упорствовали; двор же пришел в упадок и погряз в разврате. Подзуживаемая интригами и заговорами, узурпациями, убийствами и восстаниями, смена королей в VII веке проходила быстро, и никто из вестготских монархов не пробыл на троне дольше десяти лет.

В том же веке мусульмане, воодушевленные новой религией, отправились в свой беспримерный завоевательный поход от Персии до Египта, а к 700 году достигли Испании, переправившись через узкий пролив из Марокко. С кораблей они совершали набеги на прибрежные испанские поселения; плюс, новая власть на противоположном берегу предлагала всем, кого не устраивали готы, привлекательную перспективу иностранной помощи против внутреннего врага. Одно и то же повторяется на протяжении веков: данная крайняя мера всегда сулит одинаковый исход. Когда византийские

императоры привлекли турок на помощь в борьбе с внутренним врагом, наемники в итоге захватили власть.

Пробил час испанских евреев. Когда-то к этому меньшинству, пришедшему с римлянами, относились благосклонно, и они успешно торговали, но позже их стали притеснять, преследовать, принуждали менять веру, их лишали прав, собственности, профессии, даже детей, которых отнимали силой и продавали рабовладельцам-христианам. Испугавшись истребления, евреи обратились к арабам и передали через своих соплеменников в Северной Африке сведения о положении дел в Испании. Для них любая власть была лучше христианской.

Однако падение готов произошло из-за раскола в самом сердце разобщенного общества. В 710 году аристократы отказались признавать королем сына последнего правителя, свергли его с трона и избрали монархом человека своего круга — герцога Родерика, что привело страну к растерянности и коллапсу. Свергнутый король со своими сторонниками пересек пролив и, полагая, что арабы непременно вернут ему трон, попросил их о помощи.

В 711 году арабы вторглись в ослабленную противоречиями страну. Армия Родерика оказала слабое сопротивление, и мавры, численностью 12 тысяч человек, захватили власть. Покоряя один город за другим, они вошли в столицу, поставили в провинциях наместников — в одном из городов назначили таковым еврея — и ушли. За семь лет они захватили весь полуостров. Монархия готов, которая не смогла обеспечить эффективное управление или хотя бы

достичь мира со своими подданными, рухнула под натиском арабов, поскольку не обрела прочных корней.

В темные времена между падением Рима и эпохой Возрождения у науки управления не было никакой общепризнанной теории или структуры, даже инструментария, — ничего, кроме грубой силы. Так как хаос — не лучшее социальное условие, управление начало формироваться в Средние века и позже стало общепризнанным видом деятельности с принятыми принципами, методами, службами, парламентами, чиновниками. Оно обрело авторитет и полномочия, его качество и средства улучшались, но оно нисколько не умнеет и неспособно выработать иммунитет от безумия. Нельзя сказать, что коронованные особы и министры не в силах мудро и хорошо править. Время от времени появляются исключения в виде сильной, эффективной, а иногда даже великодушной (еще реже — истинно мудрой) власти. Как и безумие, эти случаи никак не связаны ни с эпохой, ни с местом событий. Афинянин Солон, возможно, был самым мудрым из ранних государственных деятелей. Он заслуживает того, чтобы сказать о нем пару слов.

В VI веке до н. э., в период экономического спада и общественного беспокойства, Солон, избранного архонтом, верховным магистратом, попросили спасти государство и уладить все раздоры. Суровые долговые законы, позволявшие кредиторам отбирать заложенные земли или даже продавать должника в рабство, разоряли и озлобили народ и провоцировали мятежные настроения. Не поддерживая гнет богачей, но и не принимая сторону бедняков, Солон оказался в

необычном положении: его ценили те и другие. По словам Плутарха, «наиболее рассудительные люди в Афинах, видя, что Солон, — пожалуй, единственный человек, за которым нет никакой вины, который не соучаствует в преступлениях богатых и в то же время не угнетен нуждою, как бедные, стали просить его взять в свои руки государственные дела и положить конец раздорам». И «все приняли его с удовольствием: богатые — как человека зажиточного, а бедные — как честного». Перед лицом закона, говорил он, Солон не потворствовал своим, но судил справедливо и честно между сильными и слабыми и установил стабильное управление. Он отменил рабство за долги, освободил тех, кто угодили в рабы, даровал больше прав простому народу, провел денежную реформу, что способствовало развитию торговли, ввел общие меры веса, установил законные принципы наследования собственности, гражданские права и наказания за преступления и, наконец не полагаясь на волю случая, заставил совет народного собрания поклясться, что его законы останутся в силе сто лет.

После этого он совершил кое-что невероятное, возможно, уникальное для верховной власти: приобрел корабль под тем предлогом, что хотел бы попутешествовать и увидеть мир, и отплыл в добровольное изгнание на десять лет. Солон был не только справедливым законотворцем, но и мудрым человеком. Он мог бы взять в свои руки верховную власть, сделаться диктатором, и на самом деле его упрекали в том, что он этого не сделал. Но, зная, что бесконечные просьбы и предложения изменить тот или иной закон только добавят недоброжелателей, если он не будет уступать, Солон решил уплыть, дабы сохранить

свои законы в неприкосновенности, так как афиняне не могли их отменить без его согласия. Судя по этому поступку, отсутствие чрезмерных личных амбиций вкупе со здравым смыслом — важнейший элемент мудрости. О себе сам Солон выразился иначе: «Стар становлюсь, но всегда многому всюду учусь».

Время от времени в мире появлялись сильные и эффективные правители, пусть и не обладавшие всеми качествами Солона, но поистине героических размеров, возвышавшиеся над остальными, как вековые башни. Перикл правил Афинами в период расцвета полиса и был известен справедливостью, умеренностью и высоким авторитетом. В Риме правил Юлий Цезарь, человек, одаренный исключительным талантом управления (пусть даже тот, кто провоцирует врагов на вероломное убийство, вероятно, не столь мудр, каким мог бы быть). Позже, при четырех «добрых императорах» династии Антонинов — Траяне и Адриане, организаторах и строителях, благочестивом Антонине Пие и легендарном философе Марке Аврелии, — жители Рима имели хорошее правительство, достаток и уважение. В Англии Альфред Великий отразил все набеги викингов и стал отцом отечества для своих объединившихся соотечественников. Карл Великий сумел навести порядок в баронской вольнице, радел искусству управления не менее, чем ратному, и заслужил всеобщее уважение, которое превзошел четыре века спустя только Фридрих II по прозвищу «Ступор мунди», «Чудо света». Фридрих приложил руку ко всему — искусству, наукам, законам, поэзии, университетам, крестовым походам, парламенту, войнам, политике и раздору с папством (в конце концов это разнообразие интересов, несмотря на все выдающиеся таланты, обернулось разочарованием).

Лоренцо де Медичи, Великолепный, прославил Флоренцию, но своими амбициями разрушил республику. Две королевы, Елизавета I Английская и Мария-Терезия Австрийская, обе оказались способными и умными правительницами, которые обеспечили своим странам славу и процветание.

Человек Нового времени, Джордж Вашингтон оказался лучшим из лучших лидером. Пусть Джефферсон был более образован и воспитан, имел неординарное мышление, непревзойденный ум и был действительно всесторонне развитым человеком, зато Вашингтон обладал твердым характером и благородством того типа, которое естественным образом оказывает влияние на других людей, вкупе с внутренней силой и упорством, позволившими ему преодолеть череду препятствий. Он сделал возможными как обретение Америкой независимости, так и долговечность демократии в молодой республике, столь слабой в ее ранние годы.

В нем, будто под тропическим солнцем, буйно расцвел политический талант. При всех их недостатках и внутренних разладах Артур Шлезингер назвал отцов-основателей «наиболее выдающимися общественными деятелями в истории Соединенных Штатов, а возможно, и любой другой страны». Стоит отметить те качества, которые приписывал им историк: это были люди бесстрашные, высокоидейные, они отлично разбирались в древней и современной политической истории, были проницательны и прагматичны, не чурались нового и — что крайне важно — были «убеждены в способности человека своим умом улучшить собственное положение». Их породил век рационализма, и, хотя XVIII столетие тяготело к тому, чтобы считать людей умнее, чем они есть на самом деле,

в отцах-основателях людей отразилось лучшее, что имеется в науке управления.

Неоценимо было бы понять, откуда взялся этот взрыв таланта среди тех, кого было всего два с половиной миллиона человек. Шлезингер выдвигает несколько причин, которые могли этому поспособствовать: высокая образованность, сложные экономические обстоятельства, социальная мобильность, самоуправление — все это побуждало колонистов развивать политические навыки до самого высокого уровня. Церковь теряла влияние, а бизнес, наука и искусство еще не стали ей конкурентами, и потому искусство управления оказалось практически единственной отдушиной для энергичных и целеустремленных людей. Возможно, кроме всего прочего, именно подходящий момент вызвал эту реакцию — в форме возможности создать новую политическую систему. Что еще могло воодушевить на свершения этих решительных людей?

Ни до, ни после формирования политической системы не происходило настолько взвешенно и обдуманно. Во французской, русской и китайской революциях слишком много ненависти и кровопролития, чтобы обеспечить справедливый итог или хотя бы достойную временную конституцию. Америка же на протяжении двух веков под давлением извне и изнутри находила силы выстоять, не ломая систему и не пробуя после каждого кризиса что-то новое, как было в Италии и Германии, Франции и Испании. Но все может измениться ввиду набирающего обороты непрофессионализма в Америке. Общественный строй может выдержать немало безумия, если обстоятельства исторически благоприятны, либо если бездарность управления скрашивается

огромными ресурсами или размерами страны, как в США в период их расширения. Сегодня, когда не осталось смягчающих факторов, безумие недопустимо. Отцы-основатели — феномен, о котором нужно помнить, чтобы верить в возможности человека, пускай их пример слишком большая редкость, чтобы служить ориентиром подобных ожиданий.

Между проблесками достойного правления зияют черные дыры глупости. Во Франции при Бурбонах они проявились особенно отчетливо.

Людовика XIV считают просвещенным монархом, в основном потому, что люди склонны принимать за чистую монету слишком высокую самооценку. На самом же деле своими бесконечными войнами и их последствиями (рост национального долга, гибель цвета нации, голод и болезни) он истощил французскую экономику и человеческие ресурсы, приблизил Францию к краху, который грозил обернуться низвержением абсолютной монархии, что и произошло два правления спустя; вот и весь смысл власти Бурбонов. В таком свете Людовик XIV — король политики, не прислушивающийся к голосу разума. Не он, а любовница его преемника, мадам де Помпадур, подвела итог: «После нас хоть потоп».

Все историки согласны в том, что худшим поступком и главной ошибкой в карьере Людовика была отмена Нантского эдикта 1685 года, декрета о веротерпимости, изданного его дедом, и возобновление гонений на гугенотов. Но абсолютным безумием назвать это нельзя по одной причине — в то время решение короля не вызвало ни осуждения, ни порицаний, его встретили с

огромным энтузиазмом и прославляли как одно из самых похвальных деяний тридцать лет спустя, на похоронах Людовика. Однако этот факт подчеркивает еще одно условие правильной политики — она должна быть продуктом деятельности группы людей, а не одного человека. Признание королевского поступка безумием не заставило себя долго ждать. В том же десятилетии Вольтер назвал его «одним из величайших бедствий Франции», с «противоречащими намеченной цели» последствиями.

Как любое безумие, этот поступок был обусловлен отношениями, мнениями и политикой того времени; как бывает нередко, если не всегда, это была нахрапистая и нецелесообразная политика — ведь тех же результатов можно было добиться, ровным счетом ничего не делая, просто выжидая. Давнишний религиозный раскол и суровость доктрины кальвинистов уже начали забываться; гугеноты, которых насчитывалось менее двух миллионов, около одной десятой доли населения страны, были законопослушными и трудолюбивыми, даже слишком трудолюбивыми, с точки зрения католиков. Это и стало камнем преткновения. Гугеноты оставили себе всего один выходной — день отдохновения, — тогда как католики отмечали более сотни именин святых и церковных праздников, а потому в делах протестанты выступали продуктивнее и успешнее. Их лавки и мастерские преуспевали, и это явилось одной из причин, по которой католики им завидовали. Притязания католиков поддержали на самом высоком уровне, ведь религиозные расхождения считались государственной изменой, и отмена свободы вероисповедания — «этой смертельной свободы» — послужила бы и нации, и Богу.

Этот план нравился королю все больше по мере того, как его власть становилась все более автократичной после окончания регентства кардинала Мазарини. Чем сильнее делалась автократия, тем настойчивее существование секты диссидентов мнилось ему неприемлемым отрицанием королевской воли. «Один закон, один король, один Бог» — такова была государственная концепция, и за двадцать пять лет на троне политический «нюх» Людовика огрубел, а способность к терпимости атрофировалась. Короля поразила зараза «божественной миссии», зачастую губительная для правителей, и он убедил себя, что воля Всевышнего побуждает «стать Его орудием, чтобы вернуть на путь истинный всех подданных своих». Кроме того, имелись и политические мотивы. Учитывая симпатию к католикам Якова II, короля Англии, Людовик посчитал, что Европа снова возвращается к господству католичества и что он может помочь этому процессу активными нападками на протестантов. Более того, из-за ссор с папой римским по другим вопросам он решил выставить себя поборником традиций и подтвердить древний титул французских монархов — «наихристианнейший король».

Гонения начались в 1681 году, еще до фактической отмены Нантского эдикта. Церковная служба для протестантов была запрещена, школы и церкви закрыты, людям навязывалось католическое крещение, в возрасте семи лет детей отлучали от семей и отдавали на воспитание в католические школы; круг профессий и видов деятельности, разрешенных протестантам, сужали до тех пор, пока не запретили все, чиновникам-гугенотам велели выйти в отставку, в стране появились «отряды по обращению в веру», каждому обратившемуся сулили

денежное вознаграждение. Декрет следовал за декретом, отделяя и отрывая гугенотов от общества и жизни страны.

Преследования порождают жестокость, так что вскоре прибегли и к насильственным мерам, из которых самой ужасной — и эффективной — оказались *драгонады*, или карательные отряды, которые размещались на постой в домах гугенотов и угрожали им самим и их семьям. Печально известные драгонады отличались грубостью и распущенностью, их солдаты бесчинствовали, грабили, мародерствовали, насиловали, уничтожали имущество, а власти предлагали гугенотам избавление через принятие «правильной» веры. При таких условиях массовые обращения в другую веру едва ли можно назвать искренними, они вызвали возмущение даже у католиков, так как заставляли подозревать церковь в клятвопреступлении и святотатстве. Недовольных прихожан иногда загоняли на мессы силой, а самых упорных «еретиков», что оплевывали и топтали распятия, сжигали заживо за осквернение святынь.

Эмиграция гугенотов усиливалась вопреки эдиктам, запрещавшим покидать страну. Если их ловили, то обычно приговаривали к каторжным работам. С другой стороны, священников-гугенотов, если те не отрекались от своей веры, изгоняли, опасаясь, что они будут проповедовать втайне, воодушевляя «выкрестов» вернуться к прежней вере. Особо упрямых священников, продолжавших вести службы, колесовали, тем самым превращая в мучеников и побуждая их последователей к сопротивлению.

Когда королю доложили, что 60 тысяч человек в одном только районе за три дня обратились в «истинную

веру», он принял решение отменить Нантский эдикт: дескать, в этом эдикте больше нет необходимости, так как в стране не осталось гугенотов. К тому времени, однако, уже зародились некоторые сомнения в обоснованности этой политики. На совете накануне отмены эдикта дофин, вероятно выражая сомнения, переданные ему в частном порядке, предупредил, что отмена закона может вызвать восстания и массовую эмиграцию, которая негативно отразится на французской торговле; впрочем, он, похоже, единственный высказался против, — естественно, ему за возражения ничего не было. Через неделю, 18 октября 1685 года, эдикт был официально отменен и объявлен «чудом нашего времени». «Никогда прежде не бывало столь бурного всплеска радости, — писал Сен-Симон, который держал свое мнение при себе, пока не умер Людовик, — никто еще не удостоивался такой хвалы... Король слышал только прославления».

Но вскоре все ощутили на себе последствия глупости. Гугеноты-текстильщики, производители бумаги и другие ремесленники, технологии которых были монополией Франции, вывозили себя, свои семьи и навыки за рубеж, в Англию и Германию; банкиры и купцы выводили капиталы; бежали печатники, издатели, кораблестроители, юристы, врачи и многие священники. За четыре года около 8–9 тысяч моряков, 10–12 тысяч солдат и 500–600 офицеров уехали в Голландию, укрепив силы врага Людовика — Вильгельма III, который вскоре стал врагом вдвойне, когда, три года спустя, после смещения Якова III, сделался королем Англии. Говорят, именно тогда рухнуло производство шелка в Туре и Лионе, а несколько важнейших городов, таких как Реймс и Руан, потеряли половину рабочего населения.

Ожесточение было неизбежным (снова вспомним Сен-Симона и его резкую тираду относительно «сокращения населения» королевства на четверть); так обычно и бывает, когда изъяны обнаруживаются уже после принятого и исполненного решения. Общее число эмигрантов ныне оценивается, очень приблизительно, в пределах от 100 до 250 тысяч человек. Каково бы ни было точное число, пользу от этой эмиграции незамедлительно оценили противники Франции — протестантские государства. Нидерланды тут же даровали им гражданство и на три года освободили от налогов. Фридрих Вильгельм, курфюрст Бранденбурга (а позже — Пруссии), через неделю после отмены Нантского эдикта издал указ, приглашая гугенотов на свои земли; их предпринимательская хватка в значительной степени способствовала развитию Берлина.

Недавние исследования показали, что экономический урон, который понесла Франция из-за эмиграции гугенотов, преувеличен и составляет лишь часть более крупного ущерба, причиненного войнами тех лет. Однако о серьезности политического урона никто не спорит. Антифранцузские памфлеты и сатиры, очерняющие Францию как никогда прежде, публиковались во множестве печатниками-гугенотами и их соратниками во всех городах, где они селились. Антифранцузский союз протестантов окреп еще сильнее, когда Бранденбург вступил в альянс с Голландией, а к ним присоединились более мелкие германские княжества. Да и в самой Франции влияние протестантизма усиливалось из-за возобновившихся гонений и вражды гугенотов с католиками. Продолжительное восстание камизаров в Севеннах, горном районе на юге страны, повлекло за собой

жестокую войну, ослабившую государство. Здесь и в других поселениях гугенотов, которые еще существовали во Франции, были заложены основы революции.

Недоверие к абсолютной монархии росло. Из-за неприятия инакомыслящими права короля устанавливать единую для страны религию божественное начало королевской власти всюду ставилось под вопрос, заговорили о конституции (итог этим разговорам подвел следующий век). Когда в 1715 году Людовик XIV, пережив сына-наследника и внука, умер после 72-летнего правления, он оставил после себя не национальное единство, которое было его целью, а ожесточенный нонконформизм, не увеличение национального богатства и власти, а ослабленное, расколотое и обнищавшее государство. Никогда столь эгоцентричный правитель не изменял так эффективно собственным интересам.

Возможной альтернативой было бы оставить гугенотов в покое или, лучше всего, удовлетворить нападки на них принятием гражданских законов, не прибегая к силе и жестокости. Ведь хотя министры, духовенство и народ активно поддерживали гонения, ни одной веской причины для последних не было. Особенность французских событий заключается в отсутствии в них необходимости, и из этого факта можно вывести два основных свойства безумия: оно редко берет начало из великого замысла, а его последствия зачастую неожиданны. Безумию также свойственна чрезмерная настойчивость. Французский историк проницательно писал об отмене Нантского эдикта: «Великие замыслы встречаются в политике редко; король двигался на ощупь и порой поддавался чувствам». Это мнение подкрепляет неожиданный авторитет — глубокомысленный Ральф

Уолдо Эмерсон, предупреждавший: «Анализируя историю, не слишком углубляйтесь в нее, ибо часто причины лежат на поверхности». Данный фактор обычно упускают из вида политологи, которые, обсуждая природу власти, всегда относятся к ней, даже осуждая, с огромным уважением. Они не замечают того, что носители этой власти, как «простые люди», суются в воду, не зная брода, поступают неразумно, глупо или своенравно, как часто случается в повседневной жизни. Внешний блеск и влияние власти часто вводят в заблуждение, наделяя ее обладателей качествами, которые им не присущи. Если забыть огромный кудрявый парик, высокие каблуки и плащ на горностаевом меху, Король-Солнце был человеком, склонным к неверным суждениям, ошибкам и импульсивности, — как мы с вами.

Последний французский Бурбон на троне, Карл X, брат Людовика XVI, казненного на гильотине, и его преемника Людовика XVIII, совсем недолго занимавшего престол, продемонстрировал тот популярный тип безумия, наиболее подходящее название которому — безумие Шалтая-Болтая, которое состоит в попытках восстановить павшую и разлетевшуюся вдребезги структуру, повернуть историю вспять. При реакции, или контрреволюции, усилия реакционеров направлены на восстановление привилегий и собственности старого режима и возвращение неким чудесным образом власти, которой и раньше не было.

К моменту, когда в 1824 году Карл X в возрасте 67 лет взошел на трон, Франция пережила 35 лет самых радикальных перемен в своей истории, начиная с революции и заканчивая империей Наполеона, от

Ватерлоо до восстановления Бурбонов. Так как невозможно было отменить все права, свободы и реформы, введенные в употребление со времен революции, Людовик XVIII одобрил конституцию, хотя сам так и не смог привыкнуть к идее конституционной монархии. Последняя была выше понимания и его брата Карла. Наблюдая за происходящим в стране из Англии, Карл говорил, что скорее станет лесорубом, чем королем Франции. Неудивительно, что он сделался надеждой эмигрантов, которые вернулись с приходом к власти Бурбонов и хотели восстановить старый режим, со всеми его рангами, титулами и особенно с конфискованной собственностью.

В Национальном собрании бывших эмигрантов представляли ультраправые, те, кто вместе с остатками консерваторов образовал сильнейшую партию. Метод создания партии был прост: ввели искусственное ограничение права голоса через снижение налогов для известных противников, отсекая личностей с налоговой ставкой менее 300 франков на доход. На правительственные должности тоже имелись подобные ограничения. Ультраправые занимали все министерские посты, включая пост министра юстиции, доставшийся религиозному экстремисту, чьи политические идеалы, как поговаривали, сформировались благодаря чтению Апокалипсиса. Его коллеги ввели строгую цензуру и весьма широкие для толкований правила сыска и задержания, а главным их достижением стало создание фонда выплаты компенсаций 70 тысячам эмигрантов, либо их наследникам, в размере 1377 франков в год. Сумма слишком маленькая, чтобы реально помочь, но вполне достаточная, чтобы вызвать возмущение

буржуазии, из налогов которой брались средства на компенсации.

Те, кто поднялся благодаря революции и правлению Наполеона, не были готовы уступить эмигрантам и духовенству Старого режима, и недовольство продолжало нарастать медленно, но верно. Окруженный ультраправыми король, возможно, мог более или менее удачно завершить свое правление, если бы собственным неблагоразумием не приблизил падение монархии. Карл был решительно настроен править до смерти, пусть в кое-каких интеллектуальных способностях ему не откажешь, он, как и все Бурбоны, обладал способностью ничему не учиться и ничего не забывать. Когда оппозиция в Национальном собрании стала представлять серьезную угрозу, король последовал совету министров — распустил парламент и взятками, угрозами и аналогичными мерами добился перевыборов депутатов. Он рассчитывал на победу, но вместо этого роялисты проиграли, уступив почти вдвое. Отказавшись принять результаты выборов, будто беспомощный английский монарх, Карл снова распустил парламент и назначил новые выборы, еще больше ограничив право голоса и ужесточив контроль за процессом.

Оппозиция перешла к открытому сопротивлению. Король, не ожидавший выплескивания конфликта и не призвавший в столицу вооруженные силы, отправился на охоту, а жители Парижа, как бывало неоднократно до и после, стали строить баррикады и три дня активно вели уличные бои; французы употребляют выражение *a les trois glorieuses* («три славных дня»). Оппозиционеры созвали временное правительство. Карл отрекся от престола и бежал через Канал в «презренное пристанище ограниченной монархии». Великой трагедии

не произошло, этот эпизод имел историческое значение только как следующий шаг на пути Франции от контрреволюции к «буржуазной» монархии Луи-Филиппа. Значимость этого события для истории безумия заметно больше, оно и демонстрирует тщетность попыток — причем не одних только Бурбонов — склеить разбитое яйцо.

На протяжении истории человечества примеров военного безумия насчитывается бесконечное множество, все они не уместятся в рамки данного исследования. Впрочем, два наиболее знаменательных случая, оба повлекшие войну с Соединенными Штатами, демонстрируют безумие стратегических решений на правительственном уровне. Это решение Германии возобновить неограниченную подводную войну в 1916 году и решение Японии атаковать Перл-Харбор в 1941 году. Оба решения были приняты вопреки доводам о пагубных последствиях таких действий: экстренно и отчаянно — в Германии, сдержанно и с глубокими сомнениями — в Японии; в обоих случаях они не привели ни к чему хорошему. Безумие относится к категории добровольного лишения свободы под предлогом «у нас не было другого выхода», виной ему наиболее часто встречаемый и самый губительный самообман — недооценка противника.

Неограниченная подводная война означает нападение на торговые суда в зоне, объявленной «запретной», без предупреждения, независимо от того, вражеские они или нейтральные, вооруженные или безоружные. Благодаря громким протестам Соединенных Штатов, требовавших соблюдения принципа свободного

перемещения нейтральных судов по морю, в 1915 году эта война прекратилось, сразу после гибели «Лузитании» — не столько из-за возмущения США и угрозы разорвать отношения и настроить против Германии другие нейтральные страны, а, скорее, потому, что у Германии не хватало подлодок, чтобы гарантировать победу, если придется продолжать боевые действия.

К тому времени, а именно к концу 1914 года, после неудачного начала наступательных кампаний по молниеносному захвату России и Франции правители Германии признали, что не смогут выиграть войну против трех объединившихся противников, если те будут выступать заодно; как сообщил канцлеру начальник генштаба немецкой армии: «Может статься, мы сами скоро выдохнемся».

Требовались политические усилия, которые привели бы к заключению сепаратного мира с Россией, но этого добиться не удалось, как провалились и многочисленные попытки переговоров с Бельгией, Францией и даже Британией в последующие два года. Причина всех неудач состояла в условиях Германии: в каждом случае эти условия были добровольно-принудительными, словно победители предлагали другой стороне выйти из войны, согласившись на аннексии и контрибуции. Кнут и никаких пряников. На таких условиях никто из противников Германии, разумеется, не собирался предавать своих союзников.

К концу 1916 года обе стороны практически истощили ресурсы и военные идеи, положив миллионы жизней в битвах при Вердене и на Сомме за успехи, измеряемые в ярдах. Германия перешла на картофельную диету и призывала в армию

пятидесятилетних. Союзники держались, без какой-либо надежды на победу до тех пор, пока на их сторону не встанет со свежими силами Америка.

За эти два года, пока верфи в городе Киль лихорадочно выпускали субмарины, чтобы достичь намеченной цели в 200 кораблей, на совещаниях на высшем уровне флот отстаивал идею возобновить использование торпед, несмотря на настоятельные советы гражданских министров этого не делать. Неограниченная подводная война, как утверждал канцлер Бетман-Гольвег, «неизбежно приведет к тому, что к нашим врагам присоединится Америка». Моряки не отрицали этого, однако скептически относились к подобной возможности. Всем уже было ясно, что в одиночку Германии войну не выиграть, и потому целью объявили захват Британии, едва живой вследствие морской блокады, прежде чем Соединенные Штаты успеют мобилизовать, подготовить и отправить в Европу войска любой численности, достаточной, чтобы изменить исход войны. Военные убеждали, что им нужно три-четыре месяца. Адмиралы развернули карты и таблицы, показывая, сколько тонн водоизмещения смогут пустить ко дну немецкие подлодки за этот срок, до того как Британия превратится «в рыбу, что задыхается в иле».

Несогласные, во главе с канцлером, считали, что если Америка вступит в войну, то она предоставит союзникам огромную финансовую помощь, и будет воодушевлять их до тех пор, пока не подоспеют войска; вдобавок у Америки также появится возможность интернировать немецкие корабли в американских портах и, весьма вероятно, привлечь на свою сторону другие нейтральные страны. Вице-канцлер Карл Гельферих

заявил, что использование подлодок «приведет к провалу». Чиновники министерства иностранных дел, непосредственно курировавшие американские дела, также были против. Два ведущих банкира, вернувшись из США, предупреждали насчет опасности недооценки сил американцев, которые, как они выразились, могут мобилизовать ресурсы до невообразимых масштабов, если их убедить в «правоте действий».

Самым настойчивым из возражавших был посол Германии в Вашингтоне граф фон Бернсторф, который родился и вырос за пределами Пруссии и потому не страдал от многих заблуждений, свойственных его коллегам по немецкому дипкорпусу. Америка была ему хорошо знакома, и Бернсторф постоянно уведомлял свое правительство, что едва немецкие подводные лодки выйдут в море на охоту, Штаты незамедлительно вступят в войну и Германия проиграет. И чем упрямее делались военные, тем чаще посол в письмах домой просил свою страну свернуть с рокового, по его мнению, пути. Он полагал, что единственный способ предотвратить трагический исход заключается в прекращении войны компромиссным миром, который предлагал президент Вильсон. Канцлер Бетман-Гольвег активно лоббировал эту идею, утверждая, что, если союзники, весьма вероятно, откажутся от такого мира, а Германия на него согласится, возобновление неограниченной подводной войны будет оправдано и не спровоцирует Америку на ответный удар.

Сторонниками же возобновления боевых действий на море были землевладельцы-юнкеры и придворные, различные ассоциации экспансионистов, правые партии и большинство граждан, которых заставили верить в подлодки как средство прорвать продовольственную

блокаду и победить врага. Горстка социал-демократов в рейхстаге заявила, что «люди хотят не войны, а хлеба и мира!», но на них не обратили внимания, поскольку граждане Германии, даже голодая, оставались покорными властям. Кайзер Вильгельм II сомневался в правильности решения, однако не пожелал показаться трусливее своих военачальников.

Предложение Вильсона начать переговоры между враждующими сторонами за «мир без победы» в декабре 1916 года было отвергнуто всеми. Никто не пожелал идти на примирение, не получив никакого возмещения ущерба, страданий и человеческих жертв. Германия боролась не за статус-кво, а за гегемонию в Европе и расширение империи. Она хотела не компромиссного мира, а стремилась сама диктовать условия, и не имела ни малейшего желания, как писал Бернstorфу министр иностранных дел Артур Циммерман, «идти на риск быть обманутой в том, что мы надеемся получить от этой войны». Любые условия, требовавшие от Германии отказа от притязаний и компенсации — единственные условия, которые приняли бы союзники, — означали крах династии Гогенцоллернов и правящего класса. Также требовалось заставить кого-то заплатить за войну, иначе страну ожидало банкротство. Мир без победы не только развеял бы мечты о мировом господстве, но и обернулся бы выплатой огромных сумм за годы войны, которая успела стать невыгодным предприятием. Это сулило революцию. Для императора, военачальников, землевладельцев, промышленников и предпринимателей только победоносная война обещала надежду на то, что они останутся у власти.

Решение было принято на совещании кайзера, канцлера и высших военных чинов 9 января 1917 года.

Адмирал вон Хольцендорф, командующий германским ВМФ, представил документ на 200 страницах — статистика заходов торговых судов в британские порты, ставки фрахта, размеры складских помещений, система снабжения, цены на продовольствие, сравнительные показатели прошлогоднего урожая и т. д., вплоть до количества калорий, потребляемых средним британцем на завтрак. Адмирал поклялся, что в месяц его субмарины смогут топить до 600 тысяч тонн груза и заставят Англию капитулировать еще до сбора нового урожая. Он заявил, что для Германии это последний шанс и что он не видит другого способа выиграть войну, «дабы гарантировать наше будущее в качестве мировой державы».

Ответная речь Бетмана длилась час; он повторил все аргументы своих советников, которые предупреждали, что вступление Америки в войну будет означать поражение Германии. Выступление канцлера слушали с хмурыми лицами, прерывали нетерпеливыми возгласами. Бетман знал, что ВМФ начал действовать самостоятельно и субмарины уже вышли в море. Оставалось лишь уступить. В конце концов, увеличение числа немецких подлодок в море обещало успех. Да и последний урожай союзников скуден. С другой стороны, Америка... Фельдмаршал вон Гинденбург вмешался в спор и сообщил, что вермахт «позаботится об Америке», а Хольцендорф гарантировал, что «ни один американец не ступит на наш континент!». Канцлер признал свое поражение. «Конечно, — сказал он, — если нас ожидает успех, мы должны наступать».

Он не стал подавать в отставку. Чиновнику, который позже тем вечером застал его в кабинете с глубоким унынием на лице и спросил, неужели поступили дурные

вести с фронта, Бетман ответил: «Нет, ничего, только близка гибель Германии».

За девять месяцев до этого, во время предыдущего кризиса с подводными лодками, Курт Рицлер, помощник Бетмана, приписанный к генштабу, 24 апреля 1916 года в своем дневнике подытожил: «Германия — как человек, раскачивающийся над пропастью и сильнее всего на свете желающий упасть».

Именно так и произошло. Несмотря на то, что охота подлодок серьезно подорвала морские поставки союзников, прежде чем заработала система конвоя, Британия, воодушевленная объявлением о вступлении американцев в войну, не капитулировала. Вопреки «гарантиям» фон Хольцендорфа, два миллиона американских солдат добрались до Европы, и через восемь месяцев после этого сдаться пришлось Германии.

Существовал ли другой путь? Учитывая уверенность немцев в победе и отказ признавать реальность — вероятно, нет. Однако исход мог быть более благоприятным, прими Германия предложение Вильсона и тем самым предотвратив или, по крайней мере, несомненно отсрочив вступление Америки в войну. Без США союзники вряд ли бы победили, а поскольку и Германия также выбилась из сил, стороны продолжали бы терзать друг друга, и все закончилось бы вымученным миром на более или менее равных условиях. Эта альтернатива, которая так и не реализовалась, изменила бы мировую историю. Ни победы союзников, ни репараций, ни ответственности за развязывание войны, ни Гитлера, ни, возможно, Второй мировой.

Однако, как нередко бывает с альтернативами, этот вариант был психологически неосуществим. Характер —

это судьба, верили древние греки. Немцев учили побеждать силой, а не приспособливаться. Они не могли заставить себя отказаться от расширения империи даже под угрозой поражения. Их манила пропасть, о которой писал Рицлер.

Япония в 1941 году столкнулась с аналогичным выбором. Имперский план по созданию Великой восточноазиатской сферы взаимного процветания, предусматривавший порабощение Китая, представлял собой фантазию о японском владычестве на территории от Манчжурии через Филиппины, Индонезию, Малайзию, Сиам, Бирму до Австралии, Новой Зеландии и Индии (в том числе включая и эти страны). Аппетиты Японии не соответствовали ее размерам, но вполне отвечали ее воле. Для такого предприятия были крайне необходимы железо, нефть, резина, рис и другое сырье в объемах, намного превышающих те, что могла произвести страна. Момент для исполнения задуманного настал, когда разразилась война в Европе и западные колониальные державы, главные противники Японии в регионе, оказались вынужденными сражаться за собственное выживание, либо повержены — Франция была оккупирована, Голландия тоже, хотя и сохранила правительство в изгнании, Британия подвергалась бомбардировкам люфтваффе и почти не имела средств для войны на другом конце света.

Препятствием стали Соединенные Штаты, которые настойчиво отказывались признавать поэтапное продвижение Японии в Китае и все реже соглашались предоставлять сырье для дальнейшей экспансии. На мнение США влияли зверства японцев в Китае,

нападение на американскую канонерку «Панай» и другие события. В 1940 году Япония заключила Трехсторонний пакт, став партнером гитлеровской Германии, и вторглась в Индокитай, принадлежавший Франции, когда та признала себя побежденной. В ответ США заморозили японские активы и ввели эмбарго на поставки лома черных металлов, нефти и авиационного керосина. Затянувшиеся дипломатические переговоры в попытке достигнуть согласия оказались бесплодными. Несмотря на свой изоляционизм, Америка отказывалась признавать господство Японии над Китаем, тогда как Япония не признавала никаких ограничений или запретов на свободу операций по всей Азии.

Ответственные политики Японии, в отличие от военных-экстремистов и политиков-«энтузиастов», не хотели развязывать войну со Штатами. Они не желали, чтобы Америка вмешивалась, препятствуя Японии постепенно завоевывать Азию. Они считали, что цели можно достичь без того, чтобы дразнить спящего дракона, — покоряя пядь за пядью, не гнушаясь пыток, казней и обличительной риторики, а также прибегая к тактике скрытого запугивания в партнерстве с Гитлером. Когда же все эти методы привели к тому, что американское беспокойство усилилось, японцы, недолго думая, решили: если они захватят свою первую цель — жизненно важные ресурсы Голландской Индии, Соединенные Штаты объявят им войну. Как добиться одного, не провоцируя другого, — над этим вопросом Япония билась на протяжении 1940–1941 годов.

Чтобы после захвата Голландской Индии доставлять сырье в Японию, требовалось защитить каналы поставок от угроз со стороны ВМС США в юго-западном секторе Тихого океана. Адмирал Ямамото, главнокомандующий

японского военно-морского флота и инициатор удара по Перл-Харбору, понимал, что у Японии нет надежды на полную победу над Соединенными Штатами. Он говорил премьеру Коноэ: «Я совершенно не верю, что нас хватит на два или три года». Он считал, что военные действия против голландских колоний в Индостане «приведут к преждевременному началу войны с Америкой», и решил форсировать это событие, чтобы уничтожить американские силы «смертельным ударом». А затем, после завоевания Юго-Восточной Азии, Япония получит ресурсы, необходимые для продолжительной войны с целью установления гегемонии над сферой взаимного процветания. И адмирал предложил «решительно атаковать и уничтожить основной флот Соединенных Штатов на начальном этапе войны, чтобы боевой дух ВМС США и всех американцев снизился и уже не восстановился». Это поистине безумное предложение поступило от человека, который неплохо знал Америку, учился в Гарварде и служил военно-морским атташе в Вашингтоне!

Подготовка к дерзкому удару по Тихоокеанскому флоту США на базе Перл-Харбор началась в январе 1941 года; при этом все плюсы и минусы нападения активно обсуждались в правительстве и в генштабе на протяжении всего года. Сторонники предупредительного удара обещали, правда без особой уверенности, что этот удар удержит США от любого возможного вмешательства, а также, как они надеялись, от боевых действий в целом. А если этого не произойдет, спрашивали сомневающиеся, что тогда? Ведь Япония не в состоянии выиграть продолжительную войну с Соединенными Штатами, и само существование нации будет поставлено на карту. За время обсуждения

предостерегающие голоса не затихали ни на минуту. Премьер-министр принц Коноэ ушел в отставку, военачальники разделились во мнениях, советники медлили и сомневались, император мрачнел. Когда он спросил адмирала Нагано, начальника морского генштаба, будет ли победа в случае внезапного нападения столь же великой, какой она была при начале осады Порт-Артура в русско-японской войне, адмирал ответил, что вряд ли Япония вообще победит. (Возможно, в беседе с императором это заявление сопровождалось традиционным восточным поклоном отрицания, но все равно — признание поистине беспрецедентное.)

Почему же в итоге мучительных сомнений был одобрен чрезмерный риск? Отчасти потому, что раздражение, вызванное неудачными попытками запугать врага, привело к бескомпромиссному состоянию умов и уступкам гражданских, как и в случае с Бетманом, — чиновники уступили военным. Далее, нужно учесть захватнические настроения нацистов, благодаря которым казалось невозможным не воевать. Япония настолько желала войны, настолько хотела добиться невероятных побед, а именно — захватить Сингапур и взорвать Перл-Харбор, и это ввергло Соединенные Штаты в состояние, близкое к панике. Основная же причина, по которой Япония рискнула, состояла в следующем: она должна была либо наступать, либо довольствоваться статус-кво, чего никто не хотел и не был готов предложить из политических соображений. Воинственный настрой армии в Китае и партийная риторика на островах подталкивали Японию к строительству невозможной империи, от которой она уже

не могла отказаться. Япония стала заложником собственных чрезмерных амбиций.

Альтернативой видится захват Голландской Индии без нападения на США. Пусть в тылу японцев осталось бы неизвестное число врагов, но все же неизвестность предпочтительней конкретного противника, особенно такого, который потенциально намного сильнее.

В общем, налицо весьма странный просчет. В период, когда, по меньшей мере, половина граждан США выступала за изоляционизм, Япония своими действиями объединила американцев и побудила Америку вступить в войну. А ведь буквально за несколько месяцев до нападения на Перл-Харбор разногласия были настолько сильными, что продление закона о годичном призыве прошло в Конгрессе с перевесом всего в один-единственный голос. Япония могла бы спокойно захватить Индостан, не опасаясь вмешательства Америки: никакие атаки на голландские, британские или французские колонии не заставили бы Штаты вступить в войну. Единственной побудительной причиной могло стать только нападение на американские территории. Похоже, Япония не предполагала, что следствием атаки на Перл-Харбор станет не ослабление боевого духа Америки, а напротив, подъем патриотизма. Источником этого невероятного непонимания оказалась так называемая культурная безграмотность, частая составляющая безумия. (Хотя эта культурная безграмотность была обоюдной, для Японии она стала критической.) Оценивая американцев по себе, японцы посчитали, что власти Штатов могут поднять народ на войну, когда им заблагорассудится, как это было в Японии. Из-за неведения, просчета или простой

небрежности Япония подтолкнула потенциального противника к решительному вступлению в войну.

Хотя Япония только приступила к боевым действиям и еще не успела глубоко в них увязнуть, последствия для нее оказались поразительно схожими с положением Германии в 1916–1917 годах. Обе страны поставили на кон свою судьбу и жизни граждан, которые, в конечном счете, как сознавали многие, непременно будут потрачены зря. Мотивом же выступали непреодолимый соблазн господства, притязания на величие и откровенная алчность.

В вышеупомянутых случаях ярко проявляется принцип: безумие — дитя власти. Мы все знаем, благодаря бесконечно цитируемому изречению лорда Эктона, что власть развращает. Но не все знают, что она порождает безумие; привычка приказывать приводит к тому, что человек перестает думать; ответственность власти слабеет, когда могущество растет. Вся ответственность власти заключается в том, чтобы управлять настолько разумно, насколько это возможно, в интересах страны и ее граждан. Обязанность власти в этом процессе — оставаться осведомленной, учитывать информацию, сохранять разум и мышление открытыми и сопротивляться наползающим чарам глупости. Если разум открыт пониманию того, что данная политика принесет больше вреда, чем пользы, если он достаточно уверен в себе, чтобы это признать, и мудр, чтобы вовремя остановиться, — это верх мастерства управления.

Политика победителей после Второй мировой войны, в противоположность Версальскому мирному

договору и репарациям, взысканных после Первой мировой, — тот случай, когда наученные опытом власти применили знания на практике (а подобное случается нечасто). Оккупация Японии после капитуляции, в рамках политики, разработанной в Вашингтоне, одобренной союзниками и осуществленной, главным образом, американцами, явилась замечательным примером сдерживания, политической разумности, переустройства и творческих перемен. Оставить императора во главе японского государства означало предотвратить политический хаос и обеспечивало основу для повиновения оккупантам и удивительно покорное восприятие оккупации. Помимо разоружения, демилитаризации и судебных процессов над военными преступниками целью оккупации была политическая и экономическая демократизация посредством принятия новой конституции, создания нового правительства, а также роспуска картелей и отмены земельной реформы. Власть огромных японских промышленных корпораций оказалась в итоге весьма велика, однако политическая демократия, которой при обычных обстоятельствах было бы невозможно добиться в приказном порядке (ведь установить демократию возможно лишь постепенно, длительными усилиями на протяжении веков), была успешно перенесена на новую почву и полностью прижилась. Оккупационные власти правили скорее через отделы связи с японскими министерствами, чем напрямую. Так были осуществлены «чистка» министерств и ведомств, назначение более молодых чиновников, возможно не слишком отличавшихся от своих предшественников, но изъявивших желание принять перемены, пересмотр системы образования и учебников, изменение статуса императора — до символа,

«рожденного волей народа, которому принадлежит верховная власть».

Ошибки случались, особенно в военной политике. Но авторитарная природа японского общества ушла в прошлое. Последствия войны, в целом, оказались скорее благоприятными, и их можно воспринять как вдохновляющее напоминание о том, что мудрость правительства — это стрела, которая, как бы редко она ни использовалась, остается в колчане.

Редчайшее изменение курса — когда правитель, признавая, что политика не служит его интересам, разворачивает ее на 180 градусов — произошло буквально вчера, рассуждая в историческом контексте. Это отказ президента Египта Садата от бесплодной вражды с Израилем и стремление, несмотря на гнев и угрозы соседей, к более выгодным и мирным отношениям. С точки зрения как риска, так и потенциального успеха — это важный шаг, а с позиции предпочтения рассудительности и смелости бездумному отрицанию — благородный и единственный в своем роде поступок за всю историю человечества, поступок, значение которого ничуть не умаляет последовавшее за ним убийство.

Ниже будет изложена более знакомая и — к несчастью для человечества — куда чаще встречающаяся история. Итог политики не может показать, безумна она или нет. Любое дурное управление, в конечном счете, противоречит разуму, однако на деле может временно укрепить власть. Безумием можно назвать извращенное настаивание на политике, явно неосуществимой или непродуктивной. И не стоит даже уточнять, что данное

исследование основано на вездесущности этой проблемы
в наше время.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЕРВООБРАЗ: ТРОЯНЦЫ ПРИНИМАЮТ В СВОИХ СТЕНАХ ДЕРЕВЯННОГО КОНЯ

Самая известная история Западного мира, прототип всех сказаний о человеческом конфликте, эпопея, которая, с незапамятных пор до возникновения письменности, принадлежит всему человечеству и всем эпохам, излагает сюжет о деревянном коне, возможно основанный на реальных событиях.

Троянская война сделалась популярной темой в последующей литературе и в искусстве в целом, от душераздирающей трагедии Еврипида «Троянки» до Юджина О'Нила, Жана Жироду и современных писателей. Через «Энеиду» Вергилия она подарила нам легендарного основателя и народного героя Рима. Эта война была излюбленным сюжетом средневековых романистов, подарила Уильяму Кэкстону тему для первой книги, напечатанной на английском языке, а Чосеру (и позже Шекспиру) — декорации, если не сюжет, «Троила и Крессиды». Расин и Гете пытались постичь, почему принесли в жертву несчастную Ифигению. Скиталец Одиссей вдохновил таких разных авторов, как Теннисон и Джеймс Джойс. Кассандра и мстящая Электра стали главными героинями немецкой драмы и оперы. Почти тридцать пять поэтов и филологов брались за перевод

«Илиады» на английский с тех пор, как в елизаветинские времена Джордж Чапмен впервые открыл этот источник вдохновения. Бесконечное множество художников считало суд Париса зрелищем, достойным живописания, и столько же поэтов воспели красоту Елены.

Весь опыт человечества вошел в историю о Трое, или Илионе, впервые изложенную в эпической форме Гомером около 850–800 г. до н. э.^[1] Хотя в ней заправляют боги, она открывает правду о человечестве, даже несмотря на то (или как раз потому), что речь идет о временах чрезвычайно далеких и примитивных. За двадцать восемь столетий эта история оставила глубокий след в наших душах и запечатлелась в памяти, так как повествует о нас самих и о том, что мы нередко поступаем неразумно. По словам еще одного писателя, Джона Каупера Повиса, она отражает, «что произошло тогда, происходит сейчас и будет происходить в грядущем со всеми нами, с самого начала до самого конца человеческой жизни на Земле».

Через десять лет вялой и нерешительной осады, щедро приправленной корыстью, лукавством, хитростью, разладом, ревностью — и лишь в малой степени героизмом, Троя наконец пала. В качестве финального орудия разрушения в истории фигурирует деревянный конь. Эпизод с конем демонстрирует ущербность политики, проводимой вопреки личным интересам, — несмотря на многочисленные предостережения и очевидную альтернативу. Самая ранняя хроника

¹ Датировка широко дебатировалась; указанная дата сегодня признается более или менее достоверной после расшифровки критского линейного письма в 1952 году. — *Здесь и далее, за исключением указаний переводчика, примечания автора.*

западного мира убеждает нас, что подобное поведение — едва ли не врожденная человеческая привычка. Эта история впервые изложена не в «Илиаде», сюжет которой завершается до окончания войны, а в «Одиссее», из уст слепого певца Демодока, который по просьбе Одиссея пересказывает подвиги ахейцев людям, собравшимся во дворце Алкиноя. Пусть Одиссей высоко ценил талант сказителя, сама история передана довольно скудно, будто основные факты и так уже известны. В поэме подробности добавляет сам Одиссей и два других героя, Елена и Менелай, что кажется невероятным полетом фантазии автора.

Извлеченный Гомером из тумана веков и воспоминаний деревянный конь мгновенно захватил воображение потомков, живших двумя-тремя столетиями позже, и вдохновил на тщательное «выписывание» этого эпизода, в частности, что особенно важно, на введение в эпос Лаокоона — и одной из самых страшных сцен поэмы. О нем упоминается в начале «Разрушения Илиона» Арктина Милетского, сочинении, вероятно, всего на век младше гомеровского. Воплощающий Голос Предостережения, Лаокоон как драматический персонаж становится центральной фигурой в эпизоде с троянским конем во всех последующих версиях текста.

Полностью история о механизме, который привел к окончательному падению Трои, какой мы ее знаем, обрела форму в «Энеиде» Вергилия, написанной в 20 году до н. э. К тому времени сказание вобрало в себя версии, накопившиеся более чем за тысячу лет. Сложенные в географически обособленных районах греческой ойкумены, эти версии полны несоответствий и расхождений. Само предание безнадежно противоречиво. События не всегда согласуются с логикой

повествования; мотивы и поведение персонажей зачастую необъяснимы. Что ж, нам следует принять историю о троянском коне в том виде, в каком она дошла до нас, какой ее поведал Эней восторженной Дидоне, со всеми позднейшими исправлениями и приукрашиваниями латинских последователей Вергилия.

Идет девятый год бесплодной битвы на полях Илиона, где греки осаждают город царя Приама. Боги непосредственно участвуют в военных действиях из чувства зависти, зародившегося десятью годами ранее, когда Парис, принц Трои, обидел Геру и Афину, присудив золотое яблоко за красоту Афродите, богине любви. Поступив не совсем честно (жители Олимпа, как и люди, не обделены этим пороком), Афродита пообещала, что, если он отдаст приз ей, его невестой станет самая красивая женщина в мире. Это привело, как все мы знаем, к похищению Парисом Елены, жены Менелая, царя Спарты, и походу объединенного греческого войска во главе с братом Менелая, Агамемноном, против Трои. Когда троянцы отказались вернуть Елену, началась осада.

Вставая на сторону троянцев либо ахейцев, оказывая покровительство, могущественное, но ненадежное, создавая иллюзии, меняя исход битвы по собственному желанию, секретничая, обманывая, хитростью склоняя греков продолжать войну, когда те готовы смириться и вернуться домой, боги заставляют противников сражаться — и пусть герои погибают, а родные страдают. Согласно мифу, морской владыка Посейдон, который вместе с Аполлоном построил Трою и стену вокруг города, оскорбился на троянцев за то, что

их первый царь не заплатил ему за работу, а также потому, что они забросали камнями жреца его культа (будто бы тот не принес достаточно жертв, чтобы вызвать шторм и потопить греческие корабли). С другой стороны, Аполлон все еще благоволил Трое как ее изначальный покровитель, особенно после того как Агамемнон разгневал его, овладев дочерью жреца Аполлона. Афина, самая деятельная и могущественная из божеств, втянутых в конфликт, настроена решительно против Трои и помогает грекам из-за давнего оскорбления, нанесенного ей Парисом. Зевс, правитель Олимпа, не столь пристрастен и, когда к нему взывает тот или иной из многочисленных отпрысков, вмешивается в пользу какой-либо из сторон.

В гневе и отчаянии Троя скорбит по Гектору, жестоко убитому Ахиллом, который трижды протащил под стенами города тело поверженного врага, привязанное за ноги, за своей колесницей. Впрочем, грекам тоже достается. Жестокосердного Ахилла, главного бойца греков, Парис поражает отравленной стрелой в единственное уязвимое место — в пятку. Доспехи Ахилла отдают не Аяксу, самому отважному, а Одиссею, самому достойному и мудрому, и взбешенный Аякс в порыве уязвленной гордости кончает с собой. Боевой дух его соратников слабеет, и многие поговаривают об отступлении, однако Афина пресекает эти разговоры. По ее совету, Одиссей предпринимает последнюю попытку взять Трои хитростью — велит построить огромного деревянного коня, внутри которого смогут спрятаться от двадцати до пятидесяти (по некоторым версиям, до трех сотен) вооруженных воинов. Мол, притворимся, что отплываем домой, а на самом деле укроем корабли за островом Тенедос. На

деревянном коне напишем посвящение Афине, будто бы умоляя ее о благополучном возвращении домой. Этот конь наверняка вызовет у троянцев благоговение, ведь для них лошадь — священное животное, и они непременно захотят затащить ее внутрь, в свой храм Афины. Когда это случится, чары, которые, по преданию, окружают и оберегают город, развеются, а спрятавшиеся в чреве коня воины выскользнут наружу, подадут сигнал кораблям, откроют городские ворота и завладеют Троей.

Повинуясь Афине, которая явилась ему во сне и тоже велела построить коня, Эпей за три дня создает «предмет коварства» с помощью «божественного искусства». Одиссей уговаривает сомневающихся военачальников и самых отважных воинов под покровом темноты забраться по веревочным лестницам внутрь и занять место «на полпути между победой и гибелью».

На рассвете троянские дозорные видят, что осада снята и враг ушел, оставив у городских ворот диковинную огромную статую. Царь Приам и его советники выходят ее осмотреть и затевают долгий и бурный спор. Приняв надпись на боку коня за чистую монету, старейшина Тимоэт просит ввезти коня в храм Афины в стенах города. Капис, другой советник, которого «не провести», говорит, что Афина слишком долго благоволила грекам и троянцам лучше либо тотчас сжечь мнимый дар, либо вскрыть его медными топорами и заглянуть ему в брюхо. (Налицо разумная альтернатива, не правда ли?)

Колеблясь, опасаясь осквернить дар Афины и оскорбить богиню, Приам решает ввезти коня в город, пусть ради этого придется проломить стену или, по другой версии, разобрать свод Сионских ворот. Это

первое предостережение, ибо древнее пророчество гласило, что, если будет когда-нибудь разобрана арка Сионских ворот, Троя падет.

Взволнованные голоса из собравшейся толпы кричат:

— Сожгите его! Сбросьте со скалы в море! Разрубите!

Другие голоса не менее громко требуют принять и сохранить священный образ. А затем происходит драматическое вмешательство Лаокоона. Жрец Аполлона выбегает за стены и обращается к зевакам:

— Жалкие безумцы! Думаете, враг ушел? Думаете, дары греков искренни? Вспомните, чем славен Одиссей?

Либо ахейцы внутри за досками этими
скрылись,

Либо враги возвели громаду эту, чтоб
нашим

Стенам грозить, дома наблюдать и в город
проникнуть.

Тевкры, не верьте коню: обман в нем
некий таится!

Чем бы он ни был, страшусь и дары
приносящих данайцев.^[2]

С этим предостережением, которому суждено отдаваться эхом в веках, он изо всех сил замахивается и кидает в коня копье; то вонзается в дерево и «исторгает

² Здесь и далее цитаты из «Энеиды» Вергилия в пер. С. Л. Ошерова.

стон» у спрятавшихся внутри воинов. Бросок настолько силен, что копье едва не раскалывает конский бок; внутрь проникает свет, однако либо судьба, либо боги приглушают этот свет, иначе, как скажет позже Эней, Троя стояла бы до сих пор.

Но в тот миг, когда Лаокоону удалось убедить большинство горожан, стражники приводят Синона, якобы греческого перебежчика, который притворяется, будто его бросили на берегу по приказу Одиссея, питающего к нему неприязнь. На самом деле он подослан Одиссеем. Приам велит ему говорить правду, и Синон клянется, что конь действительно дар Афине: дескать, греки нарочно построили его таким громадным, чтобы троянцы не смогли ввезти коня в город, ведь иначе это будет означать окончательную победу Трои. Если троянцы уничтожат коня, то сами обрекут себя на гибель. Но если они ввезут коня внутрь, он защитит город.

Выслушав слова Синона, троянцы мешкают, разрываясь между пророчествами и ложными надеждами. И тут происходит ужасное событие, которое убеждает всех, что Лаокоон неправ. Едва жрец начинает уверять, что рассказ Синона — еще одна хитрость Одиссея, из волн на берег выползают две огромные черные змеи:

Кровью полны и огнем глаза горящие
гадов,

Лижет дрожащий язык свистящие
страшные пасти.

В оцепенении и ужасе смотрит на них толпа, а они набрасываются на Лаокоона и двух его сыновей, «острыми зубами терзая несчастные тела», обвивают

жреца за пояс, шею и руки; он издает сдавленные крики, а змеи стискивают его в смертельных объятиях. И потрясенные горожане видят, что боги карают Лаокоона за богохульство, ибо он посмел поразить копьем приношение божеству.

Появление змей было загадкой даже для древних поэтов, ему не находили объяснения. У мифов тоже имеются тайны, и их далеко не всегда получается раскрыть. По мнению некоторых авторов, змей послал Посейдон по просьбе Афины, чтобы показать, что он разделяет неприязнь богини к троянцам. Другие полагают, что змей наслал Аполлон, дабы предупредить троянцев о надвигающейся гибели (эффект получился обратным, так что это объяснение кажется нелогичным). Вергилий утверждал, что тут не обошлось без Афины, которая желала убедить троянцев в подлинности истории Синона и тем самым обречь их на гибель; словно подтверждая эту теорию, змеи после расправы с жрецом находят убежище в храме богини. Вообще вопрос о змеях настолько сложен, что некоторые древние авторы считали, будто судьба Лаокоона никак не связана с троянским конем, будто его гибель стала следствием осквернения храма Аполлона (жрец познавал свою женой перед статуей бога).

Слепой Демодок из «Одиссеи» не ведал о Лаокооне и пел, что троянцы долго препирались, выбирая из трех решений: «либо полое зданье погибельной медью разрушить, / Либо, на край притащив, со скалы его сбросить высокой, / Либо оставить на месте, как вечным богам приношенье»; большинство склонялось к последнему варианту, ибо «решила судьба, что падет Илион, если в стены / Примет большого коня деревянного...». Итоговое же решение можно

интерпретировать как свидетельство того, что человечество (в лице жителей Трои) нередко увлекается политикой наперекор разуму.

Инцидент со змеями — не исторический факт, которому потребовались бы объяснения, а плод необычайно яркого воображения, запечатленный в мраморе: кажется, мы слышим стоны корчащихся в страданиях жертв... Воистину это — шедевр классической скульптуры. Увидев ее во дворце императора Тита, Плиний Старший подумал, что эта мраморная группа — «лучшее из всех произведений живописи и ваяния». Но статуи немые и не могут поведать о причинах своего появления. Софокл написал трагедию «Лаокоон», но текст был утрачен, и потому мысли автора нам неизвестны. Легенда рассказывает, что Лаокоон был наказан за то, что предвидел правду и предупредил о грядущей трагедии.

По приказу Приама троянцы обвязали коня канатами, подвели под него катки и приготовились везти в город. Высшие силы пытались предупредить Трою. Конь четыре раза останавливался, и от толчков грозно гремело в нем оружие греков, однако троянцы игнорировали знамения. «Мы же стоим на своем, в ослепление разум утратив». Троянцы пробили брешь в стене, сняли ворота, не обращая внимания на рвущуюся священную завесу: уж слишком они верили в то, что защита им более не требуется. В произведениях, написанных после «Энеиды», упоминаются и другие предзнаменования: смешанный с кровью дым; слезы, текущие из глаз каменных богов; болезненно стонущие башни; мгла, закрывшая звезды; вой волков и шакалов; лавр, увядший в храме Аполлона, но троянцы не

тревожились. Судьба гонит страх — «ставим, на горе себе, громаду в твердыне священной».

В ту ночь они с легким сердцем веселятся, пьют и едят. Им дается еще один шанс — следует последнее предупреждение. Влюбившись в Кассандру, дочь Приама, Аполлон наделил ее даром предвиденья, но девушка не согласилась ответить ему взаимностью, и тогда оскорбленный бог присовокупил к своему дару проклятье: с этого момента пророчествам Кассандры уже никто не верил. За десять лет до прибытия Париса в Спарту Кассандра предвидела, что приезд юноши навлечет на их дом несчастье, но Приам не обратил внимания на слова дочери. «О, жалкие людишки, несчастные глупцы, — стонала Кассандра, — не понимаете, что вам грозит». Она сказала, что они действуют неразумно, — «в конце ваша гибель». Пьяные троянцы посмеялись и ответили, что она несет чушь. В гневе Кассандра хватает топор и горящую головню и бросается к деревянному коню, но ее останавливают.

Пьяные троянцы погружаются в глубокий сон. Синон крадучись выходит из дома и открывает люк в брюхе коня, оттуда вылезает Одиссей с товарищами, некоторые плачут, от страха у них дрожат колени. Греки открывают остальные городские ворота, а Синон факелом подает сигнал кораблям. В предчувствии скорой победы данайцы приветствуют друг друга. Они нападают на спящих, убивают всех подряд, грабят и жгут дома, насилуют женщин. Гибнут и греки, потому что троянцы хватаются за мечи, но преимущество за захватчиками. Темная кровь льется рекой, земля покрывается

искалеченными трупами, треск огня заглушает женские вопли, стоны и крики раненых.

Трагедия в чистом виде, ее финал не смягчают ни героизм, ни жалость к жертвам. «Разъяренный пролитой кровью» сын Ахилла Пирр (называли его также Неоптолем) преследует младшего сына Приама — раненого Полита, убегающего от него по дворцовому коридору. Пирр жаждет крови, он отсекает голову Политу на глазах у его отца. Старец Приам поскользывается в сыновней крови и бессильной рукой пытается метнуть в убийцу копье, тогда Пирр убивает и его. Жен и матерей побежденных, вместе с добычей, тащат к военачальникам. Одиссею достается царица Гекуба, а жена Гектора Андромаха — убийце Пирру. Аякс насилует Кассандру в храме Афины, девушке связывают руки и тащат за волосы к Агамемнону. Чтобы не достаться очередному насильнику, она кончает жизнь самоубийством. Горше судьба Поликсены, другой дочери Приама, которую когда-то возжелал Ахилл, но он погиб, и победители убили девушку на могиле героя. Особую жалость вызывает малыш Астианакс, сын Гектора и Андромахи, его сбросили с крепостной стены по приказу Одиссея, заявившего, что не должен уцелеть ни один сын героя, чтобы некому было отомстить. Ограбленная и сожженная Троя лежит в руинах. Стонет гора Ида, рыдает река Ксанф.

Греки воспели свою победу, положившую конец долгой войне, после чего сели на корабли, вознося Зевсу молитвы о безопасном возвращении домой. Мало кому удалось вернуться: изменчивая судьба шлет несчастья, не уступающие тем, которые выпали на долю их жертв. Афина, разгневанная осквернением посвященного ей храма, а также тем, что греки не обратили к ней

молитвы, просит Зевса наказать их, и верховный бог насылает молнии и гром, устраивая бурю на море. Корабли налетают на скалы и тонут, морской берег усеян обломками кораблекрушения, по волнам плавают трупы, среди утонувших и Аякс. После победы над Троей и после кораблекрушения Одиссей двадцать лет не мог вернуться домой. Агамемнона убили неверная жена и ее любовник. В Дельфах Орест убивает кровожадного Пирра. Любопытно, что Елена, послужившая причиной войны, остается нетронутой и все такой же прекрасной; очарованный ею Менелай прощает жену, она вновь обретает царственного супруга, дом и собственность. Эней тоже ускользает. Он любит своего престарелого отца и выносит его на спине с поля боя. Агамемнон позволяет ему сесть на корабль вместе с товарищами, и судьба приведет Энея в Рим. По закону воздаяния, которое человек приписывает истории, выживший после падения Трои Эней закладывает город-государство, и этот город расправится с захватчиками Трои.

Есть ли что-либо достоверное в троянском эпосе? Как известно, археологи раскопали девять культурных слоев древнего поселения на азиатском берегу Геллеспонта против Галлиполи (нынешних Дарданелл). В бронзовом веке здесь пересекалось множество торговых путей, а потому это место привлекало грабителей. Именно на них лежит ответственность за полное разрушение поселения, которое жителям то и дело приходилось перестраивать. В культурном слое VIIA обнаружены фрагменты золотых и прочих артефактов, что свидетельствует об уничтожении их руками человека. Этот слой назван Троей Приама, и гибель города датируется примерно 1200 годом до новой эры. Не исключено, что троянцам не понравились торговые и

морские амбиции греков, и тогда владыка нескольких поселений на греческом полуострове собрал соратников и устроил совместное нападение на город, находившийся по другую сторону пролива. По предположению Роберта Грейвса, похищение Елены, в качестве мести за прежние греческие нападения, могло произойти на самом деле. В Греции царила микенская цивилизация, и царь микенцев Агамемнон, сын Атрея, управлял подданными из своей цитадели с Львиными воротами. На холме к югу от Коринфа среди темных руин растут такие красные маргаритки, что чудится, будто их обрызгала кровь детей Атрея. По какой-то серьезной причине с лидерством Микен и с критским Кноссом, тесно связанным с Микенами, было покончено. Произошло это приблизительно в те же годы, что и гибель Трои, однако времени на это потребовалось куда больше. Микенцы, как нам стало известно, обладали письменностью, поскольку в развалинах Кносса были найдены таблички, значки на которых называли «линейным письмом Б», отнеся его к ранней форме греческого языка.

Период, последовавший за падением Микен, охватил около двух столетий, прозванных «темными веками Греции», и судить о них можно лишь по черепкам и артефактам. Письменный язык, по неизвестной причине, исчез совершенно, хотя рассказы о подвигах предков и героическом прошлом передавались из уст в уста и из поколения в поколение. Стимулом к возрождению стало появление дорийцев, которые явились с севера примерно в X веке до н. э. Возрождение это ознаменовал бессмертный творец, чей эпос впитал известные предания и легенды его народа и положил начало западной литературе.

Гомера мы обычно представляем как человека, ведущего рассказ под аккомпанемент лиры, но 16 тысяч строк «Илиады» и 12 тысяч строк «Одиссеи» явно написаны, и либо он сам написал их, либо продиктовал писцу. В последующие два или три столетия тексты, без сомнения, побывали в руках нескольких поэтов, которые заполнили оставленные Гомером пробелы рассказами, имевшими в основе устную традицию. Самопожертвование Ифигении, Ахиллесова пята, царица амазонок Пентесилея, явившаяся на помощь троянцам, и много других замечательных эпизодов поэмы послегомеровского периода дошли до нас лишь благодаря созданным во втором веке новой эры кратким пересказам утраченных ныне текстов. Так, поэма «Киприя» — названная так, вероятно, по месту рождения ее предполагаемого автора — является самой ранней и полной из всех, а за ней последовали и другие поэтические произведения — «Разрушение Илиона» Арктина Милетского и «Малая Илиада», составленная певцом с Лесбоса. Лирические поэты и три больших драматурга подхватили троянскую тему, а греческие историки обсуждали имевшиеся в их распоряжении письменные свидетельства. Латинские авторы — до и особенно после Вергилия — развили этот сюжет: вставили драгоценные глаза деревянному коню и добавили другие блестящие небылицы. Разница между историей и сказкой стерлась, когда герои Трои возникли на гобеленах, а рассказы об их приключениях появились в хрониках средних веков. Гектор стал одним из девяти героев наравне с Юлием Цезарем и Карлом Великим.

Во II веке путешественник и географ Павсаний, автор путеводителя «Описание Эллады», затронул тему исторической обоснованности легенды о деревянном

коне. Он решил, что конь, должно быть, представлял собой разновидность «стенобитной машины» в форме коня: нельзя же, в самом деле, считать троянцев полными дураками. Этот вопрос, однако, вызывает споры и в XX веке.

Если этим осадным орудием был таран, то почему греки им не воспользовались? Если же это было устройство, с помощью которого нападающие забирались на стены, то со стороны троянцев было бы еще большей глупостью втащить его в город, не сломав и не проверив, что у него внутри. Сейчас гипотезы можно строить до бесконечности. Хотя на стенах древних ассирийских дворцов имеются изображения стенобитных машин, не существует свидетельств о каком-либо осадном орудии, которое использовали бы греки во времена Микен и Гомера. Павсания подобный анахронизм не обескуражил, потому что не только при нем, но и в более поздние годы люди рассматривали прошлое в категориях настоящего времени. В библейских землях во втором тысячелетии до новой эры таран использовали при осаде крепостей и городов, в этот период входит и столетие, к которому относят Троянскую войну. Если армия не могла взять город с помощью силы, она пыталась войти туда с помощью хитрости, входила в доверие к защитникам крепости. Один военный историк отметил, что само существование легенд, рассказывающих о взятии городов с помощью какой-либо уловки, подтверждает эту теорию.

Хотя в V столетии до новой эры Геродот ни словом не обмолвился о деревянном коне, он попытался дать более рациональное объяснение поведению троянцев, нежели Гомер. На основании того, что рассказали ему египетские жрецы, Геродот утверждает, что на протяжении всей войны Елены не было в Трое, она

оставалась в Египте, на берег которого высадилась вместе с Парисом, когда их корабль сбился с курса. Произошло это после ее похищения из Спарты. Местный царь, возмущенный тем, что Парис соблазнил жену хозяина, приказал ему убираться, и в Троию с Парисом явился только фантом Елены. Если бы Елена была настоящей, уверяет Геродот, Приам и Гектор наверняка передали бы ее грекам, чтобы их народ не претерпел столько смертей и несчастий. Они не могли быть настолько очарованы и не стали бы переносить столько горя ради нее или ради Париса, семья которого относилась к Елене крайне недружелюбно.

Так говорит рассудок. Но «отец истории» Геродот наверняка знал, что в жизни людей здравый смысл редко выступает определяющей силой. По его словам, троянцы убеждали греческих послов, что Елены в Трое нет, но им не поверили, потому что боги хотели войны и уничтожения Трои: им нужно было показать, что за плохими поступками следует суровое наказание.

Докапываясь до смысла легенды, не следует забывать, что боги (или Бог) — представление человеческого ума; они — создание человека, а не наоборот. Боги необходимы для придания значения и цели загадке жизни на земле, они объясняют странные и необыкновенные природные явления, неожиданные события и — что самое главное — иррациональные поступки людей. С их помощью можно объяснить то, чего нельзя понять, сославшись на сверхъестественные силы.

Это особенно верно в отношении греческого пантеона, боги ежедневно, по-родственному вмешиваются в человеческие дела, и им свойственны все чувства смертных, а все отличие — в пределе их

существования. По греческой концепции, боги лишены морали и этических ценностей, и потому они капризны и беспринципны, словно человек, лишенный тени. Следовательно, они не испытывают угрызений совести из-за своих деяний, спокойно нарушают слово и совершают другие бесчестные поступки. По воле Афродиты Елена сошлась с Парисом, Афина хитростью заставила Гектора сражаться с Ахиллом. Постыдно и глупо люди поступают по воле богов. «Ты предо мною невинна; единые боги виновны»^[3], — плачется Приам, забывая, что он мог положить конец всему, в любой момент отослав Елену домой (если она находилась в Трое, а у Гомера она там была и вела себя весьма активно), и он мог отдать ее, когда пришли Менелай и Одиссей и стали требовать ее выдачи.

Вмешательство богов не избавляет человека от глупости; напротив, это человек старается переложить ответственность на них. Гомер понимал это, когда в самом начале «Одиссеи» заставил Зевса жаловаться: мол, люди винят богов в своих злосчастьях. «Странно, как люди охотно во всем обвиняют бессмертных! / Зло происходит от нас, утверждают они, но не сами ль / Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?»^[4] Это — важное замечание, ибо, если результат получается хуже, чем уготовила судьба, то здесь все зависит от свободного выбора, а не от уготовленного предназначения. В качестве примера Зевс упоминает Эгиста, укравшего жену Агамемнона и «при возврате в отчизну» убившего ее супруга Атрида, ибо

³ Здесь и далее цитаты из «Илиады» Гомера в пер. Н. И. Гнедича.

⁴ Здесь и далее цитаты из «Одиссеи» Гомера в пер. В. В. Вересаева.

«гибель грозящую знал он: ему наказали мы строго / Зоркого аргубийцу Гермеса послав, чтоб не смел он / Ни самого убивать, ни жену его брать себе в жены / Месть за Атрида придет от Ореста, когда, возмужавши / Он пожелает вступить во владенье своею строною». Короче: Эгист прекрасно понимал, каким злом обернется его поступок, но тем не менее сделал так, как сделал, за это и поплатился.

«Безрассудная страсть лишает человека разума», — сказал Геродот. Древним это было хорошо известно, ведь у греков была богиня Ате, являвшаяся персонификацией помрачения ума. Она приходилась дочерью Зевсу, причем по некоторым генеалогиям — старшей дочерью. Мать Ате — богиня раздора Эрида (в некоторых версиях она выступает другим воплощением Ате). Дочь — богиня всяческих злосчастий — ослепления, заблуждения, помрачения ума — либо по отдельности, либо всех вместе. Ате лишала свою жертву способности делать рациональный выбор, и та не видела разницы между моралью и целесообразностью.

Сложная родословная Ате повлияла на нрав богини: в нее была заложена способность к причинению вреда, более того, Ате стала первопричиной раздоров еще до суда Париса и до Троянской войны. Если судить по более ранним версиям — «Илиаде», «Теогонии» Гесиода, жившего почти в то же время, что и Гомер, и являвшегося главным авторитетом в области генеалогии олимпийцев, а также «Киприи», — то в рассказе об Ате говорится о первоначальной причине ее вражды. Дело в том, что Зевс не пригласил ее на свадьбу Пелея и греческой богини моря Фетиды — будущих родителей Ахилла. Явившись без приглашения в пиршественный зал, Ате покатила по столу золотое яблоко раздора с

надписью «Прекраснейшей», что тотчас вызвало спор между Герой, Афиной и Афродитой. Будучи мужем одной и отцом других поссорившихся женщин, Зевс не захотел навлекать на себя неприятности, вынося свое суждение, а потому послал всех трех к горе Иде, чтобы красивый юный пастух, по слухам знаток в любовных делах, принял трудное решение. Это, конечно же, был Парис, чье неблагородное занятие было вызвано обстоятельствами, на которых мы сейчас не станем останавливаться. Сделанный им выбор и привел к конфликту, куда более великому, чем могла даже предполагать Ате.^[5]

В другой раз, без тени сомнения, Ате затеяла сложную игру, в результате которой было отсрочено рождение сына Зевса Геракла и прежде него на свет явился недоношенный ребенок, что лишило Геракла права на первородство. Возмущенный проделкой Ате (простить ее невозможно даже бессмертным богам), Зевс прогнал дочь с Олимпа, и с тех пор Ате жила на земле среди людей. В ее честь землю называли «поляной Ате», а не «лугом Афродиты», и не «садом Деметры», и не «троном Афины», и не как-нибудь еще, однако древние с горечью сознавали: земля — царство глупости.

⁵ По другим версиям, причина войны связана с легендой о потопе, широко распространенной в Малой Азии; возможно, там случился разлив Евфрата, который нередко выходил из берегов. Намереваясь убрать негодных людей или, в соответствии с «Киприей», избавляя от излишнего бремени кормилицу-землю, Зевс решил устроить Илионскую войну с тем, чтобы смерть опустошила мир. Поэтому он и воспользовался ссорой богинь из-за яблока. Еврипид заимствует эту версию, и Елена в его пьесе, названной в честь красавицы, говорит: «Фригийцев он войну зажег, чтоб мать освободить от населения — Землю — чрезмерного и чтобы лучший грек был славою отмечен» (пер. Ин. Анненского). Очевидно, эти легенды родились из понимания человеческого несовершенства.

Греческие мифы заранее просчитывают всякие неожиданности. В «Илиаде» Зевс, сожалея о том, что наделал, произвел на свет четырех дочерей, их звали Литами, или Молитвами о раскаянии. Дочери предлагали смертным избавление от несчастий и безумия, но только если те откликнутся. «Хромы, морщинисты, робко подъемлющи очи косые, / Вслед за Обидой они, непрестанно заботные ходят». Люди называли Ате Безумием, иногда Обидой:

Кто принимает почтительно Зевсовых
дщерей прибежных,

Много тому помогают и скоро молящемусь
внемлют.

Кто ж презирает богинь и, душою суров,
отвергает, —

К Зевсу прибегнув, они умоляют Отца, да
Обида

Ходит за ним по следам и его, уязвляя,
накажет.

Тем временем, находясь среди людей, Ате даром времени не теряла и вызвала знаменитую ссору Ахилла с Агамемноном, чем породила гнев в герое, ставший побудительным мотивом «Илиады», и гнев этот всегда казался непропорционально большим. Когда ссора, столь навредившая всем, наконец-то улаживается, Агамемнон обвиняет Ате за то, что она пробудила в нем необузданную страсть к девушке, из-за чего он увел ее от Ахилла:

Дщерь громовержца, Обида, которая всех
ослепляет,

Страшная; нежны стопы у нее: не касается
ими

Праха земного; она по главам
человеческим ходит,

Смертных язвя; а иного и в сети легко
уловляет.

От себя добавим, что она уловила и многих других. Обида появляется в воспаленном воображении Брута, когда он смотрит на труп подле своих ног: «Дух Цезаря подымется на мщенье / И голосом державным прокричит: / „Всемирная смерть!“ — собак войны с цепи спуская...».^[6]

Антропологи классифицировали мифы и создали на этой базе теорию. Мифы являются продуктом психики, они отражают потаенные страхи и желания человека, противоречия и проблемы, социальные и личные, с которыми люди сталкиваются в жизни. Есть мифы, связанные с ритуалами (инициации, рождения, брака, смерти и прочим). Все они или часть их могут или не могут быть достоверны. Уверены мы лишь в том, что мифы — прототипы человеческого поведения. Есть миф, согласно которому в пустыню отправляли козла с привязанным к его рогам куском красной шерсти — животное должно было унести с собой все ошибки и грехи человечества.

⁶ У. Шекспир. «Юлий Цезарь». Пер. И. Б. Манделштама.

Есть легенды, в которых прослеживается связь с событиями истории, пусть слабая и отдаленная, но незабытая. Деревянный конь — не миф, если сравнивать его с мифом о Кроне, проглотившем своих детей, или с мифом о Зевсе, с целью прелюбодеяния превращавшегося в лебедя или в золотой дождь. В легенде о Трое нет сверхъестественных элементов, за исключением помощи Афины и появления змей, которых добавили в сказание, чтобы дать троянцам причину отвергнуть совет Лаокоона (и сделано это весьма убедительно, ибо троянцы вынуждены сделать выбор, приведший их к гибели).

И все же у троянцев имелась альтернатива — уничтожение коня. Один троянец, Капис Старший, еще до Лаокоона и Кассандры советовал не пускать коня в Трою. Несмотря на то что в эпических произведениях часто повторяют, что падение Трои предрешено, судьба все же предоставляла троянцам свободу выбора. «Судьба» в легенде означает исполнение того, чего человек ожидает от себя сам.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПАПЫ ЭПОХИ

РЕНЕССАНСА САМИ

ПОРОДИЛИ

ПРОТЕСТАНТСТВО:

1470–1530 гг.

Примерно в то самое время, когда Колумб открыл Америку, Ренессанс — то есть период, когда одни мировые ценности сменили другие, — достиг в Италии своего расцвета. Человек обнаружил, что своей судьбой управляет он сам, а не Бог. Оказалось, что потребности человека, его амбиции, желания, удовольствия, разум, творчество, сила и слава зависят от него самого. Жизнь его тем не менее не стала длиннее, с точки зрения средневековых представлений она была лишь утомительной остановкой на пути к вечности.

За шестьдесят лет, примерно с 1470 по 1530 год, сменилось шесть пап — пятеро итальянцев и один испанец.^[7] При этих понтификах воцарились продажность, аморальность, алчность и пагубная политика силы. Правление пап вызывало у верующих смятение, Святейший престол уже не пользовался уважением, на призывы к реформам никто не

⁷ Не считая того, кто правил 26 дней, и иностранца, занимавшего Святейший престол менее двух лет.

откликался, игнорировались все протесты, предупреждения и мятежи. Кончилось тем, что христианский мир утратил единство, а папство потеряло половину своих приверженцев, перешедших к протестантам. Безумие несговорчивости, возможно, привело к самым значительным последствиям в западной истории, если измерить его результат в столетиях непрекращающейся вражды и братоубийственных войн.

Злоупотребления шести пап породило не Высокое Возрождение. Они проявились в предыдущие 150 лет, а начало этим злоупотреблениям положила авиньонская ссылка пап. Попытка возвращения папства в Рим привела в 1378 году католичество к Великому расколу, или Великой схизме, и теперь у христиан было два папы — один в Риме, а другой — в Авиньоне. У каждого святейшего отца на протяжении полувека появлялись преемники, объявлявшие себя истинными папами. Каждая страна или королевство, объявлявшие себя приверженцами того или другого папы, руководствовалась политическими интересами, так что Святейший престол стал крайне политизированным. Зависимость от светских правителей была фатальным наследием схизмы, потому что соперничавшие друг с другом папы считали своим долгом удерживать власть с помощью разного рода сделок, уступок и союзов с королями и принцами. Поскольку и доходы оказались разделены, раскол заставил папство добиваться не только политической выгоды, но и стремиться к получению доходов, что и стало его главной заботой. С этого времени торговля как духовным, так и материальным с согласия церкви — от отпущения грехов и спасения души до продажи аббатств и епархий — перешла на постоянную коммерческую основу,

соблазнительную тем, что она могла дать, но губительную для религии.

Под влиянием гуманистических идей Ренессанса в тридцатые годы XV века папы, после того как в 1430-х годах Святейший престол вновь окончательно утвердился в Риме, немедля переняли моральные ценности и разбойные замашки правителей итальянских городов-государств. Из-за отсутствия единства и ограниченности территории богатые, элегантные, беспринципные и враждебно настроенные друг к другу правители-итальянцы в немалой степени являлись причиной разлада. Охочие до роскоши алчные папы мало чем от них отличались, а может, из-за своего высокого статуса были и гораздо их хуже. Каждый из упомянутой шестерки — в нее входили Борджиа и два Медичи — словно собаки, взявшие след, старались приумножить семейное состояние, которого хватило бы и потомкам. В этой гонке каждый с головой погружался в политику, что означало бесконечные комбинации, интриги и маневры без какой-либо основополагающей идеи, без какого-либо постоянства: все зависело от соотношения сил на данный момент. Поскольку политический баланс был неустойчив и чаши весов все время колебались из-за измен и предательств, то для этих маневров требовалось без конца прибегать к подкупам, сделкам и заговорам — вместо ясной цели и продуманного плана.

Доминирующим политическим фактором этого периода были неоднократные вторжения в Италию, предпринимавшиеся в союзе с тем или иным итальянским городом тремя государствами — Францией, Испанией и Габсбургской империей. Эти страны соперничали друг с другом за обладание если не всем полуостровом, то хотя бы его частью. Папы активно включились в эту борьбу,

однако для того, чтобы взять на себя решающую роль, они не обладали военными ресурсами. Чем большее участие принимали папы в мирских конфликтах, тем бессильнее они казались монархам — и действительно становились слабее. При этом папская власть, как от огня, бежала от насущной реформы церкви, поскольку боялась утратить авторитет и возможность извлекать собственную выгоду. Будучи итальянцами, папы Ренессанса собственную страну приносили в жертву войне и иностранному влиянию, содействуя потере ею независимости. Викарии Христа превратили Святейший престол в объект насмешек и колыбель Лютера.

Существовала ли реальная альтернатива? Согласиться с религиозной альтернативой — дав ответ на постоянный призыв к реформе — было трудно из-за заинтересованности церковной иерархии в коррупции, тем не менее выбор можно было сделать. Раздавались громкие предупреждающие голоса, слышались постоянные жалобы на злоупотребления пап. Неспособные и коррупционные режимы, такие как империя Романовых или правительство гоминьдана, не могли быть реформированы без переворота или роспуска. В случае с папством времен Ренессанса реформа, инициированная сверху главой церкви, проведенная совместно с соратниками решительно и с твердостью, могла бы очистить церковь от злоупотреблений, сделать ее достойным институтом и предотвратить развал.

В политической сфере альтернатива тоже была необходима. Если бы папы обратили внимание на эту область и в поисках личной выгоды не растрачивали бы свои усилия ради мелочных целей, то погасили бы взаимную вражду светских правителей и направили их

энергию на интересы Папской области. Они могли это сделать. Трое из шести пап — Сикст IV, Александр VI и Юлий II — были людьми способными, наделенными сильной волей. Однако никто из них, за исключением Юлиана II, не проявил искусства в управлении государством и не поднял престиж трона святого Петра ни в моральном отношении, ни в области политической ответственности.

Мораль того времени сделала вышеупомянутую альтернативу психологически невозможной. В этом смысле, любая альтернатива была недоступна всем шести папам. То, что пап Ренессанса сформировало современное им общество, сомнений не вызывает, однако властные полномочия и большая ответственность часто требуют поступать наперекор сложившимся условиям. Папы же, как мы увидим, впитали в себя все общественные пороки и, не желая прислушиваться к социальным вызовам, проявили тупое упрямство.

В то время все размышляли о реформе, и это отразилось в литературе, проповедях, памфлетах, песнях и политических собраниях. Требование реформ и стремление более чистого служения Богу широко распространилось, начиная с XII века. Тогда это было откровение, явленное святому Франциску в церкви Сан-Дамиано: святой услышал голос, говоривший ему: «Франциск, разве ты не видишь, что обитель моя разрушается, — иди и восстанови ее». Народ был недоволен священниками, стремящимися к обретению материальных благ, людей возмущали моральное разложение и стяжательство на всех уровнях, начиная с папской курии и заканчивая деревенским приходом, отсюда и призыв к реформе «сверху и донизу». Подделывались разрешения, позволявшие поступаться

церковными законами; курия присваивала жертвования на крестовые походы; индульгенция превратилась в заурядный товар, так что люди, как жаловался в 1450 году канцлер Оксфорда, уже не задумывались о том зле, которое творили, поскольку теперь они могли либо купить прощение за грехи, заплатив шесть пенсов, либо выиграть его, «словно ставку при игре в теннис».

Недовольство вызывали абсентеизм и большое количество бенефиций, получаемых одним человеком, безразличие иерархов и все большее отдаление их от простых священников. Людей возмущали подбитые мехом облачения прелатов и их приближенных, их недовольство вызывали грубые и невежественные деревенские священники. Священнослужители позволяли себе держать любовниц и предаваться пьянству. Все это было источником негодования, потому что обычный человек считал, что священники должны быть чисты перед людьми и перед Богом. Где же простому человеку искать прощения и надеяться на спасение, если посредники сами погрязли в грехе? Люди чувствовали себя преданными: между ними и «представителями Бога» разверзлась пропасть. По словам помощника настоятеля монастыря Дарема, люди «изголодались по слову Божьему» и не могут получить от недостойных священников «истинную веру и моральные наставления, чтобы душа их обрела спасение». Многие священники «никогда не читали Старый Завет и Псалтырь», многие всходили на кафедру пьяными. Прелаты редко посещали мелкие приходы, не обучали деревенских священников, так что те не знали своих обязанностей, не ведали, как следует проводить ритуалы, и даже не знали, как причащать прихожан. Хотя критика в адрес клириков со

стороны мирян и была запрещена, обличительные речи прихожане встречали восторженно. «Если проповедник произнесет хоть слово против священников или прелатов, спящие мгновенно просыпаются, скучающие веселеют, забывают и о голоде, и о жажде, а самые грешные в сравнении со священниками видят себя праведниками или святыми».

К XIV веку протест обрел форму и голос в диссидентских движениях лоллардов, гуситов, а также и в светских образованиях, таких, как «Братья общинной жизни». В отличие от официальной церкви, люди встречали здесь искреннее сочувствие. Впервые прозвучали несогласные речи, позднее протестанты громко заявили о разногласиях по многим вопросам: они отрицали пресуществление, отказывались от исповеди, критиковали продажу индульгенций, паломничество и преклонение перед святыми и реликвиями. Отделение от Рима не считали чем-то немислимым. В XIV веке знаменитый доктор теологии Уильям Оккам уже представлял себе церковь без папы, а в 1453 году римлянин Стефано Поркаро возглавил заговор с целью свергнуть власть папы (впрочем, это был скорее политический, а не религиозный акт).

Несогласие подпитывали книгопечатание и распространение грамотности, особенно после знакомства с Библией на родном языке. За первые шестьдесят лет из-под печатного пресса вышло четыреста таких книг, и любой, кто умел читать, находил в Евангелии то, чего не слышал от епископов.

Сама церковь постоянно говорила о реформе. На вселенских соборах в Констанце и Базеле в первой половине XV столетия знаменитые проповедники каждое

воскресенье рассуждали о развращенности и падении нравов, в частности, о симонии, о неспособности найти путь к христианскому возрождению, о крестовом походе против турок, обо всех грехах, разрушающих жизнь христианина. Они призывали к действию и принятию действенных мер. На соборах проходили бесконечные дискуссии, обсуждались бесчисленные предложения и издавались указы, имевшие отношение, главным образом, к диспутам между церковными иерархами и папством о распределении доходов и бенефиций. Они не снисходили до тех насущных вопросов, которые на самом деле срочно требовалось разрешить, от посещения епископами епархий до образования простых священников и реорганизации монашеских орденов.

Высокопоставленные священники не были столь уж индифферентны; среди выступавших за реформы были аббаты, епископы, даже кардиналы. Папы иногда тоже откликались. По приказам пап Николая V и Пия II в 1440-х и 1460-х годах были разработаны программы реформ. Убежденный реформатор и проповедник, германский кардинал и легат Николай Кузанский представил свой план Пию II. Николай Кузанский говорил, что реформы необходимы для обращения всех верующих, начиная с папы, в подобие Христа. Его коллега-реформатор, епископ Доменико де Доменичи, автор трактата о реформе, написанного им для того же папы, настроен был столь же решительно. Бесполезно, писал он, говорить бесчестным принцам о святости папства, потому что порочная жизнь прелатов и курии вызывает возмущение мирян и они называют церковь «Вавилоном, матерью прелюбодеяния и гнусности на земле».

На конклаве, собравшемся в 1464 году для избрания преемника Пия II, Доменичи заявил, что на эту проблему следует обратить внимание Сикста и его преемников: «Достоинство церкви, как и ее авторитет, должны быть восстановлены, необходимо поднять мораль, добиться торжества справедливости, восстановить веру», вернуть папские земли и «поднять верующих на священную войну».

Шесть ренессансных пап относились к этому перечню с прохладцей. Реформе мешало отсутствие поддержки, церковная иерархия и папы испытывали к ней неприязнь, а объяснялось это тем, что в существующую систему были встроены возможности для их личного обогащения. Они считали, что реформа лишает папство независимости. Революционное движение набирало силу на протяжении столетия, со времен гуситского восстания, но церковные сановники этого не замечали. Они рассматривали протестное выступление не более, как бунт, который надо подавить, и полагали, что оно вряд ли им чем-то серьезно угрожает.

Тем временем новая вера, национализм и вызов со стороны поднявшихся национальных церквей подтачивали владычество Рима. Из-за политического нажима и договоренностей, ставших необходимостью во времена схизмы, право назначать священников в епархии, которое было важнейшим источником власти и доходов папства — и которое Святейший престол узурпировал у местного духовенства, обладавшего им изначально, — постепенно либо переходило к местным сюзеренам, либо назначения осуществлялись по их указке или в их интересах. Под давлением обстоятельств и в результате политических торгов Рим во многом

утратил свое влияние на Францию, Англию, а потом и на империю Габсбургов, на Испанию и другие государства.

Как ни удивительно, но в эти годы зло шло рука об руку с добром: на времена политической и моральной деградации пришелся необычайный расцвет искусства. Открытие античной классики, которой было свойственно опираться на возможности человека, а не на призрачную Троицу, стало толчком к развитию гуманизма, особенно в Италии, где произошел возврат к античному национальному искусству. Внимание к земным ценностям означало отход от христианского идеала отречения и завещанного церковью полного подчинения слову Божьему. Итальянцы настолько влюбились в языческую античность, что стали испытывать меньшую приверженность христианству. Как писал Макиавелли в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия», религия «почитает высшее благо в смирении, в самоуничижении и в презрении к делам человеческим; тогда как религия античная почитала высшее благо в величии духа, в силе тела и во всем том, что делает людей чрезвычайно сильными».^[8]

Гуманизм второй половины XV века, сменивший депрессию и уныние уходящего средневековья, сопровождала новая экономическая инициатива. Это явление объясняли по-разному: говорили об изобретении печатного станка, расширившего доступ к знаниям и идеям; о научных достижениях, содействовавших пониманию мира; о новых технологиях в прикладных науках и новых методах финансирования капиталистического производства. Благодаря новациям в

⁸ Пер. Р. И. Хлодовского.

мореплавании и кораблестроении развивалась торговля и расширялись горизонты. Монархии опирались на новую централизованную власть, вышедшую из угасавших средневековых коммун, а растущий национализм прошлого века задал ей импульс к развитию. Открытие Нового Света и кругосветные путешествия подарили людям беспредельные возможности. Кто знает, было ли это совпадением в загадочном течении времени, однако произошел поворот, и начался период, который историки окрестили «ранним Новым временем».

За эти шестьдесят лет Коперник разобрался в истинном отношении Земли к Солнцу, португальские суда привозили из Африки рабов, пряности, золотой песок, Кортес завоевал Мексику, Фуггеры в Германии инвестировали доходы от торговли шерстью в коммерцию — в банки и недвижимость и создали самую богатую торговую империю в Европе. Сын их основателя Якоб, по прозвищу Богач, выразил настроение времени в хвастливом заявлении, что он будет продолжать делать деньги, пока дышит. На его итальянского соперника, римлянина Агостино Киджи, трудилось 20 000 рабочих на предприятиях в Лионе, Лондоне, Антверпене, а также в Константинополе и Каире, и Киджи не смущало то, что он ведет дела с неверными: главное, чтобы бизнес этот приносил доход. Турки, взявшие в 1453 году Константинополь и продвинувшиеся на Балканы, внушали страх Европе, на них смотрели приблизительно так же, как на Советский Союз, однако как бы ни были велики тревоги христиан, они были слишком заняты конфликтом друг с другом, а потому и не объединялись против общего врага.

В Испании Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская объединили свои королевства и,

уподобившись инквизиции, изгнали евреев. На «Поле золотой парчи» близ Кале состоялась встреча короля Франции Франциска I с Генрихом VIII; Альбрехт Дюрер с успехом творил в Германии, а Иероним Босх и Ханс Мемлинг — во Фландрии. Эразм был Вольтером своего времени, его привечали при королевских дворах и в столицах, отмечая скептический ум писателя. Сэр Томас Мор, ближе к исходу этих шестидесяти лет, опубликовал «Утопию», в то время как Макиавелли, человек противоположного склада, мрачно смотрел на человечество, подтверждением чему стал его труд «Государь». В Италии искусство и литературу почитали высшим достижением человека, и страна породила необычайные таланты — Леонардо, Микеланджело, Тициана и многих других, лишь немного уступавших названным мной гигантам. Литературу украсили работы Макиавелли, Франческо Гвиччардини стал автором великой «Истории Италии», необходимо также отметить комедии и сатиры Пьетро Аретино и восхитительную поэму Ариосто «Неистовый Роланд», посвященную противоборству христиан и мусульман, и не забыть бы еще и трактат Кастильоне «О придворном».

Как ни странно, расцвет культуры не отражал сравнимого с нею изменения в поведении человека, напротив, оно оставляло желать лучшего. Частично это объяснялось отсутствием в Италии центральной власти, монарха в стране не было. Страна делилась на пять главных регионов — Венецию, Милан, Флоренцию, Неаполь и Папскую область, плюс к этому мелкие города-государства, такие как Мантуя, Феррара и остальные, находившиеся в постоянном конфликте друг с другом. Поскольку правители получали власть в результате насилия, то для удержания своего

владычества они ничем не брезговали. Похищения, отравления, предательство, убийство и даже братоубийство, заключение в тюрьму, пытки — все это пускалось в ход без малейших сожалений.

Чтобы понять пап, посмотрим на светских князей. После того как миланцы убили своего правителя Галеаццо Мария Сфорца в церкви за его притеснения и злодеяния, брат убитого, Лодовико иль Моро, бросил в тюрьму наследника и родного племянника и сам стал управлять Миланом. Флорентийская семья Пацци, противники Медичи Великолепного, не в силах сдерживать ненависть, решили расправиться с Лоренцо и его красивым братом Джулиано в соборе во время пасхальной мессы. Сигнал должен был подать кардинал во время принесения даров. Кинжалы нападающих сверкнули в самый торжественный момент службы. Джулиано был убит, а Лоренцо, защитив себя длинным кинжалом, укрылся в одной из ризниц, а затем отомстил — уничтожил Пацци и всех его сторонников. Чаще всего заговорщики планировали убивать свои жертвы в церквях: там их реже окружала вооруженная охрана.

Самыми неприятными были короли Арагона, правившие Неаполем. Король Ферранте (Фердинанд I), неразборчивый в средствах, свирепый, циничный и мстительный, вплоть до самой смерти в 1494 году прилагал все силы для уничтожения своих противников. Междоусобными войнами он причинил Италии больше вреда, нежели любой другой правитель. Его сын и преемник, Альфонсо II, жестокий распутник, в комментариях современника, французского историка Коммина, охарактеризован как «самый грубый, низкий и порочный человек». Подобно другим людям такого склада, он открыто выражал презрение к религии.

Кондотьеры, на силу которых он опирался, разделяли его взгляды. Наемники, сражавшиеся ради денег, а не ради идеи, были «преисполнены презрения ко всему святому... и не гнушались предательством по отношению к людям... отлучение от церкви не страшило их ни в жизни, ни в смерти».

Обычаи правителей перенимали их подданные. Случай с врачом из госпиталя святого Иоанна Латеранского передан в лишенном эмоций рассказе из дневника папского церемониймейстера Иоганна Бурхарда: «Каждое утро он покидал госпиталь в короткой тунике и с арбалетом, расстреливал каждого встречного, а деньги забирал себе». Он действовал заодно с госпитальным духовником: тот называл ему пациентов, которые на исповеди признавались, что у них есть деньги. Врач давал этим пациентам «эффективное лекарство» и делился барышом с духовником. Бурхард добавляет, что впоследствии врача повесили вместе с семнадцатью прочими преступниками.

Дискреционная власть, побуждавшая к несдержанности и хронической подозрительности к соперникам, сформировали непредсказуемых деспотов, этим властителям была свойственна бессмысленная жестокость, причем у их приспешников эта черта отмечалась не реже. Пандольфо Петруччи, тиран Сиены в 1490-х годах, развлекался тем, что сбрасывал с высоты камни, ничуть не задумываясь о том, что они могут в кого-то угодить. Бальони из Перуджи и Малатеста из Римини оставили сведения о кровавых междоусобицах и братоубийствах. Другие, такие, как представители старинного аристократического семейства д'Эсте из Феррары или Монтефельтро из Урбино, чей двор прославил Кастильоне в своем трактате «Придворный»,

были людьми уважаемыми и даже любимыми народом. Рассказывают, что герцог Урбинский Федерико был единственным правителем, который ходил безоружным и без свиты, он даже осмеливался прогуливаться по парку. Печально, но в то же время типично, что герцогство Урбино стало объектом неприкрытой военной агрессии со стороны одного из шести пап — Льва X, который хотел захватить его для своего племянника.

Несмотря на негодяев и скандалы, достоинство и сочувствие никуда не пропали. Нельзя мазать общество только черной краской. Многие люди эпохи Ренессанса, принадлежавшие к самым разным слоям общества, по-прежнему молились Богу, верили в святых, жаждали духовного возрождения и вели праведную жизнь. Истинная религия и высокая мораль продолжали существовать, поэтому людей возмущали падение нравов духовенства и, в особенности, порочность тех, кто занимал Святейший престол, потому-то они так хотели реформы. Если бы все итальянцы вели аморальный образ жизни подобно своим лидерам, то и протестов бы не было.

Шла долгая борьба за преодоление хаоса и смятения, порожденных Великой схизмой. Люди хотели восстановить единство церкви. Миряне и священники обратились за помощью к Вселенским церковным соборам, полагая, что те имеют власть над Святейшим престолом. Борьба шла всю первую половину XV века, общецерковные соборы управляли делами церкви, и, хотя соборы наконец остановились на едином понтифике, им так и не удалось убедить претендентов признать верховенство собора. Последующие папы крепко держались за свои прерогативы, заняли твердую позицию и, благодаря разобщенной оппозиции, сумели

сохранить свою власть, хотя теперь она и не была абсолютной. Пий II, известный в миру как гуманист и романист Энеа Сильвио Пикколомини, на заре карьеры был адвокатом совета, но в 1460 году, став папой, он издал зловещую буллу «Exsecrabilis» («Достойный проклятия»), в которой угрожал отлучить от церкви всякого, кто посмеет апеллировать к собору. Преемники папы считали, что соборы почти так же опасны, как турки.

Воцарившись в Риме, папы сыграли свою роль в Ренессансе, они стремились превзойти светских правителей в покровительстве искусству, полагая, что картины, скульптуры, музыкальные произведения и книги станут гордостью папского двора и наилучшим образом подтвердят папскую щедрость. Если Леонардо да Винчи украшал двор Лодовико Сфорца в Милане, а поэт Торквато Тассо — двор д'Эсте в Ферраре, то другие художники и писатели нашли свое место в Риме, где папы щедро их вознаграждали. Каким бы неудачным ни было их правление, святейшие отцы подарили миру бессмертные творения: расписанный Микеланджело потолок в Сикстинской капелле, станцы Рафаэля в Ватикане, фрески работы Пинтуриккьо в библиотеке Сиенского собора, настенные фрески Сикстинской капеллы, расписанные Боттичелли, Гирландайо, Перуджино, Синьорелли. Папы восстановили и украсили Рим, который за время авиньонской ссылки опустел, одряхлел и стал крайне неухоженным. Папы открыли сокровища античного Рима, восстановили церкви, замостили улицы, собрали несравненную Ватиканскую библиотеку — это особенно послужило престижу пап, но, по иронии судьбы, запустило спусковой механизм протестантского возмущения. Папы начали

перестраивать собор Святого Петра, пригласив для этого архитекторов Браманте и Микеланджело.

Папы верили, что зримые красоты сделают папство великим, прославят самих пап, а церковь упрочит свою власть. Первый папа времен Ренессанса, Николай V, в 1455 году упомянул об этом на смертном одре. Призывая кардиналов продолжить обновление Рима, он сказал: «Чтобы создать твердую уверенность, нужно иметь то, что бросается в глаза. Вера, основанная только на доктрине, будет слабой и подверженной сомнениям. Если авторитет Святейшего престола проявит себя в величественных зданиях, весь мир воспримет его с уважением. Благородные здания, в которых вкус и красота сочетаются с внушительными пропорциями, достойны престола Святого Петра». Да... Церковь прошла долгий путь от рыбака Петра.

1. УБИЙСТВО В СОБОРЕ: СИКСТ IV, 1471–1484 гг.

До избрания папой кардинала Франческо делла Ровере, бывшего генерала ордена францисканцев, который принял имя Сикст IV, папы раннего Ренессанса, пусть и без стремления к духовному преображению, выказывали уважение к своему сану. Сикст IV же начал свое правление, не скрывая жажды личной выгоды и приверженности политике силы. Делла Ровере получил известность как проповедник и ученый-теолог в университетах Болоньи и Павии, проявил он себя и на посту генерала францисканцев, где обрел репутацию способного и жесткого администратора. То, что папой избрали его — монаха, — должно быть, стало ответом на приверженность ко всему мирскому его предшественника

Павла II, венецианского патриция и бывшего купца. На самом деле Сикст IV был обязан своим избранием тем, что умело манипулировал амбициозным, беспринципным и очень богатым кардиналом Родриго Борджиа, который вскоре и сам надел папскую тиару. Поддержка Борджиа сама по себе характеризует Сикста, а история признала эту связь, назвав их вместе с Иннокентием VIII, взошедшим на папский престол между этими двумя, «тремя злыми гениями».

Под облачением францисканского монаха Сикст IV скрывал твердый, властный, непреклонный характер. Этот исполненный сильных страстей человек родился в большой бедной и строгой семье. Он старался обогатить родственников — используя свои возможности, дал им высокие должности, выделил папские территории и подыскал выгодные партии. Сделавшись папой, он шокировал общественность, назначив кардиналами двух из одиннадцати своих племянников — Пьетро и Джироламо Риарио, тому и другому не было еще и тридцати. Они быстро обрели одиозную славу своим диким и расточительным поведением. Сикст IV успел одарить красной кардинальской шапкой троих других племянников и внучатого племянника, сделал еще одного епископом, женил четырех племянников и выдал замуж двух племянниц — пристроив всех в семьи, правившие Неаполем, Миланом и Урбино, а также в семейства Орсини и Фарнезе. Неклерикальным родственникам Сикст подыскал высокие должности, такие как префект Рима, кастелян замка Святого Ангела, он назначил их правителями Папской области с доступом к доходам. Сикст IV поднял nepотизм на новый уровень.

В коллегию кардиналов он ввел собственных назначенцев, за его тринадцатилетнее правление их там

насчитывалось не менее 34, хотя полагалось иметь 24 человека. После кончины папы оказалось, что в коллегии лишь пять кардиналов не были обязаны ему своим назначением. Сикст IV ввел в практику политический отбор и ради своих целей оказывал покровительство то одному, то другому аристократу, часто останавливая выбор на баронах или младших сыновьях из знатных семей, при этом не обращая внимания на их личные качества или подготовленность как духовного лица. Кафедру архиепископа Лиссабона он отдал восьмилетнему ребенку, а сан епископа Милана одиннадцатилетнему мальчику — и тот и другой были сыновьями герцогов. Кардинальская коллегия у него стала светской, и преемники Сикста IV последовали его примеру, словно это стало правилом. За двадцать лет правления Иннокентия VIII и Александра VI не менее пятидесяти высших церковных постов передали юношам, не достигшим канонического возраста посвящения в духовный сан.

Судя по разнузданному поведению любимого племянника папы Пьетро Риарио, обретенные семьей богатства и открывшиеся возможности вскружили молодому человеку голову, а за Пьетро потянулась толпа нуворишей из семейства делла Ровере. Отличительной чертой папского двора сделалась безудержная экстравагантность. В 1480 году на роскошном банкете излишества кардинала Риарио достигли пика: гостям подали зажаренного целиком медведя с жезлом в пасти, на стол явились олени — искусные повара натянули шкуру на приготовленные туши; жареные цапли и павлины поражали своим оперением. Поведение гостей не уступало оргиям древних римлян. Свидетельства об этом банкете шокировали еще и тем, что в это время

турки высадились на каблуке итальянского «сапожка» и захватили Отранто, впрочем, удерживали они его недолго. Все считали, что продвижению турок, со времени падения Константинополя, содействовал Бог — в наказание за грехи церкви.

Распутству священников способствовали дела Ровере, но не с них это началось. Проблема назрела уже в 1460 году, когда в письме кардиналу Борджиа Пий II попрекнул того вечеринкой, которую Борджиа устроил в Сиене. «Не было недостатка в любовных соблазнах, мужьям, отцам, братьям и другим родственникам, сопровождавшим девиц, вход в сады был запрещен, чтобы никто не мог помешать тебе и еще нескольким лицам свободно предаваться удовольствиям». Пий II предупредил «Священную канцелярию» о бесчестье. «По этой причине принцы и другие правители презирают нас, а миряне смеются над нами... Презрение — удел наместника Христа, поскольку он, кажется, терпит все это». При Сиксте IV положение не изменилось, разница была лишь в том, что Пий II старался положить конец разложению нравов, а его последователи таких попыток даже и не делали.

Враждебность к Сиксту IV медленно нарастала, особенно в Германии, где алчность клириков вызвала неприязненное отношение к Риму, которое теперь подогревалось вымогательствами папской курии — административного органа папы. В 1479 году ассамблея Кобленца направила в Рим *гравамину*, то есть список претензий. В Богемии, центре гуситского бунта, появился сатирический манифест, сравнивавший Сикста IV с Сатаной, гордившимся «полным отречением от заповедей Христа». Привыкшая за пятнадцать веков к нападкам то с

одной, то с другой стороны, церковь нарастила толстую кожу и из-за мелких укусов уже не волновалась.

С целью повышения доходов Сикст IV создал Апостольскую палату, состоявшую из ста юристов. Они должны были контролировать финансы Папской области и судебные дела, в которых папство имело финансовый интерес. Доходы должны были приумножить состояние родственников и поспособствовать славе Святейшего престола. Последующие поколения благодарят Сикста IV за реконструкцию библиотеки Ватикана: он в три раза увеличил число хранившихся в ней книг и пригласил ученых, которые составили их каталог. Сикст IV снова открыл Римскую академию, пригласил в нее известных людей, он поощрял драматические представления, оказывал финансовую помощь живописцам. Имя папы запечатлено в построенной по его указанию Сикстинской капелле; он восстанавливал мосты, строил церкви и больницы, приводил в порядок грязные улицы.

Человек, культурными устремлениями которого можно только восхищаться, Сикст IV проявлял худшие свойства правителя эпохи Ренессанса: он враждовал, интриговал, воевал с Венецией и Феррарой и развязал злобную кампанию против знатной римской семьи Колонна. Самым скандальным его деянием стало участие и возможное наущение Пацци в заговоре против братьев Медичи. С Пацци его связывали сложные семейные интересы, заговор он одобрял или даже принимал в нем участие, во всяком случае, бурно отреагировал, когда заговор удался лишь наполовину. В гневе на Лоренцо Медичи, из мести повесившего архиепископа и тем самым нарушившего иммунитет священнослужителей, Сикст IV отлучил от церкви и его, и всех жителей Флоренции. Использование церковной санкции по

мирским мотивам, хотя и не было новым явлением в истории церкви, вызвало у народа неодобрение, поскольку Сикст IV причинил вред флорентийцам, нанеся ущерб их торговле, к тому же этот шаг вызвал подозрения в соучастии папы в заговоре. Набожный король Франции Людовик XI озабоченно написал: «Ваше Святейшество, во имя Господа, скажите, что Вы не виновны в столь ужасном преступлении». Мысль о том, что святейший отец замышлял убийство в соборе, все еще была невероятной, хотя вскоре она уже не будет казаться столь абсурдной.

Внутреннее здоровье церкви не интересовало Сикста IV, и все призывы о соборе он грубо отверг, ссылаясь на буллу предыдущего папы «Exsecrabilis». Вопросы тем не менее остались. К 1481 году реформа назрела. Посол императора, архиепископ Замометик, прибыл в Рим, где выступил с резкой критикой Сикста IV и курии. По приказу папы архиепископа заключили в замок Святого Ангела, однако вскоре он был освобожден дружественно настроенным к нему кардиналом. Сознывая риск, непреклонный архиепископ вернулся к прежней теме. В манифесте он призвал христианских правителей вновь созвать Базельский собор, дабы не дать папе Сиксту IV разрушить церковь. Посол обвинил папу в ереси, симонии, постыдных пороках, в том, что он участвовал в заговоре Пацци, заключил тайный союз с султаном, и в том, что Сикст IV обращается с церковной собственностью как со своим имуществом. В ответ Сикст IV предал анафеме город Базель и снова заточил архиепископа в тюрьму, где два года спустя узник наложил на себя руки, скорее всего не выдержав пыток.

Тюрьма не может заглушить идеи, которым пришло время, но это обстоятельство обычно ускользает от

внимания деспотов... Что ж, как правило, им недостает мудрости. В последний год своей жизни Сикст IV отверг разумную программу, представленную ему в Туре Генеральными штатами Франции. Вдохновленная красноречием страстного реформатора Жана де Рели, ассамблея предложила реформу — запретить доносительство, множественные бенефиции и ненавистную практику *ad commendam* (от лат. *commendam* — опека), когда священнослужитель, а нередко и мирянин, получал должность на основании «рекомендации» и от него не требовалось исполнения связанных с ней обязанностей. Последний пункт вызывал особое негодование. Сикст IV мог легко запретить *ad commendam*, тем самым он снискал бы себе уважение реформаторов. Такую возможность папа упустил и программу проигнорировал. Через несколько месяцев Сикст IV скончался. Его правление было столь ненавистным, что солдаты Колонны, фракцию которого папа хотел уничтожить, две недели бесчинствовали в Риме, разбойничая и грабя. Сикста IV никто не оплакал, а возглавлявшийся им институт покрыл себя позором.

2. ВМЕСТЕ С НЕВЕРНЫМ: ИННОКЕНТИЙ VIII, 1484–1492 гг.

Любезный, нерешительный, идущий на поводу у более уверенных в себе коллег, преемник Сикста IV оказался полной противоположностью покойному папе, за единственным исключением: его понтификат нанес не меньший ущерб авторитету папства, в данном случае — бездействием и слабостью характера. Джованни Батиста Чибо, родившийся в состоятельной генуэзской семье, поначалу и не помышлял о церковной карьере, однако

ступил на эту стезю после бурно и бессмысленно проведенной молодости. За эти годы он успел стать отцом и признать незаконнорожденных сына и дочь. В церковь его привели не драматические обстоятельства, он просто воспользовался связями и решил построить достойную карьеру. Епископом Чибо он стал в тридцать семь лет, а в 1473 году Сикст IV сделал его кардиналом, поскольку ему по душе была податливая натура Чибо.

На пост папы этот заурядный человек даже не замахивался, и произошло его избрание неожиданно, как это часто бывает, когда два амбициозных кандидата стараются свести на нет шансы друг друга. Этими двумя были кардинал Борджиа, будущий Александр VI, и кардинал Джулиано делла Ровере, самый способный из племянников Сикста IV — будущий Юлий II. Властный и сварливый, как и его дядя, но более способный, Джулиано, кардинал Сан-Пьетро-ин-Винколи, не смог тем не менее набрать в коллегии большинство голосов. Не сумел этого добиться и Борджиа, несмотря на взятки в 25 тысяч дукатов и щедрые обещания коллегам повышений в должности. Флорентийский посол сообщал в родной город, что кардинал Борджиа пользуется столь дурной репутацией, что можно не опасаться: его никогда не выберут. Соперничающие претенденты увидели опасность того, что на высший пост может быть избран кардинал Марко Барбо из Венеции, которого все уважали за его характер и строгие принципы. Он наверняка ограничил бы свободу действий Борджиа и делла Ровере и, возможно, даже провел бы реформу. Барбо получил у кардиналов пять голосов, и тогда Борджиа и делла Ровере объединили усилия и выдвинули непритязательного Чибо. Их ничуть не волновало, что реформаторы будут оскорблены тем, что Святейший

престол займет папа, у которого есть дети, которых он признал. В результате объединения голосов Чибо избрали и нарекли Иннокентием VIII.

Папа Иннокентий VIII запомнился, главным образом, попустительским отношением к своему никчемному сыну Франческетто. Впервые в истории сын папы был публично признан. Во всем остальном Иннокентий уступал энергичному и властному кардиналу делла Ровере. «Пошлите любезное письмо кардиналу Святого Петра, — посоветовал флорентийский посол в письме Лоренцо Медичи, — ибо это он папа и больше папы». Делла Ровере перебрался в Ватикан, не прошло и двух месяцев, как его брат, префект Рима Джованни, сделался гонфалоньером. Другой покровитель Иннокентия VIII, кардинал Борджиа, остался вице-канцлером курии.

Жадный и распутный Франческетто в дурной компании рыскал ночами по улицам Рима в поисках поживы, и Иннокентий VIII непрестанно беспокоился о нем. В 1486 году ему удалось устроить брак сына с дочерью Лоренцо Медичи. Свадьбу отпраздновали в Ватикане с такой пышностью, что Иннокентий VIII залез в долги и, чтобы оплатить расходы, ему пришлось заложить папскую тиару и драгоценности. Через два года он устроил в Ватикане такую же свадьбу, на этот раз выдав внучку за генуэзского купца.

Пока папа совершал столь экстравагантные поступки, по-деловому мысливший вице-канцлер подыскивал клирикам новые посты, за которые те должны были расплатиться. Даже пост библиотекаря Ватикана выставили на продажу. Был создан отдел, занимавшийся продажей бенефиций и амнистий по

вздутым ценам. По 150 дукатов от каждой сделки шло папе, а остальное переходило его сыну. Когда вместо вынесения смертного приговора за убийства и другие тяжкие преступления стали брать штрафы, кардинал Борджиа горячо поддержал такую практику, заметив: «Господь не хочет смерти грешника, пусть лучше он живет и платит».

При таком режиме и влиянии предшественника моральные нормы курии растаяли подобно восковой свече, обернувшись неприкрытым взяточничеством, чего уже нельзя было игнорировать. В 1488 году, когда папа Иннокентий VIII занимал трон Святого Петра уже половину отпущенного ему на это срока, было арестовано несколько высших чиновников папского двора, и двое из них были казнены за подделку в течение двух лет пятидесяти папских булл, связанных с дарованием апостолического освобождения от обета или особого разрешения. Высшая мера призвана была продемонстрировать негодование папы, но разоблачила моральный облик его администрации.

В состав Священной коллегии, разбухшей от назначенных папой Сикстом IV кардиналов, входили члены могущественных итальянских семей, жизнь их отличалась переизбытком удовольствий. Лишь несколько членов коллегии были достойными людьми, следовавшими своему призванию, большинство же составляли алчные и чуждые высоких помыслов аристократы, бахвалившиеся своим богатством. Они вели нескончаемую игру, целью которой было утверждение собственного влияния либо продвижение интересов сюзерена. К таким родственникам сильных мира сего относились сын неаполитанского короля кардинал Джованни д'Арагона, кардинал Асканио Сфорца — брат

регента Милана Лодовико, кардиналы Баттиста Орсини и Джованни ди Колонна — члены двух соперничавших и враждебно настроенных по отношению друг к другу правящих семей Рима.

Кардиналам в эти времена не обязательно было быть священниками — тем по штату положено было совершать таинства, проводить мессы и церковные обряды, — впрочем, некоторые из них и в самом деле были священнослужителями. Те, кто получал назначение, будучи епископом, а значит, поднявшись на высшую для священника ступень, сохраняли за собой свои епархии, но большинство, официально считаясь высшими церковными сановниками, священнических функций не исполняло. Занимаясь административными, дипломатическими и финансовыми делами церкви, эти люди, выходцы из виднейших итальянских и иностранных семейств, были, скорее, придворными, а не клириками. С разрастанием секуляризации назначения все чаще получали миряне, сыновья и братья светских князей или выдвиженцы монархов, не имевшие за плечами духовной карьеры. Некий Антуан Дюпра, канцлер короля Франциска I, ставший кардиналом по велению последнего из шести пап эпохи Ренессанса, Климента VII, в стенах собора впервые оказался только на собственных похоронах.

Папы того периода использовали красные кардинальские шапки как политическую валюту и увеличивали число кардиналов в целях расширения собственного влияния и ослабления власти коллегии. Кардиналы получали множество приходов, пополняя тем самым свое состояние, в их распоряжении находились аббатства, епископства и прочие бенефиции, хотя по каноническому праву только настоящий клирик имел

право на церковные доходы. Однако каноническое право было таким же эластичным, как и любое другое, и позволяло папе «в виде исключения» одаривать мирян разнообразными бенефициями и назначать им пенсии.

Полагая себя князьями церкви, кардиналы считали своей прерогативой и чуть ли не долгом не уступать в достоинстве и роскоши светским правителям. Те, кто мог позволить себе жить во дворцах с несколькими сотнями слуг, разъезжали по улицам в военном облачении, с мечом, гончими и соколами, соперничая друг с другом в великолепии многочисленной свиты. Во время карнавалов они оплачивали музыкантов, выделяли средства на феерические шоу, давали пиры в стиле Пьетро Риарио. Один хронист признался, что не смеет описать банкет у кардинала Сфорца из опасения быть осмеянным: все подумают, что он рассказывает сказки. Кардиналы увлекались азартными играми в кости и карты и при этом жульничали. Франческетто пожаловался отцу, что кардинал Рафаэле Риарио мошенническим образом за ночь выиграл у него 14 тысяч дукатов. Возможно, это соответствует истине, ибо в другой раз тот же самый Риарио, один из многочисленных племянников Сикста IV, выиграл у другого кардинала 8 тысяч дукатов.

С целью ограничения влияния «светских» кардиналов настоящие кардиналы при избрании Иннокентия VIII поставили условие уменьшить численность своей коллегии, доведя ее до прежней цифры — 24. При появлении вакансий они отказывали в новых назначениях, ограничивая Иннокентию VIII возможность nepотизма. Однако давление иностранных монархов, желавших получить место для своих ставленников, открывало некоторую лазейку, и среди первых назначенных кардиналов оказался родной сын

брата Иннокентия VIII, Лоренцо Чибо. По каноническому праву незаконнорожденным сыновьям запрещался доступ к церковной карьере, но на этот закон Сикст IV посмотрел сквозь пальцы, когда дело коснулось сына кардинала Борджиа, Чезаре: тот начал свою церковную карьеру в возрасте семи лет. Признание законным сына или племянника у шести пап эпохи Ренессанса превратилось в рутину, а тем самым — и нарушение еще одного принципа канонического права.

Из нескольких назначений, позволенных Иннокентию VIII, самым важным стало введение в коллегию кардиналов четырнадцатилетнего шурина Франческетто — Джованни Медичи, сына Лоренцо Великолепного. В данном случае это не было желанием Иннокентия VIII, но он уступил сильному давлению Медичи, и мальчик, на которого отец с раннего возраста изливал щедрые дары, сделался кардиналом. В семь лет ему выбрили тонзуру, тем самым посвятив служению церкви, в восемь Джованни номинально возглавил аббатство, пожалованное ему королем Франции, а в одиннадцать, *ad commendam*, получил большое бенедиктинское аббатство Монте-Кассино. С этого момента его отец нажимал на все рычаги, чтобы продвинуть сына к заветной цели — папству. Молодой Медичи исполнил это предназначение и стал пятым из шести ренессансных пап — Львом X.

Исполнив пожелание Лоренцо, Иннокентий VIII вдруг проявил твердость и настоял на том, чтобы мальчик подождал три года, посвятив время изучению теологии и канонического права. К тому моменту кандидат был образованнее большинства, так как Лоренцо позаботился о том, чтобы сын учился у выдающихся преподавателей и ученых. В 1492 году

шестнадцатилетний Джованни занял свое место в качестве кардинала, и отец написал ему серьезное и значительное письмо, в котором предупредил сына о вредном влиянии Рима, «погрязшего во грехе». Лоренцо наставлял сына «действовать так, чтобы убедить всех тех, кто видит тебя, что здоровье и честь церкви и Святейшего престола значат для тебя больше всего на свете». После этого уникального совета Лоренцо подчеркивает: сыну надо использовать все возможности и «стать полезным нашему городу и нашей семье». В то же время он должен проявлять осторожность и не поддаваться соблазнам коллегии кардиналов, поскольку те могут склонять его к несправедливым поступкам, «ибо, к сожалению, на этот момент достойных людей в коллегии мало... Если бы кардиналы были такими, какими они быть обязаны, то весь мир был бы лучше, тогда бы они всегда избирали хорошего папу, и в христианстве царил бы мир и согласие».

В словах выдающегося представителя итальянского Ренессанса выражена суть проблемы. Если бы кардиналы были достойными людьми, они бы избирали достойных пап, однако они были частью системы. В эти шестьдесят лет папы были кардиналами, избранными из членов Священной коллегии, и кардиналов они назначали из собственных рядов. Безумие, выразившееся в недальновидной борьбе и равнодушии церкви к ее реальным потребностям, приобрело повальный характер и, словно лесной пожар, перекинулось от ренессансной шестерки к следующим папам.

Если Иннокентий VIII был неэффективным папой, то отчасти виной тому раздор между итальянскими городами, впрочем, и в других странах ситуация была не лучше. Неаполь, Флоренция и Милан, вступая то в один

союз, то в другой, воевали друг с другом, либо с соседями помельче. Генуя «всегда готова устроить мировой пожар», жаловался папа, сам генуэзец. Все города боялись экспансии Венеции. Для Орсини и Колонна Рим служил постоянным полем сражений; более мелкие государства часто продолжали внутренние семейные конфликты, унаследованные ими от прошлого. Входя на трон Святого Петра, Иннокентий VIII искренно хотел установить мир, однако для этого ему не хватало решительности. Болезни подтачивали его организм и лишали сил.

Самым худшим испытанием стала череда яростных стычек, время от времени выливавшихся в военные действия, инициатором которых выступал король Неаполя. Мотивы его агрессии неясны, возможно, дело было в природной злобности. Начал он с оскорбительного требования о передаче ему ряда территорий, отказался платить подати за Неаполь в качестве папского феода. При содействии Орсини король устроил беспорядки в Риме и грозился прибегнуть к ужасному оружию — собору. Когда бароны Неаполя выступили против его тирании, папа принял их сторону. Тогда армия Ферранте пошла на Рим и осадила город, а Иннокентий VIII отчаянно искал союзников и войска. Венеция держала нейтралитет, однако позволила папе нанять у себя наемников. Милан и Флоренция отказали в помощи по своим причинам — возможно, из желания ослабить Папскую область — и поддержали Неаполь. Это случилось до того, как флорентийский правитель Лоренцо Медичи завязал семейные отношения с Иннокентием VIII, что, впрочем, не решало проблему. В Италии можно в один день быть партнерами, а на следующий день превратиться во врагов.

Обращение папы за иностранной помощью в борьбе против Ферранте вызвало у Франции интерес, основанный на полузабытой претензии Анжуйского дома на Неаполь, претензию эту, несмотря на неудачи, французская корона не желала оставить. Тень Франции напугала Ферранте, и, после того как осада Рима ввергла город в отчаяние, он согласился на подписание мира. Его уступки папе казались удивительными, однако впоследствии он все их отверг, отказался от договора и вернулся к агрессии.

Ферранте обратился к папе с открытыми оскорблениями, его люди пытались устроить беспорядки в Папской области. Желая справиться со всеми бунтами одновременно, Иннокентий VIII все сомневался и мешкал. Он подготовил буллу, в которой отлучал и Ферранте, и Неаполитанское королевство от церкви, но не решался ее издать. Посол Феррары высказывался в 1487 году о «малодушии, беспомощности и неспособности папы», это, говорил он, может привести к серьезным последствиям. Последствий вроде бы избежали, когда при новой встрече Ферранте отказался от войны и предложил мирное соглашение и папа, несмотря на унижения, с радостью его принял. Ради закрепления дружбы Ферранте женил своего внука на племяннице Иннокентия VIII.

Вот такие стычки происходили в Италии, но, какими бы незначительными и пустыми они ни казались, характер у них был деструктивный, и папство не избежало серьезных последствий. Самым серьезным оказалось падение статуса. В конфликте с Неаполитанским королевством Папская область чувствовала себя словно в роли бедного родственника, из-за дерзкого поведения Ферранте уважение к папе

стремительно падало. Орсини распространял в Риме памфлеты, призывавшие низложить папу, понтифика называли «генуэзским моряком» и говорили, что его следует бросить в Тибр. Со стороны иностранных государств усиливались нападки на папские прерогативы, национальные церкви раздавали бенефиции собственным назначенцам, придерживали доходы, не подчинялись папским указам. Иннокентий VIII почти не оказывал сопротивления.

На Ватиканском холме он построил знаменитую виллу и скульптурную галерею, за великолепную панораму на Вечный город папа назвал ее Бельведером. Папа пригласил Пинтуриккьо и Андреа Мантенья, и они расписали стены виллы, однако фрески исчезли, словно указав тем самым место заказчика в истории. Иннокентию VIII не хватило времени, денег и, возможно, желания сделать что-нибудь еще для искусства, не смог он и решить проблему реформы. Его обуревали лишь мысли о крестовом походе.

Сказать по правде, народ тоже верил, что крестовый поход что-то исправит. Примерно два раза в месяц по приглашению папы в Ватикан приезжали проповедники и, обращаясь ко двору в качестве священных ораторов, неизменно призывали к крестовому походу. Они напоминали, что долг святейшего отца и главное его призвание — принести мир христианам. Цель правления понтифика — мир и согласие. Ораторы требовали прекратить раздор между христианскими народами, это требование неизменно сочеталось с призывом повернуть воинство христианских королей против неверных. Только отказавшись от междоусобиц, правители объединятся против общего врага — турка, «зверя Апокалипсиса», бывшего, по словам Николая

Кузанского, «врагом всей природы и человечества». Война против турок — лучшая защита Италии, Константинополь, святые места и другие утраченные христианские земли должны быть отвоеваны. Религиозное единение человечества под флагом христианства — главная цель, а для ее достижения необходимо победить султана. Только в этом случае церковь избавится от грехов и проведет реформу.

Когда боль от падения Константинополя была еще свежа, Иннокентий VIII, как и Пий II, старался привлечь сторонников крестового похода, причем даже еще усерднее, чем его предшественник. Однако мешал ему все тот же недостаток, который одолел Пия II и прежних пап, а также отсутствие единства между европейскими государствами. «Какая сила могла бы привести к согласию Англию и Францию, Геную и Арагон, Венгрию и Богемию?» — писал Пий II. Ни папа, ни император не могли больше опираться на свое превосходство. Кто же тогда убедит несогласные и враждующие государства объединиться и сплотиться для общего дела? Без единого командования и без дисциплины ни одна армия не будет эффективной, она просто погрузится в хаос. За этими трудностями упустили более важное обстоятельство — отсутствие порыва: первых крестоносцев вдохновляла не оборона, ими двигала обида и агрессивная вера. Священная война утратила доверие после того, как торговля с неверными стала приносить доход и итальянские города начали конфликтовать друг с другом, опираясь на помощь султана.

Полагая, что добился согласия императора, Иннокентий VIII в 1486 году издал буллу, в которой объявил крестовый поход и потребовал десятину от всех

церквей, бенефиций и духовных лиц всех рангов. Возможно, в этом и заключалась его главная цель. На следующий год папа созвал в Риме международный съезд, чтобы обсудить стратегию, маршрут, командующих и численность национальных воинских контингентов. В итоге войска не то что не отплыли от берегов Европы — они не были даже собраны. Неудачу отнесли на счет внутренних конфликтов в Венгрии и вновь разгоревшихся споров между Францией и империей, но это все были отговорки, скрывавшие отсутствие желания. Понтификат Иннокентия VIII не прославила ни одна священная война. Вместо этого папство пошло на неслыханный шаг, предоставив прибежище врагу христианства в лице принца Джема.

Это был брат султана, пусть и потерпевший поражение, но все еще опасный претендент на османский трон. Джем избежал мести брата и нашел приют на другом берегу залива у рыцарей ордена Святого Иоанна. Первоначальной задачей ордена была борьба против неверных, однако рыцари отличались широтой взглядов и распознали в Джеме ценный приз, благодаря которому они смогли добиться соглашения с султаном и сдерживать его агрессию в обмен на ежегодную субсидию в 45 тысяч дукатов. Великий Турок Джем стал рычагом, который был нужен всем. За него соперничали Венеция и Венгрия, Франция и Неаполь и, конечно же, папство. После непродолжительного пребывания Джема во Франции папа выкупил его вместе с субсидией в обмен на два кардинальских корабля; один достался великому магистру Родоса, а другой — французскому королю.

Иннокентий VIII вознамерился использовать Джема как средство в войне против султана, при этом питая

слабую надежду на то, что Джем, получив трон с помощью христиан, выведет турецкие войска из Европы, в том числе и из Константинополя. Если в это и можно поверить, то неясно, в чем заключается священная война, если вы просто меняете одного мусульманина на другого.

В 1489 году Великого Турка встретили в Риме с королевскими почестями и роскошными подарками, в качестве папского дара ему подвели белую верховую лошадь, а Франческетто сопровождал в Ватикан. Улицы заполнили взволнованные и озадаченные толпы, все с изумлением смотрели на исполнившееся пророчество: султан приехал в Рим к папе, и теперь воцарится мир. Понтифик и кардиналы устроили аудиенцию высокому мрачному гостю в белом тюрбане, изредка бросавшему на них дикие взгляды. Принца вместе со свитой разместили в ватиканских апартаментах, отведенных для королевских особ, и старались развеселить охотой, музыкой, пиршествами и прочими развлечениями. Так Великий Турок, брат «зверя Апокалипсиса», нашел приют в доме папы, в сердце христианства.

Вокруг принца не прекращались дипломатические маневры. Султан, опасавшийся христианской агрессии с Джемом во главе, стал искать подходы к папе, направил к нему послов и подарок в виде драгоценной христианской реликвии — священного копья, которым якобы пронзили на кресте Христа. Подарок был торжественно принят в Риме. Присутствие в папском дворце брата, по крайней мере, удержало султана от дальнейших нападений на христианскую территорию. Этим Иннокентий VIII сумел чего-то добиться, однако потерял больше. Народ был озадачен такими отношениями, и папский статус был скомпрометирован

учтивостью, которую понтифик выказывал по отношению к Великому Турку.

Приступы болезни у Иннокентия VIII проявлялись все чаще, и в 1492 году приблизился конец. Призвав кардиналов к смертному одру, папа попросил у них прощения за свою неадекватность и попросил их избрать лучшего преемника. Его последнее желание оказалось таким же тщетным, как и его жизнь. Человек, которого кардиналы избрали на трон Святого Петра, оказался, как никто другой, подобен князю тьмы.

3. БЕЗНРАВСТВЕННОСТЬ: АЛЕКСАНДР VI, 1492–1503 гг.

Когда Родриго Борджиа исполнилось 62 года, он уже тридцать пять лет прослужил кардиналом и был вице-канцлером. Его характер, привычки, принципы (вернее, беспринципность), злоупотребление властью, способы обогащения, любовницы и семеро детей — все было известно членам коллегии и курии, что позволило молодому Джованни Медичи на своем первом конклаве высказаться по поводу восшествия Борджиа на папский престол: «Бегите, мы в когтях у волка». Да и для более широкого круга итальянских герцогов и правителей Испании, родины Борджиа, а также и для иностранцев не составляло тайны, что, несмотря на образованность и внешнее очарование, человек этот был глубоко циничен и аморален, хотя порочность его в то время проявилась еще не так сильно. Первое его предложение — отпраздновать окончательное изгнание мавров из Испании — встретили с радостью. Однако в 1492-м, в год своего избрания, он устроил не благодарственный

молебен, а бой быков на площади Святого Петра, причем пять быков было убито.

Отслужив пяти папам и проиграв на последних выборах, Борджиа на этот раз вовсе не намерен был упустить тиару. Он просто купил свое папство, обойдя двух главных соперников — кардиналов делла Ровере и Асканио Сфорца. Последний, предпочитавший обещаниям золото, отступился, когда во время конклава из дворца Борджиа к его дворцу пришли четыре мула, груженные золотом, — хотя все это наверняка происходило бы без лишних свидетелей. Позднее, когда привычки папы стали нагляднее, об Александре VI рассказывали всякие ужасы, и люди искренно в них верили, возможно, и золотой обоз вошел в серию этих рассказов. Тем не менее такая вероятность не исключалась, потому что непросто было избавиться от такого богатого соперника, как Асканио Сфорца, который позже стал вдобавок и вице-канцлером.

Борджиа и сам был бенефициаром nepотизма: его, двадцатилетнего, сделал кардиналом престарелый дядя, папа Каликст III, которого на высший пост избрали в 77 лет, и признаки маразма указывали на скорый очередной выбор. Каликсту, однако, хватило времени, чтобы вознаградить племянника постом вице-канцлера за успех в возвращении некоторых территорий Папской области. У Борджиа в Испании имелись три епархии, он получал доходы с испанских и итальянских аббатств, ему выплачивалось ежегодное содержание в 8000 дукатов как вице-канцлеру и в 6000 дукатов — как кардиналу, совершал он и частные операции и в итоге обзавелся солидным капиталом, став самым богатым членом Священной коллегии. В молодости, уже будучи кардиналом, он достаточно скопил денег, чтобы

построить себе трехэтажный дворец с лоджиями, где он и жил. Дворец был обставлен роскошной мебелью, обитой красным атласом и бархатом с золотой вышивкой. Обстановка гармонировала с коврами, стены были увешаны гобеленами, на столе стояла золотая посуда, а жемчуг и золотые монеты, которыми кардинал частенько похвалялся, могли бы наполнить Сикстинскую капеллу. Пий II сравнивал эту резиденцию с Золотым домом Нерона, который когда-то стоял неподалеку от резиденции Борджиа.

Говорят, за 35 лет Борджиа не пропускал консистории, разве только когда болел или когда его не было в Риме. Он не упускал ни одной выгодной возможности, которые предоставляла папская бюрократия. Умный и энергичный Борджиа упрочил связи с Римом и, будучи легатом Сикста IV, выполнил сложную задачу — убедил аристократов и церковных иерархов Испании поддержать брак Фердинанда и Изабеллы и объединение их королевств. Возможно, он был самым способным из кардиналов. Высокий, ширококостный и крепкий, он обладал величественной внешностью, любил красивую одежду — фиолетовую тафту, алый бархат и лучший горноста́й.

По свидетельствам современников, с его лица не сходила улыбка, он всегда был в хорошем и даже в радостном настроении, любил «делать гадости с приятным выражением лица». Красноречивый, начитанный, он был остроумен и старался «блистать в разговоре». Он умел заводить романы, чувство собственного достоинства в сочетании с испанской гордостью производило магнетическое впечатление на женщин, следовательно, он давал им почувствовать свое

желание. Еще один наблюдатель почему-то добавляет, что Борджиа отлично разбирался в денежных вопросах.

Будучи кардиналом, он стал отцом — у него были сын и две дочери от женщин, имена которых остались неизвестны, а когда Борджиа было уже за сорок, у него родились еще трое сыновей и дочь, на этот раз — от признанной любовницы, Ваноццы деи Каттанеи. По слухам, в этой роли она сменила свою мать. И Ваноцца, и дети стали официальной семьей Борджиа. Для своего старшего сына, Педро Луиса, Родриго приобрел в Испании герцогство Гандия и устроил сыну помолвку с кузиной короля Фердинанда. Педро умер молодым, и его титул, земли и деньги перешли к его сводному брату Хуану, любимцу отца, после смерти которого семья Борджиа стала притчей во языцех. Чезаре и Лукреция, знаменитые Борджиа, якобы поспособствовавшие этому, были детьми Ваноццы, как и Хуан, и другой брат, Жофре. Кто был отцом восьмого ребенка по имени Джованни, родившегося в понтификат Александра VI, кажется, оставалось неясным даже для членов семьи. Две папские буллы, следовавшие одна за другой, сначала называли его сыном Чезаре, а потом и самого папы, но в народе полагали, что то был незаконнорожденный сын Лукреции.

То ли ради приличия, то ли из удовольствия наставлять рога, Борджиа нравилось, когда у его любовниц были мужья. Он устроил Ваноцце два успешных брака, пока она оставалась его любовницей, и еще один для ее преемницы, прекрасной Джулии Фарнезе. Девятнадцатилетняя Джулия, с золотистыми волосами до пят, была выдана замуж за Орсини. Свадьба состоялась во дворце Борджиа, и почти одновременно Джулия стала любовницей кардинала. В эпоху

Ренессанса распутство не было таким уж скандальным явлением, но связь старика пятидесяти девяти лет от роду с девушкой на сорок лет моложе его казалась итальянцам оскорбительной и безвкусной. Репутация Борджиа оказалась подмоченной и стала предметом грязных шуток.

Недостойные средства, позволившие Борджиа взойти на папский престол, вскоре стали широко известны, поскольку разочарованные сторонники делла Ровере не могли сдержать своего негодования. Борджиа сам открыто хвалился своим поступком. Это была ошибка, так как симония являлась официальным грехом и давала врагам папы инструмент для давления на него, которым они очень скоро и воспользовались. Тем временем новоизбранный Александр VI устроил великолепную церемонию: он торжественно проехал по Риму в Латеранский дворец; его сопровождали тринадцать кавалерийских эскадронов, двадцать один кардинал, каждый со свитой из двенадцати человек, послы и знатные сановники, разодетые в пух и прах. Улицы были украшены гирляндами цветов, триумфальными арками, покрытые золотой краской юноши демонстрировали живые скульптуры, развевались флаги с фамильным гербом Борджиа — красный бык на золотом поле.

В этот момент словно бы тень Франции пала на Италию, предваряя чужеземные вторжения, которым суждено было ускорить падение папства и сделать Италию игрушкой в руках соседних государств. На протяжении следующих семидесяти лет захватчики будут грабить полуостров, наносить ущерб его благосостоянию,

расхватывать куски территории, ущемлять суверенитет, на четыреста лет будет отсрочены условия для воссоединения Италии, и все это — ради сиюминутной выгоды. Раздробленная междоусобной войной своих правителей, Италия была заманчивой и уязвимой целью. Противников привлекали ее сокровища, даже если в том или ином регионе было не так уж спокойно и он выглядел не настолько процветающим и красивым, как это описывал Гвиччардини в знаменитой «Истории Италии». Экономическая необходимость не подстегивала вторжение, но война до сих пор оставалась привычным занятием правящего класса, а предполагаемые налоги с покоренных территорий считались гарантией покрытия издержек на саму кампанию. Возможно, что в итальянских походах нашла свое отражение экспансионистская тенденция национальных государств — точно так же, как первые средневековые крестовые походы служили отдушиной для выхода агрессивности баронов. Франция оправилась от Столетней войны, Испания наконец-то изгнала мавров, обе страны обрели национальную сплоченность, а освещенная теплым солнцем и измотанная междоусобицами Италия казалась для агрессоров очень привлекательной.

Скандал с избранием мог бы подсказать Александру VI, что следует подумать о своих прямых обязанностях. Вместо этого он немедленно принялся выстраивать политические изгороди. Свою дочь Лукрецию он выдал за Сфорца, а сына Жофре женил на внучке беспокойного короля Неаполя. В первый же год своего правления, к возмущению оппозиционно настроенных кардиналов, он расширил Священную коллегия. На кардиналов, проявивших себя на конклаве сторонниками дела Ровере, отнюдь не пролился золотой дождь. Преодолев

их сопротивление, Александр VI назвал имена одиннадцати новых кардиналов, в том числе пятнадцатилетнего наследника д'Эсте и брата своей любовницы Алессандро Фарнезе, а также собственного сына Чезаре. Непригодность Чезаре к церковной карьере была столь очевидна, что вскоре он сам от нее отказался и занялся более свойственными ему занятиями — войной, убийством и всем прочим, что с ними связано. Другие назначенцы были расчетливо подобраны с тем, чтобы потрафить всем — империи, Франции, Англии, Испании, Венгрии, Венеции, Милану и Риму, среди них попало и несколько порядочных и ученых людей. Новые кардиналы упрочили контроль Александра VI над коллегией. Узнав о назначениях, делла Ровере «издал громкое восклицание» и заболел от расстройства. Всего Александр VI назначил 43 кардинала, среди них семнадцать испанцев, в том числе пять своих родственников, и каждый из них заплатил за свою шапку. Суммы выплат дотошно записаны в дневнике Бурхарда.

Пошатнувшаяся за предшествующие пятьдесят лет репутация папства и нежелание реформ дали французам дополнительный стимул для подготовки вторжения. Падение авторитета папства и доходы, которые национальные церкви стали оставлять себе, позволили французской церкви завоевать относительную автономию. В то же время ее беспокоило моральное разложение клириков в собственной стране. Проповедники осуждали падение нравов в пламенных речах, эту тему рассматривали и серьезные критики, синоды предлагали меры по исправлению положения, но все это не приносило практической пользы. В эти годы — писал один француз — реформа была главной темой разговора. В 1493 году, во время обсуждения претензий

французов на Неаполь, Карл VIII сформировал в Туре комиссию и поручил ей подготовку программы, которая придавала бы законную силу его намерению совершить крестовый поход в Италию с целью реформы и смещения Александра VI за симонию. Это не было спонтанной идеей короля. Бедное нескладное дитя увядающей династии Валуа, с головой, забитой мечтами о рыцарстве и крестовом походе против турок, под влиянием яростных убеждений кардинала делла Ровере, задумало устроить и религиозную реформу. пылая неодолимой ненавистью к Александру VI, кардинал приехал во Францию с единственной целью — уничтожить Борджиа. «Папа, исполненный гнусных пороков, столь отвратительный в глазах мира», должен быть удален, настойчиво внушал он королю, на место Александра VI должен прийти новый понтифик.

Подобные шаги, инициированные кардиналами при поддержке Франции, вызвали в памяти недавнюю схизму. Ничто в истории христианства не нанесло церкви столь невосполнимого вреда. Делла Ровере и его сообщники, возможно, даже задумывались о повторении церковного раскола, и какие бы доводы они ни приводили, возмущаясь преступлениями Александра VI, иначе как безответственностью назвать это было нельзя, а объяснить ее можно было разве безумием, отличавшим всех пап Ренессанса.

Недаром Александр VI опасался влияния Ровере на короля Франции — ведь кардинал мог направить одурманенный королевский мозг на реформацию церкви. Согласно Гвиччардини, отнюдь не восхищавшегося папами, реформа, по мысли Александра VI, была «ужаснее всего на свете». Принимая во внимание то, что Александр VI отравлял, заключал в тюрьму и другими

способами останавливал своих оппонентов, в том числе и кардиналов, удивительно, что он не заточил делла Ровере. Впрочем, его противник и преемник был слишком выдающимся человеком и, кроме того, он проявлял осторожность: в Риме не появлялся и проживал в крепости.

Сообщения, поступавшие из Франции, заставили правителей итальянских городов-государств крепко задуматься, они прикидывали различные варианты сопротивления в случае нападения чужеземного противника, а то и намеревались, если придется, вступить с ним в альянс. Перед папой и светскими князьями встал непростой вопрос: чью сторону лучше принять — Неаполя или Франции. Ферранте, чье королевство всегда было желанной целью Франции, ушел с головой в заключение сделок с папой и герцогами, но, будучи от природы заговорщиком, готов был в любой момент отказаться от альянсов. Эти усилия настолько подорвали его здоровье, что через год он умер, а наследовал ему сын Альфонсо. Его соседи, обуреваемые взаимным недоверием, как написал Джордж Мередит совсем по другому случаю, «из тупого тщеславия вели себя абсурдно и устраивали нелепые, недалёковидные интриги».

Действия Милана, предшествовавшие французскому вторжению, именно так и можно расценить. Начались они с того, что внучка Ферранте, Изабелла, дочь Альфонсо и жена законного наследника миланского герцога Джана Галеаццо Сфорца, пожаловалась деду на то, что она и ее муж лишены своих законных прав. Она сказала, что они находятся в подчиненном положении по отношению к регенту Лодовико иль Моро и его жене, властной Беатриче д'Эсте. Взбешенный Ферранте ответил

Лодовико угрозами. Моро не имел намерений слагать с себя регентство, а потому решил, что будет чувствовать себя безопаснее, если сместит Ферранте. Лодовико заключил союз с баронами Неаполя, недовольными своим королем, и, чтобы быть совершенно уверенным в успехе своего предприятия, призвал Карла VIII вступить в Италию и заявить претензии на неаполитанский престол. Дело было сопряжено с серьезным риском, поскольку через Орлеанскую ветвь французская монархия имела на Милан больше прав, чем на Неаполь, но Лодовико, авантюрист в душе, полагал, что сдержит эту угрозу. Дальнейшие события показали, что он был неправ.

Италия оказалась открытой для вторжения, хотя в последний момент его едва не отменили. Советники Карла, сомневавшиеся в предприятии, сильно растревожили короля, указав ему на предстоящие трудности и на ненадежность Лодовико и итальянцев в целом, а потому Карл VIII остановил армию, когда она была уже на марше. Вовремя подоспевший делла Ровере подогрел энтузиазм короля. В сентябре 1494 года шестидесятитысячная французская армия перешла через Альпы и, по словам Гвиччардини, на сей раз непреувеличенным, «посеяла семена неисчислимых бедствий».

Поначалу, запаниковав и усомнившись, Александр VI присоединился к лиге защитников Флоренции и Неаполя, которая тотчас же развалилась. Флоренция переметнулась на сторону противника, поскольку у Пьеро де Медичи, старшего сына умершего за два года до этого Лоренцо Великолепного, сдали нервы. Пьеро тайно договорился с французами и открыл ворота города. Одержав первый успех во Флоренции, армия Карла VIII

без всякого сопротивления двинулась к Риму, где после отчаянных попыток избежать такой встречи папа уступил превосходящей силе. Захватчики парадным строем вступили в Рим, на что потребовалось шесть часов, сначала проскакала кавалерия, потом двинулись пехотинцы, лучники и арбалетчики, швейцарские наемники с алебардами и копьями, рыцари в полном боевом облачении, королевская охрана с железными булавами на плечах. По булыжной мостовой страшно прогремели 36 пушек. Город содрогался от такого наплыва. «Страшные реквизиции, — сообщил посол Мантуи, — бесчисленное количество убитых, слышны лишь стоны и рыдания. На памяти людей и церкви такого бедственного положения еще не бывало».

Между победителями и папой состоялись переговоры. Несмотря на то что Неаполь пришлось покинуть и передать французам принца Джема (вскоре он умер во французской тюрьме), Александр VI решительно выступил против двух требований: он отказывался передать французам замок Святого Ангела и официально провозгласить Карла королем Неаполя. Осажденный, Александр VI не терял присутствия духа, хотя и позволил французам пройти к Неаполю через папские владения. Единственным вопросом, который не обсуждали на переговорах, была реформа. Несмотря на постоянное подстрекательство кардинала делла Ровере и его сторонников, неуверенный, колеблющийся французский король был не тем человеком, который смог бы подставить собору плечо, поддержать церковную реформу или сместить папу. Александра VI оставили в покое. Французы двинулись дальше, без боя вошли в Неаполь, лишь жестоко разграбив встретившиеся им на пути городки и деревни. Король Альфонсо избежал

кризиса — он отрекся и ушел в монастырь; его сын Ферранте II бросил меч и бежал.

Французское присутствие в южной Италии наконец-то гальванизировало, по инициативе Испании, сопротивление захватчикам. Вознамерившись не позволить французам контролировать Неаполь, Испания задумала прибрать его себе. Король Фердинанд убедил императора Максимилиана, который уже опасался французской экспансии, присоединиться к нему и пообещал выдать свою дочь Иоанну за сына императора Филиппа. Когда Испания и империя стали союзниками, папа и Милан смогли без опаски пойти против Франции. А когда к ним присоединилась и Венеция, этот союз называли Венецианской лигой, впоследствии переименованной в Священную лигу. Тем временем в Неаполе возненавидели французов, и оккупанты боялись, что их уничтожат в «итальянском сапоге». Они покинули Неаполь и после единственного безуспешного сражения при Форново, в Ломбардии, вернулись во Францию. Альфонсо и его сын не замедлили вернуть себе Неаполь.

Хотя никто, и меньше всех Франция, не получил выгоды от этой быстрой и бессмысленной авантюры, стороны, не извлекая урока из ее безрезультатности, снова и снова возвращались на ту же арену — сражаться над телом Италии. С этого момента лиги, войны, сражения, запутанная дипломатия, скоротечные союзы следовали один за другим, пока в 1527 году не наступила чудовищная кульминация — разграбление Рима испанскими и имперскими войсками. Каждый поворот и маневр итальянских войн, длившихся тридцать три года, исследован и изучен, так что ныне эти войны уже не вызывают былого интереса. Значение этих подробностей

для анналов истории равно, в сущности, нулю, не считая разве что интереса к психологии человека, идущего на конфликт. Были некоторые исторические последствия, какие-то — поважнее, другие — мелкие, но запоминающиеся: к примеру, возмущенные действиями Пьеро флорентийцы восстали против него, выгнали всех Медичи и провозгласили республику. В будущем испано-габсбургский брак породит императора Карла V, и он окажет большое влияние на следующее столетие; а миланскому сорвиголове Лодовико иль Моро расплатой за безрассудство станет французская тюрьма, где он и скончается. В знаменитом сражении при Павии будет взят в плен король Франции Франциск I, который обретет бессмертие в книге цитат своей фразой: «Все потеряно, кроме чести».

Итальянские войны значительны своим влиянием на дальнейшую политизацию и обесценивание папства. Папы вели себя, как любой светский государь, — торговались, заключали сделки, собирали армии, сражались, то есть занимались тем, что являлось прерогативой светских князей, и потому у пап оставалось все меньше времени на служение Богу. В постоянном стремлении что-либо выгадать от того или иного альянса, они более обычного пренебрегали внутренними проблемами церкви и религиозного сообщества и не обращали внимания на признаки приближавшегося кризиса в той сфере, которая их касалась самым непосредственным образом.

Во Флоренции, начиная с 1490 года, страстные проповеди доминиканского монаха Джироламо Савонаролы, приора Сан-Марко, отражали религиозный

разлад, который Александр VI умудрялся игнорировать целых семь лет до тех пор, пока город не услышал голос монаха, разнесшийся эхом по всей Италии. Савонарола был не столько предвестником Лютера, сколько религиозным фанатиком и обличителем грехов из числа тех людей, что появляются в любое тревожное время и увлекают за собой толпы. Он был типичным представителем времени. В своем стремлении покончить с разложением и пороками в церкви Савонарола считал, что реформа необходима — через очищенное духовенство она откроет путь к Царству Небесному. Его предсказание, что за реформой последует счастливое время для всего христианства, было принято с энтузиазмом. Он не призывал ни к реформе вероучения, ни к отделению от Рима, а гневно обрушивался на грехи народа и духовенства, следовавших безнравственному примеру церковных иерархов. Его брань и апокалипсические высказывания, по словам Пико дела Мирандолы, «вызывали такой ужас, тревогу, всхлипывания и слезы, что горожанин ходил по городу скорее мертвый, чем живой». Его пророчество, что Лоренцо Великолепный и Иннокентий VIII умрут в 1492 году, свершилось, и к Савонароле все стали относиться со священным страхом. По его наказу в городе жгли костры, куда люди с истерическими рыданиями бросали все самое ценное — прекрасные картины, одежду и ювелирные украшения. Савонарола организовал отряды из детей, и те рыскали по городу в поисках всего, что следовало сжечь. Он призывал последователей изменить свою жизнь, отменить светские праздники и игры, отказаться от ростовщичества и вендетт и восстановить строгое соблюдение религиозных обрядов.

В осуждении церкви гнев Савонаролы достигал высшего накала. «Папы и прелаты осуждают гордыню и амбиции, в то время как сами погрязли в этих грехах. Они проповедуют целомудрие, а сами держат любовниц... Они прикованы любовью к земным вещам и больше не заботятся о душе». Они сделали церковь «домом дурной славы... проституткой, сидящей на троне Соломона и призывающей прохожих. Тот, кто может платить, входит и делает то, что пожелает, но того, кто хочет добра, вышвыривают. О продажная церковь, ты показала свои злоупотребления всему миру, и твое ядовитое дыхание поднимается к небесам».

То, что в речах его была какая-то правда, Рим не взволновало: он давно привык к суровым фанатикам, однако Савонарола стал политически опасен. Он приветствовал Карла VIII: «как я давно предсказывал», король послан нам Богом, он излечит Италию и реформирует церковь. Выступление в поддержку французов оказалось губительным для провидца, поскольку делало его угрозой новым правителям Флоренции, да и папа обратил на него неблагоприятное внимание. Флорентийские власти требовали разобраться с фанатиком, но Александр VI не хотел народных волнений и принял меры, только когда Савонарола во весь голос потребовал созвать собор, дабы на нем сместить папу за симонию.

Поначалу Александр VI попытался утихомирить Савонаролу без шума, попросту запретив ему проповедовать, но речи, в которых звучал голос Бога, так просто не заглушить. Савонарола нарушил папский запрет на том основании, что Александр VI — преступник и не может называться «святейшим отцом», он уже более не христианин. Он неверный, еретик, а потому и не папа.

Александр VI отлучил фанатика от церкви, но Савонарола и тут не послушался, а отслужил мессу. Александр приказал флорентийским властям самим заткнуть проповеднику рот, пригрозив в случае ослушания отлучить от церкви весь город. Чтобы установить истинность учения Савонаролы, был назначен суд Божий — испытание огнем. Однако испытание не состоялось — и настроение толпы обратилось против проповедника. Флорентийские власти заточили Савонаролу в тюрьму и пытками добивались у него признания в том, что все его пророчества — обман и ересь. Не добившись ничего, светские власти приговорили его к смерти. Под улюлюканье толпы в 1498 году Савонарола был повешен, а тело его сожжено. Гром стих, но враждебность к церковной иерархии осталась.

Тему подхватили странствующие проповедники, отшельники и монахи. Некоторые из них были фанатиками, некоторые сумасшедшими, но все испытывали отвращение к церкви, и это соответствовало настроениям народа. Всякий, кто брал на себя миссию проповедовать реформу, был уверен, что слушатели найдутся. Это был не новый феномен, а вид развлечения для простого народа, один из немногих, какие у него имелись. Проповедники из мирян и странствующие монахи издавна ходили из города в город, привлекая целые толпы. Люди часами внимательно слушали их на площадях, ибо в церкви столько народа не помещалось. Говорят, в 1448 году пятнадцать тысяч человек пришли послушать знаменитого францисканца Роберто да Лечче. В Перудже он обратился к народу с четырехчасовой проповедью. Проповеди обличали пороки того времени, призывали людей не грешить, стараться, по возможности, вести праведную жизнь. К проповедникам

прислушивались, их речи обычно заканчивались массовым «обращением» и подарками оратору. Любимым пророчеством этого века был приход «ангельского папы», который начнет реформу, а за ней — как обещал Савонарола — настанет лучший мир. Группа примерно из двадцати флорентийских рабочих выбрала собственного «папу», который сказал своим приверженцам, что пока нет реформы, на исповедь ходить бесполезно, потому что в церкви нет достойных священников. Его слова распространились как знак наступления больших перемен.

Скандальность семейных дел Борджиа достигла нового размаха. Решив, что в его интересах будет брачный союз с королевской семьей Неаполя, Александр VI аннулировал брак своей дочери Лукреции с Джованни Сфорца, чтобы выдать ее за неаполитанского наследника Альфонсо. Возмущенный муж яростно отвергал утверждение о том, что консуммация не состоялась, он публично сопротивлялся разводу, однако под тяжким политическим и финансовым давлением, которое оказывал на него папа, вынужден был покориться и даже вернул жене ее приданое. Лукрецию выдали замуж за нового мужа-красавца, которого она, судя по всему, искренно любила, но оскорбление, нанесенное Сфорца, и нарушение святости брака еще сильнее подорвали репутацию Александра VI. Джованни Сфорца к тому же заявил, что Александр VI испытывает непотребную страсть к собственной дочери. Подтвердить это было трудно из-за очень скоро заключенного второго брака Лукреции, но эта история помогла распространению еще более зловещих слухов, окружавших Александра VI,

правдоподобия им к тому же добавляли пороки сына папы, Чезаре.

В тот год, когда Лукреция снова вышла замуж, старшего сына папы Хуана, герцога Гандии, обнаружили утром в Тибре, на его труп остались следы девяти ударов кинжала. У Хуана было много врагов, поскольку отец подарил ему немалую долю папской собственности. Убийцу так и не нашли. Тайна оставалась неразгаданной, люди шептались, и все больше подозрений падало на Чезаре. Они основывались на желании последнего сделаться фаворитом отца, ходили слухи и об инцесте брата и сестры. В булькающей похлебке римских слухов от семьи Борджиа могли ждать чего угодно (хотя историки впоследствии признали Чезаре невиновным в убийстве брата).

Александр VI был оглушен горем, а возможно, и напуган смертью сына, его охватили угрызения совести, и он погрузился в неожиданный, редкий для него самоанализ. «Самая большая опасность для любого папы, — сказал он кардиналам, — в том, что, окруженный льстецами, он никогда не слышит правды о собственной персоне и заканчивает тем, что не хочет ее слышать». Это было неслыханное высказывание для автократа. Испытывая моральный кризис, папа признал, что удар, от которого он пострадал, был карой Господней за его грехи и теперь он намерен изменить свою жизнь и провести реформу церкви. «Мы начнем с того, что реформируем себя, а потом охватим реформой всю церковь — сверху и до самого низа, пока работа не будет завершена». Он тотчас назначил комиссию из нескольких самых уважаемых кардиналов и поручил им написать программу, но, дальше сокращения множественных бенефиций дело не пошло. Предложенные меры

требовали от кардиналов урезания их доходов, уменьшения численности придворных — не более восьмидесяти (из которых, по меньшей мере, двенадцать должны быть священниками) и сокращения конного эскорта до тридцати всадников. За столом они должны были довольствоваться одним вареным и одним жареным мясным блюдом, свободное время следовало проводить за чтением Священного писания, а от музыкантов и актеров надлежало отказаться. Кардиналам не дозволялось принимать участие в турнирах и карнавалах, посещать светские спектакли и нанимать мальчиков-пажей. Вероятно, предложение о том, что в течение десяти дней после публикации буллы о реформе надо будет отказаться от всех любовниц, заставило святейшего отца иначе взглянуть на программу комиссии. А рекомендации о созыве собора для осуществления реформ оказалось достаточно, чтобы вернуть папу в прежнее состояние ума. Предполагаемая булла — «*In apostolicae sedis specula*» — так и не была издана, и вопрос о реформе отпал.

В 1499 году, уже при новом короле Людовике XII, вернулись французы и заявили о претензиях на Милан по праву герцогов Орлеанских. За этим стоял еще один священник, архиепископ Руанский, старший советник короля. Он и сам хотел стать папой и верил, что, дав французам контроль над Миланом, повысит свои ставки на понтификат. Роль Александра VI в новом вторжении была чрезвычайно циничной. Людовик XII хотел аннулировать свой брак с печальной хромоногой женой Жанной, сестрой Карла VIII, жениться на Анне Бретонской, вдове Карла VIII, и присоединить ее герцогство к французской короне.

Оливье Майар, францисканский духовник покойного короля, осудил намерение Людовика аннулировать брак, да и французскому народу, симпатизировавшему королеве, эта идея очень не нравилась, но Александр VI всегда с равнодушием относился к общественному мнению. Он увидел способ пополнить золотом свои сундуки и продвинуть забросившего церковную карьеру Чезаре, женив его на дочери Альфонсо Неаполитанского. Беспрецедентный отказ Чезаре от красной кардинальской шапки заставил одного венецианского летописца вздохнуть: «В Божьей церкви все теперь вверх дном». За тридцать тысяч дукатов и поддержку Чезаре папа аннулировал брак короля, разрешил ему жениться на Анне Бретонской и пожаловал красную шапку архиепископу Руана, который отныне стал кардиналом д'Амбуазом.

И в самом этом втором скандальном аннулировании брака, и в том, что за ним последовало, безрассудство проявило себя в полной мере. Чезаре, во всем своем герцогском великолепии, отправился во Францию, где обсудил с королем миланскую кампанию, основанную на поддержке со стороны папы. Александр VI вступил в партнерские отношения с Францией ради порочного сына, который, как он уверял, был ему дороже всех на свете, и этот шаг прогневал его оппонентов — семейства Сфорца, Колонна, правителей Неаполя и, конечно же, Испании. Португальские послы, выступая от лица Испании, нанесли папе визит и раскритиковали его за nepотизм, симонию и профранцузскую политику. Они утверждали, что папа подвергает опасности не только Италию, но и весь христианский мир. Разумеется, они не забыли пригрозить и созывом собора в том случае, если папа продолжит держаться прежнего курса. Папа оставил

все, как есть. Тогда к нему пожаловали испанские послы, якобы озаботившиеся положением церкви, но двигавшие ими мотивы — помешать Франции — были такими же политическими, как и у Александра. На совещаниях бушевали страсти, вновь звучали угрозы созыва собора и реформы. Разгневанный посол заявил Александру VI прямо в лицо, что его избрание незаконно, и он не может быть папой. В ответ Александр пригрозил бросить посла в Тибр и в оскорбительных выражениях высказался об испанском короле и королеве, обвинив их во вмешательстве в чужие дела.

Брак не состоялся: принцессу не устраивал Чезаре. Альянс с Францией готов был распасться, папа оказался в одиночестве. Александр VI чувствовал, что жизнь его в опасности, и аудиенции давал в присутствии вооруженной охраны. В Риме ходили слухи о том, что ведущие державы откажут Святейшему престолу в поддержке, и даже о возможном расколе. Французский король, однако, устроил Чезаре другой брак — с сестрой короля Наваррского, что обрадовало Александра VI, и в ответ тот поддержал притязания Людовика на Милан и вместе с Францией вступил в альянс с Венецией, всегда готовой противодействовать Милану. И снова французская армия, усиленная швейцарскими наемниками, перешла через Альпы. Милан сдался противнику, и Александр VI открыто выразил восторг, не обращая внимания на негодование Европы. В разгар войны в Рим прибыли пилигримы — праздновать юбилейный 1500-й год, но обнаружили там беспорядки, грабежи, бесчинства и убийства.

Уйдя с головой в военную карьеру, Чезаре старался взять под контроль территории Папской области, заявившие о своей автономии. Некоторые современники

думали, что целью его было обретение домена или даже королевства в центральной Италии. На его кампанию уходили огромные средства из папских доходов, однажды в течение двух месяцев он истратил 132 тысячи дукатов — примерно половину среднего папского дохода, в другой раз, за восемь месяцев, ему понадобилось 182 тысячи дукатов. В Риме он вел себя как верховный владыка, как тиран, его окружали шпионы и доносчики. Чезаре отличался в воинских искусствах, одним ударом он валил быка. Он любил искусство, покровительствовал поэтам и художникам, но мог, не раздумывая, отрезать язык или руку человеку, если до него доходили слухи, что бедняга повторил о нем шутку. Один венецианец распространил клеветнический памфлет о папе и его сыне, за это его убили, а тело бросили в Тибр. «Каждую ночь, — сообщил венецианский посол, — находят четыре-пять трупов — епископов, прелатов и прочих, так что весь Рим дрожит от страха. Все боятся, что герцог их убьет». Мрачный и мстительный, герцог расправлялся со своими оппонентами самым надежным способом — сеял между ними вражду. То ли для самозащиты, то ли из желания скрыть прыщи, уродовавшие его лицо, из дома он никогда не выходил без маски.

В 1501 году на второго мужа Лукреции Альфонсо напало пять человек, но он уцелел, хотя и был сильно изранен. Лукреция преданно его выхаживала, но Альфонсо убедили, что заказчиком нападения был Чезаре и будто бы он не успокоится и отравит его. В страхе Альфонсо перестал допускать к себе врачей, но тем не менее шел на поправку. Однажды он увидел из окна ненавистного шурина — тот шел по саду. Схватив лук и стрелу, Альфонсо выстрелил в Чезаре, но не попал. Через несколько минут он был забит до смерти

телохранителем герцога. Александр VI, должно быть, был напуган тигром, которого сам же и взрастил, а потому ничего не предпринял.

Папа не испытывал угрызений совести из-за погибшего зятя. Судя по дневнику Бурхарда, последние сдерживающие факторы, если они и были, исчезли. Через два месяца после смерти Альфонсо папа был почетным гостем на банкете, устроенном Чезаре в Ватикане. Этот пир в порнографических анналах прославился как «каштановый банкет». Из сухого изложения Бурхарда явствует, что после ужина пятьдесят куртизанок танцевали вместе с гостями, «сначала одетые, а потом нагие». На полу между канделябрами рассыпали каштаны, которые «куртизанки собирали, ползая на четвереньках, а папа, Чезаре и его сестра Лукреция на это смотрели». Затем гости стали совокупляться с куртизанками, в качестве призов выдавались красивые шелковые туники и плащи «для тех, кто удовлетворит больше всех куртизанок». Месяцем позже Бурхард сообщает о том, что во двор Ватикана привели кобыл и жеребцов, а папа и Лукреция с громким смехом наблюдали за ними с балкона. Позже они снова смотрели, как в том же дворе Чезаре расстреливает толпу безоружных преступников.

Траты папы опустошили казну. В последний день 1501 года в отороченном горностаем платье из золотой парчи и алого бархата Лукреция в третий раз вышла замуж — за наследника д'Эсте из Феррары. За величественной церемонией последовала неделя празднеств, пиров, театральных представлений, скачек и боев с быками. Борджиа называли самой высокопоставленной семьей Италии. Александр VI сам отсчитал братьям жениха 100 тысяч золотых дукатов в

качестве приданого Лукреции. Чтобы иметь средства на подобное расточительство, как и на бесконечные кампании Чезаре, папа с марта по май 1503 года создал восемьдесят доходных мест в курии и продал каждое за 780 дукатов. Он назначил сразу девять новых кардиналов, пятеро из которых были испанцами, и получил от них в общей сложности от 120 до 130 тысяч дукатов. В это же время крупные денежные суммы были получены после смерти богатого венецианского кардинала Джованни Микеле, который скончался, два дня промучившись какой-то кишечной болезнью. Ходили слухи, что его отравили, поскольку Чезаре нужны были деньги.

Это был последний год жизни Александра VI. Папа находился во враждебном окружении. Семья Орсини с множеством приверженцев вела войну с Чезаре. Испанцы высадились на юге и бились с французами за Неаполь; вскоре испанцы одержали победу и установили над королевством контроль, продлившийся три с половиной столетия. Серьезные священнослужители, болевшие душой за веру, все настойчивее поднимали вопрос о соборе. В трактате кардинала Сан-Джорджо, одного из назначенцев Александра VI, отмечалось, что постоянный отказ папы созвать собор вредит церкви и огорчает христиан и если все увещевания не помогут, кардиналы соберутся сами.

В августе 1503 года в возрасте 73 лет Александр VI скончался, но не от яда, как, конечно же, сразу все предположили, а от римской летней лихорадки, что возможно в таком возрасте. Народное возбуждение вырвалось наружу — распространялись жуткие рассказы о черном распухшем трупe, о языке, высунувшемся изо рта вместе с выступившей пеной. Чудовище было таким

страшным, что никто не мог к нему притронуться, и его будто бы потащили в могилу за веревку, привязанную к ногам. Уверяли, что умерший понтифик получил тиару, продав душу дьяволу. Любимые римлянами сатирические листки каждый день вешались на шею Пасквино, античной статуи, найденной в 1501 году при ремонте дороги. Статуя служила горожанам чем-то вроде витрины для анонимной сатиры.

Чезаре, при всей своей военной мощи, оказался неспособен справиться без поддержки Рима, где трон любящего отца унаследовал старый враг. Вокруг герцога тотчас выросли зубы дракона. Он приехал в Неаполь, находившийся под контролем испанцев, но те нарушили обещание не трогать герцога и заточили его в тюрьму. Через два года Чезаре удалось бежать, он добрался до Наварры и через год был убит в местной стычке.

Суждения современников о покойном Александре VI были очень резки, но церемониймейстер Бурхард не был ни противником, ни апологетом папы. Его невыразительный рассказ, описывающий правление Александра с бесконечным насилием, убийствами в церквях, телами в Тибре, борьбой группировок, с фривольностью и бесконечными приемами послов, светских князей и правителей, с вниманием к костюмам и драгоценностям, с протоколом процессий, развлечений и скачек, с кардиналами, выигрывающими призы, — вкупе с сухими цифрами доходов и трат, — дает полное представление о том времени.

Некоторые ревизионисты вдруг полюбили папу Борджиа и постарались его реабилитировать, отыскав замысловатые аргументы против выдвинутых обвинений. Они объявили их либо преувеличением, либо

фальсификацией, либо досужими сплетнями. Эти оправдания меркнут перед одним фактом — перед теми ненавистью, отвращением и страхом, которые Александр VI внушал всем в момент своей смерти.

В исторических трудах о его понтификате говорится в терминах политических войн и маневров. О религии едва упоминается, за исключением редких ссылок на соблюдение Александром VI постов или на его старания с помощью цензуры книг поддержать чистоту католической доктрины. Возможно, приведенные ниже слова принадлежат Эгидию да Витербо, генералу августинского ордена и главной фигуре реформаторского движения. При папе Александре VI, сказал он в проповеди, «Рим знает: „Нет закона — нет и божества; миром правят золото, сила и Венера“».

4. ВОИН: ЮЛИЙ II, 1503–1513 гг.

От кардинала делла Ровере дважды ускользала папская корона, упустил он ее и в третий раз. Самым сильным его оппонентом и яростным соперником был французский кардинал д'Амбуаз. Чезаре Борджиа, контролировавший группу из одиннадцати испанских кардиналов, был третьей силой, упрямо настроенной на избрание испанца, который наверняка стал бы его союзником. Вооруженные отряды Франции, Испании, семейств Борджиа, Орсини и различных итальянских фракций оказывали давление, исходя из собственных интересов. В сложившейся обстановке кардиналы, собравшиеся на конклав, вынуждены были укрыться за крепостными стенами замка Святого Ангела и в Ватикан перебрались только после того, как договорились с наемниками, согласившимися их защищать.

Исхода выборов предугадать никто не мог. Когда ведущие кандидаты взаимно блокировали избрание друг друга, снова появился случайный папа. Буйные толпы криками, исполненными ненависти к Борджиа, сделали невозможным избрание любого испанца. Шансы д'Амбуаза тоже стали нулевыми — конклав внял предупреждениям делла Ровере: мол, если того изберут, папство вернется во Францию. Итальянские кардиналы имели в коллегии преобладающее большинство, однако они голосовали за разных кандидатов. За делла Ровере высказалось больше всего, но до необходимых двух третей ему не хватало двух голосов. Поняв, что ему ничего не светит, делла Ровере высказался за набожного и достойного человека, кардинала Сиены Франческо Пикколомини, чей возраст и слабое здоровье предвещали недолгое правление. Зайдя в тупик, кардиналы избрали Пикколомини, и он принял имя Пия III в честь дядюшки, Энеа Сильвио Пикколомини — Пия II.

Новый папа тотчас объявил, что главной его заботой станет реформа. Культурный и образованный, такой же, как и его дядя, хотя и более спокойного нрава, Пикколомини был кардиналом свыше сорока лет. Он усердно служил Пию II, однако в Риме при последнем понтифике не появлялся и оставался все это время в Сиене. Он не был публичной фигурой, но у него была репутация доброго и чистого человека, что и требовалось в данный момент, потому что люди мечтали о «хорошем» папе, не похожем на Александра VI. Объявление о его избрании вызвало народное ликование. Настроенные на реформу прелаты были счастливы тем, что управление церковью наконец-то вверили понтифику, «кладезю всех добродетелей, с душой, исполненной Святого Духа». Епископ Ареццо

писал: «Все надеются на реформу церкви и возвращение мира». Добродетельный образ нового папы обещал «новую эру в истории церкви».

Новой эре не суждено было состояться. Шестидесятичетырехлетний Пий III был стар для своего времени и болен подагрой. Под бременем аудиенций, консисторий и долгой церемонии посвящения в духовный сан и коронации он слабел с каждым днем и умер через двадцать шесть дней.

Радость и надежда, с которыми было встречено появление Пия III, показали, что люди жаждут перемен. Папству недвусмысленно было сделано предупреждение о необходимости сосредоточиться на задачах, связанных с коренными интересами самой церкви. Если треть Священной коллегии это и осознала, то она была листком на ветру, увлекаемым амбициями большинства. Чтобы добиться своего избрания, Джулиано делла Ровере использовал «неумеренные обещания» и подкуп там, где они были необходимы, и, к всеобщему изумлению, положил на лопатки все фракции и получил наконец-то вождеденную папскую тиару. Конклав избрал его менее чем за 24 часа — самые короткие выборы за историю церкви. Чудовищное эго нового папы выразилось в изменении имени всего на один слог — Giulio — Julius — Юлий II.

Юлий II вошел в число великих пап не только благодаря своим достижениям, но и в не меньшей степени в связи с Микеланджело, ибо искусство, наряду с войной, покрывает человека неувядаемой славой. В отношении данных им обещаний он был таким же забывчивым, как и три его предшественника. Папу поглощали две страсти, в основе которых лежали не его

жадность или nepoтизм. Он хотел восстановить политическую и территориальную целостность Папской области и украсить Святейший престол, прославив себя через искусство. И в том и в другом Юлий II добился важных результатов, и, поскольку они были наглядны, история его заметила, хотя существенный аспект его правления — религиозный кризис — так и остался неразрешенным. Цели его политики были временными. Несмотря на присущую папе силу характера, он, по словам Гвиччардини, упустил возможность «помочь спасению душ, для которых был наместником Христа на земле».

Импульсивный, вспыльчивый, упрямый, не идущий на компромиссы, Юлий II был слишком нетерпелив, с ним невозможно было посоветоваться, прислушаться к чужому мнению он был неспособен. «Телом и душой», свидетельствовал венецианский посол, «он гигант. Все, что он задумывает ночью, уже на следующее утро должно быть исполнено, и он настаивает на том, что сделать это он должен сам». Встретившись с сопротивлением или с противоположным мнением, «он мрачнеет, заканчивает разговор или прерывает говорящего колокольчиком, стоящим подле него на столе». Юлий II тоже страдал от подагры, были у него нелады с почками, да и с другими органами, но телесные болезни не могли укротить его нрав. Его плотно сжатые губы, темные «ужасные» глаза говорили о негибном характере, готовом сокрушить любое препятствие. Итальянцы говорили о папе: *террибилита*, то есть «устрашающая сила».

Справившись с Чезаре Борджиа, Юлий II приступил к нейтрализации враждующих баронских фракций Рима — начал устраивать браки родственников с членами

семей Орсини и Колонна. Он реорганизовал и укрепил папскую администрацию, навел в городе порядок — прибег к жестким мерам против бандитов, убийц и дуэлянтов, процветавших при Александре VI. Для охраны Ватикана и для сопровождения папы в инспекционных поездках по папским территориям Юлий II нанял швейцарских солдат.

Укрепление папского правления началось с кампании против Венеции с целью возвращения городов Романьи, отнятых у Ватикана. Для этого Юлий II обратился за помощью к французскому королю Людовику XII. Начались дипломатические переговоры — местные и международные, надо было нейтрализовать Флоренцию, привлечь императора, подтолкнуть союзников, убрать оппонентов. Все участники итальянских войн имели виды на расширившиеся венецианские владения и в 1508 году заключили союз, названный Камбрейской лигой. Войны Камбрейской лиги последующего пятилетия отражают логическую последовательность оперных либретто. Сначала все ополчилось на Венецию, а потом на Францию. Папа, империя, Испания и швейцарские наемники принимали участие то в одном альянсе, то в другом. Благодаря мастерскому манипулированию финансами, политикой, оружием, подкрепленному отлучением от церкви, когда конфликт переходил в опасную фазу, папа заставил Венецию вернуть захваченные земли.

Не слушая советов быть осторожным, Юлий II задумал вернуть Болонью и Перуджу, два самых важных города папского домена, чьи деспоты не только угнетали своих подданных, но и игнорировали авторитет Рима. Папа объявил, что берет командование в свои руки и, пресекая взволнованные возражения кардиналов, в 1506

году, к изумлению Европы, возглавил армию и выступил на север.

Годы его правления прошли в завоеваниях, потерях и яростных конфликтах. Когда Феррара, будучи папским фьефом, сменила политический курс, Юлий II разгневался на изменников и снова лично возглавил армию. Поднявшись с постели после болезни, едва не лишившей его жизни, так что уже были сделаны приготовления к конклаву, седобородый папа облачился в шлем и кольчугу и суровой снежной зимой осадил Феррару. Свой штаб он разместил в крестьянском доме, постоянно ездил верхом, указывал диспозицию, распоряжался действиями батарей, ездил среди войск, отчитывал или подбадривал солдат и лично возглавил войско, ворвавшееся через брешь в крепость. «Зрелище действительно необычное — первосвященник, наместник Христа на земле... лично руководит военными действиями, в нем нет ничего от понтифика, только имя и облачение».

Суждения Гвиччардини уравниваются его же разоблачениями всех пап того времени, для всех, кроме него самого, явление святейшего отца-воина и подстрекателя войн было пугающим. Добрые христиане были шокированы.

Юлия II в его предприятии направлял гнев против французов, за время долгих споров ставших его врагами, тем паче что они объединились с Феррарой. Агрессивный кардинал д'Амбуаз, хотевший, как и Юлий II до него, стать папой, убедил Людовика XII в обмен на свою помощь истребовать у папы три кардинальские должности. Против своей воли Юлий II согласился, но отношения со старым соперником еще более

ожесточились, и начались новые ссоры. По рассказам, отношения папы с лигой зависели от того, насколько его ненависть к д'Амбуазу оказывалась сильнее ненависти к Венеции. Когда Юлий II поддержал Геную в ее стремлении избавиться от французского контроля, Людовик XII, подстрекаемый д'Амбуазом, расширил права сторонников галликанства по назначению бенефиций. Конфликты нарастали, и Юлий II понял, что границы Папской области не будут зафиксированы, пока Франция сохраняет контроль над Италией. Бывший некогда «главным инструментом» вторжения французов, теперь он делал все, чтобы их изгнать. Поворот политики потребовал новых альянсов и приготовлений, напугавших его соотечественников и даже его врага. Людовик XII, как писал Макиавелли, в то время флорентийский посол во Франции, намерен «отстаивать свою честь, даже если потеряет все, чем владеет в Италии». Колеблясь между моралью и войной, король угрожал «повесить церковный собор папе на шею», а иногда, по подначке д'Амбуаза, заявлял, что «сам поведет на Рим армию и сместит папу». Кардинала д'Амбуаза увлекала мечта, что он не просто станет преемником, а низложит папу. В него тоже вселился вирус безрассудства, или тщеславия, что составляет основной компонент безумства.

В июле 1510 года Юлий II порвал отношения с Людовиком XII и закрыл двери Ватикана перед французским послом. Посол Венеции радостно сообщал, что «французы в Риме ходят крадучись и похожи на привидения». Юлий II, напротив, воодушевился и в мыслях уж видел себя освободителем Италии. Боевым кличем папы отныне стал: «Долой варваров!» («*Fouri i barbari!*»).

Папа совершил крутой поворот и объединился с Венецией против Франции. К ним примкнула и Испания, жаждавшая изгнания французов из Италии. Влившиеся в войско швейцарцы придали сил комбинации, образовавшей Священную лигу. Юлий II нанял швейцарцев на пять лет на условии выплаты им ежегодной субсидии, а возглавил их войско епископ Сьонский Маттеус Шиннер. С папой епископа сближал воинственный дух: властолюбивых соседей-французов Шиннер ненавидел даже больше, чем Юлий II, и готов был вложить в победу над врагом все силы, душу и талант. Долговязый, длинноносый, на редкость энергичный, он был бесстрашным солдатом и непревзойденным трибуном, его красноречие увлекало войска «подобно морю, вздымающему волны». Язык Шиннера, жаловался следующий король Франции Франциск I, доставил французам больше неприятностей, чем грозные швейцарские пики. В день вступления Шиннера в Священную лигу Юлий II сделал его кардиналом. Позднее, перед сражением с армией Франциска I, Шиннер явился на поле боя в красном кардинальском облачении и объявил войску, что хочет искупаться во французской крови.

К папе примкнул еще один воинственный клирик, архиепископ Бейнбридж Йоркский. Юлий II сделал его кардиналом одновременно с Шиннером, отчего впечатление, что папство предано мечу, стало еще сильнее. «Что общего у митры со шлемом? — спросил Эразм Роттердамский, явно намекая на Юлия II, хотя и сказал он это после смерти папы. — Как можно совмещать епископский посох и меч, митру и шлем, Евангелие и щит? Как можно проповедовать Христа и войну, одной трубой трубить Богу и дьяволу?» Если

Эразм, известный своими двусмысленными высказываниями, позволил себе произнести такое, то многие почувствовали себя весьма неловко. В Риме появились сатирические стихи, посвященные облекшему себя в доспехи наследнику Святого Петра, а во Франции, где не обошлось без подстрекательства короля, — карикатуры и бурлески, которые в пропагандистских целях использовали воинственный образ Юлия II. О папе говорили, что он «позирует, как воин, но выглядит, как танцующий монах, нацепивший шпоры». Серьезные священнослужители и кардиналы взволновались и умоляли папу не возглавлять войско лично. Но аргументы о том, что своим поведением папа возбуждает всеобщее неодобрение и дает лишний повод добиваться смещения, остались втуне.

Юлий II шел к своей цели, не обращая внимания на препятствия, что помогало ему делать себя неодолимым, однако его поведение расходилось с главной задачей церкви. Безумие, в одном из его аспектов, — это упрямая привязанность к негодной цели. Джованни Аччиаджоли, флорентийский посол в Риме, почувствовал, что ситуация выходит из-под контроля. Посол был обучен флорентийской политической науке, основанной на рациональном расчете, и в диких поворотах политики Юлия II и в его зачастую демоническом поведении он увидел тревожное свидетельство того, что события лишены какой-либо логики.

Подобную же страсть папа проявлял и по отношению к строительству и меценатству. Его распоряжение о сносе старой базилики Святого Петра вызвало бурю негодования. Юлий II намеревался поставить на этом месте более величественное здание, достойное Святейшего престола и Рима — будущей

столицы мира. Более того, он хотел, чтобы в соборе поместили его гробницу, а построить ее должны были при его жизни по проекту Микеланджело. По словам Вазари, «красотой, величавостью, роскошью и обилием статуй она превосходила любую древнюю и императорскую гробницу». Высота усыпальницы составляла тридцать шесть футов, и украшена она была сорока статуями выше человеческого роста; саркофаг поддерживали два ангела. Скульптор предполагал, что гробница станет шедевром и прославит заказчика. Согласно Вазари, проект гробницы предшествовал проекту новой церкви и так волновал папу, что он предложил план нового собора Святого Петра, который был бы достоин этой усыпальницы. Если мотивом папы, как уверяют его поклонники, было прославление церкви, то в данном случае он хотел прославить первосвященника, то есть самого себя.

Его решение все осуждали, не потому, что люди не хотели новую красивую церковь, а, как сказал один критик, «потому что им жаль было сносить старую церковь, почитаемую всем миром, облагороженную гробницами святых и прославленную столь многими вещами, которые там были сделаны».

Как и всегда, проигнорировав общественное мнение, Юлий II ринулся в бой, одобрив проект Браманте, и приступил к делу с таким рвением, что 2500 нанятых им рабочих одновременно принялись сносить старую базилику. Собранную в одном месте память веков — могилы, картины, мозаику, статуи, — уступая нетерпению понтифика, уничтожили без следа. Это событие принесло Браманте славу *il ruinante* — «разрушителя». Папу не беспокоило то, что он разделит с ним такую славу. В 1506 году он спустился по лестнице

на дно глубокой ямы и заложил там закладной камень «мирового собора» с высеченным на нем собственным именем. Стоимость строительства намного превышала папские доходы и вызвала фатальные последствия — публичную продажу индульгенций. При следующем понтифике распространившаяся в Германии торговля индульгенциями вызвала крушение иллюзий одного рассерженного клирика, что ускорило появление самого спорного документа в истории церкви.

С самой первой созданной в Риме скульптуры «Пьета» — этого реквиема в мраморе — папа распознал в Микеланджело несравненного художника. На это произведение до сих пор никто не может смотреть равнодушно. Микеланджело закончил эту работу в 1499 году по заказу одного французского кардинала. Уезжая из Рима, тот хотел подарить скульптуру собору Святого Петра. «Пьета» прославила двадцатичетырехлетнего Микеланджело, а через пять лет за нею последовал «Давид», которого поставили у собора в родной для художника Флоренции. Первосвященника должен был прославить лучший художник, но темпераменты двух террибили столкнулись. После того как Микеланджело восемь месяцев потратил на то, чтобы вырубить и перевезти из Каррары глыбу лучшего мрамора, предназначавшуюся для гробницы, Юлий II неожиданно отказался от проекта и не только не заплатил, но даже не стал разговаривать со скульптором. Разгневанный Микеланджело вернулся во Флоренцию и поклялся никогда больше не работать на папу. Что произошло в темных глубинах мозга делла Ровере, никто не знает, а гордыня не позволила ему что-то объяснить Микеланджело.

Но символ победы над завоеванной Болоньей не мог быть воплощен ничьей другой рукой. После неоднократных отказов, после настойчивых уговоров посредников Микеланджело в конце концов согласился изваять статую Юлия, в три раза больше человеческого роста, как того хотел сам папа. Когда скульптура была еще в гипсе, Микеланджело спросил, может ли он вложить в левую руку статуи книгу. «Вложи туда меч, ответил воинственный папа, — я ничего не понимаю в словах». Во время войн город несколько раз переходил из рук в руки, и отлитая в бронзе огромная фигура была сброшена на землю и расплавлена. Враги папы изготовили из нее пушку, издевательски назвав ее «Юлией».

Продолжая труды своего дяди Сикста IV, Юлий II изыскивал средства на восстановление города. Везде трудились рабочие. Кардиналы заказывали дворцы, расширяли и реставрировали церкви. Перестраивались и вырастали новые церкви — Санта-Мария дель Пополо и Санта-Мария делла Паче. В саду Бельведер Браманте возвел галерею для античных скульптур и лоджии, соединившие ее с Ватиканом. Усердно трудились лучшие художники, скульпторы, резчики, ювелиры. Юлий II въехал в расписанные Рафаэлем апартаменты, потому что не хотел жить в помещениях, где обитал его бывший враг Александр VI. Микеланджело, скрепя сердце, расписал Сикстинскую капеллу и, взволнованный собственным искусством, четыре года трудился один на лесах, не позволяя никому, кроме папы, инспектировать свою работу. Карабкаясь по лестнице на платформу, старый папа ссорился с художником и критиковал его работу, но успел дожить до того момента, когда ее

открыли. Весь мир пришел в восхищение от нового шедевра.

Искусство и война являлись главным интересом папы, они поглощали все ресурсы, а реформой понтифик пренебрегал. Экстерьер блистал, интерьер, между тем, приходил в упадок. В те годы явилось странное напоминание о древнем безумстве: обнаружили классическую мраморную статую «Лаокоон». Это было похоже на предупреждение: ее прототип когда-то предупредил Трои. Изваяние откопал в своем винограднике Феличе де Фреди, поблизости от бывших терм Тита, построенных на развалинах Золотого дома Нерона. Хотя находка оказалась расколота на четыре больших куска и на три фрагмента поменьше, любой римлянин понял бы, что перед ним статуя классической эпохи. Немедленно послали за архитектором папы Джулиано Сангалло, и он тотчас вскочил на коня. Сын скакал позади отца в сопровождении Микеланджело: случилось так, что скульптор в это время был у них в гостях. Бросив взгляд на торчавшие из земли обломки, Сангалло воскликнул: «Это же „Лаокоон“, тот самый, о котором писал Плиний!» Пока скульптуру бережно очищали от земли, все в волнении толпились вокруг. О находке доложили папе, и он тотчас купил статую за 4140 дукатов.

Древнего, испещренного пятнами «Лаокоона» встречали с королевскими почестями. В Ватикане возле дороги, устланной цветами, собрались ликующие толпы. Скульптуру собрали и поставили в саду Бельведер рядом с «Аполлоном Бельведерским» — «две первые статуи мира». Восторгу не было конца, де Фреди и его сына вознаградили пожизненной пенсией, по 600 дукатов в

год, впоследствии на могильном камне Фелиса высекали памятную надпись.

Античное чудо породило новые концепции искусства. Микеланджело вдохновила сила чувств, выраженная в камне. Выдающиеся скульпторы изучали древний шедевр, ювелиры изготавливали копии, кардинал, баловавшийся стихами, посвятил «Лаокоону» оду; Франциск I попытался получить скульптуру в качестве трофея для победителя у следующего понтифика. В XVIII веке «Лаокоон» сделался предметом изучения Винкельмана, Лессинга и Гете. После очередной победы Наполеон захватил его и перевез в Лувр, однако после падения императора статую вернули в Рим. «Лаокоон» воплощал в себе искусство, стиль, добродетель, борьбу, античность, философию, но никто не слышал, что он предупреждает о грядущем саморазрушении.

Юлий II не был повторением Александра VI, но его воинственность и автократия вызывали не меньшее враждебное отношение. Инакомыслящие кардиналы уже переходили в лагерь Людовика XII, вознамерившегося сместить понтифика, пока сам Юлий II не выдворил его из Италии. Все хотели убрать папу, словно позабыли об ужасном примере раскола в прошлом столетии. Секуляризация шла полным ходом; аура папы померкла, в глазах политиков, а то и народа он стал ничем не отличаться от монарха или правителя, и обращаться с ним стали подобным же образом. В 1511 году Людовик XII совместно с германским императором и девятью несогласными кардиналами (трое из них впоследствии отрицали свое согласие) созвал Вселенский собор.

Прелаты, ордена, университеты, светские правители и сам папа были приглашены принять в нем участие лично, либо направить своих представителей. Перед собором стоял вопрос: «Реформа церкви и ее руководства». Все понимали, что это эвфемизм: на самом деле речь шла об отстранении Юлия II.

Папа Юлий II оказался в том же положении, в каком когда-то был Александр VI. На горизонте маячили французские войска; открыто обсуждались смещение папы и раскол. Французы поддержали собор, который настроенные на раскол кардиналы собрали в Пизе, утверждая, что Юлий II не выполнил предвыборного обещания о созыве собора. Французские войска снова вошли в Романью; Болонья еще раз потерпела поражение. Рим дрожал, предчувствуя катастрофу. Шестидесятивосьмилетний Юлий II, вымотанный войной, усталый и больной, видя, как посягают на его владения и авторитет, принял решение, которому он и его предшественники так долго противились: от своего имени он созвал Вселенский собор в Риме. Сделал он это скорее от отчаяния, чем по убеждению.

Пятый Латеранский собор состоялся в мае 1512 года в Риме, в базилике Святого Иоанна на Латеранском холме. Собрание запоздало, многие чувствовали, что оно созвано с поспешностью, близкой к отчаянию. За три месяца до этого декан собора Святого Павла в Лондоне Джон Колет, ученый и теолог, произнес перед священниками проповедь, посвященную необходимости реформы: «Никогда еще церковь не нуждалась так в ваших усилиях! — воскликнул он. — В бесконечной гонке за доходами, за бенефициями священники утратили достоинство, их алчность и продажность замарали лицо церкви, ее влияние уничтожено, и это хуже, чем ересь,

потому что когда у священников на первый план выходят земные заботы, уничтожается духовная жизнь». Это и в самом деле было проблемой.

Полное поражение в Романье, непосредственно перед пятым Латеранским собором, усилило ощущение кризиса. В пасхальное воскресенье с помощью пяти тысяч германских наемников французы одолели папскую и испанскую армии. Сокрушительное поражение в битве при Равенне стало дурным предзнаменованием. В трактате, адресованном папе в канун собора, юрист из Болоньи предупредил: «Если только мы не возьмемся за реформу, справедливый Господь сам нас покарает!»

Эгидий Витербо, генерал августинского ордена, в присутствии папы произнес на соборе вступительную речь. В поражении при Равенне он тоже увидел Божественное провидение и не побоялся сказать об этом, бросив тем самым вызов старику, гневно смотревшему на него со своего трона. Поражение, сказал Эгидий, продемонстрировало тщетность надежды на оружие, изготовленное руками человека. Церковь должна воспользоваться оружием веры и света — «благочестием, молитвами, обетами». В настоящий момент церковь лежит на земле, «словно увядшие листья зимой. Когда еще среди людей было большее пренебрежение и презрение к святым и к церковным таинствам? Когда наша религия подвергалась открытому осмеянию, даже со стороны низших классов? Когда происходил более пагубный раскол? Когда война была опаснее, враг сильнее, а армии более жестокими? Вы видите бойню? Видите разрушения и поле боя, заваленное телами павших воинов? Неужели не понимаете, что в нынешнем году земля выпила крови больше, чем воды, а гноя больше, чем дождя? Знаете, сколько христианской силы

полегло в могилы, а ведь эта сила должна была сплотить нас против наших врагов — против Мухаммеда, заклятого врага Христа».

Эгидий назвал собор долгожданным предвестником реформы. Сам он давно говорил о реформе, он был автором истории папства, и цель этой книги состояла в напоминании папам об их долге. Эгидий был истинным священником, и ему важно было продемонстрировать людям свой аскетический облик: говорят, для сохранения бледности лица он вдыхал чад сырой соломы. Впоследствии Лев X сделал его кардиналом. Прислушиваясь к голосам, звучавшим на Латеранском соборе 470 лет назад, трудно сказать, были ли слова Эгидия привычным красноречием знаменитого проповедника или искренним призывом переменить курс, «пока не поздно».

Несмотря на всю торжественность собрания, на церемонии и речи искренних ораторов, Пятый Латеранский собор не добился ни мира, ни реформы. Он признал множество ошибок и распорядился об их исправлении в булле от 1514 года. Речь шла, как обычно, о «нечестивом биче» симонии, о множестве бенефиций, сосредоточенных в одних руках, о назначении некомпетентных и неподходящих аббатов, епископов и викариев, о пренебрежении священным долгом, о непристойной жизни клириков и даже о практике *ad commendam*, к которой с этого времени следовало прибегать лишь в исключительных обстоятельствах. Кардиналам было приказано воздерживаться от роскоши, им запрещалось выступать вместе со сторонниками светских правителей, они не вправе были обогащать родственников за счет доходов церкви, им не позволялось обладать множеством бенефиций.

Священники должны были вести скромный образ жизни, исполнять свой священный долг, по меньшей мере раз в год посещать титульную церковь и направлять в нее, по меньшей мере, одного священника, воспитывать достойных клириков и соблюдать другие предписанные канонами правила. Эти предписания отражают неблагополучие на всех уровнях церковной иерархии.

Последующие декреты, связанные больше не с реформой, а направленные на то, чтобы умолкли голоса критиков, показали, что речи проповедников начали доставлять неприятности церковным властям. С этих пор проповедникам запретили пророчествовать, предсказывать пришествие Антихриста или конец света. Они должны были придерживаться Евангелия и помалкивать о грехах епископов и других прелатов, о проступках власти предрержащих и ни в коем случае не называть имен. Цензура в отношении печатных книг была еще одной мерой, призванной положить конец нападкам на клириков, исполняющих свой долг «ответственно и с достоинством».

Многие, если не все постановления Латеранского собора так и остались на бумаге. Серьезные усилия осуществить предписания собора на практике, возможно, и произвели бы впечатление, однако сделано ничего не было. Отсутствие подобного желания неудивительно, поскольку папа Лев X, при котором принимались эти постановления, был причастен ко всему, что они запрещали. Перемена курса должна была прийти либо по воле верхушки, либо под сильным давлением народных масс. Такого желания у пап периода Ренессанса не было, зато нарастало второе.

В сражении под Равенной был убит французский командир Гастон де Фуа, а его воинство, потеряв стимул, своей победой не воспользовалось. Умер д'Амбуаз, Людовик XII не решился поддержать собор в Пизе, названный папой раскольническим и недействительным. Когда в Италию вступило 20 тысяч швейцарцев, произошел поворот. Французы потерпели поражение в битве при Новаре, что под Миланом, были изгнаны из Генуи и, отступив к подножию Альп, «растаяли, словно роса на солнце». Папа вернул Равенну и Болонью в вассальную зависимость, Романья снова вошла в Папскую область; Пизанский собор, подобрав ряссы, бежал через Альпы в Лион, где вскоре развалился: твердого основания у него никогда не было, а был безотчетный страх перед новым расколом, к тому же его подавлял высший статус и достоинство Латерана.

Неукротимый старый папа добился своих целей. Рим праздновал бегство французов — к небу взлетали фейерверки, на крепостных стенах замка Святого Ангела салютовали пушки; толпы кричали «Юлий! Юлий!», приветствуя папу как освободителя Италии и Святейшего престола. В честь понтифика поставили благодарственное представление, в котором папа выступил в образе императора с символами независимости — скипетром и державой, а сопровождали его фигуры, изображавшие покорителя Карфагена Сципиона и Марка Камилла, спасшего Рим от галлов.

Всем по-прежнему заправляли политики. Венеция нанесла серьезный удар Священной лиге, объединившись с Францией против своей старой соперницы Генуи. В последний год жизни Юлий II поддерживал сложные отношения с императором и с английским королем. Вскоре после кончины папы французы вернулись, и

войны возобновились. Тем не менее Юлию II удалось приостановить распад папских территорий и сохранить Папскую область, история поставила ему за это высокую оценку. В справочной литературе его называют «основателем Папской области» и даже «спасителем церкви». О том, что ради этого он вверг страну в кровавую баню, а временные завоевания не уберегли авторитет церкви, который через десять лет затрещал по всем швам, в этой литературе не упоминается.

Юлий II скончался в 1513 году, проводили его с почестями, многие искренно его оплакивали, потому что считали, что он освободил их от ненавистных захватчиков. Вскоре после кончины папы в сатирическом диалоге «Julius Exclusus» Эразм высказал противоположное мнение. Опубликовал он свое сочинение анонимно, однако все поняли, кто его автор. В этом произведении Юлий II говорит у ворот Святого Петра: «...Я сделал для церкви и для Христа больше, чем любой папа... присоединил Болонью, побил венецианцев, оседлал герцога Феррары. Мой собор одержал победу над раскольничьим собором. Я выгнал французов из Италии, выгнал бы и испанцев, если б судьба не занесла меня сюда. Я таскал за уши всех принцев Европы; я нарушал договоры, выводил на поле боя огромные армии, я покрыл Рим дворцами. И все это сделал я сам. Моим рождением я никому не обязан, потому что не знаю, кто был мой отец. Я не обязан наукам, потому что у меня нет знаний; не обязан молодости, потому что был стар, когда начал. Я не обязан популярности, потому что все меня ненавидели. Все это чистая правда, а мои друзья в Риме считают меня, скорее, богом, чем человеком».

Защитники Юлия II отдают ему должное за политику, основанную на убеждении в том, что «добродетель без силы», как сказал один оратор на Базельском соборе за пятьдесят лет до этого, «будет осмеяна, а без церковной собственности римский папа станет рабом королей и принцев». То есть для завоевания авторитета папство прежде должно создать крепкую материальную основу, а уж потом браться за реформу. Это — убедительный довод *real-politik*, а у нее, как часто демонстрировала история, имеются последствия: в процессе накопления силы необходимо прибегать к средствам, унижающим или огрубляющим того, кто их использует, и он обнаруживает, что сила, обретенная им за счет добродетели, уже утрачена.

5. ПРОТЕСТАНТСКИЙ РАСКОЛ: ЛЕВ X, 1513–1521 гг.

«Давайте наслаждаться папством, которое ниспослал нам Бог», — написал своему брату Джулиано бывший кардинал Джованни Медичи после того, как стал папой Львом X. Есть некоторые сомнения в том, что это высказывание аутентично, хотя оно весьма характерно. Принципом Льва X было наслаждение жизнью. Если Юлий II был воином, новый папа был гедонистом, единственное сходство между этими понтификами состояло в том, что главные их интересы были мирскими. Забота Лоренцо Великолепного об образовании и продвижении самого умного из своих сыновей дала в результате культурного бонвивана, поощрявшего искусство и культуру и не заботившегося о том, во сколько обходится его покровительство, словно бы источником средств был чудесный рог изобилия. Один из

самых больших расточителей своего времени и, без сомнения, самый большой мот, когда-либо сидевший на папском троне, Лев X был и самым любимым правителем «золотого века». Век для творцов Ренессанса и в самом деле был золотым, звонкая монета в виде платы за заказы текла в карманы ручьем, празднества и развлечения следовали одно за другим, перестраивался собор Святого Петра, город прихорашивался. Поскольку финансы, из которых все это оплачивалось, черпались не из магического источника, а складывались из бессовестных поборов, которыми папские агенты облагали население, то в обществе нарастал протест. Он и ознаменовал правление Льва X как папы, который последним напутствовал объединенное христианство.

Блеск Медичи на папском троне, обаяние денег, власти и покровительство великого флорентийского дома, казалось бы, предрекали счастливый понтификат. В отличие от грубости Юлия II и пролитой им крови, новый папа обещал мир и благотворительность. Лев X старался усилить это впечатление, и после коронации проезд новоиспеченного папы к Латеранскому дворцу сделался великолепным ренессансным представлением. Стало видно, какое значение придает папа Святейшему престолу, для папы он был пьедесталом, демонстрирующим красоту и удовольствия мира, триумфом представителя клана Медичи.

Дорогу папе украсили арками, алтарями, скульптурами, венками и фонтанами, испускавшими винные струи. Прелаты, аристократы, послы, кардиналы, иностранные сановники были роскошно одеты. Платье клириков ничем не уступало костюмам мирян. Над головами колыхалась великолепная симфония знамен с церковной символикой и с аристократическими гербами и

эмблемами. Сто двенадцать конюших в красных шелковых нарядах, отороченных горностаем, сопровождали восседавшего на белом коне вспотевшего, но счастливого Льва X. Четверо носильщиков высоко, так, чтобы видели все, держали его митры, тиары и державы. В параде принимали участие кавалеристы и пехотинцы. Щедрость Медичи демонстрировали папские камерарии, бросавшие в толпу золотые монеты. Банкет в Латеранском дворце и возвращавшуюся с него процессию освещали факелы и фейерверки. Празднование обошлось в сто тысяч дукатов, седьмую часть скопленной Юлием II казны.

Впоследствии экстравагантность только возрастала. Фрески Рафаэля в соборе Святого Петра стоили более миллиона дукатов. На празднование французского брака брата Джулиано папа истратил 150 тысяч дукатов, что на пятьдесят процентов превышало обычные ежегодные расходы на содержание папского двора и в три раза превосходило сумму, выделяемую на эти цели Юлием II. Гобелены из золотого шелка для верхних залов Ватикана, вытканые в Брюсселе по рисункам Рафаэля, обошлись в половину того, что было потрачено на свадьбу. Чтобы как-то возместить расходы, администрация папы учредила за время его правления свыше двух тысяч должностей, четыреста титулов рыцарей папского ордена Святого Петра, за которые братья ордена платили по тысяче дукатов каждый, плюс ежегодная выплата в десять процентов от цены покупки. Таким образом было собрано три миллиона дукатов, что вшестеро превышало ежегодный папский доход, но все равно этих средств оказалось недостаточно.

Для прославления семейства и родного города папа инициировал строительство того, что станет

непревзойденным произведением искусства его времени — капеллы работы Микеланджело при церкви Сан-Лоренцо, где уже упокоились три поколения Медичи. Услышав, что самый красивый мрамор можно найти в Пьетрасанте, в 120 милях от Тосканы, Лев X не соглашался ни на что другое, хотя Микеланджело сказал, что перевозка камня обойдется слишком дорого. Папа велел проложить дорогу там, где не ступала нога человека, и добился того, что ему привезли пять несравненных колонн. На этом этапе деньги у него закончились, к тому же он заявил, что с Микеланджело невозможно иметь дело. Лев X предпочитал вежливое обхождение Рафаэля и красоты его искусства. Работа над капеллой остановилась и была возобновлена и закончена в понтификат кузена папы, Джулио Медичи, будущего Климента VII.

Для Римского университета Лев X пригласил более ста ученых и профессоров в области юстиции, литературы, философии, медицины, астрологии, ботаники, греческого и древнееврейского языков, но после блестящего начала программа, как и многие другие проекты папы, быстро сошла на нет из-за коррупционных назначений и перерасхода средств. Страстный коллекционер книг и рукописей, содержание которых Лев X часто цитировал по памяти, он приобрел пресс для печати греческих классических произведений. Привилегии и кошельки он рассыпал, словно конфетти, бесконечно одаривал Рафаэля, нанимал бригады помощников, по рисункам художника воплощавших в жизнь орнаменты декоративных полов и резного убранства папского дворца. Папа сделал бы Рафаэля кардиналом, если бы в 37 лет художник не умер, так и не

успев надеть красное облачение. Говорят, причиной смерти были излишние амурные приключения.

Для этого века характерны были бесполезные расходы, сделанные ради эффекта. Вряд ли забудут банкет, данный плутократом Агостино Киджи. Когда гости доели привезенную из Византия рыбу и язычки попугаев, хозяева выбросили из окна в Тибр золотые блюда, на которых эти яства подали на стол, впрочем, жест был показным: на дно реки заранее положили сеть, чтобы впоследствии выловить дорогую посуду. Деньги во Флоренции опрыскивали духами. Апогеем хвастовства стала встреча Франциска I и Генриха VIII в 1520 году на «Поле золотой парчи». Франции свидание королей обошлось в четыре миллиона ливров, и для погашения дефицита понадобилось почти десять лет. Лев X, как представитель Медичи, с рождения привык к огромным тратам, но если бы он был мирянином, никто его этим бы не попрекнул, поскольку в подобной экстравагантности нашли свое отражение нравы того времени, доходившие порой до невротических эксцессов. Но было бы полным безумием не замечать противоречивость его роли в демонстрации крайнего материализма или серьезно полагать, что из-за своего положения как главы церкви влияние папы на умы народа могло быть негативным. Добродушный, праздный, остроумный, общительный, Лев X беспечно относился к своим обязанностям, но при этом чтит религиозные ритуалы: он соблюдал посты, ежедневно присутствовал на мессе, а однажды, по случаю победы над турками, босой прошел во главе процессии и организовал благодарственный молебен за освобождение от угрозы ислама. О Боге ему напоминала опасность. В спокойное время атмосфера при его дворе была расслабленной. Кардиналы и члены курии,

являвшиеся аудиторией для священных ораторов, болтали во время проповедей, которые в правление Льва X были сокращены сначала до получаса, а потом и до пятнадцати минут.

Лев X обожал конкурсы импровизационного стихосложения, играл в карты, устраивал продолжительные пиры с музыкой, но особенно нравились ему всевозможные театральные представления. «Он любил смех и развлечения, — писал биограф того времени Паоло Джовио, — то ли из природной склонности к такому препровождению времени, то ли верил, что, избегая неприятностей и забот, может продлить свои дни». Собственное здоровье было главной заботой понтифика. Хотя ему было только 37 лет, когда его избрали папой, Лев X страдал от анальных язв, доставлявших ему неприятности во время процессий, впрочем, это же заболевание помогло его избранию, потому что Джованни Медичи позволил врачам распространить слух, будто жить ему осталось недолго, а для коллег-кардиналов такое обстоятельство всегда являлось самым убедительным аргументом. Физически он вряд ли напоминал идеал благородного мужа эпохи Ренессанса, скульптурный образ которого Микеланджело изобразил для капеллы Медичи, хотя статуя и имела небольшое сходство с оригиналом. («Через тысячу лет, — сказал художник, — кому будет важно, были ли то реальные черты?») Лев X был низкого роста, толстый и рыхлый, со слишком большой головой и слишком тонкими для его тела ногами. Он гордился своими мягкими белыми руками, заботился о них и украшал сверкающими кольцами.

Он любил охоту, на которую его сопровождала свита, насчитывавшая сто человек и более, в Витербо он

устраивал соколиную охоту, в Корнето добычей были олени, а рыбачил он на озере Большена. Зимой папский двор слушал музыку, стихи, смотрел балеты и спектакли, в том числе и рискованные комедии Ариосто, Макиавелли, а также комедию «Каландро», написанную Бернардо да Биббиена, бывшим учителем Льва X. Биббиена сопровождал папу в Рим, Лев X сделал его кардиналом. Когда Джулиано Медичи приехал со своей женой в Рим, кардинал Биббиена написал Льву X: «Слава Богу, нашему двору очень не хватает дам». Умный, культурный тосканец и искусный дипломат, человек из плоти и крови, Биббиена был лучшим другом и советчиком папы.

Благодаря любви Льва X к классике и театру, Рим наполнился бесконечными представлениями, в которых странным образом смешались язычество и христианство: пышные спектакли, основанные на античной мифологии, маскарады, драмы из римской истории, разыгрывавшиеся в Колизее, и великолепные церковные праздники. Особенно запомнился знаменитый белый слон, подаренный папе королем Португалии по случаю победы над маврами. Слона вел один мавр, а другой сидел на спине животного и придерживал роскошный паланкин, в котором находился сундук, украшенный серебряными башенками и бойницами. В сундук положили богатые облачения, золотые потиры и книги в прекрасных переплетах, что вызвало у Льва X восторг. На мосту Святого Ангела слон по команде трижды поклонился папе и облил зрителей водой, что их также сильно восхитило.

Иногда и в Ватикан проникало язычество. Во время одной из проповедей оратор обратился к «бессмертным» из греческого Пантеона, вызвав и смех, и гнев

аудитории, но папа слушал благожелательно, «согласно своей натуре». Ему нравились речи классического жанра.

Расслабленная манера Льва X не позволила ему достигнуть в политике особенных успехов и зачеркнула некоторые достижения Юлия II. Он возвел себе в принцип — по возможности избегать неприятностей. Лев X был последователем государственной политики Медичи, суть которой сводилась к соглашению с обеими сторонами. «Заключив договор с одной партией, — говорил Лев X, — нет причины не заключить договор и с другой». Признавая претензии французов на Милан, он тайно договорился с Венецией о недопущении французского вторжения. Вступив в союз с Испанией, тут же потрафил Венеции, желавшей выгнать испанцев из Италии. Лицемерие вошло у него в привычку, когда папству грозили неприятности, оно проявлялось еще сильнее. Уклончивый и улыбающийся, понтифик избегал расспросов и никогда не объяснял, в чем заключается его политика. Если она вообще у него была.

В 1515 году французы вернулись, во главе с Франциском I. В состав внушительной армии входило три тысячи всадников из знати, хорошо обученная артиллерия, а пехоту представляли германские наемники, желавшие отвоевать Милан. После раздумий папа присоединился к не слишком энергичным членам Священной лиги, полагавшейся на швейцарских солдат. К несчастью, в сражении при Мариньяно, что возле Милана, французы одержали победу. Ожесточенная битва продлилась два дня, а папские силы, стоявшие лагерем в Пьяченце, менее чем в пятидесяти милях от места сражения, участия в ней не приняли.

Снова захватив большое северное герцогство, французы закрепили свою власть договором о «вечном мире» со швейцарцами. Теперь они занимали слишком сильную позицию, и папа не мог с ними бороться, поэтому он благоразумно отказался от этой идеи и, встретившись с Франциском в Болонье, добился примирения, что явилось большой уступкой. Он сдал Парму и Пьяченцу, издавна бывших яблоком раздора между Миланом и папством, и уладил старые споры о галликанских правах относительно церковных назначений и доходов. Одно положение договора, предназначенное ужесточить требования к назначенцам, определяло, что епископы должны быть старше 27 лет и им необходимо иметь теологическое или юридическое образование, однако от этих требований можно было отказаться, если номинанты были кровными родственниками короля или представителями высшей знати. В сложившейся практике такого рода исключения мало что меняли.

В целом, болонский конкордат — пусть даже французская церковь находила некоторые его положения сомнительными — означал дальнейшие уступки папством власти над церковью, а новое завоевание Милана знаменовало на тот период времени утрату итальянской независимости. Злобным критикам, таким как Макиавелли и Гвиччардини, результат соглашения казался очевидным, но Льва X он не слишком беспокоил, если папа вообще обращал на это внимание. Он предпочитал гармонию. Неспособный ответить отказом, он пообещал Франциску «Лаокоона», но намеревался всучить ему копию, которую и заказал скульптору Баччо Бандинелли (сейчас она находится в Уффици). Для своего брата он посватал французскую принцессу, а

другую — для племянника Лоренцо и поддерживал с французами хорошие отношения, пока в 1519 году власть не переменилась после восшествия на престол императора Карла V, что объединило испанский и габсбургский троны. Поняв, что нужно снова поменять позицию, Лев X заключил союз с новым императором. Войны продолжились, поскольку большие государства снова стали соперничать за земли Италии, а итальянские города-государства беспомощно барахтались между ними.

Страсть к созданию семейного капитала, которая для пап, казалось, была важнее, чем сам Священный престол, к своему несчастью, полностью разделял и Лев X. Поскольку своих детей у него не было, все свое внимание он сосредоточил на ближайших родственниках, начиная с двоюродного брата Джулио Медичи — незаконнорожденного сына Джулиано, убитого в кафедральном соборе семьей Пацци. Лев X раздобыл документ, утверждавший, что родители Джулио были женаты, пусть и тайно, это делало Джулио законным ребенком, а потому он стал кардиналом, главным министром своего кузена, и со временем занял его трон как Климент VII. Лев роздал родственникам пять кардинальских шапок — двум двоюродным братьям и трем племянникам — сыновьям трех его сестер. Ну что ж, дело привычное. Неприятности начались, когда после смерти брата Лев X решил сделать наследником состояния Медичи общего с покойным братом племянника Лоренцо, сына их старшего, тоже покойного брата Пьеро. Во что бы то ни стало папа мечтал добыть для Лоренцо герцогство Урбино.

Он отлучил герцога от церкви и силой забрал его территорию, после чего и титул, и герцогство отдал

Лоренцо, потребовав у коллегии кардиналов подтвердить это законным образом. Отстраненный герцог делла Ровере, племянник Юлия II, пошел в покойного дядю и ответил на удар. Когда его посол приехал в Рим с письмом, в котором герцог вызывал Лоренцо на дуэль, посла, несмотря на охранную грамоту, схватили и предали пыткам. Чтобы вести войну за Урбино, папа обложил налогом всю Папскую область по причине того, что герцог — бунтовщик. Эта бесстыдная кампания вызвала общественное осуждение, но Лев X, как некогда и Юлий II, эти настроения проигнорировал. С безжалостностью, которой раньше в нем не замечали, он развязал войну, продлившуюся два года. К исходу войны Лоренцо и его французская жена скончались, после них осталась малютка дочь Екатерина Медичи, которой в последующем суждено было выйти замуж за сына Франциска I и стать королевой и правительницей Франции. Этот поворот колеса Фортуны пришел для Льва X слишком поздно и не предотвратил упадка Медичи. На бессмысленную войну за Урбино Лев X выбросил 800 тысяч дукатов, что означало финансовый крах папства и в итоге привело не к экономии, а к величайшему скандалу века.

Заговор Петруччи был темным и порочным делом, загадочным для всех вплоть до нынешнего дня. Благодаря предательству слуги Лев X раскрыл заговор нескольких кардиналов, собиравшихся его убить. Во главе заговора стоял молодой кардинал из Сиены Альфонсо Петруччи, вынашивавший планы личной мести. Убийство должен был совершить подкупленный врач, который вколол бы яд в фурункулу на ягодицах папы. Были проведены аресты, информаторы подвергнуты пыткам, а подозрительные кардиналы — допросу с

пристрастием. Пообещав Петруччи и другим кардиналам неприкосновенность, их заманили в Рим и заключили в тюрьму. Нарушение данного слова Лев X мотивировал тем, что отравителям не может быть оправданий. Слухи о допросах, о сделанных на следствии признаниях, передававшиеся шепотом, озадачили и ужаснули Рим. Кардинала Петруччи вынудили признать себя виновным, и его красным шелковым шарфом задушил мавр, так как поручать христианину убийство князя церкви считалось неподобающим. Других обвиненных в заговоре кардиналов простили, но они должны были заплатить огромные штрафы; самый богатый, кардинал Рафаэль Риарио, внучатый племянник Сикста IV, выложил 150 тысяч дукатов.

Заговор настолько был притянут за уши, что ходили слухи, будто папа, воспользовавшись болтовней какого-то доносчика, придумал все это ради получения штрафов. Недавние исследования в архивах Ватикана вроде бы подтверждают, что заговор имел место, но что все это значит по сравнению с впечатлением, сложившимся у людей? Эти события случились в разгар народного возмущения из-за войны, развязанной Львом против Урбино, и заговор Петруччи еще больше дискредитировал папство, встревожил и возмутил кардиналов. То ли ради того, чтобы унять их враждебность, то ли чтобы не обанкротиться, а может, по обеим этим причинам в один день Лев назначил тридцать одного нового кардинала, собрав при этом триста тысяч дукатов. Задумал это, говорят, Джулио Медичи, который уже мостил дорогу к собственному папству. Деморализация к этому моменту достигла таких размеров, что в коллегии никто не возмутился.

Любезный Лев, запутавшийся в собственных аферах, сделался уже не таким любезным, да, возможно, он никогда и не был столь уж благодушным, каким его считали. Заговор Петруччи был не единственной неприятностью. Чтобы включить Перуджу в состав Папской области, понадобилось уничтожить ее династического правителя Джанпаоло Бальони. «Чудовище беззакония», Бальони не заслуживал снисхождения, однако папа снова прибегнул к предательству: пообещав охранную грамоту, он обманным путем заманил Бальони в Рим, заключил в тюрьму и после пыток велел его обезглавить.

Почему в то время все так доверяли охранным грамотам, не самый важный вопрос. Важнее то, кем видел себя понтифик и четыре его предшественника, возведенные на трон Святого Петра. Были ли они для верующих святейшими отцами? Похоже, о своем долге перед ними они ни разу не задумывались. А как же верующие, которые хотели видеть в папах святость и почитать их как первосвященников? Чувство «вечного величия папства», по выражению Гвиччардини, для этих понтификов проявлялось, кажется, только в его осязаемых атрибутах. Они и не притворялись святыми, в то время как те, кто считались их подопечными, никогда еще так громко не требовали от понтификов святости.

Лев X не обращал внимания на возмущение, которое вызывали его поступки, и не пытался умерить свою экстравагантность. Он и не думал экономить, не сократил расходов на свой двор и не бросил азартные игры. В 1519 году на пороге банкротства он устроил корриду на площади Святого Петра; это развлечение получило распространение с легкой руки Александра VI.

Погрызший в долгах папа подарил тореадорам и их помощникам роскошные костюмы.

1517-й, год заговора Петруччи, перевернул для папы страницу в истории. С начала века недовольство церковью росло и расширялось, проявляя себя в проповедях, трактатах и сатирах, в письмах и стихах, песнях и апокалипсических предсказаниях проповедников. Для всех, кроме высших иерархов церкви, было понятно, что горячая смесь инакомыслия вот-вот вспыхнет. В 1513 году итальянский монах-проповедник предсказал падение Рима и всех священников и монахов, он предрек, что не останется в живых ни одного недостойного клирика и в течение трех лет не состоится ни одной мессы. Респектабельный средний класс возмущался безудержной экстравагантностью и долгами папства, впрочем, все классы во всех государствах осуждали непомерные налоги ненасытного папы.

Проповеди на открытии под председательством Льва X Пятого Латеранского собора вызвали недовольные отклики. Снова прозвучало предупреждение советника курии Джованни Кортезе, сказавшего Льву в день его избрания, что реформа опасно запаздывает. Много лет спустя кардинал Кортезе, пытаясь исправить вред, нанесенный церкви, подготовит повестку дня Тридентского вселенского собора. В марте 1517 года, в день закрытия Латеранского собора, Джанфранческо Пико делла Мирандола, правитель маленького герцогства и племянник более знаменитого дяди, перечислил все необходимые реформы и высказался о выборе между светским и религиозным: «Если мы хотим победить врага и вероотступников, важнее восстановить падшую мораль, а не пускаться с

нашим флотом в Черное море». «Если же это не исполнить», продолжил оратор, «церковь ждет тяжелая кара». Речь Пико продемонстрировала недовольство преданного христианина.

Возмущенные светскими наклонностями папства, гуманисты и интеллектуалы, по примеру французского богослова Жака Лефевра, обратились к текстам Священного писания, чтобы глубже вникнуть в их смысл, а другие, такие, как Эразм, — к сатире, что, возможно, было вызвано искренним разочарованием в религии. Во всяком случае, все это снизило уважение к церкви. «А верховные первосвященники, которые заступают место самого Христа? — писал Эразм в „Похвале глупости“. — Сколь многих выгод лишился бы папский престол, если бы на него хоть раз вступила Мудрость?.. Что осталось бы тогда от всех этих богатств, почестей, владычества, побед, должностей, диспенсаций, сборов, индульгенций... Их место заняли бы бдения, посты, слезы, покаянные вздохи и тысяча других столь же горестных тягот. Не следует также забывать об участи, которая постигла бы бесчисленных чиновников, копиистов, нотариусов, адвокатов, промоторов, секретарей, погонщиков мулов, конюших, банкиров, сводников. Прибавила бы я еще словечка два, да боюсь оскорбить ваши уши».^[9]

Папские войны прибавили Эразму скорби, ибо они были направлены против так называемых врагов церкви. «Как будто могут быть у церкви враги злее, нежели нечестивые первосвященники, которые своим молчанием о Христе позволяют забывать о нем, связывают его своими гнусными законами... и убивают его своей

⁹ Пер. П. К. Губера.

гнусной жизнью!» В частном письме он высказывается кратко: «Нынешняя монархия папы в Риме — чума для христианства».

В те же годы — 1510–1520 — Макиавелли увидел доказательство разложения в таком факте: «Народ, находящийся ближе всех к римской Церкви, являющейся главой нашей религии, наименее религиозен. Тот, кто рассмотрит основы нашей религии и посмотрит, насколько отличны ее нынешние обычаи от стародавних, первоначальных, придет к выводу, что она, несомненно, близка либо к своей гибели, либо к мучительным испытаниям». Гнев Макиавелли вызвал ущерб, нанесенный Италии. Римский двор и отказ пап от реформ разрушили всякую набожность и религиозность в стране. «Дурные примеры папской курии лишили нашу страну всякого благочестия и всякой религии, что повлекло за собой бесчисленные неудобства и бесконечные беспорядки». Церковь «держала и держит нашу страну раздробленной», в этом причина «нашей гибели». Церковь, «не будучи в силах овладеть всей Италией и не позволяя, чтобы ею овладел кто-нибудь другой», и «боясь утратить светскую власть над своими владениями», призывала себе на подмогу иноземных союзников, и «каждый ощущает, как смердит господство варваров».

Подытожить обвинительное заключение можно одной фразой Гвиччардини: «Люди совершенно утратили всякое почтение к папству».

Наибольшую роль из всех злоупотреблений, приведших к окончательному разрыву, сыграла торговля индульгенциями, и всем известно, где начался раскол —

в Виттенберге на северо-востоке Германии. Именно в немецких княжествах были наиболее сильны антиримские настроения и громче звучали голоса протеста, так как отсутствие национальной централизованной власти не позволяло сопротивляться папским поборам так, как во Франции. Кроме того, налоговое бремя Рима здесь было тяжелее — империю и церковь связывали давние отношения, церковь имела в Германии обширные владения. Народ не только испытывал чувство, будто его ограбили папские сборщики налогов, люди считали возмутительным, что во всем, что связано с церковью, слышится звон монет. Они были оскорблены нечестием Рима и пап, их категорическим отказом от реформ. «Можно ожидать бунта против Святейшего престола», — предупреждал папский нунций Джироламо Алессандро, будущий епископ и кардинал. В 1516 году он написал папе, что тысячи людей в Германии только и ждут момента, когда можно будет высказаться открыто. Лев X был занят денежными вопросами и мраморными памятниками и ничего не слышал. Не прошло и года, как настал долгожданный момент: по поручению папы доминиканский монах Иоганн Тецель стал продавать индульгенции в Германии.

В индульгенциях не было ничего нового, и не Лев X их придумал. Поначалу их выдавали как освобождение от некоторых добрых дел, которые духовник предписывал исполнять грешнику в возмещение его грехов, но постепенно индульгенция превратилась в освобождение от вины за совершенный грех. Такое положение сурово осуждали пуристы. Еще большие возражения вызывала торговля духовной благодатью. Некогда милость Господня даровалась за пожертвование, которое грешник

вносил на ремонт церкви, на содержание больниц, на выкуп пленных из Турции и другие добрые дела, теперь же это переросло в поставленное на поток коммерческое предприятие: половина или треть средств обычно шла в Рим, а остальные деньги уходили местной епархии, некий процент отчислялся агентам и духовникам, исповедовавшим грешника. Как в 1513 году заявил Джон Колет, церковь превратилась в машину для производства денег, ценятся именно они, а не покаяние и добрые дела. В результате появились шарлатаны с фальшивыми индульгенциями, и продажа «сохранных грамот» стала бичом организованной религии.

Когда духовники давали понять, что индульгенции могут простить еще несовершенные грехи (папы такого положения вслух никогда не высказывали), церковь на деле уже поощряла грех, на что не преминули указать ее критики. В целях расширения рынка Сикст IV в 1476 году заявил, что индульгенции могут помочь душам в чистилище, и простой народ поверил, что они облегчат участь почивших родственников. Чем больше молитв и месс служили за покойных, тем якобы короче становился срок их пребывания в чистилище. Такое положение благоволило богатым, а бедных оно, естественно, не устраивало, и они готовы были отвергнуть официальные таинства.

Юлий II уже воспользовался продажей индульгенций для строительства нового собора Святого Петра. Лев X в первый год своего правления распорядился о торговле индульгенциями для той же цели, а в 1515 году он устроил специальную распродажу в Германии для покрытия расходов на свою войну в Урбино. Предложение о «полном прощении всех грехов» действовало в течение восьми лет. Финансовые

договоренности византийской сложности побудили молодого аристократа Альбрехта Бранденбургского купить у папы три бенефиции. В 24 года он стал архиепископом Майнца и Магдебурга и администратором епископства Хальберштадт за сумму, по разным свидетельствам, от 24 до 30 тысяч дукатов. Поскольку Альбрехт не в состоянии был собрать необходимые средства, то он занял деньги у банкирского дома Фуггеров и возмещал теперь долг за счет продажи индульгенций.

Представления монаха-доминиканца Тецеля заставили бы покраснеть самого Барнума. Приезд Тецеля в города и селения приветствовала специально подготовленная толпа клириков и простолюдинов. Они выходили с флагами и зажженными свечами под радостные звоны церковных колоколов. Монах путешествовал с обитым медью ящиком и мешком, наполненным грамотами. Впереди шагал помощник — монах с бархатной подушечкой, на подушке лежала папская булла об индульгенциях. Монах открывал продажу в нефе главной церкви. По такому случаю там устанавливали большой крест и накрывали его папским флагом. Рядом с Тецелем сидел кассир из банка Фуггеров, он внимательно пересчитывал деньги, которые покупатели опускали в кружку для пожертвований, за это людям вручали печатную грамоту — отпущение грехов.

«У меня здесь пропуска, — громко выкрикивал Тецель, — они приводят душу человека в рай». Освобождение от смертного греха действовало семь лет. «Кто же пожалеет четверть флорина за одну из этих чудесных бумаг?» Тецель даже утверждал, что если христианин спал с собственной матерью, но положил деньги в папскую кружку, то: «Святейший отец, у

которого есть власть на земле и на небе, может простить этот грех. Если же он простил, то и Господь тоже должен простить». А если христианин заплатит за душу усопшего, то «стоит только монете звякнуть в чаше, душа, за которую заплатят, выскочит из чистилища и полетит прямо на небеса».

Звон этих монет донесся до Лютера. В грубом отождествлении Тецелем торгашества с духовной жизнью отразилось поведение папства за последние пятьдесят лет, что стало сигналом для протестантского раскола, вызванного разнообразными причинами — доктринальными, личными, политическими, религиозными и экономическими.

В 1517 году, в ответ на кампанию Тецеля, Лютер вывесил на двери виттенбергской замковой церкви 95 тезисов, в них он обличал продажу индульгенций как корыстную торговлю небесными сокровищами, хотя и не говорил еще о разрыве с Римом. В том же году Пятый Латеранский собор провел последнее заседание — последний шанс для реформы. Вызов Лютера спровоцировал контратаку Тецеля, уверявшего в действенности индульгенций, Лютер ответил проповедью «Отпущение грехов и благодать». Его собратья-августинцы приняли участие в дебатах, в диспут включились оппоненты, и через два месяца германский архиепископ в Риме, задетый тоном дискуссии, потребовал судебного разбирательства над еретиком. Вызванный в 1518 году в Рим, Лютер хотел, чтобы суд проходил у него на родине. Папский легат в Германии и местные власти пошли на это, поскольку не желали возбуждать страсти перед приближавшимся заседанием германского рейхстага, на котором собирались обсуждать налоги. Кончина императора

Максимилиана потребовала избрания преемника, что послужило еще одной причиной для предотвращения скандала.

Погруженный, как и его предшественники, в итальянскую драматургию, папа и понятия не имел о спорах, он не понимал, что протест начал проявлять себя сто пятьдесят лет назад, когда Уиклиф усомнился в том, что священники необходимы для спасения, сомневался он и в таинствах, и в самом папстве. Заметив, наконец, скандал в Германии, Лев X счел его ересью, которую необходимо выкорчевать. Его ответом стала булла, изданная в ноябре 1518 года, в ней сообщалось, что тем, кто не верит в право папы на индульгенции, грозит отлучение от церкви. Булла возымела такой же эффект, что и обращение Канута к волнам. Льва X намного больше огорчил не вызов, брошенный Лютером, а смерть Рафаэля.

Когда протест стал для всех очевиден, вспыхнул бунт против Рима. В 1518 году в ландтаг Аугсбурга поступил запрос на обсуждение специального налога для финансирования крестового похода на турок, и ландтаг ответил, что настоящим врагом христианства является «римский дьявол». В 1519 году на слушаниях в Лейпциге Лютер осудил и папство, и Вселенский собор, а в 1520 году опубликовал книгу «Призыв к христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства», в ней он четко изложил протестантскую позицию. Он утверждал, что крещение сделало каждого человека священником и открыло ему путь к спасению, он осудил папу и церковных иерархов за их грехи и неправедность и призвал все национальные церкви к независимости от Рима. Другие церковные мятежники подхватили его призыв, доктрина породила поток

трактатов, иллюстрированных листков и памфлетов, их читали в городах и поселках от Бремена до Нюрнберга. В швейцарском Цюрихе клирик Ульрих Цвингли, проповедовавший те же тезисы, что и Лютер, организовал публичные диспуты, и протесты распространились по всей стране.

Легаты уведомили папу о ширившемся несогласии, и он увидел, что имеет дело с «диким вепрем, вторгшимся в Твой виноградник» — так написано в новой булле «*Exsurge Domine*» («Восстань, Господи») от 1520 года. Булла осудила 41 тезис Лютера, назвав их еретическими или опасными, и приказала ему отречься от своих слов. Когда Лютер отказался, его отлучили от церкви и призвали светские власти наказать еретика. Новый император, Карл V, молодой, но жестокий, не хотел навлекать на себя гнев народа и переложил ответственность на ландтаг Вормса, на заседании которого Лютер снова отказался покаяться. Преданный католик, Карл V вынужден был осудить Лютера не столько из-за его взглядов, сколько в обмен на политическую сделку с папой: император хотел совместно с понтификом изгнать французов из Милана. Ландтаг Вормса послушно постановил изгнать Лютера и его последователей за пределы империи. Проигнорировав этот указ, друзья перевезли Лютера в безопасное место.

В 1521 году в Милане имперские войска одержали победу над французами и позволили папским союзникам вернуть северные жемчужины — Парму и Пьяченцу. В декабре Лев X, как водится, отметил свою победу банкетом, однако простудился и умер. За семь лет, как подсчитал его камерленго, кардинал Армеллини, он истратил пять миллионов дукатов и оставил долгов на

восемьсот с лишним тысяч. Со дня смерти и до похорон понтифика привычное воровство достигло таких масштабов, что даже свечи у гроба горели наполовину использованные: они остались от предыдущих похорон некоего кардинала. Экстравагантность, которую нельзя было оправдать даже политической целью, как в случае с Юлием II, зародилась у Льва X еще в детстве. Он рос испорченным ребенком в богатой семье, к тому же его подталкивала к расточительству и страсть коллекционера. В отличие от Киджи с его золотыми тарелками, Лев X не подкладывал в реку спасительную сеть. Сохраненные им бессмертные произведения искусства украсили мир, тем не менее понтифику следовало заниматься и чем-то другим. После кончины Льва X церковь пользовалась наименьшим уважением, «причиной тому послужило растущее влияние лютеранской секты», как заметил историк Франческо Веттори. В одном памфлете утверждалось, что если бы папа прожил дольше, то он продал бы Рим, Христа, а потом и самого себя. Люди на улицах свистели вслед кардиналам, шедшим на конклав для избрания преемника.

6. РАЗГРАБЛЕНИЕ РИМА: КЛИМЕНТ VII, 1523–1534 гг.

В этот момент судьба словно посмеялась над церковью: кардиналы избрали реформатора, и произошло это не целенаправленно, а оттого, что ведущие кандидаты взаимно уничтожили шансы друг друга. Ни кардинал Алессандро Фарнезе, ни Джулио Медичи не набрали большинства голосов, а воинственному кардиналу Шиннеру не хватило до

победы двух голосов. И тогда кто-то предложил избрать человека, не присутствовавшего на конклаве, «чтобы утро не прошло впустую», — как сказал Гвиччардини. Назвали имя слышшего сторонником реформы нидерландского кардинала Адриана Утрехтского, бывшего канцлера Лувенского университета, бывшего воспитателя короля Карла V и нынешнего его заместителя в Испании. На заседании перечислили добродетели этого аскетического, но практически неизвестного им человека, и кардиналы друг за другом стали высказываться в его пользу, пока вдруг не обнаружили, что избрали незнакомца, к тому же еще и иностранца! Поскольку рационально объяснить такой результат никто не смог, решили, что в дело вмешался Святой Дух.

Курия, кардиналы, горожане и все те, кто рассчитывал на благосклонность папы, были ошеломлены. Римлян возмутило избрание неитальянца, то есть «варвара». А вот реформаторов репутация Адриана вдохновила: у них, наконец-то, появилась надежда. Они написали программы, составили списки правил, которые церковь до сих пор отвергала. Необходимо было очистить духовенство от скверны. Свои требования они выразили в такой фразе: «Под страхом вечного проклятия папа должен назначать не волков, а пастухов».

Адриан появился в Риме лишь в конце августа 1521 года, почти через восемь месяцев после своего избрания, что отчасти объяснялось вспышкой чумы. Он тотчас сообщил о своих намерениях. Обратившись к коллегии кардиналов на первой консистории, Адриан сказал, что злоупотребления клириков и папства дошли до такого предела, что выразить это можно только словами святого Бернара: «Погрязшие в грехах уже не чувствуют

зловония, исходящего от творимых ими мерзостей». Дурная репутация Рима, сказал понтифик, на устах у всего мира, священный долг кардиналов — покончить с разложением, изгнать из своей жизни роскошь и, дав тем самым миру хороший пример, двинуться по пути к реформе. Аудитория осталась глуха к его призыву. Никто и не думал отказываться от бенефиций и доходов. Папа пригрозил было применить ко всем строгие меры, но встретил глухое сопротивление.

Адриан настаивал. Чиновники курии, бывшие фавориты, даже кардиналы слышали упреки, им были назначены штрафы. «Все дрожат, — отметил венецианский посол, — перепуганы тем, что новый папа сделал за восемь дней».

Папа издал распоряжения, запрещавшие симонию, приказал снизить расходы, установить контроль над продажей индульгенций. Адриан намерен был назначать бенефиции только квалифицированным клирикам, но больше одной бенефиции священникам не позволялось. После каждого нового распоряжения папе говорили, что он обанкротит или ослабит церковь. Служили папе только два личных помощника, между ним и подданными существовал языковой барьер, папу презирали за то, что он не интересовался искусством и античностью. Он во всем был полной противоположностью итальянцам, и все его распоряжения были неприемлемы. В письме германскому рейхстагу Адриан потребовал расправиться с Лютером так, как это постановил ландтаг Вормса, но его письмо проигнорировали, а заявление папы, что в римской церкви «святые предметы используются не по назначению, церковные заповеди нарушаются, и все там стало только хуже», восстановило против Адриана папский двор. Снова начались протесты, демонстрации,

появились сатирические памфлеты, на стенах писали оскорбления, чиновники не желали слушаться папу, и Адриан понял, что с этой системой ему не совладать. «Как много зависит от времени, в котором трудится человек!» — горестно восклицал Адриан. Совершенно измучившись, папа умер в сентябре 1523 года, и никто его не оплакал.

Рим вернулся к нормальной жизни. Конклав не допустил такой же ошибки и избрал другого Медичи, кардинала Джулио; тот взял себе имя кровожадного, но способного первого антипапы времен схизмы, став Климентом VII. Правление нового Климента обернулось чередой катастроф. Продолжил свое наступление протестантизм. Немецкие государства — Гессен, Брунсвик, Саксония, Бранденбург — одно за другим присоединились к лютеранской конфессии, они порвали с Римом и бросили вызов императору. Экономическая выгода от прекращения пожертвований церкви и уплаты налогов интересовала их не меньше, чем доктрина, а доктринальные размолвки, отражавшие ссору между Цвингли и Лютером, беспокоили движение с момента его зарождения. Тем временем фактически откололась датская церковь, в Швеции постепенно вступала в свои права реформистская доктрина. В 1527 году Генрих VIII попросил папу аннулировать его брак с Екатериной Арагонской, которая, к несчастью для Климента VII, приходилась Карлу V теткой. В других обстоятельствах папа мог, как и его предшественники, постановить, что в таких случаях все решает целесообразность, однако Карл V, император и король Испании, обладал большим весом, чем Генрих VIII, и папа отказал в разводе, сославшись на уважение к каноническому закону. Он принял неверное решение и потерял Англию.

Высшая власть, подобно внезапному несчастью, часто раскрывает человека, и обнаружилось, что Климент VII не так хорош, как ожидалось. Знающий и эффективный исполнитель, сделавшись папой, испытывал, по свидетельству Гвиччардини, робость, растерянность и нерешительность. Клименту VII не доставало поддержки, поскольку этот представитель Медичи разочаровал ожидания народа: он «ничего не отдает и не награждает собственностью других, а потому население Рима ворчит». Ответственность делала его «сердитым и неприятным», что и неудивительно, так как в его положении любой политический выбор оказывался неразумным и результат каждого предприятия усугублял ситуацию. «Из великого и популярного кардинала он превратился в маленького и презренного папу», — писал Веттори.

Соперничество Франции с Габсбургской Испанией отразилось на Италии. По итальянскому обычаю, настраивая одного соперника против другого, Климент добился недоверия обоим и потерял возможность альянса с какой-либо из сторон. Когда в 1524 году Франциск I возобновил войну за Милан и на первых порах достиг успеха, Климент VII, несмотря на то что только что подписанный договор с империей, заключил с Франциском тайный альянс в обмен на обещание короля уважать Папскую область и правителей Флоренции Медичи — ведь это и было главной заботой Климента VII. Обнаружив, что папа ведет двойную игру, Карл V поклялся лично явиться в Италию и «отомстить тем, кто нанес мне обиду, а особенно дураку папе». На следующий год в решающей битве при Павии испанцы одержали победу и взяли в плен короля Франции. После несчастья, постигшего союзника, Климент VII подписал с

императором новое соглашение, надеясь втайне, что это ненадолго — Франция восстановит баланс сил и даст папе возможность маневра между двумя соперниками. Похоже, Климент VII не видел выгоды в постоянстве и считал неверность не грехом, а разумным решением, которое диктует человеку переменчивая Фортуна.

Через год Карл V выпустил Франциска I из тюрьмы при включенном в договор условии, что тот откажется от своих притязаний на Милан, Геную, Неаполь и все остальное в Италии. Такое условие гордый французский король, очутившийся на родной земле, не готов был выполнять, да он и не стал. Вернувшись на трон, он начал петь осанну папе, а Климент VII дождался возможности освободить папство от тяжелой испанской руки, хотя прошлый опыт приглашения Франции в Италию оставил горький осадок. Тем не менее он принял Франциска I в Священную лигу вместе с Венецией и Флоренцией при условии, что Франциск выступит против императора, а папа простит ему нарушение данной Карлу V клятвы. Излишне говорить, что во всех этих приготовлениях приняли участие итальянские города, и когда дело дошло до войны, они потерпели сокрушительное поражение.

К 1527 году мало какая часть Италии не пострадала — гибель людей, грабежи, разрушения, голод. Те области, кого напасти обошли стороной, наживались на несчастьях других. Два английских посла, проезжавших по Ломбардии, сообщили, что «самая хорошая земля, которую все стремились посетить, сейчас так разорена, что в поле мы не видим ни одного мужчины и ни одной женщины, никакого движения, хотя в больших деревнях

можно встретить пять или шесть жалких людей». В Павии дети плакали и умирали на улице от голода.

Всему этому поспособствовали неверные решения Климента VII. Рим тоже стоял на пороге войны. Имперские войска, состоявшие из германских наемных пехотинцев-ландскнехтов и испанских отрядов во главе с французским ренегатом Шарлем де Бурбоном, перешли через Альпы с целью, опередив французов, сразиться со Священной лигой и взять под контроль Рим и папство. Французская армия и в самом деле в тот год не пришла в Италию и не поддержала папу. В то же время, вероятно по подсказке Карла V, в Риме вспыхнуло восстание проимперски настроенной партии. Возглавил его ненавидевший Медичи амбициозный кардинал Помпео Колонна, который хотел убить Климента VII и силой оружия добиться от конклава собственного избрания. Его мародеры разорили город, поубивали и покалечили жителей, ограбили Ватикан, но до папы добраться не сумели: тот бежал в замок Святого Ангела, воспользовавшись тайным ходом, построенным для таких случаев Александром VI. Люди из отрядов Колонна, нарядившись в папские облачения, с важным видом расхаживали по площади Святого Петра. Последовали переговоры, мародеров с улиц убрали, папу освободили, и он тут же нарушил соглашение — собрал войско с целью наказать Колонна.

Климент VII решил, что организовывать оборону ему ни к чему. Он склонялся к переговорам. Его маневры и договоренности с испанским послом, выступавшим от лица Карла V, были слишком запутаны, чтобы их можно было отследить, впрочем, этого и не требуется, поскольку все они ни к чему не привели. Согласованная политика и решительные действия могли бы обезоружить

захватчиков в Ломбардии, чья разношерстная армия была озлоблена, голодна, недисциплинирована и склонна к мятежам. Вместе солдат удерживали только обещания командиров взять богатый выкуп с Рима и Флоренции и отдать эти города на разграбление. Трудность состояла в том, что войска Священной лиги находились не в лучшем состоянии, а лидерство и сплоченность, как и всегда, отсутствовали. Карл V, воспитанный в ортодоксально-испанском духе, не хотел нападать на Святейший престол и согласился на восьмимесячное перемирие в обмен на 60 тысяч дукатов для своего войска. Разгневанные тем, что обещанный грабеж откладывается, солдаты взбунтовались и пошли на Рим. Герцоги Феррары и Урбино, в отместку за зло, которое каждый из них претерпел от пап Медичи, активно помогали продвижению солдат на юг — кормили их и предоставили свободный проход.

Командиры имперских войск, опасавшиеся свирепости, которая, как они чувствовали, может обрушиться на Вечный город, удивились тому, что не встретили никаких намеков на оборону; для переговоров их не пригласили и не ответили на их ультиматум. Рим был деморализован; среди нескольких тысяч вооруженных людей не нашлось и пятисот, которые собрались бы в отряды и стали бы защищать город или хотя бы взорвали мосты. Климент VII, кажется, рассчитывал на священный статус Рима как на щит, а может, был парализован нерешительностью. «Мы на краю гибели, — писал секретарь понтифика папскому нунцию в Англии. — Судьба обрушила на нас столько зла, что невозможно добавить что-то еще. Мне кажется, нам объявили смертный приговор, и мы лишь ожидаем его исполнения, которое вскоре воспоследует».

Шестого мая 1527 года испано-немецкие захватчики проломали стены и ворвались в город. Оргия варварства в столице христианства продемонстрировала, насколько уронили честь Рима его правители. В городе начались грабежи, пожары, резня и насилие; командиры оказались бессильны, а их предводитель, коннетабль де Бурбон, был убит в первый день — сражен выстрелом с римских стен.

Свирепость и кровожадность захватчиков «ужаснула бы и камень», написано «дрожащей рукой» в докладе, хранящемся в архивах Мантуи. Солдаты грабили один дом за другим, убивали всякого, кто оказывал сопротивление. Женщин насиловали независимо от возраста. Со всех сторон слышались крики и стоны. В Тибре плавали мертвые тела. Папа, кардиналы, члены курии и папские чиновники бросились в замок Святого Ангела с такой поспешностью, что одного кардинала пришлось поднимать в корзине, так как решетка уже была опущена. Захватчики определили выкуп за каждого богатого горожанина, пытками заставив их расплатиться; если же кто не мог заплатить, его убивали. Священников, монахов и прочих клириков мучили с особой жестокостью; монахинь тащили в бордели или продавали солдатам на улицах. Дворцы грабили и поджигали; церкви и монастыри обшаривали в поисках сокровищ, из святых реликвий вытаскивали драгоценные камни, а сами реликвии растаптывали, в поисках новых сокровищ вскрывали могилы, Ватикан использовали в качестве конюшни. Архивы и библиотеки были сожжены, их содержимое разбросали или использовали в качестве подстилки для лошадей. Глядя на все это, даже Колонна разрыдался. «В сравнении с нынешним состоянием Рима даже ад ничто», — написал один венецианец.

Лютеране из ландскнехтов были в восторге, они ходили по улицам в богатых облачениях прелатов, в красных сутанах и шляпах кардиналов, а их предводитель, восседая на осле, изображал папу. Первая волна побоища продлилась восемь дней. Несколько недель Рим дымился, а собаки объедали непогребенные тела. Оккупация продлилась девять месяцев и нанесла непоправимый ущерб. По подсчетам, в Тибр было сброшено две тысячи тел, 9800 похоронили, выкупы составили в общей сложности от трех до четырех миллионов дукатов. Только когда пришла чума, пропала еда, и настал голод, пьяные орды покинули «зловонную скотобойню», в которую они превратили Рим.

Это событие уничтожило и авторитет духовенства. Вандалы, разграбившие город в 455 году, были чужеземцами, так называемыми варварами, но сейчас кровавую баню учинили братья-христиане. Похоже, они хотели осквернить князей церкви. Троя когда-то верила в священную завесу, которая их защитит. Рим рассчитывал на свой священный статус, но, когда пришел момент, оказалось, что статуса нет.

Никто не сомневался в том, что разграбление — Божья кара за грехи пап и иерархов, и мало кто верил, что винить за произошедшее нужно захватчиков. Последние с этим были согласны. Ужаснувшись случившемуся и опасаясь неудовольствия императора из-за «нападений на католическую веру и Апостольский трон», представитель имперской армии написал Карлу V: «По правде говоря, все убеждены в том, что все это случилось по воле Господа, прогневавшегося на тиранию и беспорядки папского двора». Более горестное мнение высказал генерал доминиканского ордена кардинал Каэтан, на Латеранском соборе выступавший от лица

сторонников реформ и бывший папским легатом в Германии на суде над Лютером: «Мы, те, кто должен был стать солью земли, разложились, мы годны только на проведение церемониалов».

Климент VII чувствовал себя дважды униженным. Он вынужден был принять условия, навязанные ему победителями, и оставаться их пленником в замке Святого Ангела до тех пор, пока не найдет средства для своего выкупа. Услышав новость о его беспомощности, Флоренция немедленно изгнала властных представителей Медичи и восстановила республику. Скандал с заключенным в тюрьму папой заставил императора открыть двери замка Святого Ангела, и Климент VII под видом купца был препровожден в убогое убежище в Орвието, где он и оставался, все еще надеясь, что Франция придет и вернет баланс сил. На следующий год Франциск I и в самом деле явился с армией к Неаполю. Когда его снова побили и принудили отказаться от всех притязаний на Италию, папа вынужден был пойти на переговоры с Карлом V, ставшим теперь хозяином Италии. Трясаясь от холода, ночуя на соломе, папа добрался до Болоньи и выторговал себе соглашение, какое смог, поскольку пространства для маневра у него было мало. Он должен был передать Карлу, как королю Испании, Неаполитанское королевство и короновать его как императора. В обмен Карл V обязался предоставить ему войска, которые вернули бы Медичи во Флоренцию. В одном случае понтифик своего добился: как папа он все еще мог отказать церковному собору в реформе, которой добивался Карл. Возражение папы носило личный характер: Климент VII боялся, что кто-то прознает о том, что он незаконнорожденный, и тогда его лишат титула.

Главной заботой Климента VII теперь было возвращение его семьи во Флоренцию в качестве правителей города. По приказу императора часть отрядов, грабивших Рим, влилась в войско, взявшее в осаду родной город папы, и, продержавшись около 10 месяцев, Флоренция вынуждена была сдаться. На эту операцию папа потратил не меньше, чем Лев X в случае с Урбино, и с той же целью — возвращение власти семье. Наследование власти кланом Медичи держалось теперь на двух сомнительных бастардах, один из которых был мулатом. Семейные заботы отвлекали папу от проблемы протестантства и от серьезных раздумий о том, как церковь должна встретить эту угрозу. В последние годы жизни понтифика германские государства добились официального отделения от папства и образовали Протестантскую лигу.

Климент VII скончался, презираемый курией (согласно Гвиччардини), монархи ему не доверяли, флорентийцы терпеть не могли, отпраздновав его кончину кострами, римляне считали папу виновным в разграблении города. Они вытащили из могилы его труп, вонзили меч в сердце и оставили лежать на улице.

Ужасное в своем физическом выражении разграбление Рима казалось людям Божьим наказанием. Значение протестантского движения церковь долго не замечала. Потребовалось время на то, чтобы люди поняли, что происходит. Осознание папством своих ошибок тоже пришло не скоро. В правление преемника Климента VII, Павла III (бывшего кардинала Алессандро Фарнезе), в 1544 году, почти через тридцать лет после выступления Лютера, на Тридентском Вселенском соборе

началось долгое и трудное возрождение «того, что было потеряно».

Какие выводы можно сделать из безумств «ренессансной шестерки»? Во-первых, нужно признать, что отношение пап к власти и их поведение в большой степени были сформированы условиями того времени и окружением. Это, конечно же, относится к любому человеку в любое время, но особенно характерно для итальянского правящего класса того экзотического периода. Местные детерминанты папского поведения — в международных отношениях, политической борьбе, в убеждениях, манерах и человеческих взаимоотношениях — необходимо отсеять, чтобы остались только постоянные факторы. Безумство пап заключалось не столько в контрпродуктивной политике, сколько в отрицании любых твердых или последовательных действий, которые улучшили бы их собственное положение или покончили с нарастанием недовольства. Безумием было не обращать внимания на волнение народа. Папы не слышали недовольного ропота, не видели альтернативных идей, оставались невосприимчивы к обращенному к ним вызову. Они не понимали, какое впечатление производит на всех их неподобающее поведение, не чувствовали, как закипает народный гнев. Они не хотели ничего менять и тупо придерживались существующей коррупционной системы. Изменить ее они не могли, потому что были ее частью, выросли из нее, зависели от нее.

Чудовищная экстравагантность и жажда личной выгоды были вторым и не менее важным фактором. Когда Климента VII упрекнули в том, что на первое место

он ставит власть папства, а не «благополучие истинной церкви, несущей мир всему христианству», он ответил, что если бы он так действовал, его ограбили бы до последнего сольдо и он не имел бы ничего своего. Возможно, такую причину назвали бы все шесть пап Ренессанса. Никому из них не приходила мысль, что у главы церкви есть более великая задача, чем погоня за «своим». Когда личный интерес ставится прежде общественного, когда политику определяют личные амбиции, алчность и очарование, общественный интерес неизменно уступает, и особенно ярко это проявилось во времена нескончаемого сумасшествия начиная от Сикста IV и до Климента VII. Сменявшие друг друга папы множили вред. Каждый из шестерки оставлял концепцию папства неизменной. Для каждого из них управление церковью, престол святого Петра, было величайшей «кормушкой». За шестьдесят лет эта концепция не вызывала и тени сомнения. На первое место всякий раз выходил личный интерес и становился безумством.

Иллюзия устойчивости, непоколебимости собственной власти и статуса стала третьим признаком безумия. Понтифики полагали, что папство — это навсегда, а недовольство можно подавить, что столетиями и делали с помощью инквизиции, отлучения от церкви и сожжения на костре, и единственной реальной опасностью для высшей власти папы была угроза Вселенского собора, от которого надо защищаться или который следовало взять под свой контроль. Ни один из шестерых не осознавал причин протеста, ни одного не беспокоила собственная непопулярность или уязвимость. Понимание природы института, которым они управляли, было таким недалёковидным, что обращалось в свою противоположность. Папы не имели понятия о своей

духовной миссии, о том, что они должны служить христианскому миру.

Три постоянные и главные их черты и признаки безумия — полное пренебрежение к растущему недовольству тех, кто им доверял, примат самовозвеличения и иллюзия собственной неуязвимости. В случае с папами эпохи Ренессанса черты эти, усиленные окружающей культурой, от времени не зависели.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БРИТАНЦЫ ТЕРЯЮТ АМЕРИКУ

1. КТО ПРИШЕЛ, КТО УШЕЛ: 1763–1765 гг.

В XVIII веке интересы Британской империи на американском континенте состояли в поддержании своего суверенитета — ради торговли, сохранения мира и получения выгоды, для чего требовалась добрая воля самих колоний. Но за пятнадцать лет отношения ухудшились — прозвучал выстрел, громкий хлопок которого разнесся по всему миру. Сменявшие друг друга британские правительства видели опасность и принимали меры. Какими бы, в принципе, оправданными эти меры ни были, они тем не менее разрушали добрую волю и на практике оказывались неразумными, а настоять на них можно было только силой. Поскольку сила означала вражду, цена усилий, даже и успешных, оказывалась выше возможного выигрыша. В конце концов Британия нажила в Америке врагов, которых у нее там раньше не было.

Главный вопрос, как мы все знаем, состоял в праве парламента — верховного законодательного органа Британии, но не империи, — взимать с колоний налоги. Метрополия заявляла на них права, а колонисты возражали. Было ли это «право» конституционным, даже и сейчас вызывает вопрос, впрочем, для нашего

исследования это неважно. На карту была поставлена большая империя, созданная энергичным творческим народом британской крови. Современный Лаокоон, Эдмунд Берк сказал: «Удержание Америки стоит куда больше для породившей ее страны в экономическом, политическом и даже моральном отношении, чем любая сумма, которую можно получить с нее в виде налогов». Короче: хотя обладание колонией представляло большую ценность, большим жертвовали ради сиюминутного. Это — феномен из ряда самых распространенных безумств, которые совершают правители.

В 1763 году британцы одержали победу над французами и индейцами в Семилетней войне, однако победа эта породила неприятности. Франция потеряла Канаду вместе с ее континентальными территориями, у британцев вдоль берегов Огайо и Миссисипи появились огромные равнины, населенные непокорными индейскими племенами и франко-канадскими католиками, насчитывавшими около 9000 человек. Не совсем еще изгнанные с континента французы по-прежнему удерживали Луизиану и устье Миссисипи, откуда они вполне могли и вернуться. Управление новыми землями и их оборона означали для британцев новые расходы и выплату процентов национального долга, который война почти удвоила — с 72 до 130 миллионов фунтов стерлингов. В то же время вырос в десять раз и бюджет — с 14,5 до 145 миллионов фунтов стерлингов.

Для закрепления победы необходима была армия, способная защитить территории от индейцев и французов, поэтому нужно было собрать налог с колоний — «для их собственной обороны», как утверждали британцы. Один только намек на постоянную

десятитысячную армию у людей XVIII века вызывал не лучшие ассоциации с тиранией. Это и породило враждебное отношение колонистов. Они думали, что британцы их подозревают: дескать, после освобождения от французов колонисты намерены сбросить и британское ярмо. Метрополия планирует «наслать на нас огромное войско под предлогом защиты, а на самом деле она хочет нас поработить, держать нас, — как писал один колонист, — в полном подчинении». Нельзя сказать, что эта мысль не посещала британские головы, но она не была преобладающей, как думали нервные американцы. Поведение метрополии вызвано было не столько страхом перед бунтом в колониях, сколько чувством, что при отражении нападения колонисты не окажут адекватного сопротивления, а потому следует принять меры, чтобы колонии приняли часть ответственности на себя.

Перспектива налогов возбудила в колониях больше воинственности, чем даже ввод армии. До той поры колониальные правительства обсуждали бюджеты и утверждали их на своих собраниях. За исключением таможенных пошлин, регулировавших в ее пользу торговлю, метрополия не облагала налогами североамериканские колонии, и тот факт, что налогообложение еще не было введено, постепенно породил мысль, что подобное «право» отсутствует. Поскольку колонисты не имели своего представительства в парламенте, они объясняли свое сопротивление тем, что англичанин может быть обложен налогом только собственными представителями, однако причиной была обычная реакция на любой новый налог: дескать, «платить мы не станем». Признавая зависимость от короны, колонии считали себя независимыми от парламента, а свои собрания — равноправными

парламентским заседаниям. Взаимные права и обязательства не были сформулированы, и обе стороны двигались дальше, не зная правил, хотя и не без ухабов, но как только заговорили о будущем налогообложении и об армии, колонии почувствовали покушение на свои свободы, а значит, приближение тирании. Фундамент для конфликта был заложен.

Чтобы понять сложившуюся обстановку, требуется рассказать об ограничениях и опасностях того времени. Последующее повествование не будет повторять отчет о событиях, предшествовавших американской революции, о них и без того всем известно. Моя тема уже — описание безумства британской политики, шедшей вразрез с интересами, которые она преследовала. Американцы отреагировали слишком бурно, ошибались, ссорились, но действовали, если и не безупречно, то в собственных интересах. Если сумасшествие выражается в нарушении собственных интересов, то в данном случае безумными были британцы.

Что можно сказать об отношении Британии к Америке? Первое: колонии были жизненно необходимы для благополучия и мирового статуса страны, однако Британия уделяла им мало внимания. Между тем американская проблема становилась все острее, однако никогда, за исключением краткого периода, связанного с отменой Закона о гербовом сборе, она не являлась главной заботой британской политики. Самой главной проблемой, притягивавшей к себе внимание британцев, была борьба фракций, получение должностей, манипуляция связями, создание и разрыв политических альянсов. Короче говоря, важнее, насущнее всего остального был вопрос: кто пришел, а кто ушел? В отсутствие зарегистрированных политических партий

формирование правительства более чем когда-либо было подвержено влиянию человеческого фактора. Как писал лорд Холланд, племянник Чарльза Джеймса Фокса, парламентские клики, первые двенадцать лет досаждавшие Георгу III, «боролись за благосклонность и власть, что приводило к реальному кровопролитию и большей взаимной ненависти, чем великие вопросы политики, выраставшие из американских и французских войн».

Вторым интересом была торговля, обеспечивавшая британское экономическое процветание. Островной нации стало доступно богатство мира, и она увидела разницу между богатыми и бедными странами. Экономическая философия того времени (позже ее назовут меркантилизмом) утверждала, что колонии — это источник сырья и рынок для британских товаров. Этот симбиоз рассматривали как неизменный. Перевозка колониальной продукции на английских торговых судах в обоих направлениях и ее реэкспорт на иностранные рынки регулировались примерно тридцатью Навигационными актами и министерством торговли, самым организованным и профессиональным органом британского правительства. Навигационные акты запрещали экспорт всего, вплоть до гвоздя для подковы, и не разрешали торговлю с противником, а в первой половине века Британия вела нескончаемые войны, и потому колониальные торговцы и капитаны прибегали к контрабанде и пиратству. Таможенные пошлины старались обойти или вовсе их игнорировали, отчего в британскую казну их поступало всего 1800 фунтов стерлингов в год. После заключения мира в 1763 году у казны появилась надежда на исправление такой ситуации.

Еще до окончания Семилетней войны попытка повысить получаемые с колоний государственные доходы вызвала возмущенные крики, что означало будущее сопротивление. Для увеличения собираемости таможенных пошлин Британия издала «указы о содействии», или общие ордера на обыск, позволявшие таможенным офицерам в поисках контрабанды входить в любой дом колонистов, в магазины и на склады. Купцы из Бостона, которые, как и все на восточном побережье, жили торговлей, всячески избегали таможеню. Они выступили против общих ордеров в суде, а в качестве адвоката взяли Джеймса Отиса. Отис красноречиво заметил, что «обложение налогами без представительства есть тирания». Прозвучавший в Америке тревожный сигнал понял всякий, кто слушал.

Не Отис придумал этот лозунг. Губернаторы в колониях — в отличие от их доверителей, не предполагавших, что у провинциалов есть или должно быть мнение о политике, — отлично знали об антипатии американцев к налогам, которые не ввели они сами. Еще в 1732 году губернаторы сообщали метрополии, что «парламенту будет нелегко заставить такой закон действовать». Сэру Роберту Уолполу, на тот момент главе правительства, эти намеки были хорошо понятны, и, когда ему предложили обложить Америку налогами, Уолпол ответил: «Нет! Для меня это слишком опасно. Я оставляю это своим преемникам». Во время Семилетней войны, в ответ на прижимистость колоний, не желавших поставлять для войны людей и средства, предложения о налогах звучали все чаще, однако ни один налог так и не был введен, потому что правительство боялось восстановить против себя нервных провинциалов.

Через полгода после заявления Отиса Англия сделала первый шаг из нескольких, которые привели к обратному результату. Произошло это после того, как генеральный атторней в Лондоне объявил, что «указы о содействии» законны и введены с целью подкрепить акты о мореплавании. Возникшая в результате его заявления отчужденность перевесила полученный доход и штрафы.

Мирный договор 1763 года вызвал разногласия. Уильям Питт, архитектор и национальный герой британских военных побед, яростно возражал против слишком уступчивых положений договора. Под градом этих упреков палата общин дрогнула, побледнели и министры, но тем не менее за мирный договор проголосовало большинство, главным образом, из желания вернуться к мирным занятиям и сниженному земельному налогу. После того, как Питт, рассердившись, что к нему не прислушались, ушел с поста первого министра, Георг III назначил на его место лорда Бьюта. Бьют ввел дополнительный налог на сидр, что закончилось для него катастрофой. Этот билль, как и «указы о содействии» в Америке, позволял инспекторам приезжать в частные владения, даже жить с владельцами предприятий, производившими сидр, и вести учет произведенным галлонам продукции. Англичане так громко завопили о тирании, и таким яростным был их протест, что в яблочные сады вынуждены были посылать войска, а Питт тем временем сделал в Вестминстере свое знаменитое заявление: «Самый бедный человек в своей хижине находит защиту от всех сил Короны. Его жилище может быть ветхим, сквозь стены может продувать ветер, внутрь может проникать дождь... дождь, но не король

Англии. И никакая сила не может изменить этот порядок!».

Никто не подсчитал ожидаемого дохода с налога на сидр, неясно было, какую часть дефицита он может покрыть, но из-за всеобщего недовольства правительству пришлось уйти в отставку. Канцлер казначейства был известным распутником — сэр Фрэнсис Дэшвуд вскоре получил титул барона Деспенсера. Основатель «Клуба адского пламени», созданного в перестроенном монастыре, Дэшвуд не был компетентным финансистом: его познания в этой области ограничивались, как заметил его современник, «знакомством со счетами в таверне», а сложение пяти цифр было для него «недоступной тайной». Наверное, он понял, что налог на сидр не принесет ему славы. «Люди станут показывать на меня пальцем, — сказал он, — и кричать: „Вон идет самый худший казначей на свете!“».

Многих благородных лордов посещало осознание собственной непригодности для работы в правительстве, титул был единственным показателем их достоинства. Важность обладания высоким званием понимали в XVIII веке все классы — от йомена до короля, просвещенность века не простиралась до эгалитаризма. Георг III ясно дал это понять: «Лорд Норт не может серьезно думать, что обычный джентльмен, такой как мистер Пентон, встанет на пути старшего сына графа, ибо такая идея противоречит всему тому, что я знал всю свою жизнь».

Титул, однако, необязательно придавал уверенность человеку, назначенному на высший пост. Титул и богатство позволили в 1760-х годах маркизу Рокингему и герцогу Графону усестыся в кресло первого министра, а герцогу Ричмонду — стать членом кабинета. Даже будучи

первым министром, Рокингем, произнося речь, с трудом держался на ногах, а Графтон часто жаловался на неспособность к исполнению своих обязанностей. Герцог Ньюкасл, унаследовавший имения в двенадцати графствах и доход в 40 000 фунтов стерлингов в год, несколько раз становившийся первым министром и на протяжении сорока лет осуществлявший политический контроль, был робким, беспокойным, завистливым и, возможно, единственным герцогом, постоянно ожидавшим насмешки над собой. Лорд Норт возглавлял правительство в критическое десятилетие семидесятых годов, и Георг III сам с горечью признавал, что первым министрам их ответственность не по плечу.

Билль о сидре послужил причиной смещения ненавистного графа Бьюта. В 1763 году его отправили в отставку, а на его место пришел шурина Питта, Джордж Гренвиль. Хотя налог на сидр явно провалился и через два года был отменен, в поисках доходов правительство попыталось прибегнуть к тому же методу налогообложения в Америке.

Джордж Гренвиль, занявший место первого министра в пятьдесят один год, был серьезным и педантичным человеком, трудолюбивым дилетантом, кристально честным среди коррумпированного окружения. Будучи бережливым от природы, он поставил себе за правило жить по доходам и экономить. При наличии амбиций ему не доставало ловкости, выстилающей им дорогу. Хорошо осведомленный Хорас Уолпол считал Гренвиля «самым способным и дельным человеком в палате общин». Мать Гренвиля была из рода Темплов, а потому старший брат Джорджа, Ричард, унаследовал титул лорда Темпла; дядя Гренвиля по матери, виконт Кобхэм, был владельцем Стоу, одного из

самых замечательных поместий того времени. Гренвиль прошел классический путь — Итон, Крайст-Черч, Оксфорд, право он изучал в Иннер-Темпл, в 23 года был принят в коллегия адвокатов, в 1741 году, в 29 лет, стал членом парламента от родного города и представлял его вплоть до своей кончины. Министерского поста Гренвиль добился благодаря своему профессионализму, он служил на самых важных постах при покровительстве Питта. Тот женился на его сестре, а сам Гренвиль не упустил возможности взять в жены сестру члена кабинета графа Эгремонта.

Таков был типичный портрет британского министра, а происходили они примерно из двухсот семей, в числе которых в 1760 году было 174 пэра, все знали друг друга с детства, учились в одних и тех же школах и университетах. Многие были связаны родством через кузенов, кузин и свойственников, через приемных родителей, через браки. Они женились на сестрах друг друга, на дочерях, вдовах, обменивались любовницами (некая миссис Армстед выступала в этой роли для лорда Джорджа Джермейна, а также для его племянника герцога Дорсета, для лорда Дерби, для принца Уэльского и для Чарльза Джеймса Фокса, за которого, в конце концов, и вышла замуж). Они назначали друг друга на разные посты, обеспечивали пенсионными. Из двадцати семи человек, занимавших высшие посты в 1760–1780 годы, двадцать посещали либо Итон, либо Вестминстер, в Оксфорде они обучались либо в Крайст-Черч, либо в Тринити-колледже, а в Кембридже — либо в Тринити, либо в Кингс. За обучением в большинстве случаев следовало «большое путешествие» по Европе. Двое из двадцати семи были герцогами, двое — маркизами, десять — графами, был среди них один шотландский и

один ирландский пэр; шестеро были младшими сыновьями пэров и только пятеро — людьми незнатного происхождения, среди них Питт, выдающийся государственный деятель того времени; троим, избравшим юридическую карьеру, удалось стать лорд-канцлерами. Единственным профессиональным образованием, открытым для младших сыновей и джентльменов незнатного происхождения, было право (избрать военную или церковную стезю можно было и без обучения).

Пэры и другие джентльмены, обладатели прекрасных имений, получали годовой доход от сдачи земли в аренду, от шахт и другой собственности в 15 000 фунтов стерлингов и более. У них имелись большие угодья, фермы, конюшни, псарни, парки и сады. Они встречали бесчисленных гостей, им прислуживала целая армия лакеев, грумов, егерей, садовников, батраков, мастеровых. Маркиз Рокингем, самый богатый из тех, кто занимал высшую должность в то время, за исключением герцогов, получал со своей собственности в Йоркшире, Нортгемптоншире и Ирландии годовой доход примерно в 20 000 фунтов стерлингов. Он проживал в одном из самых больших домов в Англии, женился на наследнице, контролировал три представленных в парламенте округа, 23 церковных прихода и назначение пяти священников, был лордом-наместником в графстве Йоркшир и самом городе Йорк.

Зачем обладатели богатств, привилегий и обширных земельных владений стремились занять посты в правительстве? Отчасти затем, что чувствовали: управление страной — их призвание и ответственность. Известное выражение «положение обязывает» имеет корни в феодальной клятве, обязывавшей аристократов

заседать в королевском совете, поскольку они обладали большим опытом управления в качестве лендлордов и судей в своих графствах. Вместе с правом управления они получали титул по названию территории. Это и было занятием джентльменов, долг аристократов-землевладельцев. На выборах 1761 года 23 старших сына пэров, достигших возраста 21 года, при первой же представившейся им возможности вошли в состав палаты общин; за исключением двоих, всем им было менее 26 лет.

К тому же высокая должность давала возможность поддержать нуждавшихся родственников. Поскольку имения по майоратному праву переходили по наследству старшему сыну, то личного состояния семьи редко хватало для поддержки младших сыновей, племянников, бедных кузенов и верных слуг. «Место» было необходимо, иначе эти люди лишались поддержки. Дворяне могли получить лишь юридическое образование, тогда как министр, благодаря покровительству и связям при дворе, получал полную свободу. Синекур с довольно туманным кругом обязанностей было в избытке. Сэр Роберт Уолпол, влиятельный министр при предыдущем монархе, обеспечил троим сыновьям, в том числе и Хорасу, посты аудитора казначейства, контролера казначейства и чиновника того же ведомства, причем два сына числились также и в таможене. Джорджа Селвина, модного вольнодумца и знатока публичных казней, назначили архивариусом к лорд-канцлеру на Барбадосе, но он так и не почтил этот остров своим присутствием. Одной из причин неудовлетворительных доходов американской таможни было то, что контролеры этого ведомства часто проживали дома, в уютной Англии, а

свои обязанности перекладывали на низкооплачиваемых и падких на подкуп чиновников.

Не только покровительство, но и соблазн власти и высокого статуса привлекает к себе людей во все времена, причем не только нуждающихся, но и проживающих вполне комфортно. Граф Шелберн, один из самых умных министров того времени, сказал просто: «Единственное удовольствие, которое я получаю от этого занятия, состоит не в выгоде, а в том, что исполняю работу, соответствующую моему званию и способностям». Английские аристократы XVIII века поддавались этому соблазну, как и прочие люди; даже герцог Ньюкасл, по словам Хораса Уолпола, преодолел свой страх перед ответственностью «страстью к нахождению в первых рядах власти». Они приходили молодые, редко подготовленные к работе, сникали перед трудностями и обычно через полгода удалялись в уютные поместья, устремлялись к конюшням, со страстью отдавались охоте и романтическим приключениям. Характеры и способности у них были разные, как и в любом другом обществе. Некоторые из них были добросовестны, другие относились к своим обязанностям наплевательски; одних отличал либеральный образ мыслей, других — реакционный; кто-то был испорчен алкоголем и азартными играми, а кто-то склонен к раздумьям, некоторые были лучше образованы, но, в целом, способность этих молодых людей работать в правительстве находилась на неподобающем уровне.

Профессионально для работы в правительстве никого не готовили, сама идея шокировала бы тех, кто занимал правительственные посты. На первый план выходили светские удовольствия, а делами занимались в оставшееся время. Заседания кабинета министров

проводились отнюдь не по расписанию, обычно они проходили во время обеда в лондонской резиденции первого министра. Обязательность была развита мало. Лорд Шелберн, в котором эта черта характера присутствовала, высказал однажды соболезнование коллеге: как, мол, нехорошо со стороны лорда Кэмдена и герцога Графтона: они приехали в Лондон и вас здесь забаллотировали.

Азартные игры сделались страстным увлечением высшего общества — дамы устраивали дома карточные вечера, о чем заранее извещали в газетах, мужчины засиживались до рассвета, ставили огромные суммы или заключали бессмысленные пари о завтрашней погоде или об успехе выступления оперного певца на следующей неделе. Джентльмены легко теряли целые состояния, и долги стали обычным явлением. Как же такие люди, как министры, приспособлялись к неумолимым цифрам на счетах, налогам и национальному долгу?

Знатное окружение не способствовало развитию в правительстве реалистического взгляда на мир. Дома для желаемого результата достаточно было слова или кивка слуге. По приказу аристократа Ланселот Браун по прозвищу Кейпебилити (Наиспособнейший) или какой другой ландшафтный дизайнер придавал ровному участку земли более интересный рельеф. В моду вошли озера, аллеи, рощицы, возвышенности, дорожки от озера к дому. Когда деревня Стоу помешала дизайнеру осуществить задуманный план, всех ее жителей переселили в новые дома, в двух милях от прежнего селения, а саму деревню снесли, землю перекопали и посадили деревья. У лорда Джорджа Джермейна, министра по делам американских колоний, родившегося в деревне Сэквилл и выросшего в Ноуле, семейные

владения были на редкость велики: семь внутренних дворов, множество крыш разной высоты — издалека все это выглядело как настоящий город. Когда Джордж был мальчиком, его отец, дабы отделить огород от парка, за один раз посадил саженцы двухсот груш, трехсот диких яблонь, двухсот вишен, пятисот падубов, семисот каштанов, двух тысяч буков и еще тысячи падубов.

Во всех случаях интересы не ограничивались садами и клубами. Школьное и университетское образование знакомило с латинской и греческой классикой, а во время «большого тура» по Европе молодые люди получали представление об искусстве и покупали картины и слепки с классических скульптур. Путешествие обычно включало в себя посещение Рима, который, кажется, не слишком изменился со времен пап Ренессанса. Управление там «хуже некуда», писал один побывавший там англичанин. «Четверть населения — священники, еще одна четверть — статуи, а четверть — люди, которые ничего не делают».

Британским правителям, помимо их узкого класса, был доступен совет со стороны, и если они желали, то приглашали в качестве советников выдающихся интеллектуалов. Когда после Гренвиля в кресло первого министра уселся Рокингем, возможно он осознал собственные недостатки и догадался сделать своим личным секретарем блестящего молодого ирландца, юриста Эдмунда Берка. Лорд Шелберн взял на должность библиотекаря — и литературного компаньона — ученого Джозефа Пристли. Он пожаловал ему дом и пожизненное содержание. Генерал Генри Сеймур Конвей, член кабинета и будущий фельдмаршал, назначил своим заместителем политического философа Дэвида Юма и, по просьбе последнего, дал бывшему тогда в Англии

Жан-Жаку Руссо пенсию в сто фунтов в год. Конвей и сам написал комедию, адаптировав французскую пьесу, и поставил ее в Друри-Лейн. Граф Дартмут, министр в правительстве своего сводного брата лорда Норта, был официальным покровителем школы для индейцев Элеэйзара Уилока; впоследствии это заведение превратилось в Дартмутский колледж. Граф позировал для восемнадцати портретов, включая один, написанный Ромни, и оказывал покровительство поэту Уильяму Кауперу, которому подыскал теплое местечко и спокойный дом, где бы тот мог укрыться во время приступов безумия.

При всех своих рафинированных вкусах верхушка правящего класса породила за этот период мало выдающихся умов. Доктор Джонсон объявил, что знает «только двух людей, значительно возвышающихся над средним уровнем» — Уильяма Питта и Эдмунда Берка, но их и нельзя было причислить к верхушке. Питт высказал субъективное мнение, что не знает мальчика, который «не был бы запуган на всю жизнь Итоном». Своим детям он дал домашнее образование. Общее состояние умов лучше понимал Уильям Мюррей — шотландский юрист и граф Мэнсфилд, будущий главный судья и лорд-канцлер. Он без большого успеха попытался направить своего племянника, будущего маркиза Рокингема, на изучение истории, риторики и классической литературы и написал ему, когда юноше исполнился 21 год: «Ты не можешь заинтересовать меня, пока ты занят глупостями, свойственными современной молодежи. Посмей стать умным, посмей и поразмысли». Вот такой была обстановка 1760–1780 годов, когда надо было посметь задуматься. Впрочем, не так ли все обстоит и в любое другое время?

В эти годы мало кто восхищался молодым монархом. Хорас Уолпол, присутствовавший в 1760 году на коронации Георга III, увидел юношу двадцати одного года, высокого румяного, «любезного», но любезность эта была вымученной. Георг рос в атмосфере вражды между дедом Георгом II и отцом, принцем Уэльским Фредериком, умершим, когда сыну исполнилось двенадцать лет. Привычная в королевских семьях взаимная ненависть отца и сына в данном случае была чрезвычайной, потому-то юный Георг неприязненно относился ко всем, кто служил его деду, и считал, что мир, который он унаследовал, глубоко порочен и перед ним стоит моральный долг — его исправить. Выросший в узком семейном кругу в Лестер-хаусе, Георг III был плохо образован и не имел контактов с внешним миром. Характер у него был упрямый, он был беспокоен и не уверен в себе. Его воспитатель лорд Уолдегрейв говорил, что Георг часто удалялся в свой кабинет «и предавался меланхолии». Он редко поступал дурно, «за исключением случаев, когда по ошибке принимал дурное за хорошее», а когда это происходило, «трудно было вывести его из заблуждения, потому что он необычайно вял, но при этом у него сильные предубеждения».

Сильные предубеждения в неправильно сформированном мозгу опасны, а в сочетании с властью — тем более. В сочинении о короле Альфреде подросток Георг написал, что, когда Альфред вступил на трон, «вряд ли в его правительстве можно было найти человека, годного к управлению и непродажного». Убирая безнадежных, перевоспитывая других, Альфред «прославил страну и сделал ее счастливой», а произошло это благодаря Всемогущему Богу, который «расправляется с хитрыми, гордыми, амбициозными и

лживыми людьми». Вот таким был взгляд Георга на своих министров, и такова была его собственная программа. Он должен очистить систему, вернуть справедливое правление и исполнить материнский наказ: «Георг, будь *королем*». Его усилия с первого дня были направлены на смещение вигов, управлявших страной через патронаж, а сделать это надо было, перехватив контроль над этой системой и оказывая и распространяя свое покровительство. Неудивительно, что мало кому понравилось намерение Георга III возродить королевский абсолютизм, побежденный в предыдущем веке.

В желании найти замену отцу Георг с невротическим обожанием устремил взор на графа Бьюта, что должно было кончиться, да и окончилось разочарованием. С тех пор, пока король не встретил спокойного лорда Норта, Георг III либо недолюбливал, либо презирал всякого первого министра, а иногда впадал от него в зависимость. Поскольку король обладал властью назначать на определенные посты и смещать с них, то его метания делали правительство нестабильным. Когда Питт покинул окружение принца Уэльского и стал служить Георгу II, молодой Георг назвал его «самым черным сердцем», «змеей в траве» и поклялся проучить других министров за их неблагодарность. Часто признаваясь Бьюту, что испытывает душевные мучения из-за неуверенности в себе и из-за нерешительности, он в то же время считал себя добродетельным, оттого, что желал всем только добра, а в человеке, который с ним не соглашался, видел негодяя. Такого правителя понять было трудно, да непокорные колонии и не пытались это сделать.

Слабость английского правительства заключалась в недостатке сплоченности или в отсутствии концепции коллективной ответственности. Министры назначались короной как отдельные личности, у каждого были собственные представления о политике, и со своими коллегами они их не обсуждали. Так как правительство формировал король, желавшие получить министерские посты должны были заслужить благосклонность Георга III, а это было труднее, чем при тупоголовых иностранцах, первых Ганноверцах. Король, в определенных пределах, был главой исполнительной власти с правом избирать министров, хотя и не на основании одного только королевского фаворитизма. Первый министр и его сторонники должны были иметь поддержку электората в том смысле, что и без политической партии они должны были завоевать большинство голосов в парламенте и опираться на них для осуществления и одобрения своей политики. Даже когда они этого добивались, непредсказуемое и эмоциональное использование Георгом III своего права на выбор в первые годы его правления делало положение правительства крайне неустойчивым. Назревал американский конфликт, а фракции тем временем боролись за власть и за благосклонность короля.

Кабинет постоянно перетряхивался, его состав менялся, и цельной политики у него не было. Глава правительства назывался просто «первый министр», странное, по мнению Гренвиля, нежелание вводить титул «премьер» было наследием двадцатилетнего пребывания на высшем посту сэра Роберта Уолпола и опасениями, что власть вновь будет сосредоточена в руках одного человека. Функция, которую тем не менее надо было

исполнять, передали первому лорду казначейства. В кабинет министров входило пять или шесть человек: помимо первого лорда это были два министра — внутренних и иностранных дел, странно именуемых государственными секретарями Северного и Южного департаментов, а также лорд-канцлер и лорд-председатель Совета, то есть Тайного совета — большой и постоянно меняющейся группы из действующих и бывших министров и важных чиновников королевства. Во «внутренний кабинет» порой — но отнюдь не всегда — входил представлявший флот первый лорд Адмиралтейства (или военно-морской министр). В интересах армии выступали секретарь по военным делам, не имевший места в кабинете, и генеральный казначей, который, благодаря контролю финансов и поставок, занимал в правительстве самый прибыльный пост, но у армии не было представителя в политическом совете. До 1768 года ни одно ведомство не было наделено административными функциями по управлению колониями. Получалось, что делами колоний ведало министерство торговли и плантаций, а военный флот, поддерживавший контакты с колониями по ту сторону океана, служил инструментом политиков.

Джентльмены, занимавшие более низкие посты, — младшие министры, заместители государственных секретарей, чиновники министерств и таможенники — исполняли рутинные обязанности, а также предлагали и готовили билли для парламента. На такую службу, как губернатор колонии или чиновник Адмиралтейства в колониях, назначали через покровительство и связи. «Связи», часто в ущерб выполняемым обязанностям, являлись цементом правящего класса и паролем того времени. Это не осталось незамеченным. Когда герцог

Ньюкасл попросил адмирала Джорджа Ансона, возглавившего Адмиралтейство после прославленного кругосветного путешествия, взять к нему в штат не имеющего образования члена парламента, дабы заручиться его голосом, тот прямо сказал: «Прошу Вашу милость серьезно подумать, что станет с вашим флотом, если такие рекомендации станут частыми». Он также отметил, что подобная практика «принесла государству больше вреда, чем потеря одного голоса в палате общин».

При правлении приглашенных из-за границы ганноверцев в стране наконец-то, после бурных событий минувшего века, установилось спокойствие. Одержавший верх в той борьбе парламента сохранял свое верховенство, палата общин уже не была пламенным трибуном великой конституционной борьбы. Она превратилась в более или менее удовлетворенный, более или менее статичный орган, состоявший из членов, которые обязаны своими местами «связям», семейным «карманным» округам и купленным выборам. Голоса давали в обмен на покровительство правительства в виде назначений, протекции властей и прямых денежных выплат. Как было подсчитано, в 1770 году 190 членов палаты общин находились на выгодных постах, подаренных им правительством. Такое положение вошло в систему и было настолько распространенным и рутинным, что продолжало существовать, несмотря на регулярные обвинения в коррупции.

Члены парламента не состояли в организованных политических партиях и не придерживались каких-либо политических убеждений. Их различали по социальным, экономическим или даже географическим признакам: деревенские джентльмены, представители деловых или

торговых городских слоев; 45 членов парламента были от Шотландии, налнчествовала там и группа плантаторов из Вест-Индии, жили они в английских домах на доходы от своих островов. Всего в палате состояло 558 человек. Теоретически, члены палаты были двух видов — рыцари графства, по два человека на каждое, и буржуа, представлявшие небольшие городки-бурги, которым королевской хартией даровано представительство в парламенте. Поскольку рыцари должны были обладать земельными владениями, приносившими им ежегодный доход в 600 фунтов стерлингов, то они принадлежали к состоятельному дворянству или были сыновьями пэров. У членов парламента из более мелких городов было так мало избирателей, что они могли купить их скопом, а уж крошечные городки местные лендлорды держали у себя в кармане. Обычно они выбирали из мелкопоместного дворянства того, кто мог отстаивать их интересы в Вестминстере, а потому в палате общин большинство представляли землевладельцы, заявлявшие, что они отражают народное мнение, когда на деле их избирало лишь около 160 тысяч человек.

Городские округа покрупнее имели более демократичное избирательное право, на выборах кандидаты соперничали друг с другом, и атмосфера часто бывала накаленной. Избирали юристов, купцов, подрядчиков, судовладельцев, армейских и флотских офицеров, чиновников и нуворишей, разбогатевших на торговле в Индии. Люди, сами по себе влиятельные, они представляли меньший электорат, вряд ли более 85 000, потому что городское население, по большей части, было лишено избирательных прав.

Примерно половину мест, как было подсчитано, можно было купить и продать, что ярко показано в

наказе лорда Норта секретарю казначейства во время избирательной кампании 1774 года. Он должен был проинформировать лорда Фалмута, отвечавшего за шесть мест в парламенте от Корнуолла. Норт соглашался заплатить по 2500 фунтов стерлингов за каждое из трех мест для своих номинантов, и далее в письме: «Мистер Легг может заплатить только 400 фунтов. Если он получит Лостуитил, то обойдется населению в 2000 гиней. Гаскойн будет иметь право первым избираться от Трегони, если заплатит 1000 фунтов». Далее: «Дайте Куперу знать, сколько вы обещаете за места лорда Эдкомба — 2500 или 3000 фунтов за каждое? Я собирался заплатить ему 12 500 фунтов, но он потребовал 15 000 фунтов».

Политические патроны контролировали иногда семь или восемь мест, часто это были семейные группы, зависевшие от пэра из палаты лордов, которые действовали совместно по указке патрона, хотя, когда дело принимало опасный оборот, мнения разделялись, и голосовали по собственному убеждению. Рыцари из графств, электорат которых был слишком велик, чтобы на него кто-то мог оказывать давление, и тридцать или сорок независимых округов считали себя партией. Привыкнув к местному управлению, графства не хотели вмешательства Лондона и принципиально презирали двор и столицу, хотя это играло на руку вигам. Не принадлежавшие ни к одной фракции, не следующие ни за одним лидером, не имеющие титулов или «места», служащие своему избирательному округу, эти парламентарии голосовали в соответствии со своими интересами и убеждениями. Член парламента из Йоркшира писал: «Я просидел двенадцать часов в палате общин, не двигаясь, и получил большое удовлетворение,

поскольку, выслушав аргументы обеих сторон, ясно выразил свое мнение путем голосования». Если людей, думающих своей головой, будет достаточно, они одолеют тех, кто заправляет фондами, идущими на подкуп избирателей.

Главной заботой Джорджа Гренвиля, приступившего к обязанностям первого министра, стало обеспечение платежеспособности Британии. Поскольку мир в Париже был уже подписан, Гренвиль уменьшил численность армии со 120 тысяч до 30 тысяч, а вот экономия на флоте, в том числе и радикальное сокращение расходов на оборудование и обслуживание доков, привела к печальным последствиям и не выдержала проверки в деле. В это же время он подготовил законопроект об обложении налогом американской торговли. Гренвиль и не подозревал, какие чувства всколыхнет этот закон у колонистов. Многие лоббисты, нанятые колониями представлять их интересы в Лондоне, были членами парламента, а другие имели выходы в правительственные круги. Ричард Джексон, активный член парламента, купец и барристер, выступавший в разное время от Коннектикута и Пенсильвании, Массачусетса и Нью-Йорка, был личным секретарем Гренвиля. «У меня много друзей в колониях и есть доступ почти ко всем местам, стоит лишь этого пожелать, — писал он Франклину, — но я не нахожу отдачи, пропорциональной моим усилиям». Джексон и его коллеги делали все, что было в их силах, лишь бы столица услышала голос колоний, но Лондон отвечал им полным безразличием.

Кроме Джексона, служившего источником информации для первого министра, Гренвиль состоял в переписке с губернаторами и с главным таможенным инспектором северных колоний — у них он спрашивал совета, когда готовил билль о гербовом сборе. Ни для кого не было секретом, что американцы воспримут принудительный сбор как форму налогообложения и окажут сопротивление. В ноябре 1763 года Гренвиль приказал таможенным офицерам собирать налоги в полном объеме, и это распоряжение, по словам губернатора Массачусетса Фрэнсиса Бернарда, вызвало в Америке большую тревогу, нежели произошедший за шесть лет до этого захват французами английского форта Уильям Генри. У министерства торговли спросили совета, каким способом, «наименее обременительным и наиболее удобоваримым», можно покрыть расходы «гражданских и военных учреждений». Поскольку возможности сделать это бремя наиболее удобоваримым не было, а Гренвиль уже сам вынес решение, так что ответа на вопрос всерьез и не ждали.

Перспектива беспорядков не слишком тревожила министров. Гренвиль по этому поводу благоразумно заметил: «Никто не хочет, чтобы его облагали налогом». Первый министр был уверен, что в любом случае Америка может и должна покрыть расходы его правительства и обороны. Два государственных секретаря, граф Галифакс и граф Эгремонт, не смогли его разубедить. Лорд Галифакс унаследовал титул в 23 года, к тому же он выгодно женился: супруга принесла ему огромное приданое в 110 000 фунтов стерлингов, а ей оно досталось от отца-текстильщика. При таких вот достоинствах лорд служил старшим псарем, грумом-постельничим и числился на других

декоративных придворных постах, пока колесо политики не усадило его в кресло министра торговли. В период нахождения лорда на министерском посту была основана Новая Шотландия, и столицу этой провинции назвали в его честь — Галифаксом. Лорд был слаб, но дружелюбен, много пил и сделался жертвой ранней дряхлости, отчего и скончался в 55 лет, находясь на службе у своего племянника лорда Норта.

Пьянство в том веке часто укорачивало жизнь и сказывалось на способностях. Даже маркиз Грэнби, командовавший британскими войсками в 1766–1770 годах, человек, которым все восхищались, благородный солдат с благородной душой, не избежал этой участи: согласно Хорасу Уолполу, «постоянные возлияния изгнали его из жизни в 49 лет». На выборах 1774 года Чарльз Джеймс Фокс, тоже далеко не трезвенник, жаловался на то, что ради привлечения голосов вынужден устраивать пирушки. Однажды к нему явились восемь гостей, просидели с 3 часов дня до 10 вечера и выпили «десять бутылок вина и шестнадцать чаш с пуншем, каждая из которых вмещала четыре бутылки» — эквивалент девяти бутылок на человека.

Другой государственный секретарь при Гренвиле, граф Эгремонт, приходившийся тому шурином, был столь же некомпетентен, сколь и заносчив. Характером он пошел в дедушку-герцога, которого так и называли — «гордый герцог Сомерсет». Характер его, по словам того же негостеприимного Хораса, представлял собой смесь «гордыни, дурного нрава и хорошего воспитания... при этом у него не было ни знаний о бизнесе и ни малейших парламентских способностей», к тому же и доверять ему боялись. На американцев он смотрел сверху вниз и перестал заниматься их делами, когда его поразил

апоплексический удар (от переедания, как заметил Уолпол), а билль о гербовом сборе в это время все еще находился в стадии оформления.

Его преемник, граф Сэндвич, занимавший до того пост первого лорда Адмиралтейства, отличался от Эгремонта только темпераментом. Дружелюбный, веселый и безнравственный, он использовал свою власть для личного обогащения, поскольку имел право совершать закупки для флота и назначать на должности. Он не был дилетантом, но сомнительные спекуляции усердного графа приводили к скандалам, поставщиков он обманывал, а корабли оказывались непригодными для плавания. Плачевное состояние флота обнаружилось во время войны с Америкой, и обе палаты вынесли лорду вотум недоверия. В свете он принадлежал к кругу сэра Дэшвуда с его «Клубом адского пламени». Сэндвич настолько пристрастился к азартным играм, что не тратил времени на обеды, а засовывал кусок мяса между двумя ломтями хлеба и ел, не отрываясь от игры, увековечив тем самым свое имя в качестве гастрономического артефакта западного мира.

Под руководством этих министров и готовился налоговый законопроект. Закон, грозивший разногласиями, был принят без одобрения парламента. Королевская прокламация 1763 года запрещала белым селиться к западу от Аллеганских гор и оставляла эти земли индейцам. Связано это было с бунтом, направленным против английских колонистов и прозванным «восстанием Понтиака». Прокламация должна была успокоить индейцев: она запрещала колонистам вторгаться на территории, на которых охотились аборигены, чтобы не провоцировать их к возобновлению войны. Еще одно восстание индейцев

могло бы стать предлогом для французов, не говоря уже о том, что на его подавление потребовались новые расходы, чего британцы позволить себе не могли. За официальным заявлением скрывалось желание ограничить расселение колонистов побережьем Атлантики, где они продолжали бы ввозить британские товары. Правительство также не желало, чтобы должники и авантюристы, перейдя через горы, основали в самом сердце Америки независимое от Британии поселение. Там, вдали от морских портов, согласно зловещему предсказанию министерства торговли, они обеспечивали бы себя сами «в страшном предубеждении по отношению к Британии».

Прокламация вряд ли понравилась колонистам, которые уже создавали акционерные общества и приветствовали миграцию или, как Джордж Вашингтон и Бенджамин Франклин, в целях спекуляции обзаводились земельными участками по ту сторону гор. Для беспокойного поселенца этот документ означал возмутительное вмешательство. Растянувшееся на 150 лет завоевание дикого края не сделало американцев восприимчивыми к идее, что далекое правительство лордов в шелковых бриджах имеет право запрещать им пользоваться землей, которую они завоевали ружьем и топором. В прокламации они увидели не защиту от индейцев — при подавлении восстания Понтиака их собственные добровольческие отряды сделали больше, чем «красные мундиры», — а коррупционные планы правительства: даровать обширные территории короны придворным фаворитам.

Завязывание знакомства предполагает взаимопонимание, а совместное участие в войне — чувство товарищества, однако между участвовавшими в

Семилетней войне регулярными войсками и провинциальными отрядами все вышло наоборот. Под конец войны они любили, уважали и понимали друг друга меньше, чем в ее начале. Колонистам, естественно, не нравился снобизм британских военных, считавших, что североамериканцы не могут иметь равный с ними ранг, они полагали, что колониальные военные должны им подчиняться. Британские офицеры питали неизбывную слабость к наведению идеального порядка и блеска и ежегодно тратили по 6500 тонн муки на припудривание париков и беление бриджей.

С другой стороны, британское презрение к колониальному солдату, который в конце концов принудил (с помощью французов) англичан сложить оружие, являлось крайне странным и глубоко засевшим, притом совершенно неверным представлением, оказавшим самую плохую услугу в годы, предшествующие конфликту. Как мог генерал Вольф — герой, в 32 года захвативший Квебек и умерший на поле боя, назвать воевавших с ним рейнджеров «худшими солдатами на свете»? В другом письме он прибавил: «В целом, американцы — самые грязные, презренные и трусливые собаки, каких только можно вообразить... они скорее обуза, а не сила армии». В сравнении с красными мундирами и белыми париками, «грязные» рейнджеры-лесничие и в самом деле проигрывали. Блестящий внешний вид стал критерием европейской армии, по которому о ней и судили. У сэра Джеффри Амхерста сложилось «очень плохое мнение» о рейнджерах и о преемнике Вольфа, генерале Джеймсе Мюррее, он заявил, что американцы «очень нетерпеливы и совершенно не подготовлены к войне». Другие называли их трусливым сбродом, из которого нельзя

сделать солдат. Такие суждения вызвали в Англии хвастливые заявления, подобные высказываниям королевского адъютанта генерала Томаса Кларка, который сказал в присутствии Бенджамина Франклина, что «с тысячей гренадеров он пройдет с одного конца Америки до другого и охолостит всех мужчин — кого силой, а кого лишь слегка припугнув».

Возможная причина фатальной недооценки американцев крылась в различной природе военной службы британских профессионалов и провинциалов. Последних местные собрания вербовали по контракту, для исполнения какого-то задания, на определенный срок и за установленную плату и паек. Когда условия контракта не выполнялись, то колониальные отряды противились приказам, отказывались от службы, а если их недовольство не находило ответа, они просто отправлялись по домам — и не как таящиеся ото всех дезертиры, поодиночке, а в открытую, всем подразделением, в полном составе, считая это естественной реакцией на нарушение контракта. Такое поведение было совершенно немыслимо для гусаров, легких драгун и гвардейских гренадеров, воспитанных в духе полковой гордости и традиции. Британские командиры пытались применять положения устава и военного кодекса к солдатам, штатским по природе, а те упрямо их отвергали, вплоть до группового дезертирства, чем и заслужили столь нелестную репутацию.

Плохой отклик вызвали и усилия англиканской церкви, собиравшейся учредить епископат в Новой Англии. Такая инициатива клириков с присущей им способностью порождать враждебные настроения возбудила у американцев сильные подозрения. Епископ олицетворял для них тиранию, инструмент подавления

свободы вероисповедания (этого жители Новой Англии опасались больше всего), епископат привел бы их к папству и к новым налогам, призванным упрочить иерархию. На самом деле британское правительство, столь же далекое от церкви, и не думало поддерживать создание американского епископата. Тем не менее, возглас «Долой епископа!» звучал не менее громко, чем клич «Нет налогам!», а позднее «Нет чаю!». Источником трений послужили даже мачты для британского флота, так как был принят закон, запрещающий рубить белые американские сосны, шедшие на изготовление корабельных мачт.

Возможно, что все эти разнообразные ссоры были бы улажены, если бы в конце Семилетней войны правительственный департамент по американским делам осознал необходимость полной реорганизации администрации и уделил колониям больше внимания. Время не ждало: обширные новые территории нужно было инкорпорировать, противоречивые статуты колоний уже вызывали беспокойство. Но момент был упущен. Все внимание политиков было поглощено безнравственными поступками лорда Бьюта и маневрами его коллег и соперников. Дела империи возложили на министерство торговли, которое за один только 1763 год сменило трех своих руководителей.

Проект закона о пошлинах, представленный парламенту в феврале 1764 года, содержал положения, вызывавшие беспокойство. Он вводил новый налог на краеугольный камень торговли Новой Англии — на патоку, по 3 пенса за галлон. Рассмотрение налоговых дел было перенесено из судов местной юрисдикции в Галифакс, в адмиралтейский суд. Торговцам-колонистам куда сложнее было бы подкупить тамошних судей, а

обвиняемым надлежало самим приезжать в суд для защиты. Билль четко обозначил свою цель: для покрытия затрат на оборону страны необходимо поднять налоги в Америке. Правительство вывесило «красный флаг», как против разбойников. Американцы более или менее признавали за короной право контроля торговли, но они отвергали ее право облагать налогами доходы. Колонии боялись разрушения приносившей прибыль торговли, ведь долгое время таможенные пошлины были едва ли не фикцией, однако ставка в 3 пенса за галлон патоки уничтожала прибыль.

Представители колоний заявили в парламенте, что сокращение торговли повредит Британии. Они утверждали, что патока не перенесет налога более пенни за галлон, хотя втайне торговцы соглашались на 2 пенса.^[10] Местные собрания в Массачусетсе и в Нью-Йорке роптали, говорили о нарушении их «естественных прав» и призывали Коннектикут и Род-Айленд присоединиться к протесту против «смертельной раны миру колоний». Они сопротивлялись, потому что их кошелек угрожала настоящая опасность, и утверждали, что принятие этого закона станет прецедентом, который откроет дорогу новым налогам и другим пошлинам. На этой стадии Лондон проигнорировал мнение колоний.

Министерство торговли определило налог в 3 пенса, а билль о пошлинах, названный впоследствии Законом о сахаре, парламент одобрил в апреле 1764 года. Против

¹⁰ Существует предположение, что возражения торговцев звучали приглушенно, поскольку на этом этапе главный представитель колоний Бенджамин Франклин не забывал, что благодаря милости короны сам он занимает должность заместителя почтмейстера всех североамериканских колоний, а его сын — пост губернатора Нью-Джерси.

закона выступил лишь один человек — уроженец Бостона Джон Хаск.

Закон прятал в своем хвосте жало: это было уведомление о готовящемся гербовом сборе. Для американцев он был не орудием пытки, а одним из многочисленных спонтанных налогов, в данном случае налогом на оформление завещаний, контрактов, облигаций и других почтовых или официальных документов, которые отныне должны были заверяться специальной гербовой маркой. Гренвиль опубликовал пока еще уведомление, поскольку понимал, что право парламента облагать налогом колонии, не имеющие в палате своих представителей, — вопрос неясный, но в то же время он надеялся, что его предложение — «дай-то Бог!» — не вызовет споров в парламенте. Задача английского правительства в уставший от борьбы век состояла в поддержании такой политики, которая не будила бы спящих собак, то есть в вечном желании консенсуса. Гренвиль не столько опасался реакции колоний, сколько боялся обеспокоить парламент. Уведомление о гербовом сборе он присоединил к биллю о пошлинах, надеясь на то, что, если обсуждение пройдет без шума, это форсирует введение закона в силу, а может, своим уведомлением Гренвиль намекал колониям самим ввести у себя налоги, хотя дальнейшие его действия эту мысль не подтверждают. Скорее всего, он понимал, что уведомление вызовет у колоний такой громкий протест, что парламент против них объединится.

Протест и в самом деле был громким и бурным, но когда Англия его услышала, ее внимание занимал другой вопрос, разбудивший всех спящих собак в стране, — дело Джона Уилкса. Вряд ли Джон Уилкс отвлек внимание от Америки, отвлекать тогда было еще нечем. Меры,

принятые в 1763–1764 гг., не были неразумными, за исключением того, что правительство не приняло во внимание качества, темперамент и жизненные интересы людей, которых они касались. Но отслеживать местные интересы — не в обычае имперского правительства. Колонисты не были примитивным, «напуганным и диким» народом, они происходили от исключительно энергичных и предприимчивых английских диссидентов. Проблема заключалась в отношении метрополии к своим колониям. Британцы вели себя — и, больше того, мыслили — согласно имперским категориям, почитали себя властителями. А вот колонисты думали, что они ни в чем им не уступают, осуждая вмешательство и чужую тиранию в каждом бризе, что доносился до них через Атлантику.

Главной потребностью того времени была свобода. Правительство не пользовалось любовью народа. Хотя на улицах Лондона прохожие нередко подвергались нападениям и грабежам, население оказывало яростное сопротивление полиции. В 1780 году во время бунта Гордона Лондон охватило насилие, вспыхивали пожары, гибли люди, но когда лорд Шелберн предложил сформировать организованную полицию, ему сказали, что он защищает идею, пригодную разве французскому абсолютизму. На идею цензуры смотрели как на непозволительное вмешательство. В 1753 году один член парламента заявил, что правительство «хочет лишить нас последних крупиц английской свободы». Если какой-то чинуша потребует сведений о его доме и семье, он откажется отвечать, если же тот станет настаивать, он бросит его в пруд, в котором купают лошадей. Подобные высказывания лишь разжигали враждебность по отношению к налоговой политике.

Дело Уилкса, вызвавшее столько злобы, стало важным для Америки, потому что оно породило союзников, отстаивавших свободу. Права парламента, которые представлял Уилкс, и американские права рассматривались как требование свободы. Те, кто стал оппонентом правительства в деле Уилкса, превратились в друзей Америки. Джон Уилкс был членом парламента, это был грубоватый, но умный человек, пользовавшийся одиозной славой за острый язык. В 1763 году в журнале «Северный британец» он подверг критике мир с Францией после Семилетней войны и оскорбил короля. Уилкса арестовали по обвинению в подстрекательстве и заточили в Тауэр. Главный судья Пратт (будущий лорд Кэмден) приказал освободить его на основании парламентской привилегии. Исключенный из палаты общин большинством голосов, Уилкс бежал во Францию, и в Англии его заочно судили за клевету на короля и — совершенно необоснованно — за публикацию частным образом порнографического произведения «Опыт о женщинах», причем прежний друг Уилкса, лорд Сэндвич, настоял на том, чтобы это сочинение прочитали в палате лордов от первого и до последнего слова.

Эти разбирательства привели к осуждению Уилкса, он был объявлен вне закона, что повлекло за собой кризис: парламентская оппозиция назвала его арест по общему ордеру незаконным, потребовав голосования по своей резолюции. Правительственное большинство едва сумело не допустить ее принятия — благодаря всего лишь четырнадцати голосам. Стоило только палате общин углядеть в чем-то покушение на свои права, как система покровительства оказывалась весьма ненадежной, что случившееся и продемонстрировало. Король сердито приказал Гренвиллю лишить придворных

и правительственных постов всех парламентариев-отступников, создав тем самым ядро оппозиции, которая начала расти. Георг III был не самым проницательным политиком.

2. «УТВЕРЖДЕНИЕ ПРАВА, КОТОРЫМ, КАК ИЗВЕСТНО, ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ НЕ СМОЖЕТЕ»: 1765 г.

Гербовый сбор, введенный Гренвилем, будут помнить, «пока существует земля». Так сказал Маколей в одном из своих воззваний. Этот акт, писал он, «произведет революцию, эффект от которой будет долго ощущать все человечество». Он обвинил Гренвиля в том, что тот не предвидел последствий. Эту непредусмотрительность не предвидели даже представители колоний. Но англичане были достаточно информированы, чтобы предсказать сопротивление американцев, и в Британии предчувствовали серьезные неприятности.

До Англии доходили сообщения — их печатали в «Лондонских хрониках» и других журналах — о том, что колонии возмущены Законом о сахаре и предполагаемым гербовым сбором. Яростный протест выразили Массачусетс, Род-Айленд, Нью-Йорк, Коннектикут, Пенсильвания, Виргиния и Южная Каролина, каждый регион заявил свое право на местные налоги и отверг право парламента. Ошибочность политики британского правительства доказала злосчастная судьба Томаса Хатчинсона, вице-губернатора Массачусетса. Он пострадал от своей колонии больше, чем того

заслуживал. В своем трактате, копии которого он послал правительству в Лондон, Хатчинсон подчеркнул, что налог представляет собой ошибочную цель, потому что естественная прибыль Англии от колониальной торговли больше любого ожидаемого дохода в виде налогов. Хатчинсон был трагической фигурой, очерненной с одной стороны и проигнорированной с другой. Так Хатчинсон впервые указал на безумие Англии. Впрочем, его заметили и другие. Бенджамин Франклин написал в меморандуме, что на данный момент американцы любят британские моды, обычаи и мануфактуры, но скоро они будут «испытывать ко всему этому отвращение. Торговля пострадает, и никакие налоги не помогут». Он высказал мысль, которая должна была стать девизом британского правительства: «У каждого есть право делать то, что лучше бы не делать». Это, по сути, соответствует мысли Берка: не следует демонстрировать принципы, если демонстрация нецелесообразна.

К тому моменту, когда протесты и петиции дошли до Лондона — плавание на восток занимало от четырех до шести недель, а в обратную сторону и еще дольше, — Гренвиль готовил Закон о гербовом сборе. Стремясь предотвратить его появление, представители колоний — Бенджамин Франклин, Ричард Джексон, Чарльз Гарт, член парламента от Мэриленда и Южной Каролины, и Джаред Ингерсолл, только что прибывший из Коннектикута, явились к нему все вместе. Дискуссия сосредоточилась на альтернативе: колонии хотели взимать налоги сами. Гренвиль спросил, сколько каждый из них может собрать, но представители колоний, не имевшие инструкций на этот счет, не могли дать ответ, да Гренвиль и не хотел его услышать. Он хотел отныне и навсегда закрепить за парламентом право взимать

налоги с колоний. На вопросы колонистов он отвечал уклончиво и не говорил, какие суммы ему требуются.

Поначалу альтернатива просматривалась. Если Британия хочет, чтобы колонии оплачивали расходы на свою оборону — что было вполне разумно, — то пусть так и заявит. Колонии готовы пойти на такой шаг. В 1764 году ассамблея Массачусетса предложила губернатору Фрэнсису Бернарду самому собирать с колонии налог, а не передавать эти функции парламенту, но губернатор, хотя и одобрял это предложение, тем не менее отказался, поскольку считал, что без распоряжения Гренвиля это будет бесполезно. Пенсильвания сообщила своему представителю в Лондоне о готовности поднять налог на определенную сумму, если возникнет такая необходимость. «Большинство колоний», согласно Чарльзу Гарту, «выразили желание помочь метрополии на определенных условиях».

Колонии твердо заявляли свои позиции. Когда Томас Уотли, секретарь казначейства и член парламента, ответственный за составление билля о гербовом сборе, спросил у представителей колоний, какой, на их взгляд, будет возможная реакция американцев, те ответили, что закон нецелесообразен и неразумен. Ингерсолл из Коннектикута заявил, что колонисты Новой Англии преисполнены опасений относительно принятия такого закона, и, если так и произойдет, многие состоятельные джентльмены вместе со своими семьями и богатствами переедут в какое-нибудь другое королевство. Это высказывание не произвело впечатления на Уотли, и он заметил, что «некоторые налоги совершенно необходимы». Услышал Уотли и другие мнения. Доверенное лицо Британии, королевский губернатор Род-Айленда Стивен Хопкинс опубликовал памфлет «О

правах колоний», в нем он рассказал о решительном протесте американских подданных в связи с налогообложением. Ассамблея Род-Айленда направила своему представителю в Лондон памфлет и петицию королю, подтверждавшую положения этого документа. Законодательная ассамблея Нью-Йорка также направила петиции и королю, и обеим палатам парламента, изложив в этих документах «самую искреннюю просьбу», чтобы за исключением необходимого регламентирования торговли парламент оставил колониям законодательную власть и снял бы тем самым «груз с наших людей, чего требуют народные нужды».

Всем было ясно, что введение парламентом налогообложения встретит сопротивление колоний. Тем не менее эту истину проигнорировали, потому что политики видели в Британии суверена, а в колониях — подданных. Американцев воспринимали не слишком серьезно, а поскольку Гренвиль и его соратники сами испытывали некоторые сомнения относительно своих прав, то хотели вместе с беспрепятственным взиманием налогов усилить власть парламента. Это был классический пример, когда берутся за дело, заранее обреченное на провал. Гренвиль отказал колониям в самостоятельном взимании налогов и тем самым проложил дорогу революции.

В парламенте не стали заслушивать петиции колонистов. Джексон и Гарт выступили на заседании и заявили, что у парламента нет права на налогообложение до тех пор, пока американцам не будет позволено посылать в парламент своих представителей. Министр финансов Чарльз Тауншенд, ставший вскоре главной фигурой в конфликте, спровоцировал первую вспышку волнения в американской драме. Должны ли

американцы, спросил он, «дети, которых мы посадили на континент силой оружия, ворчать из-за того, что они вносят вклад в облегчение нашего тяжелого бремени?»»

Одноглазый полковник Исаак Барре, воевавший в Америке вместе с Вульфом и Амхерстом, не выдержал и вскочил с места: «Они посажены там вашими заботами?! Нет! В Америку их прогнали ваши притеснения. Может, их взрастило ваше снисхождение? Нет, они выросли вопреки вашему пренебрежению. А защищало ли их ваше оружие? Нет, они подняли оружие для вашей защиты. Поверьте и запомните: то, что я сказал вам сейчас, пропитано тем же духом свободы, что пробудил этих людей, и он никуда не делся. Эти люди держатся за свободу, и кто защитит их, если покусятся на их права... впрочем, этот предмет слишком деликатный, и больше я ничего не скажу». Эти чувства, свидетельствовал Ингерсолл, были высказаны спонтанно и так сильно и убедительно, а прервал он свою речь так внезапно и красиво, что некоторое время вся палата сидела молча, как зачарованная. Возможно, впервые несколько человек поняли, что их ждет впереди.

Лицо Барре изуродовала пуля, лишившая его глаза в Квебеке. Этот человек, из-за шрама смотревший на мир «диким взглядом», вскоре стал одним из главных защитников Америки и оратором от оппозиции. Родился Барре в Дублине в семье гугенотов. Образование он получил в дублинском Тринити-колледже (по описанию отца Томаса Шеридана, это был «наполовину медвежий садок, наполовину бордель»), из армии Барре уволился, когда его повышение по службе было заблокировано королем, а в парламент его избрали благодаря влиянию лорда Шелберна, ирландца, как и он сам. Его энергичная

поддержка Америки увековечена в названии города Пенсильвании — Уилкс-Барре.

Более откровенное предупреждение прозвучало на втором заседании, когда генерал Конвей попросил парламент выслушать петиции колоний. «От кого, как не от них, узнаем мы о состоянии колоний? Не приведет ли налогообложение к фатальным последствиям?» — спросил он. Выдрессированное большинство, как водится, это предложение отвергло. Профессиональный солдат Конвей, похоже, был первым, кто предвидел возможность «фатальных последствий». Он был кузеном и близким другом Хораса Уолпола. Этот красивый благородный человек, проголосовавший против правительства в деле Уилкса, был одним из тех, кого, благодаря мстительности короля, лишили придворного поста и командной должности, а вместе с ней и доходов. Тем не менее он отказался от финансовой помощи друзей и вместе с Барре, Ричардом Джексоном и лордом Шелберном присоединился к тем, кто начал создавать оппозицию правительству. Встречались они в доме Шелберна.

Графу Шелберну на тот момент было 32 года, он был самым способным учеником Питта и самым независимым по своим убеждениям политиком, возможно потому, что не стал учиться в Вестминстере и Итоне, хотя полученное им ранее образование в Ирландии, как он сказал, «было в высшей степени запущено». Коллеги его не любили и не доверяли, считали его «слишком умным» и называли иезуитом. Но его талант был востребован, и, несмотря на недоверие, в 1782 году Шелберна назначили первым министром. Как раз тогда надо было подписать договор, утвердивший независимость Америки. Неприязнь, которую он вызывал, могла родиться из

страха перед его идеями, циничными по отношению к людям и прогрессивными политически. Он голосовал против изгнания Уилкса, поощрял эмансипацию католиков, свободную торговлю и даже, в отличие от Берка, приветствовал Французскую революцию.

Владелец огромных имений в Ирландии и Англии и один за самых богатых собственников ирландских земель, который там не жил, Шелберн был единственным министром, который, если верить Джереми Бентону, не боялся людей и, по словам Дизраэли, понимал растущее значение среднего класса. У него была склонность к благородному стилю: ландшафтными работами в его загородном имении занимался Кейпбилити Браун, городской дом ему построил Роберт Адам, а Джошуа Рейнольдс написал несколько его портретов. Шелберн собрал огромную библиотеку, состоявшую из книг, карт и манускриптов, распродажа которых на аукционе после его смерти длилась 31 день, а его коллекцию исторических документов приобрело государство, на что был выделен специальный грант парламента. Как Питт и как Берк, он понял нецелесообразность принуждения Америки к выплате налогов и немедленно предупредил об этом парламент.

На третьем заседании парламента 249 человек против 49 (обычный расклад — пять к одному) проголосовали за первый прямой налог на Америку — гербовый сбор. По словам Хораса Уолпола, проголосовавшее большинство мало что поняло из этого закона, да им и не было интересно. Зато профессионалы поняли все, как надо. Это — «великий шаг», сказал Уотли, потому что закон установил «право парламента на налогообложение колоний». Его коллега, заместитель министра Эдвард Седжвик, признал, что сделано это

намеренно, с целью закрепления своего права, и направлено против резолюций американских ассамблей.

Американцы отреагировали бурно, поскольку закон требовал наличия гербовой марки на всех печатных материалах, на юридических и деловых документах и распространялся на корабельные документы, на лицензии для владельцев таверн, не оставляя без внимания даже игру в кости и в карты. Он затрагивал все виды деятельности в каждом общественном классе, во всех колониях, а не только в Новой Англии, и поскольку гербовый сбор шел в комплекте с Законом о сахаре, то подтверждал подозрения колонистов в том, что сначала британцы подорвут их экономику, а потом поработят и колонии. В законодательной ассамблее Виргинии, собравшейся по поводу нового закона, выступил Патрик Генри. Он произнес знаменитые слова, напомнившие Георгу III о судьбе Цезаря и Карла I. Согласно Хатчинсону, в Бостоне, узнав о заседании в Виргинии, выразившем глас всего народа, поддержали высказанное там мнение, что «если Закон о гербовом сборе будет введен, все мы станем рабами». Образовавшиеся в городах массовые организации «Сыны свободы» оказывали сопротивление. Люди собирались в толпы, грабили и разрушали дома чиновников, принуждавших их к исполнению закона, перед жилищами сборщиков налогов они воздвигали виселицы и вешали на них чучела чиновников. Испугавшись предупреждений, сборщики Бостона и Ньюпорта подали в отставку, а к ноябрю ни один чиновник не смел исполнять только что введенный в действие закон.

Агитаторы и памфлетисты поддерживали накал страстей. Вряд ли какая-нибудь семья от Канады до Флориды не слыхала о Гербовом законе, хотя многие

плохо понимали, чем он им угрожает. Слуга одного сельского джентльмена боялся выходить в амбар темным вечером, и хозяин спросил его, чего тот страшится. «Гербового сбора», — ответил слуга. По словам проповедника Эзры Стайлса, будущего президента Йеля, в Коннектикуте трое из четверых готовы были взяться за нож. Более удивительным и зловещим для англичан — тех, кто обращал на это внимание, — стало то, что в октябре делегаты девяти колоний съехались в Нью-Йорк на конгресс для обсуждения гербового сбора. После перебранок, через какие-нибудь две с половиной недели они объединились, составили петицию и согласились прекратить споры о приемлемом «внешнем» и неприемлемом «внутреннем» налогообложении.

В ответ на Закон о сахаре колонисты объявили бойкот английским товарам. Об этом официально объявили купцы Бостона, Нью-Йорка и Филадельфии. Призыв все встретили с энтузиазмом. Женщины приходили с прялками в дом священника или в здание суда и состязались друг с другом в том, кто спрядет больше мотков пряжи — чтобы потом из нее получали домотканую материю на замену английских тканей. Из льняного полотна шили «замечательные рубашки для лучших джентльменов Америки». К концу года доходы от импорта по сравнению с прошлым годом сократились на 305 тысяч фунтов стерлингов.

Какая альтернатива была у британцев? Многие думали, что достаточно позволить американцам представительство в парламенте и можно будет смело брать с них налоги. Так одним ударом они подавят сопротивление. Хотя для конфликта имелись и другие причины, ничто так не воспаляет человека, как деньги, и налогообложение было самой чувствительной стрункой

американцев. Они давно считали представительство в парламенте своим правом, однако на самом деле уже не хотели его. Конгресс гербового сбора счел его «непрактичным».

Дискутируя о представительстве в парламенте, делегаты много говорили о расстоянии в три тысячи миль, о бурном море и о том, что «между законом и его исполнением» проходит несколько месяцев. И все же расстояние не мешало американцам заказывать английскую мебель, одежду и книги, перенимать английскую моду, посылать детей в английские школы, переписываться с коллегами из Европы, посылать редкие ботанические экземпляры, обмениваться идеями и поддерживать тесные культурные взаимоотношения. Дело было не в «огромном и опасном океане» как сдерживающем факторе, а в растущем осознании того, чего на самом деле хотят колонисты, а хотели они, чтобы в их дела поменьше вмешивались и давали им побольше самостоятельности. Хотя об отделении, а тем паче независимости, никто не помышлял, многие не хотели слишком близких отношений, потому что при воспоминании о продажности английского общества американцев начинало трясти. Джон Адамс полагал, что Англия повторит судьбу Римской республики. Американцы, посещавшие Англию, приходили в ужас от продажной политики, от ее пороков, от «пропасти между роскошью и блеском богатых и ужасной бедностью и страданиями бедных... великолепными с одной стороны и удручающими с другой».

Американцы считали, что система патронажа враждебна свободе и опасна для нее, ибо, когда правительство держится на купленной поддержке, политическая свобода мертва. Англичане были

единственным народом, добившимся такой свободы. В те годы развернулась полемика относительно миссии Америки как наследницы этой свободы, которую она разовьет и сохранит для всего человечества. Многие думали, что разложение, которым пронизана английская политическая система, испортит представителей колоний в парламенте, и они превратятся в беспомощное меньшинство, которое каждый раз будет терпеть поражение при голосовании. Было также ясно, что если колонии добьются представительства, у них уже не будет причин для сопротивления парламенту в вопросах налогообложения. Американцы поняли это раньше англичан, а те и в самом деле серьезно не задумывались о том, что, разрешив американцам представительство в парламенте, сами только выиграют.

И снова препятствием стало предубеждение: англичане никогда не считали американцев равными себе. Разве могут неотесанные провинциалы, «отродье наших преступников, которых мы выпроводили из страны, подстрекатели беспорядков, с манерами не лучше, чем у ирокезов, занимать высокие посты в нашем государстве?» — вопрошал журнал «Джентльменз мэгэзин». По мнению газеты «Морнинг пост», американцы — это «помесь ирландцев с шотландцами и немцами, заквашенная на преступниках и бродягах». Глубже социального презрения был страх перед колонистами как «левеллерами» — присутствие их в парламенте поощрит не представленные в нем английские города и районы: чего доброго, они станут требовать мест, уничтожат права собственности в избирательных округах и опрокинут систему.

Англичане создали удобную теорию «виртуального представительства», дабы массы, которым недоставало

голосов или членов, имели возможность представить себя в парламенте. Каждый член палаты представлял всю политическую систему, а не отдельный избирательный округ, и если у Манчестера, Шеффилда и Бирмингема не было мест, а Лондон имел только шесть, то у Девона и Корнуолла мест было семьдесят, и первые могли находить утешение в том, что они «виртуально представлены» грубоватыми сельскими джентльменами. Эти джентльмены, несшие на себе основной груз земельного налога, искренно одобряли налогообложение колоний, поскольку оно снимало часть их тяжкого бремени.

Альтернативой конфликту, о вероятности которого задумывались серьезные люди, было объединение колоний, вступление их в федеративные отношения с Британией и представительство колоний в имперском парламенте. В 1754 году в Олбани состоялся конгресс представителей колоний, на котором, с целью предотвращения угрозы со стороны французов и индейцев, Бенджамин Франклин при участии Томаса Хатчинсона предложил план создания федерации объединенных колоний, однако не нашел поддержки. Во время кризиса, связанного с Законом о гербовом сборе, его идею подхватили люди, занимавшие властные посты в колониях: их беспокоило отчуждение Англии. Бенджамин Франклин, Томас Паунолл, бывший губернатор Массачусетса, а на тот момент член парламента, Томас Краули, купец-квакер, знакомый с Америкой, и губернатор Массачусетса Фрэнсис Бернارد предлагали разные планы по созданию колониального правительства и в ходе дебатов выработали заключение о правах и обязанностях будущей федерации. Позднее, во время кризиса 1775 года, Паунолл пожаловался, что

никто в правительстве не обратил внимания на его мнение, и поэтому он больше ничего предлагать не станет. Фрэнсис Бернард сформулировал подробный план из 97 пунктов и переслал его лорду Галифаксу, и лорд сказал, что его план лучше всех, которые ему приходилось читать, и это оказалось последним, что услышал Бернард.

Бенджамин Франклин просил своих британских корреспондентов признать неизбежность роста и развития Америки и не принимать законов, которые вредили бы ее торговле и производству, потому что естественная экспансия сделает их недействительными, он призвал их работать на Атлантический мир, населенный американцами и англичанами, обладающими равными правами. Он писал, что колонисты обогатят страну-прародительницу и расширят ее империю на весь мир. Эта мечта окрыляла Франклина с момента его плана о федерации, изложенного в Олбани. «Я до сих пор считаю, что если бы он был принят, это было бы счастьем и для Англии, и для Америки. Объединенные таким образом колонии были бы достаточно сильны, чтобы защитить себя; тогда бы не было необходимости присылать войска из Англии, и, конечно, мы бы избежали последующего предлога для обложения Америки налогами и порожденного этим кровавого спора». Франклин заканчивает со вздохом: «Но такие ошибки не новы; история полна заблуждениями государств и монархов».

Отмена налога вышла в Англии на повестку дня почти сразу же после утверждения гербового сбора. Из-за отказа от импортных товаров опустели порты, грузоотправители и портовики, фабричные рабочие потеряли работу, а купцы — деньги. Британия

прислушалась к высказываниям американцев. В следующее полугодие гербовый сбор стал ведущей темой в прессе. Со всей увлеченностью политическими принципами, свойственной XVIII веку, все злободневные темы — права парламента, несправедливое налогообложение, вопросы представительства — обсуждались в печати, в газетных колонках и в сердитых письмах.

Большое впечатление произвел памфлет, опубликованный Соамом Дженинсом, уполномоченным министерства торговли. Он настаивал на том, чтобы право на налогообложение и целесообразность исполнения этого закона были для всех ясны, бесспорны и не нуждались бы в защите, однако против этого закона выдвинуты аргументы, столь же дерзкие, сколь и абсурдные. Фраза «свобода англичанина», презрительно отмечал мистер Дженинс, «стала со временем синонимом богохульства, непристойности, измены, клеветы, крепкого пива и сидра», а американский аргумент — то, что людей без их согласия нельзя облагать налогом, является «искажением правды, ибо я не знаю человека, которого бы облагали налогом с его согласия».

Честерфилд, как и Хорас Уолпол, наблюдал за происходящим со стороны. «Абсурдность» гербового сбора, писал он Ньюкаслу, равняется «бедам, которые принесет закон, потому что исполнить его невозможно». Даже в случае успеха, писал он, налог принесет не более 80 тысяч фунтов в год (по расчетам правительства — не более 60 тысяч). «Я ни за что не стал бы добиваться поступления этой суммы в казначейство, если при этом придется потерять — или даже если существует возможность потерять — миллион фунтов в год национального дохода». Более суровую правду высказал

генерал Томас Гейдж, командующий британскими силами в колониях. В ноябре он сообщил, что сопротивление развернулось во всех колониях. Кампания против закона приняла такой резкий характер, что справиться с ней можно только весьма значительными силами. Английские джентльмены вряд ли мечтают о встрече лицом к лицу с толпами разгневанной черни.

В разгар кризиса, вызванного гербовым сбором, Гренвиль утратил свой пост. Король был раздражен, ему не нравилась привычка Гренвиля читать ему лекции об экономической политике, и он разгневался, когда в 1765 году партия Гренвиля по политическим причинам исключила имя его матери из Акта о регентстве, который составили в связи с болезнью короля.^[11] Георг III отправил Гренвиля в отставку прежде, чем нашел ему достойную замену. В растерянности король обратился к дяде, герцогу Камберленду, который, в отличие от Ганноверов, был способным и весьма уважаемым человеком. Герцог предложил назначить на пост первого министра Питта, однако тот по каким-то сложным причинам категорически отказался от министерского поста. Возможно, Питт не был уверен в том, что справится с конфликтом, к тому же он не был склонен к компромиссам, да и весь предыдущий год Питт был не при делах: физические, а иногда и душевные недуги время от времени мешали его активности.

Историки полагают, что если бы в 1765 году Питт занял предложенный пост, все последующее десятилетие

¹¹ Много было написано о том, не было ли это первым проявлением психической болезни короля. Поскольку нового приступа не случалось до 1788 года, то есть в течение более чем двадцати лет, выходит, что король был психически здоров на протяжении всего американского конфликта.

прошло бы по-другому, но такое предположение зависело от возможности Питта действовать, а он, как доказали последующие события, этого не мог. Бескомпромиссность Питта и завышенные требования ослабили правительство во время конфликта с Америкой. Обладавший невероятной популярностью, репутацией, влиянием, а также несравненной властью над палатой общин, Питт был эпической фигурой; он принес империи победу — но не факт, что он мог ее спасти.

Питт был младшим сыном в семье, которую лорд Честерфилд назвал «очень новой», это закалило его характер и воспитало способности. Его дед, прозванный Алмазным Питтом, характер имел жесткий и тиранический, а семейный капитал нажил на торговле с Индией, он также состоял на службе в Ост-Индской компании и был губернатором Мадраса. Алмаз, о котором зашла речь, был куплен французской короной более чем за два миллиона ливров. В Уилтшире семья приобрела Олд-Сарум; это было так называемое «гнилое местечко» — городок, пришедший в упадок, но сохранивший право представительства в парламенте. Сначала от округа избирался старший брат Уильяма Питта, но он растратил свое состояние, восстановил против себя всех друзей и в «очень плохих обстоятельствах» покинул Англию; время от времени на него находили приступы безумия, и, «хотя в лечебнице он не находился, вел уединенную жизнь». Признаки безумия, по-видимому наследственного, проявлялись и у сестер Питта, одну из них даже пришлось держать под замком, но две другие более или менее справлялись со своим недугом. Уильям Питт стал избираться от округа Олд-Сарум, когда ему исполнилось 27 лет. Всю жизнь Питт страдал от подагры, которая мучила его со времен обучения в частной школе в Итоне.

Подагра редко поражает людей в юности, и то, что она проявилась у него в таком возрасте, свидетельствует о тяжести заболевания. Периодически повторяющиеся припадки делали его раздражительным — обычное явление для подагриков. Для облегчения страданий Питту изготовили специальные стул и экипаж.

Его политическая карьера приобрела скандальную известность, когда, будучи казначеем вооруженных сил, он отказался от получения жалования и прочих связанных с этой должностью вознаграждений. Во время Семилетней войны на посту государственного секретаря он руководил действиями Англии совместно с первым министром герцогом Ньюкаслем, который куда больше отдавался привычной для себя сфере — парламентским делам и оказанию покровительства, — оставив политику Питту. Уильям Питт был убежден, что задача Англии — превосходство на море и страна должна одержать победу в соперничестве с Францией, а для этого необходимо разрушить французскую торговлю и торговые базы. С этой целью он привлекал все денежные и материальные ресурсы и старался внушить всем свою уверенность, о чем однажды сказал: «Я знаю, что могу спасти эту страну, и никто не может сделать этого, кроме меня». Он реорганизовал флот, заменил иностранных наемников английскими моряками, безрезультатные кампании обратил в национальную войну и привел страну к победе. Луисбург, остров Кейп-Бретон, Гваделупа, Тикондерога, Квебек, Минден в Европе, морской триумф в Бискайском заливе — вот такая череда успехов. Хорас Уолпол писал: «Каждое утро приходится спрашивать, какие новые победы мы одержали, чтобы, упаси Боже, не пропустить хоть одну из них». Захваченные французские флаги свисали с собора Святого Павла, а внизу ревела

толпа. За деньги на флот проголосовали без дискуссий. Возвышаясь над коллегами по палате, «Великий общинник» Питт был идиолом народа, людям нравилось, что у него нет титула, они чувствовали, что он представляет их интересы. Это чувство распространилось и на Новую Англию, где Питт тоже был идиолом, если верить Эзре Стайлсу. Форт Дюкен, отобранный у французов в 1758 году, был переименован в форт Питта, а деревня — в Питтсбург.

Но когда он захотел перенести войну в Испанию, еще одного соперника на море, авторитет Питта упал: народ не хотел платить повышенные налоги и возражал против намерения нового короля убрать вигов и взять патронаж в свои руки. Когда в 1761 году Питт подал в отставку, его экипаж, выехавший из дворца, приветствовали радостными криками, дамы махали из окон платочками, люди пожимали руки лакеям и даже целовали лошадей.

После отставки Питт вел себя слишком гордо и независимо и не хотел торговаться за место в парламенте. Он выламывался из системы — не принадлежал ни к одной группировке. Уходя в 1761 году в отставку, Питт сказал палате общин, что не останется, поскольку его советы не были приняты. «Как человек ответственный, я не стану отвечать за то, чем не управляю». Один член парламента решил, что это — «самое дерзкое заявление, когда-либо сделанное министром», однако оно было в духе Питта. Он был человек редкого типа, неспособный работать с другими. «Я говорю не из уважения к партиям, я стою на этом месте одиноко и независимо, — сказал он по другому поводу. — Я не выношу и намека на командный тон». В том, что он говорил, была нотка мегаломании. Возможно,

Питт страдал от того, что в наше время назвали бы манией величия и маниакальной депрессией, но в его время таких терминов не существовало, и это не считали душевной болезнью.

Высокий, бледный, с худым лицом, орлиным носом и пронзительным взглядом, с распухшими от подагры щиколотками, что вызывало у него хромоту, Питт тем не менее был величав, горд и импозантен. Одевался он всегда безупречно, носил парик, а манеры его были «дикими и ужасными, как у Катона». Питт всегда играл на публику, возможно скрывая тем самым вулкан в душе. Его взгляд — презрительный или возмущенный — приводил оппонента в трепет, его обличения и сарказм были «ужасны», в этом он походил на Юлия II. Красноречие Питта в те времена, когда от этого зависел успех в политике, буквально лишало противников дара речи, хотя вряд ли они понимали причину этого. Страстные, пламенные, оригинальные, смелые речи завоевывали поддержку независимых членов парламента. Театральный и даже высокопарный язык, актерские жесты, игра интонаций, «блестящие и потрясающие фразы». Самые успешные свои речи он произносил экспромтом, хотя особенно удачные выражения, по словам Шелберна, записывал и трижды репетировал, прежде чем пускать в оборот. Слова, которые он произносил шепотом, были слышны в конце зала, а когда Питт, словно орган, включал голос на полный регистр, звук наполнял всю палату, и его было слышно в коридорах и у нижних ступеней лестницы. Все замолкали, когда Питт начинал говорить.

Потерпев неудачу с Питтом, герцог Камберленд сформировал смешанное правительство, и три главных министерских поста в кабинете заняли люди, не имевшие

опыта работы в правительстве, из числа личных знакомых по скачкам и армии. Первым министром стал молодой вельможа маркиз Рокингем, один из самых богатых английских аристократов с поместьями в трех графствах, с большими землями в Ирландии и Йоркшире. Он был лордом-наместником в своем графстве, пэром Ирландии, рыцарем Подвязки и королевским постельничим. В 35 лет он стал «новым вигом» младшего поколения, неопытным и неумелым. Государственными секретарями назначили генерала Конвея, бывшего адъютанта герцога, и третьего герцога Графтона Огастеса Генри Фицроя, которого Камберленд, как и Рокингема, знал по Жокейскому клубу. Довольно вялый тридцатилетний Графтон не слишком рвался делать себе имя в истории, интересовали его скачки, а не работа в правительстве, но из благородных побуждений он готов был послужить стране, насколько это было в его силах. В ходе анонимного голосования в 1768 году титул позволил ему стать канцлером Кембриджского университета. Поэт Томас Грей, автор «Элегии на сельском кладбище», для которого Графтон приготовил место профессора истории, сочинил оду и к ней, по просьбе герцога, написали музыку. В правительстве Графтон был не слишком счастлив, свои обязанности представлял неясно и не раз хотел подать в отставку.

Лордом-канцлером в правительстве был друг короля — подагрический, нечестивый, хвастливый лорд Нортингтон. Несмотря на склонность к пьянству, в последние девять лет он занимал различные государственные посты. Признаваясь в том, что причиной его заболевания стало пристрастие к портеру, он говорил: «Если б знал, что эти ноги когда-нибудь будут носить лорда-канцлера, то в молодости я бы о них

больше позаботился». Секретарем по военным делам назначили виконта Баррингтона, один брат которого был адмиралом, а другой епископом. Виконт поставил себе за правило не отказываться ни от одной должности, поскольку теоретически «судьба может, в конце концов, сделать меня папой». Он оставался в военном ведомстве тринадцать лет, что было одним из самых долгих сроков нахождения на министерской должности в то время. Принимая этот пост, Баррингтон поставил условие, что ему будет разрешено голосовать против гербового сбора и против общего ордера, в котором не указывалось имя преступника.

Разобщенное и слабое, новое правительство угодило в кризис, вызванный Законом о гербовом сборе. Через четыре месяца Камберленд скончался, и Рокингом остался незащищенным и без руководства. Он безуспешно пытался пригласить Питта, а когда спрашивал его, что ему делать с отменой налогов, Питт отказывался от разговоров. В 1765 году, страдая от болезни, он оставался не у дел.

Отказ американцев от привозных товаров тяжело бил по английской экономике, разорял купцов и фабрикантов. В прессе появлялись тревожные статьи, во многих случаях инспирированные торговцами и владельцами мануфактур, которые организовали настоящую кампанию за отмену налогов. Фабрики закрывались, и армия безработных готовилась пойти маршем на Лондон и угрозой насилия добиться выполнения своих требований у палаты общин. Лондонские купцы сформировали комитет и призвали своих коллег из тридцати промышленных и портовых городов обратиться с петицией в парламент. Правительство разрывалось между защитниками и

противниками гербового сбора. Рокингем, Графтон, Конвей и старый герцог Ньюкасл высказывались за отмену закона и выступали против тех, кто считал, что эта отмена подорвет авторитет Британии и даст колониям стимул к отделению и к независимости. Выступая против фракции Рокингема, лорд Нортингтон заявил, что не станет больше ходить на заседания кабинета, но в отставку не подаст, а будет делать все для роспуска правительства.

Не желая навязывать собственное мнение, Рокингем действовал через своего секретаря Эдмунда Берка. Стараясь убедить министров, Берк сказал, что, судя по резкой реакции американцев, попытка навязать закон нецелесообразна, ибо в этом случае Англия потеряет колониальную торговлю, и если закон отменить, это всем пойдет на пользу. Примирительная процедура, пояснил Берк, поможет соблюсти два принципа вигов — свободу человека и независимость парламента.

Поскольку парламентское большинство было полно решимости преподать колониям урок суверенитета и снизить бремя собственного земельного налога, то надежда на то, что парламент проголосует за отмену налогообложения колоний, была слабой. Гренвиль говорил об «ужасных волнениях и бунтах» в Северной Америке, а лорд Нортингтон заявил, что отмена закона будет означать, что Британия сдалась Америке и сделалась провинцией собственных колоний. Старания услышать мнение Питта во время рождественских каникул не увенчались успехом, и, когда 14 января 1766 года парламент возобновил заседания, Рокингем не знал, как быть с ослабевшим от разногласий правительством.

Явился Питт, и зал примолк. Питт сказал, что палате необходимо решить задачу «величайшей важности», поскольку на кону стоит их собственная свобода, назревает революция, и о славе королевства и мудрости правительства потомство будет судить по тем действиям, которые теперь будут приняты. «Обложение налогами не является частью исполнительной или законодательной власти. Налоги являются добровольным даром исключительно общин». Идея «виртуального представительства Америки в этой палате — самая презренная, что когда-либо приходила в голову человека, и не заслуживает серьезного опровержения». Ссылаясь на Гренвиля, осуждавшего англичан за поощрение сопротивлению колоний, он сказал: «Я рад, что Америка сопротивляется. Общины Америки обладают правом отдавать и отдаривать свои деньги. Они были бы рабами, если бы не пользовались этим правом». Один член парламента выкрикнул, что оратора следует отправить в Тауэр. Согласно свидетелю, «таких аплодисментов я еще не слышал». Потрясенный этим, но не сломленный, Питт продолжил свою речь, заявив, что гербовый сбор «должен быть полностью и немедленно отменен». «Пусть суверенная власть этой страны над колониями утверждается такими сильными мерами, какими удастся, и пусть всегда соответствует каждому пункту законодательства. Так мы всегда сможем контролировать их торговлю, ограничивать их промышленность, осуществлять всякую власть, кроме изъятия денег из их кармана без их согласия».

В этом проявилась спутанность сознания. Разве контроль над торговлей с помощью таможенных пошлин не был еще одним способом вынуть деньги из их карманов без их согласия? Если парламент обладает

высшей законодательной властью, то разве налогообложение не часть суверенной власти? Гренвиль отметил эти моменты, отказавшись увидеть различия между внешним и внутренним налогообложением. Питт был твердым сторонником меркантилизма, и его ответ был недвусмыслен: «Давайте навсегда усвоим: налогообложение — их дело, коммерческое регулирование — наше». Его разъяснение не убедило членов парламента. «Может, вы видите разницу, — написал другу лорд Джордж Джермейн, — лично я не вижу, но поверьте: прозвучало это прекрасно».

Для Рокингема этого было достаточно, он услышал сигнал. Декларация о парламентском суверенитете, которая, как надеялись, удовлетворит требования большинства, была немедленно составлена и представлена вместе с биллем об отмене закона о налогообложении. Парламент получил угрюмое согласие короля, поскольку его заверили, что насильственное внедрение закона потребовало бы дополнительных армейских отрядов, а на это трудно было найти средства. Палата продолжила дебаты. В палате лордов лидер фракции Гренвиля герцог Бедфорд настаивал на том, что «отмена Закона о гербовом сборе, если таковая случится, будет означать начало конца Британской империи в Америке». Рокингем, однако, нашел союзников и, чтобы отвлечь внимание от противоречивых «прав» и перевести разговор на экономические последствия, поощрил кампанию купцов. Провинциальные мэры и солидные граждане из 35 городов каждый день приезжали с петициями с требованием отмены налогообложения колоний. Были представлены письма американских торговцев английским грузоотправителям с отказом от поставок. В Лондоне собралось более сотни

купцов, и их представители своим присутствием на галерее для публики оказывали молчаливое давление на палату. Двадцать всадников дожидались момента, когда можно будет, помчавшись галопом, сообщить о результате голосования.

Сорок человек, включая представителей колоний, купцов и заезжих американцев, вызваны были свидетельствовать об отказе от импорта, среди них — Бенджамин Франклин. На знаменитом февральском заседании 1766 года, отвечая на вопросы палаты общин, он твердо ответил, что американцы не будут платить гербовый сбор, даже если их станут принуждать к этому силой оружия. И армия тут не поможет, ибо она «не заставит человека клеить марки, если он намерен обойтись без них. Армия не найдет здесь мятежа, но, несомненно, может его вызвать». Это будет стоить эпитафии Британии, хотя подавляющее большинство сограждан, как отметил английский историк, «не помышляло о разрыве с матерью-родиной».

Дилемма была реальной. Оставление закона в силе, как утверждали свидетели, вызывало дальнейшее недовольство и даже враждебность колоний, а отмена закона стала бы признанием потери авторитета парламента. Спустя два года Хорас Уолпол добавил в своих мемуарах еще одно тревожное предположение: насильственные действия, способствовавшие восстанию, могли побудить колонистов обратиться за помощью к Франции и Испании. С другой стороны, отмена закона создавала прецедент, грозивший фатальными сложностями.

Деклараторный закон, утверждавший, что «Парламент Великобритании имел и имеет право на

полную власть издавать законы и статуты достаточной юридической силы, распространяющейся во всех случаях на колонии и население Америки», получил единогласное одобрение в палате общин. В палате лордов против закона высказались пять человек, причем в число этой пятерки вошел лорд Корнуоллис. Еще одним противником принятого решения выступил лорд Кэмден (бывший главный судья Пратт) — единственный министр, высказавшийся против Деклараторного закона. Он говорил, что без представительства в парламенте налогообложение незаконно. «Некоторые вещи делать нельзя», — заявил он. Тот факт, что закон не упоминал налогообложение — главную тему диспута, — вызвал вопрос у генерального атторнея Чарльза Йорка. Он потребовал вставить в закон слова «в случаях налогообложения», но ему возразили, заметив, что слова «во всех случаях» имеют более широкий охват. Таким образом, закон был одобрен большинством. Тем не менее Деклараторный закон оказался неосмотрительным шагом, поскольку запирали парламент в заранее установленные, не допускавшие компромисса рамки. В следующее десятилетие, когда партия Рокингема пыталась избежать войны, закон помешал многим, кто за него голосовал. В данный момент цель была достигнута, и закон приняли при 167 воздержавшихся. Палата лордов все же сопротивлялась и дала свое согласие, только когда король одобрил отказ от налогообложения.

Дело было сделано. Генерал Конвей просиял лицом, словно ангел, заметил Берк. Гонцы с радостной новостью умчались вдаль. В Бристолле звонили колокола, капитаны подняли флаги на мачтах, загрохотали салюты, в портах грянули «ура», а когда новость достигла Америки, радость удвоилась. Джон Хэнкок, купец и

грузоотправитель, устроил пир с мадерой и фейерверком, по улицам маршировало ополчение с барабанами и дудками, в таверны набился народ, повсюду закатывали балы, в адрес короля и парламента посылали благодарности, в Новой Англии отслужили пятьсот молебнов. Заказы на английские товары были восстановлены, а колючие домотканые одежды роздали бедным. Восемь месяцев спустя Джон Адамс писал, что люди сейчас спокойны и покорны правительству, как любой народ под солнцем; отмена налога «успокоила народные волнения». Деклараторный акт не произвел впечатления по той причине, что в нем не содержалось ссылок на налоги. Возможно, американцы тоже предположили, что дело было в уязвленной гордости.

Как мы оценим Закон о гербовом сборе и его отмену? Хотя информация о нем и произвела волнения, политику государства еще нельзя назвать классическим безумством, то есть оно не настаивало на действиях, ведущих к обратным результатам. Получать доход с колоний — естественное желание, также естественно и пытаться его получить. В отмене закона тоже нет сумасшествия, потому что не было и альтернативы. Насилие было невозможно, а отмена закона неминуема. Американцы не могли не заметить, что парламент крайне опасается беспорядков или бойкота. И все же на тот момент большинство и не помышляло о революции или отделении, и если б не британская провокация, дело, возможно, никогда не дошло бы до Лексингтона.

3. БЕЗУМИЕ ПОД ПОЛНЫМИ ПАРУСАМИ: 1766–1772 гг.

После ошибки, потребовавшей исправления, британские политики могли бы призадуматься над взаимоотношениями с колониями и спросить себя, каким курсом им следовать, чтобы наладить доброжелательные отношения и в то же время закрепить верховную власть. Многие англичане, не входившие в правительство, обдумывали эту проблему, а Питт и Шелберн, которым суждено было вскоре прийти к власти, намеревались покончить с подозрениями и восстановить спокойствие в колониях. Судьба, как мы увидим, решила по-своему.

Политику не пересмотрели, потому что в правящей группе не принято было советоваться, к тому же она действовала с оглядкой на короля, и члены ее были не в лучших отношениях друг с другом. Им не приходило в голову, что разумнее было бы избежать провокационных мер и заслужить тем самым уважение у колоний. Реакция колонистов на Закон о гербовом сборе только укрепила британцев во мнении, что колонии, ведомые «людьми порочными и строящими козни» (так указано в резолюции палаты лордов), склонны к восстанию. Перед лицом угрозы, или тем, что воспринимается как угроза, правительства обычно стараются ее уничтожить, но редко исследуют или пытаются понять и определить.

Новым вызовом стал в 1766 году ежегодный Закон о постое, в котором говорилось о размещении, продовольственном снабжении и дисциплине британских войск. В законе содержался пункт, согласно которому колониальным властям предписывалось обеспечить солдат казармами, а также свечами, топливом, уксусом,

пивом и солью. Парламент не подумал, что такая мера будет расценена как еще одна форма внутреннего налога. В Нью-Йорке, где в основном квартировали британские солдаты, именно так закон и восприняли. Под диктат парламента от колонистов потребовали оплатить расходы армии. Ассамблея Нью-Йорка отказалась удовлетворить требования парламента, чем вызвала гнев Британии, увидевшей в этом новое свидетельство непослушания и неблагодарности. «Если мы потеряем власть над колониями, нашей нации придет конец», — заявил Чарльз Тауншенд под гром аплодисментов палаты. Парламент ответил новыми законами, объявив решение ассамблеи Нью-Йорка недействительным и потребовав выделения фондов. Метрополия и колонии снова поссорились.

В это время произошли новые политические передряги: король нашел повод для ссоры с Рокингемом, чтобы «распустить правительство». В результате очень сложных переговоров был сформирован новый кабинет министров, во главу которого поставили Питта, а обиженный Рокингем вместе с бывшими министрами ушел в оппозицию. В новом правительстве несогласных было больше, чем прежде, потому что Питт, намеревавшийся жестко торговаться за свои условия и беспрекословно командовать, намеренно собрал разношерстную компанию, в которой не образовывались бы группировки. Обошлось это дорого, поскольку прежним министрам пришлось выдать значительные отступные, чтобы они дали дорогу новым членам правительства.

Шелберна назначили государственным секретарем, ответственным за колонии. Графтон и Конвей остались в правительстве, лорд Кэмден — еще один человек из

окружения Питта — получил должность лорда-канцлера. Лордом-председателем Совета был назначен доверенный человек короля лорд Нортингтон; нашлось место и для брата лорда Бьюта, непредсказуемый Чарльз Тауншенд стал канцлером казначейства, а граф Хиллсборо, в отличие от Шелберна, недружелюбно настроенный по отношению к колониям, сделался министром торговли. Хиллсборо, по словам Бенджамина Франклина, был смесью из «самоуверенности, упрямства и страсти». Разобщение между этими людьми, более очевидное тогда, чем ныне, вызвало у Берка саркастическое замечание о «пестрой мозаике... здесь черный камень, там белый...». Раздраженный Берк был, конечно же, сторонником Рокингема.

Дорогу безумству открыта не мозаика, а крушение Питта. Катастрофическое падение его популярности обусловило то, что он принял пэрство, покинул палату общин и как граф Чатем занял место в палате лордов. В этом решении свою роль сыграли ухудшившееся здоровье и желание уклониться от свалившейся на него обязанности, как первого министра, вести за собой палату общин. Публика же отреагировала так, как если бы Иисус Христос присоединился в храме к менялам. Празднования по случаю возвращения героя в правительство были отменены, флаги с ратуши сняли, вместо этого появились памфлеты и пасквилы. «Великий общинник», как считали, продался двору за титул и предал людей, считавших его своим представителем.

В палате лордов, в малочисленной и менее отзывчивой аудитории, новый пэр уже не пользовался прежним успехом, и он потерял своих слушателей. Подагра усилила свои атаки, Питт сделался капризным и мрачным, а к коллегам относился грубо и тиранически.

«Такого языка, как у лорда Чатема, — сказал генерал Конвей, — к западу от Константинополя еще не слышали». Хроническая боль, народное осуждение, потеря прежнего величия, усугубленная негативным поворотом событий в Америке, повергли Питта в депрессию. Он не посещал заседаний кабинета, никого к себе не пускал, однако письменно выплескивал свой гнев в связи с настроениями, охватившими жителей Нью-Йорка. «Их непокорность вызовет большие последствия. Гербовый сбор до такой степени напугал этих раздражительных и обидчивых людей, что они посходили с ума».

Без своего предводителя правительство вконец расстроилось. «Постоянные интриги, раздоры, — свидетельствовал Бенджамин Франклин, — приводят к хаосу». Герцог Графтон, который был вынужден, чтобы освободить Питта от административных постов, принять должность первого лорда казначейства и который отдавал себе отчет, что к исполнению этих обязанностей он не готов, должен был теперь в 32 года возглавить правительство. В этой роли Графтон чувствовал себя еще неуверенней, чем прежде, раз в неделю или в полмесяца он ездил в Лондон подписывать бумаги в казначействе и так же редко виделся с королем. Один раз он отложил заседание кабинета ради скачек в Ньюмаркете, а в другой — ради большой вечеринки в своем имении. Правительственный корабль остался без рулевого. Лорд Шелберн, начавший работу с представителями колоний с целью восстановить их доброе расположение, разошелся со своими коллегами. Лорд Кэмден, дилетант в политике, тоже не нашел сторонников. Не было никого, способного обуздать блестящего и самого безответственного члена кабинета Чарльза Тауншенда.

«Восторг и украшение палаты общин, очарование любого общества», — так высказался о нем Берк. Тауншенд мог произнести захватывающую речь, даже когда был нетрезв, его ум и способности могли сделать его, по словам Хораса Уолпола, «величайшим человеком своего времени», если бы только недостатки его были умеренными. Но таковыми они не были. Он был высокомерен, дерзок, беспринципен и ненадежен и, если требовалось, мог развернуться на 180 градусов. «Где Чарльз Тауншенд принесет меньше вреда — в военном ведомстве или в казначействе?» — спросил однажды герцог Ньюкасл, обдумывая, куда бы определить Тауншенда.

Поскольку таланты его были востребованы, Тауншенд занимал различные должности в министерстве торговли, в адмиралтействе и в военном ведомстве. Работа его на этих постах перемежалась с отставками и с отказами от службы. «Он ни к чему не относился с должным вниманием, — писал Уолпол, — казалось, он не ищет знание, а сам его создает»; у Тауншенда был такой стремительный ум, «что мыслительный процесс казался ему потерей времени». Блеск талантов скрывал убогость содержания, о чем Дэвид Юм, например, высказался в одной фразе: «Он слывет самым умным человеком в Англии».

Пороком Тауншенда была «неумеренная страсть к славе», которая, должно быть, развилась из-за того, что он был младшим сыном, а может, из-за того, что родители скандалили друг с другом и жили порознь. Беспутный и эксцентричный отец, третий виконт Тауншенд, по словам Уолпола, сказанным другу, «был не последним сумасшедшим в вашей стране». Сын тоже оказался подвержен припадкам. Сейчас полагают, что

это была эпилепсия, хотя Уолпол описал их довольно осторожно: «Он падает на пол, потом воскресает и произносит потрясающую речь...» Подражая Питту, но не обладая его целенаправленностью, Тауншенд был намерен «не иметь никаких партий, не следовать ни одному лидеру, а руководствоваться только своим суждением». Способность к здравым рассуждениям, к несчастью, не была его сильной стороной.

В министерстве торговли Тауншенда назвали самым осведомленным человеком в делах Америки. В 1763 году он первым предложил поднять налоги, чтобы заплатить за оборону колоний, и установить фиксированные оклады колониальным чиновникам и судьям, дабы вывести их из-под влияния любых ассамблей. Это стало пугалом для колоний и безошибочным шагом на пути поправа их прав.

Тауншенд беспечно, почти не планируя, оживил обе идеи. В январе 1767 года он представил бюджет, предусматривавший продолжение взимания земельного налога в 4 шиллинга, что возбудило недовольный ропот среди значительного числа членов парламента. Желая быть популярным, Тауншенд сказал, что налог снизится до трех шиллингов, если правительству не понадобится истратить свыше 400 тысяч фунтов стерлингов на управление колониями. Судьба гербового сбора не произвела на Гренвиля никакого впечатления, и он тотчас предложил колониям оплачивать большую часть стоимости собственной обороны и управления. К изумлению коллег, Тауншенд предложил найти в Америке доход, достаточный «для целей, которые нам потребны». Он заверил палату, что сделает это без обиды для американцев, имея в виду внешние налоги, но в то же время сказал, что разница между внешними и

внутренними налогами «смешна для всех, кроме американцев». К этому моменту американцы и сами отвергли эти различия на Конгрессе гербового сбора и в публичных дискуссиях, но мнение американцев Тауншенду было неинтересно.

Обрадовавшись облегчению собственных налогов, палата приняла предложение Тауншенда еще и потому, что во время слушаний о гербовом сборе на нее произвело впечатление до удивления спокойное высказывание Бенджамина Франклина о том, что колонии не станут возражать против внешних налогов. Подталкиваемые справа^[12] Рокингемами и Бедфордами, члены палаты вынесли решение снизить земельный налог с четырех шиллингов с фунта стерлингов до трех, лишая, таким образом, правительство примерно 500 тысяч фунтов в год и не оставляя выбора канцлеру казначейства.

Не проконсультировавшись с коллегами и даже не сказав никому о своих намерениях, Тауншэнд, сугубо с целью увеличения государственных доходов, предложил целый ряд таможенных пошлин на ввоз в Америку стекла, краски, свинца, бумаги и всех сортов чая. Ожидаемый доход, согласно его расчетам, должен был составить 20 000 фунтов стерлингов с чая и чуть меньше 20 000 фунтов со всего остального, то есть 40 000 фунтов стерлингов, что составляло десятую часть всех расходов на управление колониями и менее десятой части потерь от снижения земельного налога. Ради столь жалкого выигрыша, который не только не сократил, а, скорее,

¹² «Справа» — не исторический термин, в те времена он не использовался, но он понятен современному читателю, а так как синонима я не подобрала, то и прибегла к нему здесь с нечистой совестью.

увеличил бы национальный дефицит, потому что собрать эти деньги обошлось бы дороже, Тауншенд готов был разрушить то, что можно было выиграть в результате отмены гербового сбора. С безумцами это часто бывает: личный интерес затмил интерес государства. В отсутствие Чатема Тауншенд увидел возможность сделаться первым министром, повысить свой статус в палате общин и прославиться.

Похоже, его предложение в буквальном смысле слова лишило коллег по кабинету дара речи. Хотя повышение доходов с колоний, как признал Графтон, противоречило принятому правительством решению, и одностороннее распоряжение министра было неслышанным, кабинет подчинился. Тауншенд пригрозил, что уйдет в отставку, если ему не позволят узаконить его предложения, и, полагая, что его отставка обрушит правительство, кабинет кротко согласился. У всех была одна мысль — лишь бы остаться на своих местах.

Парламент рад был преподать американцам еще один урок, несмотря на то, что и с последним не получилось. В мае 1767 года Закон о доходах, вместе с актами о налогах Тауншенда, легко прошел через обе палаты, так что и голоса не пришлось пересчитывать. Словно намеренно пытаясь кого-то спровоцировать, Тауншенд пробудил у американцев фобию. В преамбуле сообщалось, что закон поможет поднять доход, который пойдет на оборону колоний, на содержание судебных органов и на поддержку гражданского листа. Без этого разъяснения его акты, возможно, бури бы не вызвали. Безумство подняло паруса.

Как могло это случиться? Не считаясь ни с чем, Тауншенд старался возвеличить себя, а реальная

ответственность лежала на правительстве и парламенте. В мемуарах Графтон оправдывался, что только Чатем мог уволить Тауншенда своей властью, «иначе ничто не остановило бы этот закон», однако извинение герцога не выдерживает критики. Кабинет, единый и сознающий свою ответственность, мог бы просто принять так страшившую всех отставку, и тогда у него был бы шанс уцелеть. Старейшее в Европе представительное собрание — парламент Англии — мог подумать о возможных последствиях, прежде чем принимать этот закон. Даже сторонники Рокингема промолчали и не остановили вступление закона в силу. «У Америки слишком мало друзей, — писал Чарльз Гарт, представитель от Южной Каролины, — и они не могут противостоять канцлеру казначейства». Гневные статьи в газетах и возмущенные памфлеты требовали, чтобы неблагоприятные колонии признали британское верховенство. Вместо того, чтобы умиротворить американцев, правительство и парламент постарались устроить им нагоняй.

Автор законов не увидел последствий того, что сотворил. Летом он подхватил «лихорадку» и в сентябре 1767 года, после нескольких кажущихся улучшений состояния здоровья, скончался в возрасте 42 лет. «Бедный Чарльз Тауншенд наконец-то угомонился», — прокомментировал его смерть коллега.

На протяжении всех этих событий великий Чатем был недоступен. Обеспокоенный герцог Графтон рвался повидаться с ним — проконсультироваться хотя бы на полчаса, на десять минут, — король тоже писал письмо за письмом, даже предлагал сам навестить больного человека. Ответы приходили от леди Чатем, любимой жены страдальца, благословения его мучительного существования. Она отказывала всем из-за полного

бессилия мужа, из-за ухудшения его состояния, из-за неопишуемой боли. Коллеги думали, что, возможно, он симулирует, но когда Графтон наконец-то после настойчивых просьб на несколько минут был допущен к больному, то он нашел совершенно измотанного человека, «нервы его дошли до ужасной стадии, великий ум ослабел, и мысли его путались».

В момент улучшения изолированный в Пинсенте Чатем приказал садовнику засадить вечнозелеными растениями голый холм, видный из его окна. Он велел привезти из Лондона деревья, и их привезли в повозке. Имение Пинсент досталось Питту от вспыльчивого владельца, родственника лорда Норта. Родственник так взбесился из-за того, что Норт проголосовал за налог на сидр, что сжег чучело лорда, после чего изменил завещание и оставил имение национальному герою. Прежде чем занять Пинсент, Питт продал собственное имение Хэйс, где в свое время истратил огромные суммы на выкуп соседних домов, дабы «освободить себя от соседей». Теперь же Питта неожиданно охватило неодолимое желание вернуться домой, и он не успокоился, пока жена не обратилась к своим влиятельным братьям, с которыми Чатем рассорился. С их помощью она упростила нового владельца продать им имение.

Возвращение в Хэйс не сделало Чатема счастливее — его мучили отчаяние и подагра. Он отказывался видеть кого-либо, не хотел ни с кем общаться, не переносил даже собственных детей, не говорил со слугами, а иногда даже и с женой. Еду нужно было держать постоянно горячей и привозить на тележке в любое время, когда он звонил в колокольчик. Он взрывался по малейшему поводу. Бывало, дни напролет

он невидящим взором смотрел в окно. Никаких посетителей к нему не допускали, а когда лорду Кэмдену рассказали о состоянии больного, он заявил: «Значит, он сошел с ума». Другие говорили, что подагра ударила ему в голову.

Подагра в те времена, когда увлекались обильной и тяжелой пищей и в огромных количествах пили крепленые вина, сыграла свою роль в судьбе нации. При ренессансных папах эта болезнь стала причиной отречения императора Карла V. Известный врач, современник Чатема, доктор Уильям Кадоган утверждал, что болезнь вызвана тремя причинами — «праздностью, неумеренностью и раздражительностью, а активная и умеренная жизнь — лучшая профилактика и способ лечения». (В наше время считают, что ее причина — избыток мочевой кислоты в крови, если эта кислота не впитывается, она вызывает воспаление и боль.) Врачи рекомендовали физические упражнения и вегетарианскую диету, но была и противоположная теория — одно из наименее полезных предписаний медицины XVIII века, — ее предпочитал врач Чатема, доктор Аддингтон. Специалист в области психозов надеялся, что сильный припадок подагры расправится с безумием. Поэтому он прописал больному ежедневно по два бокала белого вина и два бокала портера, что в два раза превышало обычное потребление вина пациентом. Больной должен был есть мясо и избегать упражнений на свежем воздухе. Естественно, болезнь стала прогрессировать. В 1767–1768 годах Чатем не принимал участия в делах правительства. То, что он выжил при таком докторе и восстановил умственные способности, является одной из нечаянных редких побед человека над медициной.

Безумие было нередким явлением у знати XVIII века, возможно, оно было связано с болью, которую причиняла подагра. У двух центральных фигур — Чатема во время американского кризиса и Георга III по окончании кризиса — были замечены симптомы этого безумия, а в Америке — у Джеймса Отиса, у которого в 1768 году очень бурно проявлялись признаки психического нездоровья. Граф Орфорд, племянник Уолпола, от которого ему суждено было унаследовать титул, бывал временами безумен, как и два брата лорда Джорджа Джермейна. Один из них, тот, что являлся наследником графского титула Сэквилл, срубил в Ноуле все деревья, семья объявила его невменяемым, вскоре он умер «во время припадка». Другой, лорд Джон Сэквилл, жертва меланхолии, странствовал по Европе, «борясь с безумием». Герцогиня Куинсберри была «очень умна, очень эксцентрична и едва ли не помешана». Поэт Уильям Каупер, как уже было отмечено, тоже был сумасшедшим, как и менее известный поэт Кристофер Сمارт, которого доктор Джонсон навещал в Бедламе. Лорда Джорджа Гордона, предводителя бунтов 1780 года, все считали помешанным. Такие случаи, отмеченные в мемуарах, не дают широкого охвата, но можно предположить, что они не были исключением. На основании этих свидетельств нельзя сказать что-то важное о сумасшествии в правящем классе, хотя если бы Чатем был здоров, история Америки могла сложиться по-другому.

В Америке с запозданием отреагировали на пошлины Тауншенда. Многие горожане, обеспокоенные действиями толпы, покушавшейся на жизнь и собственность граждан во время кризиса, вызванного Законом о гербовом сборе, стали опасаться

«патриотического» движения как авангарда «уравнителей», а о разрыве с Британией они не беспокоились. Ассамблея Нью-Йорка согласилась с Законом о постое. Напряжение, однако, нарастало, и вызвано оно было действиями работников новой таможенной службы, созданной одновременно с введением пошлин Тауншенда. Тогда же были узаконены общие ордера, дававшие право на обыск. Желая сколотить состояние на штрафах, таможенники с доводящим до бешенства рвением останавливали суда в каждом порту и на каждой реке, вплоть до лодочки фермера, перевозящего на другой берег цыплят.

Страсти накалялись, Америка вдруг обрела голос, заставивший всех к себе прислушаться. В декабре 1767 года в пенсильванской «Кроникл» стали появляться «Письма фермера», написанные Джоном Дикинсоном, юристом из Филадельфии, выходцем из состоятельной фермерской семьи и будущим делегатом Континентального конгресса. Письма так верно и убедительно излагали положение дел в колониях, что вошли в историческую компанию сочинений, призывавших людей к активным действиям. В других колониях газеты перепечатывали письма, а губернатор Массачусетса Бернард послал в Лондон представителю колонии Ричарду Джексону полный комплект «Писем» и предупредил, что если их не опровергнут, то в глазах американцев они могут стать Биллем о правах.

Дикинсон затронул тему, существенно важную для объединения колоний, протестующих против Закона о пошлинах и против приостановки британским парламентом деятельности ассамблеи Нью-Йорка, что, по мнению Дикинсона, было «ужасным ударом». Дикинсон утверждал, что любой налог, взимаемый с целью дохода,

неконституционен, а потому между пошлинами Тауншенда и гербовым сбором разницы нет. Колонии не должны вносить никаких платежей, поскольку Британия уже получает доход от торговли. Налоги на содержание суда и на поддержку гражданского листа — «худший удар», они совершенно разрушают местное управление и низводят колонии до статуса бедной Ирландии. Дикинсон предположил, что причина взимания с колоний столь мелких налогов состоит в том, что Америка — как на то надеется Британия — их не заметит, а тем временем будет создан прецедент для будущего налогообложения. Поэтому колонии должны отреагировать без промедления.

Читатели тотчас отреагировали, хотя Дикинсон приписал Тауншенду более рациональный мотив. Американцы видели план порабощения колоний в каждом британском законе.

Воззвание Сэма Адамса к толпе и «Письма фермера» воспламенили готовность американцев к сопротивлению закону. Ассамблея Массачусетса распространила среди других колоний письмо, в котором призвала колонистов сопротивляться любому налогу. От лица Британии высказался лорд Хиллсборо, судьба которого подтвердила, что со смертью Тауншенда несчастья не кончатся. Под нажимом короля и Бедфордов герцог Графтон вынужден был сместить Шелберна и, разделив его обязанности, создал новый министерский пост секретаря по делам колоний, на который и заступил Хиллсборо. Поскольку Хиллсборо был ирландским пэром с большим именем, то он противостоял любому смягчению политики по отношению к колониям из страха, что его арендаторы переселятся в Америку и он потеряет доход. Эти же опасения разделяли другие

ирландские землевладельцы. Хотя Хиллсборо занимал множество постов, тактом и здравомыслием он не славился; даже Георг III, у которого были такие же недостатки, сказал, что не знает «человека с меньшим здравомыслием, чем лорд Хиллсборо». Этот дефект скоро дал о себе знать.

Новый секретарь направил ассамблее Массачусетса безапелляционное послание, в котором приказал ей не распространять свое воззвание, а в случае отказа пригрозил распустить ассамблею; он также проинформировал других губернаторов, что если любая другая ассамблея последует бунтарскому примеру Массачусетса, она тоже будет распущена. Угрожающий тон его письма и утверждение, что американцы будут вынуждены согласиться на налоги, так как в противном случае их ассамблеи закроются, вызвали небывалый взрыв. Когда Массачусетс громогласно отказался подчиниться, Пенсильвания и колонии, поначалу не откликнувшись на ее призыв, теперь подхватили решение Массачусетса и ответили отказом на вызов Хиллсборо. Личный интерес в сохранении империи вышел лорду не впрок.

В это же время таможенная служба занервничала и в феврале 1768 года обратилась к правительству с просьбой, чтобы на ее защиту прислали военный корабль и войска. Появление королевского линкора «Ромни» в гавани Бостона воодушевило таможенников, и они наложили арест на шлюп «Либерти», принадлежавший бостонскому торговцу Джону Хэнкоку, однако вызвали тем самым такой бунт, что в страхе за свою жизнь таможенники сбежали на борт «Ромни». Опасаясь беспорядков, генерал Гейдж приказал прислать из Галифакса два полка; еще два прибыли из Британии в

ноябре. «У нас появилась регулярная армия! Боже! — написал один житель Бостона, увидев, как по улицам его города шагают солдаты в красных мундирах. — Что может быть хуже для народа, попробовавшего радость свободы?! Теперь самый слабый из нас потребует независимости».

Без какого-либо плана или согласованного решения в качестве силы принуждения в конфликт оказались вовлечены войска. Неразумность этого шага беспокоила многих англичан, в том числе и герцога Ньюкасла, которому уже исполнилось 75 лет. В свои более молодые годы он четверть века занимался делами колоний, будучи государственным секретарем, и полагал, что в отношениях с ними следует избегать «силовых мер». «Все более популярным становится стремление преодолеть противодействие колоний силой оружия и принудить их подчиниться, — писал он Рокингему. — Бесспорно, я должен выразить свой протест против этого и надеюсь, наши друзья как следует поразмыслят, прежде чем согласятся на столь разрушительный шаг».

Однако в кабинете, постепенно подпадавшем под влияние сторонников Бедфорда и друзей короля, чаша весов склонялась в пользу совершенно иных мер. Конвей, который в одиночку пытался сдерживать Тауншенда и выступал за отмену акта о роспуске ассамблеи Нью-Йорка, подал в отставку с поста государственного секретаря, хотя и сохранил за собой незначительную должность в правительстве. На его место был назначен не обладающий никаким политическим весом, не считая «связей» с Бедфордом, виконт Уэймут. Любитель портвейна, он готов был играть в карты ночь напролет, причем постоянно проигрывал, так что бейлифы у него в доме были обычной картиной. Став государственным

секретарем, он не отказался от прежних привычек, спать ложился в шесть утра, а вставал после полудня, «совершенно пренебрегая делами своего ведомства, которыми, по мере сил и возможностей, приходилось заниматься его заместителю, мистеру Вуду». Опустевший после смерти Тауншенда пост канцлера казначейства достался лорду Норту — человеку уравновешенному и спокойному, обладающему, помимо изрядной доли здравого смысла определенными убеждениями, хотя он и принадлежал к стороне, не готовой идти на компромисс. На двух других должностях оказались пэры из фракции Бедфорда: граф Гауэр — после смерти лорда Нортингтона — и граф Рочфорд. Последний в недавнем прошлом был послом в Испании, причем перед отъездом из Мадрида ему пришлось заложить свои драгоценности и серебряную посуду, чтобы расплатиться с долгами в 6000 фунтов стерлингов. Теперь он стал государственным секретарем — после того как Шелберн, единственный министр, выступивший против силовых мер принуждения Хиллсборо и пробывший на своей должности восемь месяцев, ушел — вернее, был отправлен — в отставку. На тот момент Чатем находился на пути к выздоровлению, но, узнав об уходе Шелберна, он отправил в правительство Малую государственную печать, тем самым официально объявляя о своей отставке.

То, что некогда было правительством Чатема, стало теперь принадлежать группе «Блумсбери», названной так по резиденции герцога Бедфорда на Блумсбери-сквер. Он обладал громадным богатством, занимал при предыдущем монархе множество постов, а помимо власти, положения и титулов в Бедфордшире герцог пользовался влиянием и в высших кругах. Говорят, он

был единственным человеком, который открыто выступал против Питта в те его великие дни. Он был лордом-председателем Тайного совета и реальной главой правительства Гренвиля, о котором все говорили как о кабинете Бедфорда, но сейчас, страдая от подагры, он осуществлял свое влияние через приверженцев, а сам проводил большую часть времени в своей загородной резиденции — Уоберн-Эбби. Вместе с шурином графом Гауэром и с пасынком, четвертым герцогом Мальборо, он контролировал тринадцать мест в палате общин. Умный и добрый Бедфорд был вспыльчив и упрям. В его окружении были мастера интриг, умевшие проводить предвыборные кампании, и самые твердолобые поборники насильственного принуждения колоний к подчинению Британии. Они не уставали говорить королю, что для подавления американского бунта достаточно шести фрегатов и одной бригады.

В отношении колоний у короля Георга III была только одна идея: «долгом его американских подданных является подчинение законодательству Великобритании», и король «ожидает и требует радостного подчинения». На правительство его влияние было губительнее, потому что он был убежден в своем долге — очистить правительство по образцу кумира своих школьных лет, Альфреда Великого. Через приспешников Бедфорда Георг III вмешивался в дела правительства больше, чем прежде, по своему желанию назначал и отставлял министров, контролировал патронаж, не принимал во внимание курс кабинета в целом, но имел дело с отдельными министрами и их ведомствами, даже предписывал, кому из них следует принять участие в дебатах в палате общин. При назначениях на посты его выбор чаще всего склонялся в

пользу знатных придворных, тех, кто был ему приятен, или тех, кто талантами или образованностью не превосходили его самого.

Возмущение американцев по поводу каждого налога и каждого шага правительства доказывали сторонникам Бедфорда, что колонисты намерены разрушить систему меркантилизма и добиться свободной торговли. В ответ на любой законодательный акт парламента они станут поднимать крик: «Тирания!». Если правительство пойдет у них на поводу, от верховенства Британии и следа не останется.

Что касается торговли, то их предчувствия были небезосновательны. Американцам и в самом деле хотелось сбросить торговое ярмо, что доказал успех политики «нет импорту». Спровоцировав колонистов на изготовление тканей и других товаров, Британия зародила у них потребность в коммерческой независимости, то есть в том, что та больше всего хотела предотвратить. Даже Питт твердо верил в то, что суть политики состоит в регулировании колониальной торговли. «Ни одного гвоздя для подковы», — провозгласил он однажды, имея в виду, что колониям непозволительно промышленное производство.

В августе и сентябре 1768 года торговцы Бостона и Нью-Йорка отказались принимать британский импорт до тех пор, пока не будут отменены акты Тауншенда. Через несколько месяцев к этому соглашению присоединились купцы Филадельфии, в следующем году за ними пошло большинство других колоний. Вооружившись прялками, женщины сформировали группы «Дочери свободы». Выпускники гарвардского колледжа в 1768 году и первый выпускной класс и президент колледжа Род-Айленда

(ныне Браун) в 1769 году явились на праздник в домотканой одежде.

В Британии население с неприязнью отнеслось к правительству. Лондонское графство Миддлсекс переизбрало Уилкса в парламент, а правительственное большинство в палате общин проголосовало за его исключение. Дело Уилкса объединило всех оппонентов королевского исключительного права и оживило движение радикалов за парламентскую реформу. Радикалы требовали заменить систему патронажа настоящими выборами. Все сторонники свободы, включая друзей Америки, выступили против принуждения и объединились, черпая силу друг в друге.

У всех на слуху был лозунг «Уилкс и свобода!», Миддлсекс снова выдвинул этого кандидата, Уилкса избрали и снова отвергли, уже в третий раз. Он сделался конституционным символом и народным героем. Когда правительство выдвинуло собственного кандидата от Миддлсекса и объявило его избранным, вычеркнув голоса, поданные за Уилкса, в Лондоне начались волнения. «В городе каждый день творится беззаконие и беспорядок, — писал Бенджамин Франклин. — Посреди дня толпы патрулируют улицы, а тех, кто не призывает освободить Уилкса, сшибают с ног». Грузчики угля, матросы, лодочники и прочие бунтовщики переворачивали экипажи, врывались в благородные дома, а правительство, разделившееся на фракции, пребывало в пугливом ожидании.

Нелепой отменой голосования в графстве Миддлсекс правительство дало повод для тревожных криков об английских свободах. Наиболее активные представители колоний воспользовались этим и громко

заговорили и об американских свободах. «Люди, которые хотят поработить Америку, могут поработить и нас», — сказал в 1768 году торговец льняными тканями. 236 выборных членов муниципального совета, 26 членов городского управления, в основном лавочники и ремесленники, входящие в суд городского совета Лондона, осудили меры правительства по принуждению колоний.

Во главе защитников колоний стоял сам лорд-мэр, деятельный торговец Уильям Бекфорд. Он, как и большинство тех, кто поддерживал Америку, своего положения достиг благодаря выступлениям в защиту Уилкса. Будучи потомком богатых ямайских сахарных плантаторов, землевладелец Бекфорд увеличил свое состояние на торговле с Англией и сделал карьеру: сначала он стал ольдерменом, потом шерифом, а затем поднялся и до лорд-мэра. От имени лондонцев он обратился к королю с протестом по поводу выборов в Миддлсексе. Уолпол высокомерно отозвался о лорд-мэре, мол, «в голове у него каша, а тщеславие делает абсурд, который он несет, еще подозрительнее», но среди критиков американской политики голос Бекфорда не затерялся. Английские радикалы согласны были с колонистами в том, что министерство задумало подавить их свободы. Ведущий радикал Джозайя Веджвуд считал, что законы Тауншенда являлись сознательным шагом, рассчитанным именно на подавление колоний, но при этом верил, что эти законы приблизят независимость Америки.

В августе 1768 года журнал «Лондон мэгэзин» сравнил творцов и подстрекателей «неполитичных мер, направленных против Америки», с «жалкими министрами» XVII века. «Основываясь на проведенных

нами наблюдениях, мы осмеливаемся утверждать, что девять человек из десяти, даже в нашей стране, сочувствуют американцам и верят, что на их стороне правда». Цифра девять из десяти являлась, конечно же, преувеличением; некоторые журналы оценивали приведенные пропорции в обратную сторону. Американец Ральф Изард, живший в Лондоне, полагал, что Америке противостоят четверо из пяти британцев, а поддержка парламентом правительственных действий верно отражает общественное мнение. Если оппозиция регулярно собирает не более восьмидесяти голосов, «вы можете полагаться на эту цифру, коррупция здесь не такая и большая». По прессе того времени трудно судить об общественном мнении, потому что многие проамериканские статьи были написаны анонимно или под псевдонимами, которые брали себе в Лондоне американцы. Тем не менее английские печатники не отводили бы в газетах столько места статьям и письмам, благоприятно настроенным по отношению к колониям, если бы значительная часть населения не была расположена против правительства.

Следует отметить, что впоследствии политические настроения общества часто переоцениваются. В 1768 году правящий класс интересовали не американцы и даже не Уилкс, а скандал с герцогом Графтоном, «совершенно позабывшим о приличиях». Он явился в оперу со своей любовницей Нэнси Парсонс, не постеснявшись присутствия бывшей жены и королевы. В отличие от большинства мужчин, содержавших любовниц, Графтон, по крайней мере, был разведен, тем не менее разразился скандал. Дочь портного с Бонд-стрит, бывшая любовница торговца из Вест-Индии, Нэнси была также известна как миссис Хафтон. По ходу

дела она обрела статус замужней дамы, но и это не смягчило общественного недоброжелательства. То, что Графтон торжественно ввел ее в общество и усадил во главе своего стола, вызвало особое негодование. Скандал с любовницей Графтона стал сенсацией года. Нэнси заставила забыть о шумных колонистах.

Возмущенные протесты, поступившие в парламент из Виргинии, Пенсильвании и других колоний, показали, что сопротивление Закону о пошлинах распространилось по всей Северной Америке, и безучастные цифры подтвердили этот факт. С 1768 по 1769 год английский экспорт в Америку упал на треть — с 2 400 000 до 1 600 000 фунтов стерлингов. Нью-Йорк сократил свой импорт до 1/7 того, что было в 1764 году, то есть с 482 000 фунтов стерлингов до 74 000 фунтов в 1769 году. Ввоз товаров в Бостон сократился вдвое, в других колониях, где политика отказа от импорта носила спорадический характер, эти потери были меньше. В первый год после введения пошлин Тауншенда таможенные сборы составили 16 000 фунтов, а военные затраты на Америку — 160 000 фунтов стерлингов. Даже секретарь по делам колоний Хиллсборо вынужден был признать, что законы Тауншенда оказались «такими антикоммерческими, что лучше бы их вовсе не было», а новый канцлер казначейства лорд Норт заявил, что законы настолько абсурдны, что он не понимает, как они прошли через британский парламент. Заметим, что оба джентльмена проголосовали за закон, который теперь осуждали.

Вместо того чтобы успокоить колонии, дабы те поскорее покончили с политикой отказа от импорта, правительство инстинктивно прибегло к карательным мерам. Противопоставив себя гражданам, министры решили, что просто обязаны продемонстрировать свою

власть, и тем нагляднее, чем сильнее страшились американского протеста: не дай Бог, английские и ирландские толпы возьмут пример с колоний. Хиллсборо, подобно Ровоаму, верил в то, что с народом нужно вести себя по возможности жестко. Хиллсборо возродил статут автократической эпохи Генриха VIII — о судебном преследовании в Англии лиц, обвиненных в измене, совершенной за пределами королевства, а герцог Бедфорд провел закон через парламент, при этом имелись в виду беспорядки в Массачусетсе. Палата общин согласилась с этим предложением, у правительства не было возражений, и соответствующий приказ тут же передали губернатору Бернарду в Бостон. Реакция, естественно, была бурной. Сograждан забирали из дома и отправляли в суд за три тысячи миль, отрывали от друзей и защитников! Это была тирания в чистом виде!

Англия тем временем расхлебывала последствия американского бойкота. Правительство и парламент, спровоцировавшие бойкот, стали думать, как исправить нанесенный ущерб. Процесс отмены законов Тауншенда занял больше года — с марта 1769 по май 1770 года. Между тем другие меры, принятые ради наведения порядка в колониях, привели к обратному результату.

Правители осознали собственную глупость и детально обсудили ее в дебатах, на что им потребовался год. Ораторы от оппозиции ополчились на правительство в связи с делом Уилкса, заявили, что оно «нарушило священное право на выборы», и осудили правительство за несоблюдение конституции, столь же суровой критике они подвергли его за политику в отношении Америки. Берк не пожалел сарказма, полковник Барре выказал свое презрение; лорд-мэр Бекфорд заметил, что «это

очень странная разновидность политики — истратить 500 000 фунтов стерлингов в год ради того, чтобы помочь таможенникам собрать пошлину в сумме 295 фунтов стерлингов». Героем же дебатов стал не кто иной, как бывший губернатор Томас Паунолл, который семь лет провел в Америке на различных постах в четырех колониях. В долгих дискуссиях он приводил обоснованные, убедительные и неопровержимые аргументы и, похоже, был единственным, кто не имел личной заинтересованности и искренно хотел восстановления хороших отношений с Америкой. Другие критики насмеялись над правительством и выказывали преувеличенное сочувствие угнетаемым колонистам. Барре описал их как «честных, верных, лояльных и безупречных жителей Массачусетса», однако они больше были заинтересованы в том, чтобы свалить правительство, а не примирить его с Америкой. Правительство самодовольно проигнорировало критику, уверенное в том, что на его стороне большинство.

Паунолл отметил все безумства политиков. Вместо того чтобы отправлять в Америку войска и припасы во исполнение Закона о постое, который уже вызвал протест колоний, правительству следовало разрешить колонистам вести свои дела так, как они делали это на протяжении Семилетней войны. Командующий любым военным подразделением должен договариваться с местным магистратом о расквартировании войск по взаимному согласию. В преамбуле к закону, отменяющему акты Тауншенда, нужно изложить цель правительства — полное изменение системы, поскольку Деклараторный акт, закрепивший верховенство парламента, во всех отношениях несправедлив.

Паунолл сказал, что закон Тауншенда «противоречит всем принципам коммерции и отвечает лишь вашим собственным интересам». Этот документ является щедрым подарком для американских производителей, поощряет контрабанду и «с каждым днем делает колонии все менее для нас выгодными и интересными, в конце концов они не будут от нас зависеть. Если упустим возможность и не исправим ошибку, потеряем колонии навсегда. Вы примените власть, но не сможете управлять народом, не желающим идти вам навстречу». Почти неумышленно Паунолл сформулировал принцип, на который должны обратить внимание правители любой эпохи: если не хотите попасть в беду, со вниманием относитесь к чувствам подданных.

Несмотря на то что со словами Паунолла согласились все (а может, именно по этой причине), правительство заявило, что обсуждать чреватое большими последствиями дело уже поздно, они к этому не готовы, а потому лучше перенести этот вопрос на следующее заседание. Оправдание прозвучало неуклюже, потому что на самом деле они хотели как можно скорее положить конец политике отказа от импорта. В перерывах между заседаниями кабинет затронул эту проблему. Графтон и его группа, голосовавшие за полную отмену закона, оказались в меньшинстве против Хиллсборо, Норта и троих сторонников Бедфордов, отстаивавших пошлину на чай ради сохранения права на налогообложение колоний. Была принята резолюция, которая предписывала ни в коей мере не поступаться законодательной властью Британии над колониями, при этом правительство не намеревалось облагать Америку новыми налогами, а на

следующем заседании парламента намечалось «отменить пошлины на бумагу, стекло и краски». Поскольку пошлина на чай была сохранена, закон Тауншенда в целом не был отменен, и колонии продолжили свой бойкот.

«Если вы будете последовательны, — писал Ричарду Джексону раздосадованный Томас Хатчинсон, — то мы придем к какому-нибудь соглашению в колониях. Умоляю, отмените большинство действующих законов, но выполняйте те, что нужны. Чем дольше вы будете медлить, тем труднее будет». Как сообщила бостонская пресса, триста домохозяек, узнав, что потребление чая поддерживают таможенники и другие представители власти, решили отказаться от чая, пока эти люди вместе с квартирующей у них армией не уберутся из Бостона и пока не будет отменен Закон о доходах.

Не успел парламент собраться на новое заседание и возобновить дебаты об Америке, как разразился кризис: номинальный глава правительства Графтон и его сторонники подали в отставку. Чатем вышел из тени и с тревогой отметил успех американцев, создавших собственное производство. Соглашаясь с Пауноллом, он заметил, что «недовольство двух миллионов человек^[13] заслуживает внимания, и причины такого недовольства должны быть устранены». Это — единственный способ остановить рост промышленности в Америке. Красноречие Чатема, однако, большей частью было посвящено Уилксу: он осудил исключение его из

¹³ Расхождение между этой цифрой и тремя миллионами в речи Чатема в январе 1766 года может отражать неточное знание фактов или неточные парламентские отчеты, что являлось отличительной чертой того времени. Численность населения в колониях составляла примерно 2,5 миллиона человек.

парламента. Лорд-канцлер Кэмден смело проголосовал за Уилкса наперекор правительству, членом которого он являлся, и Кэмдена освободили от министерской должности. Возможно, он приветствовал подобное решение, поскольку признался парламенту, что на заседаниях кабинета он часто неодобрительно качал головой, когда министры обсуждали законы, принятию которых, как он знал, оппозиция не могла воспрепятствовать.

В результате произошла трагедия. Чарльзу Йорку, бывшему генеральному атторнею и сыну бывшего лорда-канцлера, был предложен пост, о котором он мечтал всю жизнь, однако, чтобы принять этот пост, ему нужно было войти в правительство, против которого выступали он сам, его семья и друзья. Под давлением короля, пообещавшего сделать его пэром, Йорк поступился совестью и согласился. В этот вечер, услышав упреки товарищей и мучимый раскаянием, он совершил самоубийство. Поскольку пост Йорку предложил Графтон, то, потрясенный смертью товарища, он понял, что неспособен быть политиком, и подал в отставку, за ним последовали два генерала — Конвей и Грэнби.

Новым первым министром, чье имя судьба навсегда связала с американской революцией, стал дружелюбный лорд Норт. За годы своей деятельности в правительстве он ясно понял, каковы должны быть качества первого министра, и Норт был уверен, что он ими не обладает. Время от времени он писал королю письма с просьбой об отставке, в одном из таких посланий отметив, что на этой должности необходимо иметь «человека, обладающего большими способностями, причем он должен быть в них уверен, это — человек, который делает решительный выбор и добивается, чтобы его решение исполнялось.

Первый министр должен выстраивать разумные планы, объединять и направлять действия правительства». В конце письма он заключает: «Я определенно не такой человек».

Тем не менее король сделал свой выбор, и Норт без всякой охоты двенадцать критических лет вынужденно занимал пост, на котором до него за предыдущие десять лет сменилось пять человек. Толстощекий, полный, с глазами навывкате, Норт был поразительно похож на Георга III, и это сходство часто становилось источником для непристойных предположений, строившихся на тесной связи родителей Норта с двором принца Уэльского Фредерика, отца Георга III. Когда Норт родился, его отец, граф Гилфорд, служил принцу постельничим. При крещении Норту дали имя Фредерик в честь принца, его крестного отца, а может, и просто отца. Вдобавок к физическому сходству в последние годы своей жизни Норт и Георг III ослепли.

Характером лорд Норт, к счастью, отличался от короля: нрав у него был чудесный. Рассказывали, что из себя его выводил иногда только один человек — пьяный и глупый грум. Конюх так и не исправился, однако до самой смерти пробыл на службе у лорда. В 22 года тринадцать избирателей «гнилого местечка» Банбери, представителем которого Норт являлся до конца своей жизни, избрали его в палату общин. Первым министром он стал в 38 лет. Норт был неповоротлив, отличался слабым зрением, казалось, язык у него не помещается во рту, что делало его артикуляцию не вполне отчетливой. Образование он получил в Итоне и в Оксфорде, после чего отправился в трехгодичный «большой тур» по Европе. Он был знатоком древнегреческого языка и латыни, говорил на французском, немецком и

итальянском языке, иногда украшал свои речи классическими аллюзиями, иностранными фразами и сдабривал их остроумными репликами.

Если Норту не удавалось избавиться от беспокойства, которое причиняла ему должность, то во время парламентских дебатов он просто дремал на скамье. Просил, чтобы Гренвиль подтолкнул его, когда разговор дойдет до нынешних времен. Как-то раз он открыл глаза, но оратор в этот момент упоминал событие 1688 года. «На сто лет раньше времени», — пробормотал он и снова сладко заснул. Эту привычку Норт принес и на заседания кабинета, где, если верить Чарльзу Джеймсу Фоксу, позднее служившему вместе с ним, «он был так далек от того, чтобы увлекать своими идеями других министров, что редко высказывал собственное мнение и большую часть времени предавался сну», что не способствовало формированию твердой коллективной политики.

Хотя Норт высказывался редко, убеждения у него были правые. Он голосовал за налог на сидр, за исключение Уилкса, за гербовый сбор и был против его отмены. Несмотря на то что теоретически он не хотел компромисса с Америкой, на практике он готов был прийти к примирению и охотно отменил бы все акты Тауншенда, если бы для этого не пришлось изменить матери-родине, которой «я желаю владеть колониями и брать налог с американцев». Хотя Норт не входил в группировку Бедфорда, он ей благоволил, иначе его не назначили бы первым министром. Скупой отец Норты дожил до 86 лет, он лишил сына наследства и ничем ему не помогал, пока не ослеп за два года до смерти. В результате Норт на протяжении всей своей политической жизни находился в стесненном материальном положении,

ему нужно было содержать большую семью, так что он зависел от своей должности и чувствовал себя обязанным королю, который тактично выдал первому министру 20 000 фунтов стерлингов, чтобы тот мог расплатиться с долгами. При таких обстоятельствах трудно было ожидать независимости суждений и действий.

Дебаты возобновились и шли с марта по май 1770 года, спикеры от оппозиции беспощадно живописали деятельность правительства по отношению к Америке. После отмены законов Тауншенда была принята серия нетвердых, противоречивых мер и совершенно немало нерешительных, а в некоторых случаях — неконституционных действий, к тому же не в пользу Британии, короче говоря, — глупостей. Ужасный полковник Барре подверг кабинет резкой критике за то, что тот проинформировал американцев о намерении отменить налоги, прежде чем сказал свое слово парламент, тем самым кабинет внушил американцам «презрение к законам, которые принимает парламент, и колонисты убедились в глупости тех, кто управляет страной». Барре отчитал министров за то, что те возродили статут времен «тиранического правления Генриха VIII», но при этом «проявили слабость, столь же заметную, как и порочность: исполнить этот статут у них не хватило духу».

Паунолл объяснил, что преамбула к закону Тауншенда «обижает американцев и возбуждает у них тревогу». Чтобы убрать эту преамбулу, надо безоговорочно отменить этот закон. Гренвиль признал себя виновным в разногласиях с Америкой и высказал мнение, что частичная отмена закона колонии не устроит, а полная его отмена уронит достоинство нации,

и потому он воздержится от голосования. Независимый член парламента, сэр Уильям Мередит, заметил, что правительство «каждый раз так негибко настаивает на своих ошибках», что этому можно только удивляться. Поскольку пошлина на чай, прибавил он, никогда не покроет затрат на ее сбор, а дефицит придется восполнять «из сундуков нашего королевства», то в результате мы «просто сами себя ограбим». Правительственное большинство превозмогло здравый смысл, победив со счетом 204 на 142, тем не менее здравый смысл произвел впечатление, поскольку на этот раз он в два раза превысил обычное число голосов, поданных за Америку.

Когда речь зашла об американской политике в целом, Паунолл снова ринулся в наступление. Он говорил, что реальные опасения американцев вызваны британским планом «изменить гражданский уклад колоний». Подтверждение этому колонисты нашли в приказе Хиллсборо, распускавшем ассамблеи, и в преамбуле к законам Тауншенда. Американцы боялись, что их ассамблеи утратят реальную силу. В разгар прений до Англии докатилась новость о так называемой «бостонской резне». Это событие до такой степени взвинтило оскорбленные чувства колониальных жителей, что, во избежание дальнейших инцидентов, английских солдат, посланных на усмирение Бостона, переместили от греха подальше в замок Уильям в Бостонской гавани, что не принесло славы британской армии. Это перемещение дало повод мистеру Эдмунду Берку проявить свое остроумие. Из ораторов того времени он больше всех запомнился потомству.

Идеи Берка имели успех, поскольку были облечены в мастерски сложенные фразы. Впрочем, если бы его

идеи были туманны, не помогли бы и словесные красоты, но политическое мышление Берка было ясным и язвительным. Его замечания, порою многословные и возвышенные, становились эпиграммами, поскольку были хорошо изложены. «Он ввинчивается в предмет, как змея», — сказал Оливер Голдсмит, считавший, что в разговорной речи Берк не уступает доктору Джонсону. «Берк хорошо говорит, потому что ясно мыслит. Любой человек, забежавший в подворотню, чтобы укрыться от дождя, и случайно встретивший там мистера Берка, останется в полной уверенности, что поговорил с первым человеком Англии». Он говорил так долго и так страстно, что друзья вынуждены были хватать Берка за полы сюртука, дабы сдержать его порыв. Острота его речей в разговорах об Америке, писал Хорас Уолпол, вызывала «взрывы хохота даже у лорда Норта и министров». Его пафос действовал и на Барре: «по щекам его катились железные слезы», своей язвительностью Берк «разрывал министров в клочья, и они сбегали из палаты».

Берку ничего не стоило продемонстрировать глупость правительства. Он огласил целый список вялых дисциплинарных наказаний колонистов: так, например, под угрозой роспуска кабинет приказал ассамблее Массачусетса отменить бунтарскую резолюцию, но потом, ничего не добившись, позволил ей заседать. Другие ассамблеи при той же угрозе проигнорировали выговор и с презрением отнеслись к письму государственного секретаря. Позаимствованный у Генриха VIII статут «не был, да и никогда не будет приведен в исполнение». Флот и армия, направленные в Бостон для урегулирования ситуации, были «выведены из города». Если подытожить, сказал Берк, то «опасность вашего намерения вызывает отвращение, а

неспособность проявить власть — презрение». Так всегда бывает, когда у правителей нет мудрости.

Само собой разумеется, что восемь резолюций Берка были отвергнуты большинством голосов. Та же судьба была уготована аналогичным документам — их подал в палату лордов молодой герцог Ричмонд, чересчур независимый новобранец в деле американских колоний. В дальнейшем он стал видным оппонентом политики правительства.

Ричмонд был блестящей личностью, этот человек во многих отношениях персонифицировал нереальность английского правления XVIII века. Он был так обременен подарками Фортуны, что они мешали ему исполнить хоть какую-то задачу. Ричмонд был правнуком Карла II от его любовницы Луизы де Керуаль, герцогини Портсмут, а к тому же — братом прекрасной леди Сары Леннокс, на которой хотел жениться Георг III. Горделивый Ричмонд был на редкость хорош собой; вместе с женой, тоже урожденной герцогиней, они считались самой красивой парой в Англии. Герцогом Ричмонд сделался в пятнадцать лет, полковником — в двадцать три. В тридцать один год его направили послом во Францию, недолгое время он пробыл государственным секретарем при Рокингеме. Он был молод, очень богат, имел высокий титул, отличался воинской храбростью, умом и способностью к тяжелой работе, у него были многочисленные политические связи, и в его жилах «текла вся королевская кровь — от Брюса и до Карла II». Неудивительно, что при таких достоинствах он был бестактен, горяч, неспособен кому-либо подчиняться и не хотел признавать политическую целесообразность. Ричмонд не терпел несовершенства в других людях и ссорился с семьей, с друзьями, с подчиненными и с

королем, поэтому в первый год правления монарха ему отказали от двора, и впоследствии он испытывал на себе королевское нерасположение.

Ричмонд задавал неудобные вопросы первым лицам в армии, в Адмиралтействе и в казначействе, что не делало его популярным. Он мог приехать в город в утро дебатов, бегло ознакомиться с вопросами, выставленными на повестку дня, и в тот же день высказать о них свое мнение. Неудачи в достижении поставленных им целей быстро повергли герцога в уныние, он то и дело грозился совсем уйти из политики. У него бывали затяжные периоды депрессии, об одном из них в 1769 году он написал Рокингему: «Я должен как-то развлечь себя в своем нынешнем состоянии, которое не знаю, как и описать». В Сассексе он истратил огромные деньги на новые флигели поместья Гудвуд-хаус, на псарни, на ипподром, на яхту, охоту и на местное ополчение. Ричмонд унаследовал огромное поместье стоимостью 68 000 фунтов стерлингов, дополнительный ежегодный доход в 20 000 фунтов приносили ему угольные шахты. Тем не менее через сорок лет он обнаружил, что у него скопился долг — 95 000 фунтов стерлингов. Интерес к государственному управлению у него, так же как и у других людей из его окружения, часто пропадал, перескакивая на иные предметы. Как-то Ричмонд написал Берку, что неразумно призывать его в Лондон до того, как собрался парламент. Мол, его мнение мало что значит, а потому общение с другими политиками нецелесообразно. «Позвольте мне поразвлечься здесь до начала заседаний, а уж потом, если вам угодно, я съезжу в город на несколько дней и огляжусь по сторонам».

В 1770 году, не сдерживая себя никакими условностями, Ричмонд заявил, что министры ведут себя в Америке, как «ловкие мошенники, либо как неисправимые дураки, наши министры — позор для правительства». В отношении правительственных актов начиная с 1768 года он высказал восемнадцать критических замечаний и заметил, что «акты стали главной причиной упомянутых беспорядков». Хиллсборо, как обычно, ответил, что все делалось ради установления власти, и выдвинул встречное обвинение: «Наши патриоты из оппозиции стимулируют колониальный протест. Из патриотического желания поставить на место они постоянно возводят препятствия на пути к примирению... А на самом деле, милорды, весь их патриотизм — тривиальная жажда чинов».

Хиллсборо явно недооценивал сопротивление колоний, но в то же время не ошибался относительно мотивов оппозиции. «Жажда чинов», однако, уступала инерции оппозиционеров относительно создания политической организации. Из-за взаимных стычек и расхождения во мнениях оппозиция действовала неэффективно и не находила общей основы, на которой могла бы построить прочный фронт. «Даудсуэлл [бывший при Рокингеме канцлером казначейства] дьявольски дуется на лорда Чатема, — писал Ричмонд маркизу Рокингему, — а Берк слишком горяч». Берк не мог смириться с высокомерием Чатема, а тот не выносил союзника, равного ему в интеллектуальном плане. Хотя Рокингем пытался привлечь Чатема в команду для совместной работы под своим началом, Чатем признавал только свое главенство. Не желая все время оставаться в меньшинстве, Шелберн в 1771 году вместе с Барре уехал за рубеж. Ричмонда и Рокингема поманили собственные

земли. Как выразился современник-сатирик, «школьники-прогульщики с собакой и рожком покидают часовню Святого Стефана ради охоты на лис».^[14]

Американцы не выступили с протестами после того, как парламент сохранил преамбулу к закону Тауншенда и чайную пошлину. Как часто бывает, логический ход событий переживал повороты и отклонения. Имущие классы колонистов испытывали страх перед толпой и социальными взрывами, и такие настроения стали подтачивать поддержку «патриотического» движения. Его движущая сила слабела. Нью-Йорк устал от политики бойкота и предложил представителям северных портовых городов собраться и выработать решение о совместной политике. Купцам из Бостона и Филадельфии тоже не терпелось возобновить торговлю, но их останавливали агитаторы. Когда предложенная конференция не состоялась, Нью-Йорк, страшась быть обманутым и не желая «проголодаться на скудных обедах патриотизма», отказался от бойкота и в 1772 году открыл свой порт. В разное время этому примеру последовали остальные колонии, агитация стихла, и отсутствие единства убедило Британию в том, что колонии никогда не объединятся в общий фронт, а верноподданнические чувства и экономический эгоизм подавят бунтарский порыв.

Политика лорда Норта состояла в том, чтобы палата общин не занималась делами американцев, что и удавалось Норту на протяжении двух лет. Это время можно было использовать для выработки компромисса и возможного объединения, для чего требовалось сделать усилие. Колонии хотели не отделения, а независимости в

¹⁴ Под часовней Святого Стефана имеется в виду здание парламента.

своих делах. На Конгрессе гербового сбора колонисты заявили, что они хотят неразрывных уз с Британией. Даже ассамблея Массачусетса, самая агрессивная из всех, в 1768 году не допускала и мысли о независимости и утверждала, что откажется от нее, если им ее предложат, более того, она сочтет величайшим несчастьем, если им придется ее принять. Георг III, лорд Норт, Хиллсборо и сторонники Бедфорда не предприняли, однако, должного усилия и не улучшили работу правительства. Наступило временное затишье, паруса безумства обвисли, но тут, в 1772 году, произошел инцидент с «Гэспи».

4. «ПОМНИ РОВОАМА!»: 1772–1775 гг.

Британской таможенной шхуной «Гэспи» командовал воинственный лейтенант Дадингтон. Он исполнял свои обязанности с таким рвением, словно получил личное задание короля — изгнать контрабандистов с тысячи островов и бухт залива Наррагансет. Лейтенант поднимался на борт каждого встреченного судна, осматривал его и грозился отправить на дно непокорных шкиперов, и тем самым Дадингтон возбудил жажду мщения у жителей Род-Айленда, и они дождались момента, когда его шхуна села на мель возле Провиденса. Не прошло и нескольких часов, как местные моряки на восьми лодках напали на шхуну, ранили лейтенанта Дадингтона, высадили его вместе с командой на берег и сожгли «Гэспи».

Как это часто бывало, ответ Британии поначалу прозвучал резко, а закончился пшиком. Генеральный атторней и генеральный стряпчий решили, что

нападение на «Гэспи» было актом войны, направленным против короля, и поскольку это событие расценивалось как измена, обвиняемые должны быть высланы в Англию на суд. Правда, сначала их требовалось отыскать. Королевская прокламация обещала вознаграждение в 500 фунтов и королевское помилование тому, кто сообщит о преступниках. Была создана внушительная следственная комиссия, состоявшая из губернатора Род-Айленда и главных судей Нью-Йорка, Нью-Джерси и Массачусетса, официальное обвинение подозреваемым должен был предъявить адмиралтейский суд Бостона. Объявление оживило дремлющие подозрения колонистов в заговоре против свободы. Вместе с Массачусетсом и Род-Айленд, самые непокорные из колоний, задрожал от криков «Тирания!» и «Рабство!». «Десять тысяч смертей на виселице и топор, — объявил гневным курсивом „Ньюпорт Меркьюри“, — предпочтительнее жалкой жизни рабов, закованных в цепи, эта тирания похуже египетской». Ни один информант не явился, подозреваемых так и не обнаружили, хотя все знали, кто они такие. После нескольких бессодержательных заседаний в Ньюпорте судьи в париках и алых мантиях смущенно удалились, чтобы больше не появиться. Очередное обещанное наказание так и не было исполнено, что подтвердило репутацию британцев, деспотичных в намерениях и неэффективных в исполнении.

Последствия оказались важны, поскольку протестующие возгласы жителей Род-Айленда привели к решительному шагу к объединению. Следуя модели, созданной в городах Массачусетса, совет граждан Виргинии призвал колонии сформировать корреспондентские комитеты для обсуждения совместных

действий и методов сопротивления. В корреспондентском комитете Виргинии работали Томас Джефферсон и Патрик Генри. Это стало началом пути к межколониальному союзу, чего Британия никак не могла предположить, а потому и бездействовала. Комитет, как и сами американские дела, привлекали мало внимания, разве только в моменты конфронтации. В письмах миссис Делани, жены настоятеля англиканского собора, женщины с большими связями, активно переписывавшейся в это время с друзьями и родственниками из различных социальных и литературных кругов, вовсе не упоминается Америка.

Два правительственных чиновника, отвечавших за дело «Гэспи» — генеральный атторней Эдвард Терлоу и генеральный стряпчий Александр Уэддерберн — были неприятной парой. Терлоу, исключенный из университета Кембриджа за дерзость и плохое поведение, был груб и агрессивен, что проявлялось и в его работе. У Терлоу был крутой нрав и, по слухам, самый непристойный язык в Лондоне. Тем не менее впечатление он производил внушительное, правда, если верить Чарльзу Джеймсу Фоксу, глубокий бас и важный вид доказывали, что человек он бесчестный, «ибо никто не может быть таким мудрым, каким он представлялся». Его отношение к подсудимым часто бывало оскорбительным. Негибкий политик, Терлоу демонстрировал верховенство Британии над Америкой, и, хотя все знали, что лорд Норт его ненавидит, король в конце концов вознаградил Терлоу за поддержку — назначил его лордом-канцлером и дал титул барона. У шотландца Уэддерберна было такое же воинственное отношение к Америке. Он отличался непомерными амбициями и для достижения целей не гнушался никакими средствами — мог подластиться к

кому надо или предать любого партнера, лишь бы получить повышение. Несмотря на презрение короля, он тоже сделался лордом-канцлером.

И все же именно кабинет, в составе которого не было Терлоу и Уэддерберна, распорядился о создании следственной комиссии и потребовал проведения суда в Англии, и не кто иной, как преемник Хиллборо, «славный лорд Дартмут», подписал этот приказ. Поскольку посягательство было совершено на государство, они действовали с убеждением в собственной правоте, и если, по мнению правителя, такой ответный шаг был верным, то с точки зрения практической политики приказ представлял совершенное безумие. Они понимали, какую реакцию вызовет решение об отправке американцев на суд в Англию, и сознавали очевидную нереальность того, что жители Род-Айленда выдадут своих товарищей, однако непременно желали «утверждения права, которым, как известно, воспользоваться вы не сможете». Это стало совершенно очевидно в Ньюпорте, центре сообщений на побережье, откуда быстро и распространилось неважное мнение о метрополии.

Лорд Дартмут вырос вместе со сводным братом Нормом, вместе с ним совершил «большой тур» по Европе, но, несмотря на это, был искренним другом колонистов, возможно потому, что он присоединился к методистам, чья основная деятельность заключалась в миссионерской работе в Америке.

Дружелюбный, набожный, едва ли не копия добродетельного сэра Чарльза Грандисона из одноименного романа Самуэля Ричардсона, Дартмут был прозван «псалмопевцем». В правительстве Рокингема он

возглавлял министерство торговли, несмотря на то, что административные способности у него были небольшие. Лорд Норт сделал его государственным секретарем по делам колоний после того, как в отставку вынужден был подать Хиллсборо, против которого клика Бедфорда затеяла интригу, причем не из-за политики, а ради места. В кабинете Дартмут был единственным проамерикански настроенным министром, «искренно желавшим взаимопонимания с колониями», но, как писал Бенджамин Франклин, «он не обладает силой, соразмерной его желаниям. Дартмут желает колониям только хорошего, но легко примыкает к тем, кто делает им плохо». Бескомпромиссность американцев постепенно разрушила его патернализм, и вместо примирения он склонился к репрессиям.

Катализатором стал чай. Беспорядок в финансах, оскорбления со стороны Ост-Индской компании и ее сложные финансовые отношения с короной являлись многолетней проблемой, почти такой же трудноразрешимой, как и дело Уилкса, об этом мы упоминаем только потому, что все это предшествовало критическому этапу британо-американской ссоры, после которого пути назад не было. Чтобы избежать чайной пошлины, американцы контрабандой ввозили голландский чай, тем самым снижая почти на две трети торговлю чаем Ост-Индской компании. Чтобы выручить компанию, чья кредитоспособность составляла 400 000 фунтов стерлингов в год, лорд Норт разработал схему, по которой скопившиеся на складах компании излишки чая могли быть проданы непосредственно в Америку, минуя английские таможни. Если бы пошлина в Америке была уменьшена до трех пенсов с фунта, чай можно было продавать по 10 шиллингов за фунт вместо 20. Принимая

во внимание пристрастие американцев к чаю, правительство ожидало, что снижение цены преодолееет их сопротивление выплате пошлины. Британцы знали, что миллион жителей Америки пьют чай по два раза в день, а, согласно одному сообщению из Филадельфии, «женщины настолько его любят, что готовы ради него отказаться от обеда». Поскольку отказ от бойкота английских товаров (кроме чая) умиротворил обе стороны, многие думали, что трудности уже позади.

В мае 1773 года, совершенно не ожидая новой вспышки возмущения американцев, парламент принял Закон о чае.

То, что британцы были совершенно не информированы и оставались в неведении о людях, которыми хотели управлять, было главной проблемой в отношениях между метрополией и колониями. Две трети британцев думали, что американцы — негры. Об этом спустя лишь пятнадцать лет полковник Барре поведал агенту от Массачусетса Джосае Куинси. Американцы, проживавшие в Лондоне, такие, как Артур Ли из Виргинии, получивший образование частично в Англии и живший там за десять лет до того, как начались беспорядки, и Генри Лоуренс, богатый купец-плантатор из Чарлстона — будущий президент Континентального конгресса, а также другие плантаторы из Южной Каролины, такие как Ральф Изард и Чарльз Пинкни, общались в основном с купцами и чиновниками Сити. Они были на дружеской ноге с Берком, Шелберном и другими сторонниками колоний, но не были вхожи в аристократическое общество, а те, в свою очередь, ничего о них не знали.

В Лондоне были опубликованы памфлеты и петиции, «Письма» Дикинсона, «Общий обзор прав Британской Америки» Джефферсона и многие другие полемические материалы, посвященные проблемам колоний, но пэры и деревенские сквайры вряд ли их читали. Специально направленных в Лондон агентов, таких как Джосайя Куинси, очень часто отказывались заслушивать в палате общин, ссылаясь на ту или иную техническую причину. «Во всех компаниях я пытался дать верное представление о положении дел на континенте и показать истинные чувства его жителей», — написал домой Куинси, однако он не был уверен в успехе своих усилий. По словам Хиллсборо, англичане были убеждены в «своем превосходстве» и считали американцев буйными скандалистами, не замечая рядом с собой Бенджамина Франклина, не менее талантливую и политически умудренного, чем любой европеец, к тому же всем сердцем желавшего примирения.

Люди, дружелюбно настроенные к Америке, тоже были далеки от истины. Рокингем думал о Британии как о матери, а о колониях как о детях, которые должны ее слушаться. Чатем разделял этот взгляд, хотя если бы тот или другой посетили Америку, побывали на ассамблеях колоний, узнали настроения людей, то, возможно, нашли бы выход из положения. Удивительно, что, за исключением армейских и флотских офицеров, с 1763 по 1775 год ни один британский министр не побывал в колониях по ту сторону Атлантики, от которых, как все они считали, зависела империя.

Министры были настроены на удержание колоний, так как полагали, что американцы склонны к мятежу, а их независимость означает крушение Англии. Чатем

настаивал на умиротворении, его убеждение основывалось на страхе, что в случае насильственного принуждения колоний империя развалится, Америку подберет Франция или Испания, а «если это произойдет, Англии больше не будет». Лишившись огромных североамериканских территорий Англия утратит всякие возможности для развития в качестве мировой державы. Король смутно предполагал нечто подобное, когда написал: «Мы должны навести порядок в колониях, прежде чем за нас это сделают наши соседи».

Чатем, как и многие другие, чувствовал, что судьба Англии связана с колониями, «ибо если не поощрять свободу в Америке, она зачахнет и умрет в этой стране». Это был аргумент в пользу свободы. Аргумент в пользу власти состоял в том, что если колонии не облагать налогом, они станут привлекательны для многих квалифицированных английских рабочих и промышленников, которые осядут в Америке, разбогатеют, займут господствующее положение, а старая Англия останется «бедным покинутым, печальным королевством». Тревожные письма в газеты затрагивали эту тему, некоторые предсказывали, что Америка скоро превзойдет метрополию по численности населения, «и как же тогда мы будем управлять ими?», или даже что она станет центром империи. Если американцев будет больше, чем англичан, заявила газета «Сент-Джеймс кроникл» в канун Рождества 1772 года, то только естественный интерес и дружеские отношения в виде союза будут связывать Америку с Британией, зато, объединившись, они могут владеть миром.

Чайный закон оказался полным разочарованием. Вместо того чтобы обрадоваться дешевому чаю, американцы разгневались. Дело было не столько в

общественном мнении, сколько в возмущении торговцев: они поняли, что их отодвинули в сторону как оптовиков, а Ост-Индская компания разрушила их торговлю низкими ценами. Судовладельцы, кораблестроители, капитаны и матросы, чья жизнь и заработок зиждились на контрабанде, также почувствовали угрозу. Политические агитаторы пришли в восторг: у них снова появилась причина для возбуждения народа. Они подняли страшный крик — «Монополия!». Компания, известная своей «грязной и жестокой алчностью», хочет взять Америку за горло. Сначала это будет чай, а потом дело дойдет до специй, шелка, фарфора и прочих товаров. Стоит только Америке согласиться на пошлину в 3 пенса за индийский чай, Англия «покусится на наши священные свободы»: парламент обложит нас налогом на доходы, а авторы закона не успокоятся, пока не завоюют нас целиком.

Купцы-посредники в колониях надеялись, что корабли с чаем вернутся обратно, прежде чем их успеют разгрузить. В некоторых портах этого добились — собравшиеся толпы напугали консигнаторов Ост-Индской компании, и те отказались принимать груз. В Бостоне же два грузополучателя были сыновьями губернатора Хатчинсона, и они верили, что смогут выстоять против агитаторов, и готовы были получить груз. Первое чайное судно прибыло к причалам Бостона 1 декабря 1773 года, за ним пришли еще два. Поскольку через установленный период времени таможенники имели право наложить арест на невыгруженные товары за неуплату пошлины, патриоты заподозрили, что таможенники продадут конфискованный груз. Чтобы предотвратить подобный поворот событий и, возможно, напугать будущих покупателей, ночью 16 декабря они забрались на борт

судов, вскрыли ящики с чаем и выбросили их содержимое в море. Это событие окрестили потом «Бостонским чаепитием».

Известие о преступном посягательстве на собственность 20 января дошло до Лондона и возмутило британцев. Рухнул их план скрытого введения налогообложения, пострадала Ост-Индская компания, а репутация жителей Массачусетса подтвердилась: в этой колонии жили неисправимые бунтовщики. Вероятно, интересы Британии на этот момент состояли в том, чтобы осмыслить предпринимаемые ею шаги, которые приводили к все более пагубным результатам в колониях, и чтобы как-то изменить ход событий, уже принявших угрожающий оборот. Прежде чем начать действовать, требовалось серьезно подумать, но промедление не в обычаях правительств, и министры Георга III не были исключением из этого правила.

Была издана целая серия «репрессивных законов», в Америке их окрестили «гнусными законами». Эти документы лишь еще сильнее подтолкнули антагонизм в ту сторону, куда он уже двигался, но британцы не заметили на дороге развилки, хотя другой путь мог привести к иному результату.

«Бостонское чаепитие», расцениваемое как враждебное нападение на собственность короны, было признано очередной изменой. Благоразумно избежав унижительной темы «Гэспи», кабинет решил наказать Бостон в целом. Парламент издал билль, согласно которому порт закрывался до тех пор, пока Бостон не возместит ущерб, нанесенный Ост-Индской компании, и пока не выплатит компенсацию таможенникам. «Мир и послушание закону» были единственными условиями,

при которых Бостон мог возобновить торговые операции и платить пошлину.

За десять лет протестов, начавшихся с первого налога Гренвиля, кабинет ничему не научился, вот и сейчас, готовя билль, министры, как и всегда, не ожидали неприятностей. Они думали, что другие колонии проклянут жителей Бостона за уничтожение собственности, не станут за них заступаться и, возможно, обрадуются, что чай будет поступать в их порты, минуя Бостон. Глупость торжествовала. Резкий ответ на крупную кражу у причала был бы законным и естественным шагом, но министры предположили, что соседи Массачусетса с пониманием воспримут Закон о Бостонском порте и поверят, что он поспособствует стабильности в империи. На деле политики позволили восторжествовать эмоциям.

Чрезмерная эмоциональность всегда была источником глупости. На этот раз она проявила себя в дикой радости, когда на заседании, созванном по поводу писем Хатчинсона, мишенью нападок сделали Бенджамина Франклина. В своих посланиях губернатор советовал секретарю казначейства Томасу Уотли принять более действенные меры для подавления мятежного Массачусетса. Письма были тайно куплены Франклином, а после опубликования вызвали ярость жителей Массачусетса. Они обратились с петицией к парламенту, требуя отставки Хатчинсона. Уэддерберн провел заседание Тайного совета, на которое явилось 35 членов — пэры, члены парламента и другие гости. Так много там еще не присутствовало. Хихиканьем и громким издевательским смехом сопровождали они речи Уэддерберна, расписывавшего самого влиятельного американца в Лондоне как вора и предателя. По слухам,

единственный, кто не смеялся, был лорд Норт. На следующий день Франклина лишили должности заместителя почтмейстера североамериканских колоний, но это его ничуть не обескуражило. Однако он, самый деятельный сторонник компромисса, ничего не забыл. Четыре года спустя, подписывая американо-французский договор, подтвердивший рождение его нации, Франклин надел тот же бархатный костюм, который был на нем во время достопамятного заседания Уэддерберна.

Враждебное отношение правительства к Бостону было так сильно, что на первых двух заседаниях билль о закрытии Бостонского порта не вызвал возражений, даже Барре и Генри Конвей высказались в его поддержку. На третьем чтении спикеры от оппозиции наконец заговорили — указав, что и другие порты отправили чай назад в Англию, — они попросили дать Бостону шанс возместить убытки. Самое важное заявление сделал человек, знавший ситуацию в колониях: бывший губернатор Западной Флориды Джордж Джонстоун предупредил, что «следствием билля может стать Генеральная конфедерация, которая окажет сопротивление этой стране». Мало кто прислушался к его пророчеству. Оппозиционные спикеры, отметил Берк, в числе которых был он сам, «произвели так мало впечатления», что палате общин и не понадобилось считать голоса. В палате лордов Шелберн, Кэмден и герцог Ричмонд осудили билль с тем же успехом. Закон о закрытии бостонского порта прошел через парламент как по маслу.

Столь же быстро были приняты еще три «репрессивных закона». Первый — Закон об управлении Массачусетом — фактически лишал Колонию залива права на самоуправление. Права на выбор и назначение

чиновников, представителей, судей и присяжных, а также основное право — на созыв городских собраний — передавались Короне, действующей через губернатора. Естественно, в других колониях резонно предположили: то, что было сделано с Массачусетсом, может случиться и с любой из них. За этим актом последовал Закон об отправлении правосудия, позволявший губернатору переносить в Англию или в другую колонию рассмотрение дел правительственных чиновников, обвиненных в преступлениях в Массачусетсе и утверждавших, что они не могут рассчитывать на справедливый суд на месте. Это было оскорбление, поскольку Бостон приложил все усилия, чтобы устроить справедливый суд над капитаном Престоном, который командовал солдатами во время «бостонской резни». Защитником Престона был Джон Адамс, и суд оправдал Престона. Закон о военном постое давал губернатору право расквартировывать солдат по своему усмотрению, если местные власти не обеспечили их казармами. Он мог поселять их в домах граждан, в тавернах и других зданиях. В это же время генерала Гейджа отправили в Бостон, поставив губернатором вместо Хатчинсона.

Самой осуждаемой мерой, хотя она и не входила в число «репрессивных законов», стал Квебекский акт. Этот документ расширил границы провинции до реки Огайо, а на эти территории притязали Виргиния и другие колонии. Акт сформулировал также принципы гражданского управления в Канаде и устанавливал право парламента на налогообложение, в качестве основы судопроизводства он принял французский гражданский кодекс и обеспечил колонистам свободу вероисповедания. Поскольку 95 процентов канадцев исповедовали католичество, мера была на удивление

разумная, однако колонисты и их друзья в Англии встретили ее в штыки. Зазвучали громкие обвинения в «папстве». Пенсильвания предсказывала введение инквизиции, а Филадельфия — Варфоломеевскую ночь, лорд Кэмден утверждал, что «папистская армия» и «папистские орды» намерены покончить со свободами протестантских колоний. Газета «Сент-Джеймс кроникл» заявила, что упразднение суда присяжных — «слишком скандальное предложение, чтобы на него согласился хоть один англичанин». Причиной появления до странности несвоевременного акта, дарующего привилегии канадцам, возможно, была надежда заручиться их лояльностью и поддержкой в пресечении любого американского мятежа. И все же, если намерение правительства состояло в том, чтобы успокоить и, в конце концов, примирить колонии, то принятие Квебекского акта вслед за «репрессивными законами» стало отличным примером того, как поступать не следовало.

Была ли неуместность правительственных действий вызвана невежественностью или, напротив, являлась намеренной провокацией — в чем твердо была уверена оппозиция, — сказать невозможно. Однажды на заседании губернатор Джонстоун довольно беспомощно заявил, что «палата общин действует в этих вопросах, совершенно не разбираясь в американской обстановке». Получается, что невежественность и в самом деле сыграла свою роль.

Меры, принятые правительством в марте-июне 1774 года, пробудили реальные опасения оппозиции, и она предупредила о возможных последствиях. Использование силы представлялось вполне вероятным, а перспектива ее применения против тех, в чьих жилах текла

английская кровь, пугала многих. Джон Даннинг, юрист и либерал, бывший генеральный стряпчий в правительстве Графтона, впоследствии проанализировал события в памятной резолюции. В «репрессивных законах» он увидел тенденцию к «войне, к жестокой мести и ненависти по отношению к нашим подданным». Других беспокоило отсутствие шансов на успех. Генерал-майор Уильям Хоу, тот, который вместе с Вульфом вскарабкался по скалам на Авраамовы высоты в Квебеке, в 1774 году заявил своим избирателям, что для покорения Америки недостаточно всей британской армии. Генерал Джон Бургойн, также член парламента, говорил, что хочет убедить Америку словом, а не оружием.

Министры тоже были предупреждены. Генри Лоуренс совещался с Дартмутом относительно возможного эффекта от «репрессивных законов» и так же, как и губернатор Джонстоун, предсказывал, что колонисты от Джорджии и до Нью-Хэмпшира сформируют союз сопротивления, что до тех пор считалось фантастикой. Но судьба предупреждения в политике обречена на неуспех, так как адресат не хочет ему верить. Миф о Кассандре, говорившей правду, когда ей никто не верил, доказывает, что еще древние греки глубоко понимали человеческую психологию.

В дебатах, состоявшихся 19 апреля 1774 года, оппозиция выступила за отмену чайной пошлины, и Берк произнес речь о налогообложении в американских колониях. Он подробно рассказал о правительственных актах и об их отмене, о колебаниях и уловках правительства, о пустых угрозах, ложных предположениях и об истории колониальной политики. Начав с Навигационных актов, он подошел к настоящему моменту и заговорил о «беспорядочной и бездумной

поспешности», с какой правительство «стремится к собственной гибели». Он обвинил слуг народа в том, что те никогда не рассматривали собственные сложные интересы во всей их полноте и последовательности. Берк сказал, что у них не сложилась система нравственных ценностей, они не отличают добра от зла, а лишь иногда придумывают какую-то жалкую историю-однодневку, чтобы избежать трудностей, в которые сами себя загнали. В результате они «расшатали устои коммерческой империи, опоясавшей землю». Сделав упор на доказательствах власти — на том, что сегодня называется способностью внушать доверие, — он сказал: «Они говорят, что это имеет отношение к достоинству. Достоинство причиняет вам ужасные неудобства, оно ведет постоянную войну с вашими интересами, с вашим понятием о справедливости и с вашей политикой».

Это «ужасное неудобство» преследовало политиков в каждом столетии. Бенджамин Франклин, мудрый человек, один из немногих, кто извлекал уроки из политического опыта, возводил достоинство в принцип и способен был его отстаивать. Во время кризиса, вызванного гербовым сбором, он написал: «Не исправление ошибки, а упорство в ней роняет честь любого человека или организации людей».

Парламентский акт о закрытии порта объединил жителей Бостона. В мае Род-Айленд призвал американцев на межколониальный конгресс. В городах Коннектикута устраивались собрания, где звучали возмущенные речи. Люди собирали жителям Бостона деньги и провизию и, в случае чего, клялись «обрызгать американские алтари кровью наших сердец». Старый ветеран сражений с индейцами, участник Семилетней войны, полковник Израэль Патнэм, председатель

комитета связи в Коннектикуте, лично пригнал 130 овец в Бостон, за сто миль от своего дома в Помфрете. Балтимор прислал 1000 бушелей зерна; подарки приходили из всех тринадцати колоний. Патриотические лидеры потребовали полного отказа от заморского чая, контрабанда была прекращена, «ненавистный мусор» сжигали на деревенских лужайках, а неаппетитные травяные настои называли «чаем свободы».

Призыв к конгрессу вскоре поддержали Нью-Йорк и Филадельфия, летом согласие дали двенадцать колоний. Многие американцы убедились в правдивости слов Джефферсона, обратившегося в инструкции к делегатам конгресса от Виргинии: «Отдельные акты тирании еще могли быть отнесены к преходящим явлениям дня, но серия репрессивных действий, начавшаяся в известный период и проводимая неуклонно через все министерские перемены, слишком очевидно показала себя сознательным, систематическим планом обращения нас в рабство».

Эти слова стали догматом веры в Америке. Джордж Вашингтон подтвердил их, сказав, что Британия вынашивает план «надеть на нас оковы рабства». Его поддержал Томас Пейн: «Британский кабинет при каждом удобном случае пытается поссориться с Америкой», чтобы отнять у нее дарованные хартией права на самоуправление и держать под контролем рост численности ее населения и благосостояния. Обвинение было уместно, потому что оно оправдывало бунт, и если в самом деле Британия сознательно толкала колонистов на восстание, чтобы законным образом подавить его, то тогда ее политика была рациональной. К несчастью, эта версия не может быть принята в связи с тем, что правительство вело себя непоследовательно — оно то

наступало, то отменяло законы, министры принимали индивидуальные, противоречивые решения. Те, кто обвинял английских политиков в «намеренных и систематических» планах, был абсолютно неправ. «О каком принуждении и о какой отмене идет речь, — восклицал Берк, — о каком запугивании и о каком подчинении, о каких делах и о каком бездействии, о каком напряжении и о каком послаблении? Давайте примем хоть какую-то систему, прежде чем закончим заседание. Давайте условимся о более или менее последовательном поведении».

Американцы же, уверенные в том, что политика Англии последовательна, шли к разрыву. «Репрессивные законы» объединили колонии, та же история и с тем же результатом произошла два столетия спустя, когда Япония напала на Перл-Харбор. На первый Континентальный конгресс в сентябре 1774 года прибыло 56 депутатов, представлявших все колонии, за исключением Джорджии. Они объявили, что все акты парламента в отношении колоний начиная с 1763 года, нарушают права американцев, а потому они вынуждены вновь прибегнуть к бойкоту английских товаров до тех пор, пока эти законы не будут отменены. Если этого не произойдет, они откажутся не только от импорта, но и от экспорта. Конгресс принял десять резолюций о самоуправлении, в том числе и в отношении внутренних налогов, вводимых собственными законодательными учреждениями. Под давлением радикалов конгресс объявил «репрессивные законы» неконституционными и недействительными и постановил не подчиняться им и требовать их отмены. Конгресс посоветовал гражданам вооружаться и в случае нападения сформировать ополчение для обороны. Признавая подчинение короне,

делегаты конгресса постановили считать колонии «доминионом», неподвластным парламенту. Не желая навлекать на себя враждебность консерваторов, независимости требовать не стали. По словам Джона Адамса, «если это страшилище встретится лицом к лицу с пугливым человеком, тот упадет в обморок».

Некоторые все же были готовы к альтернативе и, как сказал Джефферсон в своем послании к делегатам Виргинии, не возражали против «объединения на основании хорошего плана». Он заявил, что у колоний не должно быть никаких ограничений во внешней торговле и никаких налогов или контроля за их собственностью. Джозеф Галлоуэй из Пенсильвании, лидер консерваторов на Конгрессе, официально предложил план «союза Великобритании со своими колониями», но поддержали его лишь несколько делегатов. Были люди, которые не хотели никаких отношений с британцами, их считали продажными, распущенными и враждебно настроенными по отношению к свободе. «Когда я думаю о страшной коррупции людей в этом старом гнилом государстве, — писал Франклин Галлоуэю, — с их бесчисленными и бесполезными должностями, огромными жалованьями, пенсиями, привилегиями, взятками, беспричинными ссорами, глупыми предприятиями, фальшивыми счетами, контрактами, пожирающими все доходы... то боюсь, что от близких взаимоотношений с британцами Америка не выиграет, а проиграет».

Отношения с колониями становились все хуже, и прогрессивные английские мыслители все чаще задумывались о союзе. В 1776 году Адам Смит высказал эту идею в «Исследовании о природе и причинах богатства народов». Он предлагал ее как средство для достижения «благосостояния, процветания и могущества

империи». В том же году интеллектуальный лидер нонконформистов доктор Ричард Прайс в «Замечаниях о природе гражданской свободы и войны с Америкой» выдвинул идею англо-американского союза на условии равенства. Зараженный идеями Просвещения, Прайс основывал свое исследование на принципе гражданских свобод и утверждал, что они «приносят человечеству разум, права и справедливость». Имелась альтернатива — принуждение или восстание, хотя на тот момент мало кто решился бы утверждать, что восстание возможно. Большинству британцев идея о равенстве с американцами казалась невыносимой, во всяком случае, создание федерации было неприемлемым, ибо никто во властных английских структурах не отдал бы право на регламентирование торговли. Если бы с обеих сторон было желание компромисса, то федерация в каком-то виде могла быть постепенно построена. На тот момент подобная идея была преждевременной. Ей противостояли предубеждения и предвзятость во мнениях, да и до создания технологий трансокеанской коммуникации еще оставалось сто лет.

Англия восприняла созыв Континентального конгресса как предательство. С этого момента в Британии все больше утверждалась идея обращения к силе. От генерала Гейджа стали поступать тревожные письма. Он сообщал о быстром распространении «пламени подстрекательства к мятежу» и о том, что эта идея принадлежит не только «фракции» агитаторов, но что ее разделяют свободные землевладельцы и фермеры Массачусетса, а также их соседи, они запасаются оружием и боеприпасами, даже готовят артиллерию. В последних письмах он сообщил, что всю Новую Англию следует считать взбунтовавшейся. В ноябре король

признал, что нанесение удара должно решить, останутся ли колонии в подчинении или обретут независимость.

Кабинет решил направить в Америку три военных корабля с подкреплением, однако в ту осень все были заняты проведением выборов, и эту операцию отложили до созыва нового состава парламента. Между тем, пусть не во «внутреннем кабинете», а в правительстве нашелся человек, выразивший свое несогласие с общим мнением. Это был виконт Баррингтон, много лет занимавший пост секретаря по военным делам. Ранее он выступал за твердую линию по отношению к американцам, а сейчас оказался в числе тех немногих, кто не был ограничен шорами предубеждений и смог осознать ход событий. К 1774 году он пришел к мысли, что карательные меры в отношении колоний вызовут вооруженное сопротивление, что окончится катастрофой. Он не сделался сторонником американцев и не изменил своих политических убеждений, он просто пришел к профессиональному заключению и объяснил свою позицию в двух письмах, отправленных Дартмуту в ноябре и в декабре. Баррингтон утверждал, что война в Америке будет бесполезной, дорогостоящей и выиграть ее будет невозможно. Бесполезной он назвал ее потому, что Британия не сможет ввести налогообложение колоний, а дорогостоящей она станет потому, что для удержания завоеванных территорий необходима будет большая армия. Понадобится строить крепости, стоимость которых окажется губительной для бюджета, к тому же не миновать «ужасов и кровопролития гражданской войны». «Повторяю, — писал он, — борьба для нас — вопрос чести, и обойдется она нам дороже, чем мы можем себе позволить».

Баррингтон посоветовал не укреплять армию в Массачусетсе, а, напротив, вывести из Бостона войска и оставить город в его нынешнем «расстроенном состоянии», подождать, пока он оправится и с ним можно будет договориться. Колонии должны почувствовать, что их более не преследуют, они воспрянут, воинственность их ослабеет, после чего с ними снова можно будет вести переговоры.

Отличительная черта безумств — диспропорция между усилиями и вероятным выигрышем, а также «ужасное неудобство» — честь. Все это четко было изложено Баррингтоном, но поскольку должность его была чисто административная, и он не мог вмешиваться в политику, то и к мнению его никто не прислушался. От него требовали следовать политическому курсу, в успех которого он не верил, поэтому Баррингтон попросил об отставке, но король и Норт его не отпустили: они не хотели, чтобы стало известно о разногласиях в стане правительства.

В лондонском Сити все были на стороне колоний, почетные граждане даже избрали шерифами Лондона двух американцев — Стивена Сэйре из Лонг-Айленда и Уильяма Ли из Виргинии. Кандидаты на лондонские должности должны были подписать документ в поддержку билля, дававшего американцам право избирать собственный парламент и самим назначать налоги. Противоположного мнения придерживался более известный лондонец, доктор Сэмюэль Джонсон; он сказал, что американцы представляют собой «расу преступников, и они должны быть благодарны за то, что мы не отправили их на виселицу». Его памфлет «Налогообложение не тирания» восхитил деревенских сквайров, университеты, англиканских

священнослужителей и все круги, решительно настроенные против американцев. В частном порядке, однако, он признался Босуэллу, что «администрация слаба и робка», а впоследствии прибавил, что «отличительная черта нашего нынешнего правительства — слабоумие».

Последний шанс соблюсти собственные интересы, воспользовавшись альтернативой, представился Британии в январе 1775 года на заседании парламента, и предложил его выдающийся государственный деятель своего времени лорд Чатем. 20 января он высказался за немедленный вывод британских войск из Бостона как доказательство того, что Англия готова пойти на уступки. Чатем сказал, что войска действуют провокационно и неэффективно. Они могут пройти из одного города в другой и добиться временной покорности, «но сможете ли вы навсегда заставить слушаться страну, из которой уходите?» Разве нельзя было «предвидеть сопротивление деспотической системе налогообложения»? Какие силы понадобятся для наведения порядка? «Что, милорды, вы говорите — несколько полков в Америке и 17 или 18 тысяч дома?! Идея воистину смехотворна!» Невозможно усмирить регион, протянувшийся на 1800 миль, нельзя поработить смелых людей, в сердцах которых горит дух свободы. «Навязывать деспотизм такому сильному народу бесполезно и губительно. Надо немедленно уходить, давайте же уйдем, пока можем, а не тогда, когда будем должны».

Старый Питт не утратил своего красноречия, однако он пренебрег политической необходимостью и не сумел собрать сторонников, которые проголосовали бы за его предложение; он вообще никому, кроме Шелберна, не

сказал, что собирается выступить с предложением. Да и Шелберну он сообщил лишь, что готовится «постучать в дверь сонного и сбитого с толку правительства». Чатем реалистически смотрел на вещи и бил точно в цель, но палате реальность была не нужна, ей хотелось отстегать американцев. На неожиданное заявление Чатема «оппозиция пожала плечами; придворные широко раскрыли глаза и рассмеялись», писал Уолпол. За предложение Чатема было подано только 18 голосов, а против — 68.

Хотя Чатем и растерял свое магическое очарование, здравый смысл у него остался: «Я знаю, что могу спасти эту страну, и никто не может сделать это, кроме меня». Посоветовавшись неофициально с Бенджамином Франклином и с другими американцами, Чатем первого февраля представил билль по разрешению американского кризиса. Этот документ отменял «репрессивные законы», освобождал колонии от налогообложения, признавал Континентальный конгресс и возлагал на него ответственность за признание колониями внутренних налогов, которые они выплачивали короне в обмен на ее затраты. В документе также говорилось о независимом судопроизводстве с судом присяжных и о невыдаче обвиняемых на суд в Англию. Корона сохраняла за собой регламентирование внешней торговли и право на размещение армии в случае необходимости. Лорд Гауэр — после смерти герцога лидер клики Бедфордов — вскочил с места и закричал, что билль предаёт права парламента. Он предаёт «каждый интерес, каждое достойное побуждение, каждый принцип доброго правления».

Тридцать два пэра высказались в пользу плана урегулирования, предложенного Чатемом, хотя

большинство, разумеется, его отвергло. Питт не смог спасти империю, поскольку она того не желала. Оскорбленный нападками, Чатем излил свое разочарование в заключительном слове, страстном и беспощадном. Подобное обращение не понравилось бы ни одному правительству. «Все ваше политическое поведение отличалось слабостью и жестокостью, деспотизмом и невежеством, пустотой и небрежностью, раболепием, неспособностью и коррупцией».

На следующий день правительство представило билль, в котором заявляло, что Новая Англия подняла мятеж, а потому оно просит дополнительные войска для наведения порядка в колониях. В палате общин 106 человек проголосовали против этого решения, однако билль быстро приняли вместе с очередным репрессивным актом, призванным оказать экономическое давление на смутьянов. Колониям Новой Англии запретили лов рыбы возле Ньюфаундленда и вести торговлю где-либо, кроме как в британских портах. На службу в Америке кабинет назначил трех генерал-майоров — Уильяма Хоу, Джона Бургойна и Генри Клинтона. Никто и помыслить не мог, что будущее грозит им отозванием с поста, капитуляцией и обструкцией.

Между тем на помощь генералу Гейджу были высланы три полка, и король попросил сэра Джеффри Амхерста, бывшего главнокомандующего времен Семилетней войны, снова возглавить армию в Америке. Он сказал, что Амхерст — человек известный и уважаемый в колониях, он может подчинить себе заблудших людей, не приставляя им нож к горлу. То ли из-за неуверенности в результате, то ли из-за нелюбви к политике, Амхерст отклонил предложение, хотя король

обещал возвести его в пэры. Амхерст был не последним человеком, отказавшимся от такого назначения.

Неожиданно Норт засомневался. Его подталкивал Дартмут, все еще пытавшийся добиться мирного разрешения конфликта, и Норт предложил собственный вариант примирения, согласно которому от налогообложения избавлялась любая колония, если она готова отчислять часть доходов на управление и оборону в размере, одобренном королем и парламентом. «На каждой физиономии отпечатались неуверенность, удивление и смятение», стало очевидно, что правительство задумало натравить колонии друг на друга, поскольку отменять «репрессивные законы» оно не собиралось.

Берк все же попытался использовать последний шанс. Лейтмотивом его речи стала «абсолютная необходимость согласия в империи путем поддержания единства духа». Сделать это можно, сказал он, только при условии верховенства Британии, но Берк советовал не переусердствовать с этим. Нравится это или нет, но дух свободы в Америке существует, не зря же эмигрировали предки колонистов. Свобода духа в английских колониях проявляется сильнее, чем у любого другого народа земли. Ее нельзя отнять, нельзя подавить, а потому «единственный для нас способ — согласиться с ней или, если позволите, смириться с ней, как с неизбежным злом». И тут Берк дал замечательную рекомендацию: «Великодушие в политике — нередко высшая мудрость; великая империя и ничтожный ум плохо ладят». «Давайте отменим Принудительные акты, пусть американцы облагают себя налогами сами — добровольно, а не по принуждению. Дайте им свободу и

возможность разбогатеть, и они обгонят Францию и Испанию».

Для проявления великодушия требуются великие умы. Георг III, его министры и правительственное большинство в парламенте, забыв о благоразумии и не учитывая главные свои интересы, продолжили курс на принуждение. Было ясно, что даже если они и победят, в чем сомневались опытные солдаты, такие как Амхерст и Хоу, то, в конечном итоге, все равно потеряют, поскольку породят враждебность. «Это — разновидность войны, в которой даже победа приведет к нашему поражению», — писал Уолпол своему другу Хорасу Манну. Почему король и кабинет министров не видели такого исхода? Потому что не думали наперед, они лишь хотели утвердить собственное превосходство и верили, что военная победа над смутьянами им обеспечена. Они не сомневались в том, что американцы склонятся перед британским оружием. В этом и состояла движущая ими идея. Полковник Грант сказал, что служил в Америке и хорошо знает американцев, и он заверил палату общин, что американцы не будут сражаться. Они не осмелятся выступить против английской армии, и у них нет качеств, необходимых для хорошего солдата. В палате лордов звучали такие же речи. В ответ на предупреждение депутата от оппозиции, предупредившего, что колонии привлекут бесчисленное количество защитников, лорд Сэндвич сказал: «Ну и что такого? Они все недисциплинированные, к тому же и трусы. Если они не побегут, то умрут с голода, мы уж об этом позаботимся». Он и его коллеги рады были закончить бесконечную вражду с колониями посредством силы, и, поскольку считали себя сильнее, война казалась им самым легким решением.

Впоследствии они продолжали верить, что, по словам лорда Гауэра, мятежный язык американцев был «языком смутьянов и нескольких фракционных лидеров», а делегаты Континентального конгресса «далеки от здравого смысла respectable части их избирателей. Делегатов им навязали, а влиятельные люди побоялись этому воспрепятствовать». Возможно, в отношении «влиятельных людей» Гауэр не слишком заблуждался, но большинство американцев придерживалось другого мнения.

Результатом подобной заносчивости стала неспешная и вялая подготовка. Хотя после введения год назад «репрессивных актов» нарастание вражды между колониями и метрополией было предсказуемо, никаких мер для усиления военной подготовки не приняли. Самодовольный Сэндвич, агитировавший за насильственные действия, в своем статусе первого лорда Адмиралтейства не сделал ничего для подготовки флота, необходимого для транспортных операций и блокады. Напротив, в декабре 1774 года он сократил численность флота на 4000 человек, иначе говоря — на двадцать процентов. «Мы сделали шаг, столь же решительный, как переход через Рубикон, — сказал через несколько месяцев генерал Бургойн, — и увязли в самой серьезной войне, которую должны продолжать без каких-либо распоряжений и без пороха».

В апреле 1775 года генерал Гейдж, узнав о больших запасах оружия, хранившихся в Конкорде, в двадцати милях от его позиций, принял очевидное решение — отправить отряд и уничтожить склад. Сохранить это намерение в тайне не удалось: вспыхнули предупредительные сигнальные огни, вскачь отправились гонцы, и британский отряд попал под

обстрел ополчения у Лексингтона. Ответным огнем ополченцы были рассеяны. Вокруг Конкорда поднялось предупрежденное вестниками население, из каждой деревни и фермы вышли люди с мушкетами и встретили возвращавшихся британцев убийственно меткими выстрелами. Они преследовали солдат, пока тех не спасли два полка, высланных из Бостона. «Началась страшная трагедия», — грустно признал Стивен Сэйре, когда новость об этом событии дошла до Лондона.

Прозвучал последний страстный призыв к здравому смыслу — лидер методистов Джон Уэсли в письме от 14 июня писал лорду Дартмуту: «Откладывая в сторону все размышления о том, что есть добро и что зло, я спрашиваю: есть ли здравый смысл в том, что мы используем силу против американцев? Могут ли 20 тысяч солдат, находящихся в трех тысячах миль от дома и столь же далеко от снабжения, надеяться покорить народ, борющийся за свою свободу?» Из сообщений друзей-священников в Америке он знал, что колонисты — это не крестьяне, готовые бежать, завидев красный мундир или услышав выстрел из мушкета, и хотя их вряд ли можно было назвать профессиональными солдатами, одержать победу над ними будет непросто. «Нет, милорд, все они очень сплочены». Свое письмо Уэсли закончил так: «Помните Ровоама! Помните Филиппа II! Помните Карла I!»

5. «...БОЛЕЗНЬ, БРЕД»: 1775–1783 гг.

Кризис не всегда освобождает от безумия; старые привычки и предубеждения живучи. Правительство, которое вело войну, отличалось неповоротливостью и

небрежностью, разобщенностью и непоследовательной тактикой, а вдобавок — фатальной недооценкой противника. Слабое правление дома порождало слабое руководство на войне. Генералы Хоу и Бургойн с самого начала не верили в победу. Когда командующим был Хоу, его вялость вошла в поговорку. В том, что их войска на суше покорят Америку, сомневались и другие военные. Генерал-адъютант Эдвард Харви считал весь этот план сумасшедшей идеей, полностью противоречащей здравому смыслу.

Министры недооценивали задачу и потребности. Не годились ни материалы, ни люди, корабли были ненадежны, моряков не доставало, особенно опытных. В Лондоне не задумывались о проблемах транспортировки и коммуникаций, руководство военными действиями осуществлялось на расстоянии, причем на то, чтобы получить ответ на письмо, уходило два-три месяца. Война против соотечественников не пользовалась популярностью. «Чувства нации, — признавал лорд Норт после Лексингтона и Банкер-Хилла, — не поднимались до той высоты, которую можно было пожелать». Скромные результаты в наборе солдат — менее двухсот за три месяца — привели к вербовке наемников из немецкого Гессена (их численность составила треть британских сил в Америке). Участие наемников в войнах Англии был обычным делом, поскольку в представлении обыкновенного человека военная служба расценивалась очень низко. Использование гессенских наемников больше, чем что-либо, возбудило враждебность колонистов, убедило их в британской тирании и упрочило сопротивление. Американская революция, при собственных ее ошибках и неудачах, интригах и

недовольстве, оказалась успешной из-за неразумности британского управления.

Только через четыре месяца после Лексингтона и Конкорда и через месяц после известия о сражении при Банкер-Хилле Америку объявили настоящим и общепризнанным мятежником, а упомянутый временной промежуток заняли раздиравшие правительство противоречивая политика, грызня за посты и привычное отсутствие на службе, вызванное лососевым сезоном или охотой на шотландскую куропатку. Король же в это время требовал декларации о мятеже и о намерении любыми строгими мерами добиваться подчинения заблудших детей. Секретарь по делам колоний лорд Дартмут все еще искал возможность ненасильственного разрешения конфликта; умеренные, не входившие в кабинет, и опытные заместители министров надеялись избежать разрыва; сторонники Бедфорда горячо призывали к решительным действиям; лорд Баррингтон настаивал на том, что колонии можно подавить посредством морской блокады и воспрепятствования торговле. Братья Хоу — генерал сэр Уильям и адмирал лорд Ричард, — назначенные командующими, соответственно сухопутными и морскими силами в Америке, считали, что переговоры предпочтительнее военных действий, и искали переговорщиков. Лорд Норт, не желавший принимать окончательного решения, пытался отсрочить нечто необратимое.

Уступая давлению короля и кабинета, настроенного в духе бедфордцев, Норт вынужден был сдаться. 23 августа вышла прокламация Его Величества о подавлении мятежа. Объявляя американцев «предателями», развязавшими войну против короны, король высказывал мнение, что бунт стал результатом

заговора «опасных и коварных людей», он не обращал внимания на многочисленные сообщения генерала Гейджа и губернаторов, что в восстании принимают участие все классы. Настаивание на укоренившемся собственном представлении в противовес всем доказательствам обратного является источником самообмана, характерного для безумия. Скрывая реальность, оно избавляет от необходимых усилий.

Между тем на Континентальном конгрессе в Филадельфии умеренные депутаты сумели добиться принятия обращения к королю — «Петиции оливковой ветви». В этом документе говорилось о лояльности колоний и об их преданности короне. Депутаты обращались к королю, просили его прекратить враждебные действия и отменить репрессивные меры, принимавшиеся с 1763 года. Они выражали надежду на то, что примирения можно достигнуть. Когда в августе петиция прибыла в Лондон, Георг III отказался ее принять, и через несколько дней последовала его прокламация о подавлении мятежников. Оливковую ветвь конгресса в парламенте отвергли, как и обычно, большинством голосов.

Вслед за изданием королевской прокламации перевели на другой пост Дартмута — его сделали лордом-хранителем малой печати, а на прежнее его место — секретаря по делам колоний — поставили лорда Джорджа Джермейна, страстно желавшего «поставить бунтовщиков на колени». В прошлом урожденного Сэквилла из Ноула, младшего сына седьмого графа и первого герцога Дорсета^[15], была странная история с

¹⁵ Джермейном он стал в 1770 году после получения наследства от друга семьи, носившего это имя.

военным судом и остракизмом, но он все-таки добился расположения короля тем, что давал ему советы, которые тот хотел услышать. В результате Джермейн получил критически важный для Америки пост.

В 1759 году в сражении при Миндене лорд Джордж, генерал-лейтенант и командующий английской кавалерией, по непонятной причине отказался исполнить приказ принца Фердинанда Брауншвейгского и не повел кавалерию в бой, чтобы завершить победную атаку разгромом французов. Его уволили со службы, общество назвало его трусом, военный суд обвинил в неподчинении приказу и объявил, что он «неспособен служить Его Величеству в любом военном качестве», об этом решении суда было объявлено всем британским полкам. «Я всегда говорил вам, — написал его бедный полусумасшедший брат лорд Джон, — что мой брат Джордж ничем не лучше меня».

Хотя обвинение в трусости странно не соответствовало яркой двадцатилетней военной карьере, лорд Джордж так и не объяснил своего поведения при Миндене. Суровый и высокомерный, он происходил от предка, «жившего в величайшей роскоши, которой позавидовал бы любой английский аристократ». Дед его избежал обвинения в убийстве только благодаря дружескому вмешательству Карла II. Отец сделался герцогом, когда Джорджу было четыре года. По воскресеньям родительский дом, словно у короля, осаждали просители и визитеры. Лорд Джордж мало кому внушал симпатию, он успел нажить себе врагов критическими замечаниями в адрес коллег-офицеров, однако через несколько лет, благодаря поддержке Сэквилла и собственному напористому нраву, сумел выбраться из немилости и вернуть прежний высокий

статус. Опыт сделал его жестче, но не мудрее, и Джермейн готов был стать министром, ответственным за войну.

Лорд Джордж, как и все остальные министры кабинета, как и друзья короля, даже думать не хотел о примирении с колониями. Когда лорд Норт заговорил о мирных переговорах, Джермейн выдвинул свои условия. Америка еще до переговоров должна была признать «полное и безусловное верховенство законодательного органа, издающего законы для колоний». Поскольку колонисты в течение десяти лет отвергали этот принцип, что и привело к бунту, то, по словам лорда Нортона, такое условие обрекало мирные переговоры на неудачу. Дартмут прямо заявил, что откажется от поста лорда-хранителя печати, если условия Джермейна останутся в силе. Норт намекнул, что уйдет вслед за своим сводным братом.

Затем начались бесконечные обсуждения условий: следует ли оставить слова «полное и безусловное»? Надо ли потребовать от колоний признания принципа верховенства законодательного органа, прежде чем начинать переговоры? Должны ли члены комиссии получить дискреционные права? Может ли адмирал Хоу исполнять обязанности адмирала одновременно с участием в мирных переговорах? Интриги во время всех этих диспутов не кончались: шла борьба за несколько придворных должностей и постов младших министров, от которых отказались противники войны. В январе 1776 года парламент потратил время на споры о выборах и на торговлю с германскими принцами, запросившими высокие цены за своих наемников. Мирные предложения не ушли далее уже отвергнутого конгрессом плана примирения, который Норт представил год назад. Ни

король, ни кабинет не хотели принять условия американцев, требовавших определенной автономии при сохранении власти короны. Комиссию по примирению предложили для отвода глаз, продолжая питать иллюзорную надежду на раскол среди колоний. Как отмечал один ученый, друг Франклина, доктор Джозеф Пристли, сейчас доминирует Джермейн и на благоразумие и сдержанность надеяться нельзя, «все дышит злобой и отчаянием».

Когда в мае 1776 года обговорили условия и назначения, произошедшие события сделали все это бессмысленным. Памфлет Томаса Пейна «Здравый смысл», смело призвавший к независимости, возбудил колонистов, убедил тысячи людей в необходимости восстания, и вместе со своими мушкетами они явились на сборные пункты. Главнокомандующим был назначен Джордж Вашингтон; форт Тикондерога сдался отряду Этана Аллена, состоявшему из 83 человек. Генерал Уильям Хоу вынужден был эвакуировать Бостон, так как американцы затащили на высокогорье Дорчестер Хайтс пушки из Тикондероги; английские войска вели полномасштабные бои на юге и в Канаде. В июне Континентальный конгресс заслушал резолюцию Ричарда Генри Ли из Виргинии, этот документ гласил: «Соединенные колонии являются и по праву должны быть свободными независимыми штатами; они полностью освобождаются от верности британской короне, и всякая политическая связь между ними и государством Великобритания должна быть полностью расторгнута». Второго июля делегаты единогласно проголосовали за Декларацию независимости, а 4 июля, во время второго голосования, в текст были внесены добавления.

В сентябре, после победы Хоу в сражении на Лонг-Айленде, его брат-адмирал в своей ипостаси участника примирительной комиссии устроил встречу с Франклином и Джоном Адамсом. Последний представлял Континентальный конгресс, но так как полномочий для переговоров у него не было, совещание оказалось бесполезным. Так попытка предотвратить раскол сорвалась с обеих сторон.

Противники войны с самого начала громко заявляли о себе, однако тех, кто выступал за войну, было намного больше. Следуя примеру Амхерста, офицеры армии и флота отказывались воевать против американцев. Адмирал Огастес Кеппель, воевавший на протяжении всей Семилетней войны, заявил, что не примет участия в нынешней. Граф Эффингем вышел в отставку, не пожелав сражаться в войне, причины которой ему неясны. Старший сын лорда Чатема Джон, служивший в полку в Канаде, также вышел в отставку и вернулся домой, а другой армейский офицер сказал так: «Эта война непопулярна, честные люди не хотят рисковать своей репутацией и не принимают в ней участия». Свобода действий нашла своего адвоката в генерале Конвее: на заседании парламента он заявил, что, хотя солдат обязан беспрекословно подчиняться приказу и воевать против иностранного государства, в случае внутреннего конфликта он должен быть уверен, что выступает за справедливое дело, а потому в данном случае лично он «не обнажит шпагу».

Распространению таких настроений способствовала убежденность в том, что американцы борются за либеральные английские свободы. Поскольку и та и другая сторона зависят друг от друга, то либо обе будут «похоронены в одной могиле», либо «вечно будут

терпеть», — сказал оппозиционный оратор лорд Джон Кавендиш. Четыре представителя в парламенте от Лондона и все шерифы и члены городского управления оставались стойкими защитниками колоний. И в палате общин, и в верхней палате были сделаны заявления с протестом против привлечения иностранных наемников без согласия парламента. Герцог Ричмонд в декабре 1776 года призвал пойти на уступки колониям и заявил, что сопротивление Америки «оправданно как в политическом, так и в моральном отношении». Был организован сбор денег в пользу вдов, сирот и родителей американцев, «бесчеловечно убитых войсками короля при Лексингтоне и в Конкорде».

В 1776 году появилась политическая карикатура, изображавшая спящего льва, а рядом с ним министров, убивающих гусыню, которая несет золотые яйца. Обозреватели, в том числе и Уолпол, обратили внимание на такое противоречие. Будет ли Америка побеждена или нет, Британию не ждет ничего хорошего, ибо страна, которой управляет армия, уже не сможет быть желанной для людей и торговли, она «будет заброшена и превратится для нас в обузу, какой стали Перу или Мексика с их серебряными копиями для Испании. Безумием было втянуть нас в этот ад!» Даже Босуэлл думал, что меры, принятые правительством, были «неудобоваримыми и свирепыми», а министры «сошли с ума, развязав эту войну».

Большинство же поддерживало войну, и ее сторонники выражали свое мнение с не меньшей прямоотой. Возможно, и не все согласились бы с резким высказыванием доктора Джонсона «Я люблю все человечество, кроме американцев», и не скатились бы в абсурд маркиза Кармартена, одного из друзей короля,

заявившего в дебатах: «Так чего же ради им [колонистам] было дозволено переселиться в сей край, если барыши от их труда не возвратятся к их здешним господам? Я полагаю, что политика колонизации не стоит и гроша, если ее выгоды не пойдут на пользу интересам Великобритании». Однако подобные чувства разделяли многие британцы. (Небезынтересно будет отметить, что британцы совершенно не знали и не хотели знать, как и почему были основаны колонии.)

По-деловому подошли к этому вопросу в Бристоле, избирательном округе Берка, к электорату которого он с непререкаемой логикой и незначительным эффектом обратился в своем «Письме к шерифам Бристоля». Купцы, лавочники и духовенство этого крупного порта направили королю верноподданническое послание с призывом принять жесткие меры для удержания колоний. Землевладельцы и светское общество были с ними согласны. Все предложения оппозиции обычным порядком были отвергнуты парламентом. Большинство поддерживало правительство не потому, что лояльность их была куплена, а потому, что они были уверены в своем превосходстве и в том, что колонии должны им подчиняться.

Бессилие оппозиции, насчитывавшей около ста человек, вызвано было не только силой противной стороны, но и отсутствием единства в их собственных рядах. Чатем снова заболел и вышел из строя на два года — с весны 1775 по весну 1777 года, но, как и Гамлет, был «помешан только в норд-норд-вест. При южном ветре [он] еще отличит сокола от цапли». После американской Декларации независимости он предсказал своему врачу доктору Аддингтону, что если Англия не изменит свою американскую политику, Франция своего шанса не

упустит. Она только и ждет, когда Англия глубже увязнет в «самоубийственной войне».

И все же, когда болезнь отступала, Чатем действовал один, по собственному разумению. Из-за его самонадеянности и нежелания стать функциональным лидером оппозиция оказалась склонна к размежеванию и подвержена капризам своих главных фигур. Ричмонд, самый агрессивный и откровенный член палаты лордов, ненавидел Чатема, но по своему характеру он не был ни лидером, ни ведомым. Чарльз Джеймс Фокс, восходящая юная звезда оппозиции, блистал в палате общин остроумием и обличительными речами, как некогда Тауншенд, но тоже выступал как одиночка. Других мучили противоречия. Хотя они верили в справедливость американского дела, но не могли не бояться того, что победа американской демократии представляет угрозу верховенству парламента и является опасным стимулом для реформистского движения.

Разочарование в собственном правительстве и поражения при голосовании в парламенте действовали угнетающе. Ричмонд признался в этом Рокингему, когда тот пытался объединить оппозицию, и призвал его высказать свое мнение относительно билля, запрещающего торговлю с тринадцатью бунтующими колониями. «Признаюсь, по отношению к американскому вопросу я чувствую себя очень вяло», — написал Ричмонд. «Что толку сопротивляться этому биллю? Нужно сопротивляться всей системе». Он не приехал в Лондон, а позже и вовсе отправился во Францию — разбираться с юридическими тонкостями своего французского пэрства. Возможно, «хорошо, что оно у меня есть», написал он Берку, ибо недалек тот день, когда «Англия дойдет до состояния рабства», и если

«Америка нас не пустит, то Франция станет неким прибежищем, и мое пэрство будет весьма кстати». Возможно, никогда еще историческое пророчество не было столь очевидно перевернуто с ног на голову, ибо в следующее десятилетие произошла Французская революция. «Что до английской политики, — продолжил Ричмонд, — то должен вам признаться: меня от нее тошнит, я совершенно вымотан и нахожусь в расстроенных чувствах».

Лидер оппозиции Рокингем настолько разочаровался, что в 1776 году предложил противникам войны «отделиться», то есть сознательно не являться в парламент. Рокингем считал такой шаг ярким протестом против правительственной политики. Солидарности по этому вопросу он не дождался, согласились только его соратники-виги. Они разъехались по своим имениям, но через год вернулись. «Они милые люди, — написал Чарльз Фокс Берку, — но штурмовать цитадель не готовы». Берк, отмечая их важнейшие качества как министров, ответил, что добродетели этих людей — результат «крупных состояний, высоких титулов и спокойных домов».

Бунтовщики и не думали прекращать сопротивление. Несмотря на нехватку оружия и припасов, на недостаток обученных и дисциплинированных войск и несмотря на короткие сроки военной службы, у колонистов была цель, за которую они боролись, у них были героический командир и твердая воля, а также победы, такие, как при Трентоне и Принстоне, что укрепляло их дух. Враги Британии поставляли оружие, британская тактика намеренных разрушений и грабежей, а также привлечение индейцев для осуществления террористических актов возбуждали у

американцев боевой настрой. Британцы переоценили поддержку американских лоялистов, за которую их же и презирали. При мобилизации лоялистов британцы зависели от долгих трансатлантических перевозок. Они боялись, что Франция и Испания воспользуются трудностями Англии и предпримут нападения на море или даже организуют вторжение, а это требовало размещения войск для обороны и отправки кораблей в прибрежные воды. Истощение сил тревожило многих. «Думающие друзья правительства не испытывают оптимизма», — писал Эдвард Гиббон, избранный в 1774 году в парламент как сторонник Норта.

В феврале 1777 года генерал Бургойн прибыл в Англию. Вместе с Джермейном они разработали план военных операций, согласно которому одна часть английских войск должна была выступить из Канады, а другая — спуститься из Нью-Йорка в долину реки Гудзон и отрезать Новую Англию от других колоний. Войну должны были закончить к Рождеству. Бургойн вернулся к северной армии и повел ее к Олбани, но двойной охват не получился, оттого что задействованной оказалась только половина предполагаемых клещей. Южная армия под командованием сэра Уильяма Хоу, задумавшего собственную кампанию и не договорившегося со своим коллегой, двигалась совсем в другом направлении — к Филадельфии. Сэр Генри Клинтон, командовавший силами, оставшимися в Нью-Йорке, не мог выйти к Гудзону без основной армии. Бургойн начал поход в июне. В разгар лета поступали тревожные сообщения: у Бургойна опасно истощились припасы; нападение на склады в Бенингтоне было решительно отбито — американская армия набирала силу. Хоу по-прежнему был занят в Пенсильвании. Клинтон время от времени

испытывал паралич воли, но в последнюю минуту в отчаянии двинулся на север. Соединения армий все еще не произошло. Вашингтон готовился противодействовать Хоу, но, следя за его передвижениями, обнаружил, что Хоу на север не пойдет. Узнав о победе генерала Патнэма под Беннингтоном, Вашингтон написал ему и выразил надежду, что «вся Новая Англия соберется и сокрушит генерала Бургойна».

Лорда Чатема не столько беспокоили эти события, сколько угроза со стороны Франции. 20 ноября 1777 года он поднялся с постели и потребовал «немедленного прекращения вражды». Прежде чем стало известно о событии, ознаменовавшем водораздел в войне и подтвердившем его аргументы, Чатем сказал: «Я знаю, что завоевание английской Америки не удастся. Вы не можете, не сможете покорить Америку...» Защита неотъемлемых прав не является бунтом. Война «несправедлива в своих принципах, непрактична в средствах и губительна в последствиях». Использование «наемников, сынов грабежа и насилия, пробудило возмущение, а этого уже не исправить». «Если бы я был американцем и если бы иностранные войска вошли в мою страну, я никогда не сложил бы оружие, никогда, никогда! Настаивая на покорности, Британия потеряет доход от колоний и их поддержку в противостоянии с Францией. В результате Франция и Испания возобновят против нас войну». Чатем не призывал к признанию независимости Америки, ибо до самой смерти верил в прочность отношений между колониями и короной. Если перефразировать одного из его преемников, Чатем с радостью заявил бы, что ему не довелось быть главой правительства, согласившегося на ликвидацию Британской империи. Его предложение о прекращении

вражды не нашло отклика у лордов, они отвергли его при соотношении четырех к одному.

В палате общин Чарльз Фокс обратил внимание на одну военную проблему, которая впоследствии и проявилась. «Завоевание Америки, — сказал он, — попросту невозможно из-за фундаментальной ошибки, мешающей нашим генералам добиться успеха». Их разделяет слишком большое расстояние, чтобы они могли помочь друг другу. Через двенадцать дней явился курьер с ужасным сообщением: 17 октября в Саратоге возле Олбани генерал Бургойн, с остатками потрепанной, голодающей, поредевшей армии, сдался континентальному корпусу. Накануне генерал Клинтон, не продвинувшийся далее Кингстона, что в пятидесяти милях от Олбани, повернул обратно в Нью-Йорк за подкреплением.

Саратога вдохнула в американцев новые силы и согрела кровь в снежную и холодную зиму, обрушившуюся на долину у Вэлли-Фордж. После подписания капитуляции люди Бургойна должны были отбыть обратно в Британию с обязательством никогда более не воевать против Америки. Целая армия, почти восемь тысяч человек. Сверх того, стали реальностью самые большие страхи Британии — Франция вступила в войну в союзе с Америкой. Через две недели пришло известие о капитуляции, и французы, опасаясь, что британцы могут предложить своим бывшим колониям приемлемые мирные условия, поспешили известить американских послов о решении признать новорожденные Соединенные Штаты, а еще через три недели сообщили о своей готовности вступить с ними в альянс. Договор, согласно которому в мире возникла новая нация, стал одним из самых важных в истории, а

на его заключение ушло менее месяца. Помимо признания независимости Америки и включения в договор обычных статей о дружеских отношениях и торговле, документ предусматривал, что в случае войны между Британией и Францией ни одна из сторон не заключит сепаратный мир.

Предсказание Чатема о вмешательстве Франции подтвердилось, но еще до того, как это стало известно, 11 декабря 1777 года он явился в палату лордов и снова заявил, что Англия вступила в «губительную» войну. Народ вовлечен в нее обманом, сказал он. Его слова можно отнести ко всем войнам и безумию, а происходит это много столетий подряд, виной чему «налогообложение, доверчивость, несбыточные надежды, фальшивая гордость и выгода самого романтического и немыслимого толка».

Невероятное известие о капитуляции британской армии перед американскими колонистами повергло в шок правительство и население и вывело из спячки тех, кто до сих пор и не задумывался о войне. «Вы не представляете, какое впечатление произвела эта новость на умы горожан», — писал Джорджу Селвину один знакомый. «Те, кто никогда ничего не чувствовал, теперь уже чувствуют. Те, кто был почти безразличен к американским делам, пробудился от летаргического сна и понял, в какое ужасное положение мы попали». Акции упали в цене, лондонский Сити охватило уныние, люди шептались об «опозоренной нации» и говорили о смене правительства. Гиббон писал, что если бы не боязнь позора, палата проголосовала бы за мир даже на самых невыгодных условиях.

Оппозиция бросилась в яростную атаку, осуждая министров и правительство в целом за неумелые военные действия и за политику, приведшие к войне. Берк обвинил Джермейна в «намеренную слепоту», в результате которой Британия потеряла Америку. Фокс призвал к отставке Джермейна, а Уэддерберн, придя на защиту Джермейна, вызвал Берка на дуэль. Барре утверждал, что план кампании недостойн британского министра и слишком абсурден для индейского вождя. Даже Джермейн был обеспокоен, однако выдержал атаку при поддержке короля и главы кабинета. И Норт, и Георг III понимали, что если ответственность будет возложена на Джермейна, то ее возложат и на вышестоящих, то есть на них.

Правительство удержалось также благодаря тщательно выстроенной структуре голосования. Сельская партия, хотя и нервничала из-за войны, но еще сильнее опасалась перемен, и, несмотря на то, что война обходилась им недешево, а о доходах и не мечталось, они выжидали. Только король, закованный в броню непогрешимости, не обращал внимания на всеобщее беспокойство. «Я знаю, что исполняю свой долг, а потому не отступлю», — сказал Георг III Нарту в начале войны, и все прочее его не интересовало. Никакие события не смогли пробить брешь в пресловутой броне. Король был уверен в своей правоте, а когда надежды на неременный триумф стали меркнуть, то уверился, что завоевание американцами независимости будет означать распад империи, и он молил небеса «научить действовать так, чтобы потомство не обвинило его в падении этой некогда уважаемой империи». Перспектива поражения при «его» правлении не обрадует ни одного

правителя, а потому Георг III упрямо старался продлить войну, пока сохранялась хоть какая-то надежда на успех.

За Саратогой последовали отставка Хоу, возвращение Бургойна, недоверие и разочарование Клинтона, обвинения и официальные запросы. К генералам, обвинявшим в своих неудачах неумелость правительства, относились терпимо не только потому, что все считали виновным Джермейна, но и потому, что генералы заседали в парламенте, и правительство не хотело, чтобы они перешли в оппозицию. Неспособность Джермейна скоординировать кампанию Хоу в Филадельфии с кампанией Бургойна на Гудзоне, как и странное поведение Джермейна в Миндене, казалось, имели только одно объяснение — обыкновенная халатность.

Впоследствии всеобщую неприязнь к Джермейну подогрел инцидент, произошедший во время первоначальной работы над планом. Джермейн отправился в загородное имение, но по пути заехал в министерство, намереваясь подписать депеши. Застав лорда Джорджа в кабинете, его заместитель, Уильям Нокс, напомнил Джермейну, что надо ознакомить Хоу его с планом, дескать, не мешало бы узнать его мнение. «Его светлость вздрогнул, а д'Ойли [второй секретарь] широко раскрыл глаза» и предложил срочно написать депешу, чтобы его светлость ее подписал. Лорд Джордж терпеть не мог, когда его отрывают от того, что он задумал, и он отказался, мотивировав свой отказ тем, что «все это время мои бедные лошади будут стоять на улице, к тому же я не приеду вовремя». Он приказал д'Ойли составить письмо Хоу и отправить его вместе с инструкциями для Бургойна, и «это будет все, что ему нужно знать».

Письмо не успели доставить вместе с другими депешами на корабль, и Хоу получил его значительно позже.

В оправдание мы бы сказали, что соблазны комфортных экипажей миновали Америку, однако расстояние, время, ненадежное планирование и непоследовательное управление были недостатками куда более значительными. Беспечное отношение лорда Джорджа к депешам было лишь симптомом более опасного легкомыслия. Мы могли бы заметить, что легкомыслие можно проследить и в примерах сверхпривилегированной жизни министров, но что тогда сказать о знаменитом провале в передаче информации, когда американских командующих не предупредили о возможной атаке на Перл-Харбор? Похоже, человечеству присущ этот коммуникационный недостаток.

Немедленно избавить Британию от не приносящей дивидендов войны, чтобы она могла ответить на вызов Франции, можно было только одним способом — заключить соглашение с колониями. Ходили слухи о грядущем франко-американском договоре, и Норт, после Саратоги потерявший надежду на победу, пытался сформировать еще одну примирительную комиссию, однако Джермейн, Сэндвич, Терлоу и другие твердолюбые консерваторы ему в этом препятствовали. Они не желали вести переговоры с мятежниками. Пока Норт ломал голову над тем, какие можно предложить условия — не такие оскорбительные, чтобы их отверг парламент, но достаточно привлекательные, чтобы их приняли американцы, — через тайных агентов дошел слух, что союз Франции с Америкой уже подписан.

Через десять дней Норт представил парламенту пакет предложений для примирительной комиссии, предполагающих такие уступки, что, будь они выдвинуты до войны, их точно бы не приняли. По сути, они повторяли билль Чатема, отвергнутый парламентом в прошлом году. Они отменяли налогообложение, соглашались на статус конгресса как конституционного органа, приостанавливали действие «репрессивных актов», Закона о чае и прочих спорных распоряжений парламента, изданных с 1763 года. Документ приглашал в палату общин американских представителей и наделял членов примирительной комиссии правом действовать, обсуждать и выносить заключения по всем вопросам. Парламент не согласился принять подобный план, он намеревался повторно присоединить к себе колонии и никуда их не отпускать.

Выслушав долгие, двухчасовые объяснения Норта, палата погрузилась в грустные раздумья. Им казалось, что первый министр предал принципы, которых придерживалось правительство в последние десять лет. «Никогда еще нацию не позорило такое собрание глупцов», — ядовито прокомментировал этот инцидент доктор Джонсон. Друзья пребывали в замешательстве, оппоненты медлили, а Уолпол, этот «греческий хор», всех отрезвил. Он назвал этот день позорным для правительства и сказал, что оппозиция была права от начала и до конца. Он считал, что американцы могут принять выдвинутые уступки, «и, все же, мой друг», написал он Манну, «у этих уступок есть один изъян — они пришли слишком поздно». Договор с французами уже подписан; вместо замирения будет большая война. Палата готовилась одобрить план «с быстротою, которая могла бы сделать все, но только не вернуть упущенное

время». Норт был прав: исторические ошибки часто непоправимы.

Отказаться от негодной политики не позорно, а похвально, если такая перемена искренна, а новый курс имеет четкую направленность. Создание примирительной комиссии вовсе не стало таким решительным шагом. Норт, как и всегда дружелюбный, твердостью не обладал. В дебатах под нажимом разгневанных консерваторов он терялся, смягчал условия, забирал у членов комиссии дискреционные права и обещал, что дискуссии о независимости не будет. С американцами надо обращаться как с подданными, и никак иначе. На работу примирительной комиссии Норт отводил срок в двенадцать месяцев, начиная с июня (прения в палате общин проходили в марте). Однако военное счастье переменчиво, а ситуация в Америке была в достаточной степени неопределенна, чтобы позволить королю и консерваторам убедить себя, что они могут достигнуть цели.

Многие подозревали, как сказал Джон Уилкс (наконец-то занявший свое место в парламенте), что примирительную комиссию создали для того, чтобы «успокоить людей, а не вернуть колонии», а шоу понадобилось, чтобы сторонники правительства не разбежались. Падение приверженцев Бедфорда казалось возможным, и его можно было бы добиться, если бы политическую активность оппозиции отличала та же решительность, что и их слова. В дебатах оппозиционеры были великолепны, а на деле — слабы, потому что между собой расходились по вопросу о независимости. Чатем — а с ним Шелберн и прочие — оставался неизменным противником развала империи, которую он привел к победе в Семилетней войне. Рокингем и Ричмонд были

убеждены, что колонии потеряны навсегда, а единственный верный курс — признать их независимость «немедленно и публично», чтобы отколоть их от Франции, и сконцентрировать все силы против главного противника.

Седьмого апреля 1778 года Ричмонд произнес страстную речь с призывом просить короля распустить правительство, вывести из колоний войска, признать независимость колонистов и договориться о «возрождении если не союза, то дружбы».

Чатему следовало бы согласиться, потому что Франция всегда его беспокоила и потому что Декларация независимости колоний и статьи Конфедерации, которые за ней последовали, не могли быть аннулированы иначе, как в результате военной победы, а ее Чатем давно назвал невозможной. И все же возмущение затмило логику: развал империи казался Чатему невыносимым. Узнав, что Ричмонд собирается предложить признать независимость колоний, Чатем собрал слабеющие силы и вложил остатки своего некогда великого авторитета в обвинительную речь против своих же сторонников и против хода истории.

При поддержке девятнадцатилетнего сына, вскоре сделавшего имя Уильяма Питта грозным для всей Европы, и с помощью зятя он проковылял к своему месту, как и всегда, в полном официальном одеянии. Из-под огромного парика сверкали пронзительные глаза. Лицо лорда было истощено. Герцог Ричмонд закончил свою речь, и Чатем встал. Поначалу речь его была неразборчива, но когда слова зазвучали отчетливо, все были поражены. Он говорил о «позорном отказе нации от своих прав и от самых прекрасных ее завоеваний», о том,

что Британия пала ниц перед домом Бурбонов. Затем он потерял нить своего выступления, повторял фразы, запинаясь, а смущенные пары, то ли из жалости, то ли из уважения, сидели молча, и тишина казалась почти осязаемой. Ричмонд вежливо ответил. Чатем снова поднялся, беззвучно открыл рот, схватился за грудь и свалился на пол. Его перенесли в ближайшее здание, где он немного оправился, а потом перевезли в его загородный дом в Хэйсе, где в следующие три недели он медленно угасал. Под конец он попросил сына прочитать ему из «Илиады» отрывок о гибели Гектора.

Страна забыла обо всех недостатках и слабостях великого человека и переживала чувство невероятной потери. Парламент единогласно проголосовал за государственные похороны в Вестминстерском аббатстве. «Он умер, — написал неизвестный автор „Писем Юниуса“, — и разум, честь, характер и понимание нации умерли вместе с ним». Доктор Аддингтон сказал, что смерть Чатема была милосердием Господним, «дабы тот не стал свидетелем полного разрушения страны, которую ему не было суждено спасти».

Удивительно, как часто перспектива утраты Америки побуждала британцев предсказывать крушение и как они все ошибались, ибо Британия пережила потерю довольно спокойно — страна продолжала доминировать в мире и в следующем столетии достигла апогея имперской мощи. «Если будет признана независимость Америки, мы уже не будем сильным и уважаемым народом», — сказал Шелберн. В этот день «солнце Великобритании закатится». Ричмонд предвидел, что франко-американский альянс «должен стать нашей гибелью». Уолпол угрюмо предрек: «Как бы эта война ни закончилась, результат для нашей страны будет

фатальным», и, предвидя последствия поражения, прибавил: «Мы сократимся до размера маленького жалкого острова, и мощная империя превратится в незначительную страну, такую как Дания или Сардиния!» С исчезновением торговли и флота Британия потеряет Ост-Индию, и «Франция станет диктовать нам свою волю жестче, чем мы диктовали ее Ирландии».

Причиной столь мрачных ожиданий были два стойких представления века: во-первых, для процветания Британии жизненно необходима торговля с колониями, и, во-вторых, французские Бурбоны и Испания представляют для нее угрозу. До Французской революции оставалось всего одиннадцать лет, и подобные события представлялись чем-то совершенно немыслимым, а англичанам казалось, что их страна находится на стадии упадка. В письме к Рокингему, жалуясь на апатию общества, Берк писал, что без существенных изменений в национальном характере и лидерстве народ сползет «с высочайшего уровня величия и благополучия на низшую ступень безумия и бедности». Он заявлял: «Я уверен, что, если не принять немедленных и решительных мер для предотвращения этого, такой может стать судьба нашей страны». Поскольку никакое сознательное усилие не в силах остановить упадок нации, если он действительно имеет место, то Берк в данном случае говорил глупости, и, как доказывают его нескончаемые словесные извержения, глупостей он говорил предостаточно.

Смерть Чатема в мае позволила Рокингему утвердить свое лидерство, объединить фракции и одержать победу над приверженцами правительства: они начали сомневаться в необходимости войны и задумываться над военными расходами. Королю

посоветовали сделать необходимые изменения, и Рокингему представился шанс потребовать поста и настоять на изменении политики: прекратить военные действия и признать неизбежное — независимость колоний. Фокс пытался убедить колеблющегося маркиза принять этот курс; он готов был предложить королю заменить часть министров, причем так, чтобы не расстроить монарха и сохранить его поддержку. Для общественного деятеля отказаться от поста, предложенного ему честь по чести, согласно достоинству, сказал Фокс, означает поступиться своим долгом. Берк тоже пытался говорить об ответственности, но для Рокингема и Ричмонда, хотя оба они все прекрасно понимали и знали нужное лекарство, общественный долг обычно отступал на второй план, когда будущее не сулило ничего хорошего или политическая необходимость предвещала неприятности. «Оппозиция была слишком инертной», — писал Уолпол. Благоприятная возможность была упущена, и министры короля, по словам Фокса, хотя и «презираемые повсюду и всеми, так и останутся министрами».

Примирительную комиссию возглавил Фредерик Говард, пятый граф Карлайл, молодой человек, модный и богатый, владелец великолепного замка Говард, известный, главным образом, лишь тем, что был мужем дочери лорда Гауэра. Помогать ему должны были два более опытных и практичных человека — бывший губернатор Джонстоун, находившийся на стороне оппозиции, и Уильям Иден, признанный политик и заместитель министра, управлявший во время войны секретной службой, а в прошлом бывший секретарем министерства торговли. Иден был старым школьным товарищем Карлайла и другом Уэддерберна, Джермейна

и Норта. Совместные заседания этой группы и правительства лишь укрепляют в мысли, что событиями управляло распространявшееся безумие.

Добравшись до Филадельфии, члены комиссии потребовали проведения совещания с представителями Континентального конгресса. В ответ им сказали, что обсуждать они могут только вывод британских войск и признание американской независимости. Губернатор Джонстон попытался затем подкупить двух видных деятелей конгресса — Джозефа Рида и Роберта Морриса, чтобы они убедили конгресс согласиться на британские условия переговоров. Такое оскорбление, став известным, вызвало еще большую неприязнь американцев к британскому правительству, вспыхнул скандал, побудивший Джонстоуна выйти из комиссии. Тем временем, не проинформировав о том членов примирительной комиссии, Джермейн отправил секретный приказ преемнику Хоу — сэру Генри Клинтону, и тот послал 8000 солдат в Вест-Индию в качестве подкрепления в противостоянии Франции. Тем самым он сократил численность войск в Филадельфии с четырнадцати до шести тысяч, оставив город без обороны.

Карлайл направился в Нью-Йорк, он был разозлен тем, что его заранее не предупредили о намерении Джермейна. Принудить американцев к соглашению могло только одно — угроза военного вмешательства, а теперь, лишившись возможности прибегнуть к этому средству, Карлайл превратился в беззубого тигра. В частном письме он написал, что даже его маленькая дочь Каролина сказала бы правительству, что при таких условиях примирительная комиссия — фарс. «Наши предложения мира, — писал он позже, — слишком

походили на просьбу о прощении побежденного и измученного государства». Это был не последний случай удивительной глупости — отзыв войск одновременно с попыткой заставить противника прийти к соглашению. По исторической иронии судьбы, в результате этой глупости родились Соединенные Штаты, а спустя два столетия они сами повторили подобную глупость и с тем же результатом.

Насколько это было возможно, Карлайл и его коллеги постарались сделать хорошую мину при плохой игре и сказали, что причины для войны устранены — чайный налог и другие карательные акты отменены; парламент Великобритании объявил об освобождении от любых налогов, открыт вопрос о представительстве колоний в парламенте, а Континентальный конгресс признан законным органом. Поскольку признания независимости не прозвучало, конгресс отказался от переговоров. Члены комиссии предприняли последнее усилие и обратились к колониям через голову конгресса. Они попытались вести переговоры по отдельности с каждой колонией, поскольку верили, что большинство американцев хотят вернуться к былым договоренностям. Третьего октября 1778 года они издали прокламацию, в которой повторили, что отменяют все прежние законы и просят за них прощения. Тем не менее они не преминули пригрозить и карательными мерами, указав: «Когда страна вверяет себя и свои ресурсы нашим врагам, Британия может любым имеющимся в ее власти средством уничтожить или сделать бесполезным союз, созданный для ее гибели».

Подлинное намерение, скрывавшееся за этой угрозой, отразил первый вариант прокламации Карлайла. В ней говорилось, что в результате злого умысла и

предательства американцев и заключения ими договора с Францией, а также упорствования в продолжении бунта, у Британии нет иного выбора, кроме как пойти на крайние меры. Она готова на полное разрушение «этой ужасной системы», готова пойти до того предела, который будет по силам ее армии и флоту. Этот аргумент, думал Карлайл, «возымеет эффект», но, очевидно, ему посоветовали обуздать язык. Чтобы прокламация стала широко известна, ее копии разослали всем делегатам Континентального конгресса, Джорджу Вашингтону и всем генералам, губернаторам провинций, ассамблеям, евангелистам, командирам английских военных частей и начальникам лагерей военнопленных.

Поскольку все колонии уже пострадали от преднамеренного разграбления и уничтожения отрядами англичан и гессенцев домов и собственности, от поджога деревень и от опустошения ферм, полей и лесов, то угроза ослабленной армии пугала теперь не так сильно. Более того, конгресс порекомендовал властям штатов опубликовать текст британской прокламации в местных газетах, «дабы убедить добрых людей этих штатов в недостойных замыслах членов примирительной комиссии». Проведя в Америке шесть месяцев, комиссия потерпела фиаско — преднамеренно или по ошибке — и в ноябре вернулась домой.

Возможно, миссия и в самом деле должна была окончиться провалом. И все же Иден писал брату, что «если бы мои желания и старанье» увенчались успехом, «эта благородная страна вскоре снова принадлежала бы Великобритании». Он «очень сожалел, что наши правители, вместо того чтобы совершать тур по Европе, не совершенствовали свое образование к западу от Атлантики». В частном письме он сделал удивительное

признание Уэддерберну: «Невозможно, увидев то, чему свидетелем был я в этой чудесной стране, не сойти с ума от длинной череды ошибок, из-за которых мы ее потеряли».

Это — крайне примечательное письмо. В нем представитель самых влиятельных правительственных кругов не только признает, что колонии уже потеряны, но и то, что к потере привели ошибки его правительства. Признание Идена раскрывает трагическую сторону безумия, а именно то, что виновники иногда понимают: они вовлечены в это безумие, но не могут ничего поделать. Напрасная война продлится еще несколько лет за счет новых жизней, разорения и растущей ненависти. Георг III просто помыслить не мог, что доживет до поражения. В то время как парламент и общество постепенно уставали от войны, король настаивал на ее продолжении, потому что считал, что потеря империи станет для него позором, больше того, он не хотел жить с мыслью, что это произойдет именно при его правлении и поражение оставит на нем неизгладимую отметину.

Настаивая на своем, король черпал мужество в том, что на американцев часто обрушивались неприятности. Не имея централизованных финансов, конгресс не мог содержать армию и организовать снабжение, а это значило, что еще одну зиму солдатам пришлось вытерпеть лишения похуже, чем в Вэлли-Фордж, — нередки были дезертирство и бунты, а паек составлял одну восьмую от нормы. Вашингтона донимали политические интриги, он сомкнулся с предательством Бенедикта Арнольда, с неповиновением генерала Чарльза Ли, против него воевали лоялисты и индейские племена, разочарованные неудавшейся попыткой отвоевать Ньюпорт вместе с французским флотом, к тому

же британцы, захватившие Чарльстон, успешно действовали в Северной и Южной Каролинах. С другой стороны, в Америку прибыло огромное пополнение из состава французской армии и флота, что изменило баланс войны. К Вашингтону присоединились барон фон Штойбен и другие европейские профессионалы, и они превратили потрепанные американские отряды в дисциплинированные военные подразделения. В 1779 году конгресс уполномочил Джона Адамса вести мирные переговоры на основе признания независимости и полного вывода английских войск, однако королю и его упрямым министрам такое предложение все еще представлялось невыносимым.

Первый министр желал одного — избавиться от ненавистного ему поста и больше никогда не слышать об этой войне. Он терпеть не мог военного министра Джермейна и не доверял ему, так что англичане не слишком-то готовы были победить. Они не способны были сформулировать всеобъемлющую стратегию войны и думали только о том, чтобы спасти для короны хоть какие-то колонии — возможно на юге Америки, а на войну смотрели как на кампанию запугивания и блокады, надеясь, что ущерб, причиненный американской торговле, вынудит колонии сдаться. И военачальники, и министры — все, кроме короля — понимали, что победа — это иллюзия и покорить страну им не по силам. Между тем французы объявились в Ла-Манше. Лорд Сэндвич похвалялся, что 35 его кораблей полностью готовы к войне, но, когда французы вступили в войну, адмирал Кеппель обнаружил не более шести готовых выйти в море судов, а склады на верфях были пусты. Сражение возле острова Уэссан в июне 1778 года окончилось

вничью, хотя британцы, подбадривая себя, объявили о своей победе.

С английской политикой дела складывались еще хуже. Под влиянием американской революции в Англии развернулось движение за политическую реформу: люди требовали ежегодных выборов парламента, избирательного права для всех взрослых мужчин, ликвидации «гнилых» избирательных местечек, отказа от синекур и контрактов, выгодных членам парламента. Выборы 1779 года обострили отношения между партиями. Правительственное большинство сильно сократилось. Протестное движение достигло своего апогея в феврале 1780 года, когда петицию подали жители Йоркшира, требовавшие проведения реформ. Петиции, подобные этой, хлынули в Вестминстер из 28 графств и многих городов. Образовались реформистские ассоциации. На короля смотрели как на поборника абсолютизма. Смелая резолюция Даннинга: «Влияние короны чрезмерно возросло, продолжает расти и потому должно быть ограничено», — была принята парламентом хоть и незначительным, но большинством голосов, и за нее проголосовало много представителей негородской Англии. В июне, после отмены некоторых законов, направленных против католиков, собрались толпы, вдохновленные пылкой агитацией лорда Джорджа Гордона. Вспыхнул бунт. Под крики «Нет папству!» и требуя отменить Квебекский акт, они набросились на министров, сорвали с них парики, разграбили их дома, сожгли католические часовни, угрожали банку и три дня терроризировали город, пока войска не навели порядок.

Непопулярность войны и правительства нарастала, но одновременно накапливались и другие проблемы. Испания объявила войну Британии, Голландия помогала

бунтовщикам, против британской блокады колоний выступила Россия, а в Америке вяло тянулась бессмысленная война.

В мае 1781 года командующий южной английской армией лорд Корнуоллис решил консолидировать свой фронт. Оставив Южную Каролину, он направился в Виргинию и создал базу на побережье, в Йорктауне возле входа в Чесапикский залив. Оттуда английский военачальник мог поддерживать связь по морю с армией Клинтон в Нью-Йорке. Корнуоллис получил подкрепление, и численность его войск составила семь с половиной тысяч человек. К Вашингтону, стоявшему в это время на Гудзоне, присоединился граф де Рошамбо. Во главе французских войск он вышел из Род-Айленда для запланированного нападения на Нью-Йорк. В этот момент из Вест-Индии пришло известие от адмирала де Грасса. Он сообщал, что направляется в Чесапикский залив вместе с трехтысячным французским корпусом и будет там к концу августа. Вашингтон и Рошамбо повернули в Виргинию, прибыли туда в начале сентября и блокировали Корнуоллиса с суши.

Между тем британский флот встретил де Грасса в Чесапикском заливе. В ходе боя обе стороны понесли незначительные потери, и англичане вернулись в Нью-Йорк для ремонта, оставив французов хозяйничать в водах возле Йорктауна. Теперь Корнуоллис был блокирован и с суши, и с моря. Шторм сорвал отчаянную попытку Корнуоллиса прорваться на лодках по реке Йорк. Единственное, на что он теперь надеялся, — на помощь со стороны Нью-Йорка. Английский флот не пришел. Объединенная армия из 9000 американцев и почти 8000 французов двинулась на Йорктаун. В ожидании спасения Корнуоллис постепенно подтягивал

свои войска к городу, а противник продвигался вперед. Через три недели положение британцев сделалось безнадежным. 17 октября 1781 года, спустя четыре года после Саратоги, Корнуоллис начал переговоры, а еще через два дня его армия под звуки оркестра сложила оружие. Эту мелодию, как всем известно, называли «Мир перевернулся». Через пять дней из Нью-Йорка пришел флот Клинтон, но было уже слишком поздно.

«О Боже, все кончено!» — воскликнул лорд Норт, когда 25 ноября до него дошла новость о капитуляции Корнуоллиса. Без сомнения, это был вздох облегчения. То, что все закончилось, осознали не сразу, но усталость от долгой борьбы и желание покончить с ней появились даже у короля. Предложения оппозиции, жаждавшей прекращения военных действий, медленно завоевывали голоса, поскольку сельские джентльмены, опасавшиеся увеличения налогов, покинули правительство. В декабре против войны проголосовало 178 человек. В феврале 1782 года свободомыслящий генерал Конвей подвел черту под этим вопросом. Поскольку на момент издания Закона о гербовом сборе Конвей первым предвидел «фатальные последствия» для правительства, взявшего такой курс, то теперь он стал мрачным вестником, заявив: «Продолжать войну в Северной Америке ради непрактичной цели — принуждения ее жителей к покорности — не имеет смысла». Его красноречивое выступление взволновало слушателей, и большинством в один голос — 194 к 193 — предложение Конвея было принято. Оппозиция наконец-то объединилась против правительства. Требования вотума недоверия следовали одно за другим, но правительство сумело оправиться от эмоционального шока, вызванного выступлением Конвея, и выдержало удар.

Когда лорд Норт, сохранивший пост благодаря поддержке короля, обратился к парламенту с запросом о новом военном займе, палата наконец заартачилась, правительственное большинство развалилось, и король, придя в отчаяние, даже подготовил послание парламенту о своем отречении, хотя так и не отправил его. В послании говорилось, что перемены в настроении палаты общин не позволяют ему эффективно вести войну, а он не может подписать мир, который будет «губителен как для торговли, так и для жизненных прав британской нации». В то же время Георг III подтверждал свою приверженность конституции, оставив без внимания тот факт, что, если он не отречется, то конституция потребует от него подчиниться мнению парламента.

В марте шаткая опора правительства в парламенте рухнула. 4 марта было единогласно принят билль, уполномочивший корону заключить мир, а 8 марта только десять голосов спасли правительство от вотума недоверия. 15 марта на голосование была поставлена резолюция, отказывающая в доверии министрам, потратившим 100 000 000 фунтов стерлингов и в результате потерявшим тринадцать колоний, но и на этот раз они удержались благодаря всего девяти голосам. Ранее лорд Норт сообщил королю, что он решительно намерен уйти в отставку. Его отставка, как и отставка всего кабинета, состоялась 20 марта. 27 марта к работе приступило новое правительство во главе с Рокингемом, Шелберн и Фокс получили должности государственных секретарей, прочие министерские посты достались Кэмдену, Ричмонду, Графтону, Даннингу и адмиралу Кеппелю. Генерал Конвей был назначен главнокомандующим, а Берк и Барре — казначеями, соответственно армии и флота.

Однако правящие круги Великобритании повели себя с бывшими колониями в высшей степени нелюбезно, даже несмотря на то, что в состав правительства вошли бывшие оппозиционеры, поборники Америки. Никто из министров и пэров, даже ни один член парламента или заместитель министра не явились на мирные переговоры. Единственным английским представителем, который начал в Париже предварительные переговоры с Франклином, стал успешный купец и поставщик британской армии Ричард Освальд. Друг Адама Смита, который и порекомендовал его Шелберну, явился на встречу без сопровождения официальной делегации, да так и остался единственным участником переговоров со стороны Британии. В июле 1782 года неожиданно скончался Рокингем, и первым министром стал Шелберн. Новый глава правительства неизменно и недвусмысленно отказался признавать независимость колоний. Теперь он думал о федерации — этим выходом Британия могла бы воспользоваться раньше, но сейчас было уже слишком поздно. Американцы настаивали на том, чтобы их независимый статус был признан в преамбуле *sine qua non*. В сентябре все же начались официальные переговоры с Франклином, Адамсом, Лоуренсом и Джоном Джеем, Парижский договор заключили в ноябре, а вступить в силу он должен был в январе 1783 года. Король уже не чувствовал себя таким несчастным, он написал лорду Шелберну об «отделении Америки от империи», и заметил, что «рабство является столь отличительной чертой ее жителей, что, возможно, не так уж и плохо, что они стали чужими для нашего королевства».

В конечном счете британцы в своем безумстве оказались не столь упорствующими, как папы времен Ренессанса. Министры не были глухи к поднимавшемуся недовольству, да и куда им было деться: люди их круга обсуждали вопрос о колониях на дебатах, а на улицах собирались протестующие толпы. Министры не хотели на это реагировать благодаря своему большинству в парламенте, но они беспокоились, тяжело трудились и много тратили, лишь бы удержать колонии, и у них, в отличие от пап, не было иллюзии неуязвимости. Привыкнув с детства к богатству, собственности, привилегиям, они не слишком-то гнались за корыстью и не ставили выгоду во главу угла.

Поскольку министры намеревались сохранить верховенство парламента, их желание присвоить себе право на налогообложение можно понять. Но безумие их заключалось в стремлении сохранить право, которым, как они сами знали, воспользоваться не смогут. Тем не менее они действовали вопреки очевидному, сознавая, что попытка подчинить колонии самым фатальным образом скажется на лояльности колонистов. Ошибка заключалась в способе, а не в мотивации. Реализация политики становилась все более нелепой, неэффективной и провокационной. И, наконец, все упиралось в социальную установку.

Их позицию обуславливало чувство собственного превосходства, столь укорененное, что оспорить его было невозможно. Такое чувство приводит к незнанию мира и к незнанию других людей, потому что оно подавляет любопытство. Правительства Гренвиля, Рокингема, Чатема, Графтона и Норта целое десятилетие усугубляли конфликт с колониями. Никто из них не присылал через Атлантику своего представителя, чтобы

познакомиться с ситуацией, обсудить, выяснить, что не так, в чем опасность, как улучшить отношения. Они не испытывали интереса к американцам, потому что считали их сбродом или, в лучшем случае, детьми, с кем невозможно общаться и даже воевать как с равными. Даже в переписке британцы не могли заставить себя обращаться к главнокомандующему колоний как к генералу Вашингтону и называли его «мистер». Уильям Иден сожалел о том, что «наши правители», довершая свое образование, предпочитали Америке «большой тур» по Европе. Если бы они увидели величие этой страны, то постарались бы сохранить ее, однако вряд ли улучшили бы свои отношения с людьми.

Американцы заселили и колонизировали территории, приобретшие такое значение, что их потеря грозила гибелью империи, но британский дух превосходства не располагал к знакомству с ними и привел к их фатальной недооценке. После мирных переговоров с англичанами американец Джон Адамс писал: «Гордость и тщеславие этого народа представляются мне болезнью, бредом, болезнь эту сами британцы так долго поддерживали, что теперь она извращает все на свете».

Непреднамеренное безумие было безумием системы, уязвимой из-за отсутствия деятельного ума. В лучшее свое время Питт принес Англии триумфальную победу в Семилетней войне, а его сын успешно противостоял Наполеону. В отсутствие этих людей во власти правительство медлило и грубо ошибалось. Герцоги и аристократы в правление Георга III не хотели брать на себя ответственность. Графтон, осознававший собственную неспособность и нежелание возглавлять правительство, являлся на службу раз в неделю,

Тауншенд запомнился безрассудством, Хиллсборо — самоуверенной бестолковостью, Сэндвича, Нортингтона, Уэймута и прочих отличало пристрастие к алкоголю и к азартным играм. Джермейн запомнился как высокомерный и неспособный политик. Ричмонд и Рокингем проявляли равнодушие к исполнению своих обязанностей, их больше интересовали собственные загородные поместья; бедный лорд Норт попросту ненавидел занимаемый им пост и загнал ситуацию в тупик, из которого трудно было бы выбраться даже самым мудрым политикам. Складывается впечатление, что в период 1763–1783 годов уровень умственного развития и способностей британцев, как на гражданской службе, так и на военной, был очень низок. Было ли это невезеньем или причиной тому исключительно привилегированное положение людей, от которых зависело принятие решений, сказать трудно. Представители непривилегированных слоев и среднего класса часто поступают не лучше. Ясно только, что неспособность и самодовольство — наихудшее сочетание.

И, наконец, «ужасная помеха» — достоинство и честь, которым придавали ложное значение и которые принимали за эгоизм; которые приносили возможность в жертву принципу, хоть этот принцип представлял «право, которым вы не можете воспользоваться». Лорд Честерфилд заметил это в 1765 году, Берк и другие неоднократно выступали за целесообразность, а не за показную демонстрацию власти, в то время как правительство отказывалось действовать подобным образом, в чем и проявлялось его безумие. Сначала правительство настаивало на чем-то, потом боролось за это, а результат оказывался губительным, независимо от

выигрыша или поражения. Интересы страны заключались в удержании колоний по доброй воле. Колонии считались сутью британского процветания, и если их сохранение идет вразрез с верховенством законодательной власти, то эту самую власть, как многие советовали, лучше и не использовать.

Хотя война и унижение надолго отравили англо-американские отношения, Британия извлекла урок из этого опыта. Пятьдесят лет спустя, после периода напряженных отношений с Канадой, генерал-губернатор лорд Дарем представил правительству доклад о положении дел в этой стране. Из предложений Дарема в итоге и возник статус члена Содружества, а доклад стал свидетельством: Англия признает, что любой другой курс приведет к повторению американской революции. Остается вопрос: если бы у Георга III были другие министры, можно ли было заключить союз между Британией и Америкой и не возникло бы в таком случае превосходство сил, которое помешало бы развязыванию Первой мировой войны с ее бесконечными последствиями?

Говорят, если бы двух главных действующих лиц — Гамлета и Отелло — поменять местами, то и трагедий бы не было: Гамлет быстро разобрался бы в Яго, а Отелло не стал бы зря медлить и убил бы короля Клавдия. Если бы действующие лица британской политики до и после 1775 года были другими, то, возможно, и правители не совершили бы безумных поступков, и последствия для сегодняшнего дня были бы другими. В гипотетических представлениях есть очарование, но историю вершат правительства.

ГЛАВА ПЯТАЯ

АМЕРИКА ИЗМЕНЯЕТ СЕБЕ ВО ВЬЕТНАМЕ

1. В ПРЕДДВЕРИИ: 1945–1946 гг.

Хотя незнание не является фактором, объясняющим все усилия, которые предпринимали во Вьетнаме один за другим пять президентов, оно все же представляется неким оправданием. Могло иметь место незнание страны и ее культуры, но не могло быть речи о незнании контраргументов и даже барьеров, препятствующих достижению целей американской политики. Все условия и причины, мешавшие успешному результату, либо осознавались, либо предсказывались в тот или иной период времени на протяжении тридцати лет нашего участия в этой войне. Американская интервенция не являлась поступательным движением, которое постепенно завело в трясину, о существовании которой никто не догадывался. Не было такого периода, когда люди, определяющие политику, не признавали бы опасностей, препятствий или развития негативных тенденций. Американская разведка работала должным образом, проверенные данные стабильно поступали с театра боевых действий в столицу, на место неоднократно направлялись особые миссии по изучению ситуации, и не было недостатка в независимых отчетах, которые служили противовесом оптимизму профессионалов, когда таковой преобладал. Безумие заключалось не в том, что люди не знали, какие

препятствия стоят на пути к цели, а в том упорстве, с которым эта цель преследовалась, пусть даже появлялось все больше и больше доказательств того, что она недостижима, что результат не отвечает американским интересам и, в конечном счете, наносит вред американскому обществу, его репутации и мировому могуществу.

Возникает вопрос: почему политики отказываются рассматривать эти свидетельства и их последствия? Ведь отказ делать выводы из очевидного есть пагубная склонность, которая приводит к обратным результатам и является признаком недомыслия. Причины этого отказа и этой склонности могут раскрыться в ходе ретроспективного рассмотрения американской политики во Вьетнаме.

Точкой отсчета является наблюдавшийся в последние месяцы Второй мировой войны отход от строгой линии президента Рузвельта не позволять и ни в коем случае не способствовать восстановлению французского колониального правления в Индокитае. Основной причиной изменения курса стало убеждение, что в ответ на жесткие требования французов и на их уязвленное германской оккупацией самолюбие необходимо усилить позиции Франции, сделав ее той опорой, с помощью которой Западная Европа будет противостоять советской экспансии (последняя с приближением победы в войне стала главной причиной беспокойства Вашингтона). Вплоть до этого времени отвращение, которое у Рузвельта вызывал колониализм, и стремление увидеть, как Азия его уничтожит, были вполне откровенными (и служили основной причиной расхождений с Британией). Рузвельт был убежден в том, что скверное правление французов в Индокитае

представляет собой колониализм в худшей его форме. Индокитаю «не следует возвращаться к Франции, — сказал он в январе 1943 года государственному секретарю Корделлу Халлу. — Это дело абсолютно ясное. Франция владела этой страной (с тридцатью миллионами жителей) на протяжении почти сотни лет, и сейчас этот народ находится в более затруднительном положении, чем был в начале. (Они) имеют право на что-то получше».

Президент «был на эту тему более откровенным, чем по любому другому вопросу, касавшемуся колоний, — заявил Черчилль будущему премьеру Энтони Идену, — и мне представляется, что изгнание из Индокитая Франции является одной из его главных военных целей». На самом деле так оно и было. Во время Каирской конференции 1943 года планы президента в отношении Индокитая заставили генерала Стилуэлла сделать запись в своем дневнике заглавными буквами: «НЕ ВОЗВРАЩАТЬ ФРАНЦИИ!» Рузвельт предлагал отдать эту страну под опеку «лет этак на 25, то есть до тех пор пока мы не поставим их на ноги, как поставили Филиппины». Эта идея крайне встревожила британцев и не вызвала никакого интереса у Китая, который прежде правил Вьетнамом. «Я спросил у Чан Кай Ши, хочет ли он получить Вьетнам, — рассказывал Рузвельт генералу Стилуэллу, — и он прямо сказал: „Ни при каких обстоятельствах!“ Именно так — „ни при каких обстоятельствах!“»

Похоже, идея о самоуправлении не приходила Рузвельту в голову, хотя Вьетнам (государство, объединявшее Кохинхину, Аннам и Тонкин) до прихода французов был независимым королевством, с давней приверженностью к самоуправлению, проявившейся в

ходе многочисленных войн против китайского владычества. Непонимание Рузвельтом всех аспектов данной проблемы являлось типичным и представляло собой наиболее распространенное в то время отношение к «зависимым» народам. Без учета их истории считалось, что они не будут «готовы» к самоуправлению до тех пор, пока не поднатореют в этом под опекой Запада.

Британцы были категорически против опеки, считая, что она создаст «дурной прецедент», который будет препятствовать их собственному возвращению в Индию, Бирму и Малайю. Рузвельт не настаивал. Он не горел желанием еще больше усилить разногласия, связанные с проблемой Индии, которая приводила Черчилля в бешенство каждый раз, когда президент поднимал этот вопрос. Впоследствии, когда в 1944 году снова возникла свободная Франция во главе которой стоял непримиримый Шарль де Голль и которая настаивала на своем «праве» возвращения колоний, а Китай сам исключил себя из числа государств-опекунов поскольку в данный момент был слишком слаб, — президент не знал, что ему делать.

Ставшая непопулярной, идея международной опеки медленно умирала. Военным советникам Рузвельта это не нравилось, поскольку им казалось, что такое развитие событий может лишить Соединенные Штаты возможности взять под контроль ранее принадлежавшие японцам острова и использовать их в качестве военно-морских баз. Представленные в Госдепартаменте сторонники интеграции Западной Европы, которые всегда были настроены профранцузски, полностью приняли программное заявление французского министра иностранных дел Жоржа Бидо, чья суть состояла в том, что если не начнется «искреннего сотрудничества с

Францией», просоветская Европа будет угрожать «западной цивилизации». По мнению сторонников интеграции, сотрудничество означало удовлетворение французских требований. Однако, с другой стороны, их коллеги из Дальневосточного сектора (позднее сектора Юго-Восточной Азии) настаивали, что целью американской политики должна быть полная независимость страны после введения какой-либо формы временного правления, способной «научить» вьетнамцев «вновь взять на себя ответственность, связанную с самоуправлением».

В тот напряженный политический момент будущее азиатских народов не могло сравниться по своему значению с тенью советской угрозы, зловеще нависшей над Европой. В августе 1944 года на конференции в Думбартон-Оксе, посвященной послевоенному устройству мира, предложение Соединенных Штатов, касающееся политики в отношении колоний, не содержало даже упоминания об их будущей независимости, лишь малодушно упоминалось введение опеки при «добровольном» согласии бывшей колониальной державы.

Индокитай уже начинал проявлять свое несогласие с подобным решением, которое на протяжении следующих тридцати лет только росло. Во время войны, по соглашению между японцами, захватившими Индокитай, и правительством в Виши, французская колониальная администрация со своими вооруженными силами и гражданскими служащими, осталась в Индокитае, чтобы, замещая новых правителей, осуществлять функции управления. Когда уже в самом конце войны, в марте 1945 года, японцы отстранили французов, некоторые группы прежних администраторов

вступили в местное сопротивление, подчинявшееся Вьетминю — коалиции национально-освободительных группировок, включавшей коммунистов, которые с 1939 года призывали бороться за независимость и руководили сопротивлением японским захватчикам. Контролируемое британцами КЮВА (Командование Юго-Восточной Азии) установило с ними контакты и пригласило к сотрудничеству. Поскольку любая помощь группам сопротивления теперь неизбежно содействовала бы возвращению французов, Рузвельт уклонялся от разрешения этого вопроса; в январе 1945 года он раздраженно говорил Халлу, что не хочет оказаться «втянутым» в освобождение Индокитая от японцев. Он отказал французам, которые просили предоставить американские корабли для перевозки французских войск в Индокитай, запретил предоставлять помощь сопротивлению, а потом изменил свою позицию, но настоял на том, чтобы любая помощь ограничивалась действиями против японцев и не использовалась в интересах французов.

И все же, кто должен получить власть, когда война с Японией будет выиграна? Обретенный годом ранее опыт взаимоотношений с Китаем разочаровывал, в то время как требования Франции становились все более настойчивым и безапелляционными. Оказавшись, с одной стороны, под давлением своих союзников, а с другой — в плену у собственного, глубоко укоренившегося мнения, что Франции не следует «возвращаться», Рузвельт совершенно измучился и старался не давать определенных ответов и откладывал принятие решений. Так обстояло дело вплоть до его кончины.

На проведенной в феврале 1945 года Ялтинской конференции, когда каждая из проблем, стоявших перед

союзниками, усиливала появившуюся незадолго до победы напряженность во взаимоотношениях, эту тему обошли стороной, перенеся ее рассмотрение на предстоящую организационную конференцию ООН в Сан-Франциско. В ходе подготовки к встрече в Сан-Франциско по-прежнему обеспокоенный проблемой Рузвельт обсудил ее с советником из Госдепартамента. Теперь он был согласен с предложением, что сама Франция могла бы стать опекуном при условии, что «конечной целью является независимость». На вопрос, согласились бы США на статус доминиона, Рузвельт ответил отрицательно: «Это должна быть независимость... И вы можете привести мои слова в Госдепартаменте». Через месяц, 12 апреля 1945 года, он умер.

Теперь понятно, почему в Сан-Франциско, через двадцать шесть дней после смерти Рузвельта, госсекретарь Стеттиниус сказал французам, что Соединенные Штаты не ставят под сомнение власть Франции в Индокитае. Это была ответная реакция на вспышку гнева, которой де Голль хотел произвести впечатление на американского посла в Париже. Во время этой сцены генерал сказал, что у него есть экспедиционные силы, готовые к переброске в Индокитай, но отправка которых была задержана отказом американцев предоставить транспорт. Он заявил, что «если вы будете в Индокитае против нас», это вызовет «ужасное разочарование» во Франции, причем последняя может пойти на сближение с Советами. «Мы не хотим становиться коммунистами... и я надеюсь, что вы не будете нас к этому подталкивать». Это был примитивный шантаж, но построенный так, чтобы сыграть на руку тем американским дипломатам,

которые являлись сторонниками интеграции Западной Европы. В мае в Сан-Франциско исполнявший обязанности госсекретаря Джозеф Грю, который прежде был весьма энергичным послом США в Японии, а теперь превратился в изощренного во всех тонкостях дипломатической службы ветераном, с поразительным самообладанием заверял Бидо в том, что «в официальных протоколах нет ни единого заявления правительства, где высказывались бы сомнения или даже намеки на сомнения в суверенитете Франции над этой территорией». Но между признанием и отсутствием сомнений все же есть существенные отличия. То, как проводить политику, всецело зависит от профессионалов.

Рузвельт был прав в отношении истории французского правления в Индокитае; оно было самым эксплуататорским в Азии. Французская администрация сосредоточила усилия на стимулировании производства тех товаров, экспорт которых приносил наибольшую прибыль (рис, уголь, каучук, шелк, а также некоторые пряности и минералы), а местной экономикой манипулировала так, чтобы создать рынок сбыта французских товаров. Это обеспечило легкую и комфортную жизнь приблизительно 45 тысячам французских бюрократов, которые, как правило, не отличались большими талантами и среди которых, по данным французского опроса 1910 года, оказалось всего три человека, способных достаточно бегло говорить по-вьетнамски. Это заставило нанимать на работу переводчиков и посредников, создавая вспомогательный бюрократический аппарат из «зависимых» вьетнамцев, выходцев из высших слоев местного населения, которым давали рабочие места, а также земельные участки и

стипендии, необходимые для получения высшего образования. Главным образом это делалось для тех, кто перешел в католичество. Способствуя распространению французской системы образования, подобная практика уничтожала традиционные деревенские школы, которые в связи с нехваткой квалифицированных преподавателей едва охватывали одну пятую детей школьного возраста. Согласно утверждению одного французского писателя, «вьетнамцы стали менее грамотными, чем были их отцы до французской оккупации». Система здравоохранения и предоставления медицинских услуг едва функционировала, поскольку на одного врача приходилось 38 тысяч жителей, в то время как на Филиппинах, находившихся под управлением американцев, на одного врача приходилось только три тысячи жителей. Чуждую систему французского законодательства заменили традиционной судебной системой и в Кохинхине создали Колониальный совет. Вьетнамцев, которые составляли меньшинство в этом совете, называли «представителями завоеванной расы». Помимо всего прочего, с расширением принадлежавших крупным компаниям плантаций и коррупционными возможностями, которые открывались перед представителями сотрудничавшего с колонизаторами класса, владевшего земельными участками крестьянство превратилось в безземельных издольщиков, которые накануне Второй мировой войны составляли свыше 50 % населения.

Французы называли свою колониальную систему «цивилизаторской миссией» (*la mission civilisatrice*), что не отвечало реальности, зато вполне соответствовало их самонадеянности. Во Франции не было недостатка в левых, которые открыто осуждали такое правление, а в самом

Индокитае хватало исполненных самых благих намерений губернаторов и чиновников, время от времени пытавшихся провести реформы, не отвечавшие интересам колониальной империи.

С самого начала имели место протесты и восстания против французского владычества. Народ, который гордился тем, что в древности сумел положить конец тысячелетнему китайскому владычеству и потом неоднократно изгонял со своей земли китайских захватчиков, народ, который часто поднимал восстания и свергал собственные деспотические династии и который все еще прославлял своих революционных героев и их подвиги, совершенные в ходе партизанских войн, не мог молча признать иностранное владычество, еще более чуждое, нежели китайское. Дважды, в 80-х годах XIX века и в 1916 году, сами вьетнамские императоры оказывали содействие восстаниям, которые были подавлены. В то время как сотрудничавший с колонизаторами класс обогащался, получая объедки с французского стола, у другой части населения нарастало стремление к национально-освободительной борьбе, импульс которой дал XX век. Формировались секты, партии и тайные организации — национально-освободительного, конституционалистского и религиозного толка. Они выступали с призывами, проводили демонстрации и забастовки, которые заканчивались французскими тюрьмами, депортациями и расстрелами. В 1919 году, на Версальской мирной конференции, Хо Ши Мин попытался вынести на рассмотрение просьбу о предоставлении вьетнамцам независимости, которую отклонили, даже не ознакомившись с ее содержанием. Впоследствии он вступил в Коммунистическую партию Индокитая, которая,

как и Китайская компартия, была в 20-е годы организована Москвой, постепенно взяла на себя роль лидера движения за независимость и в начале 1930-х поднимала крестьянские восстания. Тысячи восставших были арестованы и оказались в тюрьмах, многих казнили, а 500 человек приговорили к пожизненному заключению.

Освобожденные по амнистии, когда во Франции к власти пришло правительство Народного фронта, те из них, кто остался в живых, медленно возрождали движение и в 1939 году сформировали коалицию Вьетминь. Когда в 1940 году Франция капитулировала перед нацистами, казалось, что наступил подходящий момент для того, чтобы снова поднять мятеж. Однако и на этот раз он был жестоко подавлен, но о его духе и его целях вспомнили во время последующего сопротивления японцам, в ходе которого возглавляемые Хо Ши Мином коммунисты сыграли самую активную роль. Как и в К и т а е , я п о н ц ы с т о л к н у л и с ь с национально-освободительным движением, и когда французские колонизаторы позволили японцам без боя войти в страну, группы сопротивления восприняли это с презрением к колониальным властям и решили воспользоваться удобным случаем.

Во время войны в Индокитае тайно действовали группы из американского Управления стратегических служб, которые либо проводили операции совместно с отрядами сопротивления, либо оказывали им содействие. Они обеспечивали партизан оружием, сбрасывая его с самолетов, а однажды таким образом были доставлены хинин и сульфамид, которые спасли жизнь Хо Ши Мину, страдавшему от малярии и дизентерии. В беседах с офицерами УСС Хо Ши Мин говорил, что знаком с историей борьбы Америки с колониальным владычеством

за независимость и не сомневается в том, что «Соединенные Штаты помогут вышвырнуть французов и создать независимое государство». Находясь под впечатлением взятых на себя американцами обязательств в отношении Филиппин, он высказал убеждение в том, что «Америка выступает за то, чтобы во всем мире государствами управляли выбранные свободными народами правительства, и что она против колониализма в любых его формах». Это, конечно, делало беседы с офицерами еще более интересными для обеих сторон. Хо Ши Мин хотел, чтобы его услышали в более высоких инстанциях; ему требовались оружие и помощь для правительства, которое, как он говорил, «сформировано и готово к действиям». Офицеры УСС относились к нему с симпатией, но их региональный руководитель в Китае настаивал на том, чтобы «не оказывать никакой помощи таким личностям, как Хо, о которых известно, что они коммунисты и, следовательно, являются источниками неприятностей».

В Потсдаме в июле 1945 года (то есть как раз перед разгромом Японии) вопрос о том, кто возьмет под контроль Индокитай и примет капитуляцию японцев, был решен, когда союзники заключили тайное соглашение. Согласно его условиям, та часть страны, которая лежала южнее 16-й параллели, передавалась под контроль британского командования, а та, что находилась севернее, переходила под контроль китайцев. Поскольку британцы были явно привержены идее восстановления колониального правления, принятое решение гарантировало возвращение французов. Соединенные Штаты дали свое молчаливое согласие, поскольку Рузвельт был мертв, а американское общественное мнение всегда больше беспокоится о том, чтобы

«вернуть своих ребят домой», а не о том, как идет война, и поскольку в условиях, когда Европа была ослаблена, Америке не хотелось ссориться с союзниками. Испытывая давление со стороны французов, которые предложили направить на Тихоокеанский фронт армейский корпус численностью 62 тысячи человек под командованием героя освободительной войны генерала Жака Леклерка, собравшиеся в Потсдаме командующие союзными силами пришли к принципиальному согласию в отношении того, что вооруженные силы в регионе, статус которого будет определен позднее, должны перейти под американское или британское командование и что необходимый для доставки войск транспорт появится не раньше весны 1946 года. Едва ли для кого-то было секретом, что под упомянутым «регионом» надо понимать Индокитай и что направляемые войска должны его отвоевать.

Таким образом, реставрация французского колониального владычества стала частью американской политики. Хотя президент Трумэн хотел осуществить намерения Рузвельта, сам он не был настроен на решительную борьбу с колониализмом и к тому же не обнаружил никаких письменных директив, оставленных предшественником. Более того, он был окружен военачальниками, которые, по словам главнокомандующего ВМФ адмирала Эрнста Дж. Кинга, «никоим образом не поддерживали идею ухода французов из Индокитая». Скорее всего, их мысли были направлены на то, чтобы заменить японскую военную мощь в этом регионе западной.

Согласие американцев было подтверждено в августе, когда генерал де Голль нагрянул в Вашингтон и президент Трумэн, который теперь полностью осознал угрозу советской экспансии, сказал ему: «Мое

правительство не имеет никаких возражений против возвращения французской армии и администрации в Индокитай». Уже на следующий день де Голль объявил об этом на пресс-конференции, добавив, что «Франция, разумеется, намерена установить новый режим», который будет проводить политические реформы, «но для нас суверенитет — главный вопрос».

Без уточнений это ни о чем не говорило. В январе 1944 года на конференции организации «Свободные французы» в Браззавиле он заявил о необходимости признания того, что война ускорила политическое развитие колоний и что Франция должна воспринять это «с благородством и без предрассудков», но в то же самое время у нее не должно возникать намерений уступить свой суверенитет. В Браззавильской декларации по колониальной политике утверждалось, что «цели цивилизаторской миссии... исключают идею какой-либо автономии и отвергают любую возможность развития вне французского имперского блока. Перспектива самоуправления в колониях, даже в отдаленном будущем, должна быть исключена».

Через неделю после того, как в августе 1945 года японцы капитулировали, на съезде Вьетминя в Ханое была провозглашена Демократическая республика Вьетнам, а после взятия под контроль Сайгона была принята декларация независимости, в которую включили первые фразы Американской декларации о независимости 1776 года. В послании, переданном в ООН через офицеров УСС, Хо Ши Мин предупреждал, что если ООН не сможет выполнить обязательства собственного устава и предоставить независимость Индокитаю, тогда «мы продолжим борьбу, пока сами ее не добьемся».

Не менее пророческим было и послание де Голлю, составленное от имени последнего императора Аннама, весьма гибкого политика Бао Дая, который сначала служил французам, потом японцам, а теперь любезно отрекся в пользу демократической республики. «Вы сумели бы все лучше понять, если бы могли увидеть, что здесь происходит, если бы могли ощутить желание людей получить независимость, которое в душе у каждого и которое никакая человеческая сила больше не сможет сдерживать. Даже если вы снова установите здесь французскую администрацию, ей больше никто не будет подчиняться: каждая деревня станет очагом сопротивления, каждый прежний коллаборационист станет врагом, а ваши чиновники и колонисты сами будут просить отпустить их, поскольку в такой атмосфере они просто не смогут жить».

Это оказалось еще одним пророчеством, которое осталось без внимания. Де Голль, получивший данное послание в Вашингтоне, вне всяких сомнений не ознакомил с ним принимавших его американцев, но нет никаких оснований полагать, что даже если бы он поступил иначе, это оказало бы какое-либо воздействие. Через несколько недель Вашингтон уведомил своих доверенных лиц в Ханое о том, что предпринимаются шаги, направленные на «содействие восстановлению французского правления».

Самопровозглашенная независимость продолжалась меньше месяца. Совершив перелет с Цейлона во Вьетнам на американских транспортных самолетах С-47, английские войска под командованием некоего генерала, вместе с незначительным количеством французских подразделений, 12 сентября вошли в Сайгон. Вскоре они получили подкрепление от французов, отряд

численностью 1500 человек, которые спустя два дня прибыли на французских военных кораблях. Тем временем основные силы двух французских дивизий отплыли из Марселя и Мадагаскара на двух американских транспортах для перевозки войск, что стало первым фактическим доказательством американской помощи Франции. Поскольку резерв судов находился под контролем Объединенного командования, а соответствующее политическое решение уже было принято в Потсдаме, Командование Юго-Восточной Азии могло обратиться с просьбой о выделении транспортных судов из числа тех, которые имелись в резерве. Впоследствии Госдепартамент, решивший положить этому конец, предупредил военное ведомство, что политика США не предполагает «использовать суда под американским флагом и американские самолеты для транспортировки войск какой-либо страны в Голландскую Ост-Индию или Французский Индокитай, а также вывоза их оттуда и не позволяет использовать эти транспортные средства для доставки в эти районы вооружений, боеприпасов и военного снаряжения».

До прибытия французов британское командование в Сайгоне использовало против мятежников японские подразделения, процедура разоружения которых была отложена.^[16] Делегация Вьетминя, у которой имелись предложения, касавшиеся поддержания порядка, давно ожидала командующего британскими войсками генерала

¹⁶ Второго октября 1945 года лорд Луис Маунтбэттен, командующий британскими вооруженными силами на этом театре военных действий, докладывал в Объединенный комитет начальников штабов о том, что единственный способ, с помощью которого можно избежать вовлечения в конфликт британских/индийских вооруженных сил, — «продолжать использовать японцев для поддержания законности и порядка, а это значит, что я в течение еще трех месяцев не смогу приступить к их разоружению».

Дугласа Грейси. «Они сказали „добро пожаловать“ и все то, что в подобных случаях говорят, — вспоминал генерал. — Ситуация была неприятная, и я быстро их выгнал». Хотя и в типично британском духе, это высказывание указывает на отношение, которое сохранится и окажет глубокое влияние на последующие действия американцев во Вьетнаме. Находя свое выражение в таких терминах как «косоглазые» и «чурки», оно отражало мнение о том, что все азиаты ниже белых по своему развитию, а народы Индокитая в особенности. Из этого следовало, что с их стремлением к независимости можно считаться меньше, чем, скажем, с такими же стремлениями японцев или китайцев. У японцев, несмотря на их чудовищную жестокость, были артиллерия, боевые корабли и современная промышленность; с китайцами, которые благодаря влиянию миссионеров вызывали восхищение и страх, представляя собой «желтую опасность», приходилось считаться исключительно благодаря обширной территории и численности населения. Не обладавшие подобными достоинствами жители Индокитая не вызывали такого уважения. Отношение к ним, predeterminedенное высказываниями генерала Грейси, не могло не привести к фатальной недооценке противника.

В октябре и ноябре из Европы прибыли французские дивизии, причем личный состав некоторых подразделений носил форму американского образца и привез с собой американское снаряжение. Они сразу же принялись за привычную работу: подавление сопротивления с помощью оружия. В течение первых дней происходили аресты и массовые убийства. Когда французы снова взяли под контроль Сайгон, силы Вьетминя постепенно рассредоточились в сельской

местности, однако на сей раз восстановление колониального правления не было осуществлено в полной мере. В переданной китайцам северной зоне вьетнамцы получили оставшееся после японской капитуляции оружие, которое было продано китайцами, и эта зона осталась под контролем временного правительства Хо Ши Мина в Ханое. Китайцы не вмешивались и, забрав трофеи, доставшиеся им в ходе оккупации, в конце концов ушли на свою территорию.

Находясь в регионе, где смешались народы и партии, подразделения УСС страдали от «отсутствия директив» из Вашингтона, что являлось отражением политической неразберихи в самих Соединенных Штатах. Традиционное неприятие колониализма оставалось источником двойственности принимаемых решений, но господствующее убеждение, согласно которому «стабильная, сильная и дружественная» Франция необходима, чтобы заполнить вакуум в Европе, оказалось решающим фактором в определении политического курса. В конце 1945 года французам для применения в Индокитае продали военное снаряжение на сумму 160 миллионов долларов, а оставшиеся в регионе подразделения УСС получили инструкции служить в качестве «наблюдателей за карательными операциями, направленными против взбунтовавшихся вьетнамцев». На протяжении пяти месяцев Хо Ши Мин направил президенту Трумэну и госсекретарю восемь обращений с просьбами о поддержке и оказании экономической помощи, но все они остались без ответа на том основании, что его правительство не признано Соединенными Штатами.

Такое пренебрежение не было вызвано отсутствием сведений о том, что происходит во Вьетнаме. Доклад,

поступивший в октябре месяце от Артура Хейла из Информационной службы США в Ханое, сделал очевидным тот факт, что принятые во внимание американскими политиками обещания французов провести реформы и туманные намеки на предоставление некоторой автономии не будут выполнены. Народ хотел, чтобы французы ушли. «Независимость или смерть!» — гласили надписи на плакатах, развешанных во всех городах и деревнях севера. Они «взывают к прохожим с каждой стены и каждого окна». Коммунисты открыто выступали против новой оккупации: флаг временного правительства был похож на советский флаг, марксистские брошюры лежали на письменных столах чиновников; впрочем, то же самое можно было сказать и об американском влиянии. Обещания, которые американцы дали филиппинцам, стали постоянной темой для обсуждений, а героизм, которое американцы проявляли во время войны, производительность их промышленности, а также технологический и социальный прогресс воспринимались местными жителями с огромным энтузиазмом. Однако в условиях отсутствия какой-либо ответной реакции американцев на предложения Вьетминя и возникновения таких инцидентов, как «недавняя доставка в Сайгон французских войск на американских судах», доброе отношение к американцам постепенно исчезало. Доклад Хейла тоже представлял собой некое пророчество: даже если французы преодолеют сопротивление временного правительства, «можно со всей определенностью полагать, что движение за независимость не умрет». Такая определенность существовала с самого начала.

Другие наблюдатели разделяли это мнение. Как отмечала «Крисчен сайенс монитор», французы могли

взять крупные города на севере, «но крайне сомнительно, что они когда-нибудь смогут полностью подавить движение за независимость. У них недостаточно войск для того, чтобы искоренить каждую партизанскую группу на севере, и они уже показали, что вряд ли могут справиться с повстанцами, которые ведут партизанскую войну».

В ответ на просьбу Госдепартамента дать оценку того, насколько высок авторитет США в Азии, поскольку были все основания полагать, что он «стремительно падает», представитель политического ведомства в Бангкоке и будущий посол США в ООН Чарльз Йост подтвердил имевшиеся опасения и также упомянул об использовании американских судов для перевозки французских войск и о «применении этими войсками американского снаряжения». После войны расположение к Америке как к защитнице угнетенных народов было весьма велико, но отказ американцев поддерживать национально-освободительное движение, «похоже, не способствовал установлению долгосрочной стабильности в Юго-Восточной Азии». Йост предупреждал, что восстановление колониальных режимов не отвечает существующим условиям «и по этой причине их нельзя будет долго поддерживать, не применяя военную силу».

То, что американская политика тем не менее была направлена на поддержку действий французов, объяснялось тем, что был сделан выбор в пользу удовлетворения более насущной необходимости. Госсекретарю Джорджу Маршаллу было известно о существовании «устаревших и весьма опасных колониальных взглядов и методов применительно к этому региону». Но «с другой стороны... — утверждал он, — мы не заинтересованы в том, чтобы увидеть, как

колониальное управление будет вытеснено с помощью прокремлевской философии, а также созданных и контролируемых Кремлем политических организаций». В этом состояла основная проблема. Французы забрасывали Вашингтон «свидетельствами» о контактах Хо Ши Мина с Москвой, а заместитель госсекретаря Дин Ачесон ничуть не сомневался в их достоверности. «Не забывайте, что в прошлом Хо являлся агентом международного коммунизма, и нет свидетельств, что он от этого отрекся», — телеграфировал Ачесон шефу отдела Юго-Восточной Азии Эбботу Лоу Моффату, который в декабре 1946 года отправился в Ханой.

Моффат, который был горячим сторонником освобождения Азии, сообщил, что в ходе разговора Хо Ши Мин отрекся от того, что его целью является построение коммунизма. Он сказал, что если бы ему удалось добиться независимости, этого было бы достаточно, чтобы посчитать, что жизнь прожита не зря. «Возможно, — добавил он, криво улыбнувшись, — лет через пятьдесят Соединенные Штаты будут коммунистической страной, тогда и Вьетнам тоже может стать коммунистическим». Моффат сделал вывод, что группа, которая взяла на себя ответственность за будущее Вьетнама, «на данном этапе ставит на первое место национально-освободительную борьбу», что создание эффективного национального государства должно предшествовать созданию коммунистического государства, которое «во временном отношении должно быть вторичной задачей». Был ли он введен в заблуждение? История не может дать ответ на этот вопрос, поскольку нет никакой уверенности в том, что когда Хо Ши Мин пытался получить поддержку американцев, коммунистический вектор развития

Демократической республики Вьетнам (ДРВ) уже был таким необратимым, каким он стал в ходе дальнейший событий.

Меры принуждения, использованные французами, чтобы снова обрести свою колониальную империю, объясняются тем, что после унижений, испытанных во время Второй мировой войны, у них возникло ощущение, что на карту поставлено будущее их страны как великой державы. Впрочем, они осознавали необходимость осуществления каких-то перемен, хотя бы для проформы. В 1946 году, в периоды временных перемирий с Вьетминем, они пытались выработать основу договора, в котором присутствовали обещания предоставить к неопределенному сроку некую неопределенную форму самоуправления. Все это было сформулировано так, не никоим образом не затронуть французский суверенитет. По мнению Дальневосточного отдела Государственного департамента, это были «уступки только на бумаге». Когда из этого ничего не вышло, военные действия возобновились, и к концу 1946 года уже шла полным ходом Первая, или Французская Индокитайская, война. Больше не осталось иллюзий. Если французы возобновят применение репрессивных мер и политики грубой силы, докладывал американский консул в Сайгоне, то «в обозримом будущем нельзя будет ожидать никакого урегулирования ситуации, вместо этого последует период партизанской войны». Командующий французскими вооруженными силами, которому было поручено осуществить повторное завоевание страны, сам видел или чувствовал, каково истинное положение дел. Сделав первый анализ ситуации, генерал Леклерк сказал своему политическому советнику следующее: «Чтобы это реализовать, потребуется 500 тысяч человек, но даже

тогда это не получится выполнить». В одном предложении он предсказал будущее, и когда спустя два десятилетия боевые действия в этой стране будут вести 500 тысяч американских солдат, его оценка по-прежнему будет вполне обоснованной.

Была ли американская политика уже в 1945–1946 годах недальновидной? Даже если рассматривать этот вопрос с точки зрения воспоминаний о том времени, ответ должен быть утвердительным, поскольку большинство американцев, занимавшихся внешней политикой, понимали, что колониальная эпоха подошла к концу и что ее возрождение — совершенно бессмысленная затея. Не важно, насколько вескими были аргументы в пользу политики пособничества действиям Франции, недальновидность состояла в привязке собственного политического курса к процессу, осуществление которого, как указывало подавляющее большинство сведений, являлось делом безнадежным. Политики убеждали себя в том, что не втягивают Соединенные Штаты в этот процесс. Они успокаивали себя обещаниями французов о будущей автономии и свято верили, что Франции попросту не хватит сил, чтобы восстановить свою колониальную империю; в конце концов ей придется пойти на уступки вьетнамцам. И Трумэн, и Ачесон убеждали американское общество в том, что в основе позиции США «лежит предположение, согласно которому обоснованность притязаний французов на получение поддержки со стороны населения Индокитая подтвердят будущие события». Поэтому нет ничего преступного в том, чтобы немедленно оказать помощь Франции ради укрепления ее присутствия в Европе. Впрочем, это была проигрышная позиция.

Но имелась и альтернатива: добиться для Америки столь желанного первенства среди западных государств, а также, встав на сторону движений за независимость и даже оказывая им прямую поддержку, подтвердить, что у азиатских народов есть все основания для доброго отношения к США. И если некоторым, особенно в Дальневосточном отделе Госдепартамента, это казалось вполне очевидным, то те, для кого идея самоуправления азиатских народов не являлась основой политики и была малозначимой по сравнению с безопасностью Европы, не считали эти доводы такими уж убедительными. Что касается Индокитая, применительно к нему выбор такой альтернативы потребовал бы гибкости ума, то есть качества, которое никогда не входило в число достоинств представителей государственной власти, а также готовности идти на риск и оказать поддержку коммунистам в эпоху, когда коммунизм еще рассматривался как единый и нерушимый блок. В то время от него откололся только Тито, и возможность появления нового отступника даже не рассматривалась. Более того, это вызвало бы разногласия среди союзников. Вместо этого выбор был сделан в пользу содействия достижению совершенно нереальной цели, и после того, как приняли и стали осуществлять соответствующий политический курс, все последующие действия были только попыткой его оправдать.

От начала и до самого конца американская политика во Вьетнаме постоянно вызывала тревожные подозрения, связанные с недальновидностью наших действий. Иногда это проявлялось в изменении политических директив. В 1947 году Французский отдел составил для госсекретаря Джорджа Маршалла проект краткого изложения американской позиции. В этом документе,

предназначенном для наших дипломатов в Париже, Сайгоне и Ханое, указание принимать желаемое за действительное сочеталось с неопределенностью прочих инструкций. В нем движения за независимость народов Юго-Восточной Азии, которые, как было указано, составляют четверть населения всей планеты, рассматривались как «важный фактор мировой стабильности». Считалось, что лучшей гарантией того, что национально-освободительная борьба не примет антизападную направленность и не поддастся коммунистическому влиянию, является долговременное объединение с бывшими колониальными державами. С одной стороны, признавалось, что такое объединение «должно быть добровольным», а с другой стороны, утверждалось, что война в Индокитае могла бы разрушить добровольное сотрудничество и «навсегда настроить против нас вьетнамцев». Далее говорилось, что Соединенные Штаты хотят быть полезными, но не желают ни вмешиваться, ни предлагать собственное решение проблемы, хотя они «несомненно обеспокоены» развитием ситуации в Индокитае. Весьма сомнительно, что этот документ открыл сотрудникам дипломатической службы за границей что-либо новое.

2. САМОВНУШЕНИЕ: 1946–1954 гг.

Находившаяся на начальном этапе «холодная война» развернулась в полную силу после того, как в марте 1946 года Черчилль выступил в Фултоне, штат Миссури, со своей речью о «железном занавесе». В ней он утверждал, что «никто не знает, каковы пределы, если таковые вообще есть, стремления Советского Союза

и Коммунистического интернационала к экспансии и обращению других в свою веру».

Ситуация на самом деле была тревожной. Идея Рузвельта о дальнейшем партнерстве союзников по войне с целью поддержания мирового порядка перестала существовать, когда перед самой смертью, в свой последний день в Вашингтоне, он признал, что Сталин «нарушил каждое из тех обещаний, которые он взял на себя в Ялте». К 1946 году под советским контролем находились Польша, Восточная Германия, Румыния, Венгрия, Болгария, Албания и, в большей или меньшей степени, Югославия. Оказалось, что еще большую угрозу представляют собой коммунистические партии Франции и Италии. Находившийся в посольстве США в Москве Джордж Кеннан сформулировал политику «рассчитанных на длительную перспективу, терпеливых, но твердых и неослабевающих усилий по сдерживанию экспансионистских устремлений России». В 1947 году госсекретарь Маршалл призвал Америку развивать «чувство ответственности за мировой порядок и безопасность» и понимание того, сколь «огромное значение» имеют в этом смысле как действия, так и бездействие Соединенных Штатов. В ответ Москва заявила, что коммунистические партии всего мира едины в своем стремлении оказывать сопротивление американскому империализму. Была провозглашена доктрина Трумэна, возлагающая на Америку обязательство поддерживать свободные народы в их сопротивлении порабощению «вооруженными меньшинствами» или внешнему давлению.

Кроме того, был принят план Маршалла по оказанию экономической помощи с целью восстановления ослабевших стран Европы. Серьезные и

оказавшиеся успешными усилия были направлены на предотвращение захвата власти коммунистами в Греции и Турции.

В феврале 1948 года Советская Россия поглотила Чехословакию. Соединенные Штаты снова ввели в действие закон о призыве на военную службу. В апреле того же года Россия организовала блокаду Берлина. В ответ Америка рискнула установить воздушный мост, который функционировал на протяжении целого года, до тех пор пока блокада не была снята. В 1949 году был создан НАТО (Североатлантический союз), целью которого обозначили осуществление совместной обороны в случае нападения на любую страну, входившую в этот союз.

Событием, которое нарушило баланс сил, стала победа коммунистов в Китае в октябре 1949 года. Это было такое же потрясение, как нападение на Перл-Харбор. Всю Америку охватила истерия, связанная с «потерей» Китая, а истеричные выразители интересов китайского лобби в Конгрессе, а также деловых кругов стали самыми яркими звездами на политическом небосводе. Это потрясение вселяло еще большее беспокойство, поскольку в сентябре, всего за несколько недель до этих событий, Россия успешно провела испытания атомной бомбы. В самом начале 1950 года сенатор Джозеф Маккарти заявил, что у него есть список из 205 членов коммунистической партии, которые работают в Госдепартаменте. И вот, на протяжении следующих четырех лет американцы выступали скорее в поддержку выдвинутых против своих сограждан обвинений в том, что те являются проникшими в американское общество шпионами коммунистов. В июне 1950 года Северная Корея, которая была сателлитом

Советов, вторглась в Южную Корею, являвшуюся сателлитом Соединенных Штатов, и президент Трумэн распорядился дать военный ответ, действуя с разрешения ООН. В эти ужасные годы состоялся суд над супругами Розенбергами, которые в 1951 году были признаны виновными в государственной измене. И после того, как президент Эйзенхауэр отказался смягчить приговор, который грозил оставить сиротами двоих детей, супругов казнили.

Все это были элементы «холодной войны», которые определили ход дальнейших событий в Индокитае. Основная идея состояла в том, что любое движение, на которое навесили ярлык коммунистического, представляет собой заговор с целью завоевания мирового господства под эгидой Советского Союза. Победа Мао в Китае казалась ужасным подтверждением данной идеи, а последовавшее за ней нападение на Южную Корею привело к тому, что в американской политике в отношении Азии наступил период паники. Теперь Совету национальной безопасности стало «ясно», что «Юго-Восточная Азия является целью скоординированного и направляемого Кремлем наступления». Индокитай рассматривался как центральное направление этого наступления, отчасти потому, что там уже шла война с участием европейских войск, противостоявших местным вооруженным силам, которыми руководили коммунисты. Он был объявлен «ключевым регионом», который, если сдать его коммунистам, потянет за собой Бирму и Таиланд. Сначала считалось, что наступление коммунистов инициировано Советской Россией. Но после того как китайские войска вступили в сражение за Корею, Китай стали рассматривать как главную движущую силу, а

Вьетнам — как его следующую цель. Хо Ши Мин и Вьетминь предстали в еще более отталкивающем образе агентов международного коммунистического заговора, а значит, врагов Соединенных Штатов. Когда десантные силы китайских коммунистов захватили расположенный в Тонкинском заливе остров Хайнань, который до тех пор удерживал Чан Кайши, уровень тревоги возрос еще больше. В ответ 8 мая 1950 года президент Трумэн объявил о первой прямой передаче средств в сумме 10 миллионов долларов на военную помощь Франции и присоединившимся к ней странам Индокитая.

Присоединившиеся страны, то есть Лаос, Камбоджа и Вьетнам, были созданы за год до этого Францией, по условиям Елисейского соглашения, которое признало «независимость» Вьетнама и снова назначило Бао Дая главой этого государства. Вслед за этим, в феврале 1950 года, Советский Союз и Китай спешно признали Демократическую республику Вьетнам со столицей в Ханое. В том же месяце последовало аналогичное признание Соединенными Штатами правительства Бао Дая. Фактически, никакой передачи административных или властных полномочий в руки вьетнамцев Елисейское соглашение не предусматривало, и французы, как и прежде, держали вьетнамскую армию под своим контролем. Режим Бао Дая, чиновники которого больше преуспели в получении взяток, чем в управлении государством, был некомпетентным и коррумпированным. Тем не менее американцы пытались убедить себя в том, что Бао Дай является вполне действенной альтернативой Хо Ши Мину и что, поддержав его, они могут поддержать Францию, гаранта «правильного» правительства, причем сделать это, не опозорив себя пособничеством колониализму. Однако

выбор Бао Дая в качестве желательной альтернативы оказался непродуманным решением, даже несмотря на всеобщее признание этой титулованной особы. «Сегодняшние политические условия, — говорил он своему политическому советнику, доктору Фан Кван Дану, — не позволяют убедить народ и армию в том, что у них есть нечто такое, за что стоит бороться». Если бы Бао Дай увеличил численность своей армии, в чем настоятельно убеждали американцы, та стала бы представлять опасность для него самого, потому что тогда мог бы случиться массовый переход военнослужащих на сторону Вьетминя. Будучи истинным националистом, доктор Дан отличался большей эмоциональностью. Он говорил, что вьетнамская армия, командные должности в которой занимали французы, и у которой фактически не было собственных военачальников, не имела «ни идеологии, ни задач, ни энтузиазма, ни боевого духа, ни поддержки со стороны населения».

Американское правительство было осведомлено о таком состоянии дел. Представитель Американской технической и экономической миссии во Вьетнаме Роберт Блум докладывал о том, что правительство Бао Дая «не является многообещающим в смысле развития конкуренции или завоевания доверия со стороны местного населения» и что подобная ситуация «говорит об отсутствии сколько-нибудь серьезных перспектив улучшения». А это в обстоятельствах, когда никакой решительной военной победы французы, по всей вероятности, одержать не могли, приводило к мрачному заключению: «перспектива выполнения поставленных перед американцами задач весьма далека». В 1952 году,

после полутора лет неудовлетворенности и разочарований, Блум вернулся на родину.

Вашингтонские ведомства неустанно убеждали друг друга в том, что «развитие подлинного национализма» в Индокитае необходимо для его же защиты, и неоднократно пытались оказать давление на Францию и на апатичного Бао Дая с целью заставить действовать более активно в данном направлении. Но они же продолжали закрывать глаза на выводы, которые напрашивались из имевшихся в их распоряжении сведений. Однако, невзирая на отсутствие поддержки режима Бао Дая населением, угроза надвигавшейся коммунистической экспансии требовала оказать помощь Франции в борьбе против Вьетминя. Сразу же после вторжения в Корею Трумэн объявил о первой отправке во Вьетнам американского личного состава. Получивший название «Группы советников по оказанию военной помощи» (ГСОВП), этот контингент в самом начале корейской кампании состоял всего из 35 человек, но впоследствии увеличился приблизительно до двухсот. Предполагалось, что он будет передавать американский опыт (в котором французы не нуждались и который они постоянно и с негодованием отвергали) и наблюдать за использованием американского оборудования, первая партия которого в июле была доставлена в Сайгон по воздуху. По настоянию французов боевая техника была передана непосредственно самим французам, а не присоединившимся к ним странам. Это вполне откровенно продемонстрировало всем, какой фикцией является независимость.

Вступив, таким образом, на тропу войны, американские политики ощутили необходимость декларировать американские интересы, которые

оправдали бы этот шаг. Хлынул поток политических заявлений, в которых государственные деятели рассуждали о жизненно важном значении Юго-Восточной Азии. Ее объявляли регионом, «жизненно важным для будущего всего свободного мира», регионом, стратегическое местоположение и богатые природные ресурсы которого должны оставаться доступными для стран свободного мира и не попасть в распоряжение международного коммунизма. Коммунистические правители Кремля, говорил президент Трумэн в своем радиообращении к американскому народу, вовлечены в «чудовищный заговор с целью искоренить свободу во всем мире». Если они добьются успеха, Соединенные Штаты окажутся в числе «их главных жертв». Он называл такое положение «недвусмысленной опасностью настоящего времени» и поднял «мюнхенский аргумент», призванный стать главным доводом: если бы тогда, чтобы пресечь агрессию диктаторов, страны свободного мира действовали сообща и своевременно, Вторую мировую войну можно было бы предотвратить.

Возможно, это и вправду был хороший урок, но из него сделали неправильные выводы. Агрессивные действия 30-х годов в Маньчжурии, Северном Китае, Эфиопии, Рейнской области, Испании и Судетах были открытыми вооруженными вторжениями, с использованием самолетов, артиллерии и оккупационных войск; намеченная на 1950 год агрессия против Индокитая являлась результатом нагнетания паники специалистами. В своей вполне откровенной оценке Совет национальной безопасности (СНБ) в феврале 1950 года назвал угрозу Индокитаю лишь частью «предполагаемых» планов коммунистов по «захвату Юго-Восточной Азии». Тем не менее группа специалистов

Госдепартамента, занимавшаяся расследованием того, как в 1948 году коммунистам удалось проникнуть в Юго-Восточную Азию, не обнаружила никаких следов деятельности Кремля в Индокитае. «Если и существует направляемый Москвой заговор в отношении Юго-Восточной Азии, — утверждали они, — то Индокитай пока не является его частью».

Тем не менее неоспоримой являлась русская угроза, вполне реальная, как и тот факт, что коммунистическая система враждебна американской демократии и американским интересам и что советский коммунизм отличается экспансионизмом, направленным на поглощение соседних стран и прочих уязвимых государств. То, что он вступил в агрессивный союз с коммунистическим Китаем, представлялось вполне естественным, но вскоре оказалось, что это ошибочное преувеличение. Для американских политиков правильный и отвечающий национальным интересам курс, несомненно, состоял в том, чтобы пытаться сдерживать эту недружелюбную систему и мешать ей, где только возможно. Однако вывод, что через Индокитай коммунистическая система угрожала американской безопасности, представлял собой экстраполяцию, которая вела к безрассудным действиям.

Безопасность Америки оказалась под вопросом, когда Китай вступил в Корейскую войну, то есть когда совершилось то, что, по словам президента Трумэна, поставило Соединенные Штаты в ситуацию, при которой «коммунистическая агрессия» стала представлять для них «серьезную опасность». Не вызывает сомнений, что пересечение генералом Макартуром 38-й параллели и вторжение на удерживаемую коммунистами территорию (что спровоцировало вступление китайцев в эту войну), с

точки зрения китайцев, представляло для безопасности Китая серьезную опасность. Но в параноидальном угаре войны точка зрения оппонента редко принимается во внимание. С того момента, когда китайцы оказались втянутыми в фактические боевые действия против американцев, в Вашингтоне стало доминировать убеждение, что китайский коммунизм наступает и что вскоре он перейдет южную границу Китая и вторгнется в Индокитай.

Униженная и оскорбленная постоянными обвинениями в «потере» Китая и в том, что речью Ачесона о «периметре безопасности» она только способствовала нападению на Корею (поскольку Корея оказалась за пределами этого периметра), администрация Трумэна решила показать, что активно противостоит коммунистическому заговору. Предпосылкой стало существование угрозы для всех стран Юго-Восточной Азии. В своем специальном послании Конгрессу об оказании странам Юго-Восточной Азии военной и экономической помощи на сумму 930 миллионов долларов президент Трумэн заявил, что советские правители уже низвели Китай до роли сателлита и готовят такую же судьбу Корею, Индокитаю, Бирме и Филиппинам, тем самым угрожая «поглотить человеческие ресурсы и жизненно важные полезные ископаемые Востока и использовать их для осуществления советского плана завоевания мира». Это «лишило бы свободные страны части самого необходимого для них сырья» и превратило бы миллионы миролюбивых жителей Востока в «марионеток Кремля». Впоследствии обычно учтивый Ачесон неоднократно пользовался подобной риторикой. Доказательство существования коммунистического заговора он усмотрел

в признании Россией и Китаем правительства Хо Ши Мина, которое должно «избавить нас от каких бы то ни было иллюзий» в отношении национализма Хо Ши Мина и показать «его истинное лицо — смертельного врага национальной независимости Индокитая».

К этому хору добавил свой голос и помощник госсекретаря по делам Дальнего Востока Дин Раск, которому было суждено стать самым решительным, самым убежденным, самым искренним и самым непоколебимым политиком, долгие все прочие принимавшим политические решения по Вьетнаму. Он решил взглянуть под другим углом на борьбу Вьетнама за независимость, которая была причиной двойственности принимаемых американскими политиками решений. Проблемой является не французский колониализм, убеждал он членов сенатского комитета по иностранным делам, а то, будет ли народ Вьетнама «силой втянут в орбиту нового колониализма Советской коммунистической империи». Вьетнам представляет собой «инструмент Политбюро», а значит, и «часть международной войны».

Этими аргументами американское правительство убеждало себя в том, что для Америки жизненно важно держать Индокитай вне сферы коммунистического влияния и что поэтому победа французов в Индокитае, независимо от того, останется он колонией или нет, является «важной для безопасности свободного мира». (Вопрос о том, за что же сражается Франция, если на самом деле Вьетнам должен стать «независимым», не обсуждался.) Разъяснение широкой публике прозвучало в редакционной статье «Нью-Йорк таймс», заявлявшей, что «теперь всем американцам должно быть ясно, что Франция удерживает передовые позиции, которые имеют

огромное значение для всего свободного мира». Поскольку никакого повода для отправки американских войск не имелось, Соединенные Штаты проявили решимость «спасти для Запада индокитайскую чашу с рисом, сохранить за ним выгоды стратегического местоположения и престиж, который мог бы пошатнуться во всей Юго-Восточной Азии и на всем пространстве вплоть до Туниса и Марокко». В то время Совет национальной безопасности предполагал, что ход событий в перспективе затронет даже Японию, если последняя лишится поставок каучука, олова и нефти из Малайи и Индонезии, а также риса из Бирмы и Таиланда.

Процесс самовнушения подошел к своему логическому завершению: если защита Индокитая от перехода под контроль коммунистов действительно входит в сферу жизненно важных интересов Америки, то разве мы не должны принять самое активное участие в его обороне? Мысль о вооруженной интервенции, при наличии опасений, что она может привести к военному ответу со стороны Китая (как это случилось в Корее), не слишком воодушевляла высшее руководство американских вооруженных сил. «Никакой наземной войны в Азии», — таким было старое, проверенное временем убеждение, которое господствовало в армии. Было немало тех, кто предостерегал от этого шага. Еще в 1950 году, во время китайской интервенции в Корее, в служебной записке Госдепартамента, составленной заместителем директора Управления по взаимопомощи в сфере обороны Джоном Оули, говорилось о целесообразности повторного рассмотрения того, на каком этапе развития событий мы намерены войти в Индокитай. Дело было не только в том, что США могли потерпеть неудачу, попусту растратив ресурсы, но и в

том, что они двигались бы в направлении той черты, переступив которую уже бы «не дополняли, а заменяли французов» и, став для них козлами отпущения, втянулись бы в прямую интервенцию. «Такие ситуации отличаются стремительным и непредсказуемым развитием», — заключал Оули. Подобно многим другим пророческим меморандумам, его рекомендация не возымела бы действия, даже достигни она высших эшелонов власти, но эта служебная записка тихо лежала в папках, пока сама история подтверждала каждое написанное в ней слово.

Прежде чем сложить с себя полномочия, администрация Трумэна утвердила составленный Советом национальной безопасности политический документ, который рекомендовал, в случае прямой китайской интервенции в Индокитай, военно-морским и военно-воздушным силам Соединенных Штатов предпринять действия по оказанию поддержки французам, направленные против целей на основной территории Китая. Но в этом документе не содержалось никакого упоминания о сухопутных силах.

После того как на выборах 1952 года победу одержали республиканцы во главе с генералом Эйзенхауэром, к власти пришла администрация, выдвинутая правыми радикальными антикоммунистами и китайским лобби. Мнения представителей этого лобби охарактеризовал новый заместитель госсекретаря Уолтер Робертсон, являвшийся горячим сторонником Чан Кайши. Ознакомившись с докладом ЦРУ о состоянии сталелитейного производства в Красном Китае, он с негодованием заметил, что все эти цифры, должно быть, ошибочны, потому что «ни один столь неблагоприятный для экономики режим, каким является режим китайских

коммунистов, никогда не смог бы выплавить пять миллионов тонн стали». Во главе правых радикалов стоял сенатор Уильям Ноулэнд из Калифорнии, который был лидером большинства в Сенате. Он обвинял демократов в том, что они «поставили Азию под угрозу советского завоевания». Он регулярно выступал с нападками на Красный Китай и поклялся, что привлечет к ответственности администрацию, если Китайская Народная Республика Мао будет принята в ООН. Давление крайних правых на администрацию стало постоянным фактором. Это «большой зверь, которого следует опасаться», спустя почти пятнадцать лет признал Линдон Джонсон, хотя сам он испытывал гораздо меньшее давление с их стороны.

Республиканцы также привели к власти деспотичного эксперта в сфере международной политики, Джона Фостера Даллеса, человека, который по своему характеру и по воспитанию являлся сторонником агрессивных, наступательных действий. Если Трумэн и Ачесон использовали, даже сверх всякой нормы, риторику «холодной войны», то, по крайней мере, частично их выступления были ответом на обвинения в принадлежности к «партии измены», как называл демократов Маккарти, и реакцией на небывалое общенациональное безумие, вызванное «потерей» Китая. Новый госсекретарь Даллес являлся радикальным сторонником концепции «холодной войны», что было вполне естественно. Ярый ее приверженец с инстинктами задиры и нарочитой агрессивностью, он считал, что именно так следует вести международные дела. Его вкладом стало балансирование на грани войны, политикой было контрнаступление, а не сдерживание, а

движущей его поступками силой являлось «страстное желание контролировать события».

В 1949 году, после падения гоминьдановского Китая, Даллес, тогда еще сенатор, заявил, что «наш тихоокеанский фронт» теперь «полностью открыт для окружения со стороны Востока... Сегодня положение стало критическим». Под окружением он понимал наступление китайских коммунистов на Тайвань, а оттуда на Филиппины, и возможность, как только появятся благоприятные условия, выйти за пределы основной территории материкового Китая, чтобы «двигаться и продолжать движение». Когда войска Маккартура в Корее были отброшены китайцами, Даллес сделал вывод, что враг становится все более грозным. Разгул бандитизма на Филиппинах, война Хо Ши Мина в Индокитае, коммунистическое восстание в Малайе, коммунистическая революция в Китае и нападение на Корею — «все это части единой модели насилия, планируемой и разрабатываемой на протяжении 35 лет и наконец достигшей завершающей стадии вооруженной борьбы и беспорядков» на пространстве Азии.

Смешивание нескольких стран Восточной Азии, проделанное так, словно они не обладали ни национальным своеобразием, ни собственной историей, ни какими бы то ни было отличиями, ни собственными обычаями, было признаком мышления человека, который либо отличался неосведомленностью и недостаточной глубиной суждений, либо сознательно вводил других в заблуждение и, провозгласив «принцип домино», позволил ему стать догмой. Поскольку все восточные народы казались западному обывателю похожими друг на

друга, считалось, что и действовать они будут одинаково, то есть согласованно, как падающие костяшки домино.

Сын пресвитерианского священника, Даллес, среди родственников которого были миссионеры, сам искренне верил в Бога. От родственников он унаследовал такие качества, как религиозный пыл и ханжество, которые отнюдь не мешали ему вести себя в профессиональной деятельности порой подлым образом. Он по-своему воспринимал Чан Кайши и Ли Сын Мана, считал их «двумя джентльменами, которые являются современными воплощениями основателей церкви. Это христиане, которые пострадали за веру». На самом деле принятая ими вера принесла обоим не страдания, а власть.

В 1952 году Даллес опубликовал в журнале «Лайф» статью под названием «Политика бесстрашия», в которой выразил убеждение, что в отношении стран, где господствуют коммунисты, Америка должна продемонстрировать: «она хочет и ожидает того, что произойдет их освобождение». Под «освобождением» понималось низвержение коммунистических режимов. Поскольку в том году Даллес был главным разработчиком внешнеполитического курса республиканцев, он отверг политику сдерживания, назвав ее «негативной, бесполезной и безнравственной». Переходя на какой-то малопонятный жаргон, он призывал к «освободительному воздействию... в странах оказавшегося в неволе мира», что должно было привести к такому напряжению, которое сделало бы «правителей бессильными продолжать чудовищный курс и ознаменовало бы начало конца». Если эта риторика не была обычной для предвыборного периода пустой болтовней, то она весьма хорошо характеризовала человека, которому предстояло

стать не просто госсекретарем, а фигурой, в течение следующих семи лет определявшей внешнеполитический курс США. Во время своего пребывания в должности Даллес стал самым высокопоставленным пресс-атташе, освещавшим американскую интервенцию во Вьетнаме.

Смерть Сталина в марте 1953 года оказалась событием, которое открыло дорогу к проведению Женевской конференции 1954 года и международному урегулированию войны в Индокитае. Напряженность, вызванная противостоянием в Европе, ослабла, когда новый русский премьер Георгий Маленков использовал свою речь на официальных похоронах, чтобы озвучить необходимость «мирного сосуществования». Затем министр иностранных дел Молотов выступил с инициативой проведения конференции великих держав. К большому неудовольствию Даллеса, президент Эйзенхауэр выступил с ответной речью, в которой приветствовал признаки разрядки и выразил желание американцев, состоявшее в том, что как только будет заключено «честное перемирие» в Корее, наступит «подлинный и повсеместный мир» во всей Азии и во всем мире. Газеты «Правда» и «Известия» сделали ему комплимент, напечатав эту речь в полном изложении. Даллес пытался вставить одно условие, которое поставило бы согласие Америки на заключение перемирия в зависимость от недвусмысленного обещания Кремля положить конец антифранцузскому восстанию Вьетминя. Даллес сделал вполне естественное для себя предположение, что у Москвы есть весьма влиятельные связи в Ханое. В данном случае, его предложение не прошло, но суждение Даллеса о том, что Советский Союз является главным виновником мирового заговора, так и не было опровергнуто.

Состоявшееся в июле 1953 года заключение перемирия в Корее вызвало новые опасения, связанные с тем, что теперь Китай мог использовать свои вооруженные силы, чтобы способствовать победе коммунистов во Вьетнаме. Вьетминю удалось наладить пути снабжения из Китая, откуда он получал топливо и боеприпасы, причем объемы этих поставок возросли с ничтожных десяти тонн до более чем пятисот тонн в месяц. Теперь в правительстве активно обсуждалась возможность американской военной интервенции. Являясь той структурой, которая должна нести бремя ведения наземной войны, и пребывая в мрачном состоянии духа после ограниченных боевых действий в Корее, армия не хотела снова сражаться в условиях, когда ее возможности ограничены. Отдел планирования генерального штаба поставил этот вопрос на первое место, когда ему поручили сделать «повторный анализ важности Индокитая и Юго-Восточной Азии, дав оценку того, сколько может стоить их спасение». Та же проблема вызывала опасения у лорда Баррингтона, который доказывал, что если Британия будет вести войны в своих колониях, то «затраты на такое противоборство превысят выигрыш, ожидаемый в случае успеха». В отношении Вьетнама, как и в отношении британских колоний, ответ на важнейший вопрос об относительной стоимости войны так и не был получен.

И если в ходе этой дискуссии некоторые руководители ВМФ и ВВС настаивали на принятии решения в пользу боевых действий, то вице-адмирал Дэвис, который являлся советником министра обороны по иностранным делам, убеждал, что от участия в Индокитайской войне «следует уклоняться в силу совокупности всех издержек»; но если требования

национальной политики не оставят иной альтернативы, «Соединенные Штаты не вправе обманывать себя, считая, что у них есть возможность частичного участия с применением лишь подразделений ВМФ и ВВС». Чтобы добиться хоть какого-то преимущества в воздухе, напоминал он, необходимы наземные базы, а базы потребуют наличия обслуживающего персонала, для защиты которого понадобятся боевые подразделения сухопутных сил. «Надо понимать, что нет дешевого способа вести войну, раз уж она началась».

«Частичное участие» было (и не без оснований) причиной главных возражений. В своих советах президенту руководители Пентагона подвергали критике «статичную» оборону Индокитая и высказывали убеждение, что войну следует переносить на территорию агрессора, «в данном случае — коммунистического Китая». По мнению Пентагона, именно Китай являлся врагом США в Азии, а вьетнамцы — всего-навсего его марионетки. Кроме того, начальники штабов высказали предостережение, которое оправдалось в последующие годы. «Едва все будет зависеть только от вооруженных сил Соединенных Штатов и от их престижа, выход из войны станет невозможен без достижения победы».

Вашингтон знал, какие факторы могут сделать победу труднодостижимой. Эти факторы должны были учитывать, если, конечно, допустить, что главы министерств и президенты пользовались сведениями, которые по их поручению добывали агенты государственных служб. В одном из докладов ЦРУ речь шла о «ксенофобии» местного населения, и там говорилось, что «даже если Соединенные Штаты разобьют основные силы Вьетминя, партизанские действия могут продолжаться в течение неопределенного

периода времени», препятствуя установлению контроля над регионом со стороны антикоммунистических сил. При таких обстоятельствах Соединенным Штатам, «наверное, пришлось бы сохранять свое военное присутствие в Индокитае в течение последующих лет».

В ходе дебатов, которые продолжались в различных министерствах и ведомствах (Госдепартаменте, министерстве обороны, Совете национальной безопасности и в разведывательных службах), не было найдено никакого решения, поскольку всех сбивало с толку чрезмерное количество вопросов из серии «а что, если?». Что, если китайцы введут свои войска? Что, если французы попросят активного участия со стороны Соединенных Штатов? Или наоборот, попросят уйти, поскольку значительная часть французского общественного мнения требует оставить Индокитай коммунистам? Тщательно изучалось каждое непредвиденное обстоятельство. Межведомственная рабочая группа направляла в администрацию подробные отчеты. И снова возникли иллюзии. Было признано, что французы могут победить, только если они добьются подлинной политической и военной поддержки со стороны вьетнамского народа. Но это было невозможно при нежелании французов передать реальную власть вьетнамцам, а также при отсутствии эффективного некоммунистического руководства, а еще потому, что военные усилия французов ослабевали, а действия американских ВМФ и ВВС сами по себе не могли переломить ход событий в пользу Франции. Президент Эйзенхауэр пришел к заключению, что вооруженная интервенция США должна проводиться только при наличии трех обязательных условий: совместно с союзниками, с одобрения Конгресса и при «ускорении»

процесса предоставления французами независимости присоединившимся странам.

Между тем чем более неотвратимой казалась перспектива ухода французов, тем интенсивнее становилась американская помощь. В 1953 году хлынул поток бомбардировщиков, транспортных самолетов, военных судов, танков, грузовиков, автоматического оружия, стрелкового оружия и боеприпасов, артиллерийских снарядов, радиостанций, оборудования для госпиталей и военно-инженерных частей, и наряду со всем этим продолжалось оказание финансовой поддержки. За предыдущие три года 350 кораблей (или более двух кораблей в неделю) доставили французам военные грузы. Однако, согласно оценке Национального разведывательного совета, сделанной в июне 1953 года, военные усилия французов в течение следующих двенадцати месяцев, «по всей вероятности, будут ослабевать», а если ситуация станет развиваться в том направлении, в котором она развивается сейчас, впоследствии это может привести к ее «стремительному ухудшению». То есть «апатия населения» будет продолжаться, и Вьетминь «сохранит за собой военную инициативу». Неважно, какая бы ни была принята рекомендация — отказаться от этого, в сущности, безнадежного плана или же продолжать его поддерживать и увеличить помощь, — мнение разведывательного совета должно было привести хотя бы к трезвой переоценке ситуации. Но этого не случилось из-за опасений относительно того, что сокращение помощи будет означать потерю Франции как страны, которая сотрудничает с Америкой в Европе.

«Французы нас шантажировали», — прямо высказался Ачесон. Оказание помощи в Индокитае было

той ценой, которую назначила Франция за свое вступление в Европейское оборонительное сообщество (ЕОС). Американская политика в Европе была привязана к этой схеме интегрированной коалиции основных стран, коалиции, вызывавшей опасения у Франции, которая противилась вступлению в нее, поскольку среди ее членов была Германия, совсем недавно завоевавшая Францию. Если Соединенные Штаты хотели, чтобы Франция с ее двенадцатью дивизиями стала членом НАТО, они, в качестве оплаты, должны были сдерживать коммунистов, а значит, и поддерживать французскую колониальную империю в Азии. ЕОС обещало стать действенным инструментом, только если к нему присоединится Франция. Соединенные Штаты взяли на себя соответствующие обязательства и вынуждены были по ним платить.

Есть простое объяснение того, почему французы, имея превосходство в живой силе и получая от американцев материально-техническое снабжение, воевали так плохо. В колониальной армии, наряду с 80 тысячами французов, 48 тысячами выходцев из Северной Африки и 20 тысячами военнослужащих Иностранного легиона, находились более 200 тысяч жителей Индокитая, у которых не было никаких оснований сражаться за Францию. Американцы всегда разглагольствовали о свободе от коммунизма, тогда как свободой, которую хотело получить большинство вьетнамцев, была свобода от эксплуататоров, как французских, так и местных. Предположение, что все человечество разделяет представления демократического Запада о свободе, было американской иллюзией. «Свобода, которую мы лелеем и оберегаем в Европе, ничем не отличается от той свободы, которая

подвергается опасности в Азии», — заявил президент Эйзенхауэр, вступая в должность. Он ошибался. Возможно, у человечества есть общие интересы, но потребности и устремления меняются в зависимости от обстоятельств.

Что касается отсутствия у присоединившихся стран воли сражаться, об этом было хорошо известно, и никто не питал никаких иллюзий. Вернувшись в 1954 году со службы в ГСОВП офицер высокого ранга, генерал-майор Томас Трапнелл докладывал о парадоксальной войне, в которой «у вьетнамцев как народа отсутствует воля к победе» и в которой «лидер мятежников более популярен, чем глава вьетнамского государства». Однако осознание данного печального факта не помешало этому офицеру рекомендовать более решительные методы ведения войны. Однажды на пресс-конференции Эйзенхауэру также пришлось признать «отсутствие энтузиазма, который нам хотелось бы видеть». В своих мемуарах, опубликованных в 1963 году (как раз перед тем, как его преемники втянули Америку в войну), он признал, что «большинство населения поддерживало противника», из-за чего французы не могли полагаться на свои части, сформированные из вьетнамцев. Американская помощь «не могла исправить этот недостаток».

К 1953 году общественное мнение во Франции устало от этой бесконечной войны за идеи, неприемлемые для многих французских граждан, которые относились к войне с отвращением. Все более убедительным становилось мнение, что Франция не может одновременно вести боевые действия в Индокитае и обеспечивать оборону Европы, при этом удовлетворяя потребности собственного населения. Хотя большинство

расходов оплачивали Соединенные Штаты, французский народ, при содействии коммунистической пропаганды, чаще и чаще выступал с протестами и оказывал все более серьезное давление, требуя переговоров по урегулированию конфликта.

Теперь Даллес предпринимал отчаянные усилия, чтобы пугающая перспектива потери Индокитая и его перехода в коммунистический лагерь не стала реальностью. В самом начале 1954 года в Индокитай были направлены сорок бомбардировщиков В-26 с двумя сотнями техников ВВС США, переодетых в гражданское. Кроме того, Конгресс выделил 400 миллионов долларов в дополнение к тем 385 миллионам, которые уже были направлены на финансирование наступления, запланированного генералом Анри Наваррой и ставшего последней лихорадочной попыткой французских военных одержать верх. К моменту катастрофического разгрома французов, случившегося через несколько месяцев при Дьенбьенфу, американские вложения в Индокитай с 1946 года достигли 2 миллиардов долларов; кроме того, Соединенные Штаты оплачивали 80 % французских расходов на ведение войны, не считая оказания помощи присоединившимся странам, направленной на стабилизацию внутривосточной ситуации в этих странах и усиление их сопротивления Вьетминю. Однако, как бывает в большинстве подобных случаев, основная часть этой помощи перетекла в карманы чиновников. Как об этом и предупреждал в своей памятной записке Оули, Соединенные Штаты неотвратимо приближались к той черте, перейдя которую они должны были уже заменить, а не дополнять французов в том мероприятии, которое, нравится нам это или нет, оставалось колониальной войной.

Понимая, в чем ошибка, американские официальные лица в бесконечной переписке друг с другом и в назидательных советах французам продолжали настаивать, что предоставление независимости должно быть «ускорено» и что эта независимость должна быть подлинной. Вот здесь их недомыслие проявилось в полной мере. Как можно было убедить французов сражаться с большим энтузиазмом за то, чтобы удержать Вьетнам, и одновременно добиваться от них обещания предоставить Вьетнаму подлинную независимость? Почему вьетнамцы должны прикладывать усилия для того, чтобы остаться колониальным владением, если они не собирались им оставаться?

Это противоречие было вполне понятно французам, которые, независимо от того, были они за войну или против, хотели предоставить какую-то форму суверенитета, которая сохранила бы Индокитай внутри Французского союза, этого послевоенного заменителя империи. Французская гордость, французская слава, французские жертвы, не говоря уже о французской коммерции, требовали этого, и тем больше, чем сильнее Франция опасалась последствий: ведь если Индокитай сумеет выйти из-под контроля, это послужит примером Алжиру. Для американской политики, в основе которой лежала абсурдность ожиданий, были возможны и продолжение битвы, и отказ от оказания помощи французам, поскольку американцы рассматривали эту войну только как войну с коммунизмом, не исключавшую предоставления независимости. Они закрывали глаза на то, что хватка колониализма слабела и он явно не мог выйти победителем.

Введенные в ступор возможностью китайской интервенции, Даллес, председатель Объединенного

комитета начальников штабов адмирал Артур Рэдфорд и прочие считали, что до тех пор пока китайцев удерживают от вторжения тонкие намеки на «массированное» (то есть ядерное) возмездие или на какую-то другую американскую акцию, направленную против материкового Китая, баланс в Индокитае будет складываться в пользу французов. Характерно, что при этом не учитывался ни Вьетминь, ни вьетнамский национализм, история которого насчитывала сотни лет. Этот просчет до самого конца будет оказывать негативное воздействие на политику Соединенных Штатов.

В то же самое время политики понимали, и об этом свидетельствуют их исполненные тревожных ощущений докладные, что в глазах азиатских стран США портят себе репутацию, поскольку являются партнером «белых» в развязанной ими войне. Кроме того, они понимали, что успех французов с помощью плана Наварры есть иллюзия и что, несмотря на оптимизм начальника группы военных советников генерала О'Дэниела (по прозвищу «Железный Майк»), увеличение американских поставок не может гарантировать победу генерала Наварры. Так или иначе, американская помощь оставалась безрезультатной. Еще они знали, что если поставки из Китая, интенсивность которых теперь достигла 1500 тонн в месяц, каким-то образом не прекратит, Ханой не сложит оружия. С горечью они ощущали растущее недовольство, причем как со стороны французского общественного мнения, так и со стороны Французского национального собрания, и понимали, что налицо пугающая возможность: война способна закончиться политическим кризисом. В этом случае Соединенным Штатам либо придется смириться с тем, что все их

усилия потрачены впустую, либо самим продолжить эту не предвещающую ничего хорошего войну. Они понимали, что без американской поддержки присоединившиеся страны не смогут себя защитить. Если политики все это знали и понимали, то где искать разумное объяснение того, почему американцы продолжали вкладывать средства в нежизнеспособного «клиента» на другом конце света?

Вообразив, что Индокитай является главной целью скоординированной коммунистической агрессии, и повторяя в каждой политической рекомендации и в каждом публичном выступлении предположение, что защита Индокитая от коммунистов является жизненно важной для американской безопасности, Соединенные Штаты угодили в ловушку собственной пропаганды. Гиперболизированная риторика «холодной войны» пленила своих создателей. Администрация считала (или под руководством Даллеса убедила себя в этом), что остановить нашествие коммунистического спрута на Юго-Восточную Азию — настоятельная необходимость. Более того, «потеря» Индокитая после «потери» Китая вела к политической катастрофе. К этому мнению присоединились и либералы. Посетив в 1953 году пять стран Юго-Восточной Азии, судья Уильям О. Дуглас дал оценку, согласно которой «каждый фронт на самом деле является прямым следствием осуществления коммунистического заговора с целью расширения русской империи... Сегодня падение Вьетнама подвергло бы опасности всю Юго-Восточную Азию». В 1953 году из инспекционной поездки по региону вернулся сенатор Майк Мэнсфилд, который обычно выступал в роли стабилизирующего фактора американской внешней политики и, являясь влиятельным членом Комитета

сената по иностранным делам, проявлял особый интерес к Азии еще с тех времен, когда занимал должность профессора истории Дальнего Востока. В докладе Сенату он утверждал, что «мир во всем мире висит на волоске» и зависит от того, насколько реальной является коммунистическая экспансия на Дальнем Востоке. «Таким образом, безопасность Соединенных Штатов зависит от положения дел в Индокитае ничуть не меньше, чем от положения дел в Корее». Согласно его мнению, мы в ходе этого конфликта предоставляли свою помощь, осознавая, что Индокитай имеет «огромное значение для некоммунистического мира и для нашей собственной национальной безопасности».

Источником всех этих преувеличений была политическая атмосфера в самих Соединенных Штатах, которые словно взбесились. Охота на ведьм эпохи маккартизма, Комитет по антиамериканской деятельности, осведомители, «черные списки», истеричные выступления оголтелых правых республиканцев и представителей китайского лобби, масса людей, карьера которых была загублена, — все это привело к тому, что страна содрогалась от приступов страха. И ответственные чиновники, и простые люди из всех сил старались доказать свои антикоммунистическую надежность. Среди тех, кто испытывал особое беспокойство, был Даллес, который, по словам одного из его сторонников, жил в постоянном мрачном предчувствии того, что он может стать следующим объектом нападок Маккарти. Хотя и в меньшей степени, нечто подобное испытывал даже президент, о чем говорит молчаливое согласие Эйзенхауэра, позволившего Маккарти обрушиться с нападками на генерала Маршалла. Когда-то Маколей написал, что на свете нет

ничего более смехотворного, чем британское общество в одном из своих периодических припадков борьбы за нравственность. К этому можно было бы добавить, что нет ничего более малодушного, чем американское общество в припадке антикоммунизма 1950-х годов.

Во время правления администрации Эйзенхауэра военная стратегия США подверглась пересмотру. Этот «новый взгляд» был связан с ядерным оружием, а стоявшая за ним концепция, выработанная группой стратегов и кабинетных военачальников, состояла в том, что в ходе противостояния коммунизму новое оружие становилось средством, которое превращало перспективу американского возмездия в более серьезную угрозу, а саму войну делало более жестокой, быстрой и дешевой, чем тогда, когда она требовала масштабных приготовлений в сфере обычных вооружений и «устаревших процедур». Эйзенхауэр был столь же глубоко озабочен перспективой дефицитного бюджета, как и его министр финансов, Джордж Хамфри; последний прямо сказал, что не оборона, а национальное бедствие будет результатом принятия такой «военной программы, которая, не принимая в расчет ни ресурсы, ни проблемы нашей экономики, возводит великолепные оборонительные линии и величественные зубчатые стены, защищая страну-банкрота». (Это было сказано тридцать лет тому назад.) «Новый взгляд» был в равной степени мотивирован как состоянием отечественной экономики, так и «холодной войной».

Намереваясь предостеречь Москву, Даллес предал эту стратегию широкой огласке в своей достопамятной речи о «массированном возмездии», с которой он выступил в январе 1954 года. Идея состояла в том, чтобы сделать понятной для любого «потенциального

агрессора» неотвратимость и мощь американского ответного удара, но грохот риторического выстрела был заглушен волнением и смятением, которые вызвала эта речь. Половина населения земного шара посчитала ее блефом, а другая половина опасалась того, что это правда. И все происходило на фоне приближавшегося кризиса в Индокитае.

В ноябре 1953 года генерал Наварра направил французские войска численностью 12 тысяч человек на самый север страны, с целью захватить укрепленный район Дьенбьенфу, к западу от Ханоя. Его цель состояла в том, чтобы навязать противнику фронтальный бой, но позиция, окруженная возвышенностями, в районе, который в значительной степени находился под контролем Вьетминя, была выбрана необдуманно и не могла не привести к губительным последствиям. Приблизительно в это же время на конференции министров иностранных дел в Берлине Молотов предложил расширить дискуссию, включив в нее обсуждение проблем Азии, и провести конференцию с участием пяти держав, в том числе Китайской Народной Республики.

Подгоняемые тревожными сообщениями из Дьенбьенфу и давлением со стороны французского общественного мнения, которое требовало закончить войну, французы, как за соломинку, ухватились за возможность переговоров. Предложение о проведении пятисторонней конференции привело Даллеса в ужас, поскольку он считал неприемлемым любое урегулирование конфликтов с коммунистами, и уж совсем немислимым для него было садиться за стол переговоров с китайцами, ведь это могло быть истолковано как признание Китайской Народной Республики. Он считал,

что с речи Молотова о мирном сосуществовании все предложения русских являются «фальшивой мирной кампанией» и уловкой, придуманной для того, чтобы заставить оппонентов забыть о бдительности. Всеми имевшимися в его распоряжении средствами ухищрения и запугивания он препятствовал проведению пятисторонней конференции и одновременно пытался сделать так, чтобы Франция по-прежнему была полностью заинтересована в этой войне и при этом не воспринимала с раздражением давление американцев, не желавших, чтобы Франция подвергала опасности ЕОС. Когда французское правительство, желая сохранить свой политический авторитет, стало склоняться к тому, чтобы включить Индокитай в повестку дня конференции, Даллес мог продолжать упорствовать только ценой политического скандала, а такого риска он не мог себе позволить. Ему пришлось отступить. Встреча пяти держав была назначена на конец апреля, а местом ее проведения была выбрана Женева.

Перспектива признания факта присутствия коммунистов во Вьетнаме и выхода Франции из войны привела в ужас тех, кто планировал американскую политику. Уже приобрели общие очертания планы осуществления американской военной интервенции в случае возникновения экстренной необходимости заменить французов, а весьма энергичный председатель Объединенного комитета начальников штабов, в качестве подготовки к Женевской конференции, составил политический доклад, содержащий невероятные домыслы. Командовавший в годы Второй мировой войны авианосцем, адмирал Рэдфорд был решительным сторонником концепции воздушной мощи и «нового взгляда», а в своих оценках политической ситуации явно

тяготел к излишней драматизации. Приводя доводы в пользу американской интервенции, он утверждал, что если отдать Индокитай коммунистам, «неизбежно последует» завоевание всей Юго-Восточной Азии; в долгосрочной перспективе это чревато «самыми серьезными» угрозами «фундаментальным» интересам безопасности Соединенных Штатов на Дальнем Востоке, а впоследствии «даже стабильности и безопасности Европы». Вероятным результатом могла стать, по его мнению, «коммунизация Японии». Контроль над поставками риса, олова, каучука и нефти из Юго-Восточной Азии, а также над промышленными мощностями коммунистической Японии позволил бы Красному Китаю «построить монолитную военную структуру, еще более грозную, чем та, которой обладала Япония перед Второй мировой войной». Тогда Китай установил бы свое господство в западной части Тихого океана и на значительной части Азиатского материка и превратился бы в угрозу даже для Ближнего и Среднего Востока.

Призрачные угрозы, которые переполняли воображение адмирала Рэдфорда (и развеялись, так и не успев стать реальностью), ставят важный вопрос перед теми, кто исследует причины нашей недалёковидности. Какого рода ощущения, выдумки или иллюзии оказывают воздействие на принятие политических решений? И какие дикие фантазии могут возобладать над разумными оценками реальности? Какая для этого нужна сила убеждения или степень сознательного преувеличения? Убеждает ли оппонентов веская аргументация или изобретательная риторика заставляет их выбирать тот или иной политический курс?

Не ясно, толи взгляды Рэдфорда сформировались под влиянием Даллеса, то ли наоборот, но в любом случае позиция обоих отражала их чрезмерную реакцию. Теперь Даллес направил всю энергию на обеспечение гарантий того, чтобы на Женевской конференции не было достигнуто никакого компромисса с Ханоем, чтобы со стороны французов не появилось никаких признаков расслабления, чтобы ужасная опасность, которую таила в себе эта встреча, стала понятна соотечественникам-американцам. На брифинги, посвященные американской политике в Индокитае, он собирал конгрессменов, газетчиков, бизнесменов и других авторитетных лиц. Даллес показывал им цветные схемы распространения коммунистического влияния — красные волны расходились от Индокитая в направлении Таиланда, Бирмы, Малайи и Индонезии. Его представители готовили списки стратегического сырья, которое будет приобретено Россией и Китаем и в котором будет отказано Западу, и выступали с надуманным предостережением, что если Америка не сумеет отстоять свои позиции, коммунистам достанется вся Азия, от Японии до Индии. По словам очевидца, Даллес внушал присутствующим, что если Соединенные Штаты не смогут удержать французов на передовой, им придется вовлекать в этот конфликт собственные вооруженные силы. Такой же точки зрения, независимо от Даллеса, придерживался вице-президент Никсон. В одной, предположительно неофициальной речи, которая, естественно, получила широкую огласку, он сказал, намекая на неизбежность объявления войны, «что если требуется избежать дальнейшей экспансии коммунистов в Азии и в Индокитае, мы должны взять на себя риск и немедленно отправить туда наших ребят. И я думаю, что

президенту придется принять непопулярное политическое решение и сделать это».

На пресс-конференции, состоявшейся 7 апреля 1954 года, президент сделал заявление, которое внесло наиболее значительный вклад в кампанию по самовнушению. Он использовал словосочетание «эффект домино», чтобы показать, какие последствия будет иметь падение Индокитая под натиском коммунистов. К этому времени уже давно получила широкую огласку теория, согласно которой соседние страны Юго-Восточной Азии, подчиняясь некоему непреложному закону природы, одна за другой окажутся следующими жертвами экспансии. На пресс-конференции Эйзенхауэра теория получила название, которое столь же быстро вошло в анналы американской политики, как и термин «политика открытых дверей». Никто не сомневался в том, что эта теория соответствует реальности, хотя за рубежом она вызвала некоторый скептицизм, о чем свидетельствует в своих мемуарах Эйзенхауэр. «Нашей главной целью было убедить мир в том, что война в Юго-Восточной Азии была актом агрессии коммунистов, которые хотели подчинить весь регион». Американцев, «как и граждан трех присоединившихся государств, надо было убедить в истинном значении этой войны». Короче говоря, требовалось расширять сферу действия внушения, а люди со стороны должны были объяснить «истинное значение» войны народу, на земле которого она продолжалась уже семь лет. Потребность во всех этих объяснениях и оправданиях говорила о том, что с самого начала моральная сторона войны вызывала сомнения, которые с течением времени только усиливались.

Перед Женевской конференцией Вьетминь собрал силы, чтобы показать свою мощь. В марте 1954 года он с

помощью набегов и артобстрелов вел осаду Дьенбьенфу, уничтожал полевые аэродромы французов, перерезал линии снабжения и, благодаря увеличившемуся объему китайских поставок, который во время этой схватки достиг 4000 тонн в месяц, добился того, что крепость оказалась в отчаянном положении.

Этот кризис эхом отозвался в Вашингтоне. Начальник французского штаба, генерал Поль Эли, прибыл в США с просьбой нанести воздушный удар и снять осаду с Дьенбьенфу. Столь критическое положение заставило адмирала Рэдфорда выступить с предложением совершить налет бомбардировщиков B-29s с авиабазы Кларк-Филд в Маниле. Предварительно он, наряду с несколькими чиновниками Госдепартамента и министерства обороны, поднял вопрос о возможности получения у французов принципиального согласия на использование тактического атомного оружия для спасения осажденного Дьенбьенфу. В Пентагоне группа по изучению этого вопроса пришла к заключению, что трех ядерных боеприпасов, при надлежащем применении, будет достаточно, чтобы «свести на нет все усилия Вьетминя», но такой вариант не был одобрен и даже предложен на рассмотрение французам.^[17]

¹⁷ Есть мнение, что Рэдфорд хотел спровоцировать китайцев на ответные военные действия, чтобы они поспешно вступили войну с Соединенными Штатами еще до того, как Китай станет настолько сильным, что сможет угрожать американской безопасности. Его предложение о применении атомного оружия в Индокитае было в устной форме представлено помощником адмирала генералу Дугласу Макартуру, который тогда был советником при министерстве обороны и решительно высказался против этой идеи. «Если мы обратимся с этим к французам, — писал он Даллесу, — вся эта история, несомненно, получит огласку... и вызовет шум и крик в парламентах всех стран свободного мира», в частности, в странах-союзниках по НАТО, в особенности в Британии. Тогда от Америки начнут требовать заверений, что она не будет применять атомное оружие без консультаций с союзниками. К тому же советская пропаганда изобразила бы «наше желание использовать такое оружие в Индокитае как

Предложение Рэдфорда нанести обычный авиаудар, хотя оно и вошло в историю под кодовым наименованием «Операция Стервятник», не было санкционировано комитетом начальников штабов, как позднее утверждал адмирал, и получило лишь «концептуальное» согласие. Эли уехал домой ни с чем, если не считать обещания о выделении французам дополнительно 25 бомбардировщиков.

В то же самое время Даллес пытался найти условия, которые позволили бы американцам осуществить вооруженную интервенцию в том случае, если французы потерпят крах. Он созвал восьмерых членов Конгресса, в том числе лидеров сенатского большинства и меньшинства Уильяма Ноуланда и Линдона Джонсона, на тайную конференцию и попросил о принятии Конгрессом совместной резолюции, которая позволила бы применять в Индокитае военно-воздушную и военно-морскую мощь США. Рэдфорд, который присутствовал на этой конференции, объяснил, почему такой шаг является крайней необходимостью, и предложил нанести авиаудар 200 самолетами с авианосцев в Южно-Китайском море. Даллес весьма энергично разъяснил, как ему представляется ситуация, которая сложится вокруг Индокитая, если тот будет потерян. Когда выяснилось, что план Рэдфорда не одобрен другими членами Объединенного комитета начальников штабов, и что у Даллеса нет союзников, которые выступили бы за проведение совместных действий, конгрессменам оставалось лишь заявить, что они, вероятно, могли бы

доказательство того, что мы испытывали оружие на местном населении». В приложенном к этому документу комментарии одного из сотрудников Даллеса написано: «Госсек не хотел сейчас обсуждать этот вопрос с адм. Р., а последний, как я понял, не поднял его в беседе с госсеком».

добиться принятия такой резолюции в случае, если бы нашлись союзники и если бы французы пообещали остаться на поле боя и «ускорить» процесс предоставления независимости Вьетнаму.

В Париже французский кабинет вызвал посла Дугласа Диллона на экстренное воскресное совещание, чтобы обратиться с просьбой о «немедленном вооруженном вмешательстве палубной авиации Соединенных Штатов». Ему сказали, что судьба Юго-Восточной Азии и предстоящей Женевской конференции «теперь решается в Дьенбьенфу». Во время встречи с Даллесом и Рэдфордом Эйзенхауэр твердо стоял на своих условиях интервенции. В основе его непоколебимости лежали два незыблемых принципа: свойственное президенту почтительное отношение к соблюдению конституции и понимание того, что действия ВВС и ВМС обязательно приведут к втягиванию в конфликт наземных сил, применению которых он противился. На состоявшейся в марте пресс-конференции он сказал, что «не будет никакого вступления Америки в эту войну, если такое вступление не станет конечным результатом конституционной процедуры по объявлению войны, которая будет проходить в Конгрессе. Давайте теперь же внесем ясность. Вот это и будет ответом». Затем он согласился с выводом военных о том, что действия ВВС и ВМС без применения наземных сил не позволят американцам выполнить поставленную задачу, и сказал, что не считает нужным снова задействовать сухопутные силы, как было в Корее, то есть без перспективы получить приемлемый результат.

В ходе дискуссий, которые вели на эту тему военные, решительным противником наземной войны

выступил начальник генерального штаба сухопутных сил, генерал Мэтью Б. Риджуэй, который спас положение дел в Корее. Направленный туда для того, чтобы заменить Макартура на посту главнокомандующего, он вывел 8-ю армию из состояния растерянности и повел ее в бой, что сорвало попытки Северной Кореи захватить страну. В итоге он если и не одержал победу, то, по крайней мере, восстановил прежний статус-кво и сдержал коммунистическую экспансию. Взгляды Риджуэя были весьма эмоциональными, и впоследствии их подтвердила группа наблюдателей, которую он направил в Индокитай в июне, когда крайне остро встал вопрос о военном вмешательстве Соединенных Штатов. Возглавляемая начальником отдела стратегического планирования и разработок генералом Джеймсом Гэвином, эта группа докладывала, что американские наземные силы будут нести «тяжелые потери», и если на начальном этапе потребуется пять дивизий, то когда начнутся полномасштабные боевые действия, возникнет необходимость в десяти дивизиях. Район боевых действий «практически лишен возможностей, которые современные вооруженные силы, такие как наши, считают необходимыми для ведения войны. Его телекоммуникации, автодороги, железные дороги, словом все, что делает возможным применение современных вооруженных сил на суше, практически не существуют». Чтобы создать эти возможности, потребовались бы «грандиозные инженерные и логистические усилия», связанные с огромными издержками. По мнению группы, «этим не стоило заниматься».

Эйзенхауэр был согласен с этим выводом, и не только по военным причинам. Он считал, что односторонняя интервенция США будет крайне

неудачным политическим шагом. «Соединенным Штатам ни в коем случае не следует предпринимать односторонние шаги, направленные на поддержку французского колониализма, — сказал он одному из своих сотрудников. — В таких случаях односторонние действия пойдут нам во вред». При открытой агрессии со стороны Китая, подчеркивал он, также следует действовать совместно с другими странами.

Угроза того, что проблема будет урегулирована с коммунистами, заставила Даллеса развернуть кипучую деятельность, направленную на то, чтобы собрать союзников, особенно британцев, необходимых для совместных действий, заставить французов продолжать войну, отговорить китайцев от вторжения, намекая на применение атомного оружия, воспрепятствовать объединению, разделению, перемирию и любому другому компромиссу с Хо Ши Мином и вообще сорвать Женевскую конференцию, либо до, либо после ее созыва.

Подобно тому как волокна ткани впитывают краску, вашингтонские политики, благодаря неоднократным утверждениям о жизненной необходимости спасения Индокитая от коммунистической экспансии, впитывали в себя эту убежденность. Они не подвергали ее никакому сомнению и уже были готовы перейти к действиям. Из риторики она превратилась в доктрину, а политическая рекомендация в отношении позиции на Женевской конференции, предложенная президенту специальным комитетом по Индокитаю, была составлена в духе возбужденного ожидания предстоящего кризиса и своей тупой высокомерностью наводила на воспоминания о лорде Хиллсборо. В этот комитет, состоявший из представителей министерства обороны, Госдепартамента

и ЦРУ, среди прочих входили заместитель министра обороны Роджер Киз, адмирал Рэдфорд, заместитель госсекретаря Уолтер Биделл Смит, помощник госсекретаря Уолтер Робертсон, а также Аллен Даллес и полковник Эдвард Лэнсдейл из ЦРУ. Пятого апреля комитет, в качестве первого и главного принципа, дал такую рекомендацию: «Для политики Соединенных Штатов приемлема только военная победа в Индокитае». Учитывая тот факт, что США не являлись воюющей стороной, создается впечатление, что в этом категорическом требовании присутствует некий элемент фантастики.

Во-вторых, если бы Соединенным Штатам не удалось добиться от французов поддержки данной позиции, следовало «немедленно инициировать шаги в направлении сближения с правительствами присоединившихся стран, с целью продолжения войны в Индокитае и активного участия в ней Соединенных Штатов», причем независимо от наличия или отсутствия согласия французов. Проще говоря, это означало, что США следовало вступить в войну по просьбе присоединившихся стран. Далее говорилось, что «в Индокитае не следует заключать никаких перемирий, пока не будет достигнута победа», которая придет либо в результате «успешных военных действий, либо недвусмысленного признания коммунистами своего поражения». Поскольку после падения Дьенбьенфу военные действия едва ли могли свидетельствовать о близости успеха и поскольку возможность признания Вьетминем своего поражения была не более чем пустой фантазией, а также поскольку Соединенные Штаты находились не в том положении, чтобы решать, следует или нет заключать перемирие, данное условие являлось

совершенно бессмысленным. И наконец, чтобы преодолеть определенную пассивность в отношении исходного американского тезиса, комитет настаивал на принятии «экстраординарных» усилий, направленных на то, «чтобы сделать жизнеспособной концепцию коммунистического империализма как угрозы, которая распространяется на все государства Юго-Восточной Азии».

Нет никаких документальных свидетельств о том, как сложилась дальнейшая судьба этого документа, был ли он вынесен на обсуждение, отклонен или принят. Впрочем, это не имеет никакого значения, поскольку тот факт, что его вообще смогли сформулировать, отражает тот образ мыслей (или то, что приходит на ум государственным деятелям), который определил дальнейшее развитие событий и проложил дорогу к будущей американской интервенции во Вьетнам.

Усилия Даллеса, направленные на то, чтобы собрать союзников для совместных действий, оказались бесплодными. Британцы проявили упорство и, не согласившись с мнением американцев, пытавшихся убедить их в том, что Австралия, Новая Зеландия и Малайя являются будущими участниками реализации «принципа домино», решительно отказались принимать участие в каких бы то ни было операциях до тех пор, пока не будут оглашены решения Женевской конференции. Французы, несмотря на кризисное положение и просьбу о нанесении воздушного удара, не стали приглашать Соединенные Штаты принять участие в войне, посчитав, что открытое партнерство нанесет ущерб их престижу, который ни одна нация не воспринимает так серьезно, как французы. Они хотели, чтобы конфликт в Индокитае продолжал оставаться их

внутренним делом и не становился частью единого фронта борьбы с коммунизмом. Нежелание, с которым Даллес сталкивался в том и в другом случае, отчасти было результатом его собственной деятельности, поскольку тревога, вызванная выступлением Даллеса в январе предыдущего года, в котором он упомянул о «массированном возмездии», заставила союзников испытывать беспокойство, связанное с тем, что Америка может начать атомную войну.

Седьмого мая Дьенбьенфу пал, что стало настоящим триумфом для Вьетминя, который получил веские основания для своих требований в Женеве. Мужественно встретив эту новость, Даллес заверил всех присутствовавших на пресс-конференции, что «Юго-Восточная Азия, возможно, могла бы остаться в безопасности даже без таких стран, как Вьетнам, Лаос и Камбоджа». Иными словами, костяшки домино не начнут падать вопреки ожиданиям.

В мрачной атмосфере, царившей на следующий день после того, как пришли новости из Дьенбьенфу, в Женеве начались переговоры по Индокитаю. Они проводились на высшем уровне. Францию представлял премьер Жозеф Ланьель, другие державы направили на конференцию своих министров иностранных дел. Энтони Иден и Молотов выступали в роли сопредседателей, Даллес и помощник госсекретаря Биделл Смит представляли Соединенные Штаты, от Китая выступал Чжоу Эньлай, а интересы Вьетминя представлял Фам Ван Донг. Также были представители Лаоса, Камбоджи и присоединившихся государств Вьетнама. Атмосфера была весьма напряженной, потому что премьеру Ланьелю, чтобы спасти свое правительство, надо было предлагать перемирие, тогда как американцы направляли усилия на

то, чтобы этому воспрепятствовать. Европейцы требовали немедленных действий, но было трудно найти условия, приемлемые для обеих сторон. От идеи коалиционного правительства отказались в пользу разделения страны, а вопрос демаркационной линии и нейтральных зон вызвал горячие споры, причем прения становились все более острыми и эмоциональными.

Через несколько недель правительство Ланьеля ушло в отставку и на смену ему пришло правительство во главе с Пьером Мендес-Франсом, который считал, что продолжение войны в Индокитае «в гораздо меньшей степени будет препятствовать движению Азии в направлении коммунизма и в гораздо большей степени будет подталкивать в этом направлении Францию». Он объявил, что через тридцать дней (то есть к 21 июля) положит конец войне или уйдет в отставку, и прямо сообщил Национальному собранию, что если в Женеве не будет подписано соглашение о прекращении огня, парламенту придется объявлять мобилизацию, необходимую для пополнения профессиональной армии в Индокитае. Он сказал, что перед самой отставкой представит законопроект о мобилизации, и от собрания потребуется в тот же день за него проголосовать. Членам Национального собрания не слишком хотелось рассматривать принятие такой меры, как введение закона о мобилизации для продолжения ставшей непопулярной войны. Сделав столь угрожающее заявление, Мендес-Франс немедленно отправился в Женеву, чтобы добиться успеха в установленный им самим срок.

Конференция с трудом преодолевала неразрешимые противоречия и взаимную вражду. На разделении Вьетнама настаивали как на единственном средстве

«разобращения» воюющих сторон; французы требовали провести демаркационную линию по 18-й параллели, тогда как представители Вьетминя настаивали на 13-й, а позднее на 16-й параллели, что позволило бы им включить в свою зону древнюю столицу страны, город Хюэ. Присоединившиеся страны отвергли все предложения. Даллес, который отказывался идти на какие бы то ни было уступки коммунистам, то покидал зал заседаний, то снова возвращался. Вернувшись в Вашингтон, он возобновил кампанию по запугиванию соотечественников китайским вторжением во Вьетнам. «Если состоится прямая военная агрессия, — сказал он во время одного из публичных выступлений, — она будет представлять собой преднамеренную угрозу Соединенным Штатам». Тем самым он решительным образом поставил безопасность США в угрожающую зависимость от положения дел в Индокитае.

Когда приблизился установленный Мендесом крайний срок, переговоры в Женеве зашли в тупик, и появилась угроза того, что согласие в отношении демаркационной линии и времени проведения голосования по вопросу окончательного воссоединения страны так и не будет достигнуто. За кулисами велись переговоры и двусторонние конференции. Советский Союз, который после смерти Сталина двигался в направлении политики разрядки, оказывал давление на Хо Ши Мина, убеждая его в необходимости урегулировать эти вопросы. Представитель Китая Чжоу Эньлай сказал Хо Ши Мину, что в его же интересах взять себе половину пирога для того, чтобы изгнать из страны французов и не пустить в нее американцев, и что в конечном счете он получит все. Хо уговорили, и он крайне неохотно согласился на 17-ю параллель и на

проведение голосования через два года. Соглашение было достигнуто вовремя, поскольку сделанное 21 июля итоговое заявление положило конец войне, которую вели французы. Итак, Франции пришлось признать свое поражение, передав половину Вьетнама мятежникам, и в результате ее престижу был нанесен больший урон, чем тот, который она бы понесла, если бы все было сделано добровольно и в самом начале конфликта. Позднее Соединенные Штаты повторят ту же самую ошибку.

Женевское соглашение декларировало прекращение огня, подтвердило при содействии международного сообщества независимость Лаоса и Камбоджи, а также разделило Вьетнам на Северную и Южную зоны, поставив условием, что «военная демаркация является предварительной и ее ни в коем случае не следует понимать как установление политической или территориальной границы». Далее, это соглашение разрешало французским вооруженным силам оставаться во Вьетнаме до тех пор, пока присоединившиеся страны не попросят их уйти, и предусматривало проведение выборов к июлю 1956 года, вводило ограничения и устанавливало правила для иностранных военных баз, вооружений и личного состава, а также предусматривало создание международной контрольной комиссии для наблюдения за выполнением этих условий. Ни правительство в Ханое, ни правительство в Сайгоне не подписали это соглашение, не сделали этого и Соединенные Штаты, которые ограничились весьма мрачным заявлением о том, что будут воздерживаться от «угрозы силой и от применения силы» с целью сорвать переговоры.

Женевское соглашение положило конец войне и предотвратило более масштабное участие в конфликте

Китая и Соединенных Штатов. Но по причине отсутствия удовлетворенных этим соглашением гарантов, заинтересованных в том, чтобы его поддерживать, а также ввиду наличия неудовлетворенных сторон, заинтересованных в том, чтобы дать ему обратный ход, оно с самого начала было неполноценным. Что касается США, они были разочарованы ничуть не меньше.

Женева стала для Даллеса поражением во всех аспектах политики в отношении Индокитая. Ему не удалось предотвратить установление коммунистического режима в Северном Вьетнаме, он не смог заручиться поддержкой Британии или каких-либо других стран для проведения совместных действий, у него не получилось заставить Францию вести активные боевые операции, он не добился согласия президента на американское военное вмешательство и даже не сумел достичь поддержки ЕОС, от которой французское Национальное собрание наотрез отказалось в августе. Достигнутые результаты не производили большого впечатления, а сам Даллес не был готов делать соответствующие выводы и пересматривать свои политические взгляды. Как и в случае с Филиппом II, «весь опыт политических неудач не смог лишить его веры в присущее ему мастерство непревзойденного политика». Он созвал пресс-конференцию в Женеве не для того, чтобы «горевать о прошлом», как он выразился, а чтобы «не упустить в будущем возможность предотвратить окончательную потерю Северного Вьетнама, который, встав в авангарде коммунизма, сможет распространять его по всей Юго-Восточной Азии и юго-западной части Тихого океана». В общем, песня оставалась прежней. Хотя один урок Даллес все же извлек: «Сопrotивление коммунизму нуждается в общенародной поддержке... и

люди должны чувствовать, что они защищают собственные национальные традиции». Это действительно был хороший урок, который нельзя сформулировать лучшим образом, но, как покажут последующие события, выводы были сформулированы, однако ничему не научили.

3. СОЗДАНИЕ САТЕЛЛИТА: 1954–1960 гг.

На этом этапе, когда восьмилетние усилия американцев по оказанию помощи французам ни к чему не привели и когда все старания французов оказались напрасными, а войска Французского союза потеряли 50 тысяч человек убитыми и 100 тысяч ранеными, Соединенные Штаты могли бы заметить признаки необходимости отказаться от участия в делах Индокитая. Свежим примером тщетных стараний был Китай, когда более продолжительные и масштабные усилия направить развитие этой страны в нужное русло оказались сметены коммунистической революцией. Но никаких выводов из китайского опыта (например, что желания Запада неприменимы к данной ситуации и что внешняя политика есть искусство возможного) американцы не сделали. Американское правительство реагировало не на сами китайские беспорядки или вьетнамское национально-освободительное движение, а на запугивания со стороны крайне правых у себя дома и на распространенный среди населения США страх перед коммунизмом, который использовался в корыстных целях и находил отражение в политике. Социальные и психологические первоисточники этого страха не являются предметом нашего исследования, но именно

они послужили глубинной основой американской политики во Вьетнаме.

У Соединенных Штатов и в мыслях не было отказываться от участия в делах Индокитая или признавать решения Женевской конференции. Первоочередная задача, как ее видел Даллес, была двоякого свойства: во-первых, создать из бывших колоний Юго-Восточной Азии договорную, наподобие НАТО, организацию, которая должна заблаговременно получить полномочия для коллективной обороны (или ее видимости), направленной на предотвращение продвижения коммунизма в данном регионе; во-вторых, гарантировать функционирование ныне действующего национального государства в Южном Вьетнаме, способного сдерживать Северный Вьетнам и в конце концов воссоединить под своим началом всю страну. Еще до принятия итогового заявления Женевской конференции госсекретарь приступил к работе в обоих направлениях.

Уже в мае Даллес начал громкую кампанию в пользу создания пакта взаимной безопасности стран Юго-Восточной Азии, что было частью его плана противодействия Женевской конференции. Сознательно или нет, но он стремился поставить Соединенные Штаты в положение государства, контролирующего ситуацию и в этом смысле заменяющего колониальные державы. Он хотел обеспечить международную правовую базу для интервенции, как было в Корее, где такую базу предоставила ООН по причине нарушений границы. Последствия подобной политики тревожили наблюдателей, в частности газету «Сент-Луис пост диспэтч», которая в серии редакционных статей, опубликованных до подписания в Женеве соглашения о

перемирии, задавалась вопросом, ставит ли Даллес целью «найти какой-нибудь нелегальный способ, чтобы Соединенные Штаты смогли вмешаться в Индокитайскую войну». Желает ли народ Соединенных Штатов «способствовать применению вооруженных сил против внутреннего мятежа такого масштаба, что положил начало Индокитайской войне?» Дав на этот вопрос отрицательный ответ, «Пост диспэтч» неоднократно повторяла мысль, что «от этой войны надо держаться подальше». Газета предсказала, что вмешательство заставит США вести «ограниченную» войну, которую, по всей вероятности, «можно выиграть, только сделав ее неограниченной». Чтобы еще больше выделить эту мысль, газета поместила выполненную Дэниелом Фицпатриком карикатуру Дяди Сэма, который пристально разглядывает темное болото с надписью «ошибки, сделанные французами в Индокитае». Подпись под рисунком гласила: «Не совершить бы еще одну ошибку». Тот факт, что эта карикатура удостоилась Пулитцеровской премии, говорит о том, что идея, которую она несла, была отлично понятна уже в 1954 году.

Свидетелем трагедии более глубокой, чем ошибка, стал в том же году наблюдатель, который проявлял самый живой интерес к отношениям Америки и Азии. В своей книге под названием «Разыскивается: азиатская политика» Эдвин О. Райшауэр, специалист по Дальнему Востоку и будущий посол США в Японии, усмотрел трагедию в том, что Запад не воспрепятствовал тому, что национально-освободительная борьба в Индокитае стала делом коммунистов. Эта трагедия стала результатом американской помощи французам, в «их крайне неэффективной и, в конечном счете, оказавшейся

безнадежной защите статус-кво». Результат «показывает, как чудовищно мы неправы, когда боремся с азиатским национально-освободительным движением, вместо того чтобы ему помогать».

При жестком давлении со стороны Даллеса была организована конференция по учреждению Организации договора стран Юго-Восточной Азии (СЕАТО). Она состоялась в Маниле в сентябре 1954 года. Среди участников этой конференции были всего три азиатские страны, только две из них (Таиланд и Филиппины) представляли Юго-Восточную Азию (третьей был Пакистан) и только одна граничила с Индокитаем, тогда как сам Индокитай на этой конференции вообще не был представлен. Поэтому с самого начала данной организации не хватало определенной аутентичности. Другими участниками блока стали Великобритания, Франция, Австралия, Новая Зеландия и Соединенные Штаты. В обычной для него агрессивной манере Даллес сообщил делегатам: их цель состоит в том, чтобы заранее дать согласие на ответные шаги, «поскольку тогда мы будем настолько едины, сильны и хорошо подготовлены», что любая агрессия, направленная на зону ответственности данной организации, принесет агрессору больше потерь, нежели выигрыша. Поскольку азиатские страны-участницы конференции не обладали сколько-нибудь серьезной военной мощью, а остальные либо в силу своего отдаленного географического местоположения не могли ею воспользоваться, либо уже были вытеснены из региона, и поскольку сами Соединенные Штаты так и не смогли взять на себя постоянные обязательства в отношении применения силы для защиты Юго-Восточной Азии, требование госсекретаря представляло собой не более чем попытку

выдать желаемое за действительное. В статье IV устава, где речь шла о рабочей группе этой организации, Даллес прописал, что каждый из ее членов берет на себя обязательство «встречать общую опасность в соответствии с установленными организацией процедурами». Впрочем, это обязательство никак не могло стать для них спасительным мечом Эскалибуром.

В отдельном протоколе Даллес сумел взять присоединившиеся страны Индокитая под защиту статьи IV и, к собственному удовлетворению, определить востребованные обязательства как «ясное и определенное согласие подписавшихся сторон» прийти на помощь любому члену пакта, подвергшемуся агрессии. Но, по словам представителя министерства обороны вице-адмирала Дэвиса, после создания этой организации Юго-Восточная Азия «не стала лучше прежнего подготовленной к тому, чтобы отразить коммунистическую агрессию».

Между тем официально вступил в должность новый премьер Южного Вьетнама, который с самого начала и до ужасного конца был американским сателлитом. Выбранный не из тех, кто жил в стране, а из вьетнамских эмигрантов, которые пребывали за пределами Вьетнама, он продвигался вверх по карьерной лестнице благодаря манипуляциям французов и американцев, причем Франция весьма неохотно принимала в этом участие. Чтобы придать Южному Вьетнаму большую энергию и уверенность в своих силах, Соединенные Штаты решительно вознамерились устранить французское присутствие. Впрочем, в качестве прискорбной необходимости они были готовы оставить в стране французские вооруженные силы до того момента, когда на смену им придет надежная, укомплектованная

офицерским составом и хорошо обученная вьетнамская армия. По Женевским соглашениям французам вменялось в обязанность наблюдать за выполнением условий перемирия и будущих выборов. Было трудно представить, что в этот переходный период их торговые, административные и культурные связи можно поддерживать и развивать, двигаясь в направлении добровольного включения Индокитая в состав Французского союза.

Совсем иные желания были у Соединенных Штатов, которые сделали ставку на Нго Динь Дьема (Зьема), яркого националиста из католической семьи местного чиновника. При императорском дворе Аннама его отец был кем-то наподобие лорда-канцлера. Дьем находился на французской колониальной службе и был губернатором одной из провинций. Кроме того, при Бао Даяе он занимал пост министра внутренних дел, но в 1933 году ушел в отставку, тем самым выразив протест против французского правления и отмены обещанных реформ. Он уехал на отдых в Японию, а после возвращения отказался от сделанного японцами в 1945 году предложения сформировать правительство под предводительством всегда доступного Бао Дая. Являясь не только ярким националистом, но и убежденным антикоммунистом, он столь же решительно отверг возможность перейти на сторону Хо Ши Мина, который предложил ему пост в своем правительстве в Ханое. Подобная несговорчивость привела к тому, что он был схвачен представителями Вьетминя и полгода находился под арестом. Признанный ведущим антикоммунистом и националистом, он отказался служить проводником Елисейских соглашений, поскольку те были несовместимы с независимостью, и в 1949 году снова

уехал в Японию. В 1950 году он приехал в Соединенные Штаты, где благодаря брату, который был католическим епископом, вступил в контакт с кардиналом Нью-Йоркским Спеллманом.

После того как кардинал представил его влиятельным кругам, Дьем познакомился в Вашингтоне с членом Верховного суда США Дугласом. Это случилось вскоре после того, как Дуглас открыл «пять фронтов» Юго-Восточной Азии. Представления Дьема о будущем своей страны, которое он связывал с независимостью и проведением социальных реформ, произвели впечатление на Дугласа: тот посчитал, что нашел человека, который способен стать подлинной альтернативой и французской марионетке Бао Даю, и коммунисту Хо Ши Мину. Он поделился этим открытием с ЦРУ и представил своего кандидата сенаторам Мэнсфилду и Джону Ф. Кеннеди. И тот и другой были католиками. После этого Дьем начал продвигаться вверх.

И вот, наконец, появился американский кандидат, настоящий вьетнамский националист, франкофобия которого избавляла его от любых подозрений в симпатии к колониализму, а благоприятное отношение кардинала Спеллмана являлось подтверждением его антикоммунистических взглядов. Он не попался на глаза сенатору Маккарти, поскольку в 1953 году отправился в Европу, чтобы продвигать свою кандидатуру среди вьетнамских эмигрантов во Франции и активно лоббировал ее в Париже в 1954 году. Тогда, во время Женевских переговоров, требовалось срочно найти перспективного национального лидера. Дьем явно не был приемлемой для французов кандидатурой, но потребность Франции в прекращении огня оказалась

сильнее ее неприязни к этому кандидату. При поддержке американцев и использовании закулисного нажима на различные группировки эмигрантов, а также в условиях, когда назначенный Мендесом-Франсом крайний срок неумолимо приближался, Дьема, хотя и неохотно, все же признали приемлемым вариантом. Как раз перед подписанием Женевских соглашений Бао Дая, который все еще оставался главой государства и весьма неплохо проводил «дни затворничества» на Ривьере, уговорили назначить Дьема премьер-министром.

На протяжении следующих девяти лет именно этот политический деятель безуспешно пытался построить в Южном Вьетнаме жизнеспособное демократическое и самостоятельное государство. Оказалось, что Дьем для этого недостаточно подготовлен. Обладая лишь теоретическими представлениями и высокими принципами, он не располагал опытом строительства независимого национального государства. Он разделял распространенную в народе неприязнь к французам, хотя и не отвергал колониального наследия в виде целого общественного класса, извлекавшего выгоды из колониального правления, класса, к которому он и сам принадлежал. Он был набожным католиком в стране, где главным образом исповедовали буддизм. Ему пришлось бороться с сеявшими рознь сектами и с криминальными группировками, наподобие мафии, у которых были собственные армии и которые пользовались гангстерскими методами. Непреклонно следуя своим принципам, он не умел идти на компромиссы и не был знаком с практикой демократического управления. Он умел вести дела с инакомыслящими и оппозицией, только прибегая к принуждению и силе. Однако высокая должность порой вынуждает изменять и самым благим

намерениям, и, как это ни печально, обстоятельства превратили этого человека в диктатора, не наделив его железной волей.

Теперь, когда в Сайгоне был американский посланник, работавший в полноценном посольстве, и постоянно увеличивалось число советников и различных агентств в дополнение к уже имевшейся «Группе советников по оказанию военной помощи» (ГСОВП), политика Соединенных Штатов в этой стране стала более целенаправленной, чем когда-либо прежде. И первая задача этой политики состояла в том, чтобы подготовить боеспособную и, как надеялись, преданную «идеалам свободы» и заинтересованную в сотрудничестве вьетнамскую армию. ГСОВП хотела сделать это в одиночку, без участия французов, исходя из предположения, что благодаря этому американское влияние будет восприниматься отдельно от французского. Тогда мы не задумывались о том, что нам в наследство достанется та неприязнь, которую вызывало любое вмешательство белых. Американцы считали, что они «отличаются» от французов и что им будут оказывать радушный прием как людям, которые желают, чтобы вьетнамцы добились независимости; при этом факт, что именно Соединенные Штаты помогли французам вернуться во Вьетнам и финансировали их войну, был просто вычеркнут из памяти. Считалось, что, помогая независимому Южному Вьетнаму обрести «мышцы», мы сможем подтвердить свои добрые намерения.

Дискуссия о программе подготовки армии выявила нежелание военных стратегов в Вашингтоне принимать большее участие в делах Вьетнама. Но, получив задание, хороший солдат его выполняет, не задавая лишних

вопросов. Начальник ГСОВП генерал О'Дэниел составил перечень мероприятий и требований к программе подготовки, а также обратился с просьбой направить во Вьетнам увеличенный контингент личного состава, прежде чем войдет в силу принятый на Женевской конференции запрет на ввод в страну дополнительных войск.

Весьма пространные отчеты о настроениях во вьетнамской армии и о невозможности определить степень ее лояльности вызывали вполне скептическое отношение представителей Объединенного комитета начальников штабов, которые не желали брать на себя ответственность за провал осуществления программы подготовки этой армии и, что страшило сильнее, за введение в бой американских войск, которым в случае прямого столкновения пришлось бы выручать не отвечающие требованиям вьетнамские вооруженные силы. В составленном в августе 1954 года недвусмысленном меморандуме они пришли к заключению, что «абсолютно необходимо» иметь «под своим контролем довольно сильное и устойчивое гражданское правительство» и что «нет никаких оснований надеяться на то, что миссия Соединенных Штатов по обучению вьетнамской армии будет успешной», если заинтересованное в ее успехе государство не может эффективно выполнять все функции, необходимые для комплектования армии личным составом и ее содержания. Они предсказывали «полный военный вакуум» в том случае, если французские вооруженные силы будут выведены из страны, и «нежелательную ответственность за все неудачи, связанные с программой подготовки» в случае, если их заменят Соединенные Штаты. В заключение они

делали вывод, что Соединенным Штатам «не следует принимать в этом участие», но поспешили добавить, что при наличии контроля со стороны государственных советников эти выводы нельзя считать однозначными и что если «доминирующими являются политические соображения», тогда они «согласны на проведение миссии по обучению вьетнамской армии». В бюрократической системе из желания избежать определенности обычно стремятся давать расплывчатые советы, позволяющие принимать любое решение.

Последовали жаркие споры о том, какое количество войск следует обучать, какими должны быть расходы на содержание французской армии в Индокитае (в 1955 году они составили 100 миллионов долларов, а в 1956-м — уже 193 миллиона) и как по времени распределить поэтапный вывод французской армии. Между тем сомнения комитета начальников штабов в успехе становились все сильнее. В ноябре 1954 года, когда для внутриполитической ситуации во Вьетнаме был характерен хаос, они обнаружили, что «нет никакой уверенности... в наличии лояльности правительству Дьема и оказания ему эффективной поддержки», иными словами — в «политической стабильности в Южном Вьетнаме». Если сами вьетнамцы не проявят волю к сопротивлению коммунизму, «никакое внешнее давление или помощь не смогут надолго оттянуть полную победу коммунистов в Южном Вьетнаме». Оглядываясь назад, задаешься вопросом, почему американское правительство оставило без внимания советы тех, кому было поручено давать советы.

Затравленному нападками оппонентов внутри страны и уставшему от повсеместной некомпетентности, постоянных разногласий и коррупции, Дьему пришлось

также иметь дело с наплывом почти миллиона беженцев с севера; этот наплыв, организованный согласно положению Женевской конференции о перемещении населения, продолжался в течение 300 дней. В результате пропаганды католиков, всюду говоривших о том, что «Христос и Дева Мария тоже переселились на юг», масса перемещавшихся с севера беженцев на 85 % состояла из католиков. Эти беженцы представляли собой значительную группу тех, кто не хотел жить при коммунизме, и, оказывая Дьему массовую поддержку, они фактически помогали ему укреплять свою власть. Впрочем, его благосклонное отношение к ним вызывало неприязнь тех, кто занимал официальные посты. Соединенные Штаты взяли на себя значительную часть бремени, связанного с беженцами. Военно-морской флот перевез 300 тысяч беженцев, а их переселение было обеспечено благодаря щедрому финансированию со стороны католических благотворительных организаций и других структур.

Согласно одному из докладов, после визита в Сайгон «высокопоставленные официальные лица из Вашингтона» в частных беседах высказывали мнение, что «Вьетнам, по всей вероятности, придется списать со счетов как банкрота». Забрасываемая противоречивыми советами, пытавшаяся решить, как укрепить и стабилизировать правительство Дьема, как оставить в стране французские вооруженные силы и в то же самое время игнорировать интересы французов, что делать с подготовкой вьетнамской армии и в какой степени финансировать это мероприятие, американская политика увязла в непролазной трясине. Французы, которые никогда не любили Дьема, считали его, по словам их премьер-министра Фора, «не только недееспособным, но

и безумным». С другой стороны, сенатор Мэнсфилд, вернувшись из второй ознакомительной поездки во Вьетнам, назвал Дьема «истинным националистом», сохранение которого необходимо для американской политики. Однако доклад Мэнсфилда Сенату оказался более пессимистическим, чем тот, который он сделал годом ранее. Он указал, что ситуация «серьезно ухудшилась» по причине «постоянной недооценки» политической и военной мощи Вьетминя. Из-за недовольства политикой Дьема «надежды на то, что наши цели в Индокитае будут достигнуты в ближайшем будущем, значительно уменьшились». Мэнсфилд был убежден, что, если режим Дьема падет, его преемники будут еще менее демократичным, и в этом случае Соединенным Штатам «надо будет рассматривать вопрос о немедленной приостановке любой помощи Вьетнаму и находящимся там вооруженным силам Французского союза». Из этого он делал вполне здравый вывод: «Если не будет оснований ожидать, что наши цели достижимы, постоянное расходование средств граждан США является неоправданным и непростительным».

Эйзенхауэр испытывал колебания. В октябре он направил Дьему письмо, в котором выразил серьезную озабоченность по поводу будущего страны, «временно разделенной в соответствии с противоестественным принципом военного противостояния» (а не межгосударственной границей, как любили заявлять его преемники). Он также уведомил о том, что готов выработать вместе с Дьемом «разумную программу американской помощи, направляемой непосредственно вашему правительству», — при условии, что Дьем обеспечит соответствие «критериям эффективного использования», которое его правительство станет

соблюдать, если помощь будет предоставляться. Не слишком доверяя обещаниям, президент направил во Вьетнам генерала Дж. Лоутона Коллинза, с которым работал еще во время Второй мировой войны и которому доверял, поручив ему специальную миссию по установлению отношений с французами и разработке «критериев», соблюдение которых должен был гарантировать Дьем.

Доклад Коллинза носил негативный характер. Он считал, что Дьем «не готов отстаивать тот стиль руководства, который сможет объединить эту страну и дать ей шанс конкурировать с жесткой, эффективной и централизованной властью Хо Ши Мина». В отношении американской политики генерал видел следующие возможные варианты: либо еще некоторое время поддерживать Дьема, не обременяя себя обязательствами, либо, если он не добьется успеха, вернуть Бао Дая, а если это неприемлемо, то Коллинз «рекомендовал бы пересмотреть наши планы по оказанию помощи Юго-Восточной Азии, обратив особое внимание на сделанное ранее предложение», а именно, на «постепенное прекращение оказания поддержки Вьетнаму». Это «самый нежелательный вариант, [но] по чести говоря, принимая во внимание все то, что я здесь до сих пор наблюдаю, это может быть единственным решением».

Когда спустя пять месяцев его попросили задержаться в стране еще на какое-то время, чтобы вместе с французским командующим генералом Эли разработать программу оказания поддержки, Коллинз на совещании снова привел свои выводы. Он докладывал, что Вьетнам нельзя спасти от коммунизма, если не будет реализована надлежащая программа политических,

экономических и военных реформ, основанная на искреннем сотрудничестве вьетнамцев, американцев и французов. Если этого не будет, то «по моему мнению, нам следует уйти из Вьетнама».

Почему, несмотря на все сомнения и негативные оценки, Соединенные Штаты все-таки не воспользовались возможностью уйти? Вовсе не потому, что, как не уставали твердить политики, если американская поддержка прекратится, Южный Вьетнам распадется, а фронт, сдерживающий проникновение коммунизма в Индокитай, рухнет, едва столкнувшись с новой угрозой. Разразившийся в то время кризис из-за расположенных у берегов Китая островов Кинмен и Мацу снова ввел Даллеса в параноидальное состояние и, по его собственному выражению, поставил США «на грань» войны с Красным Китаем. Кризис заставил забыть о всяком реализме при оценке положения дел во Вьетнаме и отбил желание рассмотреть альтернативный вариант генерала Коллинза.

Сам Коллинз, хотя и убежденный в недееспособности Дьема, энергично работал над тем, чтобы сделать его режим американским сателлитом, которому стоит оказывать поддержку. В результате оказываемого давления был составлен проект земельной реформы, а для составления проекта конституции созвали временное собрание. Вашингтон ухватился за эти признаки прогресса и, движимый желанием сорвать переговоры французов с соперниками Дьема, официально заявил о поддержке его правительства. Тогда же, в феврале 1955 года, было принято решение взять на себя подготовку «совершенно автономной» вьетнамской армии; тем самым был сделан шаг в

направлении еще более глубокого вовлечения во вьетнамские дела.

Предполагаемая причастность американцев уже сделала их тайными участниками всех интервенций и секретных операций. В Северном Вьетнаме действовала боевая группа, которая называла себя «Сайгонской военной миссией». Общее руководство этой группой осуществлял генерал О'Дэниел, а непосредственным ее командиром был полковник Лэнсдейл, офицер ВВС, а позднее ЦРУ, который ранее возглавлял активные действия против партизанских отрядов Хукбалахап на Филиппинах. Задуманные и организованные еще до Женевской конференции, операции этой группы продолжались в течение года после того, как условия Женевского соглашения сделали их незаконными. Первоначально задача миссии состояла в том, чтобы «предпринимать полувоенные операции против врага», хотя, формально говоря, у Соединенных Штатов, как у невоюющей стороны, не было никакого «врага». После Женевы цель изменилась и теперь состояла в том, чтобы «подготовить средства» для проведения диверсионных операций. Для этого отряд Лэнсдейла проводил диверсии на автодорогах и железнодорожных путях, осуществлял комплектование, подготовку и переброску через границу тайных южновьетнамских «военизированных» групп и готовил для них тайники с запасами контрабандных товаров, оружия и боеприпасов. Поскольку Женевское соглашение запрещало ввоз в страну после 23 июля 1954 года любых видов военного снаряжения и личного состава, а Соединенные Штаты торжественно обязались «не нарушать» эти условия, после указанной даты отряд Лэнсдейла действовал вопреки данному обещанию. Само по себе это выглядело не столь уж отвратительно и даже

было бы вполне нормально для страны, ведущей войну, но это нарушение положило начало целой серии вероломных поступков и лживых утверждений, число которых увеличивалось до тех пор, пока они не стали подрывать репутацию США и угрожать нации потерей самоуважения.

Существовала реальная альтернатива выбору слабого сателлита, и на самом деле ею попытались воспользоваться французы. Теперь они не скрывали того, что их целью является заключение договоренностей с Ханоем. Последние были нужны не только ради сохранения французских капиталовложений и торговых интересов, как на Севере, так и на Юге, но также и для того, чтобы подвергнуть испытанию предложенную Мендес-Франсом политическую философию мирного сосуществования. Согласно поступившему из Парижа сообщению посла Дугласа Диллона, французское правительство все более и более «склонялось к изучению и рассмотрению... возможного сближения Севера и Юга» и для достижения этой цели направило в Ханой такого влиятельного политика как Жан Сентени. Бывший офицер колониальной армии, а во время войны офицер армии «Сражающейся Франции», он поддерживал отношения с Хо Ши Мином и во время Индокитайской войны служил французским уполномоченным представителем на Севере. Для прикрытия его миссия в Ханое состояла в том, чтобы защищать интересы французского бизнеса. Но посол Диллон знал: Сентени убедил свое правительство в том, что Южный Вьетнам обречен и что «единственное возможное средство спасения имущества и вложений — играть по правилам, установленным Вьетмином, и добиться того, чтобы он порвал связи с коммунистами в

надежде создать во Вьетнаме нечто похожее на режим Тито. Таким образом, страна продолжала бы сотрудничать с Францией и, может быть, даже осталась бы во Французском союзе».

Хотя решение создать подобие режима Тито сейчас кажется иллюзорным, оно было не более иллюзорным, чем вера американцев в возможность превращения государства во главе с Дьемом в сильную и жизнеспособную демократическую альтернативу режиму Хо Ши Мина. Оба эти сценария можно было бы легко опробовать на практике. Но французская программа так и не была реализована, потому что в 1955 году Мендес-Франс лишился власти, а французские бизнесмены, не способные извлекать прибыли при введенных коммунистами ограничениях, постепенно сворачивали дела на Севере, тогда как в целом французское влияние снижалось благодаря политике Соединенных Штатов.

Впрочем, неудача вовсе не означает, что цель недостижима. В то время первостепенная задача Хо Ши Мина состояла в том, чтобы добиться независимости от Франции и сохранить эту независимость, точно так же как в свое время маршал Тито добивался независимости Югославии от России. Если Соединенные Штаты смогли помочь Тито, то почему бы им не сокрушить Хо Ши Мина? Дело в том, что сработало самовнушение: наряду с неясным предчувствием «желтой опасности», надвигавшейся вместе с ордами обратившихся в коммунизм китайцев, американцы испытывали ощущение, что коммунизм в Азии есть нечто совсем уж мрачное. Являясь проводником коммунизма, Северный Вьетнам оставался «врагом».

Между тем сателлит вел себя не лучшим образом. Попытка государственного переворота, совершенная противниками Дьема в апреле 1955 года, кризис в кабинете министров и активное неповиновение начальника штаба вьетнамской армии снова заставили американцев встревожиться. По словам корреспондента «Нью-Йорк таймс», правительство Дьема «оказалось некомпетентным, неэффективным и непопулярным, а шансы спасти его уменьшились», в то время как «кровопролитная гражданская война грозит разорвать страну на части». Когда генерал Коллинз уезжал во Вьетнам, чтобы занять свой пост, Даллес сказал ему, что «наши шансы спасти положение не более чем один к десяти». Предвидя дальнейшие затруднения Дьема, Даллес пришел к заключению, что «единственная серьезная проблема, которую мы еще не решили, — это проблема местного руководства». Ему и в голову не приходило, какие последствия будет иметь эта сногшибательная оценка.

Вашингтон находился в затруднительном положении. Тщетно пытаясь найти альтернативу Дьему, США испытывали сомнения в том, стоит ли вкладывать средства в оказание поддержки столь неустойчивому режиму. Генерала Коллинза отозвали для консультаций. Во время пресс-конференции президент Эйзенхауэр позволил себе проявить мучавшие его сомнения и неуверенность: «Во Вьетнаме случилось множество затруднений. Люди ушли из кабинета министров и тому подобное... это странная и почти необъяснимая ситуация... Какими окажутся точные детали нашей будущей политики, я не могу вам сказать».

В тот момент была возможность дать задний ход. Правительство Дьема не действовало согласно

«критериям выполнения», а именно соответствие этим критериям Эйзенхауэр сделал условием предоставления американской помощи. Последствия поражения французов, отказ британцев брать на себя обязательства по участию в совместных действиях, вялое содействие стран-участниц НАТО, — почему администрация Эйзенхауэра не сопоставила все эти факты, когда президент обладал огромным авторитетом у себя в стране, и не отказалась от заведомо проигрышной позиции? Нет сомнений, что в бюрократическом аппарате возобладал страх проявить «нерешительность в отношении коммунизма».

Успешный разгром заговорщиков войсками, преданными Дьему как гаранту щедрой американской помощи, дал некоторую передышку. Дьем сделал правительство послушным инструментом, включив в него трех своих братьев, заменивших оппозиционеров, и старался выглядеть сильным политическим деятелем. Соединенные Штаты избавились от головной боли, связанной с пересмотрами и последующими публичными подтверждениями своего решения оказывать поддержку, прежде всего из-за опасений того, какие последствия может вызвать падение Дьема. Новый посол в Сайгоне, Дональд Хит, точно сформулировал этот выбор: «Свыше 300 миллионов долларов плюс наш национальный престиж» за сохранение свободного Вьетнама — явная авантюра, но отказ в поддержке представлял собой еще худший вариант, потому что содействовал захвату власти коммунистами. Выбор, как это часто бывает, приходилось делать из двух зол.

Вынужденный выбор всегда опасен тем, что он вызовет шумные протесты дома. Сообщалось, что влиятельный сенатор Мэнсфилд «верит в Дьема», также

считалось, что реакция кардинала Спеллмана будет резко отрицательной, если его протееже свергнут. «Горе недавно преданным миллионам индокитайцев, которые теперь должны узнать от своих энергичных коммунистических хозяев о таком ужасном явлении как рабство», — заявил Спеллман после Женевской конференции. Индокитайцам предстоит испытать «мучения, которым подверглись несчастные жертвы бесчеловечной тирании, царящей в Красной России». Осуществляя план по захвату мирового господства, коммунизм следовал «точному расписанию». Красные правители с «ужасающей ясностью» знали, чего именно они хотят, и с «неистовым упорством» шли к своей цели. Кардинал продолжал в том же духе, вспомнив о стремлении Американского легиона «оказывать сплоченный отпор». Но в середине 1955 года, когда Эйзенхауэр готовился выставить свою кандидатуру на второй срок, у него не было никакого желания слушать подобные тирады.

Признание сателлита сделало Соединенные Штаты заложниками важного решения Дьема отказаться от проведения всеобщих выборов, которые, согласно принятым в Женеве решениям, были назначены на 1956 год. В отличие от Юга, где проживали 12 миллионов человек, Север с его пятнадцатимиллионным населением и пользующимся громадной популярностью Вьетминем, вполне мог рассчитывать на то, что в результате выборов возьмет под контроль всю страну. Когда в июле 1955 года Вьетминь пригласил главу Юга на консультации, он отказался на том основании, что никакие выборы при существующем в Ханое режиме не позволят провести свободное голосование, а их фальсификация даст результат, намного превышающий число голосов,

отданных на Юге; в любом случае, Дьем никак не связан Женевским соглашением. Хотя в тот момент его возражения имели веские основания, но уже спустя три месяца они утратили убедительность. Тогда, в ходе референдума, проведенного на Юге с целью сместить отсутствующего Бао Дая с должности главы государства и возложить обязанности президента на Дьема, желаемый результат был достигнут с помощью методов, которые один зарубежный наблюдатель назвал «возмутительными». Эти методы принесли Дьему 98,8 % голосов. Вполне очевидно, что ни в том, ни в другом случае на свободное волеизъявление избирателей никто не полагался. Впрочем, по-другому и не могло быть в стране, не имевшей никакого опыта демократического управления. Призванные разрешить вьетнамский гражданский конфликт выборы (которые предлагалось проводить под наблюдением не обладавшей влиянием Международной контрольной комиссии) так и остались шарадой, придуманной в Женеве только для того, чтобы сделать возможным временное разделение страны и заключить перемирие.

По словам одного официального лица, никто не сомневался в том, что если бы выборы были проведены, «подавляющее большинство вьетнамцев проголосовало бы за коммунистов». Возражая против предоставления равных условий коммунистическому режиму, сенатор Джон Ф. Кеннеди в своей речи признал «популярность и политический вес» партии Хо Ши Мина «во всем Индокитае» — это обстоятельство казалось ему основанием для того, чтобы не допускать партию к участию в работе общенационального правительства. Эйзенхауэр, получивший от своих советников данные о том, что Хо Ши Мин безусловно победит на выборах,

«отказался дать согласие» (как выразился генерал Риджуэй) на их проведение. Хотя по этому вопросу Дьем не нуждался в американских советах, за его отказом проводить выборы стояли американцы. К 1956 году в распоряжении администрации оказались новые многочисленные свидетельства применения на Севере суровых мер, в том числе и проводившиеся по примеру Китая убийства землевладельцев. Вполне можно было предположить, что и на выборах применялись бы методы запугивания. В июне 1956 года Госдепартамент официально заявил, что «мы полностью поддерживаем позицию президента Дьема, который считает, что когда нет условий, которые могли бы препятствовать „запугиванию или принуждению“... не может быть и свободного выбора».

Поэтому, не добившись объединения страны путем выборов, Северный Вьетнам обратился к другим средствам — подстрекательствам к мятежу, за которым должна была последовать так называемая освободительная война. Большей недальновидности от Соединенных Штатов нельзя было ожидать, поскольку, поддержав решение Дьема, Америке пришлось разделить с ним ответственность за то, что критики войны впоследствии называли «бесстыдным подавлением» народной воли. Тем самым США не оставили Северу иного выбора, кроме разжигания мятежа. Впрочем, «подавления народной воли» не было, хотя бы потому, что ее некому было высказывать. Непроведение выборов стало поводом, а не основанием для возобновления войны. «Мы добьемся целостности, — еще в Женеве предупредил заместитель премьер-министра Севера Фам Ван Донг. — Никакие силы на свете, ни внутренние, ни внешние, не заставят нас свернуть с нашего пути».

На протяжении следующих пяти лет американцы финансировали от 60 до 75 % южновьетнамского бюджета, в том числе все затраты на содержание армии, а также на поддержание торгового баланса, который оставался отрицательным. В эти годы Южный Вьетнам мог похвастаться таким внутренним спокойствием и процветанием, которых никто не мог от него ожидать. Под настойчивым давлением Соединенных Штатов французские вооруженные силы постепенно уходили из страны в соответствии с планом поэтапного вывода; в феврале 1956 года французское верховное командование в этой стране было полностью ликвидировано. «Американские друзья Вьетнама» — организация, созданная Католической конференцией США и Международным комитетом по спасению (первоначально сформированным для спасения жертв нацизма и обладавшим списком самых уважаемых либералов, имена которых стояли на его фирменном бланке) — распространяла информацию с помощью находившегося в Сайгоне доверенного лица, которое занималось установлением связей с общественностью. За предварительный гонорар в сумме 3000 долларов ежемесячно это лицо делилось с миром сведениями о южновьетнамском «чуде». На протяжении пяти лет казалось, что достигнут значительный прогресс и что сделанная ставка себя оправдывает.

Но это чудо скрывало совсем не привлекательные факты. Плохо спланированные земельные реформы больше восстанавливали крестьян против правительства, чем оказывали помощь. Программы «разоблачений коммунистов», осуществляя которые соседей побуждали доносить друг на друга, а также бесконечное назойливое вмешательство коррумпированных чиновников в жизнь

крестьян настраивали против Дьема. Критиков режима и диссидентов арестовывали и отправляли в «лагеря для перевоспитания» или усмиряли другими способами. Поток оплаченного Соединенными Штатами импорта использовался как инструмент завоевания поддержки среднего класса, представителей которого щедро снабжали потребительскими товарами. В одной исследовательской работе, написанной американскими политологами, сообщалось, что Южный Вьетнам «становится постоянным попрошайкой», зависимым от внешней поддержки. В заключение утверждалось, что, «оказывая помощь, американцы построили замок из песка».

Недовольство крестьян создавало питательную среду для мятежников. Постоянно находившиеся в разъездах ярые сторонники Вьетминя, которые были родом с Юга и после разделения страны остались по южную сторону границы, формировали подпольные группы. В эти группы вливались партизаны, которые во время разделения страны ушли на Север. После прохождения обучения и идеологической обработки они снова переходили границу, возвращаясь на Юг. К 1959 году мятежники контролировали обширные районы Южного Вьетнама. «Если провести малярной кистью по всему Югу, каждый волос этой кисти заденет сторонника Вьетминя», — сообщал агент разведки сенатору Мэнсфилду.

Север в эти годы также страдал от недовольства населения. Одной из причин этого стала нехватка продовольствия, вызванная прекращением поставок риса с Юга, другой причиной был коммунистический гнет. В 1956 году в публичном признании товарищам по партии генерал Нгуен Зиап сделал следующее заявление: «Мы

казнили слишком много честных людей... прибегали к террору... дисциплинарным наказаниям... пыткам». В силу внутренней напряженности Ханой был слишком занят тем, что творилось на его собственной территории, чтобы развязывать войну против Юга, но воссоединение страны оставалось неизменной целью. Подавляя сопротивление и устанавливая контроль в период с 1955 по 1960 год, Ханой увеличивал численность своих вооруженных сил и занимался их обучением, а также накапливал поступавшие из Китая вооружения и постепенно укреплял связи с мятежниками Юга.

Считалось, что к 1960 году на Юге действовало от пяти до десяти тысяч партизан, которых сайгонское правительство называло вьетконговцами, то есть «вьетнамскими коммунистами». В то время как вьетнамская армия, следуя рекомендациям американских советников, в основном сосредоточилась вдоль разделительной линии, чтобы не допустить нападения, подобного случившемуся в Корее, мятежники сеяли разрушения по всей стране. По данным Сайгона, только за год они убили 1400 чиновников и гражданских лиц, а еще 700 человек похитили. Оказались неэффективными все предпринятые Дьемом суровые меры, в числе которых были смертные приговоры, применявшиеся против террористов, подрывных элементов и «распространителей слухов», а также переселения крестьянских общин в укрепленные деревни. Население не испытывало верноподданнических чувств в отношении Дьема, а с другой стороны, его не вдохновляли идеи коммунизма и оставляла равнодушным перспектива объединения страны. Людям нужна была безопасность, земля и урожаи зерновых. В январе 1960 года американское посольство сообщало: «Положение в

стране может характеризовать тот факт, что правительство имеет тенденцию относиться к собственному населению с подозрением и применять к нему методы принуждения, а в ответ получает со стороны населения безразличное или неприязненное отношение».

В том же году появился призывавший к отставке Дьема и проведению радикальных реформ «Манифест восемнадцати». Этот манифест был составлен Комитетом за прогресс и свободу, в который входили десять бывших членов кабинета министров. Все они были арестованы. Через полгода имела место попытка военного переворота с целью свержения Дьема на том основании, что он «показал себя неспособным спасти страну от коммунизма и защитить идею национального единства». С помощью войск, вызванных в город, Дьем за 24 часа подавил этот заговор. Он получил поздравления Вашингтона, а также выражение надежды на то, что, укрепив свою власть, он теперь сможет приступить к «быстрому проведению радикальных реформ». Американцы выражали эту надежду с занудным постоянством, намекая на то, что продолжение оказания помощи зависит от «критериев выполнения». Однако когда стало ясно, что реформы не будут проведены, американская помощь не прекратилась из-за опасений того, что, если она будет приостановлена, режим Дьема падет.

Американское доверие к Советскому Союзу было в очередной раз подорвано в 1957 году, когда русские запустили «Спутник», который со скоростью 18 тысяч миль в час вращался вокруг Земли по орбите, проходившей на удалении 560 миль от поверхности планеты. За год до этого ошеломляющего события советские вооруженные силы вошли в Венгрию, тогда как

Соединенные Штаты, несмотря на все хвастливые заявления Даллеса, оставались в роли пассивного наблюдателя. Через год после запуска «Спутника» коммунисты под руководством Фиделя Кастро захватили Кубу. И США вновь беспомощно наблюдали за происходящим, хотя на этот раз события разворачивались всего в 90 милях от их собственной территории. А вот коммунисты в далеком Вьетнаме воспринимались ими как прямая угроза американской безопасности.

В ходе консультаций между Вашингтоном и Сайгоном был разработан план противодействия партизанам и мятежникам, призванный координировать деятельность американских служб с вьетнамской армией. По этой программе численность специалистов, входивших в состав группы военных советников, была удвоена и составила 685 человек. А вот нового посла США Элбриджа Дэрброу одолевали дурные предчувствия. Он не считал, что следует оказывать дополнительную военную помощь Югу, к чему призывал упомянутый план, и был убежден, что эта помощь не окажется эффективной без улучшения политической обстановки. Но Дьем следовал порочному правилу слабого: чем больше у тебя проблем, тем больше требуй помощи. И эту помощь он получал. Особенностью зависимых отношений является то, что протее всегда может держать под контролем покровителя, угрожая ему своим падением.

В сентябре 1960 года съезд коммунистической партии в Ханое призвал к свержению режима Дьема и «американского империалистического правления». В сентябре состоялось создание Национального освободительного фронта (НОФ) Южного Вьетнама.

Формально считаясь южновьетнамским, он следовал призыву Севера свергнуть Дьема и «замаскированный колониальный режим американских империалистов» и объявил о принятии состоявшей из десяти пунктов программы марксистских социальных реформ, которые, как всегда, были украшены призывами к «демократии», «равенству», «миру» и «нейтралитету». Таким образом, как раз в тот момент когда в Соединенных Штатах вступил в должность новый президент Джон Ф. Кеннеди, во Вьетнаме фактически началась гражданская война.

4. «ОБРЕЧЕННЫЕ НА НЕУДАЧУ»: 1960–1963 гг.

Приступившая к выполнению своих обязанностей новая администрация обладала интеллектуальным потенциалом, который отличался, скорее, прагматизмом, а не приверженностью к какой-либо идеологии и опирался на поддержку самого незначительного за всю историю выборов XX века большинства выборщиков (чуть более половины процента). Как и сам президент, его помощники были сторонниками активных действий. Ими двигало желание разрешить текущие кризисы и страстное стремление принимать действенные меры. Архивные документы показывают, что они не провели ни одного совещания, посвященного повторному рассмотрению доставшейся им в наследство проблемы присутствия во Вьетнаме, и не задавались вопросом, в какой степени Соединенные Штаты должны нести ответственность за происходившее в этой стране и в какой мере присутствие американцев во Вьетнаме отвечает национальным интересам США. Нет, они просто действовали. Как выяснилось впоследствии, в

бесчисленном количестве служебных записок, протоколов дискуссий и предлагавшихся в рабочем порядке возможных вариантов не было ни одного долгосрочного прогноза, тем более — хотя бы наметок долгосрочной стратегии. Более того, политический курс выработывался спонтанно и резко менялся едва ли не каждый месяц. Когда спустя годы одного из работавших тогда в Белом доме чиновников спросили, как в 1961 году определялись американские интересы в Юго-Восточной Азии, он ответил, что те «были попросту выдуманной и не подвергаемой никакому сомнению данностью». Фактически, данностью было то, что мы должны остановить продвижение коммунизма, где бы таковое ни происходило, а Вьетнам в то время был как раз линией противостояния систем. Если коммунизм не остановить там, в следующий раз в каком-либо другом месте он окажется еще сильнее.

В 1951 году, молодым конгрессменом, Кеннеди сам посетил Индокитай и пришел к выводу, очевидному для большинства американских наблюдателей: чтобы остановить нашествие коммунистов на Юг, необходимо «настроить местное население против комми». Чтобы заставить действовать, «не руководствуясь и даже вопреки естественным национально-освободительным целям, одних идеологических заклинаний недостаточно». Ужасающий факт, однако, состоит в том, что за все время своего безрассудного присутствия во Вьетнаме американцы постоянно предсказывали конечный результат, но действовали вопреки собственным прогнозам.

К 1956 году Кеннеди обратился к традиционной риторике «холодной войны» и теперь меньше говорил о «сильном чувстве национального самосознания» и

больше о принципе домино, представляя его в различных образах: так, Вьетнам был «краеугольным камнем свободного мира в Юго-Восточной Азии, замковым камнем арки, перемычкой плотины». К традиционному списку соседей, которые падут, «если красный поток коммунизма затопит Вьетнам», он добавил Индию и Японию. Такая риторика заставила президента сделать два фальшивых вывода: Вьетнам является «испытательным полигоном демократии в Азии» и «проверкой американской ответственности и решимости в Азии».

За две недели до того как Кеннеди вошел в Белый дом, советский лидер Никита Хрущев выдвинул самый решительный вызов того времени, заявив, что «национально-освободительные войны» должны стать движущей силой распространения коммунистической идеи. Он сказал, что эти «справедливые войны», где бы они ни велись, на Кубе, во Вьетнаме, в Алжире, получат полную поддержку со стороны Советского Союза. На это Кеннеди дал ответ в речи при вступлении в должность, с тревогой напомнив о необходимости защиты свободы «в момент, когда ей угрожает максимальная опасность».

К несчастью, первое испытание закончилось абсурдным и унижительным фиаско. Инициированная еще при Эйзенхауэре попытка освободить Кубу от коммунизма была предпринята в апреле 1961 года. Высадка в заливе Свиней являлась совместной акцией кубинских изгнанников и ЦРУ, осуществлялась с помощью совершенно недостаточных средств и отличалась чрезмерной самонадеянностью. Хотя ее план и не принадлежал администрации Кеннеди, но перед вступлением в должность президенту кратко изложили суть операции и получили его разрешение; последнее

стало тем губительным импульсом, что создает условия, при которых легче идти до конца, чем отменить недалёковидное решение. За этот провал несет ответственность именно Кеннеди. По своей недооценке противника это вторжение стало предвестием Вьетнама. Режим Кастро оказался хорошо организованным, сохранял бдительность и был готов к боевым действиям. Высадку быстро обнаружили и оказали ей самое решительное сопротивление, а ожидавшиеся восстания сочувствующей части населения были либо полностью подавлены, либо вообще не состоялись. На самом деле Кастро оказался более популярным среди своих соотечественников, чем изгнанники, которых поддерживали Соединенные Штаты. Впоследствии подобная ситуация повторилась во Вьетнаме. С восхитительной твердостью духа Кеннеди принял непростое решение отказаться от использования военно-воздушных сил и морской пехоты для спасения ситуации, что привело к гибели многих участников операции. В общем, впечатляющая неразбериха в первые два месяца правления новой администрации должна была заставить всех ее сотрудников проявлять непреклонную решимость и играть мускулами в соревновании с коммунизмом.

Не будучи ни либералом, ни консерватором, Кеннеди был сообразительным и весьма честолюбивым человеком, который убедительно, красноречиво и даже страстно выказывал свою приверженность множеству возвышенных принципов, но его действия не всегда отвечали этим принципам. В основные государственные ведомства и в Белый дом он набирал людей, отличавшихся живым умом, проявлявших способности и, по возможности, с такими же, как у него самого,

трезвыми взглядами на политику. Преимущественно это были люди его возраста, то есть сорокалетние. Они не увлекались социальной философией, не были новаторами и идеалистами «Нового курса». В лагере Кеннеди идеалистов обычно называли «размазнями» или «сердобольными политиками». Эпоха «Нового курса» миновала; теперь в политическую жизнь ворвались такие понятия как мировая и «холодная» войны, а крайне правые продолжали громко выражать недовольство. От новых членов правительства требовались реализм, мудрость, прагматичность и жесткость, независимо от того, были они стипендиатами Родса, преподавателями Гарварда и Брукингса, людьми с Уолл-стрит, политиками или юристами. Жесткость выражалась в манере говорить, и, несмотря на разнообразие характеров и способностей тех, кто входил в группу Кеннеди, все они приняли эту манеру, словно были придворными какого-нибудь монарха или сотрудниками рабочей группы какого-то властного начальника, которому они обязаны своим назначением.

Одаренный выпускник Гарвардской школы бизнеса, специалист по системному анализу Роберт Макнамара во время Второй мировой войны служил в ВВС, а впоследствии сделал карьеру в компании «Форд моторе», весьма быстро став ее президентом. Он, как никто другой, соответствовал требованиям, предъявляемым к министру обороны. Педантичный и уверенный в себе, с гладко зачесанными назад волосами и в очках без оправы, Макнамара демонстрировал свои способности в области управления, которое он осуществлял посредством «статистического контроля». Он прибегал к этой тактике как на службе в ВВС, так и в компании «Форд». Все, чему можно дать количественную

характеристику, входило в сферу его компетенции. Говорили, что Макнамара чистосердечен, как пророк Ветхого завета, но этот человек отличался безжалостностью тех, кому постоянно сопутствует успех. Таланты в сфере статистики не позволяли ему делать скидку на изменчивость поведения людей и не оставляли места для какой-либо непредсказуемости. Он полностью доверял техническим средствам поддержки. «Мы обладаем такой мощью, которая отбросит любое враждебное нам общество в каменный век», — как-то заявил Макнамара на одном из брифингов Пентагона. Именно этот дар высказываться с полной определенностью заставил сразу двух президентов США считать Макнамару «бесценным», и именно это качество сделало министра индикатором готовности к войне.

Не менее значительным был человек, которого прочили в противники министра обороны. Эддай Стивенсон в силу склонности к глубоким размышлениям считался таким Гамлетом, нерешительным и непростительно «мягким». Хотя ему как претенденту на пост в Госдепартаменте отдавало предпочтение крыло партии во главе с Элеонорой Рузвельт, Стивенсона все же остерегались, и на должность назначили Дина Раска. Рассудительный, благоразумный и скрытный, Раск не принял стиля управления Кеннеди, но он обладал преимуществом опыта работы в Госдепартаменте и статусом действующего президента Фонда Рокфеллера и никогда не стал бы для президента такой проблемой, в какую мог бы превратиться Стивенсон. Будучи во время войны полковником Генштаба, отвечавшим за планирование военных действий на китайско-бирманско-индийском театре, он получил возможность извлечь уроки из американского опыта в

Китае; правда, из этого опыта он главным образом усвоил ярко выраженную и непоколебимую неприязнь в отношении китайского коммунизма. Находясь на посту помощника госсекретаря по дальневосточным делам в тот период, когда в ходе Корейской войны Китай проявлял повышенную агрессивность, Раск твердо, но ошибочно предсказывал, что китайцы не вступят в войну, и впоследствии испытывал глубокое чувство вины за понесенные потери.

Доминирующей фигурой в Совете национальной безопасности (СНБ) с офисом в Белом доме был Макджордж Банди из Бостона, хладнокровный, самонадеянный, безукоризненный и способный использовать свои умственные способности настолько эффективно, что, как заметил его одноклассник из Гротона, мог бы в возрасте двенадцати лет сделаться директором школы. На самом деле в 34 года он стал ректором Гарвардского университета. Хотя по своим политическим убеждениям и по воспитанию Банди был республиканцем, дважды голосовал за Эйзенхауэра и против Стивенсона, это не стало отпугивающим фактором. Напротив, сей факт послужил своего рода рекомендацией для Кеннеди, который хотел наладить отношения с уважаемой частью правых. Одержав весьма неубедительную победу на выборах и обладая большинством всего в шесть голосов в Сенате, он считал, что главной проблемой его администрации станут правые, и чувствовал необходимость вступить с ними в диалог. Одним из его самых экстравагантных решений было назначение главой ЦРУ Джона Маккона, миллионера из Калифорнии, принадлежавшего к числу крайне правых республиканцев. Этот сторонник массовых репрессий, по мнению ультраконсервативного сенатора

Строма Термонда, «выражал все то, что сделало Америку великой».

Подобно президенту, многие из его помощников были ветеранами Второй мировой войны, служили офицерами флота, а также пилотами и штурманами. Что же касалось нового помощника госсекретаря по дальневосточным делам, Роджера Хилсмана, то во время войны он командовал отрядом Управления стратегических служб (УСС), который действовал в тылу японских войск в Бирме. Привыкшие к военным успехам и сделавшие после войны головокружительные карьеры, эти люди надеялись, что и в Вашингтоне им будет сопутствовать удача. Ни один из оказавшихся на руководящих постах новичков никогда прежде не работал на выборной должности. Власть и положение воодушевляли как их самих, так и их подчиненных. Они получали удовольствие от той срочности, с которой приходилось выполнять поручения, и даже от того изнеможения, которое являлось следствием управления государством; им нравилось называть себя «кризисными менеджерами»; они старались изо всех сил, прилагали все навыки и все интеллектуальные способности и заслужили репутацию «лучших и самых ярких» личностей. Но им суждено было сделать одно печальное открытие: как и многие другие до и после них, не они управляли обстоятельствами, а, скорее, обстоятельства управляли ими; поэтому, как выразился один из членов этой группы, Дж. К. Гэлбрейт, государственное управление редко представляет собой нечто большее, чем выбор между «губительным и отталкивающим».

«Ползучая» эскалация началась в первые десять дней правления Кеннеди, когда президент одобрил план по борьбе с мятежниками, предварительно составленный

Пентагоном, для того, чтобы придать темп южновьетнамским операциям против Вьетконга. Кеннеди санкционировал отправку дополнительного американского контингента, расходы на подготовку и снаряжение тридцатидвухтысячной вьетнамской национальной гвардии, предназначенной для ведения антипартизанских действий, а также увеличение вьетнамской армии на 20 тысяч человек. Президент дал свое одобрение, ознакомившись с докладом генерала Лэнсдейла об усилении активности Вьетконга. Хотя Лэнсдейл считал, что Дьем необходим как правитель, всем было понятно, что лидер Юга теряет почву под ногами, не готов противостоять противнику, даже не расположен к этому, поскольку боится делиться властью и затевать политические реформы. Как вьетнамским, так и американским советникам Дьема вдобавок не хватало понимания того, что справиться с партизанской войной и пропагандой противника можно только с помощью тактики, отличной от военных операций «из учебника». Читая доклад Лэнсдейла, Кеннеди заметил: «Это худшее из всего, с чем мы пока сталкивались, не так ли?»

Лэнсдейл был сторонником полного пересмотра роли советников: по его мнению, ими должны были становиться опытные и преданные делу американцы, «которые знают и действительно любят и Азию и азиатов», которые будут работать на месте, жить среди вьетнамцев и «пытаться оказывать на них влияние и вести в том направлении, что отвечает целям американской политики». В своем докладе он набросал план действий и изложил требования к персоналу. Все это произвело на Кеннеди большое впечатление, и он попытался протолкнуть программу и назначить самого Лэнсдейла ответственным за ее выполнение или, в

качестве альтернативы, начальником межведомственной Вашингтонской комиссии по Вьетнаму; но планам помешали бюрократические барьеры в Госдепартаменте и министерстве обороны. Программа Лэнсдейла так и не была реализована, но даже если бы ее попытались осуществить, то, несмотря на всю искренность намерений и симпатии в отношении местного населения, ее подкосил бы главный недостаток — миссионерское принуждение вьетнамцев к движению в том направлении, «которое отвечает целям американской политики», а не их собственным целям. Кеннеди понимал это упущение и осознавал его последствия, когда говорил: «Если конфликт когда-нибудь превратится в войну белого человека, мы, несомненно, ее проиграем, как десятилетием ранее проиграли французы». Это классический случай понимания истины и действий вопреки этой истине.

Американцы не придали никакого значения тому, что французская профессиональная армия, включая Иностраннный легион, проиграла низкорослым, худосочным, не имевшим даже общей формы азиатским партизанам, — почему? Это одна из величайших загадок того времени. Как можно было игнорировать Дьен Бьен Фу? Когда корреспондент Си-би-эс Дэвид Шенбрун, который в свое время освещал французскую войну во Вьетнаме, попытался рассказать президенту о реалиях той кампании и о том, что ежегодные потери среди французских офицеров сравнимы с потерями, понесенными при Сен-Кире, Кеннеди ответил: «Ну что ж, мистер Шенбрун, ведь это французы. Они сражались за свою колонию, а это недостойная цель. Мы же сражаемся за свободу, желая освободить их от коммунистов и от Китая, мы сражаемся за их независимость». Американцы

были убеждены, что отличаются от французов, но забыли, что они для вьетнамцев тоже «белые».

После того как план Лэнсдейла провалился, в дополнение к военным советникам были направлены регулярные войска, которые должны были ускорить выполнение программы обучения вьетнамской армии. Теперь общая численность американских военных специалистов превысила 3000 человек, а для обучения проведению операций по уничтожению мятежников из Учебного центра войск специального назначения в Форт-Брэгге направили во Вьетнам группу специалистов в составе 400 человек. Оправданием этого нарушения Женевских соглашений стал тот факт, что Северный Вьетнам тоже переправлял через границу оружие и людей.

С приходом администрации Кеннеди взгляды на военную науку и стратегию подверглись серьезному пересмотру. Приведенные в ужас планами, основанными на концепции «массированного возмездия», которые были приняты при Эйзенхауэре, потому что сулили быстрое решение проблем при меньших затратах на поддержание боеготовности, Кеннеди и Макнамара обратились к идее нового подхода к обороне, выраженной в разработанной интеллектуалами доктрине ограниченной войны. Ее целью было не завоевание, а принуждение; сила должна применяться в разумных пределах и на основе заранее подготовленных расчетов для того, чтобы низвести боевой дух и возможности противника до такого состояния, при котором «прекращение конфликта давало больше преимуществ, нежели его продолжение». Таким образом, ведение

войны можно было бы вполне разумно «контролировать», направляя соответствующие послания противной стороне, которая вполне разумно отвечала бы на причиненный ей болезненный урон тем, что прекращала действия, которые к этому привели. «На нас словно надели смирительную рубашку рациональности», — писал автор этой доктрины Уильям Кауфман. Это условие полностью удовлетворяло министра обороны Макнамару, который был страстным поборником разумного руководства. И только одно не приняли во внимание — другую сторону. Война есть противостояние двух полюсов. А что, если противная сторона не сможет дать разумный ответ на послание, принуждающее к ответным шагам? Умение оценить роль человеческого фактора не было сильной чертой Макнамары, а предположение, что человечество не отличается рационализмом, было слишком экстравагантным и провокационным, чтобы учитывать его в ходе анализа.

Как ответ на брошенный Хрущевым вызовом в виде идеи национально-освободительных войн появился такой побочный продукт теории ограниченной войны, как ведение военных действий, направленных на подавление восстаний. В годы правления Кеннеди он превратился в настоящий культ, проповедником которого стал сам президент. Деловые люди из его администрации приняли эту доктрину с горячим энтузиазмом. Она познакомила их с новыми условиями противоборства: позволяла противостоять повстанцам на их собственной территории, рассматривала социальные и политические причины восстаний в развивающихся странах, «подкарауливала коммунистов во время купания и уносила их одежду» (как когда-то образно выразился

Дизраэли применительно к вигам, имея в виду использование их политических приемов).

Находясь под впечатлением доклада Лэнсдейла, президент прочел труды Мао и Че Гевары, посвященные ведению партизанской войны, и распорядился, чтобы их читали в армии. По его приказу была разработана специальная программа по борьбе с повстанцами. Эта программа внушала «всем членам правительства Соединенных Штатов», что подрывные действия мятежников (национально-освободительные войны) суть одна из главных форм военно-политического конфликта, по своей важности равная традиционной войне. Требовалось, чтобы эта доктрина нашла отражение в структуре, подготовке и снаряжении вооруженных сил США и гражданских организаций за рубежом для того, чтобы они могли обеспечить действия по предотвращению или подавлению восстаний или не прямой агрессии. Особо в этой связи отмечались Вьетнам, Лаос и Таиланд. Поначалу численность подразделения, дислоцировавшегося в Форт-Брэгге, составляла менее тысячи человек, но президент приказал расширить круг выполняемых задач, а зеленый берет сил специального назначения сделался символом этой новой программы. Специальный представитель президента по военным вопросам, генерал Максвелл Тэйлор, распространял новую доктрину, что делали и другие чиновники, в том числе министр юстиции Роберт Кеннеди, хотя это и не входило в сферу его деятельности.

Автором множества научных работ, связанных с этой доктриной и методами ее применения, был красноречивый профессор Массачусетского технологического института Уолт Ростоу, который

занимал второй по значению пост в Совете национальной безопасности. Во время выпускного вечера, состоявшегося в июне 1961 года в Форт-Брэгге, он, рассуждая о партизанской войне, весьма ловко взял под американскую опеку «революционные процессы» в странах Третьего мира, назвав их «модернизацией». Он сказал, что Америка просто предназначена для реализации идеи, что «каждой нации будет разрешено оформить на основе собственной культуры и амбиций тот тип современного общества, который ей нужен». Америка относится с уважением к «уникальности каждого общества» и пытается найти те страны, которые «встанут в полный рост... чтобы защитить свою независимость» и возьмут на себя ответственность по «защите независимости революционного процесса, который сейчас идет полным ходом». Сам Томас Джефферсон не смог бы лучше выразить истинные принципы Америки (изложенные в речи человека, который на практике последовательно доказывал их противоречивость).

Хотя в этой доктрине основной упор делался на меры политического характера, на практике подавлением восстаний занимались военные. Это не находило большой поддержки со стороны военного руководства, которое не приветствовало создание элитных подразделений и было против вмешательства в традиционную сферу своей компетенции: столь значительное внимание, уделяемое проведению реформ, только мешает надлежащему выполнению задач по обучению военнослужащих, навыкам ведения боя и стрельбе. Поэтому на практике подразделения, предназначенные для подавления восстаний, не оправдывали того высокого доверия, которое возлагалось на них теоретиками. Речь всегда шла лишь о

том, чтобы «добиться лояльности» народа своему правительству, но не слишком умно делать ставку на правительство, лояльность которому приходилось насаждать извне.

А что же на самом деле Соединенные Штаты и Дьем должны были предложить безразличному и отчужденному населению? Меры, направленные против наводнений, развитие сельской местности, работа с молодежью, расчистка трущоб, усовершенствование системы водного транспорта, развитие сферы образования — все это входило в число финансируемых американцами программ, и было необходимо, но не являлось главным. Чтобы успешно противостоять мятежникам, требовалось перераспределить землю и имущество в пользу крестьян, отстранить от власти продажных чиновников и мафиози, расформировать силы безопасности, которые заполняли тюрьмы Сайгона заключенными. Короче говоря, надо было переделать старый режим и принести его в жертву общему делу, которое, как сказал Лэнсдейл, «привлекало бы народ больше, чем призывы коммунистов». Однако Дьем и его семья, в особенности младший брат Нго Динь Нху, а также мадам Нго и их приятели из правящего класса, таких намерений не имели, как, впрочем, и их американские спонсоры.

Соединенные Штаты продолжали требовать проведения реформ, как гарантии предоставления американской помощи, будто серьезные реформы, которые давали возможность «добиться лояльности» населения, можно провести за несколько месяцев. Западу, где перемены происходили гораздо быстрее, чем на Востоке, потребовалось 25 столетий для того, чтобы государство стало действовать в интересах бедных слоев

населения. Причина, по которой Дьем так и не отреагировал на призывы американцев провести реформы, состояла в том, что преследовал он совершенно иные интересы. Он сопротивлялся проведению реформ по той же самой причине, которая побуждала католических пап эпохи Возрождения противиться переменам, ведь реформы уменьшили бы его абсолютную власть. Настойчивые требования американцев заручиться поддержкой населения, воспринимались Дьемом как назойливые советы, совершенно несоответствующие азиатским обстоятельствам. В Азии предполагается, что граждане обязаны подчиняться государственной власти; западная демократия рассматривает государство как представителя интересов граждан. Между этими точками зрения нет ничего общего. Но поскольку Южный Вьетнам считался преградой экспансии коммунизма, Соединенные Штаты, не замечая очевидных фактов, упорно старались добиться того, чтобы правительство Дьема оправдало ожидания американцев. Эдмунд Берк однажды заметил, что полезность «упорства, доведенного до абсурда», всегда «выше понимания».

В мае 1961 года, во время кризиса, вызванного угрозой «потери Лаоса», Объединенный комитет начальников штабов рекомендовал в случае необходимости защиты Юго-Восточной Азии от коммунистов развернуть вооруженные силы США в количестве, достаточном для того, чтобы сдерживать активность Северного Вьетнама и Китая, а также оказывать содействие подготовке южновьетнамской армии, необходимой для более активной борьбы с повстанцами. В Пентагоне развернулись дискуссии относительно «численности и состава, которые были бы

желательны в случае возможного участия вооруженных сил США во вьетнамском конфликте». Это было планирование на случай возникновения чрезвычайных обстоятельств, хотя летом того года все внимание было сосредоточено скорее на Лаосе, чем на Вьетнаме.

Лаос тогда являлся, образно говоря, той мышью, которая рычала. Призрак коммунистической угрозы из-за рубежа витал над этой не имевшей выхода к морю, лежавшей между Вьетнамом и Таиландом гористой страной, население которой едва превышало два миллиона человек. Эта угроза называлась Патет Лао и являлась лаосским национально-коммунистическим вариантом Вьетминя. Поскольку на севере Лаос соприкасался с Китаем, а на юге граничил с Камбоджей, он, по мнению некоторых иностранных государств, имел чрезвычайное значение как коридор, через который хлынут «орды» коммунистов Хо Ши Мина и Мао Цзэдуна в тот ужасный день, когда начнется красное наступление. Не слишком нарушая беззаботную жизнь лаосцев, в стране шла борьба за верховную власть, которую вели между собой многочисленные соперники. Среди них ведущими фигурами были законный правитель, принц Суванна Фума, который в отношении политики «холодной войны» занимал нейтральную позицию; его брат и тоже принц и одновременно лидер Патет Лао; а также третий, зависимый от американцев претендент. Благодаря махинациям ЦРУ он некоторое время даже занимал пост главы государства, но впоследствии был смещен.

Поскольку братья вели переговоры о создании коалиции, которая могла бы сделать их страну нейтральной, а Патет Лао по-прежнему держала под своим контролем горные перевалы, Лаос во времена

Эйзенхауэра и Даллеса представлял собой маленькую дальневосточную Руританию, являясь «жизненно важным фактором свободного мира», «оплотом борьбы с коммунизмом», «бастионом свободы». В страну хлынули американские деньги и техника, приводя в смятение все стороны, боровшиеся за власть. Передавая дела Кеннеди перед вступлением последнего в должность, Эйзенхауэр присвоил этой стране статус важнейшего элемента «системы домино», сказав, что «если мы допустим падение Лаоса, нам придется списать со счетов весь этот регион». Он советовал сделать все возможное, чтобы убедить членов СЕАТО принять участие в совместных действиях, но не исключал возможности «одностороннего вмешательства» в том случае, если они откажутся. Поскольку географически Лаос представлял собой сильно пересеченную и неосвоенную местность и находился вне зоны действия базировавшихся в акватории Тихого океана военно-морских и военно-воздушных сил США, никакой возможности вести там эффективные боевые действия не имелось. Поразительное заявление Эйзенхауэра, которое было полной противоположностью его нежеланию осуществлять интервенцию в гораздо более доступный Вьетнам, заставляет предположить, что Лаос обладал каким-то особым даром сбивать людей с толку.

Во время одного из легких приступов безумия, которые периодически приводят в расстройство международные отношения, политическая ситуация к 1961 году достигла кризиса в результате многочисленных интриг. Создание коалиции в Лаосе грозило стать поводом к войне. Британия и Франция требовали выполнения условий Женевского соглашения, и в Женеве снова состоялась конференция с участием четырнадцати

государств. В Вашингтоне в Белом доме целыми днями шли совещания, которые заканчивались поздно ночью. Кеннеди, который еще не оправился от потрясения, вызванного случившейся совсем недавно катастрофой в заливе Свиней, был полон решимости показать, что Америка имеет самые серьезные намерения бороться с коммунизмом, и не дать правым возможности обрушиться с резкой критикой, если в Лаосе удастся создать коалиционное правительство. Он распорядился направить корабли 7-го флота в Южно-Китайское море, вертолеты и боевые подразделения — в Таиланд, а также привести в состояние боеготовности войска на Окинаве.

Когда новый председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Лаймен К. Лемницер заявил, что в случае вторжения Китая и Северного Вьетнама их можно будет остановить с помощью ядерного оружия, Кеннеди был поражен столь самонадеянным взглядом на проблему. Он решил признать нейтралитет Лаоса и возвращение во власть Суванна Фумы и направил в Женеву опытного дипломата Аверелла Гарримана, поручив ему заключить соглашение. Это решение было вполне достижимо, поскольку оно устраивало как Советы, так и Соединенные Штаты, а также потому, что лаосцы предпочитали, чтобы их оставили в покое, и совсем не хотели воевать. Нейтральный статус страны снимал необходимость интервенции, но также имел отрицательную сторону: Патет Лао оставалась при своих интересах, что заставляло соседние страны СЕАТО усомниться в намерении Америки бороться с коммунизмом в Азии. Эти сомнения были высказаны открыто и произвели большое впечатление на

очередного инспектора, прибывшего в регион, — на вице-президента Линдона Джонсона.

В мае 1961 года Джонсон посетил Тайвань, Южный Вьетнам и другие страны, входившие в СЕАТО, чтобы заверить их в том, что Америка будет оказывать им поддержку. Интерес вице-президента к этому региону и его опыт в международных делах были минимальными. Когда ему — как сенатору и лидеру большинства — пришлось уделить внимание этим вопросам, он выразил свое отношение к ним, скорректировав традиционные догмы «холодной войны». Хотя международные дела не вызывали у него большого беспокойства (главной заботой Джонсона было успешное продвижение по служебной лестнице), догмы «холодной войны» оказывали решающее влияние на его представления и на действия. В своих публичных выступлениях он ориентировался на самые неразвитые в интеллектуальном отношении слои населения. Так, например, в Сайгоне он заявил, что Дьем — это «азиатский Уинстон Черчилль». В докладе президенту он не позволил себе подобных глупостей, но показал себя решительным сторонником интервенции. Он был готов к тому, что Соединенные Штаты взвалют на свои плечи бремя ответственности за Азию. «Главное из того, что азиаты могут сделать для защиты свободы Юго-Восточной Азии, — писал он, — это оказать доверие США. Никакой альтернативы лидерству Соединенных Штатов в Юго-Восточной Азии не существует. Лидерство в отдельных странах... покоится на осведомленности о силе, воле и разуме Соединенных Штатов и на вере в них». Хотя эти слова говорят о полном незнании того, на чем в действительности покоится лидерство в Азии, они идеально выражают ощущение всесильности, с которым

Соединенные Штаты вышли из Второй мировой войны. Мы сокрушили военные машины Германии и Японии, пересекли для этого океаны, восстановили Европу, контролировали Японию; мы стали Полом Баньяном, который, широко расставив ноги, уверенно стоял на обоих полушариях планеты.

«Я предлагаю, — многозначительно продолжал Джонсон, — быстро двигаться вперед, предпринимая важные шаги, направленные на то, чтобы помочь этим странам защитить себя... Я не стану лишней раз подчеркивать, что чрезвычайно важно довести эту миссию до конца с помощью иных средств, действий и усилий» (по всей вероятности, военных). С реализмом, который он не всегда сохранял, Джонсон убеждал, что решение «должно быть принято с полным осознанием того, что это будет связано с весьма серьезными и постоянными издержками в отношении средств, усилий и престижа Соединенных Штатов», и что «на каком-то этапе мы можем снова столкнуться с необходимостью делать дальнейший выбор, будь то решение направить в регион главные силы США или выйти из игры и покинуть регион в том случае, если все наши усилия окажутся безуспешными».

Он предупреждал, что «нельзя не признать того глубокого воздействия, которое оказали недавние события в Лаосе... и которые во всей Юго-Восточной Азии стали причиной сомнений и озабоченности в отношении намерений Соединенных Штатов». Не имея никакого представления о восточной традиции, согласно которой суть выступления скрывают за многочисленными и ничего не значащими формальными высказываниями (а иногда она вообще отсутствует), Джонсон принимал за чистую монету все, что ему говорили, и сам убеждал в

«первостепенном значении» своей миссии, «моментально приносящей плоды». Он говорил, что с «настоящими врагами» (голодом, невежеством, нищетой и болезнями) надо бороться посредством «творческого использования американских научных и технических возможностей», и приходил к заключению, что «в Юго-Восточной Азии битву с коммунизмом надо вести, обладая силой и решимостью добиться успеха, иначе Соединенным Штатам неминуемо придется сдать противнику Тихий океан (здесь он легко сбрасывал со счетов 6000 миль океана вместе с Окинавой, Гуамом, Мидуэем и Гавайями)... и отодвинуть наши оборонительные линии к Сан-Франциско».

Это был полный набор типично американских идей. Упрощенный взгляд Джонсона на проблему, состоявший в том, что надо либо победить коммунизм, либо отдать ему весь Тихоокеанский бассейн, по всей вероятности, не оказал никакого влияния на президента, не питавшего симпатий к своему вице, который отвечал ему взаимностью. Но из-за сомнений в твердости Америки, которые оказали такое воздействие на Джонсона, встал вопрос о доверии к власти. И этот вопрос становился все более и более актуальным до тех пор, пока не стало казаться, что мы боремся только за то, чтобы нам доверяли.

Вопрос о доверии впервые возник во время Берлинского кризиса, случившегося летом того же года, когда после резкой, изобилующей угрозами встречи с Хрущевым в Вене Кеннеди обратился к Джеймсу Рестону со следующими словами: «Теперь перед нами стоит проблема, как сделать нашу державу заслуживающей доверия, и Вьетнам, похоже, будет тем местом, где нам предстоит это сделать». Но Вьетнам так и не стал

подобным местом, поскольку само американское правительство никогда полностью не верило тому, что оно делает. Отличие от Берлина было самым незначительным. «Мы не можем позволить и не позволим коммунистам изгнать нас из Берлина ни с помощью длительной блокады, ни с помощью военной силы», — сказал Кеннеди в июле; по воспоминаниям помощников, сам он был готов пойти на риск, связанный с войной, причем даже атомной. Вопреки всем торжественным заверениям о столь же твердой решимости, Вьетнам так и не стал для американской политики чем-то подобным Берлину, хотя в то же самое время ни одно американское правительство никогда не испытывало желания предоставить эту страну самой себе. Начиная с Кеннеди, этот «геополитический разрыв сознания» сводил на нет все благие намерения.

Еще одним уроком Берлинского кризиса был следующий «существенный момент», по словам заместителя министра обороны Пола Нитце: «Для Запада важность защиты Берлина была намного выше, чем для Советского Союза важность захвата Берлина». Из этого наблюдения, возможно, следует, что для Северного Вьетнама важность взятия под контроль всей страны, за что он так долго боролся, была намного выше, чем для Соединенных Штатов важность срыва этих планов. Вьетнамцы сражались за собственную землю и были полны решимости стать наконец ее правителями. Так или иначе, но Ханой проявлял нестигаемую решимость в достижении поставленной цели, а поскольку эта решимость была вправду нестигаемой, ей, по всей вероятности, просто суждено было восторжествовать. Ни сам Нитце, ни кто-либо другой не увидели тут аналогии.

В Южном Вьетнаме «почти каждую неделю ситуация ухудшалась», напоминая Чунцин, писал в августе 1961 года в Белый дом корреспондент Теодор Уайт. «Теперь партизаны контролируют почти всю южную дельту, и это так же верно, как и то, что я не мог найти ни одного американца, который хотя бы на день вывез бы меня на машине из Сайгона без сопровождения военных». Это описание вполне соответствовало «мрачной оценке» генерала Лайонела Макгарра, который ныне возглавлял группу военных советников и считал, что Дьем контролирует всего 40 % Южного Вьетнама и что повстанцы своими действиями сковали 85 % его вооруженных сил.

Далее в письме Уайта сообщалось, что налицо «политический кризис чудовищного масштаба», и о его собственном замешательстве, вызванном предположением, что пока «молодежь 20–25 лет танцует и развлекается в ночных клубах Сайгона», всего в двадцати милях от них «коммунисты, похоже, вполне способны найти людей, готовых умереть за идею». Именно это вопиющее противоречие начинало вызывать беспокойство у наблюдателей. Короче говоря, Уайта интересовал ответ на вопрос: «Если мы решились на интервенцию, то есть ли у нас необходимые для достижения успеха специалисты, надлежащие инструменты и четко поставленные задачи?» И основным был именно вопрос о наличии «четко поставленных задач».

Терзаясь сомнениями, Кеннеди отправил во Вьетнам первую и самую, пожалуй, знаменитую из тех бесчисленных миссий с участием чиновников высшего уровня, целью которых являлось выяснение обстановки во Вьетнаме. Позднее министру обороны Макнамаре

приходилось посещать Вьетнам не реже пяти раз в год, а менее высокопоставленные чиновники постоянно летали из Вашингтона в Сайгон и обратно. Имея в своем распоряжении посольство, группу военных советников, разведку и организации по оказанию помощи на месте, которые докладывали о ситуации, неутолимое стремление Вашингтона посылать во Вьетнам все новые миссии служило доказательством неопределенности в правительстве США.

Формально необходимость миссии октября 1961 года, с участием генерала Максвелла Тейлора и Уолта Ростоу, была вызвана просьбой Дьема о заключении двустороннего договора об обороне и о возможном введении американских боевых подразделений, против которого он до того момента решительно возражал. Участвовавшие нападения сил Вьетконга и опасения, что коммунисты проникнут в страну через границу с Лаосом, заставили Дьема изрядно встревожиться. Хотя отношение Кеннеди к Вьетнаму было двойственным, он, пытаясь обрести доверие этой страны, стал высказываться в пользу наращивания усилий и в большей степени хотел получить подтверждение обоснованности своих намерений, нежели объективную информацию, о чем свидетельствует выбор тех, кого он посылал во Вьетнам. Так, Тейлор явно был выбран для того, чтобы провести военную рекогносцировку. Статный и обходительный, с пронзительным взглядом голубых глаз, он вызывал восхищение, будучи не только военачальником, но и дипломатом, который владел несколькими языками, мог цитировать Полибия и Фукидида, а также написал книгу «Неожиданный триумф». Во время Второй мировой войны он командовал 101-й воздушно-десантной дивизией, служил

суперинтендантом военной академии Вест-Пойнт, стал преемником Риджуэя в Корее, а в последние годы пребывания Даллеса на посту директора ЦРУ являлся председателем Объединенного комитета начальников штабов. Не питая симпатий к доктрине «массированного возмездия», он вышел в отставку в 1959 году и стал президентом Линкольновского центра сценических искусств в Нью-Йорке. Эта утонченная личность не могла не привлечь внимание Кеннеди, но, несмотря на репутацию генерала-интеллектуала, а не «медной фуражки», его идеи и рекомендации были весьма традиционными.

Его спутник по поездке в регион Уолт Ростоу (получивший свое имя в честь поэта Уитмена) искренне верил в способности Америки руководить прогрессом слаборазвитых стран. Еще до того, как термин «ястреб» вошел в обиход, Ростоу уже был таковым в своем стремлении остановить коммунизм и предложил план, осуществление которого требовало ввода во Вьетнам американских боевых подразделений численностью 25 тысяч человек. Как специалист по выбору целей во время войны в Европе, он явно отдавал предпочтение нанесению воздушных ударов, хотя проведенные после войны исследования для выяснения степени эффективности бомбардировок стратегической авиации показали, что результативность этих налетов сомнительна. Ростоу мыслил позитивно, был таким жизнерадостным оптимистом, который, по словам одного из его коллег, вполне мог посоветовать президенту изучить возможные последствия ядерного удара по Манхэттену, поскольку таким образом был бы выполнен первый этап реконструкции города, причем без затрат со стороны министерства финансов. Когда из-за того, что в

студенческие годы он придерживался левых взглядов, его благонадежность часто подвергали сомнению, Кеннеди возмущался: «Почему они всегда выставляют Уолта каким-то придурком? Он, черт возьми, самый ярый сторонник „холодной войны“ из всех, кто у меня есть». То, что Ростоу нашел бы основания для вторжения во Вьетнам, не подлежало никакому сомнению.

Этот визит в Южный Вьетнам, в сопровождении чиновников Госдепартамента, министерства обороны, комитета начальников штабов и ЦРУ, продолжался неделю, с 18 по 25 октября. После этого Тейлор и Ростоу отправились на Филиппины, чтобы составить отчет. Этот документ наряду с телеграммами Тейлора под грифом «лично для президента», а также приложениями и дополнениями отдельных членов миссии и стал первым составленным в логической последовательности заключением по Вьетнаму. В нем, так или иначе, было сказано обо всем, приводились все «за» и «против», сочетались пессимистические и оптимистические оценки и в целом, со многими оговорками, утверждалось, что программа «по спасению Южного Вьетнама» будет реализована только через введение в страну американских вооруженных сил, что должно убедить обе стороны в серьезности намерений США. В этом документе рекомендовалось немедленно развернуть войска численностью 8000 человек, «чтобы остановить тенденцию к ухудшению» положения правящего режима, и предпринять «массированные совместные усилия, направленные против агрессии Вьетконга». Этот документ отличался весьма точным предвидением последствий: престиж Америки, который был поставлен на карту, должен подвергнуться еще большему риску; если конечная цель состоит в том, чтобы ликвидировать

мятеж на Юге, «нет никаких ограничений нашему возможному участию (быть может, за исключением нападения на его источник в Ханое!)». Здесь, как в самом заявлении, так и в пояснении к нему, была сформулирована будущая военная проблема.

Этот отчет содержал в себе и другие основополагающие формулировки, хотя они и не привлекли к себе такого внимания. Не рассмотрев ни физические особенности местности противника, ни особенности его промышленной базы, Тейлор докладывал, что Северный Вьетнам «чрезвычайно уязвим в случае обычных бомбардировок». Вообще, надо сказать, редкость, когда военная оценка оказывается настолько надуманной.

Относительно роли Ханоя как агрессора, нарушающего «международную границу», в докладе использовалась весьма изобретательная риторика, которая рассматривала вьетнамский конфликт на всем его протяжении. В Женевской декларации особо отмечалось, что эта разделительная линия является «временной» и ее нельзя понимать «как установление политической или территориальной границы». Эйзенхауэр открыто признавал, что это именно временная граница, и не более того. Однако в качестве «жизненно важного» национального интереса «международная граница» являлась одним из изобретений политиков, используемых для того, чтобы оправдать интервенцию или даже убедить себя в том, что для нее есть повод. Ростоу уже прибегал к этой риторике во время своего выступления в Форт-Брэгге. Раск воспользовался ею через три месяца после Тейлора, во время публичного выступления, и пошел дальше других, говоря о «внешней агрессии» через

«международные границы». Благодаря неоднократному употреблению этой риторики преобразование разделительной линии в международную границу стало нормой.

Называя предпринимаемые Южным Вьетнамом военные меры «разочаровывающими» и делая общепринятое признание относительно того, что «только вьетнамцы могут одержать победу над Вьетконгом», Тейлор заявил о своей убежденности в том, что американцы, «друзья и партнеры, могут показать им, как можно выполнить эту работу». Таким образом, в основе всего лежали элементарные заблуждения.

Схема военной интервенции, которая вытекала из вышесказанного, была спланирована специальным советником президента. И никто не возразил против нее, как это в прошлом неоднократно делал Риджуэй. В своих записках принимавшие участие в миссии сотрудники Госдепартамента называли ситуацию «ухудшающейся» по причине все больших успехов Вьетконга и указывали на то, что коммунисты начинают с самого нижнего социального слоя в деревнях. Именно там «битва и будет либо выиграна, либо проиграна». Тот факт, что иностранные войска способны оказать помощь, но не могут победить в этой битве, должен был исключить «любое полномасштабное участие Соединенных Штатов, направленное на то, чтобы ликвидировать угрозу, исходящую от Вьетконга». Тем не менее автор этого отчета Стерлинг Котрелл, председатель межведомственной комиссии по Вьетнаму, полностью поддержал недалёковидную позицию Тайлора — Росту. Вместо того чтобы признать непреложные факты и сделать верные умозаключения, чиновник второго

уровня обычно предпочитает разделять мнение вышестоящего.

Госсекретарь Раск, несмотря на свое всепоглощающее стремление остановить коммунизм, счел неразумным слишком уж рисковать американским престижем ради страны, которую он называл «отстающей лошадью». Его беспокоил этот недостаток Вьетнама, и когда представился случай, и ему пришлось давать показания на закрытом заседании Сенатского комитета по международным отношениям, он, размышляя вслух, последовательно доказывал, что Соединенные Штаты связали себя со слабыми союзниками, представляющими старый режим, и указывал на необходимость определить, при каких обстоятельствах «можно и нужно вкладываться в какой-либо режим, когда в глубине души вы понимаете, что он не является жизнеспособным». Творцам американской внешней политики никогда ранее не задавали столь важного вопроса; впрочем, он и в противном случае наверняка остался бы без ответа.

Реакция министерства обороны и прежде всего самого министра Макнамары на отчет Тейлора была сумбурной. Благодаря воспитанию и образу мысли, Макнамара безоговорочно верил, что, обладая необходимыми материальными ресурсами и снаряжением, а также владея результатами правильно проведенного статистического анализа соответствующих факторов, можно выполнить любую работу. В ответ он и Объединенный комитет начальников штабов высказали весьма существенную мысль, заявив, что военная интервенция требует взятия на себя четких обязательств в отношении поставленной задачи; в данном случае этой задачей было предотвратить падение Южного Вьетнама под ударами коммунистов. По их оценкам, необходимые

силы, с учетом возможной реакции со стороны Советского Союза и Китая, вероятно, не должны превышать шести дивизий, или 205 тысяч человек, присутствие которых будет подкреплено предупреждением Ханю: дальнейшая поддержка вьетконговского мятежа в Южном Вьетнаме «приведет к нанесению ударов возмездия, направленных против Северного Вьетнама».

Кеннеди относился с настороженностью к идее военного решения проблемы и, возможно, устно попросил внести поправки в предложенный вариант. Услужливый Макнамара подготовил дополнительные соображения и, совместно с Раском, направил президенту вторую докладную записку, в которой предлагалось временно отложить развертывание боевых подразделений, но уточнялось, что следует быть готовыми к этому в любой момент. Предостерегая президента, оба министра, несмотря на несхожесть взглядов, утверждали, что без серьезных усилий со стороны Южного Вьетнама «вооруженные силы Соединенных Штатов не смогут выполнить свою миссию, находясь в окружении безразличного или враждебного населения». С другой стороны, падение Южного Вьетнама «подорвет уверенность других стран в решимости американцев выполнять свои обязательства» и «будет способствовать внутренним разногласиям». Эта программа, в которой было всего понемногу, но отсутствовали прямые «да» и «нет», вполне соответствовала нерешительности Кеннеди. Сомневаясь в эффективности «войны белого человека», Кеннеди, которого Тейлор предупреждал о неизбежности постоянной отправки подкреплений во Вьетнам, не хотел, чтобы на его администрацию ввалили заботы,

связанные с выходом из затруднительной и бесперспективной ситуации, сложившейся в далекой стране. И все же альтернатива, в виде отказа от влияния в этой стране, считалась худшим вариантом. Она была чревата потерей веры в американский оборонительный щит за рубежом, а дома — обвинениями в слабости и пассивности в отношении коммунизма.

Подверженный метаниям, Кеннеди инстинктивно проявлял осмотрительность. Вначале он согласился с идеей отсрочки развертывания войск, аккуратно избегая прямого отказа, который мог привести в ярость правых. Он сообщил Дьему, что направит дополнительное количество советников и инженерно-технических подразделений, в надежде, что это «оживит и дополнит» усилия вьетнамцев, которые «не сможет заменить никакая дополнительная помощь». Что касается боевых подразделений, от их развертывания временно отказались. В своем уже традиционном упоминании о необходимости политических и административных реформ президент попросил Дьема «предъявить конкретные доказательства» наличия прогресса и напомнил, что выполнение обязанностей советников более приемлемо для «белых иностранных военнослужащих, чем... выполнение заданий, включающих в себя розыск вьетконговцев, смешавшихся с вьетнамским населением». Это было правдой, но в то же самое время это была лицемерная уловка, поскольку именно этим и должны были заниматься силы особого назначения в ходе борьбы с повстанцами. Используя довольно расплывчатые, но вполне понятные формулировки, Кеннеди сам себя загнал в угол, убеждая Дьема, что «мы готовы помочь республике Вьетнам защитить свой народ и сохранить независимость». В

сущности, он поставил задачу, но никаких действий не предпринимал.

Реакция Дьема была негативной; по словам американского посла, он, «похоже, стремится узнать, готовы ли Соединенные Штаты отказаться от Вьетнама, как, по его мнению, мы отказались от Лаоса». Каким-то образом требовалось сохранить доверие и остановить ухудшение политической ситуации. И вот, без какого-либо внятного решения ил и плана действий, началась переброска американских войск во Вьетнам. Группы американских военных инструкторов нуждались в подразделениях огневой поддержки, воздушной разведке требовалось сопровождение истребителей и наличие вертолетных групп, для ведения борьбы с повстанцами необходимо было наличие 600 «зеленых беретов», которым полагалось обучать вьетнамцев в ходе операций против Вьетконга. Не отставали и поставки военной техники и оборудования: ударные корабли и патрульные катера, бронемашины, самолеты с укороченным взлетом и транспортные самолеты, грузовики, радиолокационные установки, куонсетские ангары, мобильные аэродромы. Применяемая для поддержки боевых операций южновьетнамской армии, вся эта техника требовала американского личного состава, который волей-неволей втягивался в активные боевые действия. Когда группы сил особого назначения, наводимые подразделениями южновьетнамской армии на партизанские отряды, встречали огневое сопротивление, они тоже открывали огонь. Когда по боевым вертолетам стреляли с земли, они палили в ответ.

Для ведения более активных действий требовалось нечто большее, чем командование подготовкой личного состава. В феврале 1962 года на смену группе военных

советников пришла полноценная структура военного управления под названием Командование по оказанию военной помощи Вьетнаму (КОВПВ). Его возглавил трехзвездочный генерал Пол Д. Харкинс, который прежде занимал должность начальника штаба армии Максвелла Тейлора в Корее. Если необходимо определить точную дату начала американской войны во Вьетнаме, то для этого вполне подходит день учреждения КОВПВ, потому что эта дата хорошо известна.

К середине 1962 года американские силы во Вьетнаме насчитывали 8000 человек, к концу того же года их число превышало 11 000, а еще через десять месяцев 17 000 человек. Американские военные служили по соседству с подразделениями южновьетнамской армии, присутствуя на каждом ее структурном уровне — от батальона до дивизии и Генштаба. Они планировали операции и сопровождали вьетнамские подразделения на поле боя, находясь бок о бок с ними от шести до восьми недель. Они перебрасывали по воздуху людей и снаряжение, строили в джунглях взлетно-посадочные полосы, доставляли на вертолетах команды по спасению и оказанию медицинской помощи, обучали вьетнамских пилотов, координировали огонь артиллерии и воздушную поддержку, применяли химические средства (дефолианты) для уничтожения с воздуха растительности к северу от Сайгона. Они тоже несли потери: 14 человек были убиты или ранены в 1961 году, 109 в 1962-м, 489 — в 1963-м.

Это была война президента, война, которую не санкционировал Конгресс и о которой, вопреки всем отговоркам и отрицаниям Кеннеди, фактически ничего не сообщалось. И все же она не осталась незамеченной. Национальный комитет Республиканской партии обвинил

президента в том, что он «не был в достаточной степени откровенен с американским народом» в отношении вьетнамского конфликта, и задал вопрос: не пора ли «отказаться от отговорок» насчет «советников». В ответ явно уязвленный этими обвинениями Кеннеди во время пресс-конференции, состоявшейся в феврале 1962 года, заявил: «Мы не посылали туда боевые подразделения в общепринятом смысле этого слова. Мы увеличили численность нашего обучающего персонала и усилили наше материально-техническое снабжение...» И в этом «он был откровенен, как только мог», постоянно ссылаясь на столь безотказный аргумент как «потребности нашей безопасности в этом районе». Но это не убеждало. «Сейчас Соединенные Штаты втянуты в необъявленную войну, которая ведется в Южном Вьетнаме, — в тот же день написал Джеймс Рестон. — Об этом хорошо известно русским, китайским коммунистам и всем заинтересованным сторонам, за исключением американского народа».

В течение некоторого времени американские вливания способствовали более успешным действиям вьетнамских союзников. Стали лучше проводиться боевые операции. Инициатором программы «Стратегическая деревня» — проекта, который получил самую широкую огласку и наибольшую поддержку, — был брат Дьема, Нгу. Эта одобренная американцами программа заставила Вьетконг отступить во многих сельских районах, хотя и не способствовала тому, чтобы правительство Дьема проявляло больше внимания к жизни сельского населения. Разработанная с целью изолировать партизан от населения и лишить их возможности получать продовольствие и привлекать в свои ряды местных жителей, эта программа вводила

такие меры, как принудительное переселение крестьян из собственных домов в укрепленные «агровили», рассчитанные на проживание приблизительно трехсот семей. Часто переселенцам не разрешали взять с собой почти ничего, кроме одежды, а их бывшие деревни сжигали, чтобы лишить вьетконговцев крова. Помимо того, что эта программа оставляла без внимания привязанность крестьянина к земле предков и его нежелание покидать эту землю, она в принудительном порядке привлекала крестьян к строительству «агровилей». Будучи тщательно продуманной мерой, в которую вложили немалые средства и с которой связывали определенные надежды, программа «стратегических сел», с одной стороны, породила отчуждение крестьян, а с другой, — все-таки обеспечивала безопасность.

Действуя под опекой американцев, южновьетнамская армия ставила перед собой все новые и новые задачи. Уровень дезертирства в отрядах Вьетконга повышался, и Северу пришлось покинуть многие свои базы. Доверие к власти восстанавливалось. Тысяча девятьсот шестьдесят второй год оказался для Сайгона удачным, и никто тогда не подозревал, что это последний удачный год. Оптимизм американцев рос, как на дрожжах. Представители армии и посольства делали самоуверенные заявления. Говорили, что война «выходит на финишную прямую». Соотношение потерь сил Вьетконга и южновьетнамской армии оценивалось как пять к трем. Генерал Харкинс был настроен оптимистически. В июле, во время инспекционной поездки, министр обороны Макнамара сделал весьма характерное заявление: «Все количественные показатели, которыми мы располагаем, показывают, что

мы выигрываем эту войну». На обратном пути министр остановился в Гонолулу, где на военной конференции в штабе главнокомандующего вооруженными силами в зоне Тихого океана предложил начать планирование поэтапного прекращения военного участия США в конфликте, которое должно полностью завершиться к 1965 году.

Между тем на нижнем уровне, у полковников, сержантов и военных журналистов, все чаще возникали сомнения. Самым убедительным скептиком был Дж. К. Гэлбрейт. В ноябре 1961 года, когда Тейлор представил свой доклад, Гэлбрейт направлялся в Индию в качестве посла. Кеннеди попросил его сделать остановку в Сайгоне, чтобы получить от него еще одну оценку ситуации в стране. У Гэлбрейта сложилось впечатление, что президент желает негативной оценки, и он услужливо предоставил ему таковую. Ситуация «определенно была мерзопакостной». Батальоны Дьема укомплектованы «равнодушными симулянтами». Начальники дислоцированных в провинциях подразделений наряду с командованием войсками занимаются подкупом местных властей и политиков. Такая деятельность, как сбор сведений об операциях повстанцев, просто «не ведется». Политическая реальность представляла собой «полный застой», поскольку Дьем испытывал больше потребности в том, чтобы обезопасить себя от государственного переворота, чем в том, чтобы защитить страну от Вьетконга. Эффективность американской помощи обусловлена неэффективностью и непопулярностью правительства. Когда Дьем ехал на машине по Сайгону, его передвижение, напомиравшее выезды японского императора, «требовало осмотра каждой расположенной

по маршруту прачечной и закрытия всех окон, дабы чернь из них не высывалась, очистки от прохожих всех улиц и огромного эскорта мотоциклистов, необходимого, чтобы защитить премьера от возможного покушения». Попытки договориться о проведении реформ и увязывание с последними помощи бесполезны, потому что Дьем «не будет проводить реальные реформы ни в сфере административного управления, ни в области политического устройства. И все потому, что он просто не может их провести. Ожидать этого значит проявлять политическую наивность. Он понимает, что не может выпустить из рук бразды правления, поскольку тогда его попросту свергнут».

Гэлбрейт советовал противиться любому давлению, нацеленному на развертывание американских войск, потому что «наши солдаты не должны иметь дело с губительной слабостью вьетнамского руководства». В тот период у него еще не было решения относительно того, как выбраться из той «ловушки, в которой мы оказались», если не считать его несогласия с тем, что альтернативы Дьему не существует. Он считал необходимым сменить руководство и начать все сначала. И хотя никто не мог обещать, что такой переход будет безопасным, но «в нынешней ситуации мы просто обречены на неудачу».

В марте 1962 года Гэлбрейт снова заявил, что Соединенным Штатам следует приветствовать любое политическое урегулирование с Ханоем и «не упустить шанс», если таковой выпадет. Он считал, что помощь в этом должен оказать Джавахарлал Неру и что Гарриман мог бы обратиться к русским, чтобы выяснить, отзовет ли Ханой отряды Вьетконга в обмен на уход американцев и согласие на проведение переговоров об окончательном

объединении страны. Вернувшись домой в апреле, он предложил Кеннеди урегулировать проблему, проведя переговоры на международном уровне, с целью превратить Вьетнам в неприсоединившееся государство по образцу Лаоса. Гэлбрейт предупреждал, что, продолжая поддерживать неэффективное правительство, «мы станем такими же колонизаторами, как французы, и подобно им истечем кровью». Между тем, следует противиться всем шагам, направленным на привлечение американских солдат к участию в боевых операциях, и было бы правильно отказаться от таких непопулярных акций как применение дефолиантов и строительство «стратегических деревень».

Представленное в письменной форме, предложение Гэлбрайта было полностью отвергнуто Объединенным комитетом начальников штабов, который увидел в нем попытку отказаться от «того, что теперь всем известно как наше обязательство дать решительный отпор коммунизму в Юго-Восточной Азии». Они прямо цитировали обещание сохранить независимость Вьетнамской республики, которое президент неосмотрительно дал Дьему. Генералы были за то, чтобы не вносить никаких изменений в американскую политику и чтобы она при этом была «полностью направлена на достижение успешного результата». Тогда это мнение разделяли многие. Кеннеди его не оспаривал. Таким образом, предложение Гэлбрайта похоронили.

Успешный результат становился недостижимым. Словно туман над болотом, над Дьемом сгустились тучи. В его окружении росло число недовольных. Призывом на постоянную военную службу, заменившим привычные шестимесячные сборы, проводившиеся ежегодно и позволявшие человеку вернуться домой, чтобы

поработать на огороде, Сайгон еще больше отчуждал от себя крестьян. В феврале 1962 года два инакомыслящих офицера ВВС сбросили бомбы на президентский дворец и обстреляли его с бреющего полета в тщетной попытке уничтожить Дьема. Американские репортеры пытались докопаться до правды, но на исполненных показного оптимизма официальных брифингах сталкивались лишь с замалчиванием фактов и фальшивыми утверждениями. Испытывая все большее разочарование, они писали статьи, в которых отзывались о местной власти с нескрываемым презрением. Как через много лет сказал один из них, «многое из того, что газетчики теперь считали ложью, прежде было именно тем, во что первоначально верили, и о чем сообщалось в Вашингтон». При этом в основе всех новостей и репортажей лежали слова командиров армии Дьема. Тот факт, что шнырявшие по всей стране агенты американских разведслужб принимали на веру слова командиров Дьема, едва ли могло служить оправданием, зато отражало американскую политику в отношении Дьема, как когда-то политику в отношении Чан Кайши. Официальные лица испытывали схожее нежелание признать несоответствие Дьема требованиям времени.

Все это привело к «войне» журналистов: чем злее становились корреспонденты, тем более «нежелательные» истории они излагали. Правительство направило в Сайгон помощника госсекретаря по связям с общественностью Роберта Маннинга, поручив ему на месте оценить ситуацию. В непредвзятой служебной записке, составленной по возвращении, Маннинг сообщил, что одной из причин «войны» журналистов стала государственная политика, направленная на то, чтобы «рассматривать американское присутствие во

Вьетнаме как минимальное и даже представленное как нечто меньшее, чем оно является в реальности». Он советовал отказаться от такой политики. Хотя общество обращало на Вьетнам мало внимания, незначительная его часть все же стала понимать, что это заморское «мероприятие» осуществляется как-то не так. То там, то здесь появлялись первые ростки несогласия. Впрочем, их было немного и потому на них почти не обращали внимания. Существенная часть общества хотя и смутно, но представляла, что где-то в Азии идет война с коммунизмом, и в целом поддерживала предпринимаемые усилия. Вьетнам был таким же далеким и невообразимым, как какой-нибудь незнакомый человек, имя которого вдруг напечатали в газетах.

Одним из самых компетентных и высокопоставленных критиков был сенатор Майк Мэнсфилд, который теперь стал лидером сенатского большинства и испытывал глубокую обеспокоенность положением дел в Азии. Он чувствовал, что Соединенные Штаты, следуя старой миссионерской традиции, испытывают навязчивое стремление улучшить положение дел в Азии и снова воодушевлены идеей крестового похода против коммунизма и что эти усилия окажутся губительными как для Америки, так и для Азии. Вернувшись в декабре 1962 года из своей первой после 1955 года инспекторской поездки, совершенной по просьбе президента, он доложил Сенату, что «после семи лет оказания помощи, которая обошлась Соединенным Штатам в 2 миллиарда долларов... Южный Вьетнам кажется менее устойчивым, чем он был вначале». Доклад Мэнсфилда нанес сильный удар по тем, кто испытывал оптимизм, а также по программе строительства «стратегических деревень», в отношении которой

«практические действия центрального правительства пока не обнадеживают».

В личных беседах с Кеннеди Мэнсфилд оказался более откровенным, высказав мнение, что ввод американских войск будет означать гражданскую войну, которая «не является нашим делом». Взятие на себя подобной ответственности «подорвет престиж Америки в Азии и не поможет южновьетнамцам устоять». По мере того как Мэнсфилд излагал свое мнение, Кеннеди проявлял все большее волнение, а его лицо все больше наливалось кровью. В конце концов он воскликнул: «Вы что же, ожидаете, что я приму все это за чистую монету?» Как и все правители, он хотел получить подтверждение правильности своей политики и разозлился на Мэнсфилда (в чем позднее признался одному из своих помощников) за то, что тот был полностью с этой политикой не согласен, «и злился на себя, потому что обнаружил, что сам с ним соглашаюсь».

Никаких перемен не последовало. Президент направил других наблюдателей, главу разведки Госдепартамента Роджера Хилсмэна и Майкла Форрестола из группы Банди, которые скорее разделяли точку зрения Мэнсфилда, чем взгляды Тейлора — Росту. Они доложили, что война продлится дольше и будет стоить больших денег и жизней, чем это ожидалось, и что «издержки приводят в ужас». Однако, являясь должностными лицами и не обладая той независимостью, которой обладал Мэнсфилд, они не стали оспаривать господствующую точку зрения.

В чрезвычайно подробном докладе Хилсмэна был дан отрицательный ответ на множество вполне конкретных вопросов, но никаких шагов к тому, чтобы

действовать в соответствии с информацией, полученной наблюдателями, сделано не было. Коррекция — болезненный процесс. Правителю проще не выходить за рамки уже выбранного политического курса. Что касается чиновника более низкого ранга, то для сохранения собственного поста ему лучше не нарушать спокойствия и не навязывать начальнику те свидетельства, которые тому будет трудно признать. Психологи называют стремление не замечать нежелательную информацию «когнитивным диссонансом», что является научным выражением простой мысли: «Не сбивайте меня с толку этими фактами». Когнитивный диссонанс есть тенденция «замалчивать, сглаживать остроту, умалять важность или откладывать в долгий ящик» решение вопросов, которые создают конфликт или приводят к «психологическим расстройствам» внутри какой-либо организации. Это ведет к тому, что от альтернативных решений «отказываются, поскольку считают, что именно они влекут за собой конфликты». Что касается субординации внутри правительства, то в этом отношении задача состоит в том, чтобы выработать такой политический курс, который устроил бы вышестоящее руководство. Это помогает правителю принимать желаемое за действительное и определяется как «неосознанное изменение оценки вероятностей».

Кеннеди не был глупцом; он знал о существовании отрицательных факторов, и те его беспокоили, но он не внес никаких изменений в свою политику, и ни один из его главных советников не предложил ему этого. Никто из представителей исполнительной власти не выступил в поддержку ухода США из Вьетнама. Это объяснялось опасением сыграть на руку коммунистам и подорвать престиж Америки, а еще опасением того, что чиновники

подвергнутся нападкам в самой Америке. Другой причиной самого долговременного в истории проявления недалёковидности являлась личная выгода, в данном случае перспектива второго срока президентства. Кеннеди был достаточно умен, чтобы распознать признаки грядущей неудачи, чтобы воспринимать Вьетнам как постоянный источник бедствий. Его приводило в ярость то, что он угодил в эту ловушку. Кеннеди тревожился, как бы Вьетнам не поставил под угрозу второй срок его президентства. Он любил одерживать победы или хотя бы достоверное подобие победы, прежде чем бросить невыгодное дело и выйти из игры.

Ход его мыслей приоткрылся в марте 1963 года, во время завтрака с конгрессменами в Белом доме, когда Мэнсфилд снова стал приводить свои аргументы. Отведя его в сторону, президент, вероятно понимая, что от него хочет услышать этот влиятельный сенатор, сказал, что уже начинает соглашаться с идеей полного вывода американских военных из Вьетнама. «Но я не могу это сделать до 1965 года, до того как меня переизберут». Поступить правильно до перевыборов означало навлечь на себя «шумные протесты консерваторов». Своему советнику Кеннету О'Донеллу Кеннеди неоднократно говорил: «Если я попытаюсь немедленно начать полный вывод войск, мы получим еще одну вспышку маккартизма». Все только после перевыборов; а потом он резко добавил: «Поэтому нам лучше как следует позаботиться о том, чтобы меня переизбрали». Другим друзьям он, хотя и неявно, высказывал свои сомнения и в то же время утверждал, что не может сдать Вьетнам коммунистам и просить американских избирателей переизбрать его на второй срок.

Его позиция не отличалась мужеством, но была реалистичной. До перевыборов оставалось более полутора лет. Было принято решение — оставшееся до перевыборов время продолжить отдавать американские ресурсы и даже человеческие жизни делу, в которое президент уже не слишком верил, чтобы не уменьшить шансы переизбраться на второй срок. — Это решение отвечало его собственным интересам, а не интересам страны. Найдется совсем немного правителей, которые смогли нарушить эту закономерность.

В этот период был мастерски разрешен кубинский ракетный кризис, ставший наивысшей точкой противостояния, а неудачный для Хрущева и успешный для Соединенных Штатов исход вселил в администрацию президента уверенность и поднял ее престиж. Одна из причин того, почему Советы отступили, аналогична той, что объясняет их поведение во время Берлинского кризиса: для СССР размещение ракет на Кубе было просто рискованной игрой и не входило в сферу жизненно важных интересов, тогда как для США задача предотвратить размещение стартовых площадок для ракет вблизи от своих берегов, несомненно, входила в сферу жизненно важных интересов. Исходя из закона о жизненно важных интересах, было вполне предсказуемо, что, в конечном счете, Соединенные Штаты отступят во Вьетнаме и победу там одержит Север.

После того как был нанесен удар по коммунизму на Кубе и тем самым повышен престиж Америки, настал момент, когда у США появились все шансы уйти из Вьетнама, не принимая во внимание шумные протесты консерваторов. Но в этот период в официальных кругах

царил оптимизм, а потому и речи не могло быть об уходе. Однако приблизительно в это же время Кеннеди все-таки дал указание Майклу Форрестолу подумать о подготовке плана по выводу войск после перевыборов, заметив, что потребуются около года на то, чтобы получить одобрение Конгресса и союзников в Азии и Европе. Из этого ничего не получилось, но когда в частной беседе президента спросили, как можно уйти, не нанеся ущерб престижу Америки, он ответил следующим образом: «Легко. Поставить правительство, которое попросит нас уйти». Публично он заявлял о том, что уход Соединенных Штатов «стал бы катастрофой не только для Южного Вьетнама, но и для Юго-Восточной Азии. Поэтому мы собираемся остаться». Он мыслил в обоих направлениях, но так и не сумел разрешить эту дилемму.

Постоянным фактором процесса принятия политических решений были опасения по поводу того, что в том или ином случае может предпринять Китай. К тому времени китайско-советский раскол сделался уже очевидным, и если в период разрядки казалось, что русская угроза снижается, то китайцы, отношения с которыми были разорваны, производили зловещее впечатление. Еще были свежи воспоминания о Корейской войне. Агрессивное поведение китайцев во время двух кризисов в Тайваньском проливе, аннексия Тибета и пограничная война с Индией — все создавало впечатление, что Китай является непременным источником неприятностей. Когда во время одного телевизионного интервью Кеннеди спросили, есть ли у него основания сомневаться в достоверности теории домино, он ответил: «Нет, я верю в нее, я верю... Китай принимает настолько угрожающие размеры, зловеще нависая над своими границами, что если Южный Вьетнам

падет, это не только улучшит условия для нанесения партизанского удара по Малайзии, но и создаст впечатление, что будущее Юго-Восточной Азии связано с Китаем и коммунистами».

На самом деле, если бы американцы сумели понять, насколько для них полезно признать националистический Северный Вьетнам (независимо от того, коммунистический он или нет), эта всегда стремившаяся к независимости и всегда настроенная против китайцев страна стала бы намного более серьезным препятствием для вызывавшей опасения китайской экспансии, чем разделенное, воюющее государство, которое постоянно давало поводы для вмешательства из-за рубежа. Увы, этого не случилось. Так или иначе, Китай в то время отчаянно пытался выбраться из той экономической ямы, в которой он оказался благодаря политике «Большого скачка», и находился не в том состоянии, чтобы отважиться на авантюру за рубежом. «Знай своего врага», — вот важнейшее правило взаимоотношений любых соперников, но именно американцам, когда они имеют дело с красной угрозой, свойственно разрывать дипотношения и вести дела, пребывая в полном неведении.

Военное руководство, выполняя приказ Макнамары, отданный во время пребывания министра в Гонолулу, было занято составлением всеобъемлющего плана, в основе которого лежало бесчисленное множество служебных записок и месяцы бумажной работы. И все делалось ради достижения не слишком впечатляющей цели: вывода к концу 1963 года одной (!) тысячи американских военнослужащих, а также наращивания численности и увеличения финансирования южновьетнамской армии до того момента, когда уровень

ее подготовки и численность личного состава позволят переложить на нее ведение войны. Пока Командование по оказанию военной помощи Вьетнаму, Командование вооруженными силами в зоне Тихого океана и министерство обороны барахтались в потоке цифр, аббревиатур, входящей и исходящей документации, ситуация в Южном Вьетнаме ухудшалась и переросла в кризис, который закончился падением и гибелью Дьема, — а моральная ответственность за это была позднее возложена на Соединенные Штаты.

Дьем, права которого на власть никогда полностью не признавались многочисленными общественными течениями, религиозными конфессиями и классами, в конечном счете лишился их в результате вспыхнувшего летом 1963 года мятежа буддистов. Долгое негодование, вызванное привилегированным положением католиков, которое бытовало при французах и осталось без изменений при Дьеме, послужило причиной выступлений буддистов, получивших поддержку местного населения. В мае, когда Сайгон запретил торжества по случаю дня рождения Будды, начались протесты, и правительственные войска, открыв огонь, убили нескольких демонстрантов. Возобновившиеся демонстрации и введение военного положения получили печальную известность благодаря акту самосожжения, предпринятому буддистским монахом, который поджег себя на одной из оживленных площадей Сайгона. Протестное движение ширилось, вбирая в себя всех противников режима — противников католиков, недовольных развитием страны по западному образцу, инакомыслящих представителей среднего класса и бедноты. Усилились репрессии и жестокости, за которыми, как было известно, стоял брат Дьема, Нго.

Кульминацией этих действий стали полицейский налет на главный буддийский храм и арест сотен монахов. В знак протеста в отставку ушли министр иностранных дел и посол в Соединенных Штатах. Правительство Дьема затрещало по швам.

Американская разведка, которая, похоже, не придавала значения настроениям широких масс, не смогла предсказать этот мятеж. За две недели до восстания госсекретарь Раск, обманутый оптимистическими заявлениями представителей Командования по оказанию военной помощи Вьетнаму, заявил о «поступательном движении» Южного Вьетнама «в направлении создания конституционной системы, опирающейся на народное согласие», и о свидетельствах подъема морального духа, указывающих на то, что этот народ уже «на пути к успеху».

В армии у Дьема тоже были враги. Назревал государственный переворот, который готовили генералы. Пока правительство боролось с заговорщиками, активность военных действий уменьшалась. Нго и зловещая мадам Нго стали фигурировать в отчетах разведки как «лица, вступившие в связь с врагом»; заподозрили, что их целью является достижение урегулирования на основе «нейтралитета» через французских посредников ради приумножения собственных состояний. Все американские вложения оказались под угрозой. И это тот протее, которому отдали предпочтение как надежной кандидатуре, способной укрепить государство и преградить путь исполненному безжалостной целеустремленности Северу?

В Вашингтоне шли горячие дискуссии о том, что же делать, поскольку правительство фактически не знало, какой политический курс выбрать. Есть ли альтернатива Дьему? Если он останется у власти, возможно ли когда-нибудь одержать победу над повстанцами? В центре дискуссии были доводы за и против Дьема и проблема, как избавиться от четы Нго, но никак не рассмотрение вопроса, что же общего у Америки с этой группировкой высокопоставленных лиц. Нго требовалось каким-то образом отстранить от власти, и не столько по причине того, что они стояли за притеснениями буддистов, сколько из-за их попыток вступить в переговоры об урегулировании на основе нейтралитета. Была надежда заставить Дьема это сделать, сократив в разумных пределах американскую помощь, но на Дьема, уверенного в стремлении американцев бороться с коммунизмом, угрозы не подействовали. Эти угрозы представляли собой довольно нервную реакцию Госдепартамента, обеспокоенного тем, что Дьем мог увидеть в них признак неотвратимости репрессий лично против него и против четы Нго и что он способен «пойти на совершенно немыслимые действия, такие как, например, обращение к Северному Вьетнаму за помощью, с целью вытеснения американцев». Этот интересный взгляд говорит о наличии определенных колебаний в оценке Вашингтоном своей роли во Вьетнаме.

Постепенно политики пришли к заключению, что намерение сделать Южный Вьетнам преградой на пути коммунизма является верным, но оно невыполнимо при Дьеме, который при содействии Соединенных Штатов должен уйти. Короче говоря, Вашингтону следовало оказать поддержку военным, которые планировали

переворот. Такой была точка зрения правых. Но в этом заключалась и практическая целесообразность: защита вложений в зависимую компанию, руководство которой не справляется со своими обязанностями.

Самый настоящий тайный агент ЦРУ, полковник Лу Конейн, вступил в посреднические переговоры с готовившими переворот генералами, а новый посол Генри Кэбот Лодж с энтузиазмом взял на себя ответственность за их проведение, поскольку был абсолютно убежден в необходимости положить конец сотрудничеству Америки с «этим репрессивным режимом, который держится только на штыках». В ответ на его запросы Вашингтон дал указание, что если Дьем не избавится от Нго, «мы готовы признать очевидные последствия, которые состоят в том, что мы больше не можем поддерживать Дьема»; также послу дали полномочия обещать «соответствующим военачальникам, что мы окажем им непосредственную поддержку в переходный период распада центральной государственной власти». В лаконичном стиле правительственных инструкций Белый дом сообщил Лоджу, что ему не следует предпринимать «никаких инициатив», направленных на «активную тайную поддержку переворота», но, с другой стороны, следовало «тайно предпринять срочные попытки наладить контакты с возможным альтернативным руководством». Эти контакты, разумеется, должны быть «абсолютно надежными, а их наличие следует полностью отрицать».

Недавний кандидат республиканцев на пост вице-президента, Лодж был назначен послом не только потому, что он был способным политиком, владеющим французским языком. Он должен был стать инструментом вовлечения его партии во вьетнамскую неразбериху.

Немаловажно и то, что он постарался сделать намерения правительства Кеннеди открытыми для печати, чтобы впоследствии его не могли снять с занимаемой должности. «Нам пришлось выбрать такой курс, — телеграфировал он, — с которого уже невозможно свернуть, курс на свержение правительства Дьема». Лодж проинформировал Госдепартамент, что полковник Конейн вступил в желаемый контакт с лидером заговорщиков, генералом «Большим» Минем, который изложил в общих чертах три возможных плана действий: первый предусматривал «физическое устранение» четы Нгу при сохранении Дьема в должности. «Это самый простой для выполнения план», — сообщал Лодж.

На продолжавшихся в Вашингтоне совещаниях время от времени вставала проблема более важная, чем судьбы Дьема и четы Нго. Это случалось, когда Роберт Кеннеди заявлял: важнейший вопрос состоит в том, «сможет ли хоть какое-нибудь правительство оказать успешное сопротивление попыткам коммунистов взять страну под контроль. Если нет, то теперь самое время не ждать, а окончательно уходить из Вьетнама». Если этим попыткам можно оказать сопротивление при каком-то другом правительстве, тогда следует продолжить выполнение планов, направленных на изменение ситуации. Но он чувствовал, что на этот вопрос ответа не будет.

Впрочем, кое-кто пытался дать ответ. Офицеры, находившиеся в зоне конфликта и сопровождавшие подразделения южновьетнамской армии во время боевых действий, с горечью отмечали, что американская подготовка и вооружение не могут заменить волю к борьбе. Они делали все, чтобы обойти запрет генерала Харкинса на негативные оценки в отчетах, и в подробных

докладах в Пентагоне сообщали о достойной сожаления неэффективности боевых действий. Одним из убедительных примеров стало сражение при Апбаке, состоявшееся в январе 1963 года. Со стороны южновьетнамской армии в нем принял участие батальон в составе 2000 человек, оснащенный артиллерией и бронетранспортерами. Ожидалось, что он будет действовать инициативно и наглядно продемонстрирует огневую мощь недавно приобретенной боевой техники. Неожиданно для себя оказавшись под обстрелом 200 вьетконговских партизан, южновьетнамские солдаты залегли за приземлившимися вертолетами и отказались вставать и стрелять. Они также отказывались выполнить приказ контратаковать противника. Руководитель провинции, который командовал подразделением Гражданской гвардии, не разрешил своим войскам вступать в бой. В ходе этой стычки были убиты три американских офицера-советника. Апбак стал наглядным свидетельством неудач южновьетнамской армии, бесполезности американской программы подготовки личного состава и лживости штабных оптимистов. Впрочем, никому не позволялось говорить об этом вслух. Полковник Джон Ванн, старший из американских офицеров, находившихся тогда на поле боя, вернувшись в Пентагон летом 1963 года, пытался сообщить обо всем генеральному штабу. Поскольку генерал Харкинс пользовался особым покровительством Максвелла Тейлора, защищавшего его точку зрения, послание Ванна так и не дошло до адресата. Представитель министерства обороны объявил, что «теперь дело определенно идет к победе» и что Командование вооруженными силами в зоне Тихого океана предвидит «неизбежное» поражение Вьетконга.

Чиновники, занимавшиеся оказанием помощи, также высказывали свое разочарование. Руфус Филипс, руководивший выполнением сельскохозяйственных программ, сообщал, что программа «стратегических деревень» «едва волочит ноги», и указывал, что данная война — это не столько военная, сколько политическая борьба за лояльность народа и режим Дьема ее проигрывает. Директор Информационной службы США Джон Маклин, который в 1962 году взял отпуск, чтобы в качестве корреспондента «Тайм» попробовать помочь повернуть вьетнамский народ против Вьетконга; через 21 месяц отказался от этой затеи и в конце своей творческой командировки находился «в отчаянии». На очередном совещании начальник Межведомственной рабочей группы по Вьетнаму Пол Каттенберг из Госдепартамента поразил Раска, Макнамару, Тейлора, Банди, вице-президента Джонсона и прочих участников, заявив, что если Дьем не откажется от поддержки своего брата, а сам будет получать все меньше и меньшей доверия народа, «продолжая скатываться по наклонной плоскости», тогда лучшим решением для Соединенных Штатов будет немедленно уйти из Вьетнама. Никто из присутствующих с ним не согласился, и высказанное предложение было решительно отклонено Раском, заявившим, что политика должна строиться на тойсылке, что «мы не уйдем, пока война не будет выиграна». Впоследствии Каттенберга убрали из рабочей группы и перевели на другой пост. Уходя, он предупредил, что война может унести жизни 500 тысяч американцев и растянуться на период от пяти до десяти лет.

В этот момент высказался еще один дельфийский оракул: Шарль де Голль предложил решение, связанное

с переходом к нейтралитету. В одном из своих завуалированных высказываний на заседании французского кабинета министров (как ни странно, эти слова получили разрешение на публикацию в стенографическом виде, поскольку явно предназначалось для заокеанских слушателей), де Голль выразил надежду, что вьетнамский народ предпримет «общенациональные усилия», направленные на достижение единства и «независимости от внешних влияний». В обтекаемых фразах относительно заботы Франции о Вьетнаме он рассуждал: делается все возможное для того, чтобы Франция была готова к сотрудничеству. Его демарш был услышан дипломатами, тщательно изучавшими язык высказываний де Голля и пытавшимися понять, в чем состоит его «нейтральное» решение, на модели Лаоса, независимого и от коммунистического Китая, и от Соединенных Штатов. «Авторитетные источники» указывали, что северовьетнамцы восприняли эту инициативу и что французские официальные лица продолжают нащупывать почву не только в Ханое, но и в других столицах.

Благодаря этому могли начаться попытки «ухватиться за любую возможность» урегулирования через переговоры, как когда-то советовал Гэлбрайт. Предложение де Голля могло стать выходом из затруднительного положения в том случае, если бы у Вашингтона хватило ума стремиться к тому, чтобы найти выход. Но, как сообщалось в прессе, американское правительство выражает свое «глубокое беспокойство», что было обычной реакцией на все амбициозные предложения де Голля. Однако в условиях политического распада и неадекватности военных усилий, отсутствия

реального прогресса в Южном Вьетнаме и намеков Ханоя на готовность вступить в переговоры американское правительство могло бы воспользоваться благоприятной ситуацией (приближающийся крах режима Дьема и предполагаемое посредничество де Голля), чтобы заявить: оно сделало все, что могло, для Вьетнама, а остальное зависит от вьетнамского народа, который должен сам уладить свои разногласия. Раньше или позже все это закончилось бы переходом страны под контроль коммунистов. В условиях отсутствия реалистичных прогнозов на будущее и существовавшей в 1963 году уверенности в американской мощи такой исход был попросту неприемлемым.

Продолжали возникать проблемы, связанные с выбором курса на поддержку военного переворота. То, что это было нарушением базового принципа международных отношений, ничуть не беспокоило «реалистов» из окружения Кеннеди. Похоже, никто из них не считался с тем, что это превращает в абсурд неоднократно повторяемые американцами утверждения: дескать, вьетнамский конфликт — это «их» война. Таков был постоянный рефрен. Его повторял Даллес, об этом говорили Эйзенхауэр, Раск и Максвелл Тейлор, эту мысль высказывали все послы, и сам Кеннеди повторял эти слова множество раз: «В конечном счете, это их война. Именно им суждено ее выиграть или проиграть». Если это была «их» война, тогда это было «их» правительство и «их» политика. Исторический опыт свидетельствует, что ситуация, когда поборники демократии вступают в сговор с теми, кто замышляет государственный переворот, независимо от того, насколько убедительны мотивы, противоречит основным принципам государственного устройства Америки. Это был шаг в

направлении недальновидных решений и последующих саморазоблачений.

Озабоченный тем, какую роль он должен сыграть в этом конфликте, уже ощущая смрад трясины, в которую его затягивало, Кеннеди направил в регион еще одну миссию по сбору фактов, то есть решил снова воспользоваться традиционным к этому времени средством замены реальной политики. Участниками скоротечной, но весьма насыщенной четырехдневной поездки стали специальный советник Максвелла Тейлора, генерал Виктор Крулак, теперь начальник генерального штаба и председатель Объединенного комитета начальников штабов, а также Джозеф Менденхолл из Госдепартамента, специалист по Вьетнаму с широким кругом знакомств среди граждан этой страны. Свои отчеты они представили в Белый дом по возвращении из командировки; один из них, на основании данных, представленных военными, был доброжелательным и оптимистичным, другой — язвительным и мрачным настолько, что президент буквально был вынужден спросить: «Вы что, ездили в разные страны?» Фактически сразу же во Вьетнам была направлена еще одна миссия, участниками которой стали фигуры самого высокого уровня: сам генерал Тейлор и министр обороны Макнамара, которым поручили выяснить, насколько сильное воздействие политический хаос оказывает на военные усилия южновьетнамской армии. Их отчет, датированный 2 октября, хотя и давал положительную оценку военным перспективам, был насыщен негативными оценками политического положения и опровергал ранее высказанные надежды. Все эти противоречия отошли на второй план после того, как Макнамара, с одобрения президента, сделал

публичное заявление: 1000 человек можно вывести уже к концу года, а «основная часть стоящей перед Соединенными Штатами военной задачи может быть выполнена к концу 1965 года». Но полученные в ходе упомянутых миссий беспорядочные и противоречивые данные ни в коей мере не прояснили, какой политический курс следует выбрать.

Первого ноября вьетнамским генералам удалось совершить государственный переворот. В ходе этого переворота, к ужасу и недовольству американцев, для которых это оказалось неожиданностью, были убиты Дьем и Нго. Менее чем через месяц президент Кеннеди также оказался в могиле.

5. ВОЙНА ПРЕЗИДЕНТА: 1964–1968 гг.

С момента своего вступления на пост президента Линдон Джонсон, по словам человека, который хорошо его знал, решил, что он никогда не «потеряет» Южный Вьетнам. Учитывая те далеко идущие заявления, с которыми он выступал в 1961 году, такая позиция была вполне предсказуемой. Являясь порождением «холодной войны», она более всего отражала его требования к собственному воображаемому образу, что стало понятно практически мгновенно. Не прошло и двух дней с момента гибели Кеннеди, как посол Лодж, вернувшийся из Вьетнама, чтобы доложить о развитии ситуации после свержения Дьема, встретился с Джонсоном и кратко обрисовал удручающую ситуацию в стране. По его словам, политическая перспектива состояла в том, что передача власти преемнику Дьема не улучшит положения дел, а скорее, приведет к еще большим

раздорах. В отношении военных перспектив он был убежден, что местная армия ненадежна и ей грозит опасность полного разгрома. Если Соединенные Штаты не станут принимать гораздо более активного участия в боевых действиях, Юг может быть потерян. Лодж прямо сказал новому президенту, что ему придется принимать трудные решения. Реакция Джонсона была мгновенной и весьма эмоциональной: «Я не собираюсь стать первым проигравшим войну президентом Соединенных Штатов». Согласно другим источникам, он ответил: «Я не собираюсь терять Вьетнам. Я не собираюсь стать президентом, который увидит, как Юго-Восточная Азия пойдет по пути Китая».

Пребывая в нервном напряжении, вызванном вступлением в должность, Джонсон чувствовал, что ему надо быть «сильным», доказать самому себе, что он здесь командует, а главное, превзойти по влиянию и авторитету братьев Кеннеди, как мертвого, так и живого. Он не испытывал сравнимого с этим по силе стремления проявлять мудрость и, прежде чем говорить, обдумывать возможные варианты. У него не было свойственной Дж. Ф. К. «двойственности мыслей», явного порождения присущего Кеннеди ощущения истории и некоторой склонности к размышлениям. Будучи сильным и деспотичным человеком, Джонсон был сам от себя без ума. На его политику в отношении Вьетнама оказывали воздействие три особенности характера: беспредельное и неутолимое самомнение; непостижимая способность беспрепятственно пользоваться должностными полномочиями и ставшее образом действий глубокое отвращение к любым идеям, которые противоречат его убеждениям.

После убийства Дьема по Южному Вьетнаму поползли слухи об урегулировании через принятие решения о нейтралитете страны. И не исключено, что на этом этапе Сайгон мог бы достичь соглашения с повстанцами, пусть и в присутствии американцев. Утверждалось, что в одной из передач нелегальной вьетконговской радиостанции предлагалось начать переговоры о прекращении огня. Во второй передаче прозвучало предложение урегулировать проблему с новым сайгонским президентом, лидером заговорщиков генералом Зыонгом Ван Минем, если тот откажется от сотрудничества с Соединенными Штатами. Эта передача была перехвачена службой наблюдения за иностранным радиовещанием, и ее содержание передали в Вашингтон. Жестких условий в предложениях не содержалось, по всей вероятности, это были просто попытки зондирования хаотической ситуации в Сайгоне, который внимательно наблюдал за реакцией Вашингтона. Ставший президентом, генерал «Большой» Минь, который действительно отличался высоким ростом (183 см), прежде был простым крестьянином-буддистом; он действовал из лучших побуждений и пользовался популярностью в народе, но не контролировал действия своих многочисленных соперников. Ходили слухи, что он рассматривает возможность контактов с Вьетконгом. После трех месяцев пребывания в должности президент Минь также стал жертвой переворота. Аналогичные слухи распускали и о преемниках Миня, сменявших друг друга в результате серии переворотов, что имели место на протяжении следующих нескольких месяцев. На американское противодействие всем попыткам зондирования почвы для вступления в переговоры с

Вьетконгом оказывали серьезное влияние посольство США и его доверенные лица.

В это время генеральный секретарь ООН, бирманец У Тан, также изучал возможности создания в стране коалиционного правительства, которое поддерживало бы нейтральный статус Вьетнама. Хотя коалиция между непримиримыми врагами есть иллюзия, ее все же можно использовать для временного урегулирования. Но это не заинтересовало Вашингтон. Как не заинтересовало и довольно отчаянное предложение сенатора Мэнсфилда, выдвинутое в январе и состоявшее в том, чтобы дать зеленый свет уходу американцев через разделение самого Южного Вьетнама между Сайгоном и Вьетконгом. Хотя Джонсон требовал от своих советников «решений», подобные компромиссы с коммунистами его не устраивали.

Уже шла подготовка к силовому варианту развития событий. По возвращении из декабрьской командировки во Вьетнам Макнамара доложил, что если в пределах «следующих двух или трех месяцев» не удастся обратить вспять текущие тенденции, они «в лучшем случае приведут к нейтрализации страны, а скорее всего к созданию контролируемого коммунистами государства». Ставки на сохранение некоммунистического Южного Вьетнама настолько высоки, говорил он президенту, «что, на мой взгляд, нам, чтобы победить, надо по-прежнему прикладывать все усилия».

Необычайно высокие ставки стали новой формой самообмана. Позволить Северному Вьетнаму одержать победу значило придать небывалое воодушевление коммунистам во всех других регионах, ослабить повсюду доверие к США и способствовать тому, что в самой

Америке начнется политическая неурядица. «Нью-Йорк таймс» подтвердила эту мысль в редакционной статье о вселяющем страхе предзнаменовании: если падет Южный Вьетнам, в опасности окажутся все страны Юго-Восточной Азии — Лаос, Камбоджа, Бирма, Таиланд, Малайзия и Индонезия; «в целом, положение союзников в западной части Тихого океана станет весьма угрожающим»; Индия будет «охвачена с флангов»; стремление Красного Китая к гегемонии «чрезвычайно усилится»; по всему миру распространятся сомнения в способности Соединенных Штатов защитить другие страны от коммунистического давления; сильный импульс получат революционные движения; распространится стремление к нейтралитету, а вместе с ним и ощущение того, что будущее, возможно, — за коммунизмом. В течение восьми лет, с 1983 года, Вьетнам, к сожалению, находился под контролем коммунистов, но, за исключением Лаоса и Камбоджи, ни одно из этих пугающих предсказаний не сбылось.

К 1964 году прошло десять лет с того момента, когда после Женевской конференции Америка решила спасти Южный Вьетнам. Обстоятельства изменились. Советскому Союзу пришлось отступить во время Берлинского и Карибского кризисов; советское влияние на коммунистические партии европейских стран значительно уменьшилось; блок НАТО окреп. Почему же тогда на далекий и малозначительный Вьетнам делали столь высокую ставку? Коммунизм ведь утверждался в Европе, не вызывая той истерики, которую, казалось, усугубляла любая свежая новость из Азии. Если наступления коммунистов в других регионах внушали такой же страх, почему мы бросились в безрассудную атаку на Кубу, а во Вьетнаме топтались на месте?

Возможно, потому, что это Азия, где американцы привыкли навязывать свою волю и направлять всю мощь своих ресурсов против людей, которых сенатор от штата Коннектикут Томас Додд мудро назвал «какой-то тысячей примитивных партизан». Потерпеть крах в Азии было недопустимо. Эта мысль заставляла Америку использовать свой потенциал и демонстрировать так называемую «надежность». Вопреки старой тактике, согласно которой наземную войну в Азии нельзя выиграть; несмотря на отрезвляющий опыт, полученный в Китае и Корее, а также опыт, обретенный французами в самом Вьетнаме, среди американского руководства преобладало именно такое мнение.

Напоминая уверенность британцев в том, что потеря американских колоний станет для них невероятной катастрофой, пророчества, в которых непомерно преувеличивались масштабы катастрофы в случае, если мы потеряем Вьетнам, способствовали тому, что ставки поднимались. Джонсон выразил эту чрезмерную реакцию в своем первоначальном сценарии отступления на рубеж Сан-Франциско; Раск присоединился в 1965 году, когда предупредил президента, что уход из Вьетнама «приведет к нашему краху и почти наверняка к катастрофической войне». В 1967 году он снова повторил эту мысль, когда во время пресс-конференции заговорил о «миллиарде китайцев, вооруженных атомным оружием». Военный корреспондент «Нью-Йорк таймс» Хэнсон Болдуин выразил ту же реакцию в 1966 году, когда написал, что уход из Вьетнама приведет к «политической, психологической и военной катастрофе» и будет означать, что Соединенные Штаты «решили сложить с себя полномочия великой державы» и «примирились с уходом из Азии и западной части Тихого

океана». Страх тоже чудесным образом менял представления людей. «Я до смерти боюсь того, что мы уже на пути к атомной Третьей мировой войне», — заявил сенатор Джозеф Кларк, выступая в сенатском Комитете по международным отношениям.

Чтобы использовать в своих целях разобщенность Юга, Северный Вьетнам направлял через демаркационную линию подразделения регулярной армии. Дабы предотвратить крах сателлита Америки, президент Джонсон, его советники, а также Объединенный комитет начальников штабов пришли к заключению, что настал момент, когда нужно приступить к силовым действиям. Под этим подразумевалось нанесение воздушных ударов, хотя и присутствовало понимание неизбежности привлечения наземных сил. Гражданские и военные организации стали готовить оперативные планы, но, хотя ситуация в Сайгоне с каждым днем становилась все более опасной, военные действия нельзя было начинать, поскольку Джонсону вскоре предстояло принять участие в президентских выборах 1964 года. Его оппонентом был воинственный сенатор Барри Голдуотер, и Джонсону пришлось выступать в качестве кандидата-миротворца. Он снова затянул старую песню о том, что это «их» война: «Мы намерены... попытаться заставить их спасти собственную свободу собственными силами. Мы не намерены посылать американских парней за девять или десять тысяч миль от дома, чтобы сделать то, что азиатские парни должны делать сами для себя». Когда всего через полгода американских парней отправили на войну, хотя никаких резких изменений ситуации не наблюдалось, эти его слова еще были на слуху. Именно тогда Джонсон

начал терять доверие сограждан. Давно привыкший к тому, что ложь является нормой политической жизни, он забыл, что высшая должность требует иного подхода и что когда ложь, связанная со словами и делами администрации, выходит на свет божий, оказавшись в лучах мощного прожектора, направленного на Белый дом, это наносит удар и по администрации президента, и по доверию общества к ней.

Общественный резонанс на предвыборную кампанию Голдуотера, «ястреба», который, в отличие от миротворца Джонсона, осуждал «пораженческую» политику, был ожидаемо традиционным. После Второй мировой войны и войны в Корее, а также в условиях постоянной угрозы применения атомного оружия американцы, оставаясь убежденными антикоммунистами, не хотели новой войны. В особенности это касалось женщин, непропорционально большое число которых собиралось проголосовать за Джонсона, что свидетельствовало об усилении антивоенных настроений. Администрация могла бы обратить на это внимание, но не обратила, потому что продолжала считать, что источником всех ее затруднений будут только правые.

Сказав избирателям «а», Джонсон был вынужден произнести и «б», четко обозначив свои энергичные намерения в отношении контактов с Ханоем. Таким образом он надеялся воздержаться от силового решения проблемы, во всяком случае, до окончания выборов. Боевые корабли в Тонкинском заливе, среди которых был и вскоре получивший печальную известность эсминец «Мэддокс», не ограничивались сбором разведанных и нанесли «разрушительные» удары по побережью, призванные заставить Ханой «воздержаться от агрессивной политики». Однако к этому моменту уже

фактически все считали, что настоящей мерой воздействия должны стать американские бомбардировки.

Джонсон, Раск, Макнамара и генерал Тейлор в июне вылетели в Гонолулу на встречу с послом Лоджем и командующим вооруженными силами в зоне Тихого океана. Целью этой встречи было рассмотрение плана действий американских ВВС и вероятного последующего перехода к наземным боевым операциям. Логическое обоснование необходимости бомбардировок на две трети было политическим: они должны укрепить падавший моральный дух Южного Вьетнама, на чем настаивал Лодж, отбить у северовьетнамцев желание сражаться, заставить их прекратить поддержку организованного Вьетконгом мятежа и в конечном счете вынудить на переговоры. Военная цель состояла в том, чтобы остановить проникновение северовьетнамских подразделений на территорию Южного Вьетнама и нарушить их снабжение. Шли ожесточенные споры, одни рекомендации и разъяснения сменялись другими, поскольку планировщики этой акции не горели желанием оказаться участниками гражданской войны в Азии, даже если в качестве предлога называлась «внешняя агрессия». В условиях, когда Южный Вьетнам стремительно ослабевал, основной задачей было исправить диспропорцию, чтобы Соединенные Штаты могли вести переговоры с позиции силы. До тех пор, пока эта цель не достигнута, любые шаги в направлении переговоров «были бы признанием того, что игра закончена».

В связи с этим возникал неприятный вопрос о возможности применения ядерного оружия, что ни у кого не вызывало одобрения. Единственным случаем, когда применение этого оружия хотя бы теоретически

допускалось, была угроза со стороны считавшегося чрезвычайно опасным коммунистического Китая, если будет спровоцировано его вступление в войну. Госсекретарь Раск, у которого при упоминании о такой возможности всегда случался прилив адреналина, полагал, что, учитывая огромное население Китая, «мы не можем позволить себя обескровить, сражаясь с ними с помощью обычного оружия». Иначе говоря, если эскалация войны приведет к полномасштабному нападению китайцев, это «в свою очередь приведет к применению ядерного оружия». Тем не менее Раск знал, что лидеры азиатских стран против подобного варианта, рассматривают его как проявление расовой дискриминации, как «нечто, используемое нами в отношении азиатов, но не применяемое в отношении населения западных стран». Темой краткого обсуждения стали обстоятельства, при которых было бы возможным применение тактического ядерного оружия. Нового председателя Объединенного комитета начальников штабов генерала Эрла Уилера эта идея не воодушевила. Министр обороны Макнамара сказал, что он «не может представить себе случай, когда рассматривалась бы такая возможность». В итоге вопрос был снят с повестки дня.

Были составлены оперативные планы бомбардировок, но приказ начать эту акцию откладывался, поскольку впереди маячили выборы, и Джонсону требовалось сохранить образ миротворца. Решение более важного вопроса о наземной войне отложили до тех пор, когда на смену политической неразберихе в Сайгоне придет стабильное и зависимое от Соединенных Штатов правительство. Далее, как указывал генерал Тейлор, американской публике

придется углубить свои познания, чтобы понять интересы Соединенных Штатов в Юго-Восточной Азии. Министр обороны Макнамара, с обычной для него точностью, подсчитал, что для этого «потребуется, по меньшей мере, месяц», словно речь шла о продаже новой модели автомобиля.

Джонсон сильно нервничал по поводу расширения американского участия в войне, поскольку опасался, что это приведет к немедленному вторжению во Вьетнам китайцев. Понимая, что эскалация войны неизбежна, он хотел получить санкцию Конгресса. В Гонолулу зачитали и обсудили текст проекта резолюции по Вьетнаму. Вернувшись домой, президент занялся подготовкой к схватке в Конгрессе.

Тонкинская резолюция от 7 августа 1964 года настолько досконально исследована, что здесь мы можем позволить себе долго на ней не останавливаться. Ее значение в том, что она дала президенту санкцию, которую Джонсон хотел получить, а Конгресс внезапно оказался в таком положении, что ему оставалось лишь беспомощно наблюдать за происходящим. До некоторой степени конгрессмены оскорбились на то, что остались не у дел. Инцидент в Тонкинском заливе сыграл не менее важную роль, чем сражение при форте Самтер или налет на Перл-Харбор. Едва ли он отвечал национальным интересам США, зато предоставил свободу действий президенту, который начал свою войну.

Капитан эсминца «Мэддокс» и командиры других боевых кораблей уверяли, что ночью, находясь за пределами признанной США трехмильной зоны, они подверглись атаке северовьетнамских торпедных катеров. Ханой заявил, что его суверенитет

распространяется на двенадцатимильную зону. Второе столкновение случилось на следующий день, при неясных обстоятельствах, которые так и не были полностью установлены. Впоследствии, во время очередного расследования, предпринятого в 1967 году, сочли, что все эти обстоятельства были выдуманы.

Дальняя связь Белого дома с Сайгоном была критически перегружена. Джонсон немедленно попросил Конгресс утвердить резолюцию, предоставляющую президенту полномочия принимать «все необходимые меры для отражения военного нападения», а сенатор Дж. Уильям Фулбрайт, председатель сенатского Комитета по международным отношениям, взялся провести эту резолюцию через Сенат. Зная, что президент вовсе не считается с конституционными полномочиями Конгресса, Фулбрайт все же поверил горячим заверениям Джонсона относительно того, что у него нет никакого желания расширять масштабы войны, и посчитал, что резолюция поможет президенту противостоять призывам Голдуотера начать воздушное наступление, а также окажет поддержку Демократической партии, показав, что она проявляет твердость в отношении коммунистов.

Ссылки на личные амбиции, которые так часто формируют умение управлять государством, также фигурируют в гипотезах по поводу того, что Фулбрайт надеялся после выборов сменить Раска на посту госсекретаря, а это зависело от того, сохранит ли Джонсон свое расположение к нему. Так ил и иначе, Фулбрайт оказался прав, полагая, что одна из целей этой резолюции заключалась в демонстрации силы и в стремлении одержать победу над правыми.

Сенатор Гейлорд Нельсон из Висконсина пытался ограничить полномочия президента в рамках резолюции, внося поправку «против любого расширения имеющего место конфликта», но эта попытка была решительно отклонена Фулбрайтом, заявившим, что поскольку подобное не входит в намерения президента, в такой поправке нет необходимости. Сенатор Сэм Эрвин из Северной Каролины, играя своими знаменитыми бровями, намекал на скрытое беспокойство, которое у ряда сенаторов вызывала перспектива полномасштабного участия США в конфликте. Он спросил: «Есть ли хоть какой-нибудь приемлемый и приличный способ, с помощью которого мы можем выйти из положения, не потеряв лица, а возможно, и штанов?» Самым откровенным оппонентом Джонсона, как всегда, оказался сенатор Уэйн Морс, который осудил резолюцию, назвав ее «преждевременным объявлением войны», и после телефонного звонка офицера из Пентагона буквально засыпал Макнамару вопросами о подозрительных действиях военно-морских сил в Тонкинском заливе. Макнамара решительно отрицал причастность к «любимым враждебным действиям» и свою осведомленность о них. Морс часто бывал прав, но он с таким постоянством предъявлял администрации гневные обвинения в «беззакониях», что к нему относились скептически.

Сенат, треть членов которого тоже выдвигала свои кандидатуры на переизбрание, не желал ставить президента в неудобное положение за два месяца до голосования и не хотел показать, что он не так уж сильно заботится о жизнях «американских парней». После однодневного слушания резолюция, позволявшая использовать «все необходимые меры», была принята комитетом по международным отношениям

четырнадцатью голосами против одного, а впоследствии одобрена обеими палатами. Она оправдывала предоставление чрезвычайных полномочий правительству в военное время, на том весьма зыбком основании, что Соединенные Штаты считают «жизненно важным для своих международных интересов и мира во всем мире поддерживать повсюду мир и безопасность». И сама эта пустая фраза, и заложенный в нее смысл казались не слишком убедительными. С молчаливого согласия Сената, который когда-то столь ревностно оберегал свою конституционную прерогативу объявлять войну, данное право теперь передали президенту. Между тем, ознакомившись с данными, которые привели в смятение операторов радаров и сонаров во время второго столкновения в Тонкинском заливе, Джонсон в частной беседе сказал: «Ну вот, выходит, что эти тупые моряки просто стреляли по летучим рыбам». И «стрельба по рыбам» оказалась вполне достаточным поводом для объявления войны.

На тот момент альтернативным решением могло стать предложение У Тана снова созвать Женевскую конференцию, а также повторный призыв де Голля начать мирные переговоры. Де Голль предлагал урегулировать спорные вопросы на конференции с участием Соединенных Штатов, Франции, Советской России и Китая, а затем вывести все иностранные вооруженные силы с территории Индокитайского полуострова и предоставлением великими державами гарантий нейтралитета Лаосу, Камбодже и обоим вьетнамским государствам. Это была гибкая (и, вероятно, вполне достижимая) альтернатива, если не считать того, что она не гарантировала сохранение

некоммунистического статуса Южного Вьетнама; по этой причине США ее проигнорировали.

За несколько недель до этого американскому эмиссару, помощнику госсекретаря Джорджу Боллу поручили отправиться во Францию и объяснить де Голлю, что любые высказывания о переговорах могут деморализовать Юг, где и без того взрывоопасная обстановка, и даже привести к катастрофе, а потому Соединенные Штаты «поверят в успех переговоров только тогда, когда наша позиция на поле боя будет настолько сильной, что противники пойдут на необходимые уступки». Де Голль сразу же отверг это объяснение. Точно такие же иллюзии, сказал он Боллу, поставили Францию в затруднительное положение; Вьетнам является «безнадежным местом для войны», «мерзкой страной», где Соединенные Штаты не смогут одержать победу, несмотря на все свои огромные ресурсы. Единственный выход из положения — переговоры, а не применение силы.

Возможно, де Голль тайно злорадствовал, видя, что Соединенные Штаты, как когда-то Франция, оказались в затруднительном положении, но все же он руководствовался более значимыми соображениями. Впоследствии он и другие европейцы приложили немало серьезных усилий, чтобы вытащить Соединенные Штаты из Вьетнама, и причиной такого курса были опасения, что американцы перенесут свое внимание и направят ресурсы из Европы в тихую заводь Азии.

Тем временем У Тан, через каналы, которыми располагали русские, убедился, что Ханой заинтересован в переговорах с американцами. Об этом он сообщил представителю Соединенных Штатов в ООН Эдлау

Стивенсону. У Тан выступал за прекращение огня как во Вьетнаме, так и в Лаосе, и предлагал позволить Соединенным Штатам составить такие условия перемирия, какие они посчитают нужными, и объявить, что эти условия не подлежат изменениям. Передавая его послание, Стивенсон столкнулся с попытками Вашингтона увильнуть от прямого ответа, а после окончания выборов — с прямой негативной реакцией, вызванной тем, что по другим каналам Соединенные Штаты узнали: на самом деле Ханой в переговорах не заинтересован. Более того, Раск заявил, что США не направят своего представителя в Рангун, где У Тан подготовил все необходимое для проведения переговоров, поскольку любой намек на подобный шаг мог вызвать панику в Сайгоне или привести к возобновлению попыток установления нейтралитета (а последнее всерьез тревожило администрацию США, хотя публично об этом не говорили).

Не скрывая неудовольствия тем, что его предложение отвергнуто, У Тан открыто заявил на проведенной в феврале пресс-конференции, что дальнейшее кровопролитие в Юго-Восточной Азии является излишним и что только переговоры могли бы «дать возможность США подобающим образом уйти из этой части света». К тому времени уже начались воздушные бомбардировки Северного Вьетнама, операция под кодовым названием «Раскаты грома». И в условиях продолжавшихся американских налетов, которые несли смерть и разрушения, возможность «подобающего ухода» из страны больше не рассматривалась.

Джонсон упустил и другую прекрасную возможность выхода из игры — собственное избрание. Он одержал

победу над Голдуотером, получив небывалое в американской истории большинство голосов, и добился убедительного преимущества в Конгрессе: 68 против 32 в Сенате и 294 против 130 в палате представителей. Такими результатами голосования он в значительной степени был обязан расколу среди республиканцев, разделившихся на умеренных во главе с Рокфеллером и крайне правых во главе с Голдуотером, а также распространившимся опасениям в связи с воинственными намерениями Голдуотера. Этот результат поставил Джонсона в такое положение, когда он мог делать все, что захочет. Его заветной мечтой было принятие программ социального обеспечения и законодательства, направленного на защиту гражданских прав. Это должно было способствовать созданию «Великого общества», в котором не будет бедных и угнетенных. Он хотел войти в историю как великий благодетель, более великий, чем Франклин Делано Рузвельт, и равный по своему величию Линкольну. То, что он не сумел воспользоваться имевшимся шансом освободить администрацию от бесперспективных поисков выхода из затруднительного положения за рубежом, было непоправимой глупостью. Впрочем, это была не только личная глупость президента. Его основные советники, как и он сам, считали, что нападки правых в случае ухода из Вьетнама будут более опасными, чем нападки со стороны левых в случае продолжения конфликта. Уверенный в своих силах, Джонсон полагал, что сможет одновременно решать обе стоявшие перед ним задачи: внутри- и внешнеполитическую.

В докладах из Сайгона сообщалось о продолжавшемся распаде страны, о мятежах и коррупции, об антиамериканских настроениях, о

деятельности буддистов, направленной на принятие статуса нейтрального государства. «Я чувствую себя так, словно нахожусь на палубе „Титаника“», — заявил находившийся в Сайгоне американский чиновник. Эти сигналы Вашингтону отнюдь не подтверждали необходимость предпринимать бесполезные усилия и напрасно тратить время на то, чтобы сократить потери. Скорее они толковались как сигналы о необходимости усилий ради изменения баланса сил и обретения преимущества. Гражданские и военные чиновники соглашались с необходимостью интервенции — в форме воздушной войны, которая должна «вразумить» Север, заставить его отказаться от неудавшегося завоевания. Никто не сомневался, что, обладая недостижимой военной мощью, Соединенные Штаты смогут выполнить эту задачу.

Подобно Кеннеди, Джонсон считал, что потерять Южный Вьетнам — значит потерять Белый дом. Впоследствии ему пришлось признать, что подобное решение сулило деструктивную полемику, которая «подорвала бы мое президентство, погубила бы мою администрацию и нанесла бы ущерб нашей демократии». Потеря Китая, которая привела к возвышению Джо Маккарти, была «дерьмом собачьим по сравнению с тем, что может случиться, если мы потеряем Вьетнам». Впереди прочих окажется Роберт Кеннеди, стенающий на каждом шагу, что президент Джонсон — трус, недостойный слабак и вообще бесхребетный тип. Еще хуже будет то, что едва слабость Соединенных Штатов ощутят в Москве и Пекине, те и другие примутся «расширять свой контроль над вакуумом власти, который мы оставим после себя... и таким образом начнется Третья мировая война». Джонсон был уверен в этом,

«как только вообще может быть в чем-то уверен человек». Но никто не уверен настолько в своих предположениях, как человек, который знает слишком мало.

Гибкой альтернативой, отвечающей пожеланиям избирателей, могли стать курс, намеченный в предложениях У Тана Ханю, и даже использование влияния генсека ООН для создания в Сайгоне правительства (это предлагал еще Кеннеди), которое побудило бы Соединенные Штаты уйти и предоставить Вьетнаму выработать собственный способ урегулирования конфликта. Поскольку это неизбежно привело бы к переходу страны под контроль коммунистов, США отказывались рассматривать такую возможность, хотя данный курс избавил бы Штаты от бремени всепоглощающих забот.

При детальном рассмотрении обнаруживается, что все основания для американской интервенции были весьма невразумительными. Президент получил отрицательный ответ, когда уточнил у ЦРУ, последует ли остальная Юго-Восточная Азия примеру Лаоса и Южного Вьетнама, если те перейдут под контроль коммунистов. Исключением, по мнению ЦРУ, могла бы стать только Камбоджа. «По всей вероятности, ни одна другая страна региона не станет жертвой коммунизма в результате падения Лаоса и Вьетнама». Распространение коммунизма в Юго-Восточной Азии «не является неизбежной перспективой», а американские базы на островах Тихого океана «все еще позволяют нам в достаточной мере использовать свою военную мощь в этом регионе для того, чтобы сдерживать Ханой и

Пекин». И в конечном счете никому не пришлось бы отступить на рубеж Сан-Франциско.

Другой совет давала Межведомственная рабочая группа по Вьетнаму, состоявшая из представителей Госдепартамента, министерства обороны, Объединенного комитета начальников штабов и ЦРУ; после выборов в ноябре эта группа рискнула взять на себя ответственность «реалистически рассмотреть, каковы наши задачи и связанные с их выполнением риски». Эта беспрецедентная инициатива привела к тому, что, после долгого и всестороннего анализа, группа выступила с серьезным предостережением. По ее мнению, Соединенные Штаты не могут гарантировать, что некоммунистический Южный Вьетнам «не взвалит на нас обязательства, связанные с проведением военной операции того или иного масштаба, которая потребуется для того, чтобы разбить Северный Вьетнам, а возможно, и Коммунистический Китай». Такая операция способна привести к серьезному конфликту, а «может быть, даже к применению, на определенном этапе, ядерного оружия».

В то же самое время помощник госсекретаря Джордж Болл, будучи сторонником первостепенной важности Европы и специалистом в области экономики, проявлял скептицизм в отношении всех проблем, связанных с Вьетнамом, и предпринимал серьезные усилия, чтобы не допустить их военного решения. В длинной служебной записке он указывал, что скорее бомбардировки, чем попытки переубедить Север спровоцируют Ханой отправить на Юг новые контингенты наземных войск, которые были наиболее крупным ресурсом Севера, что, по цепочке, потребует развертывания еще большего количества американских сил, необходимых для отпора. Ранее Болл уже говорил,

что, по мнению союзников, Соединенные Штаты «ввязались в бесперспективную борьбу во Вьетнаме, и если она перерастет в наземную войну, это отвлечет Америку от участия в европейских делах. Более всего нам надо опасаться всеобщей утраты веры в рассудительность американцев». Он рекомендовал предупредить Сайгон о том, что Америка может отказаться от участия в конфликте, поскольку военные усилия Южного Вьетнама окончились провалом. Это, вероятно, ускорило бы заключение соглашения с повстанцами, что лично он считал наилучшим из достижимых результатов.

В ходе дискуссии Болл обнаружил, что три высших чиновника администрации — Макджордж Банди, Макнамара и Раск — «решительно настроены» против его точки зрения, их интересует только одно: «как расширить масштабы войны, прежде чем северовьетнамцы будут готовы уйти». Когда его служебная записка была представлена президенту, результат оказался ожидаемым. Джонсон ее просмотрел, попросил Болла пройти по тексту вместе, пункт за пунктом, и вернул записку без каких-либо комментариев.

Почему же все советы ЦРУ, рабочей группы и помощника госсекретаря оказали столь малое воздействие? Давать советы на основе собранных сведений входило в обязанности первых двух, а по Вьетнаму это особенно касалось рабочей группы. Если Джонсон и прочитал доклад (хотелось бы думать, что государственные организации пишут свои доклады не для того, чтобы ими оклеивали стены), он отклонил содержащееся в нем послание. К Боллу же относились как к «собственному адвокату дьявола». На самом деле он был полезен, потому что показывал союзникам: Белый

дом открыт для инакомыслящих. Но с 1954 года в правящих кругах США господствовало мнение, что Хо Ши Мин является агентом мирового коммунизма и в любой момент политика уступок может обернуться «уроком умиротворения», предпринятым для срыва планов Северного Вьетнама взять под контроль всю страну. Считалось, что такой «урок» будет правильным и обоснованным и должен быть преподан. Как могло быть иначе, применительно к государству, которое Джонсон называл «маленькой дрянной страной четвертого разряда»? Несмотря на предостережение рабочей группы, президент, министры и Объединенный комитет начальников штабов были уверены в том, что американская военная мощь сможет заставить Северный Вьетнам отступить и что, действуя осмотрительно, Соединенные Штаты сумеют избежать столкновения с Китаем.

Оказалось, что Ханой тоже может вести себя неблагоприятно. За два дня до американских выборов, словно специально, чтобы спровоцировать враждебные действия, Вьетконг впервые предпринял нападение на американский военный объект: минометному обстрелу подвергся аэродром Бьенхоа. Это была американская учебная база, куда недавно с Филиппин перебросили эскадрилью старых В-57. Эта эскадрилья должна была выполнять учебно-тренировочные задачи и представляла собой весьма привлекательную цель. Шесть самолетов были уничтожены, пятеро американцев убиты, согласно подтвержденным данным, ранены или убиты еще 76 человек. Убежденный в том, что эта атака инициирована Ханоем, генерал Тейлор, тогдашний посол в Сайгоне, по телефону связался с Вашингтоном и обратился с просьбой санкционировать немедленное нанесение

ответного удара. Все находившиеся в столице советники дали свое согласие. Но Джонсон, в преддверии выборов, воздержался. По причине постоянного беспокойства в отношении возможных действий Китая ему, несмотря на доклады о стремительном ухудшении ситуации в Сайгоне, пришлось отложить принятие решения еще на три месяца.

Проявляя осторожность и испытывая колебания, он отправил в Сайгон Макджорджа Банди и Джона Макнотона, помощника министра обороны Макнамары; им поручили выяснить, действительно ли для того, чтобы спасти Юг, необходима военно-воздушная операция. Пока они находились в Южном Вьетнаме, Вьетконг предпринял еще одно нападение: на сей раз были атакованы американские казармы в Плейку, восемь американцев погибли, 108 получили ранения. Сообщалось, что во время осмотра разрушенного объекта Банди возмущался: мол, это нападение заранее продумано, — и позвонил президенту и весьма настойчиво требовал дать санкцию на ответные действия. Трудно установить, звонил ли он Джонсону на самом деле, но, так или иначе, его эмоции не стали решающим фактором. Служебная записка Банди, которую он составил по пути домой вместе с Тейлором и генералом Уильямом Уэстморлендом, заменившим Харкинса, отличалась беспристрастностью и жесткостью суждений. В ней говорилось, что без «проведения Соединенными Штатами новой операции поражение Южного Вьетнама кажется неизбежным... Ставки во Вьетнаме чрезмерно высоки... Международный престиж США подвергается риску... В настоящий момент у нас нет возможности вести за пределами Вьетнама такие переговоры, которые вселяли бы серьезные надежды».

Следовательно, «политика дифференцированных и непрерывных ответных мер», которые планировались, виделась наиболее перспективной. Любые переговоры не следовало считать допустимыми за исключением тех, в основе которых лежало бы прекращение применения силы Вьетконгом.

Вот важнейшие элементы, которые формировали политический курс Соединенных Штатов: высокие ставки политической игры, защита престижа США как первостепенная задача, поэтапная эскалация бомбардировок в качестве стратегического направления действий, нежелательность переговоров до тех пор, пока масштабы карательных мер не ослабят решимость Северного Вьетнама. Впоследствии, объясняя постепенный характер принимавшихся мер, Максвелл Тейлор писал: «Мы хотели, чтобы у Хо Ши Мина и его советников было время поразмышлять о перспективах их разрушенной родины». Источник будущих затруднений увидел в этом Джон Макнотон. Этот бывший профессор права подверг выбранный курс самому тщательному анализу. С предусмотрительностью, которая не слишком обнадеживала, он включил в список целей войны следующий пункт: «Выйти из кризиса, не запятнав себя использованием недопустимых методов».

Уже через несколько часов после нападения на Плейку последовало решение о нанесении удара возмездия. Чтобы засвидетельствовать принятие решения, в Белый дом вызвали лидера сенатского большинства и спикера палаты представителей. Второго марта, после трех недель напряженных дискуссий, началось осуществление рассчитанной на три месяца

операции ВВС по бомбардировке Северного Вьетнама. Эта операция получила название «Раскаты грома».

Обеспокоенность Джонсона тем, что в ходе бомбардировок можно переступить ту незримую черту, за которой кончится терпение русских и китайцев, требовала, чтобы контроль за выполнением операции «Раскаты грома» осуществлялся непосредственно из Белого дома. Каждую неделю Командование вооруженными силами в зоне Тихого океана составляло отчет с перечислением вражеских полевых складов, пакгаузов, складов горючего, ремонтных мастерских и других целей, их описанием, указанием местоположения и расчетным количеством самолетовылетов и направляло его в Вашингтон, где отчет рассматривался в течение недели. Сначала он попадал в Объединенный комитет начальников штабов, потом к Макнамаре, а тот посылал его в Белый дом. Там все данные тщательно изучались на самом высоком уровне. Этим занималась группа, в которую первоначально входили президент, министр обороны, госсекретарь и шеф Совета национальной безопасности, которые собирались каждый вторник во время ленча. Выбранные цели находились за 9000 миль от того места, где совещались люди, которые были загружены решением сотен других проблем, а сделанный ими выбор следовал обратно по тому самому маршруту. Впоследствии каждый пилот докладывал командиру базы о результатах вылета, и после проверки эти сведения переправлялись в Вашингтон. Макнамара всегда был осведомлен лучше других, поскольку поездка из Пентагона в Белый дом давала ему лишних восемь минут на изучение списка целей.

Главным фактором создания обстановки на ленчах по вторникам были панно в столовой второго этажа. На

них были изображены сцены триумфа революционеров в Саратоге и Йорктауне. Всегда мечтавший войти в историю, Джонсон пригласил профессора Генри Граффа из Колумбийского университета посетить несколько совещаний во время ленча по вторникам и взять интервью у членов группы. Увы, итоговый отчет Граффа не стал памятником выдающимся деяниям Джонсона, на что он так надеялся. Согласно его собственным воспоминаниям, которые, возможно, слегка приукрашены, Джонсон не спал ночами, с тревогой размышляя о том, что может привести в действие «тайные договоренности» между Северным Вьетнамом и союзниками последнего. Иногда доходило до того, что в три часа ночи он надевал халат и спускался в оперативный штаб, где на карту, висевшую на стене, наносились результаты воздушных налетов.

Однако опасность большая, чем та, что исходила из Китая, крылась во внутривнутриполитической обстановке в США. В целом, настроения внутри страны, во всяком случае в той мере, в которой им уделялось внимание, свидетельствовали о поддержке войны, но массированные бомбардировки вызвали взрывы недовольства в университетских кампусах. Первый «диспут-семинар» преподавателей и студентов Мичиганского университета состоялся в марте и собрал неожиданно большое число участников — 3000 человек. Вскоре этому примеру последовали университеты обоих побережий. С участниками одного митинга в Вашингтоне поддерживали связь по телефону 122 университетских городка. Более неожиданным, чем сочувствие университетского движения странам Азии, стали рост борьбы за гражданские права и свободу слова и тот энтузиазм, с каким студенты отстаивали другие

радикальные идеи начала 1960-х. Эти группы неожиданно нашли себе новое применение и стали «источниками организующей энергии». В Беркли 26 членов профессорско-преподавательского состава подписали письмо, в котором утверждалось, что «правительство Соединенных Штатов совершает злостное преступление во Вьетнаме». В письме ученые также выражали свой стыд и гнев тем, что «эта кровавая баня творится от нашего имени». Хотя и расколотое междоусобицей соперничавших группировок, протестное движение передало свою яростную энергию (в основном, бессмысленную) оппозиции.

Политики предвидели, что возникнет необходимость в проведении «убедительной пропагандистской кампании», которая будет идти параллельно военным действиям, но результаты этой кампании оказались весьма незначительными. Группы государственных чиновников, умевших выступать перед публикой, были направлены в университеты, где предполагалось устроить дебаты с протестующими. Но их прибытие вызывало еще больше протестов, а сами они стали жертвами студентов, которые задавали им каверзные вопросы. Опубликованная Госдепартаментом Белая книга под названием «Агрессия Севера», которая должна была предъявить в качестве «агрессивной войны» осуществляемое Северным Вьетнамом проникновение на Юг живой силы и вооружений, оказалась малоубедительной. Во всех публичных оправдательных заявлениях президент, госсекретарь и другие ораторы постоянно твердили об «агрессии», «воинствующей агрессии», «вооруженной агрессии» и всегда сравнивали текущее положение с неудачными попытками остановить агрессоров, закончившимися Второй мировой войной;

при этом они постоянно намекали, что во Вьетнаме также имеет место иностранная агрессия. Они так упорно придерживались этого мнения, что иногда открыто его высказывали, как Макнамара, который в 1966 году назвал вьетнамскую войну «наиболее вопиющим случаем внешней агрессии». Возможно, разделение Вьетнама на идеологической почве было вполне реальным и непреодолимым, таким же, как разделение между Югом и Севером во время гражданской войны в Америке, но в последнем случае не сохранилось никаких упоминаний о том, что война Севера против решившего выйти из Союза Юга считалась «внешней агрессией».

К апрелю стало ясно, что «Раскаты грома» не оказывают заметного воздействия на решимость противника. Бомбардировки троп, по которым осуществлялось снабжение в Лаосе, не смогли воспрепятствовать проникновению партизан на Юг. Не было никаких признаков того, что рейды Вьетконга пошли на убыль. Решение о развертывании американских сухопутных сил казалось неотвратимым, тем более что именно это рекомендовал сделать Объединенный комитет начальников штабов. Осознавая всю важность вопроса, политики обсуждали его до полного изнеможения. Самонадеянной уверенности одних другие противопоставляли сомнения и нерешительность, причем ни среди военных, ни среди гражданских не было единого мнения. Решения, принятые в апреле и мае, отличались незаконченностью и опирались на стратегию непрерывных бомбардировок, дополненных боевыми действиями наземных войск. Цель этой стратегии состояла в том, чтобы сломить волю Северного Вьетнама и Вьетконга, «эффективно опровергая их претензии на победу и приближая переговоры посредством ослабления

противника». Считалось, что необходимого ослабления врага можно добиться посредством его полного истощения, то есть уничтожением сил Вьетконга, а не попытками одержать над ними победу. На первом этапе численность войск США, принимающих участие в боевых действиях, должна была составить до 82 тысяч человек.

Седьмого апреля Джонсон, желавший добиться цели не только мечом войны, но и оливковой ветвью мира, выступил с важной речью в Университете Джонса Хопкинса. В своем выступлении он обрисовал перспективы восстановления обширных сельскохозяйственных районов и выполнения программы контроля за поставками продуктов в долину реки Меконг. Предполагалось, что финансовая поддержка Соединенных Штатов составит 1 миллиард долларов и что часть ее получит Северный Вьетнам — после того как признает необходимость заключения мира. Также Джонсон заявил, что США «никогда не уступят инициативу в области поисков... мирного урегулирования» и уже сейчас готовы к «неограниченным какими-либо условиями дискуссиям». Это казалось проявлением открытости и великодушия, но в американском понимании «неограниченными какими-либо условиями» могли быть переговоры в ситуации, когда Север настолько разрушен, что готов идти на уступки. Противопоставленные равно отстаиваемым предварительным условиям другой стороны, эти предложения были фиксированными исходными условиями, которые сводили к нулю все мирные инициативы на протяжении следующих трех лет.

На приманку стоимостью в миллиард долларов никто не клюнул. Отклонив предложение Джонсона, Ханой на следующий же день предъявил свои четыре

предварительных условия: 1) вывод из страны всех вооруженных сил США; 2) обе стороны не заключают никаких союзов с иностранными государствами и не дают разрешения на ввод иностранных войск; 3) принятие Южным Вьетнамом программы НОФ (Национально-освободительного фронта, или Вьетконга); 4) воссоединение страны без внешнего вмешательства. Поскольку пункт 3 содержал именно то требование, которое заставило Южный Вьетнам вести боевые действия и вступить в войну Соединенные Штаты, он, очевидно, и сделал невозможным дальнейшее обсуждение. Идея предоставления международных гарантий локализации конфликта была заблокирована. Созванная маршалом Тито конференция семнадцати неприсоединившихся государств, которая призвала стороны вступить в переговоры, не оказала никакого воздействия. Безрезультатными оказались и попытки канадского представителя Международной контрольной комиссии Дж. Блэра Сиборна установить контакты с Ханоем. Премьер-министрам четырех стран Британского содружества поручили ускорить процесс вступления в переговоры, посетив столицы противоборствующих сторон, но Москва, Пекин и Ханой отказали им во въезде. Спустя несколько месяцев выполнявший ту же миссию дипломатический представитель Великобритании, которому разрешили прибыть в Ханой, обнаружил, что ответная реакция Северного Вьетнама по-прежнему отрицательная.

В мае 1965 года Соединенные Штаты сами предприняли усилия в том же направлении, на время прекратив бомбардировки, что, как надеялись, могло привести к желанию Ханоя тем или иным образом показать свое стремление вступить в переговоры.

Одновременно Дин Раск направил ноту в посольство Северного Вьетнама в Москве. В этой ноте он предлагал взаимное сокращение числа «вооруженных акций». Нота осталась без ответа, и через несколько дней американские бомбардировки возобновились.

Девятого июня Белый дом публично объявил о принятии фатального решения санкционировать «боевую поддержку» Южного Вьетнама американскими наземными силами. Вся пустая болтовня должна была внушить, что это просто усиление активности, а не радикальные изменения в ходе операции. Первая миссия под названием «Найти и уничтожить» состоялась 28 июня. В июле президент объявил об увеличении минимальной численности призывников, а также об отправке еще 50 тысяч военнослужащих с целью довести состав группировки во Вьетнаме до 125 тысяч человек. Дальнейшие меры по усилению группировки привели к тому, что к исходу 1965 года ее численность возросла до 200 тысяч человек. Впоследствии генерал Тейлор объяснял Сенату, что цель эскалации состояла в следующем: наносить «вьетконговским партизанам постоянно возрастающий урон, который они не в состоянии восполнить», и с помощью этой тактики истощения людских ресурсов убедить Север, что он не может одержать военную победу над Югом. «Теоретически, у них к исходу 1966 года, в сущности, не осталось бы обученных войск», и на этом этапе они, вместо того чтобы пойти на переговоры, скорее всего, «просто откажутся от своих вылазок и уйдут восвояси». Именно стремлением достичь этой цели объясняется тот факт, что запредельная численность убитых стала неприятной особенностью вьетнамской войны. По какой-то причине в ходе проведенного Пентагоном

сложного статистического анализа был упущен тот факт, что Север, располагавший регулярной армией численностью свыше 400 тысяч человек, на самом деле мог задействовать любое количество людей, чтобы возместить потери Вьетконга.

Теперь участие США в войне стало свершившимся фактом. Американские солдаты убивали и погибали, американские пилоты прорывались сквозь завесу зенитного огня, а когда сбитые самолеты падали на землю, спасшихся летчиков захватывали, и они становились военнопленными. Война — такая процедура, участие в которой нельзя остановить, не признав свое поражение. Америка угодила в расставленный собственными руками капкан. Только с величайшим трудом и при невероятном везении, поскольку часто обнаруживается, что воюющие стороны не могут отказаться от тщетных попыток достичь своих целей, боевые действия можно завершить, согласившись на компромисс. Поскольку война есть последнее прибежище политики, чреватое разрушениями и смертями, она традиционно сопровождается торжественными оправдательными заявлениями. В Средние века это было заявление о «праведной войне», в наше время это объявление войны (как делают все, за исключением японцев, а те начинают свои войны с внезапного нападения). Какими бы фальшивыми и способными ввести в заблуждение ни были эти оправдания (а обычно такими они и бывают), подобная приверженность букве закона служит для того, чтобы изложить суть дела и автоматически наделить правительство расширенными полномочиями.

Джонсон решил обойтись без объявления войны, во-первых, потому, что в отношении национальной

безопасности ни причины, ни цели этой войны не были достаточно ясны, чтобы служить оправданием; во-вторых, по причине опасений, что объявление войны может спровоцировать Россию или Китай на подобный ответный шаг. Главным же образом он опасался того, что война отвлечет внимание и ресурсы от внутривнутриполитических программ, которые, как он надеялся, впишут его имя в историю. Еще одной причиной решения умалчивать о степени вовлеченности США в конфликт и напускать побольше тумана было опасение взбудоражить многочисленных правых, которые, если объявить об ухудшающемся положении Южного Вьетнама, сразу же потребуют военного вторжения и неограниченных бомбардировок Севера. Джонсон считал, что может вести войну, не уведомляя об этом нацию. Он не просил у Конгресса санкции на объявление войны, поскольку его либо предупредили, либо он сам боялся, что такой санкции ему могут и не дать. Не просил он и о повторном голосовании по резолюции об инциденте в Тонкинском заливе, поскольку опасался, что окажется в затруднительном положении в отсутствие убедительного большинства.

Было бы разумнее пройти это испытание и потребовать от Конгресса взять на себя конституционную ответственность за вступление в войну. Президенту также следовало обратиться с просьбой повысить налоги, чтобы сбалансировать военные расходы и сдержать инфляцию. Он уклонился от этого в надежде, что таким образом ему удастся избежать протестов. В результате его война во Вьетнаме так и не была узаконена. Отказом объявить войну Джонсон способствовал возникновению раскола в обществе и совершил ошибку, ставшую

фатальной для его президентства, поскольку не обеспечил поддержку общества.

Уклонение от объявления войны стало одним из последствий принятия концепции ограниченной войны, разработанной в годы правления Кеннеди. В одном из своих важнейших заявлений того времени Макнамара сказал: «Величайший вклад, который вносит Вьетнам... это развитие способности Соединенных Штатов вести ограниченную войну, вступать в войну, не пробуждая общественный гнев». Он был убежден в том, что «в нашей истории это почти необходимость, ибо это тот вид войны, с которым, по всей вероятности, мы будем сталкиваться на протяжении следующих пятидесяти лет».^[18]

В сущности, ограниченная война есть война, решение вступить в которую принимает президент, «не пробуждая общественный гнев» (имеется в виду отсутствие официального заявления). Это подразумевает отрыв от народа, то есть игнорирование принципа представительного государственного управления. Ограниченная война не лучше, не гуманнее и не праведнее, чем война полномасштабная, вопреки утверждениям ее поборников. Она убивает с той же самой неотвратимостью. К тому же, когда для одной стороны это ограниченная война, а для другой — тотальная, то более чем вероятно, что она окажется безуспешной, как понятно правителям, более привычным к алогичному мышлению. В 1959 году президент Египта

¹⁸ Прочитанное в двух научных работах, это заявление, о котором мистер Макнамара предпочитает не вспоминать, стало определяющим в ходе попыток выявить подтвержденный документами первоисточник. Оно включено в эту книгу, поскольку сейчас налицо сходная политическая обстановка, а последствия могут оказаться столь же серьезными, какими они были тогда.

Насер, которого Сирия и Иордания убеждали начать ограниченную войну против Израиля, ответил, что у него возникнет такое желание, только если его союзники получат от Бен-Гуриона гарантии того, что и тот ограничит масштабы войны. «Будет война ограниченной или нет, зависит от противной стороны».

Тот факт, что Джонсон решился начать войну сразу после окончания выборов, нашел соответствующее отражение в карикатуре Пола Конрада, на которой президент смотрит в зеркало и видит в нем лицо Голдуотера. С этого времени недовольство, главными выразителями которого все еще оставались студенты, экстремисты и пацифисты, постоянно делалось более и более ощутимым. Был сформирован Национальный координационный комитет по прекращению войны во Вьетнаме, который занимался организацией митингов протеста и собрал сорокатысячную толпу на пикет у Белого дома. Стала распространяться практика сжигания призывных повесток. Пример этому подал молодой человек по имени Дэвид Миллер, которого арестовали после того, как он демонстративно сжег свою повестку в присутствии сотрудников ФБР, и который за этот поступок провел два года в тюрьме. Второго ноября 1965 года квакер из Балтимора, следуя ужасному примеру буддийских монахов, сжег себя на ступенях здания Пентагона. Спустя неделю такое же самоубийство было совершено перед зданием ООН. Эти акты казались слишком безумными, чтобы оказать на американскую публику хоть какое-то воздействие, кроме негативного, и в общественном сознании участники антивоенных протестов воспринимались как неприспособленные к нормальной жизни неврастеники.

Инакомыслие отличалось неистовством, но оно было далеко не повсеместным явлением. Выразителем реакционных настроений, которые так отличают членов профсоюзов в Америке от их коллег за рубежом, являлся Совет АФТ-КПП. На промежуточных выборах 1966 года Совет открыто предупредил членов Конгресса, что «тот, кто не оказывает безграничную поддержку нашим вооруженным силам, в сущности, оказывает помощь коммунистическому врагу нашей страны». Рядовые члены профсоюзов разделяли такие настроения. Когда во время выборов 1966 года не разделявший этих взглядов мэр пригорода Детройта, города Дирборн (штат Мичиган), где находились предприятия и офисы компании «Форд мотор», провел в ходе муниципального голосования опрос, предложив поддержать вывод американских войск и прекращение огня, «чтобы вьетнамский народ мог сам урегулировать собственные проблемы», подавляющее большинство проголосовавших высказалось против.

Впрочем, влиятельные лица тоже проявляли инакомыслие. Так, даже Уолтер Липман пожертвовал своими, столь тщательно оберегаемыми сердечными отношениями с президентом ради того, чтобы добиться истины. Отвергая понятие «внешней агрессии» в качестве аргумента, он изрекал следующие прописные истины: никогда не было двух Вьетнамов, есть только «две зоны, на которые разделена одна страна». Он подверг язвительным насмешкам политику глобализма, благодаря которой США, как мировой жандарм, вынуждены разбираться с «бесконечными национально-освободительными войнами». Изменение взглядов Липмана и газеты «Нью-Йорк таймс», которая теперь возражала против более масштабного участия Америки в конфликте, сделало доводы оппозиции более

вескими, тем более что и внутри правительства открыто высказывались сомнения в том, что эту войну можно выиграть с помощью военной силы. Пользувавшийся доверием президента пресс-секретарь Билл Мойерс упорно пытался нанести фланговый удар по «ястребам» из верхнего эшелона правительства. Для этого он сообщал президенту о разочарованности находившихся во Вьетнаме офицеров менее высокого ранга, доверенных лиц и наблюдателей. Сеть информаторов Мойерса, первоначально созданная по просьбе Джонсона для того, чтобы получать сведения о противоположных точках зрения, теперь оказалась слишком неудобной для президента, которому не нравились «диссонансы» и наличие множества разных мнений. У него возникла та же самая проблема, суть которой в момент раскаяния внезапно открылась папе Александру VI, признавшему, что правитель никогда не слышит правду и «заканчивает тем, что не хочет ее слышать». Джонсон желал, чтобы его политику одобряли, а не ставили под сомнение, и когда проблемы приобрели ясные очертания, он старался игнорировать доклады Мойерса.

Советники, которые были обеспокоены неизбежностью эскалации войны, предлагали альтернативные решения. Глава посольства в Сайгоне Максвелл Тейлор, несмотря на свою ответственность за первые шаги в направлении участия в боевых действиях, не поддерживал идею расширения масштабов операции. В начале 1965 года он предложил план «прекращения нашего участия». В плане рекомендовалось вернуться к переговорам в Женеве, используя в качестве «козыря» последовательное сокращение американских войск, «амнистию и гражданские права» для Вьетконга, а также финансируемую Америкой программу развития всего

Индокитая. Этот план был составлен заместителем Тейлора, профессиональным дипломатом Алексисом Джонсоном. Намек на этот план прозвучал в речи, произнесенной в Университете Джонса Хопкинса, но дальше дело не пошло. Затем настала очередь Джорджа Болла, который в своих многочисленных служебных записках убеждал забыть об интересах США в Сайгоне, не дожидаясь, пока гораздо более серьезная катастрофа не оставит никакого выбора. О процессе передачи сведений президенту Гэлбрайт писал: «Непомерные трудности таковы, что он никогда не будет о них читать».

Два глубоко уважаемых президентом человека, сенатор от Джорджии Ричард Рассел и бывший советник Трумэна Кларк Клиффорд, пытались отговорить Джонсона от намеченного политического курса. Что касается Рассела, который в годы сенаторства Джонсона был его коллегой и вплоть до 1969 года являлся председателем не только всесильного Комитета по ассигнованиям Конгресса США, но и Комитета по делам вооруженных сил, многие считали, что он стал бы первым президентом-южанином, если бы, волей случая, его не опередил Джонсон. Хотя в глазах широкой публики Рассел был «ястребом», но в 1964 году именно он в личной беседе с Джонсоном уговаривал того держаться подальше от войны в Азии. Теперь же он предлагал (что было редким примером творческого мышления) провести опрос общественного мнения во вьетнамских городах, предложив ответить, нужна ли Вьетнаму американская помощь; если результаты опроса будут отрицательными, Соединенным Штатам следует уйти. Подтверждение вьетнамским общественным мнением верности американского суждения о том, что это «их» война, — оригинальная идея, которая до того

никому не приходила в голову; но, несмотря на высокий статус ее автора, она, разумеется, была отвергнута.

Быть может, для того, чтобы получить ответ на этот вопрос, надо было всего лишь взглянуть в глаза вьетнамским крестьянам. Один журналист, который освещал войну в Европе, вспоминал улыбки и объятия местных жителей, которые радостно предлагали вино американским солдатам, проходившим по освобожденным районам Италии. Во Вьетнаме, когда американские подразделения проходили мимо стоявших на улицах городков или деревень, вьетнамцы лишь опускали глаза или смотрели в другую сторону; никаких радостных возгласов. «Они просто хотели, чтобы мы убралась домой». В этом налицо признак тщетности попыток «строительства нации». Разве была хоть одна нация построена из-за рубежа?

Клиффорд, влиятельный вашингтонский юрист и человек, близкий к президенту, в личном письме Джонсону предупреждал, что, по оценкам ЦРУ, дальнейшее наращивание сухопутных сил может привести к «бесконечным односторонним затратам... и отсутствию реальной надежды на окончательную победу». Напротив, советовал он, президенту следует опробовать каждый вариант, который может привести к урегулированию. «Это будет не то, чего мы желаем, но мы можем научиться с этим жить». Истинный смысл его предложений и предложений других советников был раскрыт иностранным наблюдателем, выдающимся шведским экономистом Гуннаром Мюрдалем, который в июле 1965 года заявил на страницах «Нью-Йорк таймс»: «Убежденность в том, что эта политика закончится

провалом, повсеместно поддерживается во всех странах за пределами Соединенных Штатов».

Ни одно из сомнений американских советников не было высказано публично и ни одно из них, за исключением мнения Болла, прямо не предлагало вывода американских войск. Напротив, советники рекомендовали остаться во Вьетнаме, но не расширять масштабы войны, и одновременно пытаться вступить в переговоры об урегулировании. Но эти попытки зашли в тупик. Не говоря уже о выполнении заявленных предварительных условий, Ханой не пошел бы ни на какое урегулирование без создания коалиции или какой-либо другой формы компромисса, которая помогла бы ему поглотить Юг; для Соединенных Штатов любой подобный компромисс стал бы признанием того, что Америка потерпела неудачу, но теперь, когда администрация стала заложницей военных, она тем более не могла этого признать. Чтобы выход из войны не привел к утрате доверия к Америке, администрация во что бы то ни стало должна была обеспечить гарантии того, что Южный Вьетнам останется некоммунистическим. Незаметно произошла смена приоритетов, и главной задачей теперь стало не сдерживание коммунизма, а сохранение собственного лица. Макнотон относился к числу тех должностных лиц, которые не могли позволить себе заниматься самообманом, и поэтому свой список целей, преследуемых США в этой войне, он начал с весьма язвительного замечания: «70 % усилий на то, чтобы избежать унижительного падения нашей репутации гаранта».

На этом этапе администрация стала изучать шансы на «выигрыш». Получив конкретную задачу, военные должны обладать уверенностью в том, что смогут ее

выполнить, а для этого они должны верить в свои силы и, что вполне естественно, требовать для достижения поставленной цели все больше и больше людских ресурсов. Их заявления носили позитивный характер, а выдвигаемые ими требования были весьма обширными. Оказавшись перед фактом эскалации войны, Макнамара поинтересовался у председателя Объединенного комитета начальников штабов генерала Уилера, каковы гарантии того, что Соединенные Штаты смогут добиться «триумфа в Южном Вьетнаме, если мы будем делать все, что сможем». На это Уилер ответил, что если «триумф» означает подавление повстанцев и полную зачистку Южного Вьетнама от коммунистов, то для этого потребуется от 750 тысяч до миллиона военнослужащих и до семи лет военных действий. Если под «триумфом» надо понимать необходимость показать Вьетконгу, что он не может одержать победу, то для этого хватит и меньших сил. Не подлежало обсуждению, что национальные интересы служат оправданием использования вооруженных сил в любом количестве. Администрация просто забегала вперед, поскольку не знала, что еще делать. Когда все возможные варианты оказались бесперспективными, политики, вместо того чтобы осмыслить сложившееся положение, решили «поманипулировать рычагами».

Идея Джонсона состояла в том, чтобы воевать и одновременно вести переговоры. Сложнее всего было заставить Северный Вьетнам уйти из Южного Вьетнама (а именно это было главной целью), не переступая рамки ограниченной войны, — то есть совершить невозможное. У Севера не имелось намерений идти на какие-либо уступки некоммунистическому Югу, пойти на такие уступки его можно было вынудить, лишь одержав

военную победу. Такую победу Соединенные Штаты не могли одержать без начала полномасштабной войны и вторжения в страну, что было нежелательно. Поэтому цель, которой Америка пыталась достичь в ходе этой войны, была заведомо недостижимой. Некоторые политики это осознавали, но никаких мер так и не было принято, ибо никто не хотел признавать, что Америка потерпела неудачу. Сторонники активных действий, наверное, полагали, что бомбардировки приведут к успеху; у скептиков, вероятно, оставалась смутная надежда, что подвернется какое-нибудь «иное» решение проблемы.

К неудовольствию президента, внезапная смерть скончавшегося в Лондоне Эдлая Стивенсона пролила свет на обстоятельства категорического отказа от посредничества У Тана. Эрик Севарид, сообщивший о том, что именно Стивенсон рассказал ему перед самой кончиной, впервые предал огласке тот факт, что на самом деле Ханой согласился на встречу, предложенную У Таном, тогда как совсем недавно Джонсон заявил на пресс-конференции об отсутствии «малейшего признака» заинтересованности противоположной стороны в проведении этой встречи. В связи с этим «Сент-Луис пост диспэтч» вспомнила, что за год до вступления Америки в активную фазу военных действий Джонсон (или его представитель из Белого дома) не менее семи раз заявил, что Соединенные Штаты не стремятся вести более масштабную войну. Это соответствующим образом ослабило доверие к президенту.

Помимо истории, рассказанной Стивенсоном, стало известно и о провале еще одной мирной инициативы. По просьбе Соединенных Штатов министр иностранных дел Италии Аминторе Фанфани, затем представлявший эту

страну в ООН, устроил двум итальянским профессорам, один из которых прежде был знаком с Хо Ши Мином, поездку в Ханой. Столкнувшись с «сильным желанием найти мирное решение», они, как Фанфани написал Джонсону, также сообщили, что условия Хо Ши Мина, помимо четырех пунктов, о которых уже было объявлено, включают в себя прекращение огня на всей территории Севера и Юга. Но лидер Северного Вьетнама согласился начать переговоры, не требуя предварительного вывода американских войск. Поскольку прекращение огня означало, что северовьетнамские подразделения останутся на территории Юга, оно было неприемлемым для США, но Раск обосновал отказ Америки сведениями об отсутствии у Ханоя «подлинного желания вести переговоры без предварительных условий». Информация об этом эпизоде просочилась в прессу, как обычно бывает, когда кто-то хочет придать какому-либо факту широкую огласку.

Выведенный из себя тем, что его выставили как лицо, не заинтересованное в мире, президент распорядился прекратить бомбардировки на время Рождественских праздников и развернул бурную миротворческую деятельность. Подобно почтовым голубям, чиновники совершали полеты в столицы Запада и Востока, создавая видимость поисков путей к переговорам. Так, Гарриман совершил кругосветное путешествие, посетив Варшаву, Дели, Тегеран, Каир, Бангкок, Австралию, Лаос и Сайгон; преемник Стивенсона в ООН Артур Голдберг побывал в Риме, Париже и Лондоне; Макджордж Банди нанес визит в Оттаву; вице-президент Губерт Хамфри посетил Токио, а два помощника госсекретаря отправились с визитами в Мехико и столицы африканских государств. Из этой

показухи ничего не вышло, за исключением того, что она способствовала усилению давления на Джонсона с целью заставить президента продлить срок прекращения бомбардировок. Срок продлили еще на 37 дней, что, как было объявлено, преследовало цель удостовериться, что у Ханоя есть желание вести переговоры. Но все было тщетно. Ханой, который постоянно помнил о своей главной цели, мало чего мог ожидать от переговоров.

Несмотря на то что бомбардировки возобновились и война стала приобретать все более жестокий характер, поиски путей урегулирования продолжались. Казалось, что начавшиеся в середине 1966 года переговоры в Варшаве с польскими посредниками идут успешно, но в решающий момент американские воздушные удары, целями которых впервые стали объекты, расположенные в Ханое и вокруг города, привели к одностороннему выходу Северного Вьетнама из переговорного процесса. Этот эпизод показал, что ни одна из сторон, в сущности, не желает, чтобы переговоры были успешными. С характерной для него беспощадной точностью Макнотон определил, какая дилемма стоит перед Соединенными Штатами: стремление одержать победу может привести к достижению компромисса, но стремление достичь компромисса может привести только к поражению, потому что «снижение приоритетов с победы до компромисса... позволит ДРВ (Северному Вьетнаму) почувствовать запах крови».

Война приобретала все более омерзительный характер: тела, обожженные напалмом, поля и леса, обработанные дефолиантами, военнопленные, подвергающиеся пыткам, постоянно растущие списки потерь... Она также становилась все более дорогой и теперь стоила 2 миллиарда долларов в месяц. Вследствие

продолжавшейся эскалации войны численность американских войск во Вьетнаме в апреле 1966 года достигла 245 тысяч человек, и в Конгресс направили запрос о выделении 12 миллиардов долларов на дополнительные военные расходы. Прибытие американских войск на поле боя приостановило успешное наступление Вьетконга, целью которого было взятие под контроль всей страны. Сообщалось, что повстанцы бросают свои базы, поскольку они вынуждены постоянно находиться в движении, и теперь, вследствие падения морального духа и дезертирства, им труднее перегруппироваться. По американским подсчетам, их потери и потери северовьетнамских подразделений постоянно росли; допросы пленных показывали, что противник утратил боевой дух; казалось, американцы близки к достижению заветной цели.

Платой за успех стало подтверждение того, что французы по праву называли вьетнамскую войну «мерзкой». Стремясь истощить силы противника, Уэстморленд рассредоточил свои подразделения, сделал их приманкой, которая должна была спровоцировать атаку противника и позволить американской артиллерии и авиации нанести мощный удар и сокрушить врага. Операции типа «найти и уничтожить» выполнялись с помощью танков и авиации, которая применяла обстрелы с бреющего полета и сброс дефолиантов. Так уничтожались деревни и посева, а лишенные всего беженцы, которые жили в разбросанных вдоль побережья, словно гнойники, лагерях, испытывали все больше и больше ненависти к американцам. Стратегия бомбардировок также ставила целью истощение противника голодом. С этой целью уничтожались плотины, оросительные каналы и сельскохозяйственные

средства. Сбросом дефолиантов можно было за 3–5 дней уничтожить 300 акров рисовых полей, а за 5–6 недель оголить такой же участок джунглей. Применение напалма, равнозначное терроризму на государственном уровне, фактически уничтожило нравственные устои тех, кому достаточно было нажать на кнопку, чтобы увидеть, как «хижины взлетают вверх в пузырях оранжевого пламени». В Штаты поступали сообщения о применяемых американцами методах ведения войны. Эти отчеты составляли корреспонденты, которые находились в постоянном противоборстве с военными. Американцы, которые давно забыли о реалиях войны, теперь увидели и раненых, и лишившихся крова, и расплавленную плоть сгоревших детей, страдания которым причинили такие же, как они сами, люди. Когда даже журнал «Лейдиз хоум джорнал» опубликовал фотографии жертв напалма, от надежды Макнотона «ничем не запятнать себя» не осталось и следа.

Набирала обороты взаимная жестокость обеих сторон. Террористические методы Вьетконга заключались в применении ракет, обстрелах деревень, использовании мин-ловушек, похищениях и массовых убийствах. Не ограниченные какими-либо рамками, диверсии тщательно планировались для того, чтобы создать атмосферу постоянной опасности и продемонстрировать отсутствие какой-либо защиты со стороны сайгонских властей. Хотя американская военная интервенция помешала повстанцам одержать победу, она не приблизила их поражение. Успехи были обманчивыми. Когда равновесие становилось шатким, Россия и Китай увеличивали поставки в Северный Вьетнам, тем самым пополняя его силы. Низкий боевой дух, выявленный в ходе допросов пленных, оказался неправильным

истолкованием характерного для Востока стоицизма и фатализма. Предполагалось, что короткий, в течение года, срок службы в американских вооруженных силах не будет вызывать недовольства военнослужащих, но этот срок не давал времени привыкнуть к необычным методам ведения войны в джунглях, что вело к увеличению потерь, поскольку именно в первые месяцы службы этот показатель всегда самый высокий. Адаптация никогда не проходила в нормальных условиях. В основе американской тактики ведения боевых действий лежало применение крупных войсковых формирований, пользующихся преимуществом мобильности, а также нанесение ударов по промышленным целям с использованием авиации. Как только американская военная машина пришла в движение, ее уже нельзя было настроить на ведение войны, в которой отсутствуют эти элементы. Американский образ мысли привык полагаться на превосходящую военную мощь, но танк не может воевать с осами.

Обеспокоенность вызывали и не только чисто военные проблемы. Программа «умиротворения» представляла собой попытку американцев укрепить в интересах демократии социальную и политическую структуру Южного Вьетнама. Она предполагала создание в Сайгоне атмосферы уверенности и стабилизацию положения в стране. Но в смысле сотрудничества от сменявших друг друга правительств было мало пользы. Во главе этих правительств стояли генералы Кхань, Ки и Тхьеу, и каждого возмущало покровительство США, от которого они зависели. Мало пользы было и от массового присутствия белых технических специалистов, призванных «завоевывать сердца и души» (Winning Hearts And Minds — сокращенно WHAM) местных

жителей. Эта программа, проводниками которой были находившиеся в стране американские специалисты, не смогла выполнить поставленных задач, несмотря на все усилия Вашингтона. Более того, в некоторых секторах экономики оформилось негативное отношение к сайгонскому режиму и к Соединенным Штатам. Явно набирала силу оппозиция правлению генералов, которая требовала передачи власти гражданским лицам и принятия конституции. Возродилось антиправительственное движение буддистов, которое снова перешло к открытым столкновениям с войсками сайгонского режима. В древней столице страны, городе Хюэ, демонстранты разграбили и сожгли американское консульство и культурный центр.

Менялись настроения и в самих Соединенных Штатах. Когда после рождественской приостановки бомбардировки возобновились, был отмечен заметный рост антивоенных настроений. Члены Конгресса, которых Максвелл Тейлор, вернувшийся в США после пребывания в должности посла в Сайгоне и выступивший перед ними с краткой речью, счел «на удивление терпеливыми и снисходительными», тоже не оставались в стороне, демонстрируя инакомыслие. Во время приостановки бомбардировок 77 членов палаты представителей, главным образом демократы, убеждали президента в необходимости продлить паузу и препоручить улаживание конфликта ООН. Когда бомбардировки возобновились, пятнадцать сенаторов, все демократы, обнародовали письмо президенту, в котором высказались против возобновления воздушных ударов. Когда сенатор Морс в качестве поправки к законопроекту об ассигнованиях Вьетнаму предложил отменить Тонкинскую резолюцию, три сенатора (Фулбрайт, Юджин

Маккарти из Миннесоты и Стивен Янг из Огайо) присоединились к Морсу и Грюнингу. Но предложение было отклонено девятью двумя голосами против пяти.

Пусть и не так громко, но голос оппозиции звучал и внутри собственной партии президента. Оппозиционеры положили начало «мирному» блоку, который на протяжении войны будет раскалывать партию, но они не играли лидирующей роли ни в палате представителей, ни в Сенате, необходимой для того, чтобы противостоять большинству.

В поддержку политики президента высказывалось — пусть с минимальным преимуществом голосов — большинство конгрессменов, однако недовольство было глубже, чем можно было судить по итогам голосования. Конгресс продолжал покорно голосовать за ассигнования, потому что большинство его членов не могли заставить себя идти против политики администрации в тот момент, когда альтернативой было признание неудачи. Более того, многие из них были добровольными пленниками гиганта, которого Эйзенхауэр обозначил как ВПК — военно-промышленный комплекс. ВПК финансировался за счет оборонных контрактов, заключению которых способствовали более трехсот лоббистов, поддерживаемых представителями Пентагона в Конгрессе. Военные оплачивали VIP-туры, устраивали роскошные обеды, преподносили подарки в виде кинопроекторов, дорогих акустических систем, самолетов, спортивных тренажеров и предоставляли различные льготы членам Конгресса, в особенности председателям наиболее влиятельных комитетов обеих палат. Четверть конгрессменов имела воинские звания и числилась в резерве. Если конгрессмен выступал с критикой военных закупок, то его могли обвинить в

подрыве национальной безопасности. В 1965 году, во время 89-го заседания Конгресса, самоуверенный лидер вице-президент Губерт Хамфри дал новым конгрессменам следующий совет: «Если вы испытываете сильное желание встать и выступить с нападками на политику в отношении Вьетнама, лучше этого не делайте». После второго или третьего срока, говорил он, можно позволить себе быть независимыми, «но если вы хотите вернуться на свое место в 67-м, не делайте этого сейчас».

То, что Фулбрайт проголосовал за поправку Морса, свидетельствовало о его открытом разрыве с Джонсоном. Он чувствовал себя обманутым, поскольку, несмотря на все заверения Джонсона, страну втянули в активные боевые действия, и однажды ему пришлось признать, что он более всего в жизни сожалеет о той роли, которую сыграл в принятии Тонкинской резолюции. Теперь, в январе — феврале 1966 года, он организовал транслировавшиеся по телевидению шестидневные слушания в сенатском Комитете по международным отношениям. Это была первая серьезная публичная дискуссия на официальном уровне, посвященная американской интервенции во Вьетнаме. В то время не в полной мере оценили сам факт этой дискуссии и то, что в ней затронули такие фундаментальные проблемы как неоправданные «обязательства», национальные интересы, диспропорция между усилиями и интересами, а также зарождающееся осознание того, что Америка сама себя разоблачает. Госсекретарь Раск и генерал Тейлор выдвигали убедительные доводы в пользу администрации; посол Джордж Кеннан, генерал Джеймс М. Гейвин, сам Фулбрайт и еще несколько человек выступали от лица недовольных.

Госсекретарь Раск, как всегда, настаивал на том, что Соединенные Штаты несут «ясные и прямые обязательства» по обеспечению защиты Южного Вьетнама от «внешнего нападения», следуя уставу СЕАТО и содержанию письма, которое Эйзенхауэр направил Дьему; все это превращает вмешательство в конфликт в «наш непреложный долг». С характерной для истинно верующего изобретательной риторикой он утверждал, что «незыблемость наших обязательств абсолютно необходима для защиты мира во всем мире». Сенатор Морс обрушился на эти обязательства с резкой критикой, приведя в качестве аргумента слова Эйзенхауэра о том, что он «никогда не давал согласия на какие-либо односторонние обязательства перед правительством Южного Вьетнама». Тогда Раск отступил на запасную позицию и стал утверждать, что Соединенные Штаты «уполномочены» СЕАТО вмешаться в конфликт и что эти обязательства являются следствием политических заявлений последующих президентов и подкреплены ассигнованиями, за которые проголосовал Конгресс. Отвечая на вопросы, генерал Тейлор признал, что касательно применения наземных войск «взятые нами обязательства, разумеется, стали выполняться только весной 1965 года».

Относительно соблюдения национальных интересов Тейлор утверждал, что Соединенные Штаты «кровно заинтересованы» в этой войне, хотя и не определил, в чем именно состоит этот интерес. Он заявил, что коммунистические лидеры в своем стремлении завоевать Южный Вьетнам надеялись ухудшить позиции США в Азии и доказать эффективность ведения национально-освободительных войн, заставив Соединенные Штаты признать свою «обреченность на

поражение». Фулбрайту пришлось поинтересоваться, не считает ли Тейлор, что война за независимость Америки не была национально-освободительной войной?

У генерала Гейвина попытались выяснить, стоит ли Вьетнам вложенных в него сил и средств, учитывая необходимость выполнять обязательства, взятые Америкой в отношении множества других стран. Он ответил, что «мы одержимы» собственной идеей и что предполагаемая численность войск в полмиллиона человек, «снижающая наши возможности в других местах», означает, что администрация утратила чувство меры. Южный Вьетнам попросту не имеет такого значения.

Выдвинутые противниками войны обвинения в «слабости» и отсутствии воли (сегодня реанимируемые ревизионистами 1980-х) кратко затронул генерал Тейлор, напомнивший о том, что французское общественное мнение отвергло войну, поскольку та продемонстрировала собственную «слабость». На это сенатор Морс заметил, что «пройдет слишком много времени, прежде чем американский народ отречется от нашей войны в Юго-Восточной Азии», подобно французам, и не будет ли это проявлением «слабости»?

Весьма разумно рассуждая, посол Кеннан поставил на повестку дня вопрос о саморазоблачении. Он заявил, что успех в этой войне не имеет никакого смысла, даже будь он достижим. Причина в уроне, который наносит картина того, как Америка причиняет «серьезный ущерб, ломая жизни бедных и беспомощных людей, в особенности людей другой расы и с другим цветом кожи... Это зрелище вызывает ответную реакцию миллионов во всем мире, что чрезвычайно вредно для

того образа, с которым, как мы хотели бы, они связывают свои представления о нашей стране». Большое уважение можно заслужить «твердым и мужественным искоренением ошибочных позиций», а не упорно их отстаивая. Он привел изречение президента Джона Куинси Адамса о том, что где бы в мире ни распустился цветок свободы, «там будет сердце Америки... но ей не надо искать за границей чудовищ, которых следует уничтожать». Под преследованием чудовищ Кеннан понимал бесконечные войны, в которых «фундаментальная аксиома американской политики незаметно будет переходить от свободы к силе». Более горькой правды на этих слушаниях не прозвучало.

Несмотря на все эти высказывания, слушания Фулбрайта не стали прелюдией к реальным действиям, единственным из которых могло быть только голосование против выделения ассигнований — или хотя бы вдумчивое исследование текущей американской политики. Вопрос о долгосрочных последствиях «президентской войны» был сформулирован только после этих слушаний, в преамбуле Фулбрайта к одной из опубликованных в печати версий. Причиной молчаливого согласия на «президентскую войну», писал он, была убежденность, что правительство обладает секретными сведениями, которые дают ему особое понимание того, как следует строить политику. И дело не только в том, что подобная позиция вызывает сомнения, но и в том, что главные политические решения принимались, «исходя не из доступных фактов, а из досужих суждений», причем по своей глубине суждения политиков мало чем отличались от суждений любого здравомыслящего гражданина. Конгресс и граждане могут судить о том, «отвечает ли их общим интересам,

как интересам нации, массированное перераспределение и уничтожение людских и материальных ресурсов».

Хотя Фулбрайт выявил основные проблемы войны, он все же был преподавателем, а не лидером и сам оказался не готов отдать свой голос «против», когда от него многое зависело. Когда через месяц после слушаний Сенат санкционировал выделение 4,8 миллиарда долларов из резервных фондов на войну во Вьетнаме, против этого законопроекта проголосовали всего два честных оппозиционера — Морс и Грюнинг. Фулбрайт проголосовал заодно с большинством.

Как раз в это время мнение о том, что правительство знает ситуацию как нельзя лучше, высказал губернатор Нельсон Рокфеллер, который после возобновления бомбардировок сделал следующее заявление: «Все мы должны оказать президенту поддержку. Он является тем человеком, который обладает всей полнотой информации и всеми знаниями о том, с какими трудностями нам предстоит столкнуться». Это весьма удобная позиция, которая освобождает от необходимости отстаивать собственную точку зрения. Обычно она является непродуктивной, особенно в международных делах. После двух десятилетий исследований Гуннар Мюрдаль пришел к выводу, что «обычно иррациональная мотивация оказывает гораздо большее влияние на решения в области внешней политики», чем на внутривнутриполитические решения.

Результаты проведенных после Второй мировой войны исследований экономистов и специалистов в других областях знания показали, что стратегические бомбардировки на европейском театре военных действий (в отличие от тактических бомбардировок при

взаимодействии с наземными войсками) не приносили желаемых или ожидаемых результатов. Они не смогли серьезно ослабить физические возможности Германии сражаться и не заставили ее раньше времени пойти на уступки. Эти исследования выявили чрезвычайную быстроту восстановления разрушений и отсутствие какого-либо падения морального духа. На самом деле бомбардировки смогли поднять моральный дух. В марте 1966 года, когда операция «Раскаты грома», на осуществление которой первоначально отводились три месяца, продолжалась уже более года и явно не «сломила волю» противника, группа известных ученых Массачусетского технологического института и Гарварда, среди которых были и те, кто проводил упомянутые исследования, предложила объективно оценить результаты бомбардировок Вьетнама. Получив заказ от Института исследований в области обороны, группа под кодовым названием «Язон», состоявшая из 47 специалистов различных научных дисциплин, в течение десяти дней проходила инструктаж в министерстве обороны, Госдепартаменте, ЦРУ и Белом доме. За этим последовали два месяца технических исследований. Группа пришла к заключению, что воздействие бомбардировок на волю Северного Вьетнама сражаться и на оценку Ханоем стоимости продолжения войны «не проявилось сколько-нибудь заметным образом». Бомбардировки не привели к серьезным затруднениям в сфере коммуникаций, транспорта и экономики в целом и не понизили моральный дух вьетнамцев. Исследователи не обнаружили никаких оснований для заключения, что «в этих аспектах косвенное карательное воздействие бомбардировок окажется решающим».

По мнению группы «Язон», главной причиной относительной неэффективности воздушного наступления являлось «отсутствие достойных целей». В итогах исследования делался вывод, что «прямая фронтальная атака на общество» имеет тенденцию укреплять структуру этого общества, усиливает решимость народа, способствует созданию защитных средств и расширяет возможности ремонта. Реакция вьетнамского общества оказалась вполне предсказуемой, такой же, как в Германии и в Британии (в последней, как известно, результатом германских бомбардировок стало повышение морального духа и укрепление решимости населения).

В качестве альтернативы бомбардировкам группа «Язон» рекомендовала создание «защитного» барьера протяженностью около 160 миль, проходящего через Вьетнам и Лаос. В исследовании было представлено полное техническое описание этого барьера — с минными полями, стенами, рвами и опорными пунктами, защищенными колючей проволокой под электрическим током и полосами обработанной дефолиантами земли, прилегающими с обеих сторон. Расчетная стоимость всех сооружений составляла 800 миллионов долларов. При этом не было никакой уверенности, что данная система окажется работоспособной. Поднятый на смех старшими офицерами ВВС из Командования вооруженными силами в зоне Тихого океана, которые не собирались передавать свои функции альтернативному проекту, этот план так и не был опробован.

Как и любой другой «диссонирующий» советник, группа «Язон» словно натолкнулась на каменную стену. Стратегия осталась неизменной, поскольку ВВС, которые беспокоились о своей роли в войнах будущего, не могли

признать, что воздушная мощь может быть неэффективной. Командование вооруженными силами в зоне Тихого океана продолжало повышать интенсивность карательных бомбардировок, поставив целью достичь такого уровня страданий, который соответствовал бы принципам «стрессовой теории» поведения человека: Ханой следовало отреагировать на «стресс» прекращением действий, которые его вызвали. «Мы ожидали, что они отреагируют как здравомыслящие люди», — впоследствии заметил один из чиновников министерства обороны. К концу 1966 года годовой показатель общего веса сброшенных бомб достиг 500 тысяч тонн, что превысило вес бомб, сброшенных на Японию во время Второй мировой войны. Однако вместо того, чтобы проявить благоразумие, Ханой ответил чисто по-человечески: возмущением и вызывающим поведением, как британцы во время германских массированных бомбардировок (и как, несомненно, поступили бы сами американцы, примись кто-нибудь их бомбить). Воздушные налеты отнюдь не заставили усмиренного противника сесть за стол переговоров, они сделали его еще более непреклонным: теперь северовьетнамцы настаивали на прекращении бомбардировок как на обязательном предварительном условии ведения переговоров.

Тем не менее через Честера Роннинга из Канады и других посредников в Ханой продолжали передавать мирные предложения, поскольку к этому времени все заинтересованные стороны желали окончания войны — каждая на своих условиях, которые по-прежнему противоречили условиям других сторон. Когда Вашингтон через своих доверенных лиц, посетивших Ханой, узнал, что там готовы вступить в переговоры, если

бомбардировки прекратятся, в администрации заключили, что бомбардировки наносят ущерб, а значит, чтобы достичь желаемого результата, их интенсивность следует повысить. Это, естественно, привело к еще большей непримиримости Ханоя.

В этой непробиваемой стене специалисты группы «Язон» обнаружили одно весьма слабое место. Их открытие подтвердило сомнения, которые начинали беспокоить Макнамару. Его специалисты по системному анализу из министерства обороны пришли к заключению, что военные выгоды не стоят экономических затрат. Хотя он и не делал никаких публичных заявлений по этому вопросу, но его высказывания в частных беседах показывают, что он начинал осознавать всю тщетность предпринимаемых усилий. Считая, как он написал президенту, что прогноз в пользу «удовлетворительного решения» плохо соответствует реальности, Макнамара высказался в пользу строительства защитного барьера как замены бомбардировкам, а также за дальнейшее увеличение численности сухопутных войск. Но он не смог донести свою точку зрения до руководства страны.

В других государственных структурах также нарастало чувство безысходности, которое стало причиной исхода чиновников. Но лишь немногие подали в отставку; большинство лишилось постов в результате хитроумных махинаций президента, который, несмотря на то, что сам испытывал дурные предчувствия, не приветствовал, когда другие публично высказывали подобные мысли и даже просто их не скрывали. В 1964 году Хилсмен был отстранен от своей должности в Госдепартаменте, в 1965 году из аппарата Белого дома изгнали Форрестола, в начале 1966 года Макджорджа Банди вывели из состава Совета национальной

безопасности. За его уходом последовали добровольные отставки Джорджа Болла и Билла Мойерса, в сентябре и декабре 1966 года соответственно. Все без исключения ушли со своих постов, не поднимая шума, и ни один из этих молчаливых лаокоонов не заявил во всеуслышание о своем мнении; никто тогда и не внял их предостережениям и не узнал об их несогласии.

Безмолвный уход членов правительства — весьма важная деталь. Высказать собственное мнение даже после ухода значит навсегда оказаться не у дел; проявление нелояльности делает невозможным возвращение на прежний уровень. Теми же причинами объясняется и нежелание уходить в отставку. Чиновник всегда может убедить себя в том, что, оставаясь на посту, он будет испытывать большее давление и в этом случае не станет высказывать несогласие, чтобы не разорвать связи с властью. В Соединенных Штатах институт президентства, с полномочиями назначать на должности в исполнительной ветви власти, оказывает подавляющее воздействие на систему управления. Советникам трудно сказать «нет» президенту или оспорить его политический курс, поскольку они знают, что их статус и то, пригласят их или нет на очередное совещание в Белом доме, зависят от того, будут ли они действовать в согласии с президентом. Если они являются членами кабинета министров, американская политическая система не предусматривает места в парламенте, куда можно вернуться после отставки и сохранить за собой право голоса в государственной политике.

Только Раск оставался непреклонным, как скала. Если у него и были сомнения, то он, как образцовый государственный чиновник, смог убедить себя, что

американская политика является правильной, и постоянно повторял, что, независимо от всех прочих соображений, «мы не должны забывать о нашей первоначальной цели, о сохранении Южного Вьетнама как некоммунистического государства». Отдавая дань его непреклонности, кто-то из сотрудников его же ведомства нацарапал на внутренней стене телефонной будки следующее: «Дин Раск, смени пластинку». Сменивший Банди Уолт Росту, который с 1965 года предрекал неминуемый крах Вьетконга, также оставался ярким сторонником продолжения войны. Правда, президент Джонсон не испытывал такого энтузиазма. Однажды, когда его спросили, как долго может продолжаться война, он ответил: «Кто знает, как долго, и во что она обойдется? Важно ответить на вопрос, правы мы или нет?» Задаваться этим сомнительным вопросом, надеясь получить на него ответ, оправдывающий гибель людей и опустошения, которые несет война, было неблагоприятно — по отношению к обществу, к собственному президентству и к истории.

По причине призыва на военную службу, необходимого для постоянного наращивания темпа боевых действий, война напрямую затронула самые широкие слои американского общества. В середине 1966 года Пентагон объявил, что численность войск во Вьетнаме к концу года должна достичь 375 тысяч человек, а за первые шесть месяцев следующего года увеличится еще на 50 тысяч. К середине 1967 года количество военнослужащих достигло 463 тысяч человек, причем Уэстморленд просил еще 70 тысяч, чтобы общая численность подразделений превысила 525 тысяч человек, каковую цифру он считал «необходимым минимумом». Джонсон заявил, что «потребности и

просьбы главнокомандующего (вооруженными силами во Вьетнаме) будут удовлетворены». Эта война не привлекала молодых людей, которые попадали под призыв, особенно тех из них, кто считал ее подлой и бесславной. Каждый, кто мог, пользовался освобождением от призыва на время получения высшего образования, тогда как менее обеспеченным приходилось надевать форму. Неравный призыв стал первым пороком Вьетнамской войны, с которым мы столкнулись у себя дома. Призванный понизить степень общественного недовольства, он оказался причиной раскола и расхождения во мнениях в американском обществе.

Люди собирались на митинги общественного протеста, проводили демонстрации в студенческих городках, а антивоенные марши приобретали все более радикальный характер и сопровождались насилием. На этих маршах размахивали флагами Северного Вьетнама и выкрикивали лозунги в честь Хо Ши Мина. Огромная толпа набросилась на солдат в полевой форме, стоявших на лестнице у входа в Пентагон. Протестующих арестовали, некоторых женщин избили. При этом, поскольку в общественном сознании протест ассоциировался с наркотиками, длинными волосами и контркультурой того десятилетия, то он скорее замедлял, чем стимулировал всеобщее недовольство. По данным одного опроса, широкая публика воспринимала антивоенные демонстрации как «подстрекающие коммунистов сражаться еще более ожесточенно». Уклонение от призыва и сжигание американского флага приводили в ярость патриотов. Тем не менее возрастало чувство дискомфорта, вызванное восприятием этой войны как жестокой и безнравственной. Бомбардировки расположенной в Азии небольшой аграрной страны,

независимо от того, коммунистическая она или нет, нельзя было считать крайней необходимостью. Сообщения, поступавшие в «Нью-Йорк таймс» от Харрисона Солсбери, очевидца авиаударов по гражданским объектам Ханоя (эти факты сначала отвергались, а потом были признаны ВВС), вызвали волну возмущения. Данные социологических исследований показывали, что из-за выбранных методов ведения войны рейтинг Джонсона опускается до отрицательных значений; впоследствии ему так и не удалось снова получить поддержку большинства. Сообщения о военнопленных, которых мимоходом сбрасывали с вертолетов, и о других случаях проявления крайней жестокости показали американцам, что их страну тоже можно обвинить в зверствах. Бесчестное поведение Америки за рубежом заставило наших ближайших союзников, Британию, Канаду и Францию, начать относиться к нам с недоверием.

Считается, что война приводит к сплочению народа, но война, которая вызывает неодобрение, например война на Филиппинах 1900 года или Англо-бурская война, ведет к еще более глубокому разобщению нации. Когда «новые левые» и прочие радикалы сделали более агрессивными и неразборчивыми в средствах, они углубили пропасть между собой и уважаемым средним классом и навлекли на себя ненависть профсоюзов и «желтых касок» (рабочей элиты). Как долго мы можем выдержать этот «духовный разлад»? — такой вопрос задавал в 1967 году Рейсшауэр в своей книге «После Вьетнама». Для некоторых образ собственной страны утратил всякую привлекательность. Национальный совет церквей заявил, что Америку «представляют как преимущественно страну белых,

которая использует свою подавляющую мощь, чтобы уничтожить побольше азиатов». Мартин Лютер Кинг (младший) сказал, что больше не может упрекать в актах насилия собственный народ, не осудив «крупнейшего в мире проводника насилия, которым сегодня является мое собственное правительство».

Это признание вселяло ужас. Новое и неожиданное восприятие самих себя как «плохих парней» в разделенном на два полюса мире и понимание того, что проводником насилия является «мое собственное правительство», свидетельствовали об эволюции сознания, грозившей самыми серьезными последствиями. Первым признаком серьезного недоверия правительству и даже отвращения, которое оно вызывало, стало нежелание голосовать. «Вы проголосовали в 1964-м и получили Джонсона — к чему теперь беспокоиться?» — гласила надпись на транспаранте во время антивоенного митинга в Нью-Йорке. В Стэнфордском университете вице-президента Хамфри забросали нелюбезными вопросами. «Ухудшение состояния каждой формы государственного правления начинается с разрушения принципов, на которых она была основана», — еще в XVIII веке написал Монтескье в своей книге «О духе законов».

В самих Соединенных Штатах сообщения администрации о войне воспринимались все с меньшим доверием, причем в значительной степени в этом были повинны военные. Когда-то им внушили, что обман необходим для введения в заблуждение противника, и теперь они по привычке вводили в заблуждение всех подряд. Каждый род войск и высшее командование манипулировали новостями либо в интересах «национальной безопасности», либо чтобы

«подрихтовать» свой не очень привлекательный образ, либо с целью выиграть очередной раунд постоянного соперничества между родами войск, либо ради того, чтобы скрыть допущенные ошибки, либо чтобы приукрасить заслуги того или иного военачальника. В условиях, когда разгневанная пресса страстно желала разоблачений, общество не оставалось, как часто бывало, в полном неведении относительно совершенно неубедительных измышлений, лежавших в основе этих жульнических коммюнике.

Инакомыслие стало распространяться и среди представителей истеблишмента. В 1966 году Уолтер Липпман целый вечер убеждал издателя «Вашингтон пост» Кэтрин Грэм (до этого входившую в число самых непреклонных «ястребов»), что «приличные люди больше не могут поддерживать эту войну». Тревожащие общество военные траты, которые достигли миллиардов долларов, обеспечили будущее превышение расходов над доходами и стали причиной инфляции и неблагоприятного платежного баланса, что беспокоило многих представителей деловых кругов. Некоторые бизнесмены вливались в оппозиционные группы. В сравнении с бизнес-сообществом эти группы были относительно малочисленными, но они получили поддержку, когда такая заметная фигура как Марринер Экклс, бывший председатель совета управляющих Федеральной резервной системы, публично высказался в поддержку группы под названием «За немедленное проведение переговоров», организованной Гэлбрейтом и Артуром Шлезингером-младшим. Время от времени общее молчание нарушал голос кого-либо из бывших членов правительства. Джеймс Томпсон, один из входивших в правительство инакомыслящих, который

покинул Дальневосточный отдел Госдепартамента в 1966 году, написал письмо в «Нью-Йорк таймс», в котором утверждал, что всегда есть «конструктивные альтернативы». Подобно герою телесериала Берку, он утверждал, что Соединенные Штаты, являясь величайшей державой на Земле, обладают «способностью не только потерять лицо, но также признать свои ошибки и проявить великодушие».

Всем было известно, что генерал Риджуэй относится с неприязнью к этой войне. Являясь фигурой такого же ранга, как Риджуэй, генерал Дэвид М. Шоуп, который командовал корпусом морской пехоты и был героем войны на Тихом океане, после выхода в отставку почувствовал вкус к независимости суждений и поддержал мнение Риджуэя. Утверждение правительства, что Вьетнам является «жизненно важным» для интересов Соединенных Штатов, по его словам, — «чепуха»; вся Юго-Восточная Азия «не стоит жизни даже одного американца... Почему мы не можем позволить людям самим определить собственную судьбу?» Сенатор Роберт Кеннеди, заклятый враг президента (или, по крайней мере, воспринимавшийся таковым), призывал прекратить бомбардировки, считая их бесполезными. В другой своей речи он, приведя в ярость Белый дом, предложил, чтобы Национально-освободительный фронт Вьетнама получил право голоса на любых переговорах. Рубеж был преодолен, когда один-единственный сенатор Гэйлорд Нельсон из Висконсина присоединился к одинокой паре, Морсу и Грюнингу, и вместе с ними проголосовал против нового законопроекта о выделении 12 миллиардов долларов на ведение войны. В палате представителей Джордж Браун из Калифорнии предложил в дополнение к этому законопроекту принять резолюцию, в которой

утверждалось, что «под этим Конгресс понимает» запрещение использования выделенных средств для проведения «военных операций на территории или в воздушном пространстве Северного Вьетнама». Хотя это была всего лишь резолюция, а не обязательства, возлагаемые на президента, ее провалили подавляющим большинством голосов: 372 против 18.

Несмотря на то что, начиная с Трумэна, на протяжении двадцати лет политики твердили, будто Юго-Восточная Азия входит в сферу «жизненно важных» интересов Соединенных Штатов и что крайне необходимо остановить экспансию коммунизма, цели вьетнамской войны для широкой публики оставались неясными. В мае 1967 года, когда проводился опрос Гэллапа с целью выяснить, известны ли народу причины, почему Соединенные Штаты воюют во Вьетнаме, 48 % респондентов дали положительный ответ и 48 % ответили отрицательно. Возможно, именно отсутствие официального объявления войны стало причиной такого расхождения взглядов.

Цель войны состояла не в получении какой-либо выгоды и не в защите страны. В этом случае все было бы проще, потому что легче закончить войну, захватив территорию или уничтожив вооруженные силы противника и лишив его ресурсов, чем утвердить с помощью превосходящих сил какой-либо принцип и назвать это победой. Цель Америки состояла в том, чтобы продемонстрировать свое намерение и возможности остановить коммунизм в рамках сохранения искусственно созданного, недостаточно мотивированного и не очень жизнеспособного государства.

В данном случае общество, которое мы поддерживали, имело врожденный дефект и, несмотря на все усилия, направленные на «строительство нации», в сущности не менялось.

Каким же образом можно было прекратить разбазаривание американской мощи в этом безнадежном, невыгодном и потенциально опасном конфликте? В 1966–1967 годах администрация была уверена, что Северный Вьетнам несет ужасные потери и что его можно заставить пойти навстречу. В этот период она предпринимала неоднократные попытки склонить Ханой к переговорам, причем всегда на американских условиях. Судя по всему, эти условия были откровенно «безоговорочными» и не принимали во внимание того факта, что Ханой настаивал на одном пункте: прекращении бомбардировок. Мирные предложения Соединенных Штатов включали множество различных обещаний, в том числе и прекращение бомбардировок и сокращение численности американских вооруженных сил, «как можно быстрее и не позднее шести месяцев» — но после того, как Северный Вьетнам выведет свои войска с Юга и прекратит насильственные действия. Все эти предложения зависели от взаимного окончания боевых действий. Но Ханой считал, что ни о каком взаимодействии не может быть и речи до тех пор, пока не прекратятся бомбардировки.

Иностранные державы также прилагали усилия, направленные на проведение мирных переговоров. Папа Павел VI призывал обе стороны заключить перемирие и начать переговоры. У Тан, которого Вашингтон просил выступить посредником, убеждал Соединенные Штаты и оба вьетнамских государства встретиться на британской территории и сесть за стол переговоров. На все эти

предложения, независимо оттого, кто был их инициатором, Ханой отвечал публичными заявлениями Хо Ши Мина и других вьетнамских лидеров. Отвечая на вопросы приезжих журналистов, они снова и снова настаивали на том, что обязательным условием переговоров является «безоговорочное» прекращение бомбардировок и других военных действий Соединенных Штатов, вывод американских вооруженных сил и признание четырех пунктов, ранее предложенных Северным Вьетнамом. Если другие условия время от времени подвергались изменениям, то требование прекратить бомбардировки всегда оставалось главным и неизменным.

Когда премьер Фам Ван Донг сказал, что четыре пункта, скорее, являются «основой урегулирования», чем предварительным условием, американцы сочли это сигналом, как и заявление, что Ханой «рассмотрит и изучит предложения» относительно переговоров, если США прекратят бомбардировки. Представители Соединенных Штатов и Северного Вьетнама из посольств этих стран в Москве действительно стали периодически встречаться, но поскольку эти встречи не сопровождались хотя бы временным прекращением бомбардировок, которое показало бы серьезность намерений американцев, все они оказались безрезультатными.

В другом случае два американца, у которых были в Ханое знакомые, привезли туда составленное Госдепартаментом послание с предложением начать тайные консультации на основе «некоторых взаимных ограничений». Формулировки в этом послании были мягче, а бомбардировщики хотя и продолжали налеты, но в течение некоторого времени держались подальше от

Ханоя. Ответа не последовало, бомбардировщики вернулись и впервые за все время войны стали наносить удары по порту Хайфон, а также по железнодорожным сортировочным станциям и другим целям в столице. Хитроумным интригам У Тан предпочел банальную проверку готовности сторон вступить в переговоры. Он убеждал Соединенные Штаты «пойти на обдуманый риск» и приостановить бомбардировки, что, по его мнению, должно привести к началу мирных переговоров уже через «несколько недель». Америка не прошла этой проверки.

Своих соотечественников президент Джонсон убеждал в том, что страна готова на «нечто большее, чем просто пойти на компромисс с Северным Вьетнамом, заключив с ним любой возможный договор о прекращении огня, о перемирии или о мире», но оказалось, что это «нечто большее» не включало в себя прекращение налетов B-52S. В письме, адресованном непосредственно Хо Ши Мину, Джонсон повторил свое «заклинание взаимодействия»: бомбардировки и увеличение численности американских войск прекратятся, «как только я удостоверюсь, что проникновение в Южный Вьетнам по суше и по морю остановлено». В ответном письме Хо Ши Мин повторил свои прежние требования.

Анализ реакции Северного Вьетнама показал Вашингтону наличие «глубокой убежденности Ханоя в том, что мы утратим свою решимость по причине издержек, связанных с этой войной». Аналитики оказались правы. Действительно, непримиримость Ханоя была связана с убежденностью в том, что Соединенные Штаты, либо по причине чрезмерных издержек, либо в результате растущего внутреннего недовольства,

выдохнутся первыми. Когда госсекретарь Раск с негодованием изложил 28 американских мирных предложений, он был лишь наполовину прав; вьетнамцы и слышать об этих предложениях не хотели до тех пор, пока не будут приняты их собственные условия. Поскольку американские мирные инициативы не только не соответствовали ни одному из условий, выполнения которых требовал Северный Вьетнам, но и не раскрывали сути и масштабов конечного политического урегулирования, Ханой не был заинтересован в том, чтобы делать шаги навстречу.

Был момент, когда показалось, что началось движение в нужном направлении. Это случилось, когда советский премьер Алексей Косыгин прибыл с визитом в Британию, чтобы встретиться с премьер-министром Гарольдом Вильсоном. Действуя в качестве посредников, поддерживающих контакты между главными участниками конфликта, они подошли к созданию договорной основы для ведения переговоров. Все рухнуло, когда Джонсон по неизвестным причинам внес изменения в окончательный вариант коммюнике, причем в самый последний момент, когда Косыгин уже уезжал из Лондона, и было слишком поздно организовывать новые консультации. «Мир был почти в наших руках», — с горечью заметил Вильсон. Весьма сомнительное заявление. Невозможно избавиться от впечатления, что Джонсон потворствовал подобным маневрам, чтобы успокоить критиков, как у себя дома, так и за рубежом, но сам президент и советники, к мнению которых он прислушивался, по-прежнему ставили целью вести переговоры с позиции силы.

Между тем небосвод внутренней политики затягивало свинцовыми тучами. Стремление к безграничной эскалации конфликта, которое усиливалось

подобно аппетиту во время еды, уже не принималось безоговорочно, поскольку это была война с весьма туманными целями. Требование Уэстморленда разом увеличить численность войск во Вьетнаме на 70–80 тысяч человек на время снимало вопрос о призыве резервистов, но, как и предупреждал своего шефа Макнотон, только перенесло решение проблемы «со всеми ее ужасными последствиями» на худшие времена, то есть на 1968 год, когда проходили выборы. Макнотон обратил внимание на резкий рост общественного недовольства, причиной которого стали потери среди американских военнослужащих (так, в 1967 году они насчитывали 9000 убитых и 60 000 раненых), опасения по поводу возможного разрастания масштабов войны, а также «глубокое огорчение по поводу многочисленных страданий, причиняемых» жителям обеих частей Вьетнама. «Широко распространилось и укоренилось мнение, что „правлящие круги“ спятели... что мы до смешного долго выбираемся из этого положения... Большинство американцев не знает, как мы угодили туда, где сейчас находимся... Все хотят, чтобы война закончилась, и ожидают, что президент положит ей конец. Добившись успеха или как-то иначе».

Если «иначе» означало «выйдет из нее», альтернативу вполне можно себе представить. Постепенно Джонсон приходил к пониманию, что ни при каких обстоятельствах вьетнамская неразбериха не должна лишить его тех преимуществ, которых он добился. Военные успехи не могли положить конец войне за полтора года, остававшиеся до окончания срока его президентства, и в условиях приближавшихся выборов он просто не мог выйти из войны и «потерять» Вьетнам. Ему предстояло столкнуться с проблемой призыва

резервистов, ростом потерь среди военнослужащих и протестами общества. Он оказался в западне и, по мнению Мойерса, это понимал. «Он чувствовал, что война уничтожит его как политического деятеля и дискредитирует его президентство. Он был несчастным человеком».

Джонсон испытывал давление как со стороны правых, так и со стороны военных, которые через своих представителей в Конгрессе выражали растущее негодование ограничениями. В августе 1967 года Комитет по делам вооруженных сил дал выход этому негодованию на открытом заседании во время слушаний в подкомитете, которые проходили под председательством сенатора Джона Стенниса. Еще до заслушивания свидетельских показаний Стеннис высказал свое мнение, заявив, что приостановка или ограничение бомбардировок будут «фатальной ошибкой».

Адмирал Юлисез Грант Шарп, который тогда руководил ВВС Командования вооруженных сил США на Тихом океане, привел еще более энергичные аргументы в пользу продолжения операций военно-воздушных сил. Он зачитал великолепные отчетные данные по вылетам В-52. В них говорилось о нанесении ущерба казармам, складам боеприпасов, электростанциям, железнодорожным сортировочным станциям, сталелитейным и цементным заводам, аэродромам, военно-морским базам, мостам — и в целом о «широкомасштабном нарушении экономической деятельности» и работы транспорта, уничтоженных урожаях и увеличившейся нехватке продовольствия. Без бомбардировок, заявил он, Север мог бы удвоить свои силы на Юге, что потребовало бы от Соединенных Штатов ввести дополнительно не менее 800 тысяч

военнослужащих, одно пребывание которых обошлось бы казне в 75 миллиардов долларов. Он осудил всех, кто предлагал приостановить бомбардировки, ведь так они позволят врагу восстановить пути снабжения, восполнить свои силы на Юге и усилить грозную противовоздушную оборону. Шарп с искренним пренебрежением относился к выбору гражданских целей, считая их слишком удаленными и не представляющими интереса. Если гражданские власти, утверждал он, недвусмысленно намекая на систему принятия решений во время ленча по вторникам, примут во внимание советы военных, то снимут все ограничения на удары по «привлекательным» целям в таких жизненно важных районах, как Ханой и Хайфон, положат конец длительным задержкам с утверждением целей, и тогда бомбардировки станут гораздо более эффективными. Их приостановка стала бы настоящим «бедствием», поскольку продлила бы войну на неопределенное время.

Выступление министра обороны Макнамары поставило все эти тезисы под сомнение. В весьма экспрессивной манере он привел доказательства того, что бомбардировки не смогли в значительной степени снизить интенсивность проникновения на Юг людских ресурсов и снаряжения с Севера и оспорил доводы военных в пользу снятия ограничений и разрешения наносить удары по более удаленным целям. «У нас нет оснований считать, что это сломит волю северовьетнамского народа или заставит его лидеров усомниться в своих идеалах... или внушит им уверенность в том, что их будут бомбить до тех пор, пока они не сядут за стол переговоров». Таким образом, министр обороны признал, что вся американская стратегия является бесполезной. Продемонстрировавшие наличие

открытого конфликта между гражданскими и военными, эти слушания стали настоящей сенсацией.

Доклад, с которым на слушаниях выступил сенатор Стеннис, представлял собой яростную критику вмешательства гражданских в войну. Он сказал, что ситуация, когда мнение гражданских одерживает верх над суждениями военных, «мешает в полной мере раскрыть потенциал ВВС». Теперь, продолжал он, нужно принять непростое решение и «взять на себя риск применить силу, которая требуется, чтобы довести дело до конца».

Джонсон был решительно настроен на то, чтобы не принимать рискованных решений, и это по-прежнему настолько его беспокоило, что он принес извинения Кремлю за непредумышленную бомбежку советского торгового судна, стоявшего в одном из портов Северного Вьетнама. Но он не мог и прекратить или приостановить бомбардировки, что способствовало бы достижению мира, поскольку военные советники уверяли президента, что это единственный способ поставить Север на колени. После выступления Стенниса президент ощутил необходимость провести пресс-конференцию с целью опровергнуть наличие конфликта внутри правительства и заявить о поддержке плана бомбардировок, но не отказался от своего права выбирать цели. В отличие от большинства военных, председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Уилер впоследствии стал постоянным членом той группы, которая принимала решения во время ленча по вторникам, и, несмотря на возражения Макнамары, область нанесения бомбовых ударов постепенно распространялась дальше на север, а именно к Хайфону.

Выступления Макнамары способствовали дальнейшему расколу внутри администрации Джонсона. До этого являясь самой надежной опорой президента и самым практичным членом команды, доставшейся ему в наследство от Кеннеди, Макнамара, который был «главным менеджером» войны, потерял веру в необходимость ее ведения и с тех пор утратил былое влияние на президента. Когда на одном из совещаний кабинета министров он сказал, что бомбардировки не только не препятствуют проникновению коммунистических сил, но и «уничтожают инфраструктуру сельских районов Юга, тем самым наживая нам врагов», коллеги молча уставились на него, и это молчание не сулило ему ничего хорошего. Антивоенная общественность ожидала хоть каких-то решений, надеясь, что министр откажется от поддержки дальнейшего ведения войны, но ничего подобного не последовало. Преданный той игре, которую затеяло правительство, Макнамара, подобно рейх-канцлеру Германии Бетману-Гольвегу в 1917 году, продолжал оставаться в Пентагоне главным выразителем стратегии, которую он считал бесполезной и неправильной. Все понимали, что поступить иначе значит показать свое неверие и тем самым оказать услугу врагу. Но открытым остается следующий вопрос: в чем состоит долг — в том, чтобы оставаться лояльным, или в том, чтобы говорить правду? Заняв промежуточную позицию, Макнамара не смог долго усидеть на своем месте. Через три месяца после слушаний Стенниса Джонсон, без каких-либо предварительных консультаций с Макнамарой, объявил, что назначает его президентом Всемирного банка. Во время ухода из правительства бывший министр обороны вел себя весьма осмотрительно и благоразумно.

К этому времени политика войны, которую проводило правительство, в самой Америке уже подвергалась острой критике. Чтобы подкрепить собственное политическое положение и восстановить доверие к себе внутри страны, Джонсон отозвал на родину генерала Уэстморленда, посла Элсуорта Банкера, являвшегося преемником Лоджа, и других важных персон, дабы они высказали оптимистические прогнозы и объявили о твердой уверенности в успехе миссии «по предотвращению коммунистической агрессии». Меньший оптимизм внушало то обстоятельство, что общественное мнение не доверяло никаким сведениям и прогнозам. Согласно оценкам ЦРУ, никакой уровень интенсивности применения американских ВВС и ВМС не заставил бы Ханой признать его «настолько нетерпимым, что пришлось бы прекратить войну». Проведенные ЦРУ исследования эффективности бомбардировок, с холодной беспристрастностью представленные в долларовом выражении, вскрыли тот факт, что ущерб на сумму в 1 доллар, нанесенный Северному Вьетнаму американскими ВВС, обходится Соединенным Штатам в 9,60 доллара. А проведенный министерством обороны системный анализ показал, что противник может прокладывать альтернативные пути снабжения «быстрее, чем мы их перерезаем»; по оценке специалистов министерства, от большей численности американских войск вреда больше, чем пользы, в особенности для экономики Южного Вьетнама. Повторив исследования группы «Язон», Аналитический институт при министерстве обороны не смог обнаружить никаких новых свидетельств, которые внесли бы изменения в уже сделанные выводы и противоречили бы заявлениям ВВС, и сделал следующее откровенное признание: «Мы не в состоянии разработать

такую кампанию бомбардировок Севера, которая снизила бы интенсивность потока проникающих на Юг военнослужащих».

Теоретики «когнитивного диссонанса» утверждают, что когда объективные свидетельства опровергают давно устоявшиеся убеждения, наблюдается не отказ от них, а еще большая приверженность, сопровождающаяся попытками найти разумное опровержение. Результатом становится «когнитивная ригидность», или, говоря обычным языком, узлы неведальновидности затягиваются еще плотнее. Так было и с бомбардировками. Чем более карательный характер они приобретали и чем ближе подбирались к Ханюю, тем больше они мешали желанию администрации с помощью переговоров выйти из войны. В конце 1967 года министерству обороны пришлось объявить о том, что общий вес бомб, сброшенных как на Север, так и на Юг, превысил 1,5 миллиона тонн, что было на 75 тысяч тонн больше общего веса бомб, сброшенных на Европу армейской авиацией США во время Второй мировой войны. Чуть больше половины этого веса было сброшено на Северный Вьетнам, что превышало общий тоннаж бомб, сброшенных двадцать лет назад на Тихоокеанском театре военных действий.

Один предел уже был достигнут. В июле Джонсон поднял максимальный уровень наращивания сухопутных сил до отметки 525 тысяч человек. Тем самым он превысил максимальный предел численности, который генерал Леклерк 21 год назад объявил необходимым, «но даже тогда это не помогло». В то же самое время США выступили с новым мирным предложением, в котором слегка ослабили свои настойчивые требования о взаимодействии. Два француза, Раймон Обрак, который был давним другом Хо Ши Мина, и Эрбер Маркович,

выразили страстное желание содействовать окончанию войны и в ходе бесед с Генри Киссинджером, состоявшихся во время Пагуошской конференции, предложили направить их посланниками в Ханой. После консультаций с Госдепартаментом они передали Северу послание Соединенных Штатов, в котором говорилось, что бомбардировки будут прекращены, если Ханой предоставит гарантии того, что это приведет к переговорам и что Север, в свою очередь, возьмет на себя «обязательство» снизить интенсивность проникновения своих военнослужащих на Юг. Казалось, ответ будет предполагать продвижение в направлении переговоров, но дальнейшая дискуссия была прервана возмущенным Ханоем после того, как адмирал Шарп начал полномасштабные бомбардировки с целью изолировать Ханой от Хайфона и перерезать маршруты снабжения. Должно быть, выбор целей на том ленче во вторник производился весьма необдуманно, если только эта необдуманность не была преднамеренной.

Спустя месяц в условиях, когда голоса недовольных звучали все громче и появились свидетельства того, что у Джонсона возникают проблемы внутри его же партии, президент сделал важный шаг. Двадцать девятого сентября, во время выступления в Сан-Антонио, он публично повторил доктрину, лежавшую в основе миссии Обрака — Марковича, заявив, что «мы и наши южновьетнамские союзники полностью готовы вступить в переговоры хоть сегодня вечером... Соединенные Штаты готовы прекратить все... бомбардировки Северного Вьетнама, если это немедленно приведет к продуктивным дискуссиям». США, «разумеется, предполагали», что пока идут переговоры, северовьетнамцы не будут использовать в своих целях прекращение

бомбардировок. Ханой решительно отклонил это предложение, назвав его «фальшивым миром» и «явным обманом». Работавший в Ханое и служивший северовьетнамцам в качестве информационного канала, прокоммунистически настроенный австралийский журналист Уилфред Бэрчетт сообщал о «глубоком скептицизме» в отношении прибывавших из Вашингтона государственных и частных доверенных лиц, пытавшихся нащупать контакты. «Я не знаю ни одного лидера, который бы поверил, что президент Джонсон искренен, когда заявляет, что он действительно хочет покончить с войной на условиях, оставляющих за вьетнамцами право самим решать собственные проблемы».

Теперь уже Ханой проявил недальновидность, результатом которой стали упущенные возможности. Приняв сделанное публично предложение Джонсона, северовьетнамцы могли бы настаивать на выполнении указанных в нем условий и проверять результаты. Если бы тогда этот запутанный конфликт закончился миром, их страна избежала бы множества пережитых ею страданий. Но бомбардировки свели вьетнамцев с ума и заставили воспринять это предложение как намек на сдачу противником своих позиций. Они же были полны решимости держаться дальше, до тех пор, пока сами не смогут вести переговоры с позиции силы.

В те дни, когда происходили эти события, антивоенное движение в Соединенных Штатах превратилось из проявления инакомыслия в политическую проблему. Появился кандидат в президенты, который противодействовал Джонсону внутри его собственной партии. Организаторы антивоенных выступлений понимали, что если их движение не станет политическим, оно не сможет

добиться значительного прогресса, и активно искали способ это сделать. Хотя люди из окружения Роберта Кеннеди призывали его выдвинуть свою кандидатуру, сам он к этому не стремился. Седьмого октября сенатор Юджин Маккарти из Миннесоты, один из многих независимых политических деятелей, являвшихся выходцами из этого региона, заполнил политический вакуум, выдвинув свою кандидатуру. Его с энтузиазмом поддержала группа политиков, выступавших против войны. Радикалы, умеренные — словом, все те, кто, независимо от своих политических убеждений, хотел положить конец этой войне, встали на его сторону. Студенты из многих колледжей помогали ему вести предвыборную кампанию. Вплоть до первых предварительных выборов Джонсон и «старые профессионалы», которые относились к сторонникам Маккарти с презрением, считая их толпой дилетантов, не принимали этот вызов всерьез. На самом деле это было начало конца. Спустя месяц в резкой редакционной статье журнал «Сатердей ивнинг пост», выразитель интересов среднего класса Америки, раскрыл суть американской интервенции: «Война во Вьетнаме — это ошибка Джонсона, и властью, которую дает его должность, он сделал это национальной ошибкой».

Когда в конце января 1968 года во Вьетнаме началось масштабное новогоднее наступление, в Америке противники войны и президента стали стремительно объединять силы. В отличие от прежней тактики Вьетконга, который вел войну главным образом в сельской местности, теперь Север нанес массированный и скоординированный удар по более чем сотне малых и больших городов Южного Вьетнама, где прежде повстанцы себя никак не проявляли. Теперь они

совершали безжалостные нападения, в ходе которых удалось даже проникнуть на территорию посольства США в Сайгоне. Американские телезрители видели уличные бои, артиллерийский огонь и гибель соотечественников внутри отгороженных от внешнего мира пространств. Это производило на них ужасающее впечатление. В течение нескольких лет Вьетконг удерживал в своих руках древнюю столицу страны Хюэ, и перед тем, как город освободили, в нем произошли массовые убийства тысяч мирных жителей. Бои продолжались целый месяц, и многие города оказались в настоящей осаде, причем было совершенно непонятно, какая из сторон, в конечном счете, одержит верх. Но то обстоятельство, что подобная наступательная сила может быть мобилизована врагом, который, как считалось, уже погибает, опровергло все самонадеянные оценки, резко подорвало доверие к Уэстморленду и ошеломило как американское общество, так и американское правительство.

Возможно, замысел наступления состоял в том, чтобы спровоцировать восстание, захватить важный плацдарм или продемонстрировать силу перед тем, как вступить в переговоры. Хотя сокрушить Юг так и не удалось, а за наступление Вьетконгу и северянам пришлось заплатить большими потерями, которые оценивались от 30 до 45 тысяч человек, оно, безусловно, произвело сильное впечатление. В Соединенных Штатах все испытывали чувство неотвратимо приближавшейся беды, которое обострялось благодаря ставшему расхожим следующему высказыванию о войне: «Настала необходимость разрушить город для того, чтобы его спасти». Впервые произнесший эти слова американский майор имел в виду, что город надо стереть с лица земли для того, чтобы разбить наголову засевшие в нем силы

Вьетконга, но оказалось, что его фраза символизирует способы применения американской военной мощи — разрушаем объект, который нужно защищать, чтобы уберечь его от коммунистов. Когда бои подходили к концу, «Уолл-стрит джорнэл» трезво заметила: «Мы считаем, американскому народу следует быть готовым к тому, чтобы признать, если он еще этого не сделал, возможность того, что все наши усилия во Вьетнаме обречены на провал».

Уэстморленд сразу же потребовал в экстренном порядке перебросить по воздуху 10 500 военнослужащих, а вслед за этим обратился с просьбой (которую поддержали генерал Уилер и Объединенный комитет начальников штабов) об отправке дополнительных сил численностью 206 тысяч человек; это значительно превысило бы установленную Джонсоном в июле максимальную численность войск во Вьетнаме. На этом этапе войны численность подразделений во Вьетнаме уже приближалась к 600 тысячам человек. Президент столкнулся с перспективой масштабного наращивания сил, которое, несомненно, вызвало бы недовольство в Соединенных Штатах, как раз в тот момент, когда надо было делать выбор между дальнейшей эскалацией войны и невоенным решением проблемы. В условиях приближавшихся выборов перспектива согласиться с просьбой Уэстморленда вселяла ужас. Все еще находившийся в плену убеждения, что главное — это военное превосходство, Джонсон не был готов вступить в переговоры или вывести войска из страны на любых условиях, которые могли быть истолкованы как «невыгодные».

Чтобы выяснить, во что обойдется и к чему приведет мобилизация еще 200 тысяч человек,

президент создал специальную комиссию под руководством Кларка Клиффорда, кандидатуру которого предложил министр обороны. Когда задали вопрос, поможет ли это пополнение выйти из тупика и приблизить победу, Объединенный комитет не смог дать никаких гарантий. Хотя специальная комиссия пыталась не выходить за рамки поставленных перед нею задач, приходилось снова и снова возвращаться к «фундаментальным проблемам», а именно: дома — призыв резервистов, отсрочки от призыва, увеличение срока службы, а возможно, и повторные призывы и отправка во Вьетнам, дополнительные миллиарды расходов, повышенные налоги, контроль за ценами и заработной платой; на фронте — неоспоримый факт, что в 1967 году на Юг проникли 90 тысяч северян, текущая ситуация втрое или вчетверо хуже, чем была в прошлом году, враг может в любой момент вывести США из войны, бомбардировки, очевидно, не способны его остановить, и никакой уровень истощения вооруженных сил не стал для него «неприемлемым». В ходе яростных, а кое-где и самоубийственных атак новогоднего наступления противник без колебаний жертвовал жизнями солдат; в некоторых случаях количество убитых и раненых в подразделениях северовьетнамской армии достигало 50 процентов. Так какой же уровень истощения своих войск они могли бы посчитать «неприемлемым»?

Ни Объединенный комитет начальников штабов, ни приближенные к президенту советники, из которых Раск и Росту, а также генералы Уилер и Тейлор входили в состав специальной комиссии, никаких выводов из этих данных, похоже, не сделали. Они оставались на той же позиции, которую занимали последние три года, и которая состояла в том, чтобы продолжать боевые

действия и давать Уэстморленду все, что тот пожелает. По словам Джорджа Кеннана, «они словно пребывали во сне» и были неспособны дать «реалистическую оценку последствиям собственных действий». Клиффорд и прочие испытывали сомнения и приводили аргументы в пользу ограничения военных операций и в пользу попыток урегулирования путем переговоров. Вывод войск не рассматривался в числе возможных вариантов, поскольку после трех лет опустошительной войны и разорений мест Севера Югу, вероятно, была бы слишком жестокой, и Соединенные Штаты теперь не могли уйти, оставив народ Южного Вьетнама один на один с врагом, который наверняка устроит массовую резню. Четвертого марта, так и не достигнув полного согласия, специальная комиссия все же рекомендовала усилить контингент американских войск на 13 500 военнослужащих, дабы удовлетворить самые неотложные требования. По словам одного из членов комиссии, остальная часть ее доклада «была попыткой привлечь внимание президента — чтобы он сосредоточился на более широких вопросах».

Джонсон решил назначить Клиффорда на пост министра обороны, чтобы обеспечить поддержку, которой президент лишился стараниями Макнамары. Ирония состояла в том, что, едва заняв место Макнамары, Клиффорд словно «унаследовал» разочарование бывшего министра. Летом предыдущего года, во время поездки по странам СЕАТО, он уже испытал одно разочарование. Убеждая союзников увеличить численность своих войск, действующих во Вьетнаме под эгидой СЕАТО, он наткнулся на равнодушное отношение руководителей этих стран к его миссии. Так называемые союзники, которые

предположительно должны были стать «костяшками домино», практически не выказывали серьезной заинтересованности. Таиланд, над которым нависала угроза оказаться следующей жертвой, держал во Вьетнаме контингент численностью 2500 военнослужащих, хотя численность населения Таиланда составляла 30 миллионов человек. Клиффорд обнаружил, что усилия Америки вызывают уважение и одобрение у руководителей этих стран, но не побуждают их усиливать свои контингенты и не заставляют испытывать серьезную озабоченность. Этот взгляд «изнутри» на сложившуюся в Юго-Восточной Азии ситуацию вынудил в очередной раз задуматься, что же защищает во Вьетнаме Америка.

По прибытии в Пентагон Клиффорд не обнаружил никакого плана достижения военной победы (никаких вторжений на Север, никаких преследований противника в Лаосе и Камбодже, никаких минирований гавани Хайфона), а только ряд различных ограничений, которые препятствовали осуществлению любого плана. Он выяснил, что и его гражданский помощник, и его заместители испытывают разочарование, которое находит разные формы выражения, от служебной записки Таунсенда Хупса «О недостижимости военной победы» и до утверждения Пола Нитце, что уж лучше подать в отставку, чем пытаться защищать в Сенате военную политику администрации. Клиффорд изучил доклад группы системного анализа, в котором утверждалось, что, несмотря на массированное пополнение американских войск, численность которых превзошла 500 тысяч человек, на 1,5 миллиона тонн бомб, сбрасываемых ежегодно, на 400 тысяч наступательных операций, проводимых каждый год, на 200 тысяч военнослужащих противника, убитых в бою за

три года, и на 20 тысяч убитых военнослужащих США, «степень нашего контроля над сельской местностью и городами сейчас в сущности такая же, какой она была до августа 1965 года».

Далее, Клиффорд обнаружил ужасные оценки того, какое воздействие на общественное мнение оказывает каждый новый виток эскалации конфликта, а также прогнозы возрастания расходов на войну с 2,5 миллиарда долларов в 1968 году до 10 миллиардов в 1969 году. Он увидел, что вложения государственных средств во Вьетнам истощили имевшиеся в распоряжении силы в Европе и на Ближнем Востоке и что, по всей вероятности, чем больше война «американизируется», тем меньше Южный Вьетнам что-либо делает для себя. Клиффорд пришел к убеждению, что «военный курс, которым мы следуем, не только бесконечен, но и безнадежен». Война зашла в тупик. Не желая тратить свои блестящие способности на участие в безнадежном деле, которое могло подорвать его безупречную репутацию, Клиффорд решил убедить президента в необходимости отказаться от негибкой позиции. Входя в круг лиц, приближенных к президенту, большинство из которых «словно пребывали во сне», он оказался один против восьмерых, но на его стороне были реальные факты.

Нашлись и политические силы, которые оказали ему помощь. Сторонники антивоенного движения были настроены против демократов потому, что Джонсон являлся членом этой партии. Для многих демократов война стала непреодолимой помехой. Вот что сказал спичрайтеру Джонсона сенатор Миллард Тайдингс из Мэриленда: «Если бы сегодня проводились выборы, то любой сколько-нибудь добропорядочный республиканец

нанес бы мне поражение». Советники Тайдингса уверяли, что он может спасти положение, только обрушившись с критикой на президента; хотя он этого не сделал, ему все же пришлось «высказаться против войны. Она ослабляет страну, а вместе с ней и демократов». Тайдингс назвал имена еще нескольких сенаторов, которые извещали, что в их штатах сложилась такая же обстановка. Это подтвердил и комитет Демократической партии штата Калифорния, который направил президенту телеграмму с подписями 300 своих членов. В телеграмме говорилось, что, по их мнению, «единственный способ предотвратить серьезные поражения Демократической партии в этом штате в ходе выборов 1968 года — немедленно предпринять все усилия, направленные на то, чтобы обеспечить урегулирование вьетнамской войны невоенными способами». Проводившиеся в то время опросы показывали, что в преддверии выборов выставивший свою кандидатуру на переизбрание Джонсон отстает от каждого из шести потенциальных соперников-республиканцев.

Но еще более серьезным сигналом стала передача Уолтера Кронкайта. Она вышла в эфир 27 февраля, сразу после возвращения ведущего из «опаленной войной, разрушенной и измученной страны», руины которой еще дымились после Новогоднего наступления. Кронкайт поведал о новой волне беженцев, численность которых оценивалась в 470 тысяч человек. Они жили в невероятной нищете, в хижинах и лачугах, и пополнили официальный список беженцев, в котором уже числилось 800 тысяч человек. Далее он сказал, что на политическом фронте «недавнее поведение вьетнамского правительства не вселяет уверенности в том, что оно сможет справиться со своими проблемами». Кронкайт

отметил, что Новогоднее наступление требует осознания: «Нам придется все время с этим сталкиваться»; переговоры «не должны превратиться в попытку навязать условия заключения мира. Сейчас кажется более очевидным, чем когда-либо, что кровавая бойня во Вьетнаме закончится тупиком». Единственный «разумный выход» состоит в том, чтобы найти для себя «лазейку в ходе переговоров». Но, и Кронкайт неоднократно об этом предупреждал, не стоит надеяться, что «мы выйдем из этой войны победителями».

Известный всей стране телеведущий высказал свое суждение, и «волна потрясений прокатилась по всем структурам государственного управления», — прокомментировал пресс-секретарь президента Джордж Кристиан. «Если я лишился поддержки Уолтера, я лишился поддержки среднего класса Америки», — заметил президент.

Спустя неделю сенатор Фулбрайт объявил, что повторное сенатское расследование обстоятельств, вызвавших принятие резолюции по Тонкинскому заливу, показало, что это было сделано по причине «искажения фактов», а значит, данная резолюция «утратила законную силу». В прессу просочились новости о том, что президент рассматривает просьбу Уэстморленда об отправке во Вьетнам еще 200 тысяч человек и что он согласился с мнением Объединенного комитета начальников штабов о необходимости призвать на военную службу 50 тысяч резервистов для стратегического наращивания сил. Как и ожидалось, это вызвало шумные протесты. В своем недовольстве войной общество, если его мнение точно отражали комментарии прессы, было в большей степени, чем администрация, готово махнуть рукой на ситуацию в Юго-Восточной Азии.

А, по мнению «Таймс», оно было в большей степени, чем администрация, готово признать, «что победа во Вьетнаме (или даже благоприятное для нас урегулирование) просто лежат за пределами возможностей величайшей в мире державы». Эта мысль ознаменовала переходный момент во вьетнамской войне.

Без особого энтузиазма перейдя от бездействия к активной деятельности, сенатский Комитет по иностранным делам начал слушания, и Фулбрайт в речи на их открытии заявил: страна наблюдает «духовный бунт», вспыхнувший среди молодежи, которая выступает против «того, что они считают предательством традиционных американских ценностей». При поддержке других сенаторов Фулбрайт поставил под сомнение полномочия президента «расширять масштабы войны без согласия Конгресса». Члены комитета частным образом проинформировали Клиффорда и генерала Уилера, что они «просто не в состоянии обеспечить значительное увеличение численности войск во Вьетнаме — а если мы не смогли, то кто бы смог?» Вызванный на слушания для показаний, Раск продекларировал верность тем целям, которые не изменились со времен Даллеса, но признал, что администрация подвергает пересмотру все аспекты вьетнамской политики, «от А до Я», и рассматривает альтернативные варианты.

На следующий день, во время первичных выборов в штате Нью-Гэмпшир, сенатор Маккарти на удивление набрал 42 % голосов, но худшее было впереди. После того как другие прощупали почву, Роберт Кеннеди осознал, что игра стоит свеч, и выдвинул свою кандидатуру. Теперь этот злодей (каковым его считал Джонсон) оказался на ринге и, обладая аурой популярности своего брата, представлял собой куда

более реальную политическую угрозу, нежели сенатор Маккарти. Поскольку оба колесили по стране, выступая с агитационными речами в качестве кандидатов-миротворцев, Джонсону оставалось стать Голдуотером; правда, он не придерживался столь же крайних взглядов, как этот консерватор. Президент столкнулся с необходимостью проведения избирательной кампании, которая должна расколоть Демократическую партию и в ходе которой лично он, выдвинувший свою кандидатуру на переизбрание, вынужден постоянно находиться в обороне, пытаясь оправдать политику войны, не имеющей и малейшего шанса на успех. Когда, казалось, уже ничто (ни выводы группы «Язон», ни отступничество Макнамары, ни провал стратегии истощения противника, ни Новогоднее наступление) не заставит Джонсона пересмотреть свои взгляды и лишь усиливает его «когнитивную ригидность», к нему пришло понимание политической перспективы.

Это понимание не поколебало его решимости продолжать войну, которое теперь почти переродилось в упрямство, не допускавшее никаких корректив, но поставило Джонсона перед унижительной перспективой политического поражения дома. В то самое время, когда Роберт Кеннеди объявил о выдвижении своей кандидатуры, Дин Ачесон, которого Джонсон сразу после Новогоднего наступления неофициально попросил оценить эффективность военной кампании во Вьетнаме, изложил президенту малоприятные выводы. Отказавшись от «заранее подготовленных брифингов» и наведя справки у выбранных им самим представителей Госдепартамента, ЦРУ и Объединенного комитета начальников штабов, Ачесон сообщил Джонсону, что военные пытаются достичь недостижимой цели и что

«мы не можем выиграть войну, не сняв всех ограничений с применения силы» (о чем еще в 1964 году предупреждала рабочая группа). Далее он сказал, что картина, которую Джонсон рисует в своих выступлениях, весьма далека от реальности, общество ему больше не верит, страна больше не поддерживает эту войну.

Таково было суждение человека, которого Джонсон не мог запугать, как не мог он и отмахнуться от его мнения, — человека, которого на самом деле он уважал. И все же президент не был готов выслушивать, что он неправ. На той же неделе Джонсон выступил с речью перед членами Национального фермерского союза и, стуча кулаками по кафедре и указывая пальцем на присутствующих, требовал «усилий всей нации», чтобы выиграть войну и заключить мир. Он заявил, что не собирается менять свою политику во Вьетнаме из-за военных успехов коммунистов, и обвинил критиков, которые постоянно «подставляют нашу задницу и нарушают наши обязательства». Это был последний отголосок сделанного им когда-то торжественного заявления, что он никогда не станет первым американским президентом, проигравшим войну, но теперь подобная риторика уже никого не приводила в восторг. Давний друг и советник президента Джеймс Ро сообщил, что после этой речи было много звонков от людей, «приведенных в ярость» тем, что Джонсон поставил под сомнение их патриотизм, и оставшихся равнодушными к его «ура-патриотической» риторике. «Факт состоит в том, что сегодня едва ли найдется кто-либо, заинтересованный в том, чтобы выиграть эту войну, — сделал неутешительный вывод Ро. — Все хотят ее закончить, единственный вопрос: как это сделать?» Спустя три дня Джонсон неожиданно заявил, что он

отзывает из Вьетнама Уэстморленда и приглашает заместителя командующего, генерала Крейтона Абрамса, для консультаций с Объединенным комитетом начальников штабов. В ходе этих консультаций было принято решение отказаться от отправки во Вьетнам дополнительно 200 тысяч военнослужащих, но ни о каких определенных изменениях политики не заявили. За это решение Объединенного комитета Джонсону пришлось заплатить согласием призвать на военную службу 60 тысяч человек, чтобы пополнить стратегический резерв.

Дабы раз и навсегда убедить президента, что ситуация во Вьетнаме зашла в тупик, Клиффорд предложил организовать конференцию, на которой бывшие государственные деятели высшего ранга вынесут свой вердикт. В число «мудрецов», как их позднее окрестили, вошли три выдающихся военных деятеля, генералы Риджуэй, Омар Брэдли, Максвелл Тейлор; бывший госсекретарь Ачесон; бывший министр финансов Дуглас Диллон; бывший посол Лодж; бывший верховный комиссар в Германии Джон Макклой; уполномоченный по заключению перемирия в Корее Артур Дин; опытный дипломат Роберт Мэрфи; Джордж Болл, Сайрус Вэнс, Артур Голдберг и его преемник в Верховном суде судья Эйб Фортас, близкий друг Джонсона. Это были люди, имевшие связи с центрами юридической, финансовой и государственной власти, а не какие-то диссиденты, пацифисты или длинноволосые радикалы, люди, заинтересованные в сохранении законных интересов системы, люди, обладавшие более широкими связями в окружающем мире, чем связи, имевшиеся в распоряжении изолированного в Белом доме кандидата на переизбрание.

В дискуссии они уделили пристальное внимание возрастанию экономического ущерба, наносимого Соединенным Штатам войной, и усилению негативных общественных настроений. Хотя некоторые из них продолжали поддерживать стратегию бомбардировок, большинство было против, и это большинство согласилось, что упорное стремление одержать военную победу поставило Соединенные Штаты в такое положение, которое могло лишь далее ухудшаться и несовместимо с национальными интересами. Риджуэй доказывал, что если все еще правомерно предположение, будто южновьетнамское руководство можно усилить, такое усиление следует произвести при американской поддержке, причем не дольше, чем за два года; Сайгон можно было бы предупредить об этом ограничении по времени, после чего «мы приступили бы к постепенному сокращению наших войск». Хотя полного согласия так и не удалось достичь, президента ознакомили с доводами в пользу того, что изменений политического курса не избежать, и намекнули на необходимость ведения переговоров и отказа от военного присутствия во Вьетнаме.

В телевизионном выступлении, которое было запланировано на 31 марта, президент собирался объяснить перед нацией по поводу Новогоднего наступления коммунистов. Встретившись с некоторыми из тех, «кто словно пребывал во сне» (это были Раск, Росту и Уильям Банди), а также со спичрайтером президента, Генри Макферсоном, который разделял его взгляды, Клиффорд настаивал, что эта речь должна ознаменовать резкий отход от прежней политики, поскольку уже понятно, что последняя ведет к «катастрофе». Он сказал советникам президента, что те

до сих пор не понимают очевидного: среди влиятельных людей наблюдаются «ужасные колебания в отношении поддержки нынешнего политического курса, которые, возможно, являются ответной реакцией на Новогоднее наступление, а может быть, вызваны ощущением, что мы увязли в безнадежной трясине. Стремление увязнуть еще глубже просто сводит их с ума». Группы, которые играют важнейшую роль в жизни страны, продолжал он с непреклонной решимостью, «бизнес-сообщество, пресса, различные конфессии, профессиональные группы, ректоры колледжей, студенты и большинство интеллектуалов настроены против войны».

Чтобы удовлетворить общественность, акцент в речи президента был сделан на том, что необходимы серьезные предложения о достижении мира с помощью переговоров и одностороннего прекращения бомбардировок. Однако стоявшие за этой речью намерения оставались прежними. Военные убедили Джонсона, что, поскольку сезон дождей все равно заставит вести лишь ограниченные боевые действия, президент может совершенно безболезненно для себя отдать распоряжение о приостановке бомбардировок.

Более того, круг лиц, приближенных к хозяину Овального кабинета, а также Объединенный комитет начальников штабов считали, что никакое предложение о мирных переговорах не должно мешать добиваться поставленных целей силой оружия, ибо Ханой, несомненно, отклонит любое мирное предложение. Это мышление проявилось, в частности, в одной важной телеграмме, направленной американским послом в странах СЕАТО за день до запланированной речи президента, той самой, с новыми инициативами. Послам дали указания, согласно которым им надлежало

информировать правительства соответствующих стран и «дать им ясно понять, что Ханой, скорее всего, отклонит этот новый проект и тем самым развяжет нам руки после короткого периода затишья». Понятно, что Джонсон и его окружение не собирались вносить никаких изменений в тактику ведения войны. В контексте предстоявших выборов проблемой стало общественное мнение внутри самих Соединенных Штатов. В том же духе, что и послы, в состоянии боеготовности были приведены военачальники в штабах Командования вооруженными силами США в зоне Тихого океана, а также в Сайгоне. Генерал Уилер уведомил их о том, что среди факторов, «имеющих отношение к решению президента», присутствует следующий: начиная с Новогоднего наступления, поддержка со стороны общества и Конгресса «снижается ускоренными темпами», и если эта тенденция сохранится, «поддержка обществом решения наших задач в Юго-Восточной Азии будет слишком слабой, чтобы оказать содействие нашим усилиям». Однако в заключение он с надеждой замечал, что намерение президента предложить приостановку бомбардировок «даст обратный ход усилению разногласий».

Обращение Джонсона к стране подавалось как проявление благородства и великодушия. «Мы готовы немедленно двигаться в направлении заключения мира через переговоры. Поэтому сегодня вечером, в надежде, что переговоры начнутся ранее, чем ожидалось, я сделаю первый шаг в сторону сокращения масштабов этого конфликта... и сделаю это в одностороннем порядке и немедленно». Самолетам и кораблям было приказано не наносить удары по территории Северного Вьетнама, лежащей севернее 20-й параллели. Атаковать

разрешалось только главную зону конфликта, в районе демилитаризованной зоны, «где постоянное наращивание сил противника представляет непосредственную угрозу для передовых позиций союзников». В зоне, бомбардировки которой должны были приостановить, проживало 90 % населения Северного Вьетнама, она включала в себя самые густонаселенные и производившие продовольственные товары районы. Бомбардировки могут быть полностью прекращены, «если масштабы наших ограничений будут сопоставимы с ограничениями, взятыми на себя Ханоем». Джонсон призвал Великобританию и Советский Союз, как сопредседателей Женевской конференции, оказать содействие и поддержать одностороннюю инициативу США по снижению масштабов конфликта ради заключения «подлинного мира в Азии». Он также призвал президента Хо Ши Мина «дать позитивный и благоприятный ответ». Ни разу не упомянув ни о предполагаемом отказе Ханоя, ни о последующем возобновлении Соединенными Штатами активных боевых действий, он ожидал заключения мира «на основе Женевских соглашений 1954 года», предоставлявших Южному Вьетнаму право быть «свободным от любого внешнего господства или от вмешательства как с нашей стороны, так и со стороны любого другого государства». Джонсон ни словом не упомянул о планах отправить во Вьетнам дополнительно 200 тысяч военнослужащих; возможность эскалации конфликта в будущем никуда не делась.

После душещипательных разглагольствований о расхождении и единстве Джонсон сделал неожиданное заявление, которое взбудоражило и американскую нацию, и значительную часть мира. Он сказал, что не

позволит вовлечь институт президентства в те яростные распри, которые усиливаются на протяжении этого политически важного года, и поэтому не будет добиваться выдвижения своей кандидатуры на еще один срок в качестве президента.

Это было вынужденное отречение, на которое Джонсон решился не по причине осознания тупика в политике и не в силу нежелания продолжать боевые действия, а в результате признания новой политической реальности. Джонсон был политиком до мозга костей. Его непопулярность стала очевидным фактом, который оказывал губительное воздействие на Демократическую партию в целом. Как лицо, занимающее должность президента, Джонсон не был готов к тому, что ему придется вступить в предвыборную борьбу и, вполне возможно, лишиться шанса на повторное выдвижение своей кандидатуры. Он не смог бы вынести такого унижения. Предварительные выборы в штате Висконсин, где проходили шумные студенческие волнения, были намечены на 2 апреля, и, когда до них оставалось два дня, представители демократов на местах передали по телефону свои вполне откровенные прогнозы: Джонсон уступал и Юджину Маккарти, и Роберту Кеннеди. И это несмотря на то, что он весь вечер говорил праведные слова о «нашей разобщенности» и своем долге залечивать душевные раны, оздоравливать историю, выполнять взятые Америкой обязательства и решать другие достойные похвалы и укрепляющие здоровье нации задачи! Он совершил благородный поступок и в нужное время ушел со сцены.

Через три дня, 3 апреля 1968 года, Ханой привел в изумление своих противников, заявив о готовности вступить в контакты с представителями Соединенных

Штатов для определения деталей «безоговорочного прекращения» бомбардировок и всех других военных действий, «чтобы переговоры могли начаться».

Двадцать два года недомыслия, начиная с того момента, когда американские транспортные суда снова доставили французов в Индокитай, теперь подходили к концу, хотя еще не закончились. Для полного окончания этого периода потребуется пять лет, в течение которых американцы будут пытаться выйти из конфликта, не подорвав свою репутацию. Недостаточность оснований для вступления в войну, бессмысленное упорство, с которым она велась, и максимальный урон, нанесенный самим себе, позволяют отнести состояние войны, каковую администрацией Джонсона инициировала и продолжала поддерживать, к безумию особого вида; о нем можно сказать, что из него абсолютно ничего не получилось. Все результаты оказались губительными, исключением стало лишь пробуждение общественного недовольства. Слишком многие американцы стали ощущать, что эта война не является справедливой, не говоря о том, что она не отвечала национальным интересам и была безуспешной. Популисты любят рассуждать о «мудрости народа», но американский народ не столько мудр, сколько сыт, что в определенных случаях является своего рода мудростью. Лишение поддержки со стороны общества стало причиной политической гибели президента, считавшего, что он может вести ограниченную войну, не опираясь на демократическое волеизъявление нации.

6. ИСХОД: 1969–1973 гг.

От применения иприта во время Первой мировой войны пришлось отказаться потому что этот газ имел странную особенность атаковать того, кто его выпускал. На своей финальной стадии война во Вьетнаме ударила по самим Соединенным Штатам, усугубив низкую оценку деятельности правительства и недоверие к нему и, с другой стороны, породив враждебное отношение правительства к своему народу, что не могло не иметь серьезных последствий. Хотя горький урок Линдона Джонсона был вполне очевиден, недомыслие президента унаследовал его преемник. Оказавшись столь же неспособной заставить противника договариваться на приемлемых для США условиях, новая администрация, как и старая, не смогла найти ничего лучшего, кроме как прибегнуть к угрозе применения военной силы. В результате война, которую уже отвергла значительная часть американского общества, продолжилась и на протяжении всего следующего срока президентства оставалась потенциальной угрозой для внутренней стабильности.

Несмотря на приостановку бомбардировок и согласие Ханоя вести переговоры, последний год пребывания Джонсона на своем посту не приблизил окончание войны. На встречах представителей двух сторон обсуждались вопросы, касавшиеся того, где будут проводиться переговоры, детали протокола, а также участие Южного Вьетнама и Национально-освободительного фронта. Обсуждалось, кто и где будет сидеть за столом переговоров и даже какой формы будет этот стол. Продолжая настаивать на первоначальном требовании «безоговорочного

прекращения» бомбардировок как на предварительном условии переговоров, северовьетнамцы не переходили от процедурных вопросов к сути проблемы. Тем временем США, не возобновляя бомбардировок территорий к северу от 20-й параллели, увеличили в три раза интенсивность воздушных ударов по маршрутам проникновения в Южный Вьетнам, проходившим южнее этой параллели и, в попытке укрепить позиции Сайгона на предстоящих переговорах, продолжали оказывать максимальное давление на противника, проводя операции типа «найти и уничтожить». Каждую неделю в этих боевых операциях погибали двести американцев, а общее число граждан США, убитых во время боевых действий в 1968 году, достигло 14 тысяч человек.

Этот год был отмечен вспышками насилия и нетерпимости внутри Соединенных Штатов, самыми заметными из которых были убийства Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга. За гибелью Кинга последовали расовые беспорядки, разгул анархии и вандализм студентов-радикалов, а также «неправильная» реакция и жестокость полиции во время конференции Демократической партии в Чикаго. Американские разведывательные службы взяли под контроль тех, кто, возможно, занимался антиправительственной деятельностью. Теперь эти службы вскрывали частную почту, использовали агентов-provokаторов, составляли досье на граждан, которые по причине каких-либо подозрительных связей могли считаться лицами, представляющими опасность для государства.

Для того чтобы добиться прогресса на переговорах, американские делегаты, посол Гарриман и Сайрус Вэнс, убеждали президента объявить о полном прекращении бомбардировок Вьетнама. Джонсон отказался это делать

без гарантий того, что и Ханой предпримет аналогичные действия, направленные на снижение военной активности, а Ханой, в свою очередь, отказывался идти на такие шаги, пока не прекратятся бомбардировки. Под давлением отчаянных требований, предъявляемых партией в преддверии выборов, Джонсон 1 ноября объявил о полном прекращении бомбардировок, но дальнейшее продвижение в переговорном процессе было сорвано президентом Южного Вьетнама, Тхьеу, который, ожидая большей поддержки в случае победы на выборах в США республиканцев, заартачился и отказался принимать участие в переговорах. Когда в январе 1969 года начались реальные переговоры, в них принимала участие новая команда во главе с президентом Ричардом Никсоном и его советником по внешней политике, Генри Киссинджером.

Заставив вспомнить о предвыборном обещании Эйзенхауэра «пойти в Корею», чтобы положить конец непопулярной войне, Никсон во время своей предвыборной кампании заверял избирателей, что «мы положим этому конец и добьемся мира». Он не уточнял, как именно это сделает, оправдывая свою скрытность тем, что не собирается говорить ничего такого, что могло бы помешать переговорам Джонсона в Париже, и «не займет такую позицию, которая впоследствии будет его связывать». Однако, делая акцент на том, что «он покончит с войной и добьется мира», Никсону удалось создать впечатление, что у него есть какой-то план. Оказалось, что у него весьма реалистичная точка зрения на войну. «Если эта война будет продолжаться на протяжении шести месяцев после того, как я стану президентом, — сказал он в частной беседе одному журналисту, — она сделается моей войной». Далее он

сказал, что не намерен «закончить свое президентство, как Джонсон, отсиживаясь в Белом доме и опасаясь появляться на людях. Я собираюсь покончить с этой войной и сделаю это быстро». Если решимость была подлинной, она указывает, что он обладал здравым смыслом, чертой характера, которую трудно сохранить, занимая высшие должности. Как только Никсон стал президентом, обещанный процесс прекращения войны двинулся в противоположном направлении и стал процессом ее продления. Выяснилось, что новый президент испытывает такое же, как его предшественник, нежелание признавать, что цели войны недостижимы, и такую же непоколебимую уверенность в том, что дополнительные силы могут заставить противника пойти на уступки.

Унаследовав скверное внутреннее и внешнее положение, что не сулило ничего, кроме затруднений, Никсон и Киссинджер, которого президент назначил главой Совета национальной безопасности, весьма преуспели в таком подходе к решению доставшихся им проблем, словно у них перед глазами постоянно маячил лозунг: «Не повторяйте того, что уже не получилось». Быть может, им следовало вспомнить Дьен Бьен Фу и потребовать ясную оценку того, что поставил на карту противник и есть ли у него воля и возможности за это сражаться. А также тщательно рассмотреть причины того, почему попытки Джонсона вести переговоры постоянно заканчивались неудачей. Такие мысли могли привести к заключению, что продолжать войну ради укрепления отдельно взятого режима в Южном Вьетнаме не только бесполезно, но также и несущественно для безопасности Америки. И что пытаться добиться выигрыша с помощью переговоров — лишняя трата

времени, поскольку противник полон решимости не дать этого сделать — если вы не готовы перейти к неограниченному применению силы. Даже если бы переговоры под давлением военной силы могли принести желаемый результат, это не давало никаких гарантий того, что через десять или двадцать лет «политическая власть в Южном Вьетнаме не будет в большей или меньшей степени похожа на ту, какой она была бы без нашего вмешательства». На это обстоятельство еще в 1967 году указывал Райшауэр.

Вполне логичным политическим курсом было бы выйти из игры, отказаться от своей уверенности в жизнеспособности некоммунистического Южного Вьетнама и уйти оттуда, не вступая в переговоры с противником, только заключив с ним одно-единственное соглашение — о возврате американских военнопленных в обмен на обязательство вывести американские войска в строго установленный срок. На самом деле, именно такой вариант представлялся наименее воинственным среди нескольких, предложенных специалистами «Рэнд корпорэйшн» по требованию администрации президента. Впрочем, он был исключен из списка Киссинджером и его военными советниками еще до того, как эти предложения представили президенту. Но даже если бы Никсон ознакомился с этим предложением, оно не показалось бы ему привлекательным. Начинаясь с надуманной угрозы безопасности Америки, эта война стала настоящим испытанием авторитета и репутации Соединенных Штатов, а значит, и личного авторитета и репутации президента. У Никсона, как и у его предшественника, не было никакого желания оказаться президентом, проигравшим войну.

У него имелся свой план, включавший в себя резкий отход от политического курса Джонсона (правда, в определенных границах). В намерения Никсона входило ликвидировать протесты внутри страны, прекратить призыв на военную службу и возвратив домой американские сухопутные войска. Это не означало отказа от целей, ради которых велась война. Американская воздушная операция во Вьетнаме должна была распространиться на линии коммуникаций и базы северян в Камбодже. Чтобы восполнить уход сухопутных войск, разработали программу оказания усиленной помощи, предоставления вооружений, обучения, а также идеологической обработки личного состава, которая позволила бы вооруженным силам Южного Вьетнама самим вести наземную войну при постоянной поддержке американских ВВС. Ставшая известной как «вьетнамизация», эта программа оказалась запоздалой попыткой претворить в жизнь давнее стремление сделать вьетнамскую войну «их» войной. Теоретически, усиленное материально-техническое снабжение должно было в какой-то степени обеспечить то, чего не удалось добиться за минувшие 25 лет (то есть создать материально заинтересованные вооруженные силы, способные сохранить жизнеспособное некоммунистическое государство, по крайней мере, в течение «приемлемого периода времени»).

Помимо умиротворения американцев односторонний вывод американских войск должен был продемонстрировать Ханюю, «что мы всерьез пытаемся найти способы дипломатического урегулирования», а значит, способствовать тому, чтобы противник вел переговоры «на приемлемых для нас условиях». Однако, оказавшись северовьетнамцы непонятливыми,

интенсивность карательных бомбардировок усиливалась бы до тех пор, пока не убедила бы их в невозможности достижения победы и вынудила либо сдаться, либо сделать так, чтобы война постепенно прекратилась. Чтобы убедить Ханой в необходимости вступления в переговоры, ему, через Советский Союз, подавались намеки: мол, в перспективе его могут ожидать блокада, минирование и еще более убедительные действия в отношении линий снабжения и убежищ на территории Камбоджи и Лаоса. В марте 1969 года, когда Никсон находился на посту президента всего два месяца, была предпринята тайная бомбардировка Камбоджи, явное выражение намерений нового президента. В апреле последовала вторая бомбардировка, а в мае воздушные налеты стали проводиться чаще и приобрели регулярный характер.

Фактически, «вьетнамизация» означала увеличение численности и перевооружение Армии республики Вьетнам (АРВ). Учитывая, что перевооружение, обучение и идеологическая обработка под американским покровительством продолжались в течение пятнадцати лет и не принесли видимых результатов, надеяться на то, что теперь АРВ сможет взять на себя бремя войны и успешно ее вести, могли только полные глупцы. Вспоминая обстановку, царившую в 1970 году, один американский сержант, который был прикреплен к южновьетнамскому подразделению, говорил: «У нас все время 50 % личного состава находилось в самоволках, а большинство командиров рот и взводов АРВ постоянно отсутствовали». У солдат не было никакого желания воевать под командованием офицеров, «которые занимались тем, что воровали и перевозили наркотики».

Еще большим проявлением недальновидности оказалось то, что ведение войны было переложено на АРВ лишь наполовину. То есть американские сухопутные силы выводились, а стратегия усиления карательных воздушных ударов (или, как их называли, отрицательное подкрепление) сохранялась. Оставив в стороне решение внутренних проблем, надо признать, что вывод сухопутных войск имел бы смысл, только если бы цель, с которой он осуществлялся, сразу же обнародовали.

Вывод боевых подразделений — необычный способ выиграть войну или хотя бы проложить путь к приемлемому урегулированию. Если уж процесс запущен, его не так просто остановить, и, подобно эскалации войны, он сам себе придает импульс и по мере сокращения сил становится все более необратимым. Горько осознавать, что американские военные увидели в этом процессе помеху достижению успеха, а поскольку они не слишком верили во «вьетнамизацию», то даже достижение разумного урегулирования считали маловероятным. Этот шаг стал необходимостью, поскольку идея о том, что войну можно вести, не вызывая общественного недовольства, оказалась иллюзией. Вполне очевидно, что, несмотря на все свои трезвые расчеты, Никсон и Киссинджер пали жертвами еще одной иллюзии. Оказывается, они считали, что вывод сухопутных сил можно осуществить, не ослабляя уже пошатнувшийся моральный дух Южного Вьетнама и не подтвердив в очередной раз, что Север обладает непреклонной решимостью. Случилось, разумеется, и то и другое.

В глазах противника снижение уровня военной активности не является свидетельством твердых и решительных намерений, а скорее наоборот, как в случае

с отходом генерала Хау в Филадельфию в годы войны за независимость США. Американские колонисты увидели в этом отходе определенную тенденцию, что помогло им изгнать британцев, и когда в Америку прибыла «Миротворческая комиссия Карлайла», у них, как известно, уже не было потребности с ней договариваться. Ханой получил точно такое же послание. Когда в июне 1969 года Никсон обнародовал программу вывода войск и когда в августе первый контингент численностью 25 тысяч военнослужащих отплыл на родину, северовьетнамцы поняли, что противоборство закончится в их пользу. Им надо было только продержаться во что бы то ни стало. Слово в знак признания этого факта, в сентябре того же года, после полувековой борьбы с империалистами, скончался Хо Ши Мин.

Между тем, план Никсона не учитывал, что причиной недовольства в самих Соединенных Штатах было нечто большее, чем страдания, вызванные потерями; что у многих людей возникло ощущение: эта война не является справедливой, и они стали по-другому воспринимать свою страну; и что хотя возвращение войск на какое-то время ослабит протесты, следствием войны останутся эти, гораздо более глубокие чувства, а по мере продолжения участия в боевых действиях они будут только усиливаться.

Пребывая в полной уверенности, что американцы, как и французы, проиграют войну у себя дома, Ханой оставался непреклонным. Испытывая раздражение и разочарование, Соединенные Штаты перешли к тактике «отрицательного подкрепления». Были разработаны планы, получившие различные названия: «Ожесточенный удар», «Главный удар» и «Ноябрьская альтернатива».

Вводилась блокада, минировались гавани, реки и прибрежные воды, разрушались дамбы, а Ханой выбрали в качестве цели для ковровых бомбардировок. «Я не могу поверить, что у такой крохотной, третьеразрядной страны, как Северный Вьетнам, нет предела прочности», — заметил Киссинджер в ходе планирования воздушных ударов. Он оказался прав в том, что у всего есть предел прочности, который определяется степенью необходимого воздействия силы. Из-за возражений гражданских аналитиков, утверждавших, что предложенные меры не смогут в значительной степени снизить возможности Севера сражаться на Юге, и опасений пробуждения того, что Киссинджер называл «дремлющим зверем общественного протеста», осуществление плана «Ноябрьская альтернатива» отложили.

Неистовая «вьетнамизация» преследовала целью удвоение численности АРВ и полное оснащение ее бронетехникой, кораблями, самолетами и вертолетами. Она включала поставки более миллиона винтовок М-16, 40 000 гранатометов, 2000 тяжелых минометов и гаубиц. Несмотря на отправку 10 тысяч офицеров, пилотов, механиков и аналитиков разведки АРВ за рубеж для обучения передовым методам ведения боевых действий, время было упущено. Благодаря этому процессу, Южному Вьетнаму удалось лишь на некоторое время укрепить свои позиции, причем главным образом потому, что Вьетконг так и не оправился от потерь, понесенных в ходе Новогоднего наступления. Однако перспектива вывода 150-тысячного контингента американских войск, намеченного на 1970 год, и дальнейшего продолжения этого процесса делала

ситуацию похожей на гонку между «вьетнамизацией» и эвакуацией.

Между тем, протестное движение вовсе не дремало и не шло на убыль. Организованный в октябре 1969 года «День вьетнамского моратория» с требованием «немедленного мира» ознаменовался антивоенными демонстрациями по всей стране. Сто тысяч человек собрались в бостонском парке Коммон, чтобы услышать призыв сенатора Эдварда Кеннеди вывести до конца текущего года все сухопутные войска, а в течение еще трех лет, то есть до конца 1972 года, вывести все единицы ВВС и вспомогательные подразделения. На плакате, который нес демонстрант в Сан-Франциско, было написано: «Проиграйте войну во Вьетнаме — верните парней домой». В качестве ответа на мораторий президент в своем обращении к нации взывал к «молчаливому большинству», которое, как он сказал, его поддерживает, и пообещал завершить вывод войск в соответствии с расписанием (конкретные сроки которого не были установлены) и «закончить войну так, чтобы мы могли выиграть мир».

Впрочем, если «молчаливое большинство» и существовало наяву, оно в основном проявляло равнодушие, тогда как протестное движение было активным, красноречивым и, к сожалению, в основном состояло из людей, которых Никсон в своем опрометчивом и едва ли чем-то оправданном обращении к протестующим студентам назвал «бездельниками». Состоявшийся в ноябре второй «День вьетнамского моратория» собрал 250 тысяч демонстрантов в Вашингтоне. Наблюдая за событием с балкона, генеральный прокурор Джон Митчелл, который прежде был партнером Никсона по законодательной

деятельности, подумал: «Это напоминает русскую революцию». Эта мысль точно отражает восприятие правительством антивоенного движения. Отрицая тот факт, что оно является вполне правомерным выражением недовольства граждан страны политикой, от которой значительные массы населения призывали отказаться, правительство считало эти протесты проявлениями злого умысла и подрывной деятельности. Именно такое отношение привело к появлению при Никсоне «списка врагов».

Поскольку недовольство выражалось через прессу и разделялось заметными представителями правящей элиты, Никсон воспринимал его как заговор с целью уничтожить лично Ричарда Никсона как политического деятеля. Он считал, что этот заговор организован «либералами», которые, по мнению президента, пытались уничтожить его как политика еще во времена Элджера Хисса. Раздраженный, а зачастую и разъяренный протестами Киссинджер (о чем свидетельствуют его мемуары) относился к ним как к фактору, который мешает проведению внешней политики, и как к неприятному, но неизбежному атрибуту демократии, который приходится терпеть, но который не должен оказывать влияние на серьезных государственных деятелей. Недовольство народа политикой ни о чем ему не говорило, даже когда это недовольство высказала делегация преподавателей, с которыми он работал в Гарварде. Оно не заставило президента прислушаться к требованиям людей с улицы и вспомнить о конституции, от имени которой он действовал. Ни Никсон, ни Киссинджер не услышали в антивоенных протестах убедительных доводов. Как и настойчивые требования реформ, которые отовсюду

доносились до слуха римских пап эпохи Возрождения, антивоенные протесты не уведомляли о том, что срочное изменение курса отвечает интересам самих правителей. Поэтому и в том, и в другом случае позитивной реакции не последовало.

Переговоры, будь то тайные встречи Киссинджера с эмиссаром Ханоя Ле Дык Тхо или четырехсторонние переговоры в Париже, не сдвигались с мертвой точки, поскольку каждая сторона по-прежнему настаивала на условиях, неприемлемых для другой стороны. Северный Вьетнам требовал смещения правительства Тхьеу и замены его формальной «коалицией», с целью ввести в нее представителей Национально-освободительного фронта. Поскольку это было равнозначно отказу от сателлита, Соединенные Штаты отклонили предложение и в свою очередь потребовали вывода всех северовьетнамских войск из южной зоны. Поскольку северовьетнамцы сочли это нарушением своего права находиться в любой части того, что для них всегда было одной страной, они категорически отказались. Хотя эта концепция ничем не отличалась от представлений Авраама Линкольна, который настаивал на неделимости Союза, американцы отнеслись к заявлению северовьетнамцев с недоверием и были убеждены, что Ханой надо заставить силой пойти на уступки.

«Покончить с войной так, чтобы мы выиграли мир», то есть сохранив некоммунистический Южный Вьетнам, — это обязательное условие связывало по рукам и ногам американских переговорщиков. Оно со всей убедительностью приравнивалось к тому, что сейчас называют «почетным миром», о чем постоянно твердили Никсон и Киссинджер. «Почетный мир» стал для Америки «ужасным препятствием», которое мешало

урегулированию конфликта во Вьетнаме. «Покажите мне то, что вы приводите в качестве основания, — говорил Берк, — докажите, что это отвечает здравому смыслу и является средством достижения приемлемого финала, и тогда я с удовольствием признаю, что вы действительно желаете найти достойный выход». Но вместо этого Соединенные Штаты отстаивали «безнадежное предприятие», как в беседе с Генри Киссинджером выразился Жан Сентени, обладавший большим опытом ведения дел во Вьетнаме. Если бы Киссинджер прочел больше трудов Берка, чем Талейрана, его политика, возможно, была бы иной.

Оставалось два варианта: либо громить Северный Вьетнам вплоть до полного его поражения, то есть прибегать к силовому воздействию такой интенсивности, использовать которое Соединенные Штаты не желали, либо отказаться от своих условий, предоставив Южному Вьетнаму, когда он будет в достаточной мере укреплен с помощью «вьетнамизации», самому себя защищать. И, как предугадал Киссинджер, «покончить с нашим участием, не заключая соглашения с Ханоем». Главным препятствием были американские военнопленные, которых Ханой отказывался возвращать до тех пор, пока не будут приняты его условия; но, установив крайние сроки вывода всех военно-воздушных и наземных сил, можно было добиться их освобождения. Ради быстрого завершения войны и оздоровления американской нации можно было выбрать именно этот вариант, который являлся реально осуществимым, и нашлись люди, которые к нему призывали. Но его отвергли, поскольку он якобы представлял опасность для репутации Америки. То, что отказ от безнадежного дела и возвращение нации в нормальное состояние скорее могли бы укрепить, чем

ослабить репутацию Америки, не принималось в расчет теми, кто вырабатывал политический курс. Делая выбор между резкой эскалацией войны и отказом от условий, Никсон и Киссинджер остановились на уже показавшем свою безрезультатность промежуточном варианте, который состоял в следующем: постепенно увеличивая масштабы применения силы, пытаться сделать так, чтобы «продолжение войны показалось бы Ханю менее привлекательным, чем урегулирование». Эта программа осуществлялась в течение нескольких лет.

Теперь она приобрела форму интенсивных бомбардировок, направленных не на собственную территорию Северного Вьетнама, а на его линии снабжения, базы и убежища в Камбодже. В отчетах военных количество самолетовылетов систематически искажалось, поскольку нужно было как-то считаться с нейтралитетом Камбоджи, но едва у них появился предлог, состоявший в том, что противник уже давно нарушает нейтралитет, сохранение в тайне подлинного количества вылетов, вероятно, в большей степени использовалось для того, чтобы скрыть от американского общества расширение масштабов войны. В условиях, когда пресса и многие государственные деятели были настроены против войны, предположение, что сведения о воздушных налетах можно скрывать, стало одним из поразительных заблуждений высшего руководства. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Пентагоне нашел свидетельства об авиаударах и сообщил о них. Хотя этот эпизод не вызвал общественного резонанса, он положил начало процессу, которому суждено было стать камбоджийским провалом Никсона. Раздосадованный тем, что он счел «утечкой» сведений о секретных бомбардировках, Никсон обратился к ФБР, которое под

руководством Киссинджера приступило к прослушиванию телефонных разговоров сотрудника администрации президента Мортон Гальперина, имевшего доступ к секретным данным. Так началась длинная вереница событий, которая закончилась первой в истории США отставкой президента.

Тайные операции Никсона еще оставались в тени, но в апреле 1970 года настоящий фурор вызвало вторжение в Камбоджу американских наземных войск и подразделений АРВ. Распространение войны на еще одно, формально нейтральное государство, в то время как Америка призывала ограничить, а не расширять ее масштабы, сделало Никсона похожим на Ровоама, который поручил успокоить израильтян надсмотрщику за трудом рабов. В той обстановке более провокационного действия нельзя было предпринять. Предназначенный для того, чтобы навлечь беду на злоумышленника, этот акт стал проявлением недомыслия, которого правительства двух стран, похоже, не могли избежать, словно повинувшись какому-то злему року.

Военные основания этого вторжения казались вполне убедительными: предотвратить ожидаемое наступление Северного Вьетнама, который предположительно собирался взять под контроль Камбоджу и создать серьезную угрозу Южному Вьетнаму в период вывода американских войск. Вторжение должно было выиграть время, необходимое для завершения «вьетнамизации», перерезать основной путь снабжения из камбоджийского порта Сиануквиля и оказать поддержку новому и более дружественному режиму в Пномпене, сместившему симпатизировавшего левым принца Сианука. Однако, если бы в интересах Никсона и Америки было положить конец войне, здравомыслящие

члены правительства могли бы привести не менее убедительные доводы в пользу отказа от этой операции.

Никсон полагал, что предварительно заявленные сроки вывода 150 тысяч военнослужащих в 1970 году нейтрализуют протесты, а если «эти либеральные ублюдки» будут по-прежнему создавать неприятности, то ему будет уже все равно. В своей воинственной речи он назвал кампанию ответом на «агрессию» Северного Вьетнама и, как всегда, упомянул, что не станет президентом, допустившим поражение Америки. Было сказано, что задачей этого вторжения является уничтожение предполагаемого штаба, или «нервного центра», противника, обозначенного аббревиатурой ЦСЮВ (Центральный совет Южного Вьетнама). В тактическом отношении успех был очевиден: удалось захватить значительное количество вооружений Северного Вьетнама, уничтожить бункеры и убежища, увеличить число убитых врагов еще на 200 человек и нанести противнику такой урон, который заставил его отложить на год планируемое наступление. Несмотря на свое громкое название, таинственный «нервный центр» так и не был обнаружен. В целом же результат был отрицательным: ослабленное правительство Камбоджи теперь нуждалось в защите, земельные участки и деревни оказались в ужасном состоянии, треть населения страны превратилась в бездомных беженцев, а силы прокоммунистических красных кхмеров пополнились значительным количеством новобранцев. Северовьетнамцы вскоре вернулись в Камбоджу и, захватив значительную часть ее территории, стали вооружать и обучать военному делу повстанцев. Тем самым были созданы все условия для того, чтобы еще

одна страна Индокитая в недалеком будущем испытала ни с чем не сравнимые страдания.

В Америке реакция на это вторжение оказалась весьма бурной, поскольку оно восстановило против администрации как левых, так и правых политических радикалов. Начались яростные дебаты, в ходе которых противники и сторонники правительства испытывали друг к другу все большую неприязнь. Хотя данные опросов часто показывали резкое увеличение количества тех, кто выступал за более агрессивные действия Никсона, голоса противников войны звучали громче, и по отношению к правительству пресса была настроена явно враждебно. «Нью-Йорк таймс» назвала предъявленные Никсоном основания для вторжения «очередной военной галлюцинацией» и заключила: «Время и горький опыт привели к тому, что американский народ перестал быть доверчивым». Общество ужаснулось, когда несколькими месяцами ранее стали известны подробности массового убийства в Сонгми, когда американские солдаты в приступе безумной жестокости убили более 200 безоружных сельских жителей, в том числе стариков, женщин и беспомощных, рыдающих детей. Потрясение усугубилось, когда после вторжения в Камбоджу американцы начали убивать американцев. Четвертого мая Национальная гвардия, вызванная губернатором, который хотел пресечь то, что показалось ему опасным проявлением насилия в студенческом городке Кентского университета штата Огайо, открыла огонь по демонстрантам и убила четырех студентов. Фотография обезумевшей от ужаса студентки, стоящей на коленях перед телом своего мертвого товарища, врезалась в память глубже, чем любая фотография, начиная со

снимка поднятия флага на острове Иводзима. Раскаты войны во Вьетнаме отозвались в Америке.

После инцидента в Кентском университете протестное движение разгорелось еще ярче. Студенческие забастовки, марши, сжигание флагов наблюдались во множестве университетских городков. Разгневанная толпа, численностью около 100 тысяч человек, собралась в парке, расположенном как раз напротив лужаек Белого дома, где кольцо из шестидесяти автобусов с полицейскими выстроилось подобно тому, как колонисты выстраивали кольцом фургоны, обороняясь от индейцев. У Капитолия ветераны Вьетнамской войны устроили митинг, на котором каждый из них снял и выбросил свои медали. В Госдепартаменте 250 сотрудников этого ведомства подписали заявление, в котором возражали против расширения масштабов войны. Все произошедшее было объявлено пособничеством врагу, поощряющим его держаться до конца, что было правдой, и отсутствием патриотизма, что также было правдой, поскольку самым печальным последствием событий стала утрата этого весьма ценного чувства у молодежи — теперь молодые попросту смеялись над патриотизмом.

Протестное движение имело фанатичных сторонников, которые в своей риторике доходили до идиотизма и призывали к противозаконным подрывным действиям. Это приводило в ярость добропорядочных граждан, и не потому, что все они были «ястребами», а потому, что они считали такие действия направленными против общественных норм, против закона и порядка. Это противоборство нашло свое выражение в прямом столкновении, когда строительные рабочие в прочных касках напали на студентов, устроивших марш протеста

на Уолл-стрит, избивая их всем, что попадалось под руку. Противостояние достигло своего пика в октябре в Сан-Хосе, куда Никсон приехал, чтобы выступить с речью в ходе кампании промежуточных выборов 1970 года. Президента встретила толпа, которая выкрикивала проклятия и непристойные оскорбления в его адрес. А когда он вышел из помещения для приемов, в него полетели яйца и камни, один из которых его задел. Это было первое в истории Америки нападение толпы на президента. «На их лицах мы видели ненависть... Мы слышали эту ненависть в их голосах», — сказал он, когда через некоторое время объявил участников беспорядков «жестокими головорезами», которые несут ответственность за «все худшее, что творится в Америке».

Лавина критики, вызванной камбоджийской акцией, привела Никсона в ярость еще до инцидента в Сан-Хосе и обострила присущее ему навязчивое ощущение того, что его подвергают травле. По словам члена администрации Чарльза Колсона, в Белом доме царила «атмосфера осадного положения». «Теперь „мы“ были против „них“». Согласно утверждениям другого наблюдателя, охрана дворца «искренне считала вполне возможной революцию левых». Обычным делом стало скрытое наблюдение за «врагами», применение методов политического преследования и шпионажа, отключение телефонной связи и установка прослушивающих устройств без соответствующих предписаний. Один из сотрудников Белого дома, которому поручили вести наблюдение за группами радикально настроенных террористов, разработал план предоставления полиции неограниченных прав и возможности несанкционированного проникновения в жилища,

которое должно использоваться как инструмент обеспечения правопорядка. Подписанная президентом, эта программа действовала на протяжении пяти дней, до тех пор пока ФБР, возможно ревниво отстаивая собственные прерогативы, не посоветовало ее отменить. Масштабы поиска источника утечки секретных сведений о бомбардировках расширились до тех пор, пока не достигли уровня, при котором прослушивались телефонные разговоры семнадцати членов Совета национальной безопасности и нескольких журналистов. Утечки, как и эфемерный Центральный совет Южного Вьетнама, обнаружены так и не были. Все оказалось результатом обычной деятельности предприимчивых журналистов.

Право выражать свое несогласие является одной из абсолютных ценностей американской политической системы. Готовность подавлять несогласие, действуя от имени главы государства, а также осуществлять незаконные процедуры самому и разрешать осуществлять их другим, в конечном счете привели к Уотергейту. В условиях постоянных срывов переговоров и продления войны еще на год число таких процедур увеличилось, и в июне 1971 года в опубликованных «документах Пентагона» их количество превысило все допустимые нормы. Этот архив, состоявший в основном из засекреченных правительственных документов, сбор которых первоначально санкционировал Макнамара, пытавшийся выявить глубинные причины американского участия в войне, был похищен бывшим чиновником Пентагона Дэниелом Элсбергом; он теперь придерживался антивоенных убеждений и ознакомил с документами прессу и некоторых членов палаты представителей и Сената. Хотя эти документы

охватывали период не позднее 1968 года, реакция на утечки сведений о деятельности команды Никсона — Киссинджера оказалась чрезмерной, особенно потому, что они тайно работали над успешным завершением восстановления отношений с Китаем и подготовкой встречи на высшем уровне с руководством СССР и не желали, чтобы Вашингтон считали неспособным на конфиденциальные отношения. С целью выявления утечек бригада «водопроводчиков» была размещена в помещении в цокольном этаже здания рядом с Белым домом и получала распоряжения «прямо из Овального кабинета» (согласно последующим свидетельским показаниям). Эти распоряжения отдавались с целью получить на Элсберга какой-нибудь «компромат». В результате состоялось незаконное проникновение в кабинет личного психиатра Элсберга, с целью сфабриковать обвинение в том, что он является советским агентом. Польза от этого мероприятия была весьма сомнительной, поскольку в случае успеха оно могло надолго отложить проведение встречи на высшем уровне с русскими, которой столь энергично добивался Никсон. К счастью для своего нанимателя, «водопроводчики» ушли из кабинета с пустыми руками. Но даже если бы они и обнаружили какие-либо сведения об Элсберге, то; независимо от их характера, никак не смогли бы поставить под сомнение достоверность информации, изложенной в четырнадцати томах правительственных документов, с которых были сделаны фотокопии. Недомыслие высших эшелонов власти явно передавалось эшелонам низшим. И здесь мы тоже видим отсутствие щепетильности в отношении закона, что вновь заставляет нас вспомнить о моральном облике римских пап эпохи Возрождения.

Сигналы опасности стали поступать из Конгресса, который до сих пор вполне довольствовался ролью стороннего наблюдателя за событиями, терзавшими всю страну. Конгресс, как заметил один из конгрессменов, «есть орган, состоящий из последователей, а не лидеров». Исходя из этого, можно предположить, что в своем «ощущении событий» Конгресс следовал за тенденциями общественного мнения, и что его апатия свидетельствовала: до Камбоджи молчаливое большинство, по всей вероятности, было действительно большинством. Когда первые полгода пребывания Никсона на посту президента не закончились прекращением огня, которое он сулил в ходе своей избирательной кампании, настроенные против войны сенаторы Мэнсфилд, Кеннеди, Гейлорд Нельсон, Чарльз Гуделл и прочие стали открыто призывать к принятию мер по завершению войны. Вторжение в Камбоджу без санкции Конгресса оживило попытки Сената вновь заявить президенту о своих исключительных правах, которыми он, проявив слабость, позволил пренебречь. Одним из фактов, выявленных «документами Пентагона», оказалось явное отсутствие во всех обсуждениях и документах заинтересованности Конгресса в том, чтобы он также принимал участие в определении оборонной и внешней политики. После того как вторжение в Камбоджу стало свершившимся фактом, Никсон заверил группу конгрессменов, в которую входили представители обеих палат, что без попыток получить санкцию Конгресса американские войска не будут проникать в глубь страны дальше чем на 30–35 миль (заметим, что речь шла не о получении санкции, а только о попытках ее получить) и что все войска будут выведены из Камбоджи в срок от трех до семи недель.

Сенаторов это не убедило. Были внесены поправки в финансовые законопроекты с целью сократить финансирование военного присутствия, прекратить или ввести временные ограничения на проведение боевых операций. Эти поправки были одобрены Комитетом по ассигнованиям, обсуждались на специально созванном совещании и были приняты достаточным большинством голосов. В каждом случае под автократическим давлением крайне правого председателя комиссии нижней палаты законопроекты либо выхолащивали, либо отсылали на повторное обсуждение, либо отклоняли с использованием парламентской тактики «прекращения полемики». В конце концов Тонкинскую резолюцию отменили, но только когда администрация, перехитрив оппонентов, сама поддержала отмену на том основании, что право вступать в войну обусловлено конституционными полномочиями президента как главнокомандующего вооруженными силами. Это основание было весьма зыбким, поскольку вставал вопрос, является ли он на самом деле главнокомандующим, если война так и не была объявлена? Но Верховный суд, решение которого шло вразрез с несколькими исследованиями, проведенными в этой области, старательно обходил данный вопрос.

Тем не менее количество противников войны в нижней палате увеличивалось. Когда 153 члена палаты представителей, что на тот момент было рекордным показателем, проголосовали против затягивания процесса выхода из войны (что весьма занятно), поправка Купера — Черча, запрещавшая финансирование военных операций в Камбодже после июля, воспринималась как сигнал к мятежу. В следующем году число сторонников поправки Мэнсфилда, которая в

своем первоначальном варианте устанавливала сроки вывода войск, не превышавшие девяти месяцев (но потом измененные палатой на фразу «как можно скорее»), возросло до 177 человек. Эти сроки устанавливались в надежде на скорейшее освобождение военнопленных. Данный, пусть небольшой прогресс предполагал дальнейшее усиление оппозиции и даже возможное приближение к тому невообразимому моменту, когда законодательная власть сможет сказать президенту: «Остановитесь».

В 1971 году силы АРВ при поддержке американских ВВС (но без содействия американских сухопутных войск) вторглись в Лаос, повторив камбоджийскую операцию. Как выяснилось, «вьетнамизация» обошлась для АРВ потерей 50 % личного состава, к тому же создалось впечатление, что теперь ее солдаты сражаются и умирают за то, чтобы позволить американцам покинуть страну. Это впечатление усиливала привычка Вашингтона громогласно объявлять каждую военную операцию направленной на «спасение американских жизней». По мере того как антиамериканские настроения во Вьетнаме усиливались, расширялось тайное сотрудничество с Национально-освободительным фронтом, и все чаще звучали открытые требования пойти на политический компромисс. Возродилось протестное движение, на сей раз направленное против Тхьеу. Моральный дух оставшихся в стране американских войск падал, подразделения уклонялись от боевых действий или просто отказывались воевать. Среди военнослужащих широко распространилось употребление наркотиков. Имели место случаи «фреггинга», то есть подрыва с помощью ручных гранат своих же офицеров и сержантов — впервые в американской армии.

В конце года данные опросов показывали, что число сторонников полного вывода американских войск, даже если это приведет к переходу Южного Вьетнама под контроль коммунистов, скоро составит большинство населения Соединенных Штатов. Впервые большинство согласилось с тем, что «в нравственном отношении война Соединенных Штатов во Вьетнаме является несправедливой» и что «главной ошибкой» было втягивание Америки в эту войну. Общественное мнение изменчиво, данные опросов эфемерны, а ответы на вопросы могут зависеть от того, как эти вопросы сформулированы. Причина, по которой войну признали безнравственной, была аналогична той, о какой говорил в свое время лорд Норт: «...длительные неудачи, которыми она была отмечена, сделали ее непопулярной, и люди стали взывать о мире».

К 1972 году война продолжалась дольше, чем любой другой зарубежный конфликт, в каком когда-либо принимала участие Америка, а те шесть месяцев, которые определил для себя Никсон, растянулись на три года, в течение которых погибли еще 15 тысяч американцев, — а конца войны все еще не было видно. Все парижские переговоры и тайные миссии Киссинджера не принесли никакого результата, главным образом потому, что Соединенные Штаты пытались договориться о том, как им выйти из войны, которую они не смогли выиграть, и при этом сохранить лицо. Северный Вьетнам нес равную ответственность за продолжение войны, но ставки противников не были равны. Ведь вьетнамцы поставили на карту свою землю и свое будущее. В марте 1972 года, когда большинство подразделений американской армии уже покинули страну, Северный

Вьетнам предпринял наступление, которое должно было приблизить конец войны.

Совершив бросок по всей ширине демилитаризованной зоны, войска Северного Вьетнама численностью 120 тысяч человек, оснащенные советскими танками и полевыми орудиями, прорвали оборону АРВ и двинулись в направлении расположенных вокруг Сайгона густонаселенных городских центров. Не в состоянии оказать сопротивление на суше, США приступили к выполнению первого этапа операции «Ожесточенный удар», разработанной еще в 1969 году. В воздушное пространство Северного Вьетнама направили бомбардировщики В-52S, которые должны были нанести массированные удары по складам горючего и целям, входившим в транспортные системы Ханоя и Хайфона. Никсон объявил эту кампанию «решительной военной акцией за окончание войны». Спустя месяц Киссинджер предложил план временного прекращения огня, в котором впервые отсутствовало требование вывода войск Северного Вьетнама с Юга, и заявлялось о готовности американцев вывести все войска в течение четырех месяцев после возвращения военнопленных. Вопрос о политическом урегулировании оставался открытым. Возможно, для того, чтобы согласиться на четырехмесячный срок вывода американских войск, Ханой должен был проявить мудрость, но поскольку он всегда отказывался вести переговоры под бомбежками, то и на этот раз случилось то же самое.

Никсон, который никогда не забывал о предстоящем переизбрании, был взбешен упрямством противника и в присутствии помощников клятвенно пообещал, что «этих ублюдков еще никогда не бомбили так, как их будут бомбить в этот раз». В ответ на предостережения, что

это может вызвать опасную реакцию внутри Америки и привести к тому, что русские отменят встречу в Москве, которая должна была начаться через две недели, и не подпишут соглашение об ограничении стратегических вооружений (ОСВ), с таким трудом подготовленное, президент объявил о начале второго этапа операции «Ожесточенный удар» — морской блокаде и минировании гавани Хайфона и круглосуточных налетах В-52S. Из-за нервной обстановки, вызванной риском нанести ущерб советскому судоходству и судоходству других стран, американцы давно избегали применения таких акций как морская блокада и минирование портов. К тому же, эти действия могли вызвать недовольство в самих Соединенных Штатах. Сотрудники Белого дома, нервы которых были на взводе, считали, что подобное решение «способно либо возвеличить, либо погубить президента», и потратили более 8000 долларов из фондов предвыборной кампании на то, чтобы сострять поток фальшивых телеграмм, в которых высказывалось одобрение, и сфабриковать пропагандистские объявления в газетах. Все эти действия имели целью предоставить Белому дому возможность заявить, что общественное мнение складывается в пользу президента. Наверное, они работали не жалея сил, поскольку, несмотря на то, что и пресса, и ясно излагавшие свою позицию инакомыслящие осудили блокаду, общественное мнение не выразило возмущения, а казалось, напротив, довольно высоко оценило жесткие действия президента, столкнувшегося с непримиримостью северовьетнамцев.

Вскоре после этого стало известно еще об одном случае мошенничества. В штаб-квартире Национального комитета Демократической партии, находившемся в гостиничном комплексе «Уотергейт», были схвачены с

поличным пять агентов Комитета по переизбранию президента (КППП), которые были связаны с двумя главными «водопроводчиками» Белого дома (Говардом Хантом и Гордоном Лидди), являвшимися инициаторами налета на кабинет личного психиатра Элсберга. Задержанные просматривали документы Демократической партии и устанавливали прослушивающие устройства на телефоны. Тогда окончательное разоблачение того, во что оказался вовлечен президент, стало достоянием широкой общественности только после судебных разбирательств с этими пятью агентами и состоявшихся в следующем году слушаний специальной комиссии по расследованию, возглавляемой сенатором Эрвином. В ходе этих слушаний были раскрыты многочисленные случаи замалчивания фактов, шантажа, подстрекательства к лжесвидетельству, взяток за молчание, шпионажа, подрывной деятельности, использования полномочий федеральной власти для незаконных преследований «врагов» и наличия плана, составленного пятьюдесятью наемными сотрудниками для искажения и срыва предвыборных кампаний кандидатов от Демократической партии с помощью «грязных махинаций» или того, что на жаргоне сотрудников Белого дома называется «крысиной возней». Полный список подлежащих уголовному преследованию преступлений включал в себя незаконное проникновение в помещение, подкуп, подлог, лжесвидетельство, кражу, тайный сговор, воспрепятствование отправлению правосудия, причем большинство из этих преступлений совершались в особо крупных масштабах; подобно тому, как лента тикера с биржевыми котировками превращает в развалины

величественное здание компании, они превращали в развалины личность самого преступника.

И снова мы видим, что характер человека определяет его судьбу. Оказавшись под прессом страстей, разгоревшихся вокруг вьетнамской войны, Никсон, как и его помощники, заставили администрацию по уши влезть в болото, которое в дальнейшем испортило отношение общества к государственной власти. С точки зрения мировой истории постыдный поступок какого-нибудь правителя — вполне заурядное дело, но постыдные действия государственной власти наносят травмы, поскольку государственная власть не может функционировать в условиях, когда общество не относится к ней с уважением. Вашингтон не подвергся разграблению, как это случилось с Римом, когда неуважение к папству распространилось на этот город, но наказание все же оказалось весьма суровым.

К тому моменту, когда обществу предъявили самую верхушку уотергейтского скандала, резкая активизация боевых действий во Вьетнаме принесла свои результаты. Морская блокада в сочетании с уничтожением складов горючего и боеприпасов радикальным образом уменьшила ресурсы Северного Вьетнама. Оказалось, что русские больше заинтересованы в разрядке отношений с Соединенными Штатами, чем в удовлетворении потребностей Ханоя. Они радушно приняли Никсона в Москве и посоветовали своим вьетнамским друзьям пойти на уступки. Китай тоже хотел затушить этот конфликт. Усилиями Никсона и Киссинджера китайско-американские отношения недавно восстановились, и теперь Китай был заинтересован в том, чтобы натравить Соединенные Штаты на Россию. Это привело к тому, что во время визита лидеров

Национально-освободительного фронта в КНР Мао Цзэдун посоветовал им отказаться от настойчивого требования свергнуть Тхьеу, что до тех пор было для них неизменным условием. «Поступайте, как я, — говорил он. — Когда-то я заключил с Чан Кайши соглашение, поскольку это было необходимо». Убежденные в том, что и на их улице будет праздник, делегаты НОФ согласились.

Страдавший от ударов В-52S Север также был готов пойти на уступки, в силу сложившихся политических условий. В Соединенных Штатах кандидат от Демократической партии с трудом преодолевал последствия промахов, совершенных в ходе неумело организованной предвыборной кампании. Из данных проведенных в США опросов Ханой понял, что Никсон останется на своем посту еще на четыре года, и сделал вывод, что перед выборами может добиться от него более приемлемых условий. Переговоры были возобновлены, и в конечном счете удалось достичь трудных для понимания компромиссов и запутанных договоренностей, позволявших Соединенным Штатам выйти из войны и создать видимость сохранения режима Тхьеу. А 31 октября Киссинджер, как оказалось преждевременно, объявил о том, что «мир уже близок».

Тхьеу категорически отказался признать проект договора, позволявшего войскам Северного Вьетнама, численностью 145 тысяч человек, оставаться на территории Южного Вьетнама и признававшего НОФ под недавно придуманным для него новым названием «Временное революционное правительство» (ВРП) участником будущего политического урегулирования. В позиции Тхьеу не было ничего противоестественного, поскольку в противном случае ему пришлось бы

отказаться от власти. В этой критической ситуации Никсон с оглушительным успехом был переизбран на второй президентский срок, получив самое внушительное большинство голосов за всю историю выборов. Для президента, который вскоре был вынужден уверять американский народ, что он не является мошенником, это был невероятный триумф. Полная победа на выборах стала результатом многих причин, среди которых были слабость и непостоянство оппонента Никсона, сенатора Макговерна. Его неудачное заявление о том, что он поползет в Ханой «на коленях», и предложение установить гарантированный минимум дохода (1 000 долларов) для каждой семьи оттолкнули от него избирателей. Упомянем также: успешное применение «грязных махинаций», которые еще во время предварительных выборов вывели из строя более сильного кандидата; спокойное состояние общества, ожидавшего, что мир наконец будет подписан; и, возможно, в качестве фона, негативную реакцию средних американцев на контркультуру, проявлениями которой были длинные волосы, хиппи, наркотики и радикалы с их предполагаемой угрозой всем признанным ценностям.

Воодушевленный поддержкой большинства избирателей, Никсон оказал сильнейшее давление на обе противостоящие стороны во Вьетнаме, призывая их к урегулированию конфликта. В одном из писем он заверял Тхьеу, что, хотя озабоченность последнего тем, что на Юге остаются войска Северного Вьетнама, вполне понятна: «...у вас есть все гарантии того, что, если Ханой нарушит верность условиям этого соглашения, я намерен нанести быстрый и жестокий ответный удар». Нет сомнений в том, что у него были именно такие намерения, поскольку Парижские соглашения не

гарантировали снятия палубной авиации с авианосцев, находившихся в близлежащих водах, и отзыва самолетов с баз, расположенных в Таиланде и на Тайване. На самом деле, Объединенный комитет начальников штабов получил указание готовить планы возможных ответных ударов с использованием авиации, базировавшейся в Таиланде, и передать Сайгону вооружений на сумму 1 миллиард долларов. Тхьеу также было сказано, что, если он продолжит упорствовать, Соединенные Штаты смогут заключить мир без него, но это не заставило его изменить свою позицию. На возобновившихся тайных переговорах с Севером Киссинджер отошел от уже согласованных условий; теперь он просил о символическом отводе войск Северного Вьетнама с Юга, понижении статуса НОФ и других изменениях, сопровождая свои просьбы угрозами применения военной силы.

Вновь убедившись в вероломстве Соединенных Штатов, Ханой отказался вносить требуемые изменения. Не испытывая беспокойства, вызванного протестами общества, Никсон ответил беспощадным ударом, печально известной Рождественской бомбардировкой, которая стала самой крупной американской акцией той войны. В течение двенадцати дней декабря ВВС сбросили на Северный Вьетнам больший тоннаж бомб, чем за последние три года, превратив районы Ханоя и Хайфона в груды камней, разрушив Ханойский аэропорт, заводы и электростанции. Впрочем, был и обратный эффект. Потери самолетов, понесенные из-за высокой концентрации ракетных установок ПВО, стоили Америке увеличения числа военнопленных еще на 95—100 человек. Неприятным фактом стало и то, что были сбиты 15 (по данным Ханоя — 34) тяжелых бомбардировщиков.

Рождественская бомбардировка имела двойную цель: добиться такого ослабления Северного Вьетнама, которое позволило бы Сайгону продержаться срок, необходимый для вывода сил США, а кроме того, продемонстрировать решимость Америки преодолеть сопротивление Тхьеу или найти предлог продолжать без него. «С ним мы уже прошли нашу последнюю милю, — было сказано впоследствии, — и в результате смогли все уладить».

Эта яростная атака, предпринятая перед самым концом войны, опорочила репутацию Америки и дома, и за рубежом, лишь подчеркнув ее жестокость. Новые законодатели, избранные в Конгресс в результате пересмотра правил, во время предварительных выборов Демократической партии пообещали, что страна скоро столкнется с большими проблемами. И эти проблемы обрели реальные очертания, когда 2 и 4 января закрытое собрание демократов обеих палат проголосовало за «немедленное» прекращение огня и приостановку финансирования военных операций в любой стране Индокитая; возобновление помощи возможно только после освобождения военнопленных и безопасного ухода американских вооруженных сил. Столкнувшись с давно ожидаемым возмущением Конгресса и уотергейтскими разоблачениями, сделанными судьей Джоном Сирика, администрация предложила прекратить бомбардировки, если Ханой возобновит мирные переговоры. Ханой согласился. Были возобновлены переговоры, на которые обе стороны пошли не от хорошей жизни. Подготовили проект мирного договора, а Тхьеу в откровенно ультимативной форме заявили, что если он не сделает того, что от него требуется, Соединенные Штаты

прекратят оказывать экономическую и военную помощь и заключат мирный договор без него.

Из заключительного варианта мирного договора были исключены те два условия, из-за которых Северный Вьетнам и США продлили войну еще на четыре года. Одним из этих условий было свержение режима Тхьеу, а другим — уход войск Северного Вьетнама с Юга. Политический статус такой старой организации как Вьетконг (которая теперь превратилась во Временное революционное правительство) был признан, хотя, чтобы не раздражать Тхьеу, это сделали не в прямой форме. Демилитаризованная зона, или разделительная линия, уничтожить которую требовал Ханой, была сохранена, но (здесь снова вспомним условия Женевских соглашений) как «временная, а не политическая или территориальная граница». Единство Вьетнама недвусмысленно признавалось в статье, которая гарантировала, что «объединение Вьетнама будет осуществлено» посредством мирных обсуждений с участием всех заинтересованных сторон; следовательно, такой довод как угроза «внешней агрессии» через «международную границу», который много лет служил Америке поводом к ведению боевых действий, теперь оказался на свалке истории. С упорством умирающего, который до последнего вздоха цепляется за жизнь, Тхьеу до крайней возможности отказывался подписывать договор, но, в конечном счете, все же уступил. Подписанный в Париже 27 января 1973 года, этот мирный договор совершенно не учитывал того, что обстановка в стране изменилась и отличалась от той, какой она была девятнадцать лет тому назад, когда в Женеве было достигнуто весьма непрочное урегулирование. В реальной жизни с тех пор погибли более полумиллиона человек на Севере и на

Юге, появились сотни тысяч раненых и обездоленных людей, обгоревших и покалеченных детей, безземельных крестьян. Оставшаяся без лесного покрова, опустошенная земля была изрыта оспинами воронок от бомб, а живший на ней народ разобщен взаимной враждой. Попытки достичь соглашения с помощью разделения страны на две зоны в целом были признаны неосуществимыми, и многие предполагали, что стороны очень скоро перейдут к применению силы. Никто не верил в жизнеспособность некоммунистического Южного Вьетнама, ради которого Америка превратила в руины Индокитай и изменила самой себе. Исключениями были разве что Никсон и Киссинджер, которые убеждали себя в том, что при необходимости, Соединенные Штаты все еще могут исправить ситуацию. Этот мирный договор был не более чем временным прикрытием, под защитой которого Америка, нацепив на себя ветхую одежку «почетного мира», могла спастись бегством.

Впоследствии Ханой, как известно, одержал победу над Сайгоном, причем сделал это всего за два года. Когда Уотергейт поставил крест на политической карьере Никсона и Конгресс наконец собрал голоса, необходимые для того, чтобы, приостановив финансирование, не допустить повторной интервенции, Северный Вьетнам предпринял последнее наступление, а дрогнувший Юг не смог противостоять стремительному нападению. Несмотря на это, некоторые подразделения сражались с упорством, но в целом армия Южного Вьетнама «напоминала, — как заметил один американский солдат, — дом без фундамента, и ее крушение было вполне естественным». Коммунисты установили свою власть на всей территории Вьетнама и добились таких же результатов в Камбодже. В целом, новый политический

строй во Вьетнаме очень походил на тот, который в конечном счете установился бы в этой стране, если бы не было американской интервенции. Единственными отличительными чертами этого строя были его невероятная мстительность и жестокость. Возможно, именно Ханой проявил самое большое безрассудство: ведь он на протяжении тридцати лет упорно сражался за идею, которая, после того как была одержана победа, воплотилась в бесчеловечную тиранию.

Отказ Конгресса позволить США предпринять повторную интервенцию представлял собой функционирование, а вовсе не «остановку политических процессов нашей демократической системы», как горестно стенал Киссинджер. В большей степени, чем недостаточная решимость довести дело до конца, Америку подвело то, что она слишком поздно осознала: процесс явно не отвечает ее собственным интересам и наносит вред — и опоздала с принятием политической ответственности за его прекращение. В конце концов это произошло, но слишком поздно, чтобы избежать наказания. Людские потери оправданы, когда считается, что они послужили достижению какой-либо цели. Но они вызывают горькое сожаление, когда, как в данном случае, 45 тысяч убитых и 300 тысяч раненых стали напрасными жертвами. Затраты на ведение войны, которые под конец ежегодно насчитывали около 20 миллиардов долларов, за почти десять лет составили около 150 миллиардов долларов, что превысило нормальный военный бюджет, и настолько деформировали экономику, что она до сих пор не пришла в нормальное состояние.

Однако еще более важным, чем материальные последствия, стало падение авторитета государственной

власти и доверия к ней. Законы, принятые Конгрессом в послевоенные годы, часто бывали направлены на ограничение президентской власти в различных сферах ее применения. Это делалось из предположения, что без таких ограничений президент будет действовать неадекватно или незаконно. Общество также стало более недоверчивым, и многие люди заняли позицию, которую в двух словах выразил сотрудник Белого дома Гордон Стракан, когда в ответ на вопрос комиссии Эрвина, какой совет он дал бы тем молодым людям, что желают попасть на государственную службу, ответил: «Держаться от нее подальше». У многих вера в добропорядочность нашей страны сменилась скептическим отношением. Кто после Вьетнама осмелился бы вполне искренне сказать, что Америка есть «последняя надежда человечества?» Если свести к одному слову, то Америка лишилась во Вьетнаме своей добродетели.

Безумие, которое привело к подобному результату, начинается с постоянной чрезмерной реакции, породившей такие измышления, как оказавшаяся в опасности «национальная безопасность», «жизненные интересы» и «взятые на себя обязательства». Все эти иллюзии очень быстро начали жить собственной жизнью, околдовывая своих изобретателей. В этом процессе главной движущей силой был Даллес, который, сокрушив до основания достигнутый в Женеве компромисс и утвердив Америку в роли гаранта безопасности одной стороны и непреклонного оппонента другой, стал инициатором всего, что за этим последовало. Чрезмерное рвение Даллеса, сделавшее его Савонаролой внешней политики, завораживало и тех, кто с ним работал, и его преемников, которые механически повторяли заклинания

о «национальной безопасности» и «жизненных интересах». Они делали это не столько в силу убеждений, сколько для того, чтобы на словах признавать эти реалии «холодной войны» или чтобы использовать их в качестве средств запугивания с целью выбить из Конгресса ассигнования. Даже в 1975 году президент Форд заявил Конгрессу, что нежелание голосовать за оказание помощи Южному Вьетнаму подрывает «доверие» к Америке как к надежному союзнику, каковое «необходимо для нашей национальной безопасности». Спустя два месяца Киссинджер тоже вернулся к этой теме, заявив на пресс-конференции, что если позволить Южному Вьетнаму обанкротиться, он в течение определенного периода будет представлять «фундаментальную угрозу безопасности Соединенных Штатов».

Примером чрезмерной реакции являются и фокусы, связанные с призрачной угрозой реализации «принципа домино», все эти бредовые картины дымящихся развалин, сдачи Тихоокеанского региона и отступления на рубежи Сан-Франциско, рассказы о таких «малых драконах», как неуловимый «Центральный совет Южного Вьетнама», и наконец паранойя, которая привела Белый дом к Уотергейту. В более серьезном отношении чрезмерная реакция ознаменовалась колоссальным растрачиванием американской мощи и ресурсов для достижения цели, которая по чудовищному недомыслию была включена в сферу национальных интересов. При рассмотрении данного вопроса имело место поразительное отсутствие здравого смысла. Еще в 1971 году генерал Риджуэй писал, что «не надо обладать большой проницательностью, чтобы понять... у Соединенных Штатов там нет никаких подлинно

жизненных интересов... и обязательство при необходимости принять крайние меры было грубым просчетом».

Второй глупостью оказалась иллюзия всемогущества, которая имела много общего с папской иллюзией неуязвимости; третья глупость состояла в тупоголовости и «когнитивном диссонансе»; четвертая в тактике «манипулирования рычагами», которая стала заменять здравомыслие.

Поддавшись иллюзии всемогущества, американские политики считали само собой разумеющимся, что при достижении поставленной цели, особенно в Азии, всегда можно сделать так, чтобы преобладающую роль играли твердые намерения и энтузиазм американцев. Основанием для этого предположения был энергичный характер создавшей себя нации, а также оставшееся со времен Второй мировой войны ощущение сверхкомпетентности и необычайной мощи. Если это и было «державным высокомерием», как выразился сенатор Фулбрайт, то явно не тем самым роковым высокомерием и чрезмерным расширением границ, погубившим Афины и Наполеона, а в XX столетии — Германию и Японию. Американцы не смогли понять, что у других народов существуют проблемы и конфликты, которые нельзя разрешить с помощью применения американской силы или американских методов — или даже с помощью американской благосклонности. «Строительство наций» оказалось самой дерзкой из всех иллюзий. Люди, заселившие Североамериканский континент, построили государство, протянувшееся от Плимутского камня и Вэлли-Фордж до крайнего Запада,

но собственный успех не научил их тому, что и в других местах только сами жители могут запустить этот процесс.

Недомыслие и ставшая привычной фраза «не сбивайте меня с толку этими фактами» являются распространенной повсюду глупостью, но никто и нигде не проявил ее так явно, как это сделали высшие эшелоны Вашингтона по отношению к Вьетнаму. Их крупнейшим просчетом оказалась недооценка заинтересованности Северного Вьетнама в достижении поставленной цели. Мотивация противника стала тем элементом, который был упущен в американских расчетах, и поэтому Вашингтон мог не придавать значения всем свидетельствам усиления националистических настроений и страстного желания добиться независимости, каковое, как еще в 1945 году объявил Ханой, «больше ничто не сможет сдержать». Вашингтон не принял во внимание предостережение генерала Леклерка, утверждавшего, что завоевание этой страны обойдется в полмиллиона жертв, и «даже тогда его нельзя будет осуществить». США пренебрегли демонстрацией стремительного натиска и мощи, с помощью которых в сражении при Дьен Бьен Фу была одержана победа над французской армией, оснащенной современным вооружением, а впоследствии упрямо игнорировали все прочие свидетельства.

Ответственные лица объясняют отказ Америки принимать в расчет непреклонную волю и способности противника незнанием вьетнамской истории, традиций и особенностей национального характера. По словам одного высокопоставленного чиновника, у них «в распоряжении не было соответствующих экспертов». Но о длительном сопротивлении вьетнамцев иностранному владычеству можно узнать из любой книги по истории

Индокитая. Тактичное наведение справок у представителей французской колониальной администрации, которые значительную часть своей жизни провели во Вьетнаме, восполнило бы недостаток опыта американцев. Даже поверхностное знакомство с этим регионом, когда оттуда стали поступать первые отчеты, позволяло получать заслуживающую доверия информацию. Не отсутствие знаний, а отказ верить свидетельствам и, что еще важнее, отказ придавать политическое значение какой-то там «четырёхразрядной» азиатской стране и признавать, что у нее есть своя неизменная цель, оказались определяющими факторами, почти как в случае с отношением британцев к американским колониям. Ирония истории неумолима.

Подобная недооценка была сопоставима с переоценкой Южного Вьетнама, потому что именно он получал выгоды от предоставления американской помощи, и потому что вашингтонское словоблудие ставило знак равенства между любой некоммунистической группировкой и «свободными» нациями. Так создавалась иллюзия, что люди, входящие в эту группировку, готовы сражаться за «свободу» с решимостью и энергией, которые должна вселять в них перспектива стать свободными. Это непреложный фактор нашей политики. Негармонирующие с ним свидетельства приходилось отвергать, поскольку в противном случае стало бы ясно, что вся политика построена на песке. Когда подобные расхождения меняли сложившееся отношение к противнику или сателлиту, старое, предвзятое отношение по закону глупости только усиливалось.

Одним из последних проявлений недомыслия было отсутствие размышлений о природе того, что мы делаем, об эффективности в отношении достижения поставленной цели, о соотношении возможного выигрыша с потерями и ущербом как для нашего союзника, так и для самих Соединенных Штатов. Отсутствие здравого смысла у руководства является еще одним повсеместным явлением, и в этой связи встает вопрос, нет ли в политической и бюрократической структуре современных государств такого механизма, который подавляет работу мысли, заменяя ее «манипулированием рычагами» не придавая значения рациональным ожиданиям. Похоже, эта перспектива в настоящий момент становится явью.

Самая долгая война в истории США подошла к концу. Из двухсотлетнего далека до нас едва доносятся слова графа Чатема, кратко сформулировавшего, как нация изменяет самой себе: «С помощью искусного жульничества, благодаря собственной доверчивости, посредством ложных надежд, ложной гордости и обещанных выгод самой романтической и невероятной природы». Современная трактовка этого явления была высказана конгрессменом из Мичигана Дональдом Риглом. В разговоре с одной супружеской парой из своего избирательного округа, которая потеряла во Вьетнаме сына, он вдруг со всей ясностью понял, что не может найти слов в оправдание гибели этого парня. «Я никак не мог им сказать, что случившееся проделано в их интересах — или в интересах нации или в чьих-то еще интересах».

ЭПИЛОГ

«ФОНАРЬ НА КОРМЕ»

Если общеизвестной истиной стал тот факт, что постоянно попадать в затруднительные положения неразумно, тогда отказ рассматривать причины подобного явления представляется важнейшим признаком недомыслия. Стоики считали, что рассудок является тем «светочем мысли», который указывает направление всему, что происходит на земле. Поэтому император или правитель государства считался «слугой Божественного Разума, назначенным поддерживать порядок на земле». Эта теория была весьма удобна, но потом, как, впрочем, и сейчас, «Божественный Разум» часто стали вытеснять иррациональные человеческие слабости: тщеславие, страх, честолюбие, стремление спасти репутацию, иллюзии, самообольщение, предубеждения. Хотя в основе человеческого мышления лежат логические построения (от предпосылок до заключений), это не защищает человека от его слабостей и страстей.

Именно рациональное мышление заставило троянцев заподозрить хитрость, когда они проснулись и обнаружили, что греческая армия исчезла, оставив под стенами их города только странное, гигантского размера чудище. Рациональное мышление должно было заставить их, по крайней мере, проверить этого коня на наличие спрятавшихся в нем врагов, что настойчиво советовали сделать старец Капис, Лаокоон и Кассандра. Такой

вариант был вполне осуществим, но его сбросили со счетов, что привело к самоуничтожению.

В случае с папами причина, возможно, менее очевидна. Они оказались настолько подвержены безумной алчности, стремлению все присваивать и беспредельному самодовольству, что были практически не в состоянии дать разумный ответ на запросы своих выборщиков. Это потребовало бы от них причастности культуре, у которой иные ценности. Можно предположить, что простой инстинкт самосохранения помог бы заметить рост неудовлетворенности, которая, подобно паводковой воде, уже плескалась у ног, но их взгляд на папство был вполне светским, и они были слишком заняты междоусобными войнами, потреблением благ и игрой на публику, чтобы такой нематериальный фактор, как недовольство, мог их встревожить. Причиной недомыслия папства было не столько иррациональное мышление, сколько полная отстраненность от стоявшей перед ним задачи.

Последующие меры, принятые как в отношении американских колоний, так и в отношении Вьетнама, были настолько безыскусно и предвзято обоснованы, настолько противоречили здравому смыслу, логическим умозаключениям и обоснованным рекомендациям, что как проявления недомыслия они говорят сами за себя.

В действиях правительства недостаточное здравомыслие является серьезным фактором, который оказывает воздействие на все, что находится в пределах его досягаемости: на граждан, на общество, на цивилизацию. Эта проблема вызывала глубокую озабоченность у греков, которые были основоположниками западной научной мысли. В своих

поздних пьесах Еврипид признавал, что загадку безнравственности и недомыслия больше нельзя объяснять внешними причинами, укусом богини зла Аты (словно она какой-то паук) или иным вмешательством богов. Людям приходилось противостоять этому как части своего бытия. Медея Еврипида понимает, что страсть владеет ею сильнее, чем та цель, которая перед ней стоит. Спустя почти пятьдесят лет Платон отчаянно желал, чтобы человек схватил и уже никогда не отпускал «священную золотую нить благоразумия», но в конце концов и ему пришлось признать, что такие же, как он сам, люди неотделимы от чувственной жизни и пляшут, словно марионетки, когда их дергают за нити желаний и страхов. Платон утверждал, что когда желание человека противоречит суждениям разума, он находится в состоянии душевного недуга. «А когда душа противится знанию, или мнению, или рассудку, поскольку это ее естественное право, я называю это недомыслием».

В отношении государственного управления Платон полагал, что мудрый правитель более всего будет заботиться о том, что он более всего любит, то есть о том, что более всего отвечает его собственным интересам, которые должны совпадать с насущными интересами государства. Поскольку Платон не был убежден в том, что власть всегда действует так, как ей надлежит действовать, он, в качестве подготовительной процедуры, советовал наблюдать за будущими хранителями государства в период их возмужания и подвергать испытаниям. Это должно было стать гарантией того, что они будут вести себя в соответствии с принятыми нормами.

С пришествием христианства личная ответственность отодвинулась на второй план, снова

уступив место внешним и сверхъестественным силам, находившимся в распоряжении Бога и дьявола. Очередная блестящая, но кратковременная эпоха правления разума началась в XVIII столетии, поскольку с тех пор как Фрейд воскресил в нашей памяти Еврипида и идею управления властью тьмы, скрытые силы нашей души, не являясь субъектами разума, уже не подчиняются ни добрым намерениям, ни рациональной воле.

Главной среди сил, оказывающих воздействие на политическое недомыслие, является жажда власти, которую Тацит называл «самой ужасной из всех страстей». Поскольку ее можно утолить только обладанием властью над другими, государство является ее любимой областью применения. Бизнес дает определенную власть только самым успешным представителям высших эшелонов делового мира, но не наделяет их владениями и титулами, красными коврами дорожками и эскортами мотоциклистов, то есть атрибутами государственной власти. Другие сферы человеческой деятельности, такие как спорт, наука, богословие, право, медицина, а также различные виды творческой деятельности и театральное искусство дают различные виды духовного удовлетворения, за исключением возможности обладать властью. Они могут быть привлекательными для честолюбцев, а знаменитостям предлагают поклонение толпы, лимузины и призы, но все это лишь внешние атрибуты власти, а не ее суть. Государственная власть остается высшей сферой распространения недомыслия, потому что именно оттуда люди пытаются подчинить других — для того, чтобы самим ей не подчиняться.

Томас Джефферсон, которому, в отличие от большинства людей, неоднократно приходилось занимать самые высокие посты, крайне мрачно высказывался на сей счет. «Всякий раз, когда человек бросает алчущие взгляды на какую-либо должность, — писал он своему другу, — его поведение начинает становиться мерзким». Возможно, что его современник, живший на другом берегу Атлантики Адам Смит, занимал еще более критическую позицию. «И таким образом, на получение должности... уходит добрая половина человеческой жизни; и это является причиной всех волнений и столкновений, всех грабежей и несправедливостей, которые алчность и честолюбие привнесли в этот мир». Оба великих деятеля прошлого говорили о низких моральных качествах, а не о компетенции. Когда моральные качества одних государственных деятелей выносятся на обсуждение, другие государственные деятели не дают им высокой оценки. В 30-е годы XX столетия, когда шли поиски кандидатуры на должность председателя Сенатской комиссии по расследованиям деятельности военной промышленности, один из лидеров сторонников мира обратился за советом к сенатору Джорджу Норрису. Исключив самого себя как слишком старого, Норрис, составив список коллег, стал вычеркивать их одного за другим, как слишком ленивых, слишком глупых, слишком тесно связанных с армией, морально неустойчивых или слишком загруженных работой, обладающих слишком слабым здоровьем, или имевших конфликт интересов, или относящихся к числу тех, кого скоро должны переизбрать. В конце концов оказалось, что он исключил всех, кроме сенатора Джеральда Найя, единственного из 96 человек, который, по его мнению, обладал компетенцией, независимостью

и прочими качествами, необходимыми для решения этой задачи. Во многом сходное мнение высказал генерал Эйзенхауэр в ходе дискуссии о необходимости найти лидеров, вдохновленных идеей создания Соединенных Штатов Европы, единственного, как виделось, способа сохранения безопасности Европы. Он не считал это возможным потому, что «все слишком осторожны, слишком напуганы, слишком ленивы и слишком амбициозны (в личном плане)». Странно и весьма примечательно, что такой недостаток, как лень, присутствует в обоих списках.

Еще более значительным мотивом для проявления недомыслия является чрезмерная власть. После того как у Платона сформировалось удивительное представление о государстве как о республике, которой правят философы-цари, у него стали возникать сомнения, и он пришел к заключению, что только законы могут служить гарантией от злоупотреблений. Он считал, что давать слишком много власти так же опасно, как поднимать слишком много парусов, но в окружающей его действительности от умеренности не осталось и следа. Чрезмерная власть приводит, с одной стороны, к нарушениям порядка, а с другой стороны — к проявлениям несправедливости. Ни одна человеческая душа не в состоянии противиться искушению обладать неограниченной властью, и нет «никого, кто при таких обстоятельствах не оказался бы во власти собственного недомыслия, этого худшего из недугов». Его царство будет разрушено изнутри, и «он лишится всей своей власти». Именно таким был удар судьбы, который лишил папство эпохи Возрождения половины, если не всей власти. То же самое случилось и с Людовиком XIV, правда, только после его смерти, а если мы, чтобы

подтвердить это правило, обратимся к истории американского президентства, то и с Линдоном Джонсоном, которому приписывали фразу «мои военно-воздушные силы» и который считал, что положение дает ему право лгать и вводить в заблуждение. Но самый наглядный пример — это, разумеется, Ричард Никсон.

Интеллектуальный застой или стагнация (отказ правителей и политиков реализовывать идеи, благодаря которым они пришли к власти) является благодатной почвой для безумия. Трагическим примером является роковая судьба Монтесумы. Лидеры системы государственного управления такого уровня, как Генри Киссинджер, не выходят за рамки тех убеждений, с которыми они пришли к власти. Эти убеждения являются «тем интеллектуальным капиталом, который они будут потреблять, пока находятся на своем посту». Такая способность, как извлечение знаний из опыта, почти никогда не используется на практике. Почему американским опытом оказания поддержки непопулярной в Китае партии не воспользовались во Вьетнаме? А опыт, полученный во Вьетнаме, нельзя было применить к Ирану? И почему никто из высокопоставленных деятелей не сделал правильных выводов и не уберег сегодняшнее правительство Соединенных Штатов от того скудоумия, которое оно выказало в Сальвадоре? «Если бы люди умели учиться на историческом опыте, какие уроки могла бы нам преподать история! — воскликнул незабвенный Сэмюел Колридж. — Но этому мешают наши страсти и партийная ограниченность нашего кругозора, а свет, который дает нам опыт, напоминает свет фонаря на корме, озаряющего лишь волны позади нас». Это прекрасный образ, но такое послание вводит в

заблуждение, потому что свет, озаряющий волны за кормой, должен позволить вынести суждение о природе волн впереди по курсу.

На первой стадии интеллектуального застоя устанавливаются принципы и границы, которые нельзя нарушать при решении той или иной проблемы. На второй стадии, когда появляются разногласия и нет возможности для нормальной деятельности, первоначальные принципы ужесточаются. Это период, когда в случае своевременного проявления благоразумия есть возможность переоценки, пересмотра взятого курса и его изменения, но подобные случаи — такая же редкость, как рубины на помойке. Ужесточение принципов ведет к увеличению вклада и возникновению потребности защищать собственные персоны. Число ошибочных политических решений умножается, но от них никогда не отказываются. Чем больше вклад и чем больше личное участие, тем более неприемлемым является выход из игры. На третьей стадии череда неудач настолько увеличивает размеры ущерба, что это приводит к падению Трои, падению папства, потере трансатлантических колоний и классическому унижению во Вьетнаме.

Упорство, с которым совершаются ошибки, является серьезной проблемой. Исполнители государственной власти продолжают идти по неверной дороге, словно покоровшись Мерлину, волшебством направляющему их шаги. В старинной литературе такие волшебники, как Мерлин, существуют, чтобы объяснять различные человеческие заблуждения и отклонения, но есть и свобода выбора, если, конечно, мы не признаем в бессознательном Фрейда нового Мерлина. Как написал один историк, который был поклонником Джона Ф.

Кеннеди, правитель будет оправдывать свое дурное или неверное решение тем, что «у него не было выбора». Но дело не в том, насколько мало могут отличаться друг от друга два возможных варианта, ведь всегда есть свобода выбора, с помощью которой можно внести изменения или полностью отказаться от непродуктивного курса, если, разумеется, лицо, принимающее политические решения, обладает достаточным мужеством, чтобы пойти на это, следуя своим нравственным принципам. Ведь он не является, как описано у Гомера, созданием, судьба которого уже predeterminedена прихотью богов. Однако признать ошибку, выйти из игры, изменить курс — все это самые невыносимые для государственной власти альтернативы.

Почти никогда не идет речь о том, чтобы глава государства признал ошибку. Своими злоключениями в период вьетнамской войны американцы обязаны тому обстоятельству, что у них были президенты, не обладавшие уверенностью в себе, необходимой для того, чтобы решиться на такой благородный поступок, как вывод из страны всех войск. Вновь обратимся к Берку: «Великодушные в политике не являются редкостью, но высочайшая мудрость, великая империя и мелкие умы плохо сочетаются друг с другом». Настоящим испытанием становится необходимость признать ошибку, когда упорство, с каким она совершается, уже нанесло ущерб тому, кто ее совершает. Государь, утверждает Макиавелли, всегда должен быть тем, кто великолепно умеет задавать вопросы и терпеливо выслушивать правду о том, о чем он уже спрашивал, и ему следует гневаться, если он видит, что кто-то не решается сказать ему правду. Именно в тех, кто умеет задавать вопросы, так нуждается государственная власть.

Отказ делать выводы из негативных признаков, часто называемый на страницах этой книги «тупоголовостью» и весьма широко в ней проиллюстрированный, был выявлен в самой пессимистической работе нашего времени — романе Джорджа Оруэлла «1984». Это то, что Оруэлл называл «краймстопом». «Краймстоп — это способность заблаговременно, словно благодаря инстинкту, подавлять любую, едва зародившуюся опасную мысль. Это понятие включает в себя власть, которая не проводит аналогий, не приемлет логические ошибки, неправильно понимает простейшие аргументы... и воспринимает со скукой и отвращением любой ход мыслей, который может увести в еретическом направлении. Короче говоря, краймстоп есть глупость, которая защищает».

Вопрос в том, может ли страна, и если может, то каким образом, оградить себя от этой защитной глупости в такой сфере, как выработка политики, что, в свою очередь, поднимает вопрос, возможно ли обучать государственному управлению. Проект Платона, включавший в себя воспитание и образование, так и не был опробован. Не слишком впечатляющими оказались и результаты весьма примечательной попытки, предпринятой представителями другой культуры. Суть этой попытки состояла в том, чтобы подготовить китайских мандаринов к выполнению административных функций. Этим мандаринам приходилось годами учиться и проходить через процедуру отсеивания в ходе серии сложных экзаменов, но даже успешное прохождение курса обучения не гарантировало, что они будут неподкупны и компетентны. В конечном счете их уделом становились упадок и неэффективность.

Рассмотрим еще один проект, который реализовали представители чуждой нам культуры. Турецкие янычары были получившей широкую известность военной структурой, входившей в состав более крупной организации (Капи куллари), т. е. института рабства, с помощью которого заполнялись все гражданские должности, от дворцового повара до великого визиря. Эта структура формировалась из христианских детей, которых отбирали у родителей, а потом воспитывали и обучали выполнению официальных функций турки. Возможно, это была самая совершенная система образования, но с юридической точки зрения они оставались обращенными в ислам рабами султана, которым запрещалось иметь семьи и владеть собственностью. Считалось, что, не испытывая воздействия отвлекающих факторов, они смогут полностью посвятить себя государству и его монарху, от которого они всецело зависели как в отношении оплаты, так и в отношении всего, что необходимо для жизни. Таким образом, султан получил организацию, состоявшую не только из первоклассных администраторов, но и из активных сторонников его абсолютизма. Хотя эта система давала превосходные результаты, она не спасла Османскую империю от медленного вырождения. Впрочем, и сама система не сумела себя спасти. Со временем эта военная организация стала получать все больше власти, нарушила запрет на вступление в брак и стала допускать передачу прав по наследству, сохранив за собой статус постоянного господствующего клана, а в конце концов бросила вызов самому монарху. Была предпринята попытка захватить власть в ходе открытого мятежа. Мятеж жестоко подавили, а вместе с ними были

уничтожены и остатки института рабства. Сам же великий султан впал в старческий маразм.

В Европе XVII столетия, после опустошительной Тридцатилетней войны, Пруссия, которая тогда еще была Бранденбургом, решила создать сильное государство с помощью дисциплинированной армии и подготовленной государственной службы. Чтобы компенсировать господствующее положение дворян в армии, кандидаты на должности государственной службы отбирались из числа людей незнатного происхождения, которые должны были пройти курс обучения, включавший в себя политическую теорию, законоведение и философию права, экономику, историю, педологию и законоположения. Только сдав разнообразные экзамены и выдержав испытательный срок, они получали окончательное назначение, сведения о сроке пребывания в должности и возможностях дальнейшего продвижения по службе. Высший уровень государственной службы имел особый статус и был закрыт для представителей среднего и нижнего уровней.

Прусская система оказалась настолько эффективной, что это государство сумело уцелеть и после военного поражения, нанесенного ему Наполеоном в 1807 году, и после революций 1848 года. Но к тому времени оно, подобно институту китайских мандаринов, стало терять былую гибкость, и многие из его самых прогрессивных граждан эмигрировали в Америку. Впрочем, прусская энергия нашла успешное применение в 1871 году, когда германские государства объединялись в империю, главенствующую роль в которой играла Пруссия. Но сам успех этого объединения нес в себе зачатки будущей гибели, потому что он стал благодатной почвой для высокомерия и жажды власти, которым в

период с 1914 по 1918 год суждено было разрушить государство.

Политическое потрясение заставило англичан обратить внимание на серьезную проблему. Ни потеря Америки, ни бурные волны Великой французской революции не смогли расшатать систему государственного управления, но в середине XIX столетия, когда шум недовольства низов становился все громче, революции, прокатившиеся по континенту, в 1848 году возымели свое действие. Вместо того чтобы впасть в панику и прибегнуть к реакционным действиям, а этого вполне можно было ожидать, власти, с достойной похвалы предприимчивостью, распорядились начать расследование деятельности собственного правительства, которое тогда фактически было частной лавочкой имущих классов. В результате появился доклад о необходимости создания постоянно действующей государственной гражданской службы, в основе деятельности которой будут лежать подготовка и специальные навыки сотрудников, а ее назначение будет состоять в том, чтобы постоянно обеспечивать и поддерживать принятие дальновидных решений, как в отношении текущих вопросов, так и в отношении политических страстей. После сильного сопротивления эта система была принята в 1870 году. Она породила выдающихся государственных служащих, но также Берджесса, Маклина, Филби и Бланта. История последних ста лет существования британской системы государственного управления говорит о том, что судьбу страны определяют факторы иные, нежели качество гражданской государственной службы.

В Соединенных Штатах гражданская государственная служба была учреждена главным

образом для того, чтобы препятствовать раздаче должностей и постов победившей на выборах партией и лоббированию конгрессменами местных интересов, а не в попытке создать идеальную систему. К 1937 году, обнаружив, что эта система не отвечает требованиям, настоятельно рекомендовали разработать «настоящую карьерную службу... для работы в которой потребовались бы представители самых высоких слоев общества, компетентные, превосходно подготовленные, лояльные, достигшие благодаря большому опыту высокого уровня квалификации в своих сферах деятельности и уверенные в преемственности». Несмотря на то что было приложено немало усилий и достигнут некоторый прогресс, эта цель все еще не достигнута, но даже будь она достигнута, это не оказало бы воздействия на выборных лиц и на тех, кто назначен на высокие должности, то есть на высший эшелон государственной власти.

В Америке, где выборный процесс становится все более зависимым от коммерческих технологий сбора средств и создания образа кандидата, мы можем, завершив цикл, вернуться к процессу отбора, который не принимает во внимание квалификацию, как тот процесс, который сделал Дария царем Персии. Геродот писал, что когда он и еще шесть заговорщиков свергли правившего деспота, они обсуждали, какой тип государственного управления следует установить: единоличную монархию или олигархию мудрейших. Дарий утверждал, что следует отдать предпочтение правлению одного человека и создать наилучшую систему государственного управления, избрав «лучшего во всем государстве мужа». Убежденная его доводами, эта группа согласилась выехать из города ранним утром следующего дня, договорившись, что тот, чья лошадь первой заржет

на рассвете, и должен стать царем. С помощью уловки одного смышленного конюха, который в решающий момент привязал кобылу, конь Дария заржал в нужное время, а его удачливый хозяин, который таким способом был избран «лучшим мужем», взошел на трон.

Факторы иные, чем случайный отбор, направляют влияние «светоча мысли» на решение государственных дел. В современных условиях для главы государства ограничивающим фактором являются слишком многие темы и слишком многие проблемы в слишком многих сферах государственного управления, что не позволяет ему обладать твердым пониманием каждой из них и дает слишком мало времени (лишь промежуток между пятнадцатиминутными назначениями и просмотром сводок объемом в тридцать страниц), чтобы разобраться. Это оставляет данную область открытой для «защитной глупости». Между тем, бюрократия, без всякого риска повторяющая сегодня то, чем она занималась вчера, продолжает делать это снова и снова, словно какой-то огромный компьютер, который после того, как в него проникла ошибка, до бесконечности ее повторяет.

Работать лучше аппарату государственного управления, прежде всего, мешает стремление служащих получить высокую должность. В нашей стране этот соблазн называют «потомакской лихорадкой». Бюрократ мечтает о продвижении по службе, чиновники более высокого уровня хотят расширить область своего влияния, законодатели и глава государства желают, чтобы их переизбрали; руководящий принцип этих гонок с преследованием состоит в том, чтобы порадовать как можно больше людей, а огорчить как можно меньше. Разумная государственная власть потребовала бы, чтобы лица, которым доверены высшие должности,

формировали и осуществляли политику, руководствуясь наилучшими соображениями, наиболее полными из всех доступных знаниями и взвешенной оценкой того, что будет наименьшим из зол. Но их мысли занимает будущее переизбрание, и это становится критерием.

Зная о том, что человеком часто управляют честолюбие, развращенность и эмоции, можно предположить, что в поисках более мудрой системы государственного управления сначала следует найти способ проверки личностных характеристик. И это должен быть тест на наличие мужества следовать нравственным принципам. Монтень добавляет: «Решимость и бесстрашие — не то, что формируется благодаря честолюбию, а то, что мудрость и рассудок могут вселить в упорядоченную душу». Подобным критерием руководствовались лилипуты Свифта при выборе кандидатов на государственные должности. «Они больше считались с хорошими нравственными качествами, нежели с выдающимися способностями, поскольку они убеждены, что с тех пор как государственная власть стала необходимой для человечества... Провидению никогда не было угодно делать из управления государственными делами тайну, постижимую лишь немногими личностями величайшего гения, ведь редко бывает так, что хотя бы трое из них родились в одном веке, — сообщал Гулливер. — Они полагают, что правда, справедливость, сдержанность и тому подобное есть в каждом человеке: постоянное применение таких добродетелей, осуществляемое благодаря опыту и добрым намерениям, наделяло бы любого человека правом поступить на службу своей страны, за исключением тех сфер, где требуется пройти курс обучения».

Если такие добродетели действительно по силам каждому человеку, то в нашей системе они дают меньше шансов одержать победу на выборах, чем деньги и непомерное честолюбие. Проблема, возможно, не столько в обучении чиновников для работы на государственной службе, сколько в обучении избирателей распознавать порядочного человека и отдавать ему должное и отбрасывать всевозможные суррогаты. Возможно, в лучшие времена и хороших людей рождается гораздо больше, а более мудрая государственная власть требует оказания поддержки поступательно развивающемуся, а не обеспокоенному проблемами и загнанному в тупик обществу. Если Джон Адамс был прав и государственная власть «сейчас ненамного опытнее, чем она была три или четыре тысячелетия тому назад», тогда у нас нет оснований ожидать значительных улучшений. Мы можем только попусту тратить время, как делали это на протяжении тех же самых трех или четырех тысяч лет, проходя через сменявшие друг друга периоды великолепия и упадка, великих стремлений и уныния.

ИСТОЧНИКИ И ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Полужирным выделен упоминаемый в тексте факт или участник описываемых событий.

Глава первая

1. **Джон Адамс**: Letter to Thomas Jefferson, 9 July 1813, in the Adams-Jefferson Letters, ed. L. J. Cappon, Chapel Hill, 1959, II, 351.

2. **Английский историк**: Denys A. Winstanley, Lord Chatham and the Whig Opposition, Cambridge, 1912, 129.

3. **Платон о царях-философах**: Republic, V, 473.

4. **Историк о Филиппе II**: Encyclopaedia Britannica, 14th ed., anon.

5. **Оксеншерна**: Bartlett's Familiar Quotations.

6. **Иеровоам**: I Kings 11:43, 12:1 and 4; II Chronicles 9:31, 10:1 and 4.

7. **Екклезиаст**: Ecclesiasticus (Book of Sirach) 48:6.

8. **Монтесума**: William H. Prescott, The Conquest of Mexico, New York, 1843; C. A. Burland, Montezuma, New York, 1973.

9. **Тринадцать мушкетеров**: New Cambridge Modern History, 1,442.

10. **Визиготы**: Dr. Rafael Altamira, «Spain Under the Visigoths,» in Cambridge Medieval History, II, chap. 6.

11. **Солон**: Plutarch's Lives.
12. **Шлезингер**: The Birth of a Nation, New York, 1968, 245—6.
13. **Вольтер**: M. A. François, The Age of Louis XIV, Everyman ed., New York, 1966, 408.
14. **Людовик XIV**: G.R.R. Treasure, Seventeenth Century France, New York, 1966, 368.
15. **Предостережение дофина**: G. A. Rothrock, The Huguenots: Biography of a Minority, Chicago, 1973, 173.
16. **Комментарий Сен-Симона**: Memoires in Sanche de Gramont, The Age of Magnificence, New York, 1963, 274.
17. **Гугеноты присоединяются к Вильгельму**: Estimate submitted to the King by Marshal Vauban in 1689; Rothrock, op. cit., 179.
18. **Французский историк о «великом отказе»**: Picavet in La diplomatic au temps de Louis XIV, 1930; q. Treasure, op. cit., 353.
19. **Эмерсон**: Journals, 1820—72, Boston, 1909—14, IV, 160.
20. **Карл X — дровосек**: Alfred Cobban, A History of Modern France, 2 vols., Penguin ed., 1961, II, 72.
21. **300 франков**: ibid., II, 77.
22. **Обращение к канцлеру**: Fritz Fischer, Germany's Aims in the First World War, New York, 1967, 184—5.
23. **Бетман**: Speech in Reichstag, 10 Jan 1916, q. Hans Peter Hanssen, Diary of a Dying Empire, Bloomington, Indiana Univ. Press, 1955.

24. **«Задыхаясь в камышах»**: in Reichstag, 31 Jan 1917, q. Hanssen, op. cit., 165.

25. **Гельферрих**: official German Documents Relating to the World War, 2 vols., Carnegie Endowment for International Peace, New York, I, 150.

26. **Два банкира**: Max Warburg and Bernhard Dernburg, see Fischer, op. cit., 307.

27. **Циммерман**: Fischer, op. cit., 299.

28. **Конференция 9 января 1917 года**: A verbatim report of the conference is in German Documents, I, 340, 525; II, 1219—77, 1317—21.

29. **Бетман**: q. G. P. Gooch, Recent Revelations of European Diplomacy, London, 1927, 17.

30. **Рицлер**: q. Fritz Stern, The Responsibility of Power, ed. L. Krieger, and Stern, New York, 1967, 278.

31. **Адмирал Ямамото**: Gordon W. Prange, At Dawn We Slept, New York, 1981, 10, 15, 16.

32. **Адмирал Нагано**: from the diary of Marquis Kido, Lord Privy Seal, 31 July 1941, q. Herbert Feis, The Road to Pearl Harbor, Princeton, 1950, 252.

Глава вторая

Источники

Apollodorus. The Library [and Epitome]. 2 vols. Trans. Sir James George Frazer. London and New York, 1921.

Arnold, Matthew. «On Translating Homer» in the Viking Portable Arnold. New York, 1949.

Bowra, C. M. The Greek Experience. Mentor ed. New York, n.d. (orig. pub. 1957).

Dictys of Crete and Dares the Phrygian. The Trojan War. Trans. R. M. Frazer, Jr. Bloomington, Indiana Univ. Press, 1966.

Dodds, E. R. The Greeks and the Irrational. Berkeley, Univ. of California Press, 1951.

Euripides. The Trojan Women. Trans, with notes, Gilbert Murray. Oxford Univ. Press, 1915.

Finley, M. I. The World of Odysseus, rev. ed. New York, 1978.

Grant, Michael, and Hazel, John. Gods and Mortals in Classical Mythology. Springfield, Mass., 1973.

Graves, Robert. The Greek Myths. 2 vols. Penguin ed. Baltimore, 1955.

Grote, George. History of Greece. 10 vols. London, 1872.

Herodotus. The Histories. 2 vols. Trans. George Rawlinson. Everyman ed. New York.

Homer. The Iliad. Trans. Richmond Lattimore. Chicago, Univ. of Chicago Press, 1951.

Homer. The Iliad. Trans. Robert Fitzgerald. New York, 1974.

Homer. The Odyssey. Trans. Robert Fitzgerald. New York, 1963.

Kirk, G. S. The Nature of Greek Myths. Penguin ed. Baltimore, 1974.

Knight W.F.J. «The Wooden Horse at the Gates of Troy.» *Classical Quarterly*. Vol. 28, 1933, 254.

Macleish, Archibald. «The Trojan Horse,» in *Collected Poems*. Boston, 1952.

Macurdy, Grace A. «The Horse-training Trojans.» *Classical Quarterly* (O.S. 1923). Vol. XVII, 51.

Quintos of Smyrna. *The War of Troy*. Trans., with intro, and notes, Frederick M. Combellach. Norman, Oklahoma Univ. Press, 1968.

Snell, Bruno. *The Discovery of the Mind: Greek Origins of European Thought*. Cambridge, Mass., 1953.

Scherer, Margaret S. *The Legend of Troy in Art and Literature*. New York and London, 1963.

Steiner, George, and Fagles, Robert. *Homer: A Collection of Critical Essays*. Englewood Cliffs, N.J., 1962.

Virgil. *The Aeneid*. Trans. Rolfe Humphries. New York, 1951.

Глава третья

Источники

Наиболее содержательным источником сведений о папстве этого периода является работа «История римских пап в конце Средних веков» Людвиг фон Пастора в 14 томах, впервые опубликованная в Германии в 1880-х годах. Отметим также классическую работу Якоба Буркхардта «Культура итальянского Возрождения Ренессанса», изданную в Швейцарии в 1860 году.

Я неоднократно использовала ватиканские архивы; письма, дипломатическая переписка и прочие отчеты

цитируются по «Анналам Муратори»; другими основными источниками мне послужили дневник Бурхарда, церемониймейстера Александра VI и Юлия II, а также современные событиям исследования «*Storia d'Italia*» Гвиччардини, «*Storia d'Italia*» Франческо Веттори, «Государь» Макиавелли и «Жизнеописания» Вазари.

Aubenas, Roger, and Ricard, Robert. L'église et la Renaissance. Vol. 15 of Histoire de L'église. ed. A. Flieheand V. Martin. Paris, 1951.

Brian, Marcel. The Medici. Trans. New York, 1969.

Burchard, John. «Pope Alexander VI and His Court» (Extracts from the Latin diary of the Papal Master of Ceremonies, 1484–1506). ed. F. L. Glaser. New York, 1921.

Burckhardt, Jacob. The Civilization of the Renaissance in Italy. Vol. I. Colophon ed., New York, 1958.

Calvesi, Maurizio. Treasures of the Vatican. Trans. J. Emmons, Geneva, 1962.

Catholic Encyclopedia, 1907—12, and New Catholic Encyclopedia, 1967.

Chadwick, Owen. The Reformation. London, 1964.

Chamberlin, E. R. The Bad Popes. New York, 1969.

Chambers, David Sanderson. «The Economic Predicament of Renaissance Cardinals,» Studies in Medieval and Renaissance History. Vol III. Lincoln, Neb., 1966.

Coughlan, Robert. The World of Michelangelo: 1415–1564. New York, 1966.

Dickens, A. G. Reformation and Society in 16th Century Europe. New York, 1966.

- Erasmus, Desiderius.* The Praise of Folly. Trans. H. H. Hudson. Princeton, 1941.
- Funck-Brentano, Frantz.* The Renaissance. Trans. New York, 1936.
- Gilbert, Felix.* Machiavelli and Guicciardini. Princeton, 1965.
- Gilmore, Myron P.* The World of Humanism, 1453–1517. New York, 1958.
- Gregorovius, Ferdinand.* History of Rome, 13 vols. Trans. A. Hamilton. London, 1894–1902.
- Guicciardini, Francesco.* The History of Italy. Trans. S. Alexander. New York, 1969.
- Hale, J. R.* Renaissance Europe: 1480–1520. Berkeley, 1971.
- Hibbert, Christopher.* The House of Medici: Its Rise and Fall. New York, 1975.
- Hillerbrand, Hans J.* The World of the Reformation. New York, 1973.
- Howell, A. G. Ferrers.* S. Bernardino of Siena. London, 1913.
- Hughes, Philip.* A History of the Church. Vol III. New York, 1947.
- Huizinga, Johan.* Erasmus and The Age of the Reformation. Trans. New York, 1957.
- Jedin, Hubert.* A History of the Council of Trent. Vol I. Trans. London, 1957.
- Lees-milne, James.* St. Peter's. Boston, 1967.

Lopez, Roberts. The Three Ages of the Italian Renaissance. Boston, 1970.

Lortz, Joseph. How the Reformation Came. Trans. New York, 1964.

Machiavelli, Niccolo. The Prince and The Discourses. Modern Library ed. New York, 1940.

Mallett, Michael. The Borgias: The Rise and Fall of a Renaissance Dynasty. New York, 1969.

Mattingly, Garrett. Renaissance Diplomacy. Boston, 1955.

Mcnally, Robert E. Reform of the Church. New York, 1963.

Mitchell, Bonner. Rome in the High Renaissance: The Age of Leo X. Norman, Univ. of Oklahoma Press, 1973.

The New Cambridge Modern History. Vol I. The Renaissance: 1493–1520. Cambridge, 1957.

Oechsli, Wilhelm. History of Switzerland, 1499–1914. Trans. Cambridge, 1922.

Olin, John C. The Catholic Reformation: Savonarola to Ignatius Loyola, 1495–1540. New York, 1969.

O'Malley, John. «The Discovery of America and Reform Thought at the Papal Court in the Early Cinquecento,» in Fredi Chiapelli, ed., First Images of America. Vol I. Berkeley, 1976.

O'Malley, John. Praise and Blame in Rome: Renaissance Rhetoric, Doctrine and Reform in the Sacred Orators of the Papal Court, 1450–1521. Durham, N.C. Duke Univ. Press, 1972.

Owst, G. R. Preaching in Medieval England, 1350–1450. Cambridge, 1926.

Partner, Peter. «The Budget of the Roman Church in the Renaissance Period,» in Italian Renaissance Studies, ed. E. F. Jacob. London, 1960.

Partner, Peter. Renaissance Rome, 1500–1559. Berkeley, 1972.

Pastor, Ludwig Von. The History of the Popes from the Close of the Middle Ages. vols. V–IX. Trans, ed. F. I. Antrobus and R. F. Kerr, London and St. Louis, 1902–10.

Portigliatti, Giuseppe. The Borgias. New York, 1928.

Prezzolini, Giuseppe. Machiavelli. New York, 1967.

Ranke, Leopold Von. History of the Popes... in the 16th and 17th Centuries, 3 vols. Trans. London, 1847.

Ridolfi, Roberto. The Life of Niccolo Machiavelli. Trans. Chicago, 1954.

Rodocanachi, E. Histoire de Rome: Le pontificat de Jules II. Paris, 1928. Les pontificats d'Adrien VI et de Clement VII. Paris, 1933.

Routh, C.R.N., ed. They Saw It Happen in Europe, 1450–1600 (anthology of eyewitnesses' accounts). Oxford, 1965.

Schaff, Davids. History of the Christian Church, vol. 6. Grand Rapids, Mich., 1910.

Schevill, Ferdinand. The Medici. New York, 1949.

Schevill, Ferdinand. History of Florence. New York, 1961.

Todd, John M. The Reformation. New York, 1971.

De Tolnay, Charles. The Medici Chapel. Princeton, 1948.

Ullmann, Walter. A Short History of the Papacy in the Middle Ages. London, 1972.

Vasari, Giorgio. Lives of the Artists, ed. Betty Burroughs. New York, 1946.

Young, G. F. The Medici. Modern Library ed. New York, 1930.

Глава четвертая

Источники

Almon, John. Anecdotes of the Life of William Pitt, Earl of Chatham. 3 vols. London, 1793.

Barrington, Shute, Bishop of Durham. The Political Life of William Wildman, Viscount Barrington, by his brother;. London, 1814.

Burke, Edmund. Correspondence, ed. C. W. Fitzwilliam and R. Bourke. 4 vols. London, 1844.

Burke, Edmund. Speeches and Letters on American Affairs, ed. Canon Peter Mckevitt. London, 1961 (orig. 1908).

Burke, Edmund. Writings and Speeches. 12 vols. Boston, 1901. Chesterfield, Philip Stanhope, 4th Earl. Letters, ed. Bonamy Dobrae. 6 vols. London, 1932.

Delany, Mary Granville. Autobiography and Correspondence, ed. Lady Llanover. 6 vols. London, 1861—62.

Fitzmaurice, Lord Edmond. Life of William, Earl of Shelburne. 3 vols. London, 1876. (includes letters and diaries.)

Franklin, Benjamin. Autobiography, ed. John Bigelow. Philadelphia, 1881.

Franklin, Benjamin. Letters and Papers of Benjamin Franklin and Richard Jackson, 1753—85. ed. Carl van Doren. Philadelphia, 1947.

George in. Correspondence, 1760—1783. ed. Sir John Fortescue. 6 vols. London, 1927—28. (All citations refer to this edition unless otherwise noted.)

George. Correspondence of, with Lord North, ed. W. Bodham Donne. 2 vols. London, 1867.

Grafton, Augustus Henry, 3rd Duke. Autobiography and Political Correspondence, ed. Sir William Anson. London, 1898.

Hansard. Parliamentary History of England. 36 vols. London, 1806—20.

Pitt, William, Earl of Chatham. Correspondence, ed. William S. Taylor and John H. Pringle. 4 vols. London, 1838—40.

Rockingham, Charles, 2nd Marquess. Memoirs, ed. Earl of Albemarle. 2 vols. London, 1852.

Stevens, B. F. Facsimiles of Mss in European Archives Relating to America. 25 vols. London, 1889—95.

Walpole, Horace. Memoirs of the Reign of George III. ed. Denis le Marchant. 4 vols. London, 1845.

Walpole, Horace. Last Journals, 1771—83. 2 vols. London, 1859.

Walpole, Horace. Correspondence, ed. Wilmarth Lewis. 48 vols. New Haven, Yale Univ. Press, 1937—83.

Второстепенные источники

Allen, H. C. Great Britain and the United States: A History of Anglo-American Relations, 1783–1952. New York, 1955.

Ayling, Stanley. The Elder Pitt. New York, 1976.

Ayling, Stanley. The Georgian Century, 1714–1837. London, 1966.

Bailyn, Bernard. The Ideological Origins of the American Revolution. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1967.

Bailyn, Bernard. The Ordeal of Thomas Hutchinson. Harvard Univ. Press, 1974.

Bargar, B. D. Lord Dartmouth and the American Revolution. Columbia, Univ. of South Carolina Press, 1965.

Beer, George L. British Colonial Policy, 1754—65. Gloucester, Mass., 1958.

Beloff, Max. The Age of Absolutism, 1660–1815. London, 1966 (orig. 1954).

Beloff, Max. The Debate on the American Revolution, 1761–1783. London, 1949.

Bonwick, Colin. English Radicals and the American Revolution. Chapel Hill, Univ. of North Carolina Press, 1977.

Boulton, James T. The Language of Politics in the Age of Wilkes and Burke. London, 1963.

Brewer, John. Party Ideology and Popular Politics at the Accession of George III. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1976.

Brooke, John. King George III. New York, 1972.

Brougham, Henry, Lord. Historical Sketches of Statesmen in the Time of George III. 2 vols. Philadelphia, 1839.

Brown, Weldon A. Empire or Independence; a Study in the Failure of Reconciliation, 1774–1783. Baton Rouge, Louisiana State Univ. Press, 1941.

Butterfield, Sir Herbert. George III and the Historians. New York, 1959 (orig. 1936).

Clark, Dora Mae. British Opinion and the American Revolution. New Haven, Yale Univ. Press, 1930.

Opeman, Dr. W.S.C. A Short History of the Gout. Berkeley, Univ. of California Press, 1964.

Deny, John W. Charles James Fox. New York, 1972.

Dictionary of National Biography. 22 vols. London, 1908—.

Feiling, Keith Grahame. The Second Tory Party, 1714–1832. London, 1938.

Foster, Cornelius. Charles Townshend and his American Policy. Providence, R.I., 1978.

Gipson, Lawrence H. The British Empire Before the American Revolution. 15 vols. New York, 1958—70.

Griffith, Samuel B, II. In Defense of the Public Liberty: Britain, America and the Struggle for Independence, 1760—81. New York, 1976.

Guttridge, G. H. English Whiggism and the American Revolution. Berkeley, Univ. of California Press, 1942.

Harlow, Vincent T. The Founding of the Second British Empire, 1763–1793. Vol. 1. London, 1952.

Hinkhouse, Fred J. The Preliminaries of the American Revolution as Seen in the English Press, 1763—75. New York, Columbia Univ. Press, 1926.

Hoffman, Ross J. S. The Marquis; a Study of Lord Rockingham, 1730–1782. New York, 1973.

Hyams, Edward. Capability Brown. New York, 1971.

Jarrett, Derek. England in the Age of Hogarth. New York, 1974.

Jesse, John Heneage. Memoirs of the Life and Reign of George III. 3 vols. London, 1867.

Knollenberg, Bernhard. Origin of the American Revolution: 1759–1766. New York, 1960.

Knollenberg, Bernhard. Growth of the American Revolution: 1766–1775. New York, 1975.

Labaree, Benjamin W. The Boston Tea Party. New York, 1964.

Laver, James. The Age of Illusion: Manners and Morals, 1750–1848. New York, 1972.

Lecky, William E. H. History of England in the 18th Century, vols. III & IV. London, 1921 & 1923.

Macaulay, Thomas Babington, Lord. «William Pitt, Earl of Chatham,» in two parts, Critical and Historical Essays, vols. II & III. Boston, 1901.

Mackesy, Piers. The War For America, 1775–1783. Cambridge, Mass., 1964.

Mead, William E. The Grand Tour in the 18th Century. Boston and New York, 1914.

Miller, John C. Origins of the American Revolution. Stanford Univ. Press, and London, 1959 (orig. 1943). (All citations from Miller refer to this book unless otherwise noted.)

Miller, John C. The Triumph of Freedom. Boston, 1948.

Mingary, G. E. English Landed Society in the 18th Century. London, 1963.

Morgan, Edmund S. Birth of the Republic, 1763—89. Chicago, Univ. of Chicago Press, 1956.

Morgan, Edmund S. The Gentle Puritan: A Life of Ezra Stiles, 1727—95. New Haven, Yale Univ. Press, 1962.

Morgan, Edmund S. and Morgan, Helen. The Stamp Act Crisis. Chapel Hill, Univ. of North Carolina Press, 1953.

Mumby, Frank A. George III and the American Revolution. London, 1923.

Namier, Sir Lewis. The Structure of Politics at the Accession of George III. 2nd ed. London, 1957.

Namier, Sir Lewis. England in the Age of the American Revolution. London, 1961 (orig. 1930).

Namier, Sir Lewis. Crossroads of Power; Essays On 18th Century England. New York, 1962.

Namier, Sir Lewis and Brooke, John. Charles Townshend. London, 1964.

Nicolson, Harold. The Age of Reason, 1700–1789. London, 1960.

Olson, Alison G. The Radical Duke: Charles Lennox, Third Duke of Richmond. Oxford, 1961.

Pares, Richard. King George III and the Politicians. Oxford Univ. Press, 1953.

Plumb, J. H. England in the 18th Century, 1714–1815. London, 1950.

Plumb, J. H. Chatham. Hamden, Conn., 1965.

Plumb, J. H. In the Light of History. Boston, 1973.

Ritcheson, Charles R. British Politics and the American Revolution. Norman, Univ. of Oklahoma Press, 1954.

Robertson, Sir Charles Grant. Chatham and the British Empire. London, 1946.

Sachse, William L. The Colonial American in Britain. Madison, Univ. of Wisconsin Press, 1956.

Sainsbury, John. «The Pro-americans of London, 1769 To 1782.» William and Mary Quarterly. July 1978, 423–54.

Schlesinger, Arthur, Sr. The Colonial Merchants and the American Revolution, 1773–76. New York, 1939.

Sherson, Errol H. S. The Lively Lady Townshend. New York, 1927.

Thomas, Peter D. G. British Politics and the Stamp Act Crisis. Oxford Univ. Press, 1975.

Trevelyan, Sir George Otto. The American Revolution. 3 vols. London, 1921–22.

Valentine, Alan. The British Establishment, 1760–1784; An Eighteenth Century Biographical Dictionary. 2 vols. Norman, Univ. of Oklahoma Press, 1970.

Valentine, Alan. Lord George Germain. Oxford, 1962.

Valentine, Alan. Lord North. 2 vols. Norman, Univ. of Oklahoma Press, 1967.

Van Doren, Carl. Benjamin Franklin. New York, 1952 (orig. 1938).

Watson, J. Steven. The Reign of George III. Oxford Univ. Press, 1960.

Wickwire, Franklin B. British Subministers and Colonial America, 1763–1783. Princeton Univ. Press, 1966.

Williams, Basil. The Life of William Pitt, Earl of Chatham. 2 vols. London, 1966 (orig. 1913).

Williams, Basil. The Whig Supremacy. Oxford Univ. Press, 1962 (orig. 1938).

Winstanley, Denys A. Lord Chatham and the Whig Opposition. Cambridge Univ. Press, 1912.

Дополнительная литература

Биографическими фактами я обязана «Установлениям Валентина» (иначе DNB). Постановления парламента цитируются по соответствующим томам из собрания Хансарда «Parliamentary History»: XVI (Jan 1765 — Nov 1770), XVII (Feb 1771 — Jan 1774), XVIII (Nov 1774 — Oct 1776), XIX (Jan 1777 — Dec 1778).

Глава пятая

Источники

Acheson, Dean. Present at the Creation. New York, 1969.

American Enterprise Institute. Vietnam Settlement: Why 1973, Not 1969? Rational Debate Series. Washington, D.C., 1973.

Anderson, Patrick. The President's Men. New York, 1968.

Austin, Anthony. The President's War: Tonkin Gulf Resolution. New York, 1971.

Ball, George W. The Past Has Another Pattern. New York, 1982.

Bundy, Mc George. «Vietnam, Watergate and Presidential Powers.» Foreign Affairs. Winter 1979/80.

Buttinger, Joseph. The Smaller Dragon: A Political History of Vietnam. New York, 1958.

Buttinger, Joseph. Vietnam: A Dragon Embattled. 2 vols. New York, 1967.

Chicago, University of, Center for Policy Studies. Vietnam: Which Way To Peace? Chicago, 1970.

Clifford, Clark. «A Vietnam Reappraisal.» Foreign Affairs. July 1969.

Cohen, Warren I. Dean Rusk (American Secretaries of State and Their Diplomacy, Vol. 19). Totowa, N.J., 1980.

Collins, J. Lawton, General. Lightning Joe: An Autobiography. Baton Rouge, 1979.

Congressional Quarterly Service. Congress and the Nation. Vol. III. 1969—72. Washington, D.C., 1973.

Cooper, Chester. The Lost Crusade: America in Vietnam. New York, 1970.

Council on Foreign Relations. American Dilemma in Vietnam: A Report on the Views of Leading Citizens in Thirty-three Cities, ed. Rolland H. Buskner. New York, 1965.

De Gaulle, Charles. Memoirs, (english ed.). 3 vols. New York, 1960.

Donovan, Robert J. Conflict and Crisis: The Presidency of Harry S. Truman, 1945—48. New York, 1977.

Douglas, William O. North from Malaya. New York, 1953.

Drachman, Edward R. United States Policy Toward Vietnam, 1940—45. Rutherford, N.J., 1970.

Dunn, Peter. An Interpretation of Source Materials for the Period September 1945 Until May 1946 in the Region of Cochinchina and South Annam. Unpublished Dissertation. School of Oriental Studies. Univ. of London.

Eisenhower, Dwight D. Diaries, ed. Robert H. Ferrell. New York, 1981.

Eisenhower, Dwight D. Mandate for Change, 1953—56. New York, 1963.

Eisenhower, Dwight D. Waging Peace, 1956—61. New York, 1965.

Ellsberg, Daniel. Papers on the War. New York, 1972.

Evans, Rowland, and Novak, Robert. Lyndon B. Johnson: The Exercise of Power. New York, 1966.

Ewald, William Bragg. Eisenhower, the President. Englewood, N.J., 1981.

Fall, Bernard. The Two Vietnams: A Political and Military Analysis. New York, 1967.

Fifield, Russell H. Americans in Southeast Asia: The Roots of Commitment. New York, 1973.

Fitzgerald, Frances. Fire in the Lake. Boston, 1972.

Franck, Thomas, and Weisband, Edward, eds. Secrecy and Foreign Policy. New York, 1974.

Fulbright, Senator J. William. The Vietnam Hearings. See U.S. Congress, Senate.

Galbraith, John Kenneth. A Life in Our Times. Boston, 1981.

Gelb, Leslie, and Betts, Richard K. The Irony of Vietnam: The System Worked. Washington, D.C., 1980.

Graff, Henry F. The Tuesday Cabinet. Englewood Cliffs, N.J., 1970.

Gurtov, Melvin. The First Vietnam Crisis: Chinese Communist Strategy and United States Involvement, 1953—54. New York, 1967.

Halberstam, David. The Best and the Brightest. New York, 1972.

Halle, Louis J. The Cold War as History. New York, 1967.

Hammer, Ellen J. The Struggle for Indo-China, 1940—1955. Stanford, 1966.

Hardin, Charles M. Presidential Power and Accountability. Chicago, 1974.

Harris, Louis. The Anguish of Change. New York, 1973.

Herring, George C. America's Longest War: The United States and Vietnam, 1950—75. New York, 1979.

Hilsman, Roger. To Move a Nation. New York, 1967.

Hoopes, Townsend. The Limits of Intervention. New York, 1969.

Hoopes, Townsend. The Devil and John Foster Dulles. Boston, 1973. (All references are to this book unless otherwise noted.)

Hull, Cordell. Memoirs. 2 vols. New York, 1948.

Isaacs, Harold R. No Peace for Asia. New York, 1947.

Kaplan, Fred. Wizards of Armageddon. New York, 1983.

Kearns, Doris. Lyndon Johnson and the American Dream. New York, 1976.

Kendrick, Alexander. The Wound Within: America in the Vietnam Years, 1945—74. Boston, 1974.

Kissinger, Henry. The White House Years. Boston, 1979.

Kraft, Joseph. «A Way Out in Vietnam.» Harper's. Dec 1964.

Kraft, Joseph. «Washington Insight.» Harper's. Sept 1965.

Kraslow, David, and Loory, Stuart H. The Secret Search for Peace in Vietnam. New York, 1968.

LaFeber, Walter. «Roosevelt, Churchill and Indochina: 1942—45». American Historical Review. Dec 1975.

Lake, Anthony, ed., Et Al. The Vietnam Legacy. New York, 1976.

Lancaster, Donald. The Emancipation of French Indo-China. London, 1961.

Leahy, Admiral William D. I Was There. New York, 1950.

Lewy, Guenter. America in Vietnam. New York, 1978.

Logue, Cal M., and Patton, John H. «From Ambiguity to Dogma: The Rhetorical Symbols of Lyndon B. Johnson on Vietnam», Southern Speech Communication Journal. Spring 1982, 310—29.

Macpherson, Harry. A Political Education. Boston, 1972.

Manning, Robert, Gen. ed. The Vietnam Experience: Vol. I, Setting The Stage By Edward Doyle and Samuel Lipsman; Vol. III, Raising the Stakes by Terence Maitland and Theodore Weiss. Boston, 1981—82.

Mansfield, Senator Mike. See U.S. Congress, Senate.

Marshall, D. Bruce. The French Colonial Myth. New Haven, 1973.

Mecklin, John. Mission in Torment: An Intimate Account of the United States Role in Vietnam. New York, 1965.

Milstein, Jeffreys. Dynamics of the Vietnam War. Columbus, Ohio, 1974.

Morgenthau, Hans J. Vietnam and the United States. Washington, D.C., 1965.

Myrdal, Gunnar. «With What Little Wisdom.» New York Times Magazine. 18 July 1965.

O'Donnell, Kenneth. «LBJ and the Kennedys.» Life. 7 Aug 1970.

Patti, Archimedes F. A. Why Viet-Nam? Berkeley, Univ. of California Press, 1981.

Pentagon Papers. See U.S. Department of Defense.

Powers, Thomas. The War at Home: Vietnam and the American People, 1964—68. New York, 1973.

Race, Jeffrey. «Vietnam Intervention: Systematic Distortion in Policy Making.» *Armed Forces and Society*. May 1976, 377—96.

Race, Jeffrey. «The Unlearned Lessons of Vietnam.» *Yale Review*. Winter 1977, 162—77.

Raskin, Marcus, and Fall, Bernard. The Vietnam Reader, Rev. ed. New York, 1967.

Reischauer, Edwin O. Wanted: An Asian Policy. New York, 1955.

Reischauer, Edwin O. Beyond Vietnam: The United States and Asia. New York, 1967.

Ridgway, General Matthew B. «Indochina: Disengaging.» *Foreign Affairs*. July 1971.

Ridgway, General Matthew B. Soldier. New York, 1956.

Riegle, Donald. O Congress. New York, 1972.

Roberts, Chalmers M. «The Day We Didn't Go To War,» in Raskin and Fall, q.v., originally from *The Reporter*. 14 Sept 1954.

Russett, Bruce M., and Stepan, Alfred. Military Force and American Society. New York, 1973.

Safire, William. Before the Fall: An Inside View of the Pre-Watergate White House. New York, 1975.

St. Louis Post-Dispatch. Richard Dudman et al. Special Supplement on Vietnam, 30 Apr 1975.

Salinger, Pierre. With Kennedy. New York, 1966.

Schandler, Herbert Y. The Unmaking of a President: Lyndon Johnson and Vietnam. Princeton, 1977.

Scheer, Robert. How the United States Got Involved in Vietnam. Santa Barbara, 1965.

Schlesinger, Arthur, Jr. A Thousand Days. Boston, 1965.

Sevareid, Eric. «The Final Troubled Hours of Adlai Stevenson.» Look. 30 Nov 1965.

Shaplen, Robert. The Lost Revolution. New York, 1966. (All references are to this book unless otherwise noted.)

Shaplen, Robert. The Road from War. New York, 1970.

Sharp, U. S. Grant, Admiral. Strategy for Defeat. San Rafael, Calif., 1978.

Shawcross, William. Sideshow: Kissinger, Nixon and the Destruction of Cambodia. New York, 1979.

Smith, R. Harris. Oss: The Secret History of America's First Central Intelligence Agency. Berkeley, Univ. of California Press, 1972.

Sorensen, Theodore C. Kennedy. New York, 1965.

Steel, Ronald. Walter Lippmann and the American Century. Boston, 1980.

Summers, Colonel Harry G. On Strategy: A Critical Analysis of the Vietnam War. Presidio, Calif., 1982.

Szulc, Tad. The Illusion of Peace: Foreign Policy in the Nixon Years. New York, 1978.

Taylor, General Maxwell D. Swords and Plowshares. New York, 1972.

Thompson, W. Scott, and Frizzell, Donaldson D., eds. The Lessons of Vietnam: A Colloquium in 1913—74 at Fletcher School of Law and Diplomacy on the Military Lessons of the Vietnamese War. New York, 1977.

Thomson, James C., Jr. «How Could Vietnam Happen?» the Atlantic. April 1968.

Thompson, W. Scott, and Frizzell, Donaldson D., eds. «Resigning from Government,» in Franck and Weisband, q. v.

Thome, Christopher. Allies of a Kind. London, 1978.

U.S. Congress, Senate, Committee on Foreign Relations, Mansfield, Senator Mike, Report of, On A Study Mission to the Associated States of Indo-China, Vietnam, Cambodia, Laos, 83rd Congress, 1st Session, 27 Oct 1953.

U.S. Congress, Senate, Committee on Foreign Relations, Mansfield, Senator Mike, Report of..., To Vietnam, Cambodia and Laos, 83rd Congress, 2nd Session, 15 Oct 1954.

U.S. Congress, Senate, Committee on Foreign Relations, Mansfield, Senator Mike, Report of..., To Vietnam, Cambodia and Laos, 84th Congress, 1st Session, 6 Oct 1955.

U.S. Congress, Senate, 89th Congress, 2nd Session. Hearings Before the Committee on Foreign Relations; Supplemental Foreign Assistance Fiscal Year 1966 — Vietnam, S. 2793 (Fulbright Hearings), Part I, pp. 1—743. (The Hearings were also published as a trade book by Random House with an introduction by Sen. Fulbright: The Vietnam Hearings, New York, 1966.)

U.S. Congress, 92nd, 2nd Session: Senate Committee on Foreign Relations. The United States and Vietnam: 1944—41. A staff study based on «The Pentagon Papers» by Robert M. Blum (cited as PP, Senate). USGPO, Washington, D.C., 1972.

U.S. Department of Defense. The Pentagon Papers: United States — Vietnam Relations, 1945–1967. Study prepared in twelve books by the Department of Defense and declassified for the House Armed Services Committee (cited as PP). USGPO, Washington, D.C, 1971.

U.S. Department of Defense. The Pentagon Papers: History of United States Decision Making on Vietnam, Senator Gravel edition. 4 vols, and Index volume. Boston, 1971—72. (Citations are from this edition unless otherwise noted.)

U.S. Department of Defense. The Pentagon Papers: as published by the New York Times. New York, 1971.

U.S. office of the Chief of Military History: Marcel Vigneras. Special Studies: Rearming The French. Washington, D.C., 1957.

U.S. State Department. Foreign Relations of the United States (annual). USGPO. Washington, D.C.

Vigneras, Marcel. See U.S. office of the Chief of Military History.

White, Ralph K. Nobody Wanted War: Misperception in Vietnam and Other Wars. New York, 1968.

White, Theodore. The Making of the President, 1968. New York, 1969.

Wicker, Tom. JFK and LBJ. New York, 1968.

Wilcox, Francis O. Congress, the Executive, and Foreign Policy. New York, 1971.

**Очевидцы и участники событий,
поделившиеся своими воспоминаниями:**

Джордж У. Болл

Лесли Гелб

Харрисон Солсбери

Макджордж Банди

Дэвид Халберстам

Билл Мойерс

Уильям Ф. Банди

Мортон Гальперин

Дэвид Шенбрунн

Майкл Форестолл

Карл Кейзен

Джеймс Томсон

Дж. К. Гэлбрейт

Роберт С. Макнамара

Эпилог

1. **«Слуга божественного разума»:** Morton Smith in Columbia History of the World, ed. John Garraty and Peter Gay, New York, 1972, 210.

2. **Платон:** Laws, I, 644—5, III, 689B.

3. **Тацит:** Annals, Bk XV, chap. 53.
4. **Джефферсон:** to Tench Coxe, 1799, q. Oxford Dictionary of Quotations, 3rd ed., 1980, 272, no. 11; Адам Смит: Theory of Moral Sentiments I, iii, 2, q. Oxford Dictionary of Quotations, 509, no. 8.
5. **Сенатор Норрис:** Wayne S. Cole, Senator Gerald P. Nye and American Foreign Relations, Minneapolis, 1962, 67; Эйзенхауэр: Diaries, for 11 June 51.
6. **Платон:** Laws, III, 691D.
7. **«Интеллектуальный капитал»:** Kissinger, 54.
8. **Колридж:** Oxford Dictionary of Quotations, 157, no. 20.
9. **«Выбора не было»:** Schlesinger, 538.
10. **«В политике...»:** Speech on Conciliation, 22 Mar 1775, Hansard, XVIII.
11. **«Краймстоп»:** Jeffrey Race, «The Unlearned Lessons of Vietnam,» Yale Review, Winter 1977, 166.
12. **История Дария:** Herodotus, Bk III, chaps. 82—6.
13. **Монтень:** Complete Essays, trans. Donald M. Frame, Stanford, 1965, II, 36.
14. **Лилипуты:** Jonathan Swift, Gulliver's Travels, Part One, chap. 6.

Примечания

1

Датировка широко дебатировалась; указанная дата сегодня признается более или менее достоверной после расшифровки критского линейного письма в 1952 году. — *Здесь и далее, за исключением указаний переводчика, примечания автора.*

2

Здесь и далее цитаты из «Энеиды» Вергилия в пер. С. Л. Ошерова.

3

Здесь и далее цитаты из «Илиады» Гомера в пер. Н. И. Гнедича.

4

Здесь и далее цитаты из «Одиссеи» Гомера в пер. В. В. Вересаева.

5

По другим версиям, причина войны связана с легендой о потопе, широко распространенной в Малой Азии; возможно, там случился разлив Евфрата, который нередко выходил из берегов. Намереваясь убрать негодных людей или, в соответствии с «Киприей», избавляя от излишнего бремени кормилицу-землю, Зевс решил устроить Илионскую войну с тем, чтобы смерть опустошила мир. Поэтому он и воспользовался ссорой

богинь из-за яблока. Еврипид заимствует эту версию, и Елена в его пьесе, названной в честь красавицы, говорит: «Фригийцев он войну зажег, чтоб мать освободить от населения — Землю — чрезмерного и чтобы лучший грек был славою отмечен» (пер. Ин. Анненского). Очевидно, эти легенды родились из понимания человеческого несовершенства.

6

У. Шекспир. «Юлий Цезарь». Пер. И. Б. Мандельштама.

7

Не считая того, кто правил 26 дней, и иностранца, занимавшего Святейший престол менее двух лет.

8

Пер. Р. И. Хлодовского.

9

Пер. П. К. Губера.

10

Существует предположение, что возражения торговцев звучали приглушенно, поскольку на этом этапе главный представитель колоний Бенджамин Франклин не забывал, что благодаря милости короны сам он занимает должность заместителя почтмейстера всех североамериканских колоний, а его сын — пост губернатора Нью-Джерси.

11

Много было написано о том, не было ли это первым проявлением психической болезни короля. Поскольку нового приступа не случилось до 1788 года, то есть в течение более чем двадцати лет, выходит, что король был психически здоров на протяжении всего американского конфликта.

12

«Справа» — не исторический термин, в те времена он не использовался, но он понятен современному читателю, а так как синонима я не подобрала, то и прибегла к нему здесь с нечистой совестью.

13

Расхождение между этой цифрой и тремя миллионами в речи Чатема в январе 1766 года может отражать неточное знание фактов или неточные парламентские отчеты, что являлось отличительной чертой того времени. Численность населения в колониях составляла примерно 2,5 миллиона человек.

14

Под часовней Святого Стефана имеется в виду здание парламента.

15

Джермейном он стал в 1770 году после получения наследства от друга семьи, носившего это имя.

16

Второго октября 1945 года лорд Луис Маунтбэттен, командующий британскими вооруженными силами на этом театре военных действий, докладывал в Объединенный комитет начальников штабов о том, что единственный способ, с помощью которого можно избежать вовлечения в конфликт британских/индийских вооруженных сил, — «продолжать использовать японцев для поддержания законности и порядка, а это значит, что я в течение еще трех месяцев не смогу приступить к их разоружению».

17

Есть мнение, что Рэдфорд хотел спровоцировать китайцев на ответные военные действия, чтобы они поспешно вступили войну с Соединенными Штатами еще до того, как Китай станет настолько сильным, что сможет угрожать американской безопасности. Его предложение о применении атомного оружия в Индокитае было в устной форме представлено помощником адмирала генералу Дугласу Макартуру, который тогда был советником при министерстве обороны и решительно высказался против этой идеи. «Если мы обратимся с этим к французам, — писал он Даллесу, — вся эта история, несомненно, получит огласку... и вызовет шум и крик в парламентах всех стран свободного мира», в частности, в странах-союзниках по НАТО, в особенности в Британии. Тогда от Америки начнут требовать заверений, что она не будет применять атомное оружие без консультаций с союзниками. К тому же советская пропаганда изобразила бы «наше желание использовать такое оружие в Индокитае как доказательство того, что мы испытывали оружие на местном населении». В приложенном к этому

документу комментарии одного из сотрудников Даллеса написано: «Госсек не хотел сейчас обсуждать этот вопрос с адм. Р., а последний, как я понял, не поднял его в беседе с госсеком».

18

Процитированное в двух научных работах, это заявление, о котором мистер Макнамара предпочитает не вспоминать, стало определяющим в ходе попыток выявить подтвержденный документами первоисточник. Оно включено в эту книгу, поскольку сейчас налицо сходная политическая обстановка, а последствия могут оказаться столь же серьезными, какими они были тогда.